ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Э. Н. БУРДЖАЛОВ

ИСТОРИЯ СССР

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ СЛУШАТЕЛЕЙ
ВПШ при ЦК ВКП(б)

Часть II

МОСКВА 1946

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Э. Н. БУРДЖАЛОВ

ИСТОРИЯ СССР

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ СЛУШАТЕЛЕЙ
ВПШ при ЦК ВКП(б)

Часть II

МОСКВА 1946

Данное учебное пособие по истории СССР (первая половина XIX века) представляет собой курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б).

Ответ. редактор **И. И. Розин**

Г 85095. Подписано к печати 8.2.47. Объем 29¼ п. л. Заказ 617

Отпечатано с матриц во 2-й типографии Управления Военного Издательства Министерства Вооруженных Сил Союза ССР им. К. Ворошилова

РАЗДЕЛ VI

РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И РОСТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ ЦАРИЗМА

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Рост торговли и промышленности

В конце XVIII и начале XIX вв. в передовых странах мира окончательно утвердился капитализм. Вслед за Англией—первой промышленной страной и «мастерской всего мира» — на капиталистический путь встала Франция, а затем и другие страны Европы. Наступила эпоха промышленного капитализма.

Россия в это время продолжала оставаться отсталой сельскохозяйственной страной, в которой господствовал феодально-крепостнический строй. Но элементы промышленного капитализма уже развивались в недрах этого строя, все больше подтачивая его основы. Отмирание старого и нарастание нового является законом развития. Новое, более прогрессивное должно было в конце концов победить.

В России в первой четверти XIX в. развивалась промышленность, шел процесс отделения промышленности от сельского хозяйства, и на этой основе росло общественное разделение труда. Все большее количество земледельческого населения переходило в разряд промышленного. Увеличивалось число рабочих на мануфактурах. Росло городское население. Ежегодно тысячи крестьян уходили на заработки в столицы, портовые и другие города.

Одновременно шел процесс хозяйственной специализации отдельных районов страны. В центральных нечерноземных губерниях (Московской, Владимирской, Тверской и др.) развивалась промышленность; в южных и западных губерниях — зерновое производство; в восточных и южных районах—скотоводство; на северо-западе — производство технических культур. Расширялось товарное производство в земледелии. Приобретало товарный характер ремесло.

Развитие общественного разделения труда вело к расширению внутреннего рынка. Рост промышленности и промышленного насе-

ления увеличивал спрос на хлеб, лен, пеньку, кожу, шерсть и другие сельскохозяйственные продукты. Усиление товарности земледелия расширяло требования на промышленные изделия. Хлеб, скот, масло, лошади, шерсть, мануфактура, металлические изделия и т. п. стали предметами оживленной торговли. Через скупщиков и торговцев промышленные и сельскохозяйственные товары поступали на отдаленные рынки и перевозились из конца в конец страны. По данным проф. Арсеньева, оборот внутренней торговли в России в начале XIX в. достигал 900 млн. рублей.

В связи с развитием торговли росли старые и возникали новые торговые центры. Не только города, но и многие села превращались в пункты крупной торговли. В селах Нижегородской губернии — Мурашкино, Ворсма, Лысково, Балахна и др.—продавались кузнечные, слесарные, оловянные изделия, платье, шапки, рукавицы, обувь, конская сбруя, кожа, посуда, хлеб, соль, овощи. Балахнинские купцы покупали персидские товары, хлеб и рыбу и на лодках везли их продавать в Петербург и Астрахань. В большой торговый центр вырос городок Моршанск, расположенный на левом берегу реки Цны, впадающей в Оку. «Здешние купцы и мещане, — писал современник,—производят торг шелковыми, бумажными, шерстяными материалами и полотнами, сахаром, чаем, винами, серебряными вещами, москательными, кожевенными и мелочными товарами, фарфоровой, глиняной, стеклянной посудою и разными изделиями. Некоторые торговцы, закупая в большом количестве привозимые из разных мест и окружных селений хлеб, сало, лен, пеньку, отправляют их на судах в Санкт-Петербург, Москву и другие города. Рогатый скот, покупаемый в Малороссии, также сбывают в разные города. Торг производится на сумму до 2 млн. рублей... На реке Цне при городе находится большая хлебная пристань, при которой на острове и по берегам расположены амбары, и из них привозимый из разных городов хлеб и прочие товары нагружают на новые барки и суда, приводимые из разных мест. От 150 до 200 судов отправляют весною полою водою вниз до городов Санкт-Петербурга, Москвы и других на значительную сумму. Рабочих бывает до 25 000 человек».

Большую роль во внутренней и отчасти внешней торговле играли тогда ярмарки. Во всей России их было около тысячи. Обычно ярмарки продолжались в течение нескольких недель. Для Сибири и поволжских районов особенно большое значение имела Ирбитская ярмарка, для Украины — Харьковская и Киевская контрактовая. Крупное всероссийское значение имела Макарьевская ярмарка. Вот что писал о ней современник И. Долгорукий: «Общее стремление к торговле, движение огромных капиталов, утонченный обман в оборотах, заготовление всего на всю Россию, словом, центр всех купеческих расчетов, — вот что такое Макарьевская ярмарка... Сюда Сибирь, Астрахань, Таврида, Польша, Архангельск, Киев привозят свои приобретения. Сюда со всей России ездят купцы скупать их и потом, развозя по своим губерниям, дорого берут

зимой с их жителей...». В 1817 г. эта ярмарка была перенесена из села Макарьево в Нижний-Новгород и уже в середине 20-х годов имела 40-миллионный годовой оборот.

Не случайно торговые города и ярмарки обычно располагались на берегах рек. Водные пути сообщения имели тогда решающее значение для развития торговых связей. Рост торговли вызывал необходимость совершенствовать их. В первое десятилетие XIX в. открылся ряд каналов, имеющих большое экономическое значение для страны: вступили в эксплоатацию Мариинская и Тихвинская системы, Северо-Двинский канал, соединивший Неву и Северную Двину, и Огинский, соединивший Неман с Днепром. В это же время происходят некоторые изменения в технике речного транспорта. Раньше большие грузовые суда на Волге тянулись силой бурлаков. Это был тяжелый, каторжный, но мало эффективный труд. Замечательный русский изобретатель Кулибин в первые годы XIX в. пытался заменить бурлацкую тягу силами природы, но его проекты не встретили тогда поддержки. В 1815 г. на заводе Берда в Петербурге был построен первый пароход. Через 5 лет после этого, в 1820 г., пароходы появились на Волге. Они положили начало пароходству на этом важнейшем водном пути, облегчив развитие торговли в нашей стране.

Внешняя торговля России занимала в хозяйственной жизни страны значительно меньшее место, чем торговля внутренняя. По вычислениям Арсеньева, оборот внутренней торговли превышал оборот внешней почти в 4 раза. Однако и внешняя торговля играла известную роль в разложении натурального феодального хозяйства в России, вовлекая его в мировой торговый оборот.

В 1801—1805 гг. ежегодный оборот внешней торговли равнялся 128 млн. руб., а в 1821—1825 гг. — 153 млн. руб. золотом, причем вывоз товаров из страны неизменно преобладал над ввозом. Росту внешней торговли России способствовал промышленный переворот, который произошел тогда в передовых странах Европы. На мировом рынке увеличился спрос на сельскохозяйственное сырье. Россия, не переживавшая промышленного переворота, выступала на мировом рынке как поставщик сельскохозяйственного сырья.

В первой четверти XIX в. хлеб еще не играл большой роли в русском вывозе. Преобладали такие сельскохозяйственные продукты, как лен, пенька, сало. Однако количество вывозимого хлеба неуклонно увеличивалось. В 1802—1807 гг. хлеб составил 18,7 проц. вывоза сельскохозяйственных продуктов, в 1816 — 1820 гг. — 31,2 процента. Ввозились в Россию главным образом промышленные товары: хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые ткани, красильные вещества, галантерея, сахар, вина и пр.

Россия торговала преимущественно с Англией. 91 проц. льна, 77 проц. сала, 73 проц. пеньки, вывозившихся из России, шло в Англию. Вместе с тем Россия была рынком сбыта английских товаров. Экономическая связь между этими двумя странами являлась наиболее крепким звеном в общей цепи мировой торговли.

Как сообщал французский посол Савари, все петербургское купечество «обязано своим благосостоянием торговле с Англией. Половина кораблей, входящих в Неву, носит британский флаг. Произведения английской промышленности распространены повсюду в России».

Торговля России с Англией на данной стадии экономического развития нашей страны имела положительное значение и способствовала развитию в ней товарного производства. Она вводила Россию в мировые хозяйственные связи. В дальнейшем же, по мере роста капиталистических отношений внутри России, экономическая связь с Англией начала приобретать иное значение. Промышленная Англия стала задерживать развитие русского капитализма и консервировала аграрный характер экономики России.

Так, в начале XIX в. товарно-денежные отношения все глубже проникали в экономику России. Они разлагали старый способ производства и были необходимой предпосылкой возникновения новых отношений.

Товарно-денежные отношения подрывали натуральные основы феодально-крепостнического хозяйства России и способствовали развитию капитализма.

Капитализм развивался прежде всего в промышленности. В. И. Ленин отмечал три стадии развития капитализма в промышленности: 1) мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские, промыслы), 2) капиталистическая мануфактура, 3) фабрика (крупная машинная индустрия). Между этими формами промышленности существовала самая непосредственная и тесная связь и преемственность. Из мелкого товарного производства возникала мануфактура; мануфактура перерастала в крупную машинную индустрию.

В России в первой четверти XIX в. были широко развиты мелкие крестьянские промыслы, работавшие на рынок. Иностранцы, посещавшие Россию в конце XVIII и начале XIX в., отмечали, что нигде не наблюдается такого разнообразия городских и сельских промыслов, как в России. «В России,—писал Петри,—крестьянин занимается не только земледелием, но по большей части и другими промыслами; очень часто земледелие играет даже в крестьянском хозяйстве второстепенную роль, а промыслы—главную, причем встречаются целые села, состоящие из одних ремесленников». Крестьяне пряли и ткали лен, вырабатывали деревянные изделия, занимались скорняжным, кожевенным, сыромятным, сапожным и другими промыслами. В некоторых селах обрабатывали железо. В селе Работницком все были кузнецами. В селе Безводном тянули проволоку. В селе Павлово вырабатывали металлические изделия. По свидетельству Шторха, там было «3 тысячи крестьян, которые вместе составляли как бы одну фабрику, хотя каждый работал на себя. Они выделывают висячие замки, ножницы, ножи, сабли, ружья, топоры и проч.». Павловские изделия распространялись по всей России. Владелец Павлова граф Шереметьев был недоволен

тем, что, занимаясь ремеслом, крестьяне забросили земледелие. В 1802 г. он предписывал понудить крестьян «сверх своего мастерства производить и хлебопашество».

Одним из крупных центров мелкой крестьянской промышленности являлась Московская губерния. Крестьяне некоторых московских сел были сплошь ремесленниками. Они имели по одному и более станов и работали со своим семейством и с помощью наемных людей на рынок или по заказам мануфактур. В одном уезде Московской губернии имелось более 300 ткацких станов для тканья шелковых и бумажных материй, несколько сот станов для тканья лент и т. д. Развитие мелких крестьянских промыслов вело к зарождению капиталистических отношений. Из общей массы крестьян-кустарей выделялись более зажиточные, применявшие наемный труд и концентрировавшие в своих руках средства производства. Появлялся скупщик, через которого мелкий производитель связывался с крупным рынком. Скупщик постепенно подчинял себе мелкого производителя. Кустарь фактически становился наемным рабочим, работающим у себя дома на капиталиста. Торговый капитал скупщика переходил в промышленный капитал. Возникала капиталистическая мануфактура.

В первой четверти XIX в. число мануфактур в России заметно выросло. По данным Туган-Барановского, в 1815 г. в России (не считая Польши, Финляндии, а также горных, винокуренных и пивоваренных заводов) насчитывалось 4 189 мануфактур. Через 10 лет — в 1825 г. — количество мануфактур возросло до 5 261. Эти данные, видимо, являются преувеличенными. Они взяты из источников официальной статистики, которая относила к числу мануфактур и мелкие предприятия. Типы мануфактур в России того времени были различные.

В первой четверти XIX в. в России продолжало возрастать абсолютное число помещичьих вотчинных мануфактур. Желая приспособиться к требованиям рынка, помещик заводил промышленные предприятия, используя для этого даровой труд своих крепостных. Эксплоатация на вотчинных мануфактурах была самая жестокая: барщина на фабрике была еще тяжелее, чем барщина на земле. Многие отмечали, что крепостных рабочих можно сравнить только с каторжниками. Н. Тургенев писал, что появление суконных и других фабрик было новым несчастием для бедного русского мужика: помещики помещали тысячи крепостных, преимущественно молодых девушек и мужчин, в жалкие лачуги и силой заставляли работать. Я вспоминаю, с каким ужасом говорили крестьяне об этих фабриках. Они говорили: «В этой деревне есть фабрика» с таким выражением, как если бы сказали: «В этой деревне есть чума». Производительность труда вотчинных мануфактур была очень низка.

На малопроизводительном принудительном труде была основана и посессионная мануфактура. Она сыграла определенную роль в развитии производительных сил в период расцвета крепостных

отношений, но к новым условиям была совершенно не приспособлена. Посессионная мануфактура становилась теперь тормозом промышленного развития. Посессионные рабочие были прикреплены к предприятию, составляя с ним неразрывное целое. Владелец посессионной мануфактуры не имел права раздроблять ее, продавать крестьян отдельно от нее, переводить их на другие предприятия, менять характер производства или сокращать его. Из года в год владелец мануфактуры должен был, не считаясь с требованиями рынка, изготовлять одни и те же продукты и выдавать определенную плату рабочим. В противном случае мануфактуры отбирались в казну. При таком положении, естественно, невыгодно было заводить новую технику.

Посессионная мануфактура становилась обременительной для самого владельца. Но правительство все еще держалось за старое. В 1802 г. было ограничено право покупки крестьян для фабрик и заводов. Впоследствии дали право посессионным фабрикантам изменять характер производства, увольнять рабочих или переводить их в другие заведения. Однако всякий раз для этого требовалось специальное разрешение правительства.

При таком положении вполне естественно, что в хозяйственной жизни страны приобретала все большее значение мануфактура капиталистическая, выраставшая главным образом из мелких крестьянских промыслов. Эта мануфактура, в отличие от посессионной и вотчинной, основывалась на вольнонаемном труде. Однако новые капиталистические отношения существовали здесь не в «чистом» виде, а причудливым образом переплетались со старыми. Вольнонаемные рабочие того времени не представляли собой пролетариев современного капиталистического общества; лишь в незначительной части это были мещане и городские ремесленники. Главную массу вольнонаемных рабочих составляли помещичьи и государственные крестьяне, отпущенные помещиком или волостным начальством на отхожие промыслы. В таком вольнонаемном оброчном рабочем воплотилось и новое и старое. С одной стороны, он принадлежал феодальному миру: обязан был выплачивать оброк помещику или казне и продолжал оставаться лично зависимым. В любой момент его могли вызвать обратно в деревню. С другой стороны, вольнонаемный оброчный рабочий уже принадлежал капиталистическому миру — его свободно нанимал фабрикант.

В первой четверти XIX в. быстро росли крупные центры крестьянской мануфактурной промышленности. Это были, по преимуществу, большие села, принадлежавшие отдельным помещикам, в которых из среды зажиточных кустарей-крестьян вырастали крупные мануфактуристы. К таким селам относились Павлово Нижегородской губернии, Кимры Тверской губернии и др. Особенно выросло в эти годы село Иваново Владимирской губернии, принадлежавшее графу Шереметьеву.

С 1803 г. здесь утвердилось ситце-бумажное производство. Бумажные ткани стали вытеснять холст и полотно. Производство

росло и ширилось. Крестьяне села Иваново, забросив земледелие, занялись торгово-промышленной деятельностью. Наиболее крупной фабрикой в Иванове была в это время фабрика Ямановского. Она имела несколько корпусов. Рабочих в ней было 1 500 человек.

В Иванове, как и в других местах, создавалось оригинальное положение. Крестьяне-мануфактуристы имели большое количество наемных рабочих, оставаясь сами крепостными. Граф Шереметьев собирал с таких крепостных фабрикантов по нескольку тысяч рублей оброка. Хозяин по отношению к своим рабочим, крестьянин-фабрикант являлся крепостным по отношению к помещику. Развивающийся капитал постепенно разрывал узы крепостных отношений. Крепостной мануфактурист стал пользоваться правом сделок, имел собственность, завещал ее по наследству и т. п., а впоследствии, заплатив большую выкупную сумму помещику, уходил на волю. Теснимые помещиком, крестьянские мануфактуристы и торговцы приобретали земли близ села Иваново. Рядом с крепостным селом вырастали Вознесенская, Дмитриевская и другие слободы-поселки растущей буржуазии и купечества.

Некоторые крестьяне-мануфактуристы за крупные суммы выкупались у помещиков на волю. В 1820 г. у помещика Рюмина выкупился знаменитый впоследствии текстильный фабрикант Морозов. Многие ивановские мануфактуристы выкупились у Шереметьева, заплатив ему в среднем по 20 тыс. рублей каждый. Так сквозь толщу крепостного строя пробивались новые капиталистические отношения.

Несмотря на то что крепостное право прикрепляло крестьян к земле, препятствовало созданию кадров свободной рабочей силы и проч., вольнонаемные мануфактуры росли и крепли и постепенно вытесняли мануфактуры вотчинные и посессионные. По данным Туган-Барановского, в 1807 году в России насчитывалось 95 тысяч рабочих, в 1825 году — 210 тысяч, а процент вольнонаемных рабочих увеличился за это время с 48 до 54. Однако нужно учесть, что в эти данные не вошли сведения о числе рабочих ряда отраслей промышленности, в том числе и такой крупнейшей, как металлургическая. Более точными следует признать еще неопубликованные данные ленинградского исследователя Злотникова. Они охватывают почти все отрасли производства. По этим данным в 1804 г. в России было 224 882 рабочих, а в 1825 году — 340 568. При этом процент вольнонаемных рабочих поднялся с 27,5 до 33.

Применение вольнонаемного труда в отдельных отраслях промышленности было неодинаково. В некоторых производствах, где вольнонаемный труд преобладал уже в начале XIX в., в течение первой четверти XIX в. его доля поднялась еще выше. Вольнонаемных рабочих в полотняной промышленности в 1804 г. было 60 проц., а в 1825 г. — 70,8 проц.; в хлопчатобумажной в 1804 г. — 83 проц., а в 1825 г. — 94,7 проц.; в шелковой — 73 и 83 процента. Но были и такие производства, где процент вольнонаемных рабочих был попрежнему невелик. В железном, чугун-

ном, стальном производствах вольнонаемных рабочих в 1804 г. было 28 проц., в 1825 г. — 22 проц., в писчебумажном производстве в 1804 г. было 22 проц., в 1825 г. — 24 проц., в суконном — 10 и 18 процентов.

Важно отметить, что отрасли промышленности, основанные на вольнонаемном труде, развивались быстрее, чем те, которые по-прежнему преимущественно использовали принудительный труд. В этом отношении особенно характерное положение сложилось в важнейшей отрасли промышленности — в железоделательном производстве, поставлявшем материал для машин, орудий и инструментов. Главным центром железоделательной промышленности России был в то время Урал. На заводах Пермской и смежных с нею губерний выплавлялось четыре пятых всего русского чугуна. Для развития железоделательной промышленности, казалось, условия были самые благоприятные. Правительство всячески покровительствовало ей: ввоз в Россию железа был запрещен; уральским заводчикам давались правительственные ссуды, к ним приписывались десятки тысяч крестьян и мастеровых. Все это содействовало росту русской металлургии в XVIII в. К концу этого века русская металлургия не уступала английской. Почти 3 млн. пудов железа вывозилось тогда из России за границу. Но в начале XIX в. положение стало иным. Техника чугунолитейного дела в России развивалась очень слабо. Производительность труда была низка. Ежегодная выплавка чугуна в России в первой четверти XIX в. почти неизменно оставалась на одном и том же уровне — 10 млн. пудов. А между тем другие страны, и прежде всего Англия, опираясь в это время на преимущества капиталистического способа производства, быстро двигали вперед свою металлургию. В то время как русская металлургия продолжала топтаться на одном месте, Англия увеличила к 1825 г. ежегодную выплавку чугуна до 37 млн. пудов. Пуд железа в России стоил намного дороже, чем в Англии. В таких условиях, естественно, вывоз железа из России сокращался. В 1820—1830 гг. он составлял лишь 1,3 млн. пудов.

Упадок уральской железоделательной промышленности вызывался одной важнейшей причиной. Как казенные, так и частные заводы Урала работали на принудительном труде прежних крестьян и мастеровых. Тот самый крепостной труд, который в XVIII в. содействовал развитию русской металлургии, теперь, наоборот, тормозил это развитие. «Главной причиной застоя Урала,—писал Ленин, — было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве» [1].

Совершенно противоположная картина наблюдалась в новой отрасли промышленности—в хлопчатобумажной. Железоделательная, суконная, писчебумажная и другие старые отрасли русской

[1] Ленин. Соч., т. III, стр. 377.

промышленности создались при содействии государства и удовлетворяли в первую очередь его нужды. Хлопчатобумажная промышленность возникла без помощи правительства и удовлетворяла спрос внутреннего рынка. Она быстро росла, хотя ей не давали субсидий и земельных участков и к ней не приписывали крестьян.

За первую четверть XIX в. количество хлопчатобумажных фабрик увеличилось вдвое, а число рабочих на них — почти в 8 раз. Фабрики эти использовали главным образом привозную пряжу. За 18 лет — с 1812 по 1830 г. — импорт хлопчатобумажной пряжи в Россию увеличился в два с половиною раза. С начала XIX в. в России делаются первые попытки наладить буматопрядильное производство из ввезенного хлопка-сырца. В 1812 г. в Москве действовало уже 11 бумагопрядилен.

Главной причиной быстрого роста хлопчатобумажной промышленности в России являлось то, что эта отрасль производства с самого начала своего возникновения основывалась на вольнонаемном труде. Благодаря этому производительность труда на хлопчатобумажных предприятиях была довольно высокой. Дешевые хлопчатобумажные ткани вытесняли другие текстильные изделия.

Хлопчатобумажная промышленность, как и все другие вольнонаемные предприятия в тогдашней России, не представляла собой крупной машинной индустрии. Она еще переживала мануфактурный период. Но передовая техника уже в первой четверти XIX в. стала проникать в русскую промышленность. В 1805 г. в хлопчатобумажной промышленности России был впервые введен паровой двигатель. В 1809 г. на Александровской мануфактуре появились первые английские льнопрядильные машины. Россия стала все больше ввозить из-за границы усовершенствованные инструменты, орудия и машины.

Так в недрах феодально-крепостнического строя России вырастали элементы промышленного капитализма. Вот почему именно в это время в России особенно возрос интерес к проблемам развития промышленности, живо обсуждались вопросы таможенной и финансовой политики и т. д. Должна ли Россия оставаться аграрной страной или вступить на путь более быстрого промышленного развития, — этот вопрос волновал тогда передовых людей России.

Наиболее решительным сторонником промышленного развития России был в то время один из крупнейших русских экономистов Н. С. Мордвинов, о взглядах которого мы еще будем говорить впоследствии. Мордвинов настаивал на необходимости запретить ввоз в Россию иностранных промышленных изделий или ограничить этот ввоз посредством высоких пошлин с тем, чтобы облегчить этим развитие собственной промышленности.

Мордвинова волновал главный вопрос — как ликвидировать экономическую и культурную отсталость России и обеспечить ее независимость. Он понимал, что это можно сделать лишь на основе развития промышленности. Земледельческий народ не может быть действительно независимым. Он «зависит от других держав по

удовлетворению первейшим его нуждам...». Он «лишен той степени уважения от иных земель, на которую каждый независимый народ имеет право». И вместе с тем земледельческий народ не может быть богатым. Введение «разнообразных ремесел и искусств» нужно для поднятия благосостояния населения. Мордвинов отмечал, что России нужен и земледелец, и ремесленник, и фабрикант, и заводчик, и купец, но он находил, что фабрикант и заводчик полезнее купца. «Народ, имеющий токмо земледельцев и купцов, коснеет в бедности». Мордвинов считал, что распространение фабричного производства нужно и для процветания самого земледелия. «Земледелец без ремесленника есть производитель грубый и неуспешный, обремененный игом трудов, по несовершенству орудий своих... В Англии земледелие оттого в цветущем состоянии, что там фабрики и ремесла в совершенстве».

Взгляды Мордвинова находили тогда значительную поддержку. В 1815 г. появилась брошюра: «Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры». Неизвестный автор этой брошюры опровергал все доводы противников создания мануфактур в России и защищал запретительную систему на ввоз иностранных промышленных товаров. «Государство, — писал он, — никогда не может быть счастливо, как в то время, когда оно само собой придет в состояние почти совершенно удовлетворять своим потребностям». В самом правительстве были также сторонники запретительной системы. К их числу можно отнести государственного канцлера графа Румянцева и министра внутренних дел Козодавлева. В записке, поданной царю, Козодавлев решительно высказался против введения тарифа, разрешавшего ввоз иностранных товаров, считая, что это приведет «к потрясению наших фабрик» и обратит Россию «к хлебопашеству, забывая, что их хлебопашество без фабрик процветать не может и что народ, занимающийся единственно земледелием, навсегда останется в нищете и невежестве... фабрики и мануфактуры наши истребятся, тысячи подданных наших разорятся и придут в нищету; употребленные на разные заведения капиталы, выданные из казны ссуды, все благотворные меры наши обратятся в ничто... когда же иностранцы увидят, что наши фабрики рушены, тогда обложат свои изделия ценою по своему произволу, и мы будем совершенно в их руках».

Но большинство представителей господствующего класса высказывалось тогда против протекционистской политики и создания собственной промышленности. Оно выступало в защиту свободы торговли и за сохранение земледельческого характера нашей страны. Органом сторонников свободной торговли — фритредеров — был в то время еженедельный журнал «Дух журналов», выходивший в 1815—1820 годах. Этот журнал резко критиковал взгляды Мордвинова и других протекционистов и всячески доказывал вредность запретительной системы. Фритредеры протестовали против форсирования развития русской промышленности

ч предлагали предоставить все естественному ходу вещей. Они опирались при этом на учение Адама Смита о естественных законах развития, на его теорию свободной торговли. На страницах «Духа журналов» помещались переводы из сочинений Смита, Сисмонди и других западноевропейских экономистов. Их передовые для того времени взгляды русские фритредеры использовали в реакционных целях. «Хлебопашество, скотоводство и овцеводство — вот наши промыслы!» — заявлял «Дух журналов».

Получалось своеобразное положение. Фритредеры в Европе были идеологами буржуазии. «Фритредеры» в России, за редким исключением, были идеологами реакционного дворянства. Они стремились оставить нашу страну сельскохозяйственной и тем самым увековечить ее отсталость. Высказываясь против создания в России фабричной промышленности, русские «фритредеры» нередко ссылались на пагубный опыт Запада. Они утверждали, что в то время как русский крестьянин обеспечен и живет «беззаботно и счастливо», европейский рабочий ведет нищенскую и несчастную жизнь.

На самом же деле русские «фритредеры» боялись, что развитие промышленности сократит их сельскохозяйственные доходы, а создание класса фабричных рабочих явится источником революционных потрясений в России. В 1818 г. «Дух журналов» писал: «Земледелец зарыл в землю зерно, но прозябания его и оплодотворения ожидает свыше... Земледельческий народ есть самый набожный, а также и самый миролюбивый, крепкий и благонравный. Он вместе и самый покорный царю... Мастеровой ничего не ожидает от бога, а всего от машины, и ежели господь не насылал на него болезни, то он едва ли бы когда вспомнил о боге. Сообщество нескольких сот или тысяч мастеровых, живущих и работающих всегда вместе, не имеющих никакой собственности, питает в них дух буйства и мятежа. Частые мятежи в английских мануфактурных городах служат тому доказательством».

Ход общественно-экономического развития был, однако, сильнее желаний отдельных групп и классов. В феодально-крепостной России первой четверти XIX в. развивались новые отношения, из которых уже стали формироваться классы капиталистического общества. Вопрос об ускорении этого развития не сводился только к протекционистской политике правительства, как думали тогда некоторые люди в России. Чтобы двинуть вперед русскую промышленность, надо было провести коренную ломку существующих отношений в сельском хозяйстве.

Состояние сельского хозяйства

Какие же отношения складывались в это время в сельском хозяйстве? Здесь попрежнему безраздельно господствовал крепостной строй.

Для России первой четверти XIX в. сохранили свое значение основные признаки крепостного хозяйства, отмеченные

Лениным: 1) господство натурального хозяйства; 2) наделение непосредственного производителя средствами производства и прикрепление его к земле; 3) личная зависимость крестьянина от помещика, внеэкономическое принуждение, и 4) крайне низкое, рутинное состояние техники. Вся частновладельческая земля произволом помещика делилась на барскую и крестьянскую. Помещичьи земли были лучшего качества и удобнее расположены. Тяжелые крепостнические повинности лежали на крестьянине, он работал примитивным инвентарем, таким же, каким работали его отцы и деды. Безраздельно господствовала трехполка; удобрения отсутствовали. Производительность труда в сельском хозяйстве была крайне низкой. Урожайность из года в год оставалась на одном и том же уровне. По данным П. Лященко в 1801—1810 гг. по 50 губерниям Европейской России урожайность составляла сам 3,5; в 1811—1820 гг. — сам 3,5; в 1821—1830 гг. — сам 3,4.

Но не все в сельском хозяйстве оставалось по-старому. В начале XIX в. в сельское хозяйство России стали проникать новые явления. Помещики все больше связывались с рынком и переходили на товарное производство. Это подрывало натуральные устои феодально-крепостного хозяйства. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима» [1].

С начала XIX в. в хозяйстве помещиков все бо́льшую роль стали играть денежные доходы. Некоторых помещиков охватила предпринимательская горячка. Так, например, помещик Межанов устраивал в это время винокуренные заводы, поставлял фураж казне, занимался солеварением, производил кредитные операции, отдавая деньги под залог и за проценты, а главное — почти втрое увеличил свою запашку, продавал и покупал десятки тысяч пудов хлеба. Хозяйство декабриста Лунина, расположенное в Кирсановском уезде Тамбовской губ., продавало на рынок 80 проц. урожая ржи, 80 проц. ячменя, 78 проц. гречихи, 42 проц. пшеницы и 36 проц. овса.

Переход на товарное производство выдвинул проблему повышения производительности труда и увеличения доходности сельского хозяйства. Помещики стремились теперь возможно большее количество хлеба и других сельскохозяйственных продуктов выбросить на рынок. «Дворяне, — писал Ю. Самарин, — почувствовали необходимость пристальнее заняться своими делами, увеличить свои доходы, обеспечить на будущее время верное их поступление». Они стремились добиться этого в рамках господствующей крепостной системы, не затрагивая ее основ, путем усиления крепостнической эксплоатации.

«Но вот вторгается товарное хозяйство, — пишет Ленин. —

[1] Ленин. Соч., т. III, стр. 140.

помещик начинает производить хлеб на продажу, а не на себя. Это вызывает усиление эксплуатации труда крестьян» [1].

Помещики различных губерний действовали при этом по-разному. Помещикам центральных черноземных губерний, Поволжья, юго-востока, Украины и пр. было выгодно вести собственное хозяйство. В этих районах преобладала барщина. Обработка барской запашки производилась крестьянским трудом, крестьянским скотом и инвентарем. В связи с стремлением помещиков повысить доходность своих хозяйств барская запашка все больше ограничивалась, а главное — резко увеличивалась за счет крестьянской. В барщинных хозяйствах центральных черноземных губерний доля помещичьей земли составляла не менее 50 проц. всей удобной земли. В некоторых случаях помещики вовсе уничтожали крестьянскую запашку и превращали крепостного крестьянина в раба, обязанного все время работать на помещика. Это называлось месячиной, так как в таком случае помещик выдавал крестьянину месячный продуктовый паек.

Но и там, где у крестьянина оставалось собственное хозяйство, а это было в подавляющем большинстве случаев, барщина в летнее время доходила до 5—6 дней в неделю. По свидетельству Н. Тургенева, Тучкова и др. в Тульской, Рязанской и других губерниях крестьянину нередко оставляли для работы в своем хозяйстве лишь один день в неделю — воскресенье. Впрочем, бывало и так, что и в воскресенье он работал на помещика; свой хлеб приходилось убирать ночью. Барщина не ограничивалась полевыми работами. Крестьяне обязаны были выполнять всякого рода строительные и земляные работы, выделывать холст, шерсть и пр., а также работать на промышленных предприятиях, которые в это время заводили помещики. Очень тяжелой для крестьян была так называемая подводная повинность: крестьяне обязаны были на своих подводах отвозить помещичий хлеб на рынок. В первой четверти XIX в. помещики нередко вывозили свой хлеб на отдаленные крупные рынки — в Москву, Петербург, портовые города и пр., чтобы продать там хлеб наиболее выгодно. Крестьяне везли помещичий хлеб за 500 и более верст. Зимой это отнимало до 30 проц. рабочего времени крепостных крестьян.

Если в черноземных губерниях помещики расширяли свою запашку и усиливали барщину, то в нечерноземных губерниях они и теперь считали невыгодным заводить большое собственное хозяйство. Там помещики стремились увеличить свои доходы посредством оброка. Размер оброка неизменно возрастал, причем натуральный оброк все больше заменялся денежным. В конце XVIII в. оброк в среднем равнялся 5 рублям с души. К концу первой четверти XIX в., по мнению некоторых исследователей, он поднялся до 30 руб. с души. Такой оброк вовсе не соответствовал доходности крестьянского хозяйства, а определялся произво-

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 350.

лом помещика, который стремился получить от крестьян как можно больше продуктов или денег. Оброк извлекался из доходов земледельческого труда крестьянина и всех его подсобных заработков. Не будучи в состоянии выплатить оброк и прокормить себя, занимаясь только сельским хозяйством, крестьяне нечерноземных губерний шли на отхожие промыслы, в города на фабрики или занимались торговлей и ремеслом.

Так, посредством увеличения барщины и оброка русские помещики в первой четверти XIX в. пытались повысить доходность своих хозяйств и приспособиться к условиям расширяющегося рынка. Однако эти крепостнические методы не могли служить основой для действительного роста земледелия в России. Производительность труда и урожайность сельского хозяйства оставались низкими. Оно попрежнему базировалось на примитивном крестьянском инвентаре. Больше того, усиление крепостнического гнета, увеличение барщины и оброка вели к разорению крестьян и тем самым разрушали основные производительные силы сельского хозяйства. Декабрист А. Якубович писал: «Вся тягость налогов и повинностей, разорительное мотовство дворянства, все лежит на сем почтенном, но несчастном сословии. Россия богата всеми произведениями земли, всеми климатами, от знойной Апшерони до льдов Лапландии, от Бессарабии до Сибири; на таком пространстве чего не вмещает в себе сей необъятный колосс! Но нет твердых законов, взаимной доверенности, удобного сообщения, промышленности, следовательно, нет видных капиталов и денег в обороте».

Некоторые помещики пытались в то время найти выход из создавшегося положения и повысить доходность своих хозяйств посредством технико-агрономических усовершенствований. В начале XIX в. интерес к проблемам ведения сельского хозяйства сильно возрос. Часть русских помещиков стала увлекаться западноевропейскими, особенно английскими образцами ведения сельского хозяйства. Появилась большая агротехническая литература, проповедывавшая необходимость перехода с трехполья на так называемую плодосменную систему, применения удобрений и введения сельскохозяйственных машин.

Все эти новые веяния особенно широко распространялись двумя обществами, в которых объединилась наиболее прогрессивная часть помещиков, — Вольноэкономическим обществом, существовавшим в Петербурге, и обществом сельского хозяйства, существовавшим в Москве. Вольноэкономическое общество, насчитывавшее в то время свыше 800 членов, проводило особенно большую пропаганду агротехнических знаний.

Дело не ограничивалось одной пропагандой. Многие помещики нечерноземных губерний стали широко внедрять травосеяние и развивать скотоводство. На юго-западе получило распространение свеклосеяние и возникли свеклосахарные заводы.

Все эти новые веяния были особенно заметны на юге, где в

связи с близостью международного рынка помещичье хозяйство интенсивно работало на экспорт. В центре страны особенно широко применяли новые агротехнические методы тверской помещик Шелехов и калужский помещик Полторацкий. Они добились повышения доходности своих имений, и многие помещики спешили последовать их примеру. Горячка сельскохозяйственного предпринимательства охватила и таких крупных землевладельцев-аристократов, как граф В. Орлов, Румянцев, Растопчин и др.

В это же время увеличился ввоз в Россию сельскохозяйственных машин из-за границы. Этому способствовало то, что в 1806 г. правительство разрешило беспошлинный ввоз сельскохозяйственных машин. Одновременно делались первые попытки наладить собственное сельскохозяйственное машиностроение. Небольшие заводы сельскохозяйственных машин работали тогда в Москве, Кременчуге, Одессе, Ромнах. На них вырабатывались первые сельскохозяйственные машины русской конструкции: железный плужок Павлова, молотильные машины Щербатова, орало Гусятникова, веяльные машины Кульмана и др.

Однако попытки применить более усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и улучшить способы обработки земли в большинстве случаев кончались неудачно. Те агротехнические методы, которые были хороши в условиях капиталистического сельского хозяйства Англии, не могли привиться на почве крепостной России. Даровой труд крестьян тормозил применение машин; оборотные капиталы были недостаточны, квалифицированной рабочей силы не было. Увлечения помещиков нововведениями быстро прошли, а когда в 20-х годах XIX в. в России наступил сельскохозяйственный кризис и цены на хлеб резко пали, большинство рационализаторов окончательно бросило «аглицкие» затеи и возвратилось к старым методам.

Многие помещики, увлекавшиеся новыми методами, теперь публично отреклись от них. В памфлете «Плуг и соха» Растопчин писал: «Английский фермер столь же начинает быть нужен многим русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские окна в домах и скаковые лошади в упряжку».

Наиболее прогрессивная часть помещиков понимала, что причины всех этих неудач в господстве крепостного принудительного труда. Главным тормозом в развитии как промышленности, так и сельского хозяйства было крепостное право. Некоторые помещики были сторонниками перехода на новые методы хозяйства, основанные на вольнонаемном труде. Это нашло свое отражение в дебатах Вольноэкономического общества. В числе конкурсных задач, поставленных Обществом, была такая: «Определить по точным выкладкам времени, доброты и цены работы, что выгоднее для хозяина — обрабатывать ли землю наемными людьми, где бы их найти можно, или собственными крестьянами?». И многие пришли к выводу, что свободный труд гораздо более производителен, чем крепостной.

Один из авторов с девизом «По охоте и тяжелая работа легка, по неволе и легкая тяжела» в представленном на конкурс сочинении писал, что «крепостной даже при надзоре сделать может вполовину, а много в две трети против того, что сделает вольнонаемный». «Охота пуще неволи», — напоминал он народную пословицу. Другое сочинение имело девиз: «Свобода — первое право и первое благополучие человеческое».

В Вольноэкономическом обществе особо стоял вопрос об отделении мастеровых от земледелия. Самая постановка этого вопроса характерна. Речь шла об освобождении крестьян для работы на фабрике. Один из авторов писал: «Хотите ли иметь успешность, обширность и совершенство в фабриках, не препятствуя ни мало земледелию, — положите непременную награду за оную — свободу». Другой автор — с девизом «Спеши медленно» — предлагал крестьян, работавших на фабриках, отпускать на волю за известное вознаграждение, вносимое помещику.

Распространение новых идей не ограничивалось рамками Вольноэкономического общества. Они проникали и в литературу. В 1806 г. за границей была опубликована работа Кайсарова «Об освобождении крестьян в России», в которой доказывалось, что успехи земледелия зависят от свободы и права собственности крестьян, что крепостное право препятствует увеличению народонаселения и тормозит развитие промышленности и торговли. В 1808 г. вышла книга Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами», в которой автор писал, что помещики должны сознать необходимость освобождения крестьян из крепостного состояния, что существующее рабство опасно для помещиков. Несмотря на то, что Стройновский исходил из интересов самих помещиков, книга его вызвала большое возмущение в среде русского дворянства. Граф Растопчин послал замечание на эту книгу самому царю. Он считал, что стремление к свободе приводит к опасным последствиям: «Первое действие вольности есть самовольство, второе — непослушание, третье — восстание против власти».

Подавляющее большинство дворян того времени категорически выступало не только против отмены, но и против какого бы то ни было ограничения крепостного права. Оно стояло на старых, крепостнических позициях и не хотело изменять основы своего хозяйства. Авторы многих вышедших тогда сочинений доказывали, что барщина есть наивыгоднейшая форма хозяйства. Некоторые из них отмечали связь между существованием самодержавия и крепостного права: «в государстве монархическом все подразделения его должны быть монархические». Один украинский помещик писал: «И сколь жалок хозяин, обрабатывающий свои поля наемниками. Он подобен некоей демократической республике... Работники избирают его на один или на несколько дней, и сии подчиненные его не страшатся, ибо они, когда захотят, могут его оставить. Напротив того, помещик, имеющий своих собственных крестьян, подобен монарху в благоустроенном государстве...».

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В НАЧАЛЕ XIX века

Внутренняя политика царизма

Царствование Александра I проходило в период роста буржуазных отношений в России. Правда, возникшие капиталистические отношения еще не пришли в острое столкновение с господствующим крепостничеством. Противоречие между новым и старым существовало большей частью еще в «скрытом», неразвитом виде. Но все же новые капиталистические элементы неуклонно росли и крепли, и царское правительство не могло не учитывать этого.

Царизм действовал поэтому более разнообразными способами, нежели раньше; сохраняя старое, он шел на некоторые уступки новому. Это требовало большой гибкости, умения приспособляться к обстоятельствам. Такими свойствами и обладал Александр I. Он приобрел их еще при жизни Екатерины и Павла.

Александр рос в обстановке сложных придворных интриг. Он должен был лавировать между большим и малым двором, между Петербургом и Гатчиной, сохраняя одинаково хорошие отношения с обоими. Швейцарец республиканец Лагарп и ловкий царедворец Салтыков были его воспитателями. Своей блестящей внешностью и обхождением Александр очаровывал собеседников. Так же, как и Павел, Александр был сторонником палочной дисциплины, с жаром отдавался гатчинским затеям, увлекался муштрой, шагистикой, парадами. Но все то, что Павел делал топорно и грубо, Александр покрывал лоском.

Александр любил говорить красивые либеральные фразы. «Я жил и умру республиканцем», заявлял он, распространяясь о вреде крепостного права и деспотизма. А на деле, так же, как и отец, Александр был настоящим крепостником и деспотом, не терпящим никакого ограничения своей самодержавной власти. Современники говорили, что Александр никогда не был искренним. «Александр тонок, как булавка, остер, как бритва, фальшив, как пена морская». Ловкий, изворотливый, император России своими речами и поведением не раз вводил в заблуждение и реакционных государей, и тонких дипломатов, и общественных деятелей из либерального лагеря.

Ленин отмечал, что «...монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых...»[1]. Первый период царствования Александра I харак-

[1] Ленин. Соч., т. IV, стр. 127.

терен заигрыванием с либерализмом. Своего неизменного друга Аракчеева Александр еще не спускал с цепи.

В своем манифесте Александр обещал править по духу и сердцу своей бабки. Его первые мероприятия были направлены на то, чтобы устранить ряд нелепых распоряжений Павла I и несколько смягчить тот невиданный произвол, который установился в царствование Павла. Было снято запрещение на ввоз и вывоз ряда товаров из России, смягчена цензура, восстановлены жалованные грамоты дворянству и городам, разрешено ввозить книги из-за границы и заводить частные типографии, уничтожена Тайная экспедиция, а ее жертвы освобождены из тюрем и возвращены из ссылки. Три наиболее ненавистных деятеля павловского режима — Кутайсов, Обольянинов и Эртель — были отстранены от дел. Прежняя строгость дисциплины исчезла. Солдатская форма была изменена.

Павловскому произволу противопоставлялась теперь видимость законности, которая должна была обеспечить спокойное существование господствующего класса. 30 марта 1801 г. был издан указ об учреждении при императоре Непременного совета для «рассуждения о делах государственных». Совет этот носил совещательный характер, имел только «силу соображения», но ему была поручена важная задача — пересмотреть все законы и составить проект улучшений в управлении государством. При Непременном совете создавалась комиссия составления законов, которая должна была поставить «силу империи Всероссийской» «на незыблемом основании законов». Была разработана «Всемилостивейшая грамота российскому народу», в составлении которой принимал участие А. Н. Радищев. Проект грамоты провозглашал защиту прав граждан Российского государства «Каждый российский гражданин, — говорилось в нем, — да пользуется невозбранно свободой мысли, веры или исповедания богослужения, слова, или речи, письма и деяния, поколику они законам государственным не противны и никому не оскорбительны». Проект грамоты провозглашал право каждого подданного России обладать движимым и недвижимым имуществом.

После тяжелого павловского режима многие восприняли первые мероприятия Александра как начало нового периода в жизни страны. Молодой помещик Каразин подал записку на имя государя, в которой выражал надежду, что самодержавие отныне будет ограничено. «Он даст нам непреложные законы, — писал Каразин про Александра I, — он скажет России: се предел самодержавия моего и моих наследников». Однако эти надежды не оправдались. Проект грамоты российскому народу не был опубликован. Ни сам Александр I, ни его приближенные не собирались ограничить самодержавие и ввести буржуазные свободы.

У Александра I был кружок «молодых друзей», игравший видную роль в первые два года его царствования. Друзья юности

Александра — граф Строганов, граф Кочубей, Новосильцев и Чарторыжский — происходили из старой родовитой аристократии, но были людьми нового поколения. Они бывали за границей, знали хорошо политическое устройство других стран, считали себя сторонниками конституционного правления. Молодые друзья высказывались в своем кругу за реорганизацию государства на основе разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную, за созыв законодательного собрания и предоставление императору только исполнительной власти. Однако они считали, что Россия еще не подготовлена к этому.

Александр I и его «молодые друзья» хотели постепенно внести лишь некоторые изменения в государственное устройство, не затрагивая самых основ существующего порядка — самодержавия и крепостного права. Боясь, что гласное обсуждение преобразований «возбудит народ», Александр и «молодые друзья» решили действовать тайно от общества, на секретных заседаниях и совещаниях. Они составили так называемый Негласный комитет, на заседаниях которого присутствовал и Александр I.

После длительного обсуждения в Негласном комитете были приняты мероприятия по реорганизации центральных правительственных учреждений. 8 сентября 1802 г. вышло два указа: о правах Сената и об учреждении министерств. Старая екатерининская знать стремилась расширить права Сената и сделать его высшим органом государства, сосредоточив в нем и законодательную, и судебную, и исполнительную власть. Однако это не получило осуществления. Права Сената расширились незначительно. Сенат по-прежнему оставался высшим судебным учреждением, «хранителем законов». Царский указ предоставил Сенату право контролировать отчеты министров и делать представления по поводу изданных законов. Однако это право осталось на бумаге. Только несколько министерских отчетов попало в Сенат, а когда в 1803 г. Сенат сделал попытку сказать свое мнение по поводу государственного указа, то Сенату было сказано, чтобы он не вмешивался в эти дела.

По закону 8 сентября 1802 г. в России было создано восемь министерств: иностранных дел, внутренних дел, военно-сухопутных дел, военно-морских дел, юстиции, финансов, коммерции и народного просвещения. На посты министров были назначены старые екатерининские вельможи: Завадовский, Воронцов, Державин, Мордвинов и другие, а в качестве их помощников — «молодые друзья», члены Негласного комитета. Один из них, граф Кочубей, был назначен министром внутренних дел. Учреждение министерств имело положительное значение. Старому коллегиальному началу наносился окончательный удар. Государственный аппарат приобретал большую четкость и централизацию.

Однако министерства были подчинены только царю. В буржуазных государствах министерства отчитывались перед парламентом. Но перед кем будут отвечать русские министры? — спрашивал современник Вигель. «Перед государем, который только уважает в

них свой выбор, которого делают они участником своих ошибок и который, не признавшись в оных, не может их удалить? Перед народом, который ничто? Перед потомством, о котором они не думают?! Разве только перед своей совестью, когда невзначай есть она в котором-нибудь из них».

Вместе с тем под видом новых учреждений часто сохранялись учреждения старые. Александр I уничтожил павловскую Тайную экспедицию. Но прошло немного времени, и для тех же целей был создан «Особый комитет для совещания по делам, относящимся к высшей полиции», которому поручалось «немедленно и исправно» получать сведения о подозрительных людях и сообществах, наблюдать за перепиской, вести дело о вредных книгах, воззваниях и пр. Самодержавие попрежнему обрушивалось на всех тех, кто выступал с каким бы то ни было протестом против существующего порядка.

Какова же была политика самодержавия в крестьянском вопросе? Крестьянский вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях Негласного комитета. «Молодые друзья» считали, что еще не время освобождать крестьян от крепостной зависимости. Они стояли за частичное изменение положения крестьян. Однако они боялись, как бы и такими частичными мероприятиями не возбудить недовольство дворян и преувеличенные надежды крестьян.

В декабре 1801 г. Негласный комитет после длительного обсуждения принял указ, разрешавший купцам, мещанам и казенным крестьянам приобретать ненаселенные имения. Этот указ имел большое значение. Он допускал буржуазную собственность на землю. Однако, не желая возбуждать недовольство дворян, указ 1801 г. не решились распространить на помещичьих крестьян: они попрежнему были лишены права покупки земель и приобретения собственности.

В ряде случаев дело ограничилось тем, что старые, крепостнические отношения были прикрыты более благообразными формами. В самом начале царствования Александра I был поднят вопрос об уничтожении одного из наиболее ярких проявлений помещичьего произвола — права помещиков продавать крепостных в розницу и без земли. Государственный совет высказался против отмены этого права, опасаясь, как бы крестьяне, «приняв установление сие за уменьшение или совершенное уничтожение прав помещичьих, не возмечтали, что они сделались вольными». Дело ограничилось только тем, что было дано распоряжение не печатать в газетах объявлений о продаже людей без земли. Приличие было соблюдено. Характер газетных объявлений изменился, теперь стали писать: «отдаются в услужение», «отпускаются».

Вот, например, объявление в газете «С.-П. Б. Ведомости» за 1805 г.: «Отдаются в услужение: чеботарь 25 лет, по стройности и росту годен в ливрейные гусары, и жена его 18 лет, не уступающая хорошему кухмистеру в приготовлении кушанья». «Продается

охота из 16 гончих и 12 борзых, а если кому угодно, то при сей охоте отпускается ловчий и доезжачий».

Вместе с тем Александр торжественно заявил, что он не будет, подобно своим предшественникам, раздавать казенных крестьян в собственность помещикам. Но вместо раздачи населенных имений в собственность Александр стал раздавать их в аренду. Повинности таких крестьян были определены; самих крестьян нельзя было продать. Но тем не менее положение их было очень тяжелое. Это особенно относилось к тем крестьянам, которых сдавали в аренду на определенный срок. Помещик стремился за этот срок как можно больше ограбить своих временных крепостных. И недаром современник писал об этих крестьянах: «Это самые бедные и самые несчастные из всех казенных крестьян».

В 1803 г. было принято наиболее крупное мероприятие по крестьянскому вопросу в царствование Александра I. С. Румянцев подал записку, в которой просил разрешить освобождать крестьян тем помещикам, которые это сочтут выгодным. Против проекта Румянцева был выдвинут все тот же аргумент. «Многие помещики, — говорили члены Государственного совета, — усмотрят в нем первое потрясение их собственности, а крестьяне возмечтают о неограниченной свободе». Но, несмотря на протесты, 20 февраля 1803 г. указ был принят. Он разрешал помещикам за определенное вознаграждение отпускать крестьян на волю, закрепляя за ними участок земли. Условия такого освобождения устанавливались по взаимному соглашению между помещиком и крестьянами, причем соглашение это должно было в каждом отдельном случае утверждаться губернским предводителем дворянства, министерством внутренних дел и, наконец, самим государем. Освобожденные таким путем крестьяне переходили в особое состояние «свободных хлебопашцев». Закон 1803 г. и получил название: «Закон о свободных хлебопашцах».

Выпуская новый закон по крестьянскому вопросу, царское правительство опасалось, чтобы крестьяне не расценили его как начало всеобщего освобождения от крепостной зависимости. Министр внутренних дел Кочубей писал в своем циркуляре, что крестьяне «должны остаться в той же зависимости и безмолвном повиновении к господам своим, в каковом доселе были». Губернаторам предлагалось при малейшем непослушании крестьян «действовать по всей строгости закона».

Закон 1803 г. давал возможность помещикам вступить на путь капиталистического развития. Однако подавляющее большинство помещиков не желало и слышать об этом. Даже те немногочисленные помещики, которые хотели перевести свое хозяйство на новые рельсы, не могли воспользоваться законом 1803 г. Для такого перехода нужны были капиталы. За получаемую землю крестьяне не могли заплатить более или менее значительную сумму сразу. Правительство же не выступало здесь «финансовым посредником», как оно выступило впоследствии в реформе 1861 г. Закон 1803 г.

фактически остался на бумаге. За все время царствования Александра I на основе закона 1803 г. только 47 153 души мужского пола были переведены в так называемые «свободные хлебопашцы».

Более серьезную роль сыграли мероприятия, проведенные в то время царским правительством в области образования.

В января 1803 г. Александр I утвердил разработанные министерством просвещения «Предварительные правила народного просвещения». Эти правила приводили в определенную систему существовавшие в России учебные заведения и делили их на 4 разряда: 1) училища приходские, 2) училища уездные, 3) училища губернские, или гимназии, 4) университеты. Соответственно этому строилось и управление. Гимназии находились в ведении университетов, уездные училища — в ведении гимназий, а приходские — в ведении уездных училищ. Вся же Российская империя была разделена на учебные округа. Округов было шесть: Московский, Виленский, Дерптский (Юрьевский), Харьковский, Петербургский и Казанский.

Царское правительство уделяло главное внимание высшей ступени образования — университетам. Количество университетов в России в начале XIX в. увеличилось. В XVIII в. в России был только один Московский университет; в 1804 г. были основаны университеты в Харькове и Казани и открыт Главный педагогический институт в Петербурге, впоследствии также преобразованный в университет. Вместе с Дерптским и Виленским университетами в России стало, таким образом, шесть высших учебных заведений. Тогда же, в 1804 г., были утверждены уставы университетов. Каждый университет получил свой отдельный устав, но так как они почти не отличались друг от друга, то можно считать, что именно в 1804 г. русские университеты впервые получили единый устав.

Устав 1804 г. носил довольно либеральный характер. Университеты получали широкую автономию. Высшим органом университета становился Совет профессоров. Он избирал ректора и профессоров, определял порядок учебной жизни и быта студентов, контролировал хозяйственные дела. Ему подчинялся исполнительный орган — правление университета. Дела всех лиц, имеющих отношение к университету, разбирал особый университетский суд. Таким образом, провозглашалась независимость университетской науки.

Но университеты того времени не были только учебными заведениями. На них возлагались также определенные административные функции. Они руководили делами соответствующего учебного округа. В пределах своего округа они должны были управлять всеми учебными заведениями и осуществлять цензуру над выходящей литературой. Совет университета назначал учителей в гимназии и уездные училища своего округа, определял порядок их учебной работы, заботился об издании для них учебных пособий. Университетская автономия и предоставление университе-

там учебно-административных функций способствовали улучшению постановки дела образования в России и развитию русской науки.

Однако с самого начала автономия университетов была ограничена тем, что в каждый учебный округ правительство назначало попечителя. Попечители сидели в столице, но несмотря на это, они вмешивались во все стороны жизни университета и других учебных заведений своего округа. Попечители входили в Главное правление училищ при министерстве просвещения и пользовались неограниченными правами. Вначале университеты не очень чувствовали на себе тяжелую попечительскую руку. Но впоследствии именно через попечителей царское правительство стало проводить свою реакционную политику в области просвещения.

Новые университеты не сразу приобрели значение высших учебных заведений. На первых порах нехватало ни студентов, ни профессоров. «Ни учить, ни учиться некому», — писал один современник. Университеты вынуждены были поэтому не очень считаться с подготовкой поступающих. Попечитель Харьковского университета сообщал: «Если бы университет сохранил в строгом смысле все правила, которыми должен руководиться в приеме студентов, то он не имел бы ныне ни одного студента». Попечитель решил открыть специальный подготовительный класс, чтобы «умножить число студентов». В Казани первое время фактически все дело и свелось к открытию такого подготовительного класса: 40 воспитанников местной гимназии зачислили в число студентов, а несколько преподавателей гимназии произвели в профессора.

Профессорские должности заполнялись тогда главным образом иностранцами, читавшими лекции на латинском, французском и немецком языках. Среди иностранцев было много видных ученых, честно служивших делу науки. Эти люди знакомили русскую молодежь с новейшими достижениями европейской науки и много сделали для развития просвещения в России, оставив после себя способных учеников. Но среди иностранцев было немало посредственностей и даже невежд, которые с презрением относились к России и приезжали в нее лишь с целью наживы. Вполне естественно, что чем дальше шло культурное развитие страны, тем острее выдвигался вопрос о собственных научных кадрах.

Вместе с тем созданная тогда университетская надстройка зиждилась на непрочном основании. Высшее образование не опиралось на образование среднее и низшее. Правила об учебных заведениях, изданные правительством, назывались «Правилами народного просвещения», да и само министерство именовалось «Министерством народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук», но эти громкие наименования мало соответствовали действительности. Образование в тогдашней России не было народным. Подавляющее большинство населения не имело возможности получить образование и продолжало оставаться неграмотным. Гимназии, уездные и особенно приходские училища влачили жалкое существование.

Вместе с тем система образования, установленная для всех сословий, не удовлетворяла дворян. Дворяне не хотели терять своих привилегий и растворяться в общей массе. Они предпочитали для обучения своих детей пользоваться услугами частных учителей, главным образом французских эмигрантов. Существовали также частные пансионы, содержавшиеся иностранцами. Это не могло не представлять известной опасности. Министр просвещения Разумовский писал царю: «В отечестве нашем далеко простерло корни свои воспитание, иноземцами сообщаемое. Дворянство, опора государства, вырастает нередко под надзором людей, одною собственною корыстью занятых, презирающих все не иностранное, не имеющих ни чистых правил нравственности, ни познаний. Не зная русского языка и не имея привязанности к нашей стране, они в недрах России из россиян образуют иностранцев».

В начале XIX в. возник новый тип учебных заведений, стоявший вне общей системы образования и рассчитанный только на дворян — лицей. На частные средства в Одессе был создан Ришельевский лицей. Правительство же учредило в 1810 г. лицей в Царском Селе. Соединяя курс средней и высшей школы, Царскосельский лицей имел целью «образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной». Создание Царскосельского лицея сыграло значительную роль в развитии русского просвещения. Из его стен вышло немало крупных русских деятелей, в том числе и великий Пушкин.

Внешняя политика царизма. Войны с Францией

Основным явлением в международной жизни того времени была ожесточенная борьба между передовой капиталистической страной — Англией — и ее континентальным конкурентом — Францией, тоже вступившей на капиталистический путь. Это была борьба за господство в Европе и во всем мире.

В момент смерти Павла I Россия находилась в дружественных отношениях с Францией и в состоянии войны с Англией. Английская эскадра разгромила флот союзницы России — Дании и, прорвавшись в Балтийское море, готовилась к нападению на Кронштадт. Правительство Александра I стремилось как можно скорее ликвидировать начинавшуюся войну с Англией, не отвечающую интересам России. Соглашения с Англией удалось достигнуть. Английский флот удалился из русских территориальных вод. Александр I отменил наложенное при Павле I эмбарго на английские суда и товары. В июне 1801 г. между Россией и Англией была заключена конвенция о дружбе.

Союз с Англией не означал немедленного разрыва с Францией. Ни Россия, ни Франция не стремились в тот период обострять отношения друг с другом. Наполеон понимал, что без союза с Рос-

сией он не станет властелином Европы и не победит Англию. В октябре 1801 г. между Россией и Францией был заключен мирный договор. Франция обещала сохранить нейтралитет Неаполя и компенсировать сардинского короля. Россия и Франция обязались действовать совместно по вопросу о вознаграждении германских князей в связи с отходом их земель к Франции и решили компенсировать утративших свои владения немецких князей за счет земель имперского духовенства.

Еще до заключения русско-французского договора был подписан мир между Австрией и Францией, а в марте 1802 г. заключили мирное соглашение Англия и Франция. Два крупнейших соперника договорились между собой по вопросу о колониях и о политике в Европе. Таким образом между всеми европейскими государствами установились нормальные отношения. Казалось, что наступил всеобщий мир.

Но это было затишье перед бурей. Мирные договоры носили временный и непрочный характер. Наполеон продолжал вести свою активную захватническую политику. Он стремился стать господином Европы и всего мира. Наполеон поставил в полную зависимость от Франции Голландию, Швейцарию, Италию. Он распоряжался судьбой Германии, по своему усмотрению перекраивая ее границы. Наполеон наносил удары английской промышленности и торговле. Он всемерно препятствовал проникновению английских товаров во Францию и в зависимые от нее государства. Ни Франция, ни Англия не выполняли взятых на себя обязательств. Дело шло к новой вооруженной схватке. В мае 1803 г. английский посол покинул Париж; англичане захватили находящиеся в пути французские торговые суда, и война между Англией и Францией возобновилась.

В это же время все больше обострялись отношения между Францией и Россией. Еще в 1801 г. Александр I заявлял, что он хочет восстановить прежнее общественное здание в Европе, уничтожить «источник бедствий, угнетающий человечество», и с этой целью «прочно соединиться с лондонским, берлинским и венским дворами». Теперь в связи с разногласиями между Россией и Францией по германскому вопросу, с новыми захватами Наполеона в Европе и его активной политикой на Востоке взаимоотношения между обеими странами резко ухудшились.

В 1804 г. произошло событие, взволновавшее монархов всего мира. Сторонники бурбоновской монархии при содействии Англии организовали покушение на жизнь Наполеона. В ответ на это Наполеон арестовал на территории Бадена одного из членов дома Бурбонов герцога Ангиенского. В марте 1804 г. герцог был расстрелян. Вторжение Наполеона на германскую территорию и расстрел герцога вызвали взрыв негодования феодальной Европы. Царское правительство, уже решившее, что война с Францией неизбежна, выступило с открытым протестом против действий Наполеона, объявив траур в связи с казнью герцога. Ответная нота

Наполеона представляла собой обвинительный акт против России и лично оскорбляла Александра. Отношения между Россией и Францией были прерваны.

В марте 1805 г. между Россией и Англией был заключен договор о совместных действиях против Франции. Еще до того, в январе 1805 г., Россия привлекла в коалицию Швецию, тем самым обеспечив безопасность своей столицы. Труднее было привлечь к союзу Пруссию. Пруссия боялась усиления Австрии и укрепления ее позиций в Германии. Ее так и не удалось привлечь в коалицию. Австрия долго колебалась. Она ссылалась на свою неподготовленность к войне, на истощение финансов, на возможность нападения со стороны Пруссии. Присоединение Генуи к Франции, объявление Наполеона королем Италии и другие действия Наполеона положили конец ее колебаниям. В июле 1805 г. Австрия присоединилась к англо-русскому договору.

В договоре Англии, России и Австрии провозглашалось создание Лиги европейских государств с целью очищения ганноверских владений, Северной Германии и других стран от французов и гарантирования безопасности и независимости различных государств против будущих узурпаций. «Высокие договаривающиеся стороны вполне признают справедливость и выгоды, заключающиеся в восстановлении свергнутых государей в их прежних владениях», — говорилось в договоре союзников.

Наполеон был больше подготовлен к войне, чем его противники. Инициатива была в его руках. В дни, когда шла подготовка к выступлению Австрии и России, Наполеон уже сосредоточил крупные вооруженные силы, чтобы вторгнуться на Британские острова. На берегу Ламанша был организован знаменитый Булонский лагерь. Но морские предприятия Наполеона кончились крахом. В июле 1805 г. французский флот потерпел поражение и удалился в Кадикс. В октябре того же года английский флот под руководством адмирала Нельсона уничтожил вышедший из Кадикса соединенный французско-испанский флот. Всякая надежда победить Англию на море была потеряна.

Именно в это время, пользуясь тем, что главные французские силы были отвлечены борьбой с Англией, австрийцы приступили к военным действиям. Генерал Мак занял Баварию и расположился у Ульма. Это был рискованный шаг. Русская армия — союзник австрийцев — была в этот момент еще очень далеко от театра военных действий. Появление нового противника изменило планы Наполеона. Огромная армия, стоявшая в Булонском лагере, форсированным маршем прошла большое расстояние и обрушилась на австрийские силы. Наполеон следовал своей обычной тактике — бить противников по частям. Авангард французской армии захватил все дороги, по которым пришел Мак, и железным кольцом окружил австрийскую армию. 25 тыс. австрийцев во главе с Маком сдались неприятелю.

Очистив от австрийцев Баварию, французы вторглись на территорию самой Австрии. Только в это время стали подходить русские войска. Русскую армию возглавлял тогда Михаил Илларионович Кутузов. Славный ученик Суворова уже тогда проявил себя как крупнейший полководец, искусный дипломат и политик. Герой Измаила, Кутузов был посланником в Турции, командовал войсками в Финляндии, но последние несколько лет находился в опале и жил в деревне, страдая от бездействия. Теперь, когда начиналась война с Францией и русская армия должна была впервые встретиться с Наполеоном, Александр вызвал Кутузова и поставил его во главе 60-тысячной армии, которая должна была направиться в Европу. Положение Кутузова было трудным. Он не мог действовать самостоятельно и был подчинен австрийскому генеральному штабу. Александр I непрестанно вмешивался в действия русской армии. Русская армия спешила в Австрию. Она делала по 45—60 верст в день на подводах и пешком в тяжелых условиях осенней распутицы. Впереди предстояли ожесточенные сражения с Наполеоном, а между тем армия была изнурена, резервы были далеко, а основные силы австрийцев разбиты. Лишь небольшие австрийские части могли присоединиться к русской армии. Обладая огромным численным превосходством, Наполеон решил разбить войска Кутузова, прежде чем к ним подойдут подкрепления из России. Французские корпуса стремительно двинулись навстречу армии Кутузова, охватывая фланги и угрожая отрезать пути отхода русским и окружить их. В таких условиях Кутузов проявил большое хладнокровие и уменье в борьбе с врагом. Он не слушал гибельных советов австрийских генералов, требовавших оборонять Вену, решил уклониться от решающего сражения с французами и уйти на левый берег Дуная.

Искусно маневрируя, Кутузов неуклонно выполнял свой план. Французы крупными силами наседали на уходящие части русских. Их натиск сдерживал арьергард русских войск, во главе которого Кутузов поставил бесстрашного Багратиона. Багратион всегда выполнял самые трудные задания командования. Когда армия наступала, он бывал в авангарде, когда армия отходила, он прикрывал отход. Багратион с честью справлялся со своей задачей, сдерживая натиск превосходящих сил. Его солдаты дрались с невиданным мужеством, прорывая кольцо вражеского окружения. «Дружина героев», — говорили про них французы.

В тяжелых боях русская армия одержала замечательные победы. Войска Кутузова умелым маневром опередили французский корпус Мортье, переправившийся на левый берег Дуная, и разбили его наголову. Русские части нанесли ряд ударов авангарду французской армии, руководимому талантливым Мюратом. Когда во время одного боя с Мюратом положение русских войск казалось безнадежным и к Кутузову обратились с вопросом — что делать, он ответил: «Вы русские, так и поступайте, как подобает русским». И французы были отброшены.

Кутузов сорвал план Наполеона и переправился через Дунай. К нему подошла теперь из России армия Буксгевдена. У Ольмюца произошло соединение русской армии с остатками австрийских войск. Численность союзной армии возросла теперь до 86 000 человек. Своим маршем к Дунаю Кутузов спас русскую армию. Но положение продолжало оставаться трудным.

Перед союзными войсками стояла сильная французская армия. Энгельс писал: «... легионы, которые в 1805 г. Наполеон из Булонского лагеря привел под Аустерлиц, были лучшими войсками того времени»[1]. По мнению Кутузова следовало избегать решительного сражения и держаться выжидательно, пока не придет австрийская армия из Италии. Наполеону было, наоборот, очень выгодно вступить в решительный бой с русскими и австрийцами теперь же, не теряя времени. Это понимали и Кутузов и Наполеон. Но в отличие от Наполеона Кутузов не мог действовать по своему усмотрению. В Ольмюце были ставки обоих императоров, приехавших на театр военных действий, Александра I и Франца. В союзной армии царила обстановка интриг и сплетен. Александр слепо доверял бездарному австрийскому генералу Вейротеру. Следуя гибельным советам, Александр собрал военный совет и предложил сделать то, что было выгодно только Наполеону, — наступать. Только один Кутузов предлагал не давать решающего сражения, но его не послушали.

Австрийский генерал Вейротер составил подробную диспозицию предстоящего боя. Оба императора утвердили ее. В диспозиции Вейротера все предусматривалось до мельчайших подробностей. Но одного не учел австрийский генерал — того, что Наполеон сам пойдет в атаку на союзников. Один генерал спросил Вейротера: «Что делать, если Наполеон перейдет в наступление?». — «Такого случая не предвидится», — невозмутимо ответил австрийский тупица. Приказ о наступлении был дан. Участник войны офицер Бутовский писал: «Можно представить себе радость Наполеона при виде решимости союзной армии действовать наступательно; он крайне опасался оборонительной системы Кутузова... с его стороны употреблены были все хитрости, чтобы вызвать нас на бой, и австрийские генералы, уже столько раз им битые, как будто в угождение завоевателю усердно рвались против него вперед».

По осенней грязи союзная армия медленно двинулась вперед и через трое суток подошла к Аустерлицкому полю. 2 декабря разыгралось Аустерлицкое сражение. Союзные войска заняли Праценские высоты, господствующие над местностью, но затем, вопреки мнению Кутузова, выполняя план Вейротера, спустились с высот и двинулись вперед. Главные силы союзников двинулись в обход правого фланга Наполеона, чтобы отрезать его от Вены. Наполеон разгадал этот план. Упорно обороняясь на флан-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 611.

гах, Наполеон сосредоточил основные силы в центре. Как только союзники спустились с высот, крупные силы французов обрушились на русских, смяли их и заняли высоты, центр был прорван. Тщетно русские войска пытались восстановить положение. Кутузов находился в гуще битвы и, несмотря на полученное ранение, лично участвовал в бою. Положение мог выправить Буксгевден. Но, точно выполняя диспозицию Вейротера, он продолжал медленно продвигаться вперед, подставляя противнику свой фланг и тыл. Пользуясь этим, Наполеон обрушился на тыл колонн, заведенных Буксгевденом в район озер. Отступать было уже поздно. Началась катастрофа. Солдаты бросились к замерзшим прудам и озерам, но лед треснул и люди стали тонуть. Французы в упор расстреливали их. Армия союзников была разбита, она потеряла 15 тыс. убитыми и ранеными, 20 тыс. пленными; 146 орудий и 45 знамен попали в руки французов. Александр неудачно пытался сыграть при Аустерлице роль полководца. Но Александр был царем, и всю вину за Аустерлицкое сражение он свалил на Кутузова. Кутузов был удален из армии и назначен киевским генерал-губернатором.

Немедленно после Аустерлица между Австрией и Францией было заключено перемирие. Русские войска ушли из Австрии. Австрия заключила с Францией так называемый Пресбургский мир, открывший дорогу мировому господству Наполеона. Австрия была фактически вытеснена и из Италии и из Германии. Франц вынужден был отказаться от титула императора Священной Римской империи германской нации. Под главенством Наполеона из ряда германских государств был основан Рейнский союз. Наполеон посадил членов своей фамилии — братьев, родственников и приближенных — королями и великими герцогами целого ряда зависимых от Франции государств. Так же как раньше французские революционеры основывали республики, Наполеон основывал теперь королевства и герцогства.

Только после того как Австрия была разгромлена, а Наполеон бесцеремонно нарушал свои собственные обещания, непрерывно укреплялся в центре Европы и установил свое господство в германских государствах, Пруссия решила, наконец, вступить в антифранцузскую коалицию. В июне 1806 г. между Россией и Пруссией был заключен союз. К коалиции примкнула и Швеция. Англия дала новые субсидии. Вступая в четвертую коалицию против Франции, Александр не ограничился объявлением нового рекрутского набора. Одновременно решено было созвать ополчение из крестьян. Предполагалось набрать до 600 тысяч ратников.

Осенью 1806 г. новая, четвертая коалиция приступила к действиям. История повторилась. Место Австрии заняла теперь Пруссия. Но события удивительно походили на то, что уже имело место год назад. Планы застать Наполеона врасплох провалились. 14 октября 1806 г. в один день произошло два решительных сражения между французскими и прусскими войсками: одно у Иены,

другое — у Ауэрштедта. Прусская армия была разбита наголову. В страшном беспорядке бежали уцелевшие ее части. Хваленая прусская стратегия и тактика Фридриха II показала всю свою отсталость и рухнула под ударами молодой французской армии. Не прошло и трех недель с начала войны, как Наполеон торжественно вошел в Берлин. Он поселился в королевском дворце и ежедневно получал ключи сдававшихся ему без боя прусских крепостей. Прусская армия перестала существовать как серьезная сила. Могущество Пруссии оказалось призрачным. Прусский король бежал в Кенигсберг. В Пруссии был установлен жесткий военный режим; на жителей была наложена большая контрибуция. Россия обещала выступить на помощь Пруссии. Еще в ноябре 1805 г. состоялось знаменитое свидание Александра с Фридрихом Вильгельмом. Над гробом Фридриха II они поклялись во взаимной поддержке друг друга. Но Наполеон разбил Пруссию так быстро, что Россия не успела как следует подготовиться к войне. Даже главнокомандующий армией не был еще назначен.

Русские войска перешли границу уже после разгрома основных сил Пруссии. Остатки разбитой прусской армии присоединились к ним. Престарелый фельдмаршал Каменский был назначен главнокомандующим. Все ждали успехов от екатерининского генерала, но Каменский, видимо, уже выжил из ума. Проведя ряд самых невероятных маневров, он неожиданно бросил армию и уехал в деревню. Уже после отъезда Каменского состоялась битва под Пултуском. Благодаря действиям таких генералов, как Багратион, Дохтуров, Ермолов, русские одержали победу. Но Александр I назначил главнокомандующим русской армией бездарного немца Беннигсена. В январе 1807 г. произошла кровавая битва под Прейсиш-Эйлау, в которой русские войска нанесли тяжелый удар французам. Однако Беннигсен не использовал успеха. Ни та, ни другая сторона не добились победы. Война продолжалась.

Судьбу войны решила битва под Фридландом, происшедшая в июне 1807 г. Русская армия располагала значительными силами в этом сражении. Но Беннигсен занял исключительно плохую позицию и привел русскую армию к тяжелому поражению. Русские войска отступили. Теперь вся Пруссия была в руках Наполеона. Прусский король стал окончательно «бессильным». Враг стоял у ворот России, но Россия не имела армии. Александр потерял союзников и остался один. В таких условиях русскому императору не оставалось ничего другого, как вступить в переговоры с грозным противником.

25 июля 1807 г. в небольшом прусском городке на Немане — Тильзите — состоялось свидание между Наполеоном и Александром. Оно закончилось заключением так называемого Тильзитского мира. Александр и Наполеон разделили между собой сферы влияния: запад Европы — Наполеону, восток — Александру. Наполеон хотел вовсе уничтожить Пруссию. По настоянию Александра самостоятельное Прусское государство сохранялось, но от него отхо-

дили владения к западу от Эльбы и территория, приобретенная во время трех разделов Польши. Из этих территорий образовались Вестфальское королевство и великое герцогство Варшавское, зависимые от Франции. Образование Варшавского герцогства породило среди поляков надежду на восстановление прежней Польши. Пруссия должна была заплатить 10-миллионную контрибуцию, до уплаты которой французские войска оставались на ее территории. Россия признавала новые государства в Италии, Голландии, Германии, подчиненные Франции.

Кое-что получала и Россия. Чтобы поссорить недавних союзников, Наполеон «великодушно» уступил России Белостокскую область, отошедшую по польским разделам к Пруссии, а также обещал содействовать России в приобретении земель у Турции и Швеции.

Но это «содействие» оказывалось Наполеоном не даром. Тильзитский мир обязывал Россию присоединиться к системе континентальной блокады, установленной Наполеоном. Потеряв надежду победить Англию на море, Наполеон решил сломить ее экономически. На основе декрета Наполеона Британские острова объявлялись в состоянии блокады. Всякая торговля и сношения с ними запрещались. Магазины, товары, имущество, принадлежавшие английским подданным, конфисковывались. Суда, идущие прямо из Англии или заходившие туда, не могли быть приняты ни в каком порту. Такими средствами Наполеон хотел истощить экономические силы Англии, имевшей торговые связи со всем миром. В выполнении этой задачи Россия должна была сыграть важную роль. Вот почему, идя на отдельные уступки России, Франция была непримирима в одном: непременным условием Тильзитского мира ставилось включение России в континентальную блокаду.

После Тильзитского мира

Вскоре после заключения Тильзитского мира Наполеон просил князя Волконского передать Александру I: «Если мы в союзе — мир будет принадлежать нам. Свет — это яблоко, которое я держу в руках. Мы можем разрезать его на две части, и каждый из нас получит половину. Для этого нужно только быть согласными, и дело сделано». Но русский царь, видимо, не очень доверял аппетиту Наполеона. Рассказывают, что по поводу этих слов Наполеона Александр заметил следующее: «Сначала он удовлетворится одною половиною яблока, а там ему придет охота взять другую». Чарторыжский писал в эти дни Александру I, что пока Россия будет подчиняться желаниям Наполеона, он, может быть, оставит ее в покое, «но с минуты, когда он заметит некоторое противодействие с ее стороны, он постарается сломить ее открытой силой».

И действительно, Тильзитский мир не был прочным и устойчивым. Прошло немного времени после подписания Тильзитского

договора, как встал вопрос о новом свидании и договоре между Александром и Наполеоном. Новые союзники нуждались во взаимной поддержке и хотели закрепить установившиеся отношения. В сентябре 1808 г. в Эрфурте состоялось второе свидание императоров. Оно протекало в обстановке взаимных любезностей и видимого согласия. Александр признавал Иосифа Бонапарта испанским королем, обещал помогать Франции в случае войны с Австрией, а также усилить борьбу с Англией. Наполеон со своей стороны обязался содействовать в присоединении к России Финляндии, Молдавии и Валахии.

Однако вскоре обнаружилась действительная цена этим обещаниям. Наполеон не только не способствовал заключению выгодного для России мира на востоке, но и толкал Турцию на продолжение войны с Россией. А когда в марте 1809 г. началась война между Австрией и Францией, Александр в свою очередь не оказал той поддержки своему союзнику, о которой говорилось в Эрфурте. Александр скорее сочувствовал Австрии, чем Франции. Не случайно накануне австро-французской войны Александр заявлял австрийскому послу Шварценбергу, что он не может удержаться от выражений пожеланий в пользу успехов Австрии. Участие России в австро-французской войне оказалось бескровным. Русские войска вступили в австрийскую Галицию, когда силы австрийцев были разбиты наголову, а Вена уже была занята французскими войсками. В итоге австро-французской войны 1809 г. к России отошла Тарнопольская область, но остальная Галиция была присоединена к герцогству Варшавскому. Угроза восстановления Польши, чего так боялся Александр I, стала теперь еще более реальной.

Ни Тильзитское, ни Эрфуртское соглашения не могли явиться прочной основой для мирных отношений между Россией и Францией. Они не соответствовали национальным интересам России. В 1807 г., в год заключения Тильзитского мира, по рукам ходило письмо неизвестного автора, в котором описывалась картина «совершенного расстройства государства». Автор писал о чуме, достигшей наших границ и грозящей распространиться внутри империи, о стесненном положении внутренней и внешней торговли, о дороговизне товаров, о казне, истощенной двумя несчастными войнами, об ассигнациях, без всякой выгоды умноженных, о войсках, обессиленных «бесполезным пожертвованием крови», о «неповиновении черни» и «взволновании народа» и т. д. В самом деле, экономические ресурсы России были сильно подорваны двумя войнами с Наполеоном. Огромных размеров достиг дефицит в государственном бюджете страны. Выпуск новых ассигнаций привел к падению их ценности. Один рубль ассигнациями равнялся в 1807 г. 62 копейкам.

Положение России особенно осложнилось, когда на основе Тильзитского договора в конце 1807 г. она присоединилась к континентальной блокаде. Александр отозвал своего посла из Лондо-

на. На все имущество и суда англичан было наложено эмбарго. Между Англией и Россией началась бескровная война. В Балтийском море и Финском заливе господствовал английский флот. Он останавливал русские суда, конфисковывал грузы, задерживал команды.

Континентальная блокада тяжело отражалась на состоянии русской экономики. Она должна была подорвать торговую и промышленную гегемонию Англии и способствовать тому, чтобы Франция заняла в мировой экономике место Англии. Однако огромным политическим успехам Франции не соответствовали ее экономические возможности. Французский капитализм не дорос до роли мирового торгово-промышленного гегемона. Франция не могла стать таким же рынком сбыта русского сырья и поставщиком промышленных изделий, каким была Англия. Вот почему разрыв отношений с Англией и присоединение России к континентальной блокаде привели к резкому ухудшению русской внешней торговли. Экспорт товаров из России, до того шедший главным образом в Англию, сильно сократился. Приморские порты были переполнены товарами, предназначенными к вывозу. Цены на экспортные товары понизились на 30—40 процентов.

В меньшей степени континентальная блокада отразилась на импорте. Выросла доля французского импорта, вместе с тем не прекратился и ввоз товаров из Англии. Они ввозились контрабандным путем. Французский посол жаловался, что в русские порты ежегодно приходят подозрительные суда, привозящие английские товары. Русские власти обязывали всех владельцев кораблей, прибывающих в русские порты, доказывать свою принадлежность к нейтральным странам надлежащими документами. Но это мало помогало.

В результате резкого сокращения русского экспорта торговый баланс России принял пассивный характер — ввоз превышал вывоз. Это разоряло дворянство и крупное купечество и приводило в большое расстройство торговлю и финансы России. В 1809 г. рубль ассигнациями равнялся 43 копейкам серебром; в 1810 г. — 35 копейкам. Энгельс писал, что континентальная блокада для России означала «полнейшее торговое разорение». «Россия могла приобретать деньги лишь посредством морской торговли и путем вывоза своих сырых продуктов на тогдашний главный рынок, в Англию; а Россия была уже слишком европейской страной, чтобы обходиться без денег. Торговая блокада становилась невыносимой» [1].

Чтобы восстановить активный торговый баланс в условиях разрыва торговых отношений с Англией, 19 декабря 1810 г. царское правительство ввело новый тариф. Привоз из-за границы готовых изделий за немногими исключениями запрещался. Из полуфабрикатов разрешалось ввозить в Россию бумажную, льняную и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 20.

шерстяную пряжу. Из продуктов питания к ввозу допускались только рис, вина и колониальные товары, облагаемые при этом высокими пошлинами. Резко ограничив импорт, тариф 1810 г. снял ограничения с экспорта, за исключением вывоза в Англию, по отношению к которой сохранились правила континентальной блокады.

Этот тариф благоприятно отразился на развитии русской промышленности. Московские фабриканты писали, что разнообразные ткани, которые раньше ввозились из-за границы, теперь производятся на русских предприятиях. В обзоре положения промышленности ряда губерний говорилось: «Можно вообще сказать, что со времени запрещения на иностранные мануфактуры промышленность получила совсем новое направление и что мало таких изделий, на заведение коих не было бы охотников». Автор «Рассуждения о российской торговле» писал: «Не только многие богатые коммерсанты и дворяне, но и среднего состояния люди приступили к устройству фабрик и заводов разного рода, не щадя капиталов и даже входя в долги». С 1804 по 1814 г. общее количество бумаготкацких фабрик возросло со 199 до 424 (а рабочих — с 6 500 до 39 000). Производство ситца увеличилось за это время в три раза, миткаля — в четыре раза.

Однако на внешнюю торговлю России тариф 1810 г. не оказал желаемого действия, экспорт не возрос, а импорт не сократился в сколько-нибудь значительных размерах. Вместо готовых материалов увеличился ввоз в Россию сырьевых и технических материалов.

Континентальная блокада шла вразрез с интересами помещиков и крупного купечества. Подавляющее большинство дворян жаловалось на разорение хозяйств и на дороговизну промышленных товаров. Они ненавидели союз с Францией и требовали восстановления прежних отношений с Англией. «Война с Англией, — говорит современник, — не могла возбудить энтузиазма, не представляя никаких польз и видов и лишая нас выгод торговли. Вот что породило общий ропот».

Большинство дворянства одновременно критиковало внутреннюю политику правительства. Две войны с Наполеоном вскрыли слабость феодальной России перед лицом буржуазной Франции. Некоторые деятели того времени понимали необходимость преобразований внутри России, Французская монархия Наполеона казалась им таким образцом, у которого нужно кое-что позаимствовать для внутреннего устройства России.

Самым ярким представителем небольшой группы сторонников внутренних преобразований был М. М. Сперанский. Его роль особенно возросла после Тильзитского мира, когда «молодые друзья» Александра потеряли прежнее влияние и фактически были устранены от дел. М. М. Сперанский не принадлежал к родовитому дворянству. Он родился в семье сельского священника. Окончив Владимирскую семинарию и Петербургскую духовную академию (Главную семинарию), Сперанский сначала преподавал. Затем в

1797 г. Сперанский стал работать в канцелярии генерал-прокурора, а впоследствии — в министерстве внутренних дел. Сперанский играл в этом министерстве видную роль, бывая с личными докладами у самого царя. Из среды тогдашнего чиновничества он резко выделялся своим талантом и разносторонней образованностью. Сперанский хорошо знал математику, литературу, историю, философию, право. Это был несомненно наиболее крупный политический деятель в России того времени.

По поручению Александра I Сперанский подготовил к ноябрю 1809 г. план государственного преобразования России. Плану предшествовала обширная вступительная записка об общих задачах государственного устройства, основная мысль которой состояла в том, что современное положение России требует немедленного проведения политических реформ. Дело идет не о том, желательны или нежелательны реформы, с точки зрения Сперанского, реформы — естественная необходимость. Реформы должны предупредить революцию; нельзя медлить с их проведением в жизнь. Сперанский говорил, что «настоящая система правления не свойственна более состоянию общественного духа» и что настало время основать новый порядок вещей. Пример других стран показывает, что тщетно «власть державная стремилась удержать свои позиции, вопреки требованиям жизни». «Сколько бедствий, сколько крови можно было бы сберечь, — пишет Сперанский, — если бы правители держав, точно наблюдая движение общественного духа, сообразовали ему начало политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа».

Сперанский дал в своей записке интересный очерк развития Русского государства. Он писал, что Русское государство пережило два периода в своем развитии: период уделов и период феодального самодержавия. По мнению Сперанского теперь наступает третий период в развитии Русского государства. Благодаря развитию «просвещения и промышленности» становится неизбежен переход к «истинной» конституционной монархии. Сперанский предлагал учредить монархию «на непререкаемом законе». Он подчеркивал, что дело не в том, чтобы облечь самодержавие «всеми формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия». «К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия?.. Дело в том, чтобы ограничить самодержавие внутреннею и существенною силою установлений и учредить державную власть на законе не словами, а самым делом».

Следуя за теориями Монтескье, Сперанский проводил в своем проекте идею разделения властей на законодательную, судебную и исполнительную. Он предлагал учредить особое законодательное собрание — Государственную думу. В установленный срок такая дума должна была собираться, обсуждать и принимать государственные законы, которые затем представляются на утверждение императора. В думу должны были также вноситься все проекты об уста-

новлении новых налогов. Государственная дума была, по проекту Сперанского, высшей законодательной властью. До нее были еще три ступени — волостная, уездная, губернская думы. Сперанский сохранял разделение граждан на три сословия: первое — дворянство; второе — среднее сословие, состоящее из купцов, мещан и свободных крестьян; третье — народ рабочий, т. е. помещичьи крестьяне, мастеровые и слуги. Правом выборов в Государственную и в местные думы могли пользоваться только владельцы недвижимого имущества или промышленного капитала. Основная масса населения страны — крепостное крестьянство и мастеровые — отстранялась, таким образом, от активной политической жизни. Сперанский ссылался при этом на пример Франции, где избирательным правом тоже могли пользоваться тогда только лица, имеющие собственность.

Помимо Государственной думы, сената и министерств, проект Сперанского предусматривал создание Государственного совета, члены которого должны были назначаться самим императором. Через этот Государственный совет должны были проходить все мероприятия законодательного, судебного и исполнительного порядка.

Признавая, что крепостное право «есть временное зло, которое неминуемо должно иметь свой конец», Сперанский не выдвинул вопрос о его немедленном уничтожении. В своих проектах Сперанский предлагал начать с ограничения крепостного права: установить размер крестьянских повинностей, предоставить крестьянам право жаловаться на господина, разрешить помещичьим крестьянам приобретать недвижимую собственность.

Проекты Сперанского имели несомненно прогрессивный характер, в них отразилось влияние передового в то время французского государственного строя и в частности гражданского кодекса Наполеона, носившего буржуазный характер, а также конституционных порядков Англии. Проведение проектов Сперанского при всей их умеренности могло содействовать развитию в стране буржуазных отношений. Этим путем Россия могла сделать шаг к буржуазной монархии. Однако буржуазные отношения в России того времени были еще слишком слабы. Сперанский не опирался на сколько-нибудь значительную общественную группу. Он выражал стремление небольшой части капитализирующегося дворянства. Крепостническое государство того времени не могло взяться за проведение проектов Сперанского. Они так и остались неосуществленными. Только два пункта проекта Сперанского были проведены в жизнь.

В январе 1810 г. был учрежден Государственный совет. Царь назначил в состав совета лиц из высшей придворной знати и чиновников. Сперанский был назначен его секретарем. В манифесте, составленном Сперанским по случаю учреждения Государственного совета, говорилось о твердых, непререкаемых основаниях зако-

на, об истинной монархии, о преобразовательных начертаниях и тому подобных вещах. Однако Государственный совет не стал каким-то новым учреждением. Это был совещательный орган при императоре, такой же, как Непременный совет 1801 года.

По предложению Сперанского был принят также новый закон о министерствах. Этот закон уточнил структуру и порядок работы министерств и более четко распределил дела между ними. Количество министерств увеличилось. К прежним восьми министерствам были добавлены три новых: полиции, путей сообщения и государственного контроля. Однако и в этом виде министерства представляли собою бесконтрольные, безответственные бюрократические учреждения, подчиненные лишь воле монарха.

Отдельные мероприятия, проводимые Сперанским, вызывали недовольство среди дворянства. 3 апреля 1809 г. был принят указ о придворных званиях. Звания камергеров и камер-юнкеров отныне превращались лишь в отличия, не дающие права на чин. Лица, имевшие придворные звания, должны были избирать себе военную или гражданскую службу. Другой закон, изданный 6 августа 1809 г., требовал наличия определенного образовательного ценза для гражданских чиновников. Чтобы иметь чин, нужно было представить соответствующий диплом или выдержать экзамен. Сперанский стремился этим поднять крайне низкий уровень царского чиновничества и улучшить работу государственного аппарата самодержавия. Но этот закон восстановил против «выскочки-поповича», Сперанского, высшую знать и бюрократию.

Борьба против Сперанского приняла особенно широкие размеры в 1810—1811 гг. в связи с обострением взаимоотношений между Россией и Францией. Сперанский был сторонником союза с Францией. Многие враги Сперанского называли его даже изменником, писали на него доносы и плели сложную сеть интриг. Записка Карамзина «О древней и новой России» в значительной части была направлена против Сперанского, хотя и не упоминала его имени.

В марте 1812 г. Сперанского пригласили к государю. Александр I обвинил Сперанского в том, что он хотел «финансовыми делами расстроить государство», дурно отзывался о государе и пр. А в это время министр полиции Балашов уже орудовал в квартире Сперанского, пересматривая все его бумаги. Сперанский был отстранен от дел и сослан сначала в Нижний-Новгород, а затем в Пермь. Реакционный лагерь торжествовал.

Центром реакционного лагеря в эти годы являлся салон сестры Александра I — Екатерины Павловны. К ней в Тверь съезжались все видные реакционеры. Здесь в начале 1811 г. Карамзин читал свою записку «О древней и новой России», которую Екатерина Павловна передала императору. Карамзин дал в записке краткий очерк истории России, в котором стремился доказать, что Россия была создана и возвеличена самодержавием. Он объявлял

самодержавие залогом могущества России и выступал против какого бы то ни было его ограничения.

Карамзин подверг резкой критике нововведения Александра I — создание министерств, Государственного совета и пр. Он предлагал возвратиться назад и восстановить екатерининские порядки. Царствование Екатерины II — идеал Карамзина. «Сия система правительства, — писал он, — не уступала в благоустройстве никакой иной европейской». Все новое казалось Карамзину плохим, все старое, наоборот, — прекрасным. Не нужны никакие новые учреждения. Достаточно иметь 50 добродетельных губернаторов, и дела пойдут хорошо. Карамзин высказывался против тех незначительных мероприятий, которые были сделаны в то время в области просвещения. Он выступал против каких бы то ни было попыток ограничить крепостное право. «Для твердости бытия государственного, — пишет он, — безопаснее поработить людей, нежели дать им не во-время свободу».

Карамзин звал к тому, чтобы еще больше повысить роль и значение русского дворянства. «Дворянство и духовенство, сенат и синод как хранитель законов, над всеми — государь, единственный законодатель, единственный источник властей, — вот основание Российской монархии». Записка Карамзина звала Россию назад. Н. И. Тургенев говорил: «Мне всегда казалось, что в том, что написал Карамзин о России, он хотел сказать русским: «Вы неспособны ни к какому прогрессу, довольствуйтесь тем, чем вас сделали ваши правители».

Записка Карамзина о древней и новой России была программой реакционного дворянства, боровшегося против каких бы то ни было уступок новому, за сохранение всего старого. В 1812 году она соответствовала и настроениям самого Александра. Заигрывание царя с либерализмом заканчивалось. Наступала полоса тяжелой реакции. Александр спускал с цепи Аракчеевых.

Война с Швецией. Присоединение Финляндии

Несмотря на поражения в войне с Францией, царской России удалось добиться значительных успехов в своей внешней политике. Эти успехи были непосредственно связаны с Тильзитским и Эрфуртским соглашениями.

«Здесь снова обнаружилось, — писал Энгельс, — какое громадное преимущество давало России ее стратегически безопасное положение. Побитая в двух кампаниях, она приобрела новые области за счет своих вчерашних союзников и заключила союз с Наполеоном для раздела мира: Наполеону — запад, Александру — восток!

Первым плодом этого союза было завоевание Финляндии»[1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 19.

До начала XIX в., в течение 600 лет, Финляндия находилась под шведским владычеством. Швеция угнетала финский народ. Она мешала развитию финской национальной культуры. Высшие слои финского народа усвоили шведский язык и культуру. Государственным языком был шведский.

В XVIII в., в связи с ослаблением Швеции, в Финляндии усилилось стремление к отделению от Швеции. Россия хотела использовать укрепление своих позиций, чтобы присоединить ее к своей территории. Международная обстановка складывалась в пользу этого. Швеция продолжала совместно с Англией бороться против Франции. Шведские войска были быстро разгромлены. Французы заняли шведскую Померанию. Однако Густав IV продолжал упорствовать. Он заявлял, что не признает Наполеона императором Франции. Густав IV не только отказывался присоединиться к континентальной блокаде, но попрежнему находился в самом тесном союзе с Англией. Это делало Швецию противником и Франции и России.

Еще в Тильзите Наполеон и Александр договорились о совместной политике в отношении Швеции. Наполеон толкал Александра к захвату Финляндии, чтобы, с одной стороны, отвлечь внимание России от своих действий на Западе, а с другой — руками России разгромить сторонника Англии — Швецию. Александр видел в Швеции географического противника России. Он хотел удалить шведов от своей столицы. Наполеон обещал содействовать ему в этом «всеми средствами».

На протяжении 1807 г. Россия неоднократно предлагала Швеции вместе с ней и Данией выступить против Англии и закрыть свои порты для английских кораблей. Швеция отвергала эти предложения и, получая субсидии от Англии, готовилась к войне с Россией. Но русский посол в Стокгольме писал в Петербург, что зимой Финляндия почти беззащитна, что неприступную крепость Свеаборг гораздо легче взять зимой, чем летом, что шведы не имеют в Финляндии достаточного количества войска. В Петербурге решили, что нужно приступить к действиям.

Война с Швецией началась 9 февраля 1808 г. В сильную метель и мороз 24-тысячная русская армия перешла границу и вступила на территорию Финляндии. Русские войска шли тремя колоннами: левое крыло шло вдоль Финского залива, чтобы овладеть Гельсингфорсом и Свеаборгом; центральная колонна шла на Тавестгуст; правое крыло двинулось в восточную часть Финляндии. Шведские войска были малочисленны и при этом разбросаны по городам и крепостям. Они не ожидали встретить русских на финской территории в суровое зимнее время и начали быстро отступать перед противником. Боясь быть отрезанным от Швеции, шведское командование само дало приказ об отступлении. Быстрым ударом русских войск были заняты все основные пункты. Уже 18 февраля русские войска заняли Гельсингфорс и затем Або,

бывший тогда главным городом Финляндии. В течение февраля и марта русские войска заняли всю Южную и Среднюю Финляндию.

22 апреля 1808 г. капитулировала важнейшая крепость Финляндии — Свеаборг со своим почти 8-тысячным гарнизоном. В Свеаборге было взято русскими большое количество пушек, судов и т. д., причем, как говорилось в официальном донесении, капитуляция Свеаборга произошла с помощью «золотого пороха», т. е. денег. Однако в конце апреля 1808 г. в ходе военных действий произошли изменения. Шведы оправились от поражения, получили подкрепления и перешли в наступление. Часть финского населения также оказала сопротивление русским войскам. Утомленная длительными переходами и плохо приспособленная к тяжелым географическим условиям Финляндии с ее болотами и лесами, русская армия вынуждена была очистить значительную часть уже занятых пунктов.

В сентябре 1808 г. русским войскам удалось снова добиться крупных побед. Особенно успешные операции были проведены талантливым молодым полководцем Каменским — сыном старого фельдмаршала. Новое наступление шло в тяжелейших условиях. Солдаты шли по пояс в воде, так как мосты были всюду уничтожены противником. Но тем не менее наступление продолжалось. Швеция просила помощи у своего союзника — Англии. Англия послала в помощь Финляндии свою эскадру, и превосходство сил на море оказалось у противников России. Зато на суше наступление русских войск шло успешно. Англичане не помогли шведам на суше. План переброски английских войск в Швецию был отклонен. Начальник английского отряда Мур заявил, что такой план может быть признан превосходным только в том случае, если имеется в виду доставить русским несколько тысяч английских пленных.

К ноябрю 1808 г. русские войска добились таких успехов, что шведы вынуждены были заключить перемирие, на основе которого вся территория Финляндии до реки Кеми включительно была занята русскими войсками. Финляндия была завоевана, однако борьба с Швецией продолжалась. В 1809 г. боевые действия возобновились.

Для того чтобы сломить сопротивление шведской армии и закрепить за собой завоеванную Финляндию, русские войска решили вторгнуться на территорию самой Швеции. С этой целью был совершен замечательный переход по льду Ботнического залива. В конце февраля 1809 г. корпус под начальством Багратиона, разбившись на 5 отрядов, двинулся с финского берега по льду для захвата Аландских островов. Шведы отступили. Передовой кавалерийский отряд храброго Кульнева после 8-дневного пребывания на льду достиг крайнего из Аландских островов, а 7 марта высадился на шведском берегу и занял Гриссельгам (в 100 верстах от Стокгольма).

Одновременно действовали войска под начальством Барклая де Толли. 4 марта 1809 г. они вышли из Вазы и пошли к шведским берегам по самой узкой части Ботнического залива, где ширина его была около 100 верст. Трудности были большие. Предстояли неизбежные ночевки на льду. Лед был непрочен и взламывался. Трещины не были видны под снегом. В некоторых местах замерзший лед представлял собой громадные гряды, которые приходилось перелезать или обходить. За 12 часов похода Барклай прошел более 40 верст. После небольшого отдыха русские войска двинулись дальше и к утру 9 марта уже достигли Умео. Шведы были поражены внезапным появлением русских войск. Город сдался без боя. Шведы обязались очистить территорию до реки Эре.

Третья группа русских войск под командой Шувалова в это же время перешла в наступление на севере. Главные силы двинулись по дороге от Кеми на Торнео; один же отряд пошел по льду залива, чтобы выйти в тыл шведам. Несмотря на 30-градусный мороз войска двигались успешно. Шведы без боя сдали Торнео русским, а затем после ожесточенной схватки подписали капитуляцию, по которой 7 000 шведов и финнов сдались в плен.

В это же время в связи с неудачами на войне в Швеции произошел дворцовый переворот. Шведский король Густав IV был свергнут вследствие своего упорного нежелания итти на мир с Россией. В Швеции была установлена власть регента герцога Карла Зюдерманландского, который поспешил пойти на перемирие с русскими. И, действительно, перемирие было заключено. Однако Александр I не утвердил его. Он сместил старого командующего Кноринга, а новому командующему Барклаю предложил немедленно возобновить военные действия. Наступление на Швецию шло теперь с севера вдоль побережья Ботнического залива.

После ряда новых столкновений, окончившихся победой русских войск, Швеция вынуждена была заключить мир. Русско-шведская война 1808—1809 гг. вновь выявила замечательные боевые качества русской армии. В очень трудных условиях театра войны русские войска добились крупнейших побед. Они действовали с большим искусством и мужеством. Генералы Барклай де Толли, Багратион, Кульнев, Каменский и другие своими смелыми и умелыми действиями покрыли новой славой русское оружие. В противовес им шведские генералы проявили в этой войне всю свою неспособность руководить серьезными операциями. Энгельс отмечал также взаимную вражду и продажность шведских генералов; «...смелый переход русских войск через замерзшее Балтийское море, — писал он, — вызвал в Стокгольме насильственную смену короля, и Финляндию уступили России»[1]. 5 сентября 1809 г. в городе Фридрихсгаме был подписан мирный договор: шведский король отказывался от всяких прав на Финлян-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 19.

дию и признавал ее частью Российской империи. К России переходили также острова Балтийского моря, в том числе Аландские. Все это имело крупнейшее значение для обеспечения безопасности России на севере.

Присоединение Финляндии к России было оформлено еще до заключения Фридрихсгамского мира. В самом начале русско-шведской войны Александр I обещал жителям Финляндии сохранить вероисповедание и права финского народа, которые последний издревле имел. 20 января 1809 г. было объявлено о созыве в древнем городе Финляндии Борго Финляндского сейма.

16 марта 1809 г. в присутствии царя состоялось торжественное открытие сейма: «Я обещал сохранить вашу организацию, ваши коренные законы», заявил Александр на сейме. Четыре вопроса были выдвинуты на обсуждение сейма: о военном устройстве, о взимании податей, о монетной системе, о кандидатах, из числа которых Александр должен был назначить членов правительственного совета для управления делами Финляндии. Сейм ответил на поставленные вопросы и сделал несколько замечаний по плану административного устройства Финляндии, которые Александр обещал «принять в соображение». В августе 1809 г. был утвержден регламент правительственного совета, впоследствии переименованного в императорский финляндский сенат. Издание новых законов, назначение на высшие должности, установление налогов и пр. подлежало ведению императора. Но непосредственное управление Финляндией и все судебные дела сосредоточивались в руках правительственного совета. Совет должен был назначаться императором из представленных кандидатов, причем половина должна была быть из дворян, а половина из других сословий.

Затем последовали указы Александра I о сохранении финляндского войска и о монете. Русская монета признавалась основной. Были сохранены все подати, собиравшиеся при шведском правлении. В 1811 г. было объявлено о присоединении к Финляндии Выборгской губернии, отошедшей к России по Ништадтскому миру 1721 года. На территорию всей Финляндии распространялось уложение Швеции, принятое на сейме 1734 г. и утвержденное для великого княжества Финляндского. Было установлено особое финляндское гражданство.

Финляндия получила, таким образом, в 1809 г. большие права и в этом отношении не походила на другие территории, присоединенные к России. Здесь не было установлено тяжелого колониального режима. В сложной международной обстановке того времени русский царизм проводил в Финляндии иную политику. Александр говорил, что он хочет дать такое устройство Финляндии, «дабы ей более выгод было в соединении с Россией, нежели она имела бы под обладанием Швеции».

Ленин писал: «Желая привлечь на свою сторону финляндцев, бывших подданных шведского короля, Александр I решил признать

и утвердить старую финляндскую конституцию... И Александр I в нескольких манифестах «торжественно» подтвердил «о б е щ а н и е о святом хранении особенной конституции края»[1].

Лишь значительно позднее — в конце XIX в. — царизм повел наступление на Финляндию и отнял у нее ряд прав, предоставленных в 1809 году.

Присоединение Закавказья. Войны с Персией и Турцией

Царизм вел в эти годы активную политику не только на севере. Он стремился одновременно расширить и укрепить свои позиции на востоке. Маркс и Энгельс отмечали:

«Как только на время утихает революционный ураган, можно с уверенностью сказать, что снова всплывет на поверхность вечный «восточный вопрос»[2].

На этот раз главным объектом борьбы на востоке было Закавказье. Дело началось с присоединения к России Грузии. В конце XVIII в. Грузия не была единым государством. На ее территории было в это время два царства: Карталино-Кахетинское и Имеретинское и три княжества — Гурия, Мингрелия и Сванетия, каждое из которых в свою очередь делилось на ряд самостоятельных владений. В Грузии господствовал феодальный строй. Торговля и ремесло были развиты слабо. Грузинские крестьяне были обложены многочисленными натуральными и денежными повинностями и выполняли тяжелые барщинные работы. Суд над ними творил сам помещик. В XVIII в. не раз происходили массовые побеги и волнения грузинских крестьян. На положении крестьян тяжело отражались ожесточенная борьба между феодалами и особенно непрерывные нападения внешних врагов. Персы, турки и дагестанские лезгины нападали на Грузию, забирали людей в плен, грабили население, заставляли принимать мусульманскую веру. Население Грузии резко уменьшилось. Когда-то плодородная и богатая страна представляла теперь печальное зрелище.

Положение Грузии в начале XIX в. было таково, что она не могла существовать как самостоятельное государство. В 1800 г. новый грузинский царь (Карталино-Кахетинского царства) Георгий XII отправил специальное посольство в Петербург с просьбой принять Грузию в подданство Российской империи с тем, чтобы царь грузинский и его наследники были оставлены, но правили бы теперь от имени русского царя. Георгий XII просил занять русскими войсками все крепости и укрепления, а ему самому определить жалованье. Основываясь на этой просьбе, в январе 1801 г. Павел обнародовал манифест о присоединении Грузии к России. «Я хочу, чтобы Грузия была губерния, и так тотчас же поставьте ее в сношения с Сенатом, а по духовной части с Синодом, не трогая их привп-

[1] Ленин. Соч., т. IV, стр. 337.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 371.

легий. Губернатор пусть будет кто-либо из царской крови, но под вами», — писал Павел на Кавказ генералу Кнорингу.

После смерти Павла вопрос о присоединении Грузии к России подвергся новому обсуждению. Боясь международных осложнений, Негласный комитет высказался против присоединения Грузии к России. «Молодые друзья» опасались, что это приведет к обострению отношений с Англией, с которой после смерти Павла самодержавие стремилось установить дружеские связи. Иначе рассуждал Непременный совет. Он считал, что присоединение Грузии имеет для России большое стратегическое и экономическое значение и нельзя упускать удобного момента для этого. Александр I согласился с мнением Непременного совета. 12 сентября 1801 г. манифест о присоединении Грузии был подписан.

Присоединение Грузии к России имело большое положительное значение для самой Грузии. Грузия не могла сохранить свою самостоятельность. Ей пришлось из двух зол выбирать меньшее: или быть совершенно задавленной со стороны соседних, еще более отсталых, чем Россия, мусульманских государств — Персии и Турции, или присоединиться к России, с которой у нее были издавна дружественные связи. Присоединение к России спасло Грузию от вырождения и вовлекло ее в общий ход прогрессивного капиталистического развития, в период которого уже вступила Россия. Присоединение к России способствовало ликвидации феодальной раздробленности в Грузии, обеспечило ее от набегов соседей, оживило экономическую жизнь страны и сблизило ее с более высокой русской культурой.

Одновременно с Грузией царское правительство стремилось присоединить к себе и другие близлежащие территории. На нижнем течении реки Алазани жили авары и цахуры, составлявшие так называемую Джаро-Белоканскую область. Это было несколько вольных обществ, в которых, однако, уже развивались феодальные отношения. Время от времени, главным образом в связи с вопросами внешних отношений, созывались собрания представителей всех вольных обществ, на которых намечались планы совместных действий против врага. Часто авары и цахуры спускались с гор и вторгались на территорию Кахетии. Джаро-Белоканская область имела большое стратегическое значение, связывая Кахетию с территорией дагестанских горцев. Против джарских вольных обществ и направил свой удар тогдашний главнокомандующий русскими войсками на Кавказе Цицианов. Царские войска превратили многие селения в развалины и истребили значительную часть населения. Цицианов объявил о присоединении Джаро-Белоканской области к России и обложил ее ежегодной данью. Когда эта дань не была выплачена, в Джаро-Белоканы двинулась новая экспедиция. После ожесточенных битв Цицианов подчинил Джаро-Белоканские вольные общества и привел жителей к присяге в верности русскому царю.

Укрепляясь в Грузии, царское правительство ставило задачу —

прорваться к кавказским берегам Черного и Каспийского морей. Завоевание побережья этих морей имело огромное военно-стратегическое значение в борьбе России против Персии и Турции. Вместе с тем без этого нельзя было закрепить за собой уже присоединенные территории. Александр I предлагал принять меры «к приобретению Имеретии, Мингрелии, Гурии, когда к тому удобный случай представится».

Между грузинскими князьями шла тогда постоянная борьба. В связи с приходом русских на Кавказ многие из них стали искать себе покровительства у России. Борясь за свои земли с имеретинским царем, мингрельский князь Григорий Дадиани согласился принять русское подданство и в декабре 1803 г. присягнул в верности России.

Имеретинский царь Соломон, наоборот, поддерживал свергнутых грузинских царевичей и имел связи с турками. Переговоры о переходе его в русское подданство шли туго. Соломон требовал, чтобы Россия признала за ним часть мингрельских земель. Цицианов действовал против него всеми средствами. Он направил туда, как писал сам, «авангард из золота и серебра» для подкупа феодальной верхушки Имеретинского царства. Вслед за этим в апреле 1804 г. русские войска вторглись в пограничные районы Имеретии. Соломон дал присягу в верности России.

Присоединение Мингрелии и Имеретии открывало дорогу России к восточному побережью Черного моря. Но важнейшие порты этого побережья оставались в руках турок. Окончательное присоединение Западного Закавказья произошло несколько позднее в связи с русско-турецкой войной 1806—1812 гг. В августе 1809 г., после месячной осады, у турок была взята важная крепость Черноморского побережья — Поти. Вслед за тем, в 1810 г., в русское подданство вступил владетельный князь Гурии. Вне влияния России осталась Абхазия, находившаяся в сильной зависимости от турок. В Абхазии шла борьба между двумя князьями: Арслан-беем, за спиной которого была Турция, и Сафар-беем, которого поддерживала Россия. Когда Арслан-бей захватил Абхазию, русские войска вступили на территорию Абхазии и осадили Сухум. После упорной борьбы 10 января 1810 г. Сухум был взят. Арслан бежал в горы. Сафар-бей стал правителем Абхазии, а Абхазия приняла русское подданство.

Вслед за тем русские войска направились в Имеретию. Имеретинский царь Соломон, номинально подчинившись России, продолжал вести враждебную России политику, поддерживая связь с турками. Тогда русские войска свергли Соломона. Вскоре после этого, в июне 1810 г., в Имеретии вспыхнуло большое восстание, но оно было подавлено, и Имеретия была окончательно присоединена к России. Так к 1811 г. все Западное Закавказье оказалось в руках России.

Одновременно с присоединением Западного Закавказья начались действия по завоеванию Закавказья Восточного. Эта часть Закав-

казья была заселена главным образом азербайджанским и армянским народами. Она состояла из множества полусамостоятельных ханств с развитой системой феодальных отношений. Все эти ханства в той или иной степени зависели от Персии. Верхушку феодального общества Азербайджана составляли ханы; ниже их стояли беки, мелики, освобожденные от податей и повинностей. Земля считалась формально государственной собственностью, и распорядителем ее был хан. Он давал ее в пользование бекам, за что они должны были нести службу. Однако фактически к началу XIX в. земля стала их собственностью.

Азербайджанские ханы имели свой аппарат управления и назначали в отдельные районы ханства своих управителей. В каждом ханстве была и духовная власть, которая сосредоточивала в своих руках судебные и религиозные дела. Городская жизнь была развита в Азербайджане слабо. Крестьяне находились в феодальной зависимости от помещиков — ханов и беков. Они уплачивали многочисленные натуральные и отчасти денежные поборы. Между отдельными ханствами Азербайджана и внутри самих ханств шла ожесточенная борьба. Часто происходили войны, тяжело отражавшиеся на положении населения. Победитель разрушал мирные селения и уводил с собой множество пленных. Феодальная раздробленность и междоусобицы ослабляли страну и разоряли народ.

Завоевание Восточного Закавказья началось походом против Ганджинского ханства. В ноябре 1803 г. отряд Цицианова двинулся на Ганджу. Цицианов заявил, что так как Ганджа принадлежала ранее Грузии, а Грузия приняла русское подданство, то и Ганджинское ханство должно подчиниться теперь России. Цицианов предложил ганджинскому хану Джевату сдать город, но хан не подчинился. Целый месяц длилась осада Ганджи. Три раза Цицианов возобновлял предложение сдать крепость, но ганджинцы упорно отклоняли его. В ночь на 3 января 1804 г. начался штурм крепости. Несколько раз русские войска бросались на крепостные стены, но отбрасывались назад. Наконец им удалось ворваться в крепость. Ожесточенный бой завязался внутри ее. Ганджинское ханство было уничтожено и присоединено к грузинским землям. Ганджа была переименована в честь жены Александра I в Елизаветполь.

Завоевание Ганджи имело большое значение. Ганджа считалась ключом к северным провинциям Азербайджана, захваченным Персией. Ее падение решило участь целого ряда азербайджанских ханств. Ширин-бек Самухский, владения которого находились по соседству с Ганджей, немедленно явился в русский лагерь, присягнул на подданство России и обязался платить ежегодную дань. А Цицианов, завоевав Ганджу, двинулся против важнейшего оплота Персии в Закавказье — Эриванского ханства. В июне 1804 г. ему удалось в ожесточенной схватке нанести тяжелое поражение большой армии персидского наместника Аббаса Мирзы. После этого Цицианов приступил к блокаде Эривани.

Однако захват Эривани не удался. Отрезанный от основных сил, Цицианов снял блокаду и отступил в Грузию. Но борьба за завоевание Восточного Закавказья продолжалась. В мае 1805 г. удалось добиться присоединения к России Шекинского и Карабахского ханств. С обоими ханами были заключены договоры, согласно которым они отказывались от всякой зависимости от Персии и признавали над собой власть русского императора. Они соглашались впустить в свои ханства русские войска, снабжать их провиантом, а из своих доходов платить ежегодную дань русскому императору.

В декабре 1805 г. русские войска приступили к захвату Бакинского ханства, что должно было положить начало русскому господству на Каспийском море. Первые попытки захватить Бакинское ханство не удались. Цицианов сам двинулся к Баку и потребовал от бакинского хана Гусейн Кули сдачи города. Гусейн согласился, но под самыми стенами города Цицианов был убит. После смерти Цицианова Бакинское ханство существовало недолго. В сентябре 1806 г. русские войска захватили Дербентское ханство. Это сыграло важную роль. Дербент недаром называют каспийскими воротами. Путь по побережью Каспийского моря в этом месте лежит по небольшой узкой полоске, с одной стороны которой тянется море, а с другой — горы. Только завладев этими воротами, можно было обеспечить сообщение по западной части каспийского побережья. После захвата Дербента русские войска снова направились к Бакинскому ханству. На этот раз хан бежал, а город сдался без сопротивления. Хан был объявлен низложенным. Бакинское ханство уничтожено. Баку и прилегающие земли превращены в русскую провинцию.

Затем русские войска направились к Кубинскому ханству, без покорения которого нельзя было обеспечить нормальное сообщение между Дербентом и Баку. Кубинский хан также бежал, а его ханство было присоединено к Российской империи. Таким образом, большая часть территории Северного Азербайджана была присоединена к России в 1805—1806 гг. Что касается современной Армении, то она была присоединена позднее. В 1801—1806 гг. в состав Российской империи была включена лишь та часть армянского населения, которая жила на территории завоеванных в это время азербайджанских ханств и грузинских княжеств.

В Азербайджане установилось несколько иное правление, чем в Грузии. Ганджинское и Бакинское ханства, оказавшие сильное сопротивление, были уничтожены. Но другие ханства продолжали существовать и после русского завоевания, сохранив самостоятельность во внутреннем управлении. Русское самодержавие ограничилось превращением их в свою военно-стратегическую базу. Поставив ханов в полную зависимость от себя, царизм собирал с них дань.

Присоединение Закавказья улучшило военно-стратегическое положение России и имело большое экономическое значение. Покров-

ский утверждает, что это было следствием победоносного наступления русского торгово-промышленного капитала на рынки Азии. Но было как раз наоборот. Экономическое проникновение России в Закавказье широко развернулось после его политического подчинения. «Экономическое «завоевание» его (Кавказа. — Э. Б.) Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне»[1], — писал Ленин в конце XIX в. в работе «Развитие капитализма в России».

Приобретение новых территорий предоставляло широкое поле деятельности для возникающего русского капитализма. Россия вступала на путь капиталистического развития, имея обширные неосвоенные земли. Это давало большие возможности для развития капитализма вширь. Это задерживало разложение крепостного строя России и отсрочивало его столкновение с возникающими капиталистическими отношениями.

С занятием Закавказья царская Россия неизбежно вступала в конфликт с такими государствами, как Турция и Персия. Турция претендовала на влияние в западных частях Закавказья. Персия считала своей территорией все Восточное Закавказье. Они не могли примириться с потерей Закавказья.

Кроме того, надо учесть, что за спиной Персии с Турцией действовали Англия и Франция. Они снабжали Турцию и Персию деньгами и оружием и обучали их армии. Наполеон рассматривал Персию и Турцию как орудие в борьбе с Россией и как плацдарм для своих завоеваний на Востоке. Французскому генералу Гардиану предлагалось добиться, чтобы «Персия произвела сильную диверсию к границам России». Гардиану поручалось стремиться к тому, чтобы действия Персии и Турции против России были согласованы.

Война между Россией и Персией началась еще в 1804 г. и затянулась вплоть до 1813 г. Пользуясь сложным международным положением России, персидская армия под предводительством энергичного Аббас Мирзы на протяжении этого времени неоднократно вторгалась в Закавказье, стремясь отнять у России азербайджанские ханства. Но всякий раз персидская армия терпела тяжелые поражения.

Перед войной и особенно во время войны 1812 г. Россия стремилась заключить мир с Персией. Она соглашалась сократить свои претензии к Персии. Если раньше Россия требовала присоединения к себе Эриванского и Нахичеванского ханств, то теперь она соглашалась ограничиться только теми землями, которые уже находились в ее владении. Однако переговоры с Персией прервались. Пользуясь тяжелым положением России, в августе 1812 г. персы снова перешли в наступление и захватили Талышинское ханство с

---

[1] Ленин. Соч., т. III, стр. 463.

крепостью Ленкорань. Однако и на этот раз наступление персов не удалось. Генерал Котляревский умело отразил их натиск и сам перешел в наступление. В октябре 1812 г. с небольшими силами он переправился через реку Аракс и разбил 30-тысячную персидскую армию Аббас Мирзы. В ночь на 1 января 1813 г. русские войска выбили персидский гарнизон из Ленкорани. Ленкоранская крепость была построена англичанами и считалась неприступной. Захват ее имел большое значение. Он открывал дорогу к сердцу Персии. Русские войска стали готовиться к вторжению в ее пределы. Стало ясно, что Персия не может дальше сопротивляться.

12 октября 1813 г. в селении Гюлистан был заключен мирный договор между Россией и Персией. Упорная война, длившаяся девять лет, окончилась. Гюлистанский трактат закрепил за Россией Карабахское, Дербентское, Бакинское, Кубинское, Ганджинское, Шекинское, Ширванское и Талышинское ханства, а также Грузию и Дагестан. Гюлистанский договор предоставлял России полное господство на Каспийском море. Персия не могла иметь там военный флот.

Война с Турцией началась в 1806 г. и продолжалась до мая 1812 г. Турки стремились использовать поражения русской армии в Европе, чтобы возвратить под свое владычество черноморское побережье и изгнать русские войска из Западного Закавказья. Франция всячески помогала туркам. Подталкиваемые Францией, турки нарушили заключенные с Россией договоры. Попытки мирного урегулирования вопроса ни к чему не привели. Тогда, в ноябре 1806 г., несмотря на то, что главные силы русской армии были заняты борьбой с Наполеоном, часть русских войск вторглась на территорию придунайских княжеств, принадлежавших туркам. Почти не встречая сопротивления, русские войска заняли Хотин, Яссы, Бухарест. Вскоре вся Бессарабия, Молдавия и Валахия оказались в их руках. Однако Дунай с его многочисленными крепостями служил серьезной помехой для дальнейшего движения русской армии. Чтобы отвлечь турецкие силы от главного участка борьбы, было решено начать наступление против турок со стороны Закавказья. Попытки захватить две важнейшие турецкие крепости — Карс и Ахалкалаки — кончились неудачей, зато 18 июня 1807 г. на берегу реки Арпачая немногочисленным русским войскам удалось разбить наголову турецкую армию Юсуф-паши.

Обе стороны готовились к большим наступательным операциям, как вдруг было получено сообщение о подписании Тильзитского мира. Это меняло расстановку сил. Россия становилась теперь союзником Франции. Наполеон объявил себя посредником в целях заключения мира на русско-турецком фронте. В августе 1807 г. между Турцией и Россией было подписано перемирие. Война приостановилась, но обе стороны не были склонны заключить мир.

Во время эрфуртского свидания Александр заручился поддержкой Наполеона в вопросе о присоединении Бессарабии, Молдавии и Валахии к России. Опираясь на это, Россия предъявила Турции

требования согласиться на присоединение дунайских княжеств к России, провозгласить независимость Сербии, признать русский протекторат над Грузией, Имеретией и Мингрелией. Турция отказалась обсуждать предложения России. В ответ на это в марте 1809 г. Россия возобновила военные действия против Турции. Назревали новые события в Европе, и России хотелось быстрым и решительным ударом покончить с Турцией, чтобы освободить дунайскую армию. Но этого не получалось.

Командующим русскими войсками на Дунае был в это время престарелый фельдмаршал Прозоровский, не способный на решительные действия. Как пишет Вигель, Прозоровский «походил более на труп, чем на живого человека. Правда, к нему послали энергического генерала, известного князя Багратиона, и тот по временам сажал его на лошадь и выводил в поле против турок, но вдохнуть жизни не мог». Осада турецких крепостей шла без больших успехов. Война затягивалась.

Положение изменилось, когда после смерти Прозоровского во главе русской армии был поставлен молодой Каменский. Он переправил все основные силы русских за Дунай и осадил ряд турецких крепостей. Пала Силистрия. Пал Базарджик. Штурм Рушука не удался. Зато в августе 1810 г. под местечком Батин русские войска разбили 40-тысячную турецкую армию, из которой спаслось лишь около 6 тысяч. В сентябре 1810 г. пал Рущук, затем Журжев и ряд других турецких крепостей. Русские войска овладели правым берегом Дуная и стали у подножья Балкан.

Но положение русской армии было трудное. Она была изнурена тяжелой пятилетней войной. А между тем надвигалась борьба с Наполеоном. В связи с обострением русско-французских отношений значительная часть русских войск была отозвана с турецкого фронта. Оставалось только 46 тыс. человек; растянутые на широком фронте, они противостояли крупной турецкой армии, которая готовилась перейти в наступление и отвоевать все, что было завоевано русскими войсками с начала войны. Турецкие силы были сосредоточены против центра русских войск и занимали сильные крепости. Наполеон рассчитывал, что турецкая армия примет участие в его походе на Россию и примкнет к правому флангу французских войск. За участие в войне с Россией Наполеон обещал Турции Крым. В такой момент в начале 1811 г. главнокомандующим русской армией вместо умершего Каменского был назначен М. И. Кутузов. Он повел исключительно умелую борьбу с противником, приведшую к полной победе. Кутузов отказался от осады и штурмов крепостей, на которые русские войска потратили уже 5 лет.

Сосредоточив разбросанные силы русской армии на важнейшем направлении, он решил прежде всего разгромить живую силу противника. Зная слабые стороны турецкой армии в полевом бою, Кутузов выманил турок из крепости Шумлы. Кутузов нанес крупнейший удар 60-тысячной турецкой армии под Рущуком и заставил ее отступить на юг. Но Кутузов не стал преследовать отступив-

шего противника и, взорвав крепость Рущук, отошел на левый берег Дуная. Обрадованные этим турки собрали новую армию и, переправив ее главные силы через Дунай, повели наступление. Тогда 7-тысячный отряд русских войск по приказу Кутузова переправился вдали от района действий на правый берег Дуная, вышел в тыл туркам, захватил их лагерь и отрезал пути для их отступления. В итоге этого искусного маневра дунайская армия Кутузова с гораздо меньшими силами полностью окружила 70-тысячную турецкую армию и прижала ее к Дунаю. Положение турок было безнадежным. Турецкая армия капитулировала. Это был крупнейший успех русских войск на Дунае. Кутузов отмечал в приказе славные подвиги дунайской армии: «Удар блистательного оружия поразил силы многоплеменных толп турецких. Дунайская армия, путь к славе проложившая, останется навсегда незабвенной в сердцах патриотов в победном нашем отечестве».

Туркам пришлось пойти на мирные переговоры. Кутузов проявил себя в этих переговорах как умелый дипломат. Он хорошо понимал национальные интересы своей страны. Надвигалась война России с Францией, нужно было развязать себе руки на востоке. Александр писал Кутузову: «Величайшую услугу вы окажете России поспешным заключением мира с Портой. Слава вам будет вечная». Кутузову удалось сорвать все попытки турок затянуть переговоры.

8 мая 1812 г. с Турцией был заключен так называемый Бухарестский мир. Турция уступила России Бессарабию с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Измаил. Россия возвратила Турции Поти и Ахалкалаки. Хотя Россия и не добилась передачи ей Валахии и Молдавии, тем не менее Бухарестский мир был крупной победой России. Россия получила Бессарабию и могла перебросить свою дунайскую армию на борьбу с Наполеоном.

Военная и дипломатическая победа России в 1812 г. на востоке была одним из важных условий, облегчивших разгром Наполеона в Отечественной войне русского народа. Александр I утвердил Бухарестский договор 11 июня 1812 г., а на другой день огромные полчища Наполеона перешли границу России.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 года

Перед войной

В. Г. Белинский писал, что в жизни каждого народа, как и в жизни человека, бывают критические моменты, когда на весах судьбы лежит его жизнь, честь и счастье. По тому, как действовал народ в эти критические моменты, можно безошибочно судить о величии его духа, о молодости и свежести его сил. Чем трагичнее положение, в которое попадает народ, тем выше подвиг народа, выходящего из этого положения с честью и славой победы. Одним из таких наиболее критических моментов в жизни нашей страны был 1812 год. Русский народ вступил тогда в грандиозную борьбу с нашествием Наполеона и вышел из нее победителем.

Как указывал товарищ Сталин, наполеоновское правительство представляло собой «буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии»[1].

Создание такого правительства изменило характер войн, которые вела Франция. Контрреволюционная диктатура Наполеона превратила войны Франции из оборонительных в завоевательные. Франция, которая во время революции несла освобождение другим народам, стала теперь их угнетателем и поработителем; «...войны великой французской революции, — отмечал Ленин, — начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона»[2].

К 1812 г. Наполеон, казалось, достиг своего наибольшего могущества. Почти половина тогдашнего населения Европы входила в его империю. В Мадриде и в Неаполе, во Флоренции и в Риме сидели наместники Наполеона. Ему подчинялись германские и

---

[1] Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников стр 10. Партиздат, 1937.

[2] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 181.

итальянские правители, датский король и Швейцарская республика, король Пруссии и император Австрии.

Но оставался главный враг французской буржуазии — Англия. Опираясь на свою промышленную и финансовую мощь, господствуя на морях, имея огромные колонии, английская буржуазия отражала все нападки своего французского конкурента.

Наряду с Англией была еще одна сила, побежденная, но не сломленная Наполеоном, — это Россия. Тильзитский мир подчинил Россию Франции. Наполеон хотел использовать Россию для осуществления своих целей. Однако из этих попыток ничего не получалось. Континентальная блокада подрывала экономические силы России. Дворянство выражало резкое недовольство разрывом с Англией. Ввоз английских товаров контрабандным путем продолжался. «Торговая блокада становилась невыносимой, — писал Энгельс. — Экономика была сильнее дипломатии и царя, вместе взятых; торговые сношения с Англией были втихомолку возобновлены; тильзитские условия были нарушены, и разразилась война 1812 г.» [1].

После войны Франции с Австрией в 1809 г., во время которой Александр уклонился от решительных действий, Наполеон начал фактически готовить войну с Россией. Он хотел поработить Россию и по примеру других государств Европы заставить ее служить политическим и экономическим интересам французской буржуазии. Наполеон попрежнему строил фантастические планы похода через Россию на Индию, чтобы нанести решающий удар Англии. «Достаточно будет, — говорил он, — прикоснуться французским мечом к берегам Ганга, чтобы во всей Индии рухнуло здание этого меркантильного величия». Наполеон мечтал о мировом господстве и для дальнейшей борьбы за это господство хотел использовать материальные и людские ресурсы России. В 1811 г. он говорил одному из своих приближенных: «Через пять лет я буду господином мира; остается одна Россия, но я раздавлю ее».

Для борьбы с Россией Наполеон готовил плацдарм в Польше. Наполеон обещал не расширять герцогства Варшавского и не содействовать восстановлению польского королевства. Но вопреки этому обещанию он увеличил герцогство воеводствами, отнятыми у Австрии, и внушил полякам мысль о восстановлении Польши в ее прежних границах.

В 1810 г. Наполеон присоединил к Франции новые территории: ганзейские города Гамбург, Бремен, Любек, территории, лежащие между Гамбургом и Голландией, в том числе и земли герцога Ольденбургского, родственника Александра I. Эти захваты не только затронули династические интересы Александра, но и приблизили границу Франции к России. Наполеон не посчитался с требованиями России и даже не принял ноты протеста, отправленной Александром I по этому поводу.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 20.

1811 год прошел в грандиозной подготовке Наполеона к войне с Россией. Ни к одной кампании не делалось столь обширных приготовлений, как к этой. Во Франции происходила мобилизация новых возрастов в армию. Отборными людьми пополнялась императорская гвардия, формировались огромные массы кавалерии, увеличивалась артиллерия; для строительства дорог и мостов создавались специальные инженерные части.

Наполеон мало надеялся, что его армия может быть прокормлена на месте за счет русского населения. «Так как на страну вовсе нельзя надеяться, — говорил он, — то все нужно иметь с собой». Поэтому французская армия заготовляла большое количество продовольствия. Организовывались большие продовольственные и фуражные базы. Формировался огромный обоз, который должен итти вместе с армией. К предстоящему походу Наполеон привлекал все подвластные ему королевства, герцогства, княжества. Они должны были помочь готовящейся войне не только своими ресурсами, но и людскими контингентами. Наполеон хотел двинуть против России всю Европу. Наполеон создал разветвленную шпионскую организацию и засылал в нашу страну большое количество шпионов. Наполеон читал книги о русской армии и тщательно знакомился с картами России. Разрабатывая планы будущих военных действий, он изучал историю прежних нападений на Россию, в том числе неудачный поход Карла XII. Но, как известно, это не спасло его от такого же бесславного конца.

Положение Наполеона перед войной 1812 г. было вовсе не таким прочным, как это могло казаться с первого взгляда. Уже несколько лет все попытки подавить героическое сопротивление испанского народа кончались неудачей. Испанская армия была разгромлена, но испанский народ не был побежден, и широкое партизанское движение заставляло Наполеона держать на Пиренейском полуострове огромную армию. Нарастало недовольство и среди других народов, покоренных Наполеоном. В Пруссии распространялись прокламации, призывающие объединиться для борьбы с французским гнетом. Брат Наполеона — вестфальский король Жером — писал, что ненависть к французам и раздражение против иноземного ига могут превратить всю местность между Рейном и Одером в очаг обширного восстания. Вместе с тем Франция испытывала серьезные экономические затруднения.

Но все это не остановило Наполеона. Наоборот, чем больше выяснялись неуязвимость Англии, упорное сопротивление испанцев, нежелание России превратиться в слепое орудие Наполеона и трудности внутри страны, тем настойчивее Наполеон стремился найти выход в войне против России. Уже в ноябре 1811 г. Александр I писал, что «...все так натянуто, что военные действия могут начаться с минуты на минуту». Но зима была неподходящим временем года для начала военных действий с Россией. Кроме того, Наполеону важно было заручиться поддержкой Австрии и Пруссии. Наполеону нужна была территория Пруссии, чтобы оттуда

нанести удары России. В декабре 1811 г. Франция заключила соглашение с Австрией, согласно которому последняя должна была дать под командование Наполеона вспомогательный корпус в 30 тыс. человек. В феврале 1812 г. такой же договор был заключен с Пруссией.

Вероломство тогдашнего прусского правительства и прусского короля Фридриха Вильгельма III вскрылось с особенной ясностью. Пруссия, которая, как признавал сам Наполеон, была обязана России своим существованием, платила теперь ей черной неблагодарностью. Пруссия отклонила союз, который предлагал ей заключить Александр I. Несмотря на то что Россия согласилась защищать Пруссию от Наполеона, Фридрих Вильгельм III продолжал пресмыкаться перед угнетателем Европы и делал ему уступку за уступкой. Небольшая группа патриотов тщетно пыталась не допускать предательства национальных интересов Пруссии. Но король не решался развязать национально-освободительную борьбу против Наполеона. Отказываясь от союза с Россией, прусский король принял предложения Наполеона. Он согласился ограничить Пруссию армией в 42 тыс. человек, из которых 20 тыс. должны были выступить в поход против России. Пруссия обязалась пропустить французские войска через свою территорию и снабдить их всем необходимым в счет следуемой с Пруссии контрибуции. Наполеон обещал возместить жертвы и убытки Пруссии территориальным вознаграждением.

Наполеон старался отвлечь силы России войнами на севере и на юге. Он склонял на свою сторону Швецию, обещая ей возвратить Финляндию, и подстрекал турок к продолжению войны для возвращения всех земель, потерянных Портою со времени Кучук-Кайнарджийского договора. Однако эти попытки не удались. Бухарестский мир 1812 г. снимал военную угрозу на юге. Освобожденная с турецкого фронта дунайская армия направилась к северу для того, чтобы принять участие в начавшейся войне. Не удалась также попытка Франции привлечь на свою сторону и Швецию. Вновь избранный наследный принц Швеции, наполеоновский маршал Бернадот, не только не поддержал своего бывшего императора, но вступил в союз с Россией против Франции: Швеции было обещано при этом отдать Норвегию, принадлежавшую до этого датскому королю.

К началу 1812 г. Наполеон собрал огромные силы. Мир не видел еще такой крупной армии. Он имел под ружьем 1 200 тыс. человек; из них одна половина была предназначена для покорения Испании и обороны Французской империи, другая, в количестве 600 тыс. человек, составила так называемую Великую армию, которая и должна была вторгнуться в Россию.

Во главе ее стояли лучшие маршалы Наполеона: Даву, Ней, Мюрат, Удино, Макдональд и другие. Это были молодые, способные, смелые полководцы, прошедшие вместе с Наполеоном через огонь многих сражений. Ядро французской армии состав-

ляли закаленные солдаты, преданные Наполеону, совершившие под его руководством ряд победоносных походов. Эти солдаты верили в непобедимость своей армии. Они были охвачены стремлением к новым подвигам, к новой славе, к новым завоеваниям. Жажда личного обогащения и наживы двигала наполеоновскую армию вперед. Но, кроме старых солдат, во французской армии было много новобранцев. Последние были плохо обучены, и их дух был значительно ниже, чем у старых наполеоновских солдат. Вместе с тем французы составляли лишь половину армии Наполеона, другая половина состояла из солдат союзных стран.

На Россию шло «двунадесять языков»: немцы, итальянцы, поляки, испанцы, португальцы, голландцы, бельгийцы, швейцарцы, венгры. Такой состав не мог обеспечить достаточную прочность наполеоновский армии. Люди, на родине которых господствовал тяжелый режим наполеоновского сапога, не могли быть прочной опорой Наполеона. Русский дипломат Ханыков писал про итальянцев: «Уже одна мысль о действиях в пользу Франции и совместно с французами оскорбляет их чувство чести». И недаром в то время говорилось в одной русской песенке:

«Посмотрите, подступает
К нам соломенный народ,
Бонапарте выпускает
Разных наций хилый сброд.
Не одной они все веры,
С принужденьем все идут,
При чувствительной потере
На него же нападут».

С начала 1812 г. наполеоновская армия быстро приближалась к границе России. Чтобы нападение было неожиданным, это движение держалось в глубокой тайне. Наполеон и его дипломаты уверяли Россию в своих миролюбивых намерениях. Французский посол в России Лористон получил подробные инструкции, как нужно вводить в заблуждение русское правительство, чтобы выиграть время и обеспечить развертывание и сосредоточение французской армии. Французские дипломаты пускали в ход весь арсенал лжи и лицемерия, а в это время армия Наполеона переходила Эльбу, Одер, Вислу. Продолжая кричать о мире, Наполеон отклонял все мирные предложения России и готовил свою армию для вторжения на нашу землю.

9 мая 1812 г. Наполеон выехал из Парижа. В Дрездене произошла торжественная встреча французского императора с его многочисленными вассалами. Короли и князья, герцоги и министры, генералы и придворные в три погибели склонялись перед властелином Европы. Все ждали, что предстоящий поход на Россию еще выше поднимет славу Наполеона и сделает его царем царей. Некоторые более дальновидные и притом знающие положение в России советники Наполеона не разделяли этих иллюзий. Бывший посол Франции в Петербурге Коленкур прямо говорил Наполеону: «Если мы вступим в Россию, не ждите мира, пока хоть один француз останется на русской территории. Упрямая национальная гордость русских не примирится с порабощением».

Граф Норбонн, только что вернувшийся из поездки в Россию, заявлял: «Там сумеют пойти на любые жертвы, чтобы отразить врага». Но Наполеон не послушал этих советов.

Россия видела надвигающуюся на нее опасность и готовилась вступить в тяжелую, неравную борьбу с врагом. Мир с Турцией и Швецией улучшил ее положение на севере и на юге. Но единственным союзником России в борьбе с Наполеоном могла быть Англия. Как только начались военные действия, между обеими странами был заключен союзный договор. Россия отказывалась от континентальной блокады. Англия обязалась субсидировать Россию в войне с Францией. Однако Англия не оказала вооруженной поддержки России в той грандиозной битве, которая развертывалась на нашей земле. Вооруженные силы России одни должны были противостоять ожесточенному натиску Франции, за которой шла почти вся Европа.

На случай возможного вторжения неприятеля Россия укрепляла свою западную границу, строила новые и усиливала старые крепости. Россия не могла выставить такую большую армию, какую собрал Наполеон. Вместе с тем вступление Австрии в войну заставило Россию выделить часть войска на случай возможного нападения с ее стороны. Всего русская армия насчитывала к этому времени 480 тыс. человек. Но непосредственно против Наполеона Россия могла бросить немногим больше 200 тыс. человек, причем эти силы были разбиты на три армии. Самой многочисленной была Первая Западная армия. В ней было примерно 120 тыс. человек. Вторая и Третья армии были невелики — примерно по 45—48 тыс. человек. Качество русской армии было высокое. Здесь были испытанные русские солдаты, служившие еще при Суворове. Здесь были герои Измаила, Альпийского похода, финской и турецкой кампаний. Здесь были участники сражений с наполеоновской армией в Европе. В командном составе русской армии находились славные ученики Суворова. Новое поколение офицеров уже успело закалиться во многих битвах и воспринять замечательные суворовские традиции.

Первой армией командовал Барклай де Толли. Честный и смелый генерал, спокойный, знающий военачальник, он проделал накануне Отечественной войны большую работу по организации всей русской армии как военный министр страны. Второй армией командовал суворовский ученик — бесстрашный, пылкий Багратион, герой многочисленных победоносных походов. Русская армия имела немало славных командиров: Раевского, Неверовского, Тучкова, Платова, Коновницына, Дохтурова, Ермолова и многих других. Накануне войны организация русских войск значительно улучшилась, они имели искусную конницу, стойкую, мужественную пехоту и были оснащены хорошей артиллерией, не уступающей французской.

Но у русской армии не было руководителя. Разбитая на три части, русская армия не имела единого командования. Командую-

щий Первой армией военный министр Барклай де Толли не был назначен командующим всеми войсками. Еще в конце апреля в Вильно, где был расположен штаб Первой Западной армии, прибыл Александр, который сам претендовал на роль верховного военного руководителя. Однако на деле его пребывание в армии наносило огромный вред. Не имевший никаких военных способностей, часто подпадавший под влияние тех или иных советников, Александр только путал и мешал руководству армией. Тот, кто по праву должен был возглавить русское воинство в час надвигающейся опасности — Михаил Илларионович Кутузов, — после своей военной и дипломатической победы на юге снова был не у дел и проживал в своем имении.

Александр принял план обороны, разработанный его военным советником бароном фон-Пфулем. Прусский военный теоретик, поклонник Фридриха II, Карл Людвиг Август фон-Пфуль в 1806 г. перешел на русскую службу и вошел в доверие к царю. Планы Пфуля, строившиеся на старой прусской военной стратегии, не учитывали опыта новейших войн и, как обнаружилось впоследствии, оказались совершенно непригодными. Согласно этим планам русские войска были разделены на две армии, из которых одна, главная армия, должна была, уклоняясь от решительного боя близ границы, отступить в заранее укрепленный военный лагерь, а вторая армия должна была наносить удары в тыл французской армии и разрушать ее сообщения. Укрепленный военный лагерь был создан в местечке Дрисса. Пфуль при этом не учел, что Наполеон имеет такие большие силы, что он может одновременно обрушиться на обе русские армии и, пользуясь их разобщенностью, разгромить их.

Александр I знал, что война с Наполеоном неизбежна, но он не понимал всей серьезности положения. А между тем надвигались решающие события. 10 июня 1812 г. Наполеон писал в своем воззвании к армии: «Россия увлечена роком. Судьбы ее должны свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица?.. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы. Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая».

Вторжение Наполеона в Россию

Под вечер 11 июня корпус Даву, который первым должен был вступить на русскую землю, подошел к Неману. Огней не разводили, и ничто не говорило за то, что через несколько часов десятки тысяч французов будут по ту сторону реки. Но вот стемнело. В темноте рота саперов переправилась через реку. Казачий разъезд подъехал к французам. «Чего вы хотите и зачем вы в России?» — спросил офицер. «Воевать с вами», — был ответ. И саперы обстреляли казачий разъезд. Это были первые французские выстрелы, прозвучавшие в России. В 11 часов вечера три

моста для переправы были готовы, и живым потоком потянулись по ним легионы наполеоновской армии. Погода хмурилась. Собирались тучи. Затем грянула летняя гроза. Оглушительные раскаты грома потрясали воздух. Дождь лил, как из ведра, дороги превращались в непроходимые болота, в которых увязали лошади. Армия Наполеона вступала в Россию.

Александр I получил известие об этом 12 июня 1812 г., в Вильно на пышном балу, который давался в его честь. На другой день Александр отправил министра полиции Балашова к Наполеону с предложением о мире. Поездка Балашова не могла приостановить начавшихся военных действий. Она имела целью продемонстрировать миролюбие русского императора. Балашов рассказывает, будто Наполеон спросил его: «Какая дорога в Москву?». Я отвечал ему: «Ваше величество, этот вопрос меня немного затрудняет: русские говорят так же, как и французы, что все дороги ведут в Рим. Дорогу на Москву избирают по желанию: Карл XII шел через Полтаву».

Но Наполеон не предполагал итти прямо на Москву. Он понимал всю опасность проникновения в глубь России. Наполеон ставил своей задачей как можно скорее встретиться с русской армией, разбить ее и этим решить исход войны в свою пользу. «Надобно покончить этот поход одним громовым ударом», — говорил Наполеон. Опираясь на двойное количественное превосходство своих сил и используя разобщенность русских армий, Наполеон искал генерального сражения, чтобы выполнить эту задачу. Однако крупных боевых операций не было. Происходили лишь мелкие стычки. Русская армия без боя очистила Вильно. Она начала тактику отступления. Один из русских генералов говорил: «Должно пожертвовать некоторыми нашими провинциями, но из двух зол надо избрать легчайшее: потерять на время часть, нежели навсегда потерять целое».

Русская армия отступила в Дрисский лагерь. Главные армии отделились друг от друга на 300 верст. Между ними встал маршал Даву, занявший Минск. Здесь-то и обнаружилась вся нелепость плана Пфуля. Многие утверждали, что если бы русское войско осталось в Дрисском лагере и ждало там неприятеля, то оно было бы окружено и вынуждено было бы на самую позорную капитуляцию. Дриса была ловушкой для русской армии. Не оставалось ничего другого, как немедленно уйти из дрисской ловушки. 2 июля 1812 г. — после четырехдневного пребывания в Дриссе — армия Барклая де Толли выступила из нее. Почти одновременно с устранением «дрисской опасности» русская армия освободилась еще от одной «опасности» — от присутствия Александра I в штабе армии. Александра убедили в необходимости уехать, и многие, облегченно вздохнув, считали, что этим обеспечено первое условие победы над неприятелем.

После ухода из Дриссы план действий русской армии был изменен. Было решено во что бы то ни стало соединить обе запад-

ные армии и только тогда вступить в бой. Это был тогда единственный путь для спасения армии и страны. Барклай направился по Западной Двине к Витебску, куда шел теперь и Багратион. Для прикрытия Пскова, Новгорода и самого Петербурга на Двине был оставлен корпус Витгенштейна. Став близ Полоцка, он с успехом выполнял свое поручение, а в июле и августе 1812 г. одержал ряд побед над французами.

Отступление русской армии втягивало Наполеона в тяжелую затяжную войну на чужой территории. Он пытался разгромить русские армии поодиночке, не дав им возможности соединиться. «Теперь Багратион с Барклаем больше уже не увидятся», — говорил Наполеон. Против небольших сил Багратиона Наполеон отправил крупные части маршала Даву, своего брата Жерома, Понятовского и др., силы которых больше чем вдвое превышали армию Багратиона. Они должны были окружить и уничтожить Багратиона. «Попал в клещи; надо вырваться», — писал Багратион.

Знаменитый ученик Суворова, талантливый и смелый Багратион с честью выходил из самых трудных положений, не раз выдерживая ожесточенные бои с превосходящими силами противника. «Насилу выпутался из ада... теперь иду к Могилеву», — сообщал он. Окружить Багратиона не удавалось. Барклай надеялся соединиться с Багратионом в Витебске. Чтобы выиграть время для этого соединения, он выделил часть войск, которые должны были задержать напор неприятеля. Завязалась упорная борьба. Русские войска дрались героически. Только в результате ожесточенной трехдневной борьбы французы добрались до главной русской армии у Витебска. Наполеон уже предвкушал сладость предстоящей победы. Он ждал с нетерпением рассвета, чтобы начать бой. Но русская армия ночью удалилась и притом в таком порядке, что на другой день Наполеон даже не мог выяснить, по какой дороге она направилась. На самом деле Барклай отступил к Смоленску, чтобы там соединиться с Багратионом.

Так, погнавшись за двумя армиями, Наполеон не захватил ни одной. А между тем положение Наполеона становилось все тяжелее. Русская армия отступала с боями. Французский офицер Комба пишет: «Она защищала каждую пядь земли, причиняя нам большой урон артиллерийским огнем».

Стремясь нагнать уходившего противника, Наполеон двигался такими темпами, что за ним не поспевали обозы. Они оставались на несколько переходов позади. Снабжение армии становилось все более затруднительным, французы стали прибегать к массовым реквизициям и грабежу местного населения. Огромных размеров достиг падеж лошадей. Болезни выводили из строя солдат. Длительные и быстрые переходы утомляли армию: она таяла количественно, ее моральное состояние непрерывно ухудшалось. Уже начались первые признаки разложения войска — мародерство и дезертирство. А главное — сейчас же после вступления на терри-

рию Литвы и Белоруссии Наполеон встретился с враждебным отношением местного населения к французским захватчикам. Началась та народная война, которая по мере дальнейшего продвижения Наполеона в глубь русской территории разгоралась все более и более и которая в конце концов и погубила армию Наполеона.

С первых же дней войны выяснился антинародный характер политики Наполеона. При приближении Наполеона ходили слухи, будто бы он, придя в Россию, освободит крестьян от крепостной зависимости. Но этого не случилось. Основатель новой французской монархии не мог принести освобождения. Голландец барон Дедем, служивший в наполеоновской армии, правильно писал: «Император мог бы поднять восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу, так как народ этого ожидал. Но Наполеон был в то время уже не генерал Бонапарт, командовавший республиканскими войсками. Для него было слишком важно упрочить монархизм во Франции и трудно проповедывать революцию в России».

Вступив в Вильно, Наполеон создал временное правительство великого княжества Литовского, в которое вошли представители высшей польской и литовской знати. С помощью этого правительства наполеоновская армия грабила население, выколачивала всевозможные поборы и контрибуции и т. д. Пресмыкаясь перед Наполеоном, польские и литовские паны хотели заставить литовский и белорусский народы помогать французской армии. Однако из этого ничего не вышло. Наполеон показал, чьи интересы он защищает. Назначенное им литовское правительство предложило крестьянам повиноваться помещикам, «...ничем не нарушать собственности, исполнять все предписанные им работы и повинности». Маршал Даву, собрав оставшихся в Могилеве чиновников и дворян, заявил, что крестьяне должны остаться попрежнему в повиновении своим помещикам. Когда начались отдельные выступления крестьян против помещиков, наполеоновские войска помогали помещикам расправляться с крестьянами.

Командующий прусским корпусом, оккупировавшим Курляндию, опубликовал приказ, в котором сообщал, что никакой перемены в отношениях между господами и подданными не предполагается и что «прусский корпус вместо того, чтобы нарушить эти отношения, намерен, напротив, энергично поддерживать таковые, а равно и порядок, и строго наказывать всякого, позволяющего себе их нарушение».

С самого начала вторжения армии Наполеона на нашу землю было ясно, что она ведет грабительскую, захватническую войну против народов России. Атаман донского казачьего войска писал Барклаю до Толли о действиях захватчиков: «Долгом считаю довести до сведения Вашего необыкновенный образ войны, употребляемый французами, приличный одним только варварам. Мало того, что они грабят селения, помещичьи дома, бьют жителей и насильничают жен их и дочерей, с священническим саном посту-

пают немилосердно, бьют, вяжут и выпытывают от них деньги... Не благоугодно ли будет Вам сей истинно описанный образ войны нашего неприятеля поставить на вид и в известность всему отечеству. Подобное извращение воздвигнет в сердце каждого праведное рвение к мщению и ревность к учинению всяких пожертвований, дабы изгнать из пределов отечества жестокосердного и несправедливого неприятеля».

Французы не нашли на русской земле покорного народа, как это было в некоторых странах Европы. «Враги наши весьма ошибутся, — отмечал современник, — ежели думают, что можно им покорить народ истинно русский». Русский народ делал все, чтобы нанести как можно больший ущерб вторгнувшемуся неприятелю. Крестьяне прятали продукты, уходили в леса, поджигали свой собственный хлеб на полях. «Не доставайся же и им!» — говорили они при этом. В ряде мест крестьяне приступили к активной вооруженной борьбе с врагом. Главный врач наполеоновской армии Росс отмечал, что чем дальше двигалась армия, тем положение было труднее. «Все было против нас, все готовы либо защищаться, либо бежать, все меня встречали неприязненно, с упреками, бранью, никто ничего не хотел давать; мне приходилось брать самому насильственно и с риском; меня отпускали с угрозами и проклятиями. Мужики вооружены палками. Бабы готовы к бегству и ругали нас так же, как и мужики».

Многие соратники Наполеона предлагали ему остановиться и перезимовать в Витебске. Он и сам недавно строил подобные планы. Но теперь, когда армия начала уже разлагаться, Наполеон решил, что спасти дело можно, только двигаясь вперед. «Моя армия составлена так, что при всей ее дезорганизации одно движение поддерживает ее. Во главе ее можно итти вперед, но не останавливаться и не отступать», — говорил Наполеон приближенным. К этому толкало Наполеона и внутреннее положение Франции и непрочность его господства в Европе. Энгельс писал: «...при той головокружительной высоте и том непрочном основании, на которых он стоял, Наполеон уже н е м о г выдерживать медленных походов. Ему необходимы были быстрые успехи, блистательные победы, завоеванные с бою мирные трактаты» [1].

План зимовки был отклонен. Наполеон пошел дальше, по направлению к Москве. Но перед ним стояли теперь не две разрозненные армии, как раньше. Под древним русским городом Смоленском обеим русским армиям, наконец, удалось соединиться. Это был большой стратегический успех русских войск. Однако и теперь главная задача русских войск состояла в том, чтобы, не принимая пока генерального сражения, сохранить основные силы армии.

2 августа 1812 г. произошел ожесточенный бой у местечка Красное. Русские войска под командованием Неверовского от-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 20.

чаянно сопротивлялись французам, силы которых превосходили их в несколько раз. Только после того, когда пять шестых отряда было истреблено, Неверовский отступил. Это было, по словам графа Сегюра, «львиное отступление». 5 августа 1812 г. началось Смоленское сражение. Смоленск не раз видел неприятеля. Но новый враг был сильнее прежних. Русское войско героически защищало от него древний город. Солдаты рвались в бой. Многие раненые оставались в строю и погибали от потери крови и истощения сил.

Настроение русских войск под Смоленском хорошо показано в романе Толстого «Война и мир». Оценивая тактику Барклая де Толли, герой романа князь Болконский говорил: «И в Смоленске он тоже правильно рассудил, что французы могут обойти нас, что у них больше сил, но он не мог понять того, что мы в первый раз дрались там за русскую землю, что в войсках был такой дух, которого никогда я не видел, что мы два дня сряду отбивали французов и что этот успех удесятерил наши силы».

В ночь на 7 августа русские войска взорвали пороховые склады и отступили от Смоленска. Победителям достался разрушенный, охваченный пожаром город. Заняв Смоленск, французы пытались преследовать отступавшую русскую армию. На другой день около Ватутиной горы французские части напали на русский арьергард. Целый день сражались арьергардные войска, чтобы прикрыть отступление основной армии. Русские продолжали отступление, но у французов нехватило сил преследовать их.

Тактика отступления была в то время единственно правильной тактикой для русской армии. Карл Маркс считал, что великой заслугой Барклая де Толли было то, что он не уступил требованиям дать сражение: «...он выполнил отступление с замечательным искусством, непрерывно вводя в дело то ту, то другую часть своих войск, с целью дать князю Багратиону возможность выполнить свое соединение с ним и облегчить адмиралу Чичагову нападение на тыл неприятеля» [1]. Но против этой тактики нарастало недовольство среди солдат и командного состава, особенно теперь, когда произошло соединение обеих армий. Русские воины, охваченные чувством патриотизма, оскорбленные насилиями и бесчинством неприятеля, вторгнувшегося в родную землю, рвались в бой.

Ярым сторонником немедленного сражения с врагом был Багратион. Храбрый солдат, горячо преданный Родине, он не понимал необходимости отступления. Багратион обвинял Барклая в том, что тот сдает позиции Наполеону. Противники Барклая использовали его иностранное происхождение (он был шотландец) и распространяли слухи о его измене. А между тем война все больше принимала народный, отечественный характер. Барклай не мог стать руководителем такой войны.

Александр долго не решался на то, чтобы поставить во главе

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. II, стр. 569—570.

армии человека, имя которого называлось всей страной, — Михаила Илларионовича Кутузова.

В тревожные дни Отечественной войны Кутузов приехал из деревни в Петербург. И в Петербурге и в Москве Кутузова единодушно избрали начальником народного ополчения, и он горячо отдался этой работе. Но разве на этом посту должен был находиться великий русский полководец в момент, когда развернулась ожесточенная схватка, в которой решались судьбы страны? Кутузова недолюбливали придворные круги и сам император. Зато среди широких масс населения и особенно среди солдат он пользовался большой любовью, а главное — Кутузову верили. И все, кто в эти дни был охвачен могучим патриотическим порывом — отстоять Родину от захватчиков-французов, — хотели назначения Кутузова главнокомандующим.

Не решаясь взять на себя всю ответственность в этом вопросе, Александр собрал специальный Комитет из высших сановников. Комитет единодушно высказался за назначение главнокомандующим Кутузова. «В Петербурге, — писал Александр своей сестре, — я увидел, что решительно все было за назначение главнокомандующим старика Кутузова. Это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Растопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией... мне оставалось только уступить единодушному желанию, и я назначил Кутузова». А Кутузову Александр писал в связи с назначением следующее: «Известные военные достоинства ваши, любовь к отечеству и неоднократные опыты отличных подвигов приобретают вам истинное право на сию мою доверенность. Избирая вас для сего важного дела, я прошу всемогущего бога, да благословит деяния ваши к славе российского оружия и да оправдаются тем счастливые надежды, которые отечество на вас возлагает». Кутузов действительно оправдал надежды отечества:

«Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас».

Возглавить армию и спасти отечество — это была тяжелая и сложная задача. Положение страны тогда было исключительно трудным. Враг располагал огромными силами и вторгся глубоко в русскую землю. По дороге в армию Кутузов узнал о падении Смоленска. «Ключи от Москвы потеряны», — сказал Кутузов. Но, несмотря на это, Кутузов был уверен в конечной победе. «Ну, как можно с такими молодцами все отступать и отступать!» — воскликнул он, здороваясь с солдатами. А своей жене Кутузов писал, что нашел армию «в полном духе», хороших генералов много, что он полон надежды «исправить дела к чести России».

Приезд Кутузова поднял дух армии. «Приехал Кутузов бить французов», — говорили солдаты. Кутузов был противником пав-

ловской военной муштры. Возглавив армию, он облегчил правила солдатской службы и отменил ряд тяжелых формальностей.

Кутузов не любил парадного блеска. Он появлялся перед войсками в старом походном сюртуке, без эполет, в белой, с красным околышком, фуражке. Кутузов умел запросто, по душам, поговорить с солдатами.

Бородинский бой

Став во главе русских войск, Кутузов отверг план дать бой под Царевым-Займищем, признав занятую там позицию невыгодной. Кутузов приказал продолжать отступление, но он готовился к сокрушительному ответному удару по врагу, непрерывно усиливая русскую армию новыми частями. Кутузов решил дать генеральное сражение неприятелю не в угоду «общественному мнению», не для поднятия морального духа наших войск, как это изображали некоторые историки. Кутузов решил остановиться и завязать бой прежде всего по военным соображениям. Он определил переломный момент в ходе войны, когда силы сторон почти уравнялись. Опираясь на мощь и моральный дух русской армии, Кутузов хотел нанести тяжелое поражение врагу и этим обеспечить разгром вражеских полчищ.

Неверно, будто Кутузов уже тогда предрешил падение Москвы. Кутузов стремился не допустить врага до Москвы и остановить его на дальних подступах к столице. Он избрал для сражения место, по которому протекала река Колоча, у села Бородино, в 110—112 км от Москвы. «Позиция, в которой я остановился при селе Бородино, в 12 верстах впереди Можайска, — одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которая находится с левого фланга, постараюсь исправить я посредством искусства. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции; в таком случае имею я большую надежду к победе». На Бородинском поле были возведены укрепления, окончательное сооружение которых не было закончено к началу боя. В центре построили Курганную батарею; на левом фланге, южнее деревни Семеновской, — так называемые Семеновские флеши.

Наполеон привел к Бородинскому полю свыше 130 тыс. регулярных войск, но к этому моменту и русская армия насчитывала почти столько же. В Гжатске к ней присоединились новые пополнения и Московское ополчение, вместе с которыми русская армия имела 131 тыс. человек при 606 орудиях. Кутузов ставил в Бородинском сражении прежде всего оборонительные цели. Он расположил большую часть своих войск под командованием Барклая на правом фланге, хотя этот фланг был лучше обеспечен природными условиями — крутые, обрывистые берега реки затрудняли наступательные действия неприятеля на этом участке. Это объясняется тем, что Кутузов стремился прикрыть путь на Москву по Новосмоленской дороге, а также не допустить глубокий обход

русской армии со стороны французов. Кутузов усилил левый фланг, которым командовал Багратион, инженерными сооружениями, а также сильными резервами. Кутузов надеялся, что упорной обороной и контратаками ему удастся отразить вражеский натиск.

Вместе с тем он рассчитывал при благоприятных условиях перейти в наступление на врага. В своей диспозиции от 24 августа Кутузов писал: «В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям... При счастливом отпоре неприятельских сил дам собственные повеления на преследование его». Кутузов особо подчеркнул значение резервов. «При сем случае не излишним почитаю представить господам главнокомандующим, что резервы должны быть оберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резервы, не побежден». Измотав противника упорной обороной, Кутузов хотел нанести ему внезапный контрудар во фланг и тыл со стороны старой Смоленской дороги из района дер. Утицы. «Когда неприятель, — говорил Кутузов, — употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пущу ему скрытно войско во фланг и тыл». Кутузов выделил особую группу войск под командованием генерала Тучкова в составе 3-го пехотного корпуса и отряда ополченцев и скрытно расположил их в лесу, чтобы с помощью этой группы обрушиться на фланг противника, атакующего Семеновские флеши. Начальник штаба бездарный Беннигсен впоследствии без согласования с Кутузовым выдвинул эту группу на другие позиции и тем самым в значительной мере сорвал осуществление кутузовского замысла.

Итак, две огромные армии стояли друг против друга. Наконец-то Наполеон дождался решительного столкновения со своим врагом. Он говорил, обращаясь к своим солдатам: «Вот сражение, которого вы так ждали... Победа доставит нам все нужное: удобные квартиры и скорое возвращение в отечество... Пусть позднейшее потомство с гордостью вспоминает о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: «Он был в великой битве под Москвой».

Кутузов знал силу своего противника. Но он чувствовал, какой огромный патриотический подъем охватил русскую армию. «Вам придется защищать русскую землю, — сказал он своим войскам. — Каждый полк будет употреблен в дело. Вас будут сменять, как часовых — каждые два часа». Кутузов надеялся «на храбрость и решимость российских воинов».

И вот наступило 26 августа 1812 г. — день решительного сражения. Когда на рассвете этого дня блеснул первый луч солнца, Наполеон воскликнул: «Это солнце Аустерлица!». «Но оно было против нас, — замечает Сегюр, — оно всходило со стороны русских, открывало нас их выстрелам, ослепляя нас самих». В 6 часов утра сражение началось. Наспех сооруженные укрепления на

могли выдержать ожесточенного штурма французов. Большинство укреплений по два-три раза переходило из рук в руки. Свидетель этого героического боя Клаузевиц говорит: «Укрепления внесли свою долю в сильное и мужественное сопротивление, оказанное русскими». Неоднократные атаки французов с невиданным героизмом отражались русскими войсками. Потери русских были огромны. Несмотря на это, они неоднократно переходили в наступление. Французский генерал Пель писал: «Всюду русские противопоставляли сопротивление, прекращавшееся только с жизнью... Посреди открытой местности и картечь нашей артиллерии, и атаки нашей кавалерии и пехоты наносили им огромные уроны. Но пока у них оставалось сколько-нибудь силы, эти храбрые солдаты снова начинали свои атаки».

Как и ожидал Кутузов, Наполеон обрушил главный сокрушительный удар на левый фланг русской армии. Он хотел опрокинуть этот фланг, затем развить успех ударом в центр, отбросить русских в излучину Москва-реки и Колочи и там разгромить их наголову. «Это был, — писал Энгельс, — любимый способ боя Наполеона —заставить неприятеля ослабить свой центр с целью усиления крыльев; сам он держал собственный центр отодвинутым, усиливая его огромными резервами кавалерии, и в конце концов устремлялся на ослабленный центр противника и оканчивал дело уничтожающим ударом» [1]. Но на этот раз любимый способ боя Наполеона не принес ему победы, Кутузов своевременно и умело парировал все удары врага и постепенно вырывал инициативу из рук Наполеона.

Против Семеновских флешей Наполеон сосредоточил 80 тыс. солдат (из 130 тыс.) и 400 орудий (из 597). Наполеон был мастером организации массированного артиллерийского огня и стремился использовать свое искусство, чтобы сокрушить русские позиции. Пять ожесточенных атак выдержали славные защитники Семеновских флешей, руководимые Багратионом. Шесть часов продолжался здесь бой. Французы наступали с отчаянной храбростью. Один французский полк пошел в атаку без выстрелов, под страшным орудийным и оружейным огнем. Но все атаки французов разбивались об упорное сопротивление русских войск.

Особенно отличались артиллеристы. «Русские пушкари, — пишет очевидец, — были верны своему долгу: брали редуты, ложились на пушки и не отдавали их без себя. Часто, раненный в одну руку, канонир действовал другою». Здесь, у Семеновских флешей, почти полностью погибла гренадерская дивизия Воронцова. Здесь был смертельно ранен бесстрашный Багратион. Он лежал у Семеновского холма, все еще продолжая отдавать распоряжения. Но силы слабели, и Багратиона вынесли с поля битвы. Только после ожесточенной борьбы французы овладели Семеновскими флешами. Но обойти левый фланг русских им не удалось. Корпус Туч-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 369.

кова был обнаружен и несколько потеснен французами. Но он не допустил завершения обходной операции и остановил противника...

Вслед затем Наполеон все силы сосредоточил на центральном участке фронта. Он стремился прорвать теперь оборону русских фронтальным ударом, который ведет обычно к наибольшим потерям со стороны наступающего. Борьба шла вокруг Курганной батареи Раевского. Уже с утра батарея Раевского подвергалась ожесточенным атакам. Дважды переходила она из рук в руки. Чтобы отвлечь силы от батареи, Кутузов приказал кавалерии Платова и Уварова произвести рейд на левый фланг и в тыл неприятелю. Этот рейд русской кавалерии сыграл большую роль. Он нанес серьезный урон врагу, вызвал большую панику и заставил Наполеона в самую решительную минуту временно прекратить атаки.

Русские воины с невиданной стойкостью защищали батарею Раевского. И не случайно французы назвали ее «редутом смерти». Но вот колонна французских кирасир с тыла ворвалась на батарею, а с фронта ее снова атаковала пехота. Множество людей погибло с обеих сторон. И только тогда, когда почти все защитники батареи были убиты, славная батарея Раевского попала в руки противника. Но захват батареи не привел к прорыву русского фронта. Французская армия несла огромные потери, но не добивалась успеха.

Все шло не так, как обычно бывало в прежних сражениях Наполеона. Наполеон привык после первых же атак получать радостные вести о победах, а тут со всех сторон посылались к Наполеону просьбы о присылке подкреплений. Но подкреплений не было. Неиспользованной оставалась только императорская гвардия, насчитывавшая 19 тыс. человек. Но Наполеон не пустил ее в бой. «Я не дам расстроить мою гвардию, — говорил он. — В 800 лье от Франции не следует рисковать последним резервом». Впервые за все время многочисленных походов у Наполеона была явная неудача, парализовавшая волю знаменитого полководца.

Атаки французов прекратились уже в третьем часу дня. Перестрелка продолжалась до наступления темноты. Закончился, как говорил Белинский, самый трагический и вместе с тем самый торжественный акт великой драмы 1812 года. Наполеон ценой огромных потерь потеснил русские части, но прорвать оборону русских ему не удалось. Никаких, даже тактических успехов у Наполеона не было. Он вынужден был отвести свои войска с занятых позиций.

Поле сражения осталось за русскими. Кутузов писал жене: «Я здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Бонапартом». И действительно, армия Наполеона была расстроена и понесла огромные потери. Французский офицер Ложье говорил, что никакое бедствие не может сравниться с тем, что было на Бородинском поле. Французы были потрясены и подавлены. Более 50 тыс. солдат и офицеров потеряла убитыми и ранеными

французская армия. 47 наполеоновских генералов были убиты и ранены в Бородинском сражении. Французы захватили 700 пленных и 13 орудий.

Бородинский бой разрушил веру в непобедимость Наполеона. Наполеон не сумел разгромить русскую армию. Она и после Бородина продолжала представлять хорошо организованную силу и так же грозно стояла перед врагом в конце, как и в начале сражения. «Под Бородином французская армия расшиблась об русскую», — метко сказал генерал Ермолов. Бородинский бой сыграл огромную роль во всем дальнейшем ходе войны. Он резко подорвал силы наполеоновской пехоты и кавалерии. Это было стратегическое поражение французской армии, которое предопределило провал всего наполеоновского похода. Л. Н. Толстой правильно охарактеризовал его значение:

«Прямым последствием Бородинского сражения было «беспричинное» бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, погибель 500-тысячного нашествия и погибель наполеоновской Франции, на которую первый раз под Бородином была наложена рука сильнейшего противника».

Сам Наполеон вынужден был признать впоследствии: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой; французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми... Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано французами наиболее доблести и одержан наименьший успех».

Под Бородином одержало победу мастерство русской армии и ее военачальников во главе с Кутузовым. Под Бородином одержали победу высокий моральный дух и стойкость русских войск. И солдаты и офицеры знали одно — решаются судьбы Родины, лучше умереть в бою, чем отступить хотя бы на шаг. Молодой офицер русской армии Кутайсов, геройски погибший в день Бородина, отдал следующий приказ накануне сражения: «Подтвердите во всех ротах, чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушке. Сказать командирам и всем господам офицерам, что, только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собой. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор». И артиллеристы свято выполняли приказ. Они погибали у пушек, но не сдавались. В тяжелый момент на батарее Раевского больной старик-генерал Лихачев кричал солдатам своей 24-й дивизии: «Братцы, позади Москва!», и солдаты продолжали ожесточенно отбивать вражеский натиск. Когда враг ворвался на батарею, Лихачев расстегнул мундир и с открытой грудью пошел на штыки французов.

Наполеон был недоволен, что во время Бородинского сражения в плен было взято мало русских солдат. Герцог Вигенский ответил ему на это: «Русские показали себя стойкими, их

приходилось валить». Другой приближенный Наполеона отмечал: «Русские полки лежали распростертыми на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хотя бы на один шаг».

В исторический день Бородина, когда кончилась битва, Кутузов заявил: «Неприятель побежден, и завтра прогоним его из священной земли русской». Кутузов, действительно, предполагал возобновить бой 27 августа. Однако вскоре выяснилось, что продолжать бой невозможно. Русские потеряли половину армии. Возобновить бой означало поставить под угрозу остальную половину армии. Под прикрытием темноты русские войска в полном порядке снялись со своих позиций. Кутузов вынужден был отступить к Москве. Чтобы восполнить потери и продолжать войну в более выгодных условиях, он доложил Александру I: «Когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, я взял намерение отступить».

1 сентября 1812 г. в деревне Фили, в крестьянской избе, собрались русские генералы на военный совет, чтобы решить вопрос, давать ли бой под Москвой. Мнения присутствующих разделились. Одни предлагали ударить в правое крыло французов и защищать Москву, другие доказывали нелепость этого плана. Кутузов прервал эти споры. «Я слышал ваши мнения, — сказал он. — Некоторые будут не согласны со мной. Но властью, врученной мне государем и отечеством, я приказываю отступать».

Нелегко было Кутузову принять такое решение. Армия ждала, что Кутузов поведет ее в новое сражение за Москву. Москва была святыней для каждого русского. Это сердце России, это ее национальная столица. Народ и войска были готовы сражаться под стенами Москвы. «Лучше умереть под Москвой, чем сдать ее неприятелю», — говорили многие. Сдача Москвы была величайшей трагедией для русской армии и народа. Многие отказывались верить, что есть приказ о сдаче. Некоторые надеялись, что войска ведут через Москву атаковать французскую армию в обход. На самом деле войска покидали Москву не для этого. Нужно было пожертвовать столицей, но спасти армию и страну.

«С потерей Москвы, — говорил Кутузов, — еще не потеряна Россия. С потерей же армии Россия потеряна». Кутузов взял на себя ответственность за сдачу столицы ради спасения родной страны. Он знал, что пройдет немного времени и народ поймет всю правильность этого шага. Он надеялся, что сдача Москвы не подорвет дух народа, а, наоборот, еще больше закалит его, будет выиграно время, чтобы пополнить и укрепить армию и подготовить ее к новым боям. Кутузов писал: «Тягостно мне было оставлять Москву, но и дать сражение находил я в случае неудачи неразлучным, может быть, с окончанием кампании, почему предпочел оставить ее, вместе с тем обратясь к коммуникационным дорогам неприятеля со всеми силами».

Кутузов считал, что самой сдачей Москвы он готовит гибель французов. Он писал в те дни своей дочери: «Я баталию выиграл прежде Москвы, но надобно оберегать армию, а скоро все наши армии, то-есть Тормасов, Чичагов, Витгенштейн и еще другие станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет».

2 сентября 1812 г. Наполеон вступил в Москву. Население Москвы бросало свои жилища и вместе с армией уходило из города. Оно делало это само, по собственной инициативе, без всякого приказа сверху. «Не по распоряжению начальства, — писал Якушкин, — выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По Рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнится слово шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!»

Было два часа дня, когда французы поднялись на Поклонную гору. Освещенная ярким солнцем, Москва расстилалась перед ними. Ликование французской армии было огромно. Москва! Солдаты были уверены, что занятие ее означает конец трудностям, мир с Россией, возвращение домой. Один французский офицер писал: «Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов: группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумев от радости, хлопая в ладоши, задыхаясь, наши кричат: «Москва, Москва!». При этом имени, передававшемся из уст в уста, все карабкаются на холм, откуда раздается этот громкий крик. Каждому хочется первым увидеть Москву». «Так вот он, наконец, этот знаменитый город!» — радостно воскликнул Наполеон. Стоя на Поклонной горе, Наполеон ждал представителей Москвы с ключами от города. Но здесь не произошло того, что привык видеть Наполеон при взятии Берлина, Вены и других городов Европы. Никакой торжественной встречи! Никаких ключей! Москва была безжизненной и безмолвной.

Пушкин писал:

«Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою».

«Москва пуста», — сообщили Наполеону. Не дождавшись покоренных москвичей, Наполеон вступил в город. Кое-где небольшие русские отряды в пустынных кварталах города оказывали последнее сопротивление. Группа смельчаков, забравшаяся в Кремль, встретила выстрелами подошедших французов.

В первый же день пребывания Наполеона в Москве начались пожары. Сильный ветер раздувал разгоревшееся пламя. Наполеон пробовал бороться с пожарами. Французы хватали и казнили немало людей, заподозренных в организации поджогов. Однако все было напрасно; здесь не были виновны отдельные лица, — сам

народ поджигал свою древнюю столицу, чтобы отдать неприятелю одни развалины. Пожар заставил Наполеона оставить Кремль и временно перебраться в загородный Петровский дворец. Адъютант Наполеона Сегюр писал об этом: «Мы были окружены целым морем пламени, оно угрожало всем воротам, ведущим из Кремля... Мы шли по огненной земле под огненным небом, между огненных стен. Сильный жар жег наши глаза, но мы не могли закрыть их и должны были пристально смотреть вперед». Сегюр отмечал, что все это тяжело подействовало на Наполеона. «Удивленный тем, что, поразив в сердце империю, он встретил не изъявление покорности и страха, а совершенно иное, он почувствовал, что его победили и превзошли в решимости».

Глядя на бушующее пламя огня, Наполеон воскликнул: «Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди!». Наполеоновский офицер Рейгардт понял, что этот пожар не предвещает для них ничего хорошего. «Это — скверное событие, оно сулит много зла, оно разом уничтожает надежду на мир и разрушает то, что нам так необходимо. Это признак большого озлобления наших противников, это — жертва, которую они приносят, чтобы погубить нас».

Вступив в Москву, французы прежде всего занялись грабежом. «Волна грабителей разлилась по всем частям столицы. Церкви, дворцы, общественные здания — ничто не уцелело», — писал польский офицер Брандт. «Судьба жителей, оставшихся в Москве, стала ужасной, — отмечал маркиз де Шембре. — Покинув дома, обреченные на сожжение, они бродили по городу, подвергаясь насилиям солдат, которые, оскорбив и ограбив их, доходили в своем варварстве до того, что принуждали их нести в лагерь у них же отнятое добро». Для «наблюдения за порядком» Наполеон назначал в разные районы города приставов из среды французских офицеров. Интересны их донесения. «Часть моего округа, — пишет пристав, — постепенно грабят солдаты 3-го корпуса, которые не только отнимают у несчастных, укрывающихся в подвалах, все ничтожное имущество, которое у них осталось, но имеют жестокость наносить им раны саблями». Другой пристав сообщает, что в его округе ничего нового не произошло, «исключая того, что солдаты воруют и грабят».

Разгром Наполеона

Уже вскоре после занятия Москвы стало ясно, что Наполеон попал в очень тяжелое положение. В одной песенке того времени говорилось:

«Что Москва в руках французов —
Это, право, не беда.
Наш фельдмаршал —
князь Кутузов
Их на смерть привел сюда».

Наполеон не нашел в Москве ни продовольствия, ни фуража, ни покорного населения. Вместе с тем после взятия Москвы французами народная партизанская война против Наполеона приняла особенно широкие размеры. Командование армией понимало значение партизанской войны. Еще тогда, когда война шла в пределах Смоленской губернии, Барклай писал смоленскому губернатору: «Именем отечества просить обывателей всех близких к неприятелю мест вооруженной рукой напасть на уединенные части неприятельских войск, где оные увидят».

Особенно большое значение развитию партизанской войны придавал Кутузов. Он был первым полководцем, который широко организовал взаимодействие между ударами регулярных войск и партизанских отрядов. Кутузов написал специальную инструкцию о том, как надо действовать партизанам. «Партизан должен быть решителен, быстр и неутомим», — указывал Кутузов. Сила партизанских отрядов была в том, что они опирались на поддержку крестьян и что их действия сочетались с действиями регулярных войск. Заходя глубоко в тыл противника, они содействовали успеху русской армии. Партизаны держали под постоянными ударами растянувшиеся коммуникации наполеоновской армии. Партизанская война была частью общего плана разгрома Наполеона. Она приобрела стратегическое значение.

В то время как партизаны ежедневно наносили огромный ущерб французской армии, русские войска под командованием Кутузова готовились к нанесению решительного удара по врагу. Отступавшая русская армия не только сохранила свою силу, но непрерывно укреплялась. Уйдя из Москвы, она совершила замечательный переход, переправилась через Москва-реку на Рязанскую дорогу, а затем круто повернула на старую Калужскую дорогу. Кутузов настолько хорошо провел этот фланговый марш, что французы на некоторое время потеряли из виду русскую армию. Целую неделю французы разыскивали русские войска по ложному следу. А тем временем Кутузов занял удобную позицию у села Тарутина, на старой Калужской дороге, в 75 километрах юго-западнее Москвы. Тарутинский маневр Кутузова изменил всю обстановку в пользу русской армии. Русская армия была выведена из-под удара врага. Став у Тарутина, она грозила основным коммуникациям французской армии. Кутузов сторожил французскую армию и угрожал отрезать пути ее отступления. Вместе с тем, поставив батареи на Калужской дороге, русские войска преградили путь Наполеону в южные губернии, к оружейным заводам Тулы и Брянска. Отсюда, из Тарутина, русская армия установила регулярное сообщение с Калугой и южными губерниями страны. Сюда она получала новые пополнения, вооружение, продовольствие. Каждый день пребывания Кутузова в Тарутине усиливал русскую армию и подготовлял благоприятные условия для разгрома Наполеона. К концу второй недели русская армия увеличилась до 80 тыс. человек, а к концу третьей недели — до 100 тысяч.

Наоборот, каждый день пребывания Наполеона в Москве ослаблял его силы. Главное, в чем нуждался Наполеон, — это мир. Он ждал, что после занятия Москвы русские сами запросят мира, однако этого не случилось. Тогда победитель Европы, находясь в столице своего противника, первый заговорил о мире. Наполеон передавал предложение о мире через дворян Тутомлина и Яковлева. Но тщетно! Предложения о мире оставались без ответа. Тогда Наполеон направил к Кутузову Лористона. Он напутствовал Лористона следующими словами: «Я хочу мира, мне нужен мир, нужен во что бы то ни стало, спасайте только честь». Лористон встретился с Кутузовым, но уехал от него ни с чем. Было ясно, что Россия не заключит мира. Этому и была посвящена знаменитая басня Крылова «Волк на псарне», в которой Наполеон изображен в виде волка. Понимая, что «приходит, наконец, ему расчесться за овец, — пустился мой хитрец в переговоры». Известно, что ответил Кутузов, изображенный в басне Крылова в лице ловчего:

«Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой
Как снявши шкуру с них долой».

Надежды на мир исчезали. Тогда Наполеон стал обсуждать различные планы дальнейших действий. Было много вариантов: итти на Тверь и на Петербург, на Тулу, на Калугу, на Украину и др. Но все эти планы были построены на песке, так как сил для больших наступательных операций у Наполеона уже не было. На всех направлениях французам противостояли мощные армии русских. А между тем положение французов в блокированной Москве становилось все более затруднительным. «Очевидно, прощай последние надежды на мир, — писал в своем дневнике Ложье. — Мы все еще будем игрушкой в руках Кутузова, и вот теперь наступает зима, а мы на русской почве, где повсюду царствует одно лишь опустошение».

Избегая генерального сражения, Кутузов вел непрерывную малую войну против французов. Русские солдаты и партизаны постоянно прерывали сообщения растянувшейся французской армии. Наполеон боялся, что он может быть совсем отрезан от Польши и Пруссии. Продовольствия не было. Близилась зима. Кутузов отмечал, что Наполеон «не усматривал впереди ничего другого, как продолжения ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию, видя в каждом жителе воина». Наполеон понял, что оставаться в Москве дальше немыслимо.

6 октября 1812 г. авангард французской армии, корпус Мюрата, был атакован русскими войсками под командованием Орлова-Давыдова и отступил, потеряв 3 тыс. человек, 36 пушек и знамя. Это был первый успех русского оружия после сдачи Москвы. Он

продемонстрировал высокий наступательный дух русской армии и ускорил неизбежный ход событий.

7 октября 1812 г. началось отступление французской армии из Москвы. Взяв с собой многочисленные повозки с награбленным в Москве имуществом, французская армия двинулась в обратный путь. Перед уходом Наполеон приказал взорвать Кремль. Жителей Москвы заставляли производить подкопы для мин. Но случай спас Кремль от варварского разрушения: дождь подмочил фитили. Взрыв произошел, однако разрушения были незначительны.

Армия Наполеона после ухода из Москвы мало походила на ту «великую армию», которая несколько месяцев назад переходила русскую границу. Кавалерия была расстроена. Фуража не хватало. Вместе с армией тянулся многочисленный обоз. Двигались стада крупного рогатого скота. Наряду с артиллерией, госпитальными и провиантскими повозками ехали экипажи и дрожки, нагруженные награбленными в Москве вещами. С армией шли иностранцы и их семейства, покинувшие Москву. Войско Наполеона превратилось в конвой всего этого огромного обоза. «Можно было подумать, — писал Сегюр, — что двигался какой-то караван кочевников или одна из армий древних времен, возвращавшаяся после великого нашествия с рабами и добычей». Однако сила французской армии была еще велика. Она насчитывала около 100 тысяч человек. Переход на походное положение несколько подтянул дисциплину.

Наполеон хотел итти обратно не по опустошенной Смоленской дороге, по которой пришел в Москву, а через Калугу, рассчитывая захватить имевшиеся там запасы продовольствия и военного снаряжения. На Калугу вели две дороги — старая и новая. Старая была короче, но она вела в Тарутинский укрепленный лагерь, а брать приступом этот лагерь вовсе не входило в планы Наполеона. Наполеон, двинувшись по старой Калужской дороге, соединился с Мюратом, а затем повернул на новую Калужскую дорогу, стремясь обойти русскую армию и без решительного сражения выйти на неопустошенный путь. Но этот маневр не удался. Партизан Сеславин открыл движение Наполеона. Стоя на дереве в лесу, он увидел карету, в которой находился сам император, окруженный своими маршалами и гвардией. Не удовольствовавшись этим, бесстрашный Сеславин захватил в плен французского унтер-офицера, связал его и, перекинув через седло, умчался с ним.

Узнав о маневрах Наполеона, Кутузов со своей армией совершил замечательный переход от Тарутина к Малоярославцу, чтобы перерезать путь отхода армии Наполеона. 12 октября вокруг небольшого уездного городка Малоярославца завязался ожесточенный бой. Обе стороны проявили невиданную стойкость. Город несколько раз переходил из рук в руки. Начался пожар. Груды тел сделали многие улицы городка непроходимыми. Русские войска 7 раз вытесняли французов, но перед рассветом вышли из

города и заняли более выгодные позиции в 2½ верстах от него. Они преградили путь Наполеону к Калуге. Это имело крупнейшее значение. Военный писатель Н. Окунев отмечает, что самая Бородинская битва не была так нужна для Наполеона, как битва при Малоярославце. «Правда, что первая открыла ему вход в Москву, но не принесла ничего, кроме бесплодного трофея и гибельных последствий, между тем как спасение всей его армии зависело от последней».

Под Малоярославцем все усилия Наполеона вырваться на новую дорогу разбились о сопротивление русских. Калужская дорога осталась в руках Кутузова. Сегюр с грустью указывал своим товарищам на поле битвы под Малоярославцем, «где остановилось завоевание вселенной и началось страшное разрушение всего, что думал создать Наполеон».

После сражения у Малоярославца Наполеон собрал в крестьянской избе своих маршалов. Заявив, что прибытие Кутузова изменило положение дел, Наполеон стал разбирать вопрос о предстоящем сражении. Но вдруг Наполеон прервал свою речь, схватился руками за голову, оперся локтями о стол, устремил взгляд на карту и долго оставался в таком неподвижном положении. Более часа прошло в ожидании, затем Наполеон встал и отпустил маршалов, не выслушав их и не сказав своего решения. На рассвете следующего дня Наполеон отправился к Малоярославцу, где столкнулся с отрядом казаков и едва не попал в плен. Весь день он провел в необычной для него нерешительности.

Вечером снова собрались маршалы Наполеона. Почти все советовали не давать боя русским и отступать. Наполеон не объявил своего решения, но на другой день утром сделал распоряжение отступать на Можайск. Роли переменились. Наполеон, который в начале войны жаждал боя, теперь не решался вступать в него и, желая сохранить армию, отступал. «С этого времени, — говорит Сегюр, — он думал только о Париже точно так же, как, выезжая из Парижа, он только и думал о Москве». Кутузов говорил: «Я бы мог гордиться тем, что я первый генерал, перед которым надменный Наполеон бежит».

Инициатива теперь уже была полностью в руках русской армии. Перед русскими войсками встала задача добить и истребить неприятеля. Кутузов указывал, «что одна и главнейшая цель всех наших действий есть истребление врага до последней черты возможности... решительные удары неприятелю нанесены быть должны и от коих зависит, может быть, благоденствие не одного народа русского, но и всех народов Европы». Армия Кутузова двигалась параллельно армии Наполеона. Цель Кутузова была — не допустить Наполеона свернуть с Смоленской дороги на какой-либо новый путь. Кутузов говорил, что он намерен нанести Наполеону величайший вред параллельным преследованием. Кутузов давал указания «нападать на малые неприятельские отряды и транспорты, идущие по Смоленской дороге; уни-

чтожать учрежденные на сем пути магазины, а по селениям — фураж, и тем отклонять все способы продовольствия для неприятельской кавалерии и артиллерии». В соответствии с этим планом партизанские отряды, вытянувшись вдоль флангов французской армии, нападали на обозы, отбивали отсталых, вступали в бой с отдельными частями и тревожили французов на привалах и в марше. Русские солдаты и партизаны постоянно прерывали сообщения французской армии. Транспорты и курьеры французов часто попадали в их руки. Партизаны забегали вперед французской армии, портили дороги, мосты и плотины и тем самым разрушали пути отступления Наполеона. За первые десять дней отступления партизаны захватили в плен 5 тыс. французов. Как писал один итальянский офицер, на долю армии приходится «только мясо лошадей, павших от голода, усталости и истощения. Слева русская армия, справа многочисленные сотни казаков, всюду вооруженные отряды крестьян местных деревень».

Кутузов призывал русских солдат неустанно преследовать неприятеля: тогда, «земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костьми его. И так мы будем преследовать неутомимо. Настанет зима, вьюги и морозы; вам ли бояться их, дети Севера? Железная грудь наша не страшится ни суровости походов, ни злости врагов. Она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается... Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением, старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова, который научил сносить и холод и голод, когда дело шло о победе и славе русского народа».

Французам приходилось непрерывно вступать в ожесточенные бои с русскими солдатами. Ряды французских войск редели все больше и больше. Французам нечем было питаться. Среди голодных солдат развивалось неслыханное мародерство. Немногие части, в том числе старая гвардия Наполеона, продолжали сохранять боевой порядок. Армия переставала существовать как организованное целое. Наполеон, находясь в авангарде отступавших, не желал знать, что делается в ней. Воинственный дух, еще проявленный при Малоярославце, теперь быстро падал. «Это не отступление, а бегство», — говорили сами французские генералы.

Боясь полного окружения и разгрома, Наполеон стремился возможно быстрее достигнуть границы. 26 октября 1812 г. он был уже в Смоленске. Французы надеялись, что здесь они смогут оправиться и отдохнуть, а главное — получить продовольствие. Но этого не случилось. Продовольственных запасов в Смоленске оказалось очень мало, фуража не было. Процесс разложения наполеоновской армии еще более усилился.

Правда, отступающая армия Наполеона пополнилась теперь корпусами Виктора и Удино, которые раньше действовали в петербургском направлении. Зато Наполеон очутился меж трех огней. Против французов, кроме основной армии Кутузова, двигалась армия Витгенштейна, ранее заслонявшая Петербург, а

с юга — дунайская армия Чичагова и резервная армия Тормасова. Французам приходилось напрягать последние силы, чтобы пробиваться сквозь окружение и пролагать себе путь к границе. Силы французов быстро уменьшались. Огромное количество солдат гибло в боях с русскими, умирало от болезней и голода, сдавалось в плен. Из 100-тысячной армии, вышедшей из Москвы, после Смоленска осталось не более 40 тысяч. 4—6 ноября происходили бои под Красным, еще больше подорвавшие силы французов. Наполеону пришлось отступить, не дождавшись прихода своего арьергарда под командованием Нея. Нею удалось вырваться, казалось, из неминуемого плена, но из 7 тыс. солдат его корпуса к Наполеону пришло лишь 800 человек.

В середине ноября произошел заключительный акт войны 1812 г. Французская армия подошла к реке Березине. По плану, присланному из Петербурга, русские войска должны были именно здесь сомкнуть кольцо и захватить Наполеона и остатки его армии в плен. Чичагов взял Борисов, Витгенштейн — Полоцк; обеим армиям предстояло объединиться и преградить Наполеону путь к отступлению. Однако Наполеону удалось помешать осуществлению этого плана. Французы выбили Чичагова из Борисова и отвлекли его внимание от пункта переправы через Березину. Пользуясь тем, что русские армии не успели соединиться, а Чичагов был обманут ложным маневром, французы быстро навели мосты. 14 ноября 1812 г. переправа через Березину началась. На другой день сюда подошли русские войска. Завязался ожесточенный бой. На переправе началась огромная паника. Один мост рухнул, увлекая за собой людей, лошадей, повозки. Второй мост был подожжен по приказу Наполеона, обрекая на гибель всех, кто не успел переправиться. Многие пытались спастись на льду, но лед ломался. Огромное количество французских солдат погибло во время березинской переправы. Но Наполеона не удалось захватить в плен. В этом обвиняли прежде всего Чичагова. Он был адмирал, но действовал на суше. Его неудаче при Березине была посвящена знаменитая басня Крылова «Щука и кот»:

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник...»

После Березины началась агония наполеоновской армии. Голод достиг крайних размеров. Дело дошло до того, что французы ели своих мертвых товарищей. В это же время наступили жестокие морозы. Множество людей падало от изнеможения и замерзало. «Снег скрыл небо, — писал Сегюр, — и казалось, оно спустилось на землю, чтобы белым саваном покрыть великую армию». Дисциплина окончательно расшаталась. Наполеоновская армия представляла собою жалкую толпу оборванных, голодных людей, тянувшихся к границе. 24 ноября 1812 г. в местечке Сморгони Наполеон, передав командование Мюрату, покинул свои войска и

спешно уехал в Париж. По дороге его спросили: «В каком положении армия?» — «Армии больше нет», — ответил Наполеон.

Задача, поставленная Кутузовым — истребить неприятеля, была выполнена. В конце декабря 1812 г., через 5 месяцев после вторжения, жалкие остатки французских войск перешли русскую границу. «Война окончилась за полным истреблением неприятеля», — доносил Кутузов. 21 декабря 1812 г. в городе Вильно Кутузов отдал приказ по войскам:

«Храбрые и победоносные войска. Наконец вы на границах империи. Каждый из вас есть спаситель отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, поднятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят нам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед».

Народный характер войны

Покровский и его «школа» всемерно принижали значение войны 1812 г. Покровский отрицал захватнические цели, которые преследовал в этой войне Наполеон, и национально-освободительный характер войны со стороны России. Следуя за буржуазными историками, он пытался развенчать патриотизм русского народа в 1812 г. «Историки» из «школы» Покровского писали, что крестьяне выступали только против грабежа французов, в защиту «овцы и курицы», а поражение Наполеона объясняли климатическими условиями. Они заявляли, что все дело в том, что Наполеона подвели русские календари и зима наступила в 1812 г. очень рано.

На самом деле морозы наступили тогда, когда остатки разбитой наполеоновской армии были уже за Березиной. Н. Г. Чернышевский правильно указывает, что главнейшими причинами торжества России в 1812 г. являются патриотизм народа, мужество наших армий, искусство наших полководцев.

Огромную роль в победах 1812 г. сыграл великий русский полководец Кутузов. В годину тяжелых испытаний для родины он оправдал надежды своего народа и отразил вражеское нашествие. Против Кутузова была поднята целая кампания. Говорили, что Кутузов действует нерешительно, упускает удачные моменты для окончательной расправы с врагом, не хочет взять в плен Наполеона, что он дряхл и стар и т. п. Борьбу против Кутузова возглавлял интриган Беннигсен, которого Александр назначил начальником штаба русской армии. На самом деле именно мудрое, хладнокровное и вместе с тем решительное руководство Кутузова обеспечило замечательные победы русской армии в 1812 году. Кутузов добился полного уничтожения полумиллионной вражеской армии. Но он при этом делал все, чтобы сохранить силы русской армии. Кутузов дорожил русским солдатом.

«За десятерых французов не отдам я одного русского», — говорил он.

Александр был отодвинут в сторону могучим порывом народной Освободительной войны 1812 года. Действиями армии руководил Кутузов, принимая на себя всю ответственность в решающие моменты войны: при сдаче Москвы, после ухода из нее Наполеона и т. д. Он вел умную, осторожную, независимую политику. «Слава Кутузова, — писал Пушкин, — неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник — скала святой Елены. Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?».

Кутузов опирался на лучшие командные кадры русской армии и на ее славных солдат. Русские солдаты и офицеры мужественно и стойко защищали в 1812 г. свою Родину. Якушкин писал, что русский солдат не был в войне 1812 г. бессознательным орудием: «Каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле». Каждый выполнял клятву верности Родине. Лермонтов хорошо передал это патриотическое чувство русских воинов:

«И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой».

В дни победы над Наполеоном славный Семеновский полк приветствовал Кутузова. «Ура спасителю России!» — перекатывалось по рядам. Тогда Кутузов встал на лавку и закричал: «Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мне эта честь, а слава русскому солдату!» — и, бросив вверх шапку, возвысив голос, закричал: «Ура русскому солдату!».

В разгроме Наполеона крупную роль сыграли партизанские отряды. Вопрос об организации партизанских отрядов встал незадолго до Бородинского боя. Адъютант Багратиона поэт Денис Давыдов предложил тогда организовать партизанский отряд из казаков. Он указывал на важность партизанской войны. Неприятель шел по одному пути. Его транспорты покрывали огромное пространство. Создавалась возможность нападений на эти транспорты, чтобы «истреблять источник жизни и силы неприятельской армии. К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит и их, обратит настоящую войну в народную». Кутузов дал Давыдову 50 гусар и 80 казаков. Впоследствии кроме отряда Давыдова были организованы отряды Фигнера, Дорохова, Сеславина и др.

Когда отряд Давыдова появился в тылу французской армии, русские крестьяне сначала ему не верили, принимая его за французский отряд. Давыдов писал: «Общее и добровольное ополчение поселян преграждало нам путь. В каждом селении ворота были заперты; при них стояли стар и млад с вилами, копьями

топорами и некоторые с огнестрельным оружием». Давыдову приходилось убеждать крестьян, что его отряд состоит из русских людей и пришел им на помощь. Вскоре Давыдов изменил свою наружность, отпустил бороду, надел кафтан, а вместо ордена Анны повесил на грудь образ Николая-чудотворца. После того как Давыдов принял облик крестьянина, отношение к нему изменилось. Крестьяне дружно стали воевать вместе с солдатами Давыдова против врага.

Еще тогда, во время самой Отечественной войны, подвиги партизан были воспеты нашими поэтами. Молодой ратник, впоследствии знаменитый поэт В. Жуковский, в тесном кругу офицеров и солдат несмелым, дрожащим голосом читал свои стихи, прославлявшие Фигнера, Сеславина, Давыдова и других партизан.

«Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь...
По всем рассыпаны путям,
Невидимы и зримы,
Сломили здесь, сражают там,
И всюду невредимы».

Сила партизан состояла в том, что их поддерживали широкие народные массы. Весь русский народ участвовал в разгроме наполеоновских полчищ.

«Война теперь не обыкновенная, а национальная», — писал Багратион, и это понимали широкие массы народа. Патриотический подъем охватил тогда все слои населения. В самых отдаленных частях нашей страны народ почувствовал, что решается судьба Родины, что дело идет о свободе и независимости нашей страны. И народ делал все, чтобы спасти Родину и изгнать иноземных захватчиков.

В эти суровые дни стойкость народа подверглась наиболее суровому испытанию. Москва была для всего народа близким и дорогим городом — сердцем России. Известия о занятии Москвы французами, о пожаре ее потрясли всю Россию. Один из современников рассказывал, как толпа крестьян в селе Родники (в 40 верстах от Москвы) наблюдала потрясающую картину московского пожара. Женщины плакали, мужчины укоряли полководцев: «Как можно было допустить до этого Москву? Зачем наши не дрались на Поклонной горе, не задержали?».

Но и после потери Москвы никто не думал о мире. Иностранец Г. Фабер писал 1 декабря 1812 г. из Петербурга:

«Русская любовь к Родине не похожа ни на какую другую... С одного конца России до другого она проявляется одним и тем же способом; решительно все выражают ее одинаково; это не расчет, это ощущение, и это ощущение — молния. Бороться огнем и мечом и все принести в жертву — вот в чем сила этой молнии. Вступать в сделку с неприятелем — такая мысль не вмещается в русской голове. Никакое примирение невозможно, ни о каком

сближении не хотят и слышать. Победить или быть побежденным, середины для русских не существует...».

Те же чувства отмечал и поэт Батюшков после занятия Москвы французами: «Зла много, потеря частных людей несчетна, целые семейства разорены, но еще не все потеряно: у нас есть миллионы и железо. Никто не желает мира. Все желают не мира, а истребления врагов».

Вся Россия боролась с Наполеоном. Народ отправлял на поле брани своих сынов и оказывал огромную материальную помощь отечеству. По всей стране, вплоть до Сибири, развернулось добровольное пожертвование средств, сбор вооружения, одежды и продовольствия для нужд армии. Однако было бы неправильно думать, что народ выступал против Наполеона как единое целое. Русский народ был тогда разделен на непримиримо враждебные классы и это не могло не сказаться на войне.

Лучшая, передовая часть дворянства честно встала на защиту страны, боролась с оружием в руках, гибла на полях сражений и не жалела средств для победы над врагом. Но среди господствующего класса были люди, которые и теперь, в час смертельной опасности для Родины, прежде всего заботились о спасении своей собственной шкуры, наживались на войне, обкрадывали казну и бежали при первом появлении неприятеля.

В этом отношении характерны ответы князя Волконского Александру I: «Тут он (Александр) мне сделал следующие вопросы: 1) Каков дух армии? Я ему ответил: «Государь, от главнокомандующего до всякого солдата все готовы положить свою жизнь к защите отечества и Вашего Императорского Величества». 2) А дух народный? — На это я ему отвечал: «Государь, Вы должны гордиться им: каждый крестьянин — герой, преданный отечеству и Вам». 3) А дворянство? «Государь, — сказал я ему, — стыжусь, что принадлежу к нему, — было много слов, а на деле ничего».

Многие дворяне и само правительство опасались народной войны против Наполеона и потому препятствовали её развитию. Офицер Глинка писал: «Но, кажется, война народная слишком нова для нас, кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, дозволяющей вооружиться и действовать где и как кому угодно». Знаменитые афиши московского градоначальника Растопчина убеждали народ в необходимости «иметь послушание, усердие и веру к своим начальникам». Решив перед самым занятием Москвы раздать оставшееся старое оружие населению, Растопчин боялся, как бы это оружие не было направлено против помещиков и государства. Раздача оружия была обставлена торжественно. Из Троицко-Сергиевской лавры вызвали престарелого митрополита Платона. От его имени дьякон произнес речь, в которой он умолял народ не волноваться, покориться воле божией, доверяться своим начальникам. Всем, кто обещает повиноваться, предложено было встать на колени. Только после этого Растоп-

чин объявил: «Коль скоро вы покоряетесь воле императора, он вам позволяет разбирать арсенал».

«До 1812 г., — писал А. И. Герцен, — сомневались в силах народа и имели непоколебимую веру во всемогущество правительства... Народ, забытый даже в это время всеобщего несчастия или же слишком презираемый, чтобы просили у него крови, которую считали в праве проливать без его согласия, — народ поднялся массами, не дожидаясь призыва, в своих собственных интересах».

В первые же дни нашествия Наполеона возникла мысль об организации всенародного ополчения для борьбы с захватчиками. Русские люди помнили, что 200 лет назад, в такую же суровую годину для Родины Минин и Пожарский собирали ополчение, и теперь они хотели, так же как и тогда, всем миром встать против врага. Царское правительство решило объявить сбор ополчения по 16 губерниям России. В манифесте Александра I от 6 июля 1812 г. об организации ополчения говорилось: «Полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составили бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех». Ополченцы собирались лишь на время войны и после ее окончания должны были распускаться по домам. В каждой губернии создавались два комитета: по сбору и вооружению людей и по приему пожертвований. Командный состав ополчений назначался из отставных генералов и офицеров. Набор в ополчение проводили дворяне из среды своих крестьян. Дворянские собрания обычно устанавливали раскладку, по которой на столько-то душ должен был быть выставлен один ополченец. Ополченцы должны были быть одеты по определенному образцу и на три месяца снабжены продовольствием. Одежда ополченцев состояла из кафтана, шаровар, русской рубашки с косым воротом, платка на шею, кушака, суконной фуражки, сапог.

Создание ополчения было встречено с большим подъемом. Правда, наличие крепостных порядков не давало возможности придать ополчению особенно широкий характер. Без разрешения помещика крестьянин не мог записаться в ополчение. Бывало и так, что крестьяне бежали и тайком от помещиков записывались в ополчение, но в таком случае их наказывали и отсылали обратно как нарушивших закон. Некоторые дворяне не только сами не вступали в ополчение, но и уклонялись от посылки своих крестьян. Однако, несмотря на это, организация ополчения проходила успешно. В пять недель было укомплектовано, обмундировано, снабжено продовольствием и отправлено к месту назначения Владимирское ополчение. К середине августа были готовы к походу три дивизии Московского ополчения, насчитывавшие 27 тыс. человек. Современник рассказывает: «В несколько недель образовывались новые батальоны, вполне обученные, некоторые, на моих глазах, были устроены в несколько дней. Совершенно

исключительное зрелище представлял этот народ, прямо подставлявший неприятелю свои открытые груди. Эти воины проходили всюду с песнями; иногда (это я сам видел) за ними шли жены и, чтобы помочь мужьям, несли время от времени их оружие и их вещи». «В селах и деревнях, — пишет С. Глинка, — отцы, матери и жены благословляли сынов и мужей своих на оборону земли русской».

Ополчение сыграло большую роль в войне 1812 г. как важный резерв и помощник регулярной армии. Ополченцы несли большую службу по охране рубежей тех губерний, которые непосредственно примыкали к району военных действий. Они истребляли отдельные отряды противника, вылавливали его фуражиров, мародеров, шпионов, охраняли жителей и их имущество от грабежа. Некоторые ополчения принимали непосредственное участие в военных действиях. Московское ополчение сражалось под Бородином. Наскоро обученные и недостаточно вооруженные ополченцы самоотверженно отражали в этой битве ожесточенный натиск кадровых французских войск. Ополченцы наносили тяжелые удары наполеоновской армии в период ее отступления. Вместе со всей русской армией они пошли в заграничный поход и понесли славу русского народа в другие страны.

Большую роль играло в Отечественной войне 1812 г. казачество, не раз защищавшее русскую землю от иноземных захватчиков. Как только началась война, в казачьих станицах и хуторах стало собираться ополчение. К сентябрю 1812 г. Дон выставил на поля сражений 26 полков, примерно 15 тыс. человек. Казаки составляли главное ядро партизанских отрядов. Вместе с тем они сражались большими конными соединениями. Корпус атамана Донского казачьего войска, ученика Суворова М. Платова прошел в 1812 г. славный путь борьбы с врагом, участвуя почти во всех сражениях. Казаки выполняли трудные боевые задачи в дни отступления русской армии. Тяжелыми арьергардными боями они прикрывали отход и перегруппировку русских войск. Казаки играли важную роль и в преследовании отступающих французов. Платов доносил Кутузову, что неприятель со всех сторон теснится донскими полками, что ему на каждом шагу наносятся огромные поражения. Корпус донских казаков в 1812 г. захватил у врага 547 пушек, более 30 знамен и более 70 тыс. пленных солдат и офицеров. Иноземные завоеватели испытали на своей шкуре удары казацких пик. Казаки были грозой для наполеоновской армии.

Еще более грозными для врага были мужество и решимость русских крестьян. Господство феодально-крепостнического строя в России суживало размах народной войны против Наполеона. Но несмотря на это крестьянство приняло в борьбе с Наполеоном очень широкое и активное участие. Наполеон нес порабощение России. Поэтому русское крестьянство не было заинтересовано в поражении

правительства, хотя последнее и было правительством помещиков. Борясь против помещичьего гнета, русский крестьянин в то же время не хотел и тяжелых цепей иноземного владычества. Он поднялся на борьбу.

Конечно, и в дни Отечественной войны продолжались крестьянские волнения. Стремление к освобождению от крепостного рабства не могло исчезнуть. Однако крестьянские волнения в 1812 году были как бы временно отодвинуты на второй план. Изгнать иноземного захватчика, отстоять независимость родины — вот что прежде всего занимало умы и сердца всего народа. Этой задаче подчинялось теперь все. Характерно, что когда среди ратников-крестьян Пензенской губернии возникли волнения, они собирались итти не на разгром помещичьих усадеб, а на поле сражения, в действующую армию — разбить неприятеля, а затем явиться к царю и в награду за службу выпросить себе «свободу из владения помещика».

При приближении вражеских армий крестьяне жгли избы, хлеб, и ничего не оставляя врагу, уходили в леса. «Мы не находим тут ни жителей, ни одной головы скота, — писал французский офицер Ложье, — дома покинуты хозяевами, из них унесено все ценное. Эта пустыня подавляет нас». В Москве Ложье записывал в свой дневник аналогичные строчки: «Дома не только пусты, но вся обстановка разломана... все подверглось систематической порче. Полное разорение, показывающее, до каких крайностей может дойти народ, решившийся сохранить свою независимость и честь».

Но крестьяне не только поджигали свои дома и имущество, но и вели активную вооруженную борьбу с иноземными захватчиками и истребляли их. Наряду с партизанскими отрядами из солдат и казаков стихийно возникали крестьянские партизанские отряды. Эти отряды скрывались в лесах. Оттуда они делали вылазки на значительные группы неприятеля, нападали на его обозы, уничтожали его фуражиров, захватывали пленных.

Генерал Милорадович рассказывает, как к нему явились крестьяне деревни Каменской, Боровского уезда, и стали просить ружей с патронами для защиты от неприятеля. «Сии крестьяне, — пишет Милорадович, — заслуживают особливого внимания, ибо они под присягой соединились для общего своего защищения с тем, что положено наказание на случай, ежели бы нашелся трус. Сии почтенные крестьяне успели уже истребить много французов».

Организаторами крестьянских отрядов часто выступали солдаты царской армии. Гусар Федор Потапов организовал отряд из крестьян, который почти каждый день ходил против французов и несмотря на это непрерывно увеличивался в числе, дойдя до 3 тыс. человек. Крестьяне дали клятву биться до смерти и избрали Потапова своим начальником. Непрерывно сталкиваясь с неприятелем, они отняли у врага пушку и много снаряжения. Более 200 человек отряда Потапова оделись в латы наполеонов-

ских кирасиров. Бежавший из французского плена Еременко создал большой партизанский отряд в 300 человек.

Жители села Каменки встретили 500 человек французов с большим гостеприимством, напоили и накормили, а ночью увели лошадей, отобрали у многих ружья и напали на сонных и полутрезвых врагов. Целые сутки шел бой в деревне, в результате которого 100 французов были убиты, а 400 человек крестьяне доставили в Калугу. Бронницкие крестьяне напали на отряд французов в 700 человек. Разгромив его, они 30 человек убили и многих забрали в плен. А вот что рассказывают современники о действиях знаменитой крестьянки старостихи Василисы Кожиной. Крестьяне привели к ней несколько пойманных французов для отправки в город. «Василиса, не желая отвлекать взрослых от главнейшего их занятия — бить и ловить злодеев, собрала небольшой конвой из ребят и, севши на лошадь, пустилась в виде предводителя, препровождать французов сама... В сем намерении, разъезжая вокруг пленных, кричала им повелительным голосом: «Ну, злодеи французы, во фрунт стройся! ступай, марш!». Один из пленных офицеров, будучи раздражен тем, что простая баба вздумала им повелевать, не послушался ее. Василиса, видя сие, подскочила к нему мгновенно и, ударя своим жезлом-косой, повергла его мертвым к ногам своим, вскричавши: «Всем вам, ворам, собакам, будет то же, кто только чуть осмелится зашевелиться!». И после этого кто усомнится, что пленные признали над собой власть старостихи Василисы?».

Мужественно сражаясь с иноземными захватчиками, крестьяне не страшились умереть за родину. Раздраженные сопротивлением, французы пытались устрашить народ жестокостью. Захватив 20 крестьян, они предали их суду и приговорили к смерти. И вот один из современников описывает их публичную казнь. Французы ожидали, что крестьяне прибегнут к униженным просьбам и слезам для спасения своей жизни, но они сохранили бодрость духа, отличающую русский народ. Крестьяне спокойно простились друг с другом в полном уверении, что умирают из любви к отечеству. Каждый, видя, что очередь дошла до него, перекрестившись, говорил: «Помилуй меня, господи! Прощайте, добрые люди!». «Такое мужество, — добавляет современник, — привело врага в трепет: он узнал, что никогда не покорить и не развратить сего геройского народа».

Кутузов высоко ценил борьбу крестьянства в Отечественной войне 1812 года. Вот как характеризовал он поведение крестьян в дни войны: «С мученической твердостью переносили они все удары, сопряженные с нашествием неприятеля, скрывали в лесах свои семейства и малолетних детей, а сами, вооруженные, наносили поражения, в мирных жилищах своих, появляющимся хищникам. Нередко самые женщины хитрым образом уязвляли сих злодеев и наказывали смертью их покушения; нередко вооруженные поселяне, присоединяясь к нашим партизанам, весьма им способ-

ствовали в истреблении врага. Можно без преувеличения сказать, что многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами».

В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой хорошо показал характер войны 1812 г.: «Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспортов, партизанская война — все это были отступления от правил... дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Отечественная война 1812 г. имела огромное международное значение. В 1812 г. на русской земле была разгромлена огромная по количеству и высокая по качеству армия, руководимая талантливыми полководцами во главе с самим Наполеоном. Непобедимому до того Наполеону, перед которым склонялась почти вся Европа, русский народ нанес такой могучий удар, от которого Наполеон не в состоянии был оправиться. С Наполеоном велись сражения и после этого в Европе и в самой Франции. Но судьба его решилась в России. Русский удар был для Наполеона смертельным.

Особенно большую роль сыграла Отечественная война в национальном развитии самой России. Товарищ Сталин отмечал, что «...нация является исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма». Россия уже вступила в такую эпоху. В конце XVIII в. и начале XIX в. на основе разложения феодальных и развития капиталистических отношений произошло окончательное оформление русского народа в нацию. В 1812 г. сложившаяся жизнеспособная русская нация отстаивала свою независимость. В. Г. Белинский называл 1812 год великой эпохой в жизни России. «По своим следствиям, — писал Белинский, — он был величайшим событием в истории России со времени Петра Великого. Напряженная борьба на-смерть с Наполеоном пробуждала дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она дотоле сама в себе не подозревала».

Война 1812 г. еще больше сплотила огромную массу русского народа в единую нацию. Она дала могучий толчок развитию русской национальной литературы и вызвала к жизни мощное общественное движение в России. Участник этого движения декабрист А. Бестужев писал: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной». Такую же оценку войны 1812 г. дал великий русский демократ Н. Г. Чернышевский. «Не русские жур-

налы, — писал он, — пробудили к жизни русскую нацию, ее пробудили славные опасности 1812 года».

В памяти русского народа 1812 год остался навсегда как светлая героическая страница его истории. Сохранилось много народных песен, рассказов, преданий, сложенных самими солдатами и крестьянами и передававшихся из поколения в поколение. В них изображался злодей-басурман Наполеон, вторгшийся в пределы России. В них воспевались доблесть и мужество русского воинства и русского народа, разгромившего и изгнавшего его полчища. Народ сохранил память о 1812 годе в своих пословицах и поговорках. Вот некоторые из них: «Отогрелся в Москве, да замерз на Березине», «Хотел с Москвы сапоги снести, а рад с Москвы голову унести», «Пошел по шерсть, а воротился стриженный», «Пуганный француз и от козы бежит», «На француза и вилы ружье», «Мы гостей не звали, а постели им постлали».

Отечественная война 1812 г. нашла широкий отклик в русской художественной литературе. В баснях И. Крылова, в стихах А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Глинки, Н. Давыдова, К. Батюшкова и других, в великом произведении Л. Н. Толстого «Война и мир», в статьях Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова ярко запечатлен 1812 год — год славы русского народа. Салтыков-Щедрин пишет в своей «Пошехонской старине»: «То была година великого испытания, и только усилие всего русского народа могло принести и принесло спасение... Двенадцатый год — это народная эпопея, память о которой перейдет в века и не умрет, покуда будет жить русский народ».

РОССИЯ в 1823—1825 годах

Европейские походы. Священный союз

Разгром Наполеона в России имел решающее значение для освобождения от наполеоновского ига народов других стран.

«Уничтожение великой наполеоновской армии при отступлении из Москвы, — писал Энгельс, — послужило сигналом ко всеобщему восстанию против французского владычества на Западе» [1].

Империя Наполеона держалась на штыках. Она была основана на угнетении жизнеспособных сложившихся наций. И она неминуемо должна была распасться. Но народы Европы не могли добиться освобождения только своими силами. В их освобождении решающую роль сыграла Россия.

Россия не могла закончить борьбу с Наполеоном в 1812 году. Угроза нового нашествия не была снята разгромом наполеоновской армии в России. Наполеон еще стоял во главе огромной империи и собирал новые значительные силы. Он не отбросил своих фантастических планов о мировом господстве. Россия должна была добиться капитуляции Наполеона и установления прочного мира в Европе. В январе 1813 г. русские войска перешли границу и вступили на территорию Пруссии и Польши.

Великий русский полководец Кутузов, под руководством которого войска Наполеона были разгромлены в России, теперь повел победоносные русские войска в Европу. Там, на полях сражений в Европе, новой славой покрылись их доблестные знамена. Кутузов писал в своем приказе войскам: «Заслужим благодарность иноземных народов и заставим Европу с удивлением восклицать: «Непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великодушии и добродетелях мирных! Вот благородная цель, достойная воинов, будем же стремиться к ней, храбрые русские солдаты!». Кутузов предлагал русским солдатам вести себя за границей так, как подобает воинам-освободителям: «Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдат. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница Вышнего праведно отмстила

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 20.

их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружились противу России».

Огромный национальный подъем охватил народы Европы после разгрома Наполеона в России. Население Пруссии приветствовало русские войска. Поднявшийся на борьбу прусский народ заставил короля Фридриха Вильгельма III выступить против Наполеона. По так называемому Калишскому трактату, Россия и Пруссия обязывались не складывать оружия до тех пор, пока Пруссия не будет очищена от французов.

Прусская армия поступила теперь под командование Кутузова. Прусский генерал Шарнгорст явился к Кутузову, чтобы договориться о совместных действиях обеих армий. Прусский генерал Блюхер писал Кутузову: «Король поручил мне корпус и к искренней моей радости подчинил меня Вашей светлости. Мне предстоит двоякая честь: сражаться вместе с победоносной Российской армией и состоять в повелениях полководца, стяжавшего удивление и признательность народов».

Приветствуя такой поворот событий, Кутузов, однако, не забывал вероломства немецких правителей на прошлых этапах борьбы с Наполеоном. В специальном воззвании к государям Германии он отмечал, что русский народ оказался единственным, который не испугался Наполеона и низвергнул его могущество, в то время как германские государи изменили делу борьбы с общим врагом. И он предупреждал их, что повторение подобных действий приведет к тяжелым последствиям для Германии.

Руководимая Кутузовым, русская армия победоносно шла вперед, освобождая польские и прусские города. Но Кутузову не удалось довести до конца заграничный поход. В начале его, в апреле 1813 г., Кутузов заболел. Организм старого фельдмаршала не выдержал. Он умер в небольшом городке Силезии — Бунцлау. В этом городке был поставлен впоследствии обелиск с такой надписью: «До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска российские, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас отечество свое и открыл пути освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

Кутузов умер в момент, когда борьба с Наполеоном в Европе только еще начиналась. Против Наполеона воевали тогда Россия и Пруссия. Австрия вела двойную игру, выжидая, на чью сторону склонится чаша весов. Она боялась одновременно и господства Наполеона и усиления России и Пруссии, которое могло произойти в результате разгрома Франции. Вместе с тем Меттерних считал Наполеона оплотом против «общеевропейской анархии».

В короткий срок Наполеон собрал новые силы — примерно столько же, сколько имели русско-прусские войска, — 200 тыс.

человек. Наполеон снова возглавил французскую армию, и ему удалось под Люценом нанести поражение союзникам. Затем последовала кровопролитная битва под Бауценом, не давшая решительных результатов ни той, ни другой стороне.

В июне 1813 г. союзники заключили перемирие с Францией. Они использовали это перемирие, чтобы укрепить свои силы и расширить состав антифранцузской коалиции. Пруссия и Россия заключили договор с Англией. Англия обязалась субсидировать антифранцузскую коалицию деньгами. Изменилась позиция Австрии. Ее предложения о восстановлении прежнего положения в Польше, Германии, Голландии и Испании были отвергнуты Наполеоном. Когда Меттерних указал Наполеону, что его непримиримость приведет к возобновлению войны, Наполеон самоуверенно заявил: «Не думаете ли Вы опрокинуть меня коалицией? Сколько вас, союзников? Четверо, пятеро, шестеро, двадцать? Чем больше вас, тем я спокойнее. Я принимаю вызов. Могу вас уверить, что в будущем октябре мы увидимся в Вене. Тогда посмотрим, что станется с вашими друзьями — русскими и пруссаками».

Непримиримость Наполеона положила конец колебаниям Австрии, и она присоединилась к союзникам. Кроме нее, в коалицию также вошли Швеция, Испания, Португалия. Союзники договорились свести Францию к границам 1792 г., восстановить в прежних размерах Австрию и Пруссию и разделить между Россией, Австрией и Пруссией герцогство Варшавское.

В августе 1813 г. война с Наполеоном возобновилась. Союзники выставили до 1 млн. солдат. У Наполеона войска было наполовину меньше — 550 тысяч. Битва под Дрезденом, происходившая в конце августа 1813 г., кончилась победой французов. Однако в дальнейшем ход войны изменился. В конце августа и начале сентября 1813 г. французские войска, руководимые Удино, Макдональдом, Неем и другими, потерпели поражение. Три союзные армии — северная, силезская, австрийская — соединились, чтобы сжать в огненное кольцо Наполеона.

Решительный бой произошел в октябре 1813 г. на равнине у Лейпцига. Это была грандиозная битва народов. На стороне Наполеона, кроме французов, выступали поляки, голландцы, бельгийцы, итальянцы, саксонцы и др. Он выставил 150 тыс. человек. Но у союзников было 220 тысяч. Три дня шла эта ожесточенная битва. Французские войска дрались с отчаянной храбростью, но они не могли устоять перед более мощным противником. В разгар сражения саксонцы изменили Наполеону и перешли на сторону союзников. Лейпцигская битва была проиграна Наполеоном. Отступление превратилось в бегство и кончилось катастрофой—50 тыс. французов было убито, 15 французских генералов попало в плен. Лейпцигское поражение ускорило падение Наполеона. Обширная империя Наполеона распадалась. Одно за другим отлагались от нее государства Европы. У Наполеона не оставалось уже ни одного союзника. Французская армия отступала к Рейну, воз-

вращаясь обратно во Францию. Французские гарнизоны, разбросанные по крепостям вдоль Вислы, Одера и Эльбы, были уничтожены или пленены. Только маршал Даву продолжал держаться в Гамбурге. К концу 1813 г. нигде в европейских городах уже не развевались французские знамена.

Но Наполеон все еще не складывал оружия и попрежнему отвергал мирные предложения. В январе 1814 г. военные действия были перенесены на территорию самой Франции. Наполеон встал во главе вновь сформированной французской армии и продолжал оказывать сопротивление. Но его положение становилось все более безнадежным. Народ был разорен. Экономические ресурсы страны истощены. Во всей Франции и особенно в Париже нарастало огромное недовольство. Получив сведения о положении в Париже, союзники направили свои главные силы к столице Франции, оставив армию Наполеона в тылу. Бои под Парижем были непродолжительны. 18 марта Париж капитулировал, подписав официальные условия капитуляции с представителями союзников. На следующий день союзные войска во главе с Александром I торжественно вступили в Париж. Победным шествием прошла славная русская армия по всей Европе — от Москвы до Парижа. Толпы французского народа встречали победителей. Александр I принял членов муниципального совета и заявил им, что берет Париж под свое покровительство. Он обещал обеспечить полную неприкосновенность личности и имущества французского населения.

Однако теперь политика союзников стала носить реакционный характер. До этого времени союзники освобождали народы Европы от наполеоновского ига. Их действия способствовали развитию национально-освободительной борьбы, и это имело прогрессивное значение. Теперь же, явившись во Францию, они не предоставили французскому народу решать вопросы своего внутреннего устройства. Союзники поддержали сторонников старого порядка, свергнутого Великой Французской буржуазной революцией. Старые французские дворяне, власть которых была уничтожена народом, стремились к восстановлению реакционной монархии Бурбонов. Министр Талейран, изменив Наполеону и вступив в переговоры с союзниками, также добивался этого. Александр I после некоторого колебания дал согласие на реставрацию Бурбонов. Под давлением союзников французский сенат объявил Наполеона низложенным. Наполеон отрекся от престола, получив во владение остров Эльбу. Французским королем был провозглашен брат казненного Людовика XVI — Людовик XVIII. Но восстановить французскую монархию в прежнем виде было невозможно. Боясь, чтобы династия Бурбонов не была сметена новой революцией, союзники настояли на провозглашении во Франции конституционной хартии. Вместе с тем для закрепления победы они оставили во Франции свои войска сроком на два года. Так, борясь с тиранией Наполеона, союзники восстановили во Франции старую феодальную тиранию.

Такой же реакционный характер стала носить политика союзников после свержения Наполеона и на международной арене. Плоды победы над Наполеоном, добытые кровью народов, правители европейских государств стремились использовать во вред народам. В сентябре 1814 г. в Вене был открыт конгресс европейских держав. Два императора, четыре короля, множество мелких владетелей, дипломатов и министров съехались в Вену для того, чтобы заняться послевоенным устройством Европы. Представитель Австрии — ловкий дипломат Меттерних, которого называли «величайшим плутом и лгуном на континенте», председательствовал на конгрессе. Изворотливый и хитрый Талейран, не так давно выступавший от имени Наполеона, представлял на конгрессе правительство Людовика XVIII. Он выдвинул принцип легитимизма, одобренный остальными участниками конгресса. Этот принцип состоял в том, чтобы восстановить свергнутые династии и каждое государство оставить в тех границах, в каких оно было до начала революционных войн. Но от принятия принципа до практического решения вопроса было далеко. Каждое правительство стремилось использовать обстановку, создавшуюся после разгрома наполеоновской империи, чтобы урвать себе кусок добычи и за счет соседей расширить свою собственную территорию.

В связи с этим между союзниками обнаружились крупные разногласия. На конгрессе и за его кулисами развернулась сложная дипломатическая борьба прежде всего по вопросу о Польше и Саксонии. Александр I требовал, чтобы все части Польши (русская, австрийская и прусская) были присоединены к России. Австрия выступала решительно против этого. Чтобы привлечь на свою сторону Пруссию, Александр I согласился на присоединение к ней Саксонии. Он заключил тайный договор с Пруссией, согласно которому пруссаки должны были занять Саксонию. С другой стороны, между Австрией, Англией и Францией был заключен тайный военный договор, направленный против России и Пруссии. Коалиция была готова распасться на две части. В такой момент на конгресс пришло неожиданное известие о том, что Наполеон уехал с Эльбы и 1 марта 1815 г. высадился на берегу Франции. Людовик XVIII бежал из Парижа. Власть Наполеона во Франции была восстановлена.

Но вторичное господство Наполеона продолжалось недолго — всего 100 дней. Победа Наполеона во Франции объединила союзников. Они объявили его вне закона и снова собрали свои войска. Перед лицом новой опасности союзники договорились и по территориальному вопросу.

18 июня 1815 г. при Ватерлоо (Бельгия) произошла решающая битва союзных армий с Наполеоном. Войска Наполеона были разбиты, армия его — уничтожена, сам Наполеон на этот раз был объявлен пленником и под строгим надзором был отправлен на остров св. Елены. Во Франции вторично была восстановлена ди-

настия Бурбонов. Как и в первый раз, это произошло с помощью штыков союзников, вопреки воле французского народа. Князь Волконский в своих воспоминаниях пишет, как «реставрированный» король Людовик XVIII проехал мимо народа, скопившегося на Марсовом поле. «Народ принял его молчаливо и равнодушно, и только мы с Кривцовым весьма неосторожно закричали: «Да здравствует король!».

9 июня 1815 г., еще до решающей битвы при Ватерлоо, союзники подписали заключительный акт Венского конгресса. Старыми, заржавелыми ножницами карта Европы была перекроена. Франция была сведена к границам 1792 г.; Англия получила Мальту, Ионические острова и ряд голландских колоний; Голландия была «компенсирована» присоединением к ней Бельгии; Пруссия получила Рейнскую область, часть Саксонии и Шведскую Померанию; Россия получила основную часть Польши вместе с Варшавой и закрепила за собой Бессарабию и Финляндию; Австрия получила новые земли в Северной Италии и Галицию; Норвегия была отнята у союзницы Наполеона — Дании и присоединена к Швеции.

Интересы народов не волновали при этом главарей Венского конгресса. Как писали Маркс и Энгельс: «Народы покупались и продавались, разделялись и соединялись ровно в такой мере, в какой это прежде всего соответствовало интересам и целям их правителей» [1].

В связи с развитием капиталистических отношений народы Европы формировались в нации. Однако этот прогрессивный процесс игнорировался венскими дипломатами. Венский конгресс точно определил размеры каждого государства, экономическую ценность тех или иных территорий и численность их населения, но он подавлял стремление этого населения к национальной независимости. Бельгийцы были подчинены голландскому правительству, поляки — русским, пруссакам и австрийцам. В Германии и Италии закреплялась раздробленность. Огромная часть итальянского народа была отдана под ненавистное владычество австрийцев. Повсюду восстанавливалась власть свергнутых династий.

Так реакционные державы Европы стремились спасти и укрепить старый, обреченный на гибель общественно-политический строй. В обстановке развивающихся капиталистических отношений, после сокрушительных ударов, нанесенных феодализму революцией, это было бесплодной реакционной утопией. Французская революция и борьба против наполеоновского ига подняли дух национальной независимости среди народов Европы. Стремление к национальному и социальному освобождению возросло. Здание, построенное в Вене, неизбежно должно было разрушиться. Сами творцы венских договоров не особенно надеялись на их проч-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 13.

ность, они боялись возникновения революционных и национально-освободительных движений в Европе.

Именно в связи с этим в сентябре 1815 г., по предложению Александра I, был создан так называемый «Священный союз», в который вошли вначале три монархии— Россия, Пруссия, Австрия, а затем ряд других государств Европы. Задача «Священного союза» состояла в том, чтобы объединить все силы европейской реакции. В его акте говорилось, что участники Союза, соединяясь во имя «святой и нераздельной троицы», будут «как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам» руководствоваться заповедями «святой веры» и «вечной религии бога-спасителя».

Несмотря на туманную религиозно-мистическую фразеологию, Священный союз имел определенный смысл. Державы, вступившие в него, стремились совместными силами предотвратить новые революционные движения, взаимно застраховать себя от взрывов и потрясений. Они условились периодически собираться на конгрессы, посвященные общим интересам. Первый конгресс Священного союза, собравшийся в 1818 г. в Аахене, принял решение о выводе войск союзников из Франции. Однако союзники на этом конгрессе договорились снова ввести свои войска во Францию, если там вспыхнет новая революция. Союзники установили принцип вмешательства во внутренние дела и других государств Европы. Они гарантировали существующий порядок внутри государств и обещали помочь другим монархам в деле подавления революционных выступлений со стороны их подданных.

Однако решения Священного союза не могли сохранить здание европейского феодализма и абсолютизма. Прошло немного времени после основания Священного союза, и революционные движения охватили ряд европейских стран. В январе 1820 г. вспыхнула революция в Испании, и король Фердинанд VII вынужден был обещать созыв кортесов и восстановление конституции. В июле 1820 г. восстал неаполитанский народ. В августе 1820 г. произошла революция в Португалии. 8 марта 1821 г. развернулось восстание в Пьемонте. Так, за короткий срок пламя революционного пожара охватило Пиренейский и Апеннинский полуострова.

Новый взрыв революционного движения в Европе встревожил державы Священного союза. Один за другим собирались его конгрессы: в октябре—декабре 1820 г. в Троппау, в январе—марте 1821 г. в Лайбахе, в апреле—декабре 1822 г. в Вероне. На этих конгрессах прежде всего обсуждались вопросы о путях и средствах подавления возникших революций. В свете развернувшихся событий прежние решения казались недостаточными. На конгрессе в Троппау был заключен новый договор, в котором открыто провозглашался принцип вооруженной интервенции. Державы заявляли, что если мирные усилия вернуть ту или иную страну на «истинный путь» не помогут, союзные государства обязуются применить силу. И сила действительно применялась. Конгресс в

Троппау признал право Австрии вмешаться в дела Южной Италии и поручил ей с помощью оружия защитить свергнутого неаполитанского короля.

В марте 1821 г. австрийские войска перешли реку По, вторглись в Неаполь и подавили неаполитанскую революцию. Вслед за тем австрийские войска помогли монархистам подавить революцию в Пьемонте. Но оставалась еще Испания. Россия, Австрия, Пруссия и Франция добивались восстановления в Испании абсолютной монархии и феодальных порядков. Они требовали отмены испанской конституции. Когда испанское правительство отвергло вмешательство в свои внутренние дела, дипломатические представители этих четырех держав покинули Мадрид. В апреле 1823 г. стотысячная армия Франции вступила на территорию Испании. Опираясь на помощь феодальных элементов и католической церкви, она разгромила испанскую революцию и восстановила самодержавную власть Фердинанда VII.

Александр I сам руководил в этот период внешней политикой России. Он присутствовал на всех международных конгрессах, вошел в тесные отношения с западноевропейскими государствами и окружил себя помощниками из иностранцев (корсиканец Поццо-ди-Борго, грек Каподистрия, немцы Штейн и Нессельроде). Некоторые из них в течение длительного времени были даже царскими министрами иностранных дел. Многие роптали на то, что царь предпочитает чужих людей своим подданным. Но это предпочтение не было случайным. Александр мало думал о России. Он отдался всей душой европейским делам. Вместе с Пруссией, Австрией царская Россия играла роль душителя освободительных движений в Европе. Три монархии, объединившись в Священный союз, стремились восстановить и укрепить во всех странах старые феодальные устои. Правда, царская Россия непосредственно не участвовала тогда в подавлении революционных движений, но она поддерживала интервенцию других империй и была готова с той же целью использовать и свои войска. Когда произошла революция в Пьемонте, Александр сформировал армию в 100 тысяч человек под командованием генерала Ермолова и уже собирался направить ее за границу для подавления революции. Но Австрия поспешила сама расправиться с восстанием.

Из всех держав Священного союза именно Австрия была особенно заинтересована в подавлении освободительных движений в Европе. Борьба за свободу и независимость, развернувшаяся тогда на территории Италии, представляла огромную угрозу для австрийского господства. Непримиримый враг революции и искусный дипломат Меттерних добивался прежде всего укрепления и расширения позиций Габсбургской монархии. Пугая Александра I призраком революции, он стремился направить его политику в желательное для себя русло. Александр был на переднем плане, окружен блеском и почестями, а за его спиной ловко действовал австрийский канцлер.

Представители прогрессивных слоев русского общества считали, что внешняя политика Александра I не соответствует национальным интересам России. Возглавив борьбу с Наполеоном, Россия выступила в роли освободительницы Европы. Народы всей Европы видели в ней освободительницу от иноземного ига. Но после разгрома Наполеона царская Россия вместе с другими державами стала восстанавливать абсолютизм и тушила последние искры свободы, стала оплотом реакции. «Мы русские, — писал декабрист Каховский, — кичимся, величая себя спасителями Европы! Иноземцы не так видят нас; они видят, что силы наши есть резерв деспотизма Священного союза».

Впоследствии и А. Герцен осуждал внешнюю политику самодержавия. Он считал, что Александр I поставил Россию под то же знамя, под которым стояла гнилая, умирающая Австрийская империя. «Союзом с европейской реакцией Россия, — писал Герцен, — только что возвеличившаяся своими победами, унизилась в глазах всех мыслящих людей». Но передовые русские люди не отождествляли при этом официальную царскую Россию с русским народом, заинтересованным в уничтожении царизма. Каховский указывал, что «народы не русских не любят, но их правительство, которое вмешивается во все их дела и для пользы царей утесняет народы». Русский народ был заинтересован не в утеснении, а в освобождении народов Европы.

Россия и борьба народов Балкан

Из всех народов Европы в наиболее угнетенном положении находились тогда народы Балканского полуострова. Национальный и религиозный гнет нигде не был так силен, как в этой части европейского континента. Мусульманская Оттоманская империя беспощадно подавляла все проявления национальной жизни сербов, греков, болгар, румын и других народностей Балкан, исповедывавших христианскую веру. Уничтожалась их культура, притеснялись их религия, их язык, обычаи. Банды турецких головорезов — янычар — угоняли в рабство и вырезали цвет местного населения. Балканским славянам грозила такая же участь, какая постигла прибалтийских славян, уничтоженных немцами. Но в конце XVIII в. для балканских народов сверкнул луч надежды. Под ударами победоносного русского оружия отсталая феодальная Оттоманская империя стала распадаться. Внутри Турции завязалась ожесточенная борьба вокруг реформ, возникали восстания и заговоры, свергались и убивались султаны и министры. Среди народов, угнетавшихся турками, возникло национально-освободительное движение.

Народы Балкан понимали, что они не могут освободиться от турецкого ига своими силами. Их взоры устремлялись к мощной России. Правда, царское правительство, возглавлявшее тогдашнюю Россию, преследовало на Балканах захватнические цели, но, несмотря на это, Россия играла огромную роль в освобождении

балканских народов, нанося тяжелые удары их угнетателю — Оттоманской империи. Народы Балкан, особенно славянские народы, видели в России своего единственного защитника. Общность племенного происхождения, близость языка, единая религия связывали русских с сербами, болгарами, черногорцами.

Маленький свободолюбивый черногорский народ, зажатый со всех сторон врагами, еще с XVIII в. находился в тесной дружбе с братским русским народом и неизменно поддерживал Россию в ее войнах с Турцией. Черногория выступила и против Наполеона. Громадное пространство отделяло друг от друга оба народа, но, объединенные общими интересами, они в разных концах Европы наносили совместные удары французской армии.

Владыка Петр I, стоявший во главе Черногории первое двадцатипятилетие XIX в., был искренним другом России. В своем завещании он предал проклятию не только тех, кто действует против своего отечества. «Точно так же да будет проклят и тот, кто покусился отвратить вас в верности благочестивой и христолюбивой России... дай бог, чтобы у него живого отпало мясо от костей и не было бы ему добра ни в этой жизни, ни в будущей».

В 1803 г. мощное восстание против турецкого ига вспыхнуло в Сербии. Под руководством Кара-Георгия собралось 30-тысячное сербское войско, объявившее непримиримую войну туркам. В июле 1804 г. сербы послали специальную делегацию в Петербург, к русскому правительству с просьбой помочь в восстановлении самостоятельного сербского государства. Сербский митрополит писал, что сербы имеют «единую надежду на Россию», и просил ее найти средства, чтобы сербский народ, «Россию и россиян всегда любящий, в политическое бытие привести».

Россия не порвала тогда свои отношения с Турцией и не оказала немедленную вооруженную помощь сербам. Но ее посланник защищал перед турецким правительством интересы восставшей Сербии. Когда же в 1806 г. началась русско-турецкая война, два братских народа соединились, чтобы сокрушить общего врага. В начале июня 1806 г. объединенный отряд русских и сербов разбил крупные силы турок. 17 июня 1806 г. освобожденный повстанцами Белград праздновал победу. Пушечная пальба торжественно возвещала о прибытии в столицу Сербии представителя России. Тысячи жителей Белграда радостно приветствовали его.

Перемирие, заключенное между Россией и Турцией, в связи с Тильзитским миром, осложнило положение восставшей Сербии, но сербы продолжали стойко держаться против турок и действовать в союзе с Россией. Командующий русской армией требовал признания независимости сербского народа и заявил туркам, что если они нападут на сербов, то перемирие будет нарушено. Когда борьба между турками и сербами возобновилась и положение сербов резко ухудшилось, русская армия перешла через Дунай и вступила в Болгарию. Там развернулись главные сражения. Русские и сербские войска снова объединились для борьбы против

турок. Сербский сенат благодарил Россию за «знатную помощь, оказанную Сербии».

Борьба против Турции в 1806—1812 гг. не завершилась полным освобождением Сербии. По Бухарестскому договору 1812 г. Турция оставляла за собой сербские крепости и право собирать с Сербии дань. Но, несмотря на это, с помощью России первый шаг по пути освобождения Сербии был сделан. Россия добилась от Турции признания внутренней автономии Сербии. Турция уже не имела больше права вмешиваться во внутренние дела Сербии. Это открыло сербам возможность борьбы за лучшее будущее.

Сербский народ постепенно расширял завоеванные права. Умело использовав доверие турецкого правительства, сербский воевода Милош Обренович в 1817 г. встал во главе нового восстания. Турки пытались подавить восстание силой. Но на защиту сербов поднялась Россия. Она потребовала от турок прекратить военные действия и улучшить положение сербов. В 1820 г. Турция согласилась на полную свободу богослужения и автономию Сербии. Она предоставила сербским властям самим собирать подать султану, а Милоша Обреновича признала наследственным сербским князем.

Одновременно с политическим развитием при помощи России шел процесс культурного возрождения Сербии. Еще в конце XVIII в. Иоанн Раич, окончив Киевскую академию, принялся за изучение сербской истории и выпустил в Петербурге свой труд: «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов, сербов». В начале XIX в. деятель сербского возрождения Обрадович, вышедший из среды народа, побывав в России и других странах, написал первые произведения на народном сербском языке. Во втором десятилетии XIX в. особенно большую роль в развитии сербской национальной культуры сыграл сербский писатель Вук Стефанович Караджич. Вук ввел новое сербское правописание, выработал новую грамматику, изучил народный язык и народную поэзию. В 1814—1815 гг. он издал многотомное собрание сербских песен, сказок, пословиц. Вук тоже побывал в России и был радушно принят в Петербурге и Москве.

В гораздо более тяжелом положении находилась тогда Болгария. Она продолжала оставаться на положении бесправного турецкого владения — райи. Непосредственная близость к Турции и господство греческого православного духовенства, враждебно относившегося ко всему болгарскому, особенно ухудшали положение Болгарии. Казалось, что болгарский народ, придавленный 400-летним турецким игом, навсегда сошел с исторической сцены. Но это было не так. В самые трудные времена турецкого владычества болгарский народ не терял веру в свое освобождение. Он надеялся на помощь, которая должна притти от «деда Ивана», так называли болгары Россию.

И действительно, войны, которые вела Россия с Турцией в конце XVIII в. и начале XIX в. на территории Болгарии, выводили

болгарский народ из состояния оцепенения. Многие болгары вступали в русскую армию и организовывали отряды добровольцев для совместной борьбы против турок. Болгарский епископ Софроний Врачанский призывал народ оказать всемерное содействие русским войскам. Он писал, что приходит общая радость для Болгарии, приближаются христианские братья — русское войско, которое избавит болгар «от турецкого варварского мучительства».

В первой четверти XIX в. этого избавления не произошло. В отличие от сербов болгарский народ не получил тогда автономии. Но и для Болгарии наступили новые времена. Национальное самосознание болгарского народа быстро росло. Среди болгар появилось стремление узнать свою историю, учиться на родном языке и создать свою литературу. Широко распространялась «Славяно-болгарская история», написанная еще во второй половине XVIII в. проигумном Паисием. Ученики Паисия, несмотря на гонения и преследования, успешно боролись против турецкого и греческого влияния и внедряли болгарскую грамотность. Многие болгары переселились в Россию и оттуда всемерно способствовали развитию национально-освободительного движения на своей родине.

Россия оказывала помощь и другим народам Балканского полуострова, находившимся под тяжелым турецким владычеством. Еще в конце XVIII в. Россия добилась от Турции объявления амнистии жителям Валахии и Молдавии, выступавшим против турок. Порта обязалась тогда не препятствовать исповеданию православной веры в обоих княжествах и признала за Россией право заступаться за Валахию и Молдавию. В 1802 г. Турция согласилась отменить произвольную смену господарей этих княжеств и установила семилетний срок их правления. В обоих княжествах на эти должности были назначены люди, дружественно относившиеся к России. Но Турция неоднократно нарушала свои обязательства в отношении Валахии и Молдавии. Это и явилось одной из причин возникновения русско-турецкой войны 1806—1812 годов. Отряды добровольцев в обоих княжествах присоединились тогда к русским войскам для совместной борьбы против турок, и в итоге войны часть Молдавии — Бессарабия была освобождена от турецкого владычества и присоединена к России. Через несколько лет большое восстание вспыхнуло против турок в Валахии. Его поднял в 1821 г. Владимиреско, сражавшийся во время русско-турецкой войны на стороне русской армии. Первое время Владимиреско имел значительный успех. Он овладел Малой Валахией и городом Бухарест. Однако руководитель валахских повстанцев не понимал, что уничтожить турецкое иго можно только совместными усилиями всех балканских народов. Владимиреско не объединил своих сил с восставшими в это время греками и пал в результате междоусобной греко-румынской борьбы. Вслед за тем новые репрессии турок обрушились на население Валахии и Молдавии. Но Турция все же

вынуждена была согласиться на восстановление местного избирательного права. В 1822 г. бояре Молдавии и Валахии направили делегации в Константинополь, и новых господарей княжеств султан назначил по их предложению.

Из всех народов Балканского полуострова наиболее решительно поднялся тогда на борьбу за независимость греческий народ. Его борьба против турок встретила большое сочувствие в России. Тайная организация греков, возглавившая освободительное движение — Гетерия, получала в России помощь и содействие. Ее руководителем стал генерал русской службы, бывший адъютант Александра I — Александр Ипсиланти. Весной 1821 г., подняв восстание в Молдавии, он обратился за помощью к Александру I. Ипсиланти призывал спасти от преследований христианскую религию и «очистить Европу от кровожадных чудовищ». Все прогрессивные слои русского общества настаивали на необходимости оказать немедленную поддержку греческим повстанцам.

Александр I вначале не решился сделать это. Он исходил из того, что поскольку греки восстали против «законного» правителя — турецкого султана, державы Священного союза, стоящие на страже законности, не могут одобрить их выступления. Александр I исключил Ипсиланти с русской службы и заявил, что «недостойно подкапывать основания Турецкой империи постыдными и преступными действиями тайного общества».

А между тем греческое восстание разрасталось все шире и шире. Подавленное в придунайских княжествах, оно перебросилось на территорию самой Греции. Зверские убийства турками православных священников и мирных жителей вызывали огромное возмущение. Сочувствие к грекам росло. Все передовые люди России восхваляли героизм и стойкость маленького народа, вступившего в неравную борьбу с грозным угнетателем христиан. Военный гимн греков был переведен на русский язык и широко распространялся в России.

В середине 1821 г. русское правительство отошло от своей первоначальной позиции в греческом вопросе. Русский посол в Константинополе Строганов заявил, что неистовства турок узаконили восстание греков. От имени России он настаивал перед Турцией на необходимости удовлетворить требования греков. Не получив в срок ответа, русское посольство выехало из Константинополя. Дипломатические отношения между Россией и Турцией были прерваны. Надвигалась война. Но именно этого-то и не хотели европейские державы и прежде всего Австрия.

Уже тогда никто не верил в прочность Оттоманской империи. Недаром ее называли «больным человеком». Уже тогда было ясно, что народы Балкан и в первую очередь Греция и Сербия вполне могут создать свои самостоятельные государства. Но Австрия боялась создания независимых славянских государств. Под ее властью уже находились славяне (чехи, словаки, хорваты и др.), которым она вовсе не собиралась предоставлять независи-

мость. Австро-немецкие захватчики были не прочь воспользоваться турецким наследством с другой целью. Они мечтали поработить славянские народы Балкан, чтобы расширить рамки своей империи до берегов Черного моря. Будучи не в состоянии немедленно приступить к осуществлению этих бредовых планов, Австрия стремилась пока что сохранить разваливавшуюся Оттоманскую империю. Запугивая Александра I революционной опасностью, Меттерних хотел удержать Россию на позициях Священного союза, отвлечь её внимание от восточных дел, предотвратить возникновение новой русско-турецкой войны. Боясь усиления России, Англия поддерживала эту австрийскую политику.

Англия и Австрия призывали греков «освободиться от гибельного заблуждения», «возвратиться к долгу верных подданных и истинных христиан, прекратить мятеж против султана». Обе державы осуждали разрыв русско-турецких отношений и заявили, что не допустят возникновения русско-турецкой войны. Англия и Австрия протестовали против нарушения целостности Турецкой империи.

Позиция Англии и Австрии повлияла на политику Александра I. Разорвав отношения с Портой, русский монарх не решался, однако, полностью поддержать греческое движение. Александр I опасался, что Англия и Австрия выступят на стороне турок. Вместе с тем греческое восстание принимало все более революционный характер. Национальное собрание Греции в 1822 г., провозгласив независимость страны, утвердило демократическую конституцию. В таких условиях Россия соглашалась возобновить дипломатические отношения с Портой, если она докажет свое уважение к христианской религии и возобновит мир с Грецией. Но Порта продолжала упорствовать. Греческий вопрос зашел втупик. Этим обстоятельством воспользовалась английская дипломатия. Она решила вырвать инициативу в греческом вопросе из рук России и выступить в роли покровительницы греков. Англия признала за ними право блокады Турции, позволила им получать продовольствие на Ионических островах и др.

В балканском вопросе особенно ярко проявились противоречия в политике России. Русский народ стремился освободить братские народы Балканского полуострова от тяжелого турецкого ига. Но реакционная сущность царского правительства мешала выполнить эту задачу до конца. В деле освобождения балканских народов царская Россия действовала недостаточно последовательно и решительно. То она боялась развития всеобщей революции, о которой кричал Меттерних, и, исходя из этого, считала нужным поддерживать «законного» турецкого султана, то она опасалась, что поддержка народов Балкан приведет ее к столкновению с Англией и Австрией, стоявшими за спиной Турции, то она не хотела развития демократических начал внутри самого освободительного движения, как это было в Греции. Но так или иначе с помощью России народы Балкан сделали в первой чет-

верти XIX в. важный шаг по пути к своей независимости. Разрушая отсталую Оттоманскую империю, добиваясь предоставления автономии народам Балкан, защищая христианскую церковь, Россия содействовала освобождению балканских народов от многовекового турецкого владычества.

Положение внутри страны

Вся внутренняя жизнь России в 1813—1825 гг. проходила под влиянием Отечественной войны 1812 года. Эта война развила национальное самосознание русского народа и вместе с тем подняла его к новой жизни. Декабрист Якушкин писал: «Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом состоянии».

Широкие массы народа после Отечественной войны еще острее почувствовали отсталость своей родины и необходимость преобразования во имя ее свободы и счастья.

Крестьянство сыграло решающую роль в разгроме Наполеона. Сознание крестьян выросло. Вера в свои силы поднялась. Жизнь под гнетом крепостника-помещика стала теперь еще более невыносимой, чувство протеста стало сильнее.

Крестьяне надеялись на то, что после Отечественной войны они получат свободу. Декабрист Н. Тургенев писал: « Когда неприятель ушел, крепостные крестьяне полагали, что своим героическим сопротивлением французам, мужественным и безропотным перенесением для общего освобождения стольких опасностей и лишений они заслужили свободы... Поэтому во многих местах они не хотели больше признавать власти своих господ».

Декабрист А. Бестужев отмечал: «Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине! Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа!».

Именно народ и прежде всего крестьянство вынесли на себе всю тяжесть войны 1812 г., однако после войны не было ничего сделано даже для смягчения крепостного права. Вместо этого царское правительство особыми указами подтверждало право помещиков ссылать крестьян в Сибирь. Одновременно усиливалась эксплоатация крестьян. Помещик пытался приспособиться к развивающимся капиталистическим отношениям путем дальнейшего усиления крепостнического гнета. Это вело к увеличению оброка, сокращению крестьянских запашек, обезземеливанию и разорению крестьян. «В 1812 году, — говорил П. Каховский, — нужны были неимоверные усилия; народ радостно все нес в жертву для спасения отечества. Война кончена благополучно; монарх, украшенный славой, возвратился, Европа склонила перед ним колена; но народ, давший возможность к славе, получил ли

какую льготу? Нет! В мирное время налоги еще увеличились...». Именно в это время (1819 г.) Пушкин написал свое знаменитое стихотворение «Деревня», в котором с исключительной силой обрисовал «крепостной ярем», который до гроба несет русский крестьянин:

«Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца».

Сохранился интересный план драмы А. С. Грибоедова, в которой он собирался описать войну 1812 года. Героем драмы должен был быть крепостной крестьянин. Он совершает подвиги в Отечественной войне. Но после окончания войны возвращается под палку господина и кончает жизнь самоубийством. В плане драмы говорилось: «Отличия, искательства, вся поэзия великих подвигов исчезает. М. в пренебрежении у военачальников. Отпускается во-свояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию. Село, или развалины Москвы. Прежние мерзости. М. возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние... Самоубийство».

«Что же касается до бедного мужика, — писал Герцен, — он вернулся в свою общину, к своей сохе и к своему закрепощению. Для него ничто не изменилось, ему не дали никакой вольности в награду за победу, купленную его кровью».

Не изменилось положение и той части народа, которая продолжала служить в армии после окончания заграничных походов. Солдаты, которые героически защищали русскую землю в 1812 г., угнетались и притеснялись попрежнему. После войны 1812—1815 гг. труднее было мириться с палочной дисциплиной, муштрой, нищенским материальным положением. В. Каразин писал: «Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что они мало получают жалованья, что наказывают их строго и пр.». Солдаты стали более чувствительны к несправедливости, произволу и грубости.

Не произошло изменений и в политическом устройстве страны. Тщетно передовая часть русского общества надеялась, что после войны 1812 г. Александр I произведет серьезные перемены во внутреннем строе России. Введение польской конституции создало иллюзии, что реформы будут проведены и в России, тем более что, открывая в 1818 г. польский сейм, Александр заявил, что он сторонник свободных учреждений и надеется их «спасительное влияние» «при помощи божией распространить на все страны, попечению моему вверенные». В 1818 г. Александр действительно поручил Новосильцеву составить проект «Уставной грамоты» для России. Новосильцев взял для этого за основу польскую конституцию. 122 статьи «Уставной грамоты» были взяты из нее.

Однако «Уставная грамота» представляла собой ухудшенное издание польской конституции: государственный сейм должен был лишь содействовать «законодательной власти государя», палата земских послов составлялась по назначению государя и т. д. Но и в таком виде «Уставная грамота» не получила осуществления.

После Отечественной войны Александр вообще мало занимался вопросами внутреннего управления государством. Выражая презрение ко всему русскому, Александр с жаром отдавался европейским делам. Потеряв надежду стать полководцем, Александр выступал теперь как дипломат. Пушкин называл Александра «кочующим деспотом». И действительно, он много разъезжал по заграннице. А в это время все нити управления страной сосредоточились у Аракчеева.

Александр I безгранично доверял своему временщику. Аракчеев стал всесильным правителем России. Докладчиком Комитета министров перед государем неизменно выступал Аракчеев. Назначение и смещение с правительственных должностей производились по его предложению. Ежедневно с раннего утра передняя Аракчеева была заполнена заискивавшими перед ним просителями, в числе которых были и представители старых знатных дворянских фамилий. «У нас теперь только один вельможа — Аракчеев», — говорили современники. Аракчеев заявлял офицерам: «Государь — мой друг, и жаловаться на меня можно только богу».

Аракчеев ярко воплотил в себе самодурство, произвол, палочную муштру, господствовавшие в тогдашней России. Этот грубый и жестокий тиран, походивший на большую обезьяну в мундире, был способен вырывать на параде у солдат усы, бить их за малейшее несоблюдение каких-либо парадных мелочей, прогонять виновных сквозь тысячи шпицрутенов или сотни палок. Аракчеев требовал беспрекословного подчинения от всех нижестоящих. Он заявлял своему приближенному Мартосу: «Знаешь ли ты, что ты должен считать за честь, что служишь у меня? Аракчеев есть первый человек в государстве. Ты должен быть моею правою рукою, а ты хочешь быть добрым человеком, хочешь жить дружно с майором, с офицерами, с мужиками, ты должен быть там, как собака на цепи, тогда будешь настоящий мой адъютант».

Павел когда-то называл Аракчеева «без лести преданный», но современники остроумно переделали эту оценку: «Бес, лести преданный». Аракчеева ненавидели, его называли злодеем, проклятым змеем, вреднейшим человеком в России.

В одном стихотворении говорилось про Аракчеева:

«Ты враг отчизны, льстец царей,
Ты бич столь славного народа,
Ты самый ядовитый змей».

С именем Аракчеева связано одно из самых жестоких мероприятий царствования Александра I — знаменитые военные поселения, созданные по предложению самого царя. В условиях активной

внешней политики и обострения классовой борьбы внутри страны армия царской России непрерывно возрастала. Содержание ее стоило казне огромных средств. На это уходило больше половины государственных доходов. Военные поселения были созданы, чтобы «удешевить» стоимость армии и одновременно создать надежное орудие в борьбе с революционным движением. Поселенцы составили особое военное сословие, которое должно было одновременно заниматься сельским хозяйством. Поселенцы были изолированы от остального населения и организованы так, чтобы в любой момент их можно было использовать для борьбы с врагом.

После войны 1812 г. военные поселения начали организовываться в широком масштабе. Начальником их был назначен Аракчеев. Поселения были созданы в Новгородской, Петербургской, Херсонской, Харьковской и других губерниях. Старые деревни сносились, и вместо них с помощью самих поселенцев строились новые постройки для жилья. Не только военные занятия, но и сельскохозяйственные работы подлежали строгому контролю военных властей. Каждый шаг поселенца был предусмотрен начальством. По команде выходили в поле. Все поселенцы с 6 до 42 лет обязаны были носить военную форму даже во время полевых работ.

Положение поселенцев было особенно тяжелым, потому что за малейшую неисправность на военной службе и в сельском хозяйстве крестьяне подвергались жестоким наказаниям розгами, плетьми. «Солдатам военных поселений, — писал офицер Гриббе, — доставалось вдвойне: плохо вспахано поле — палки; плохо вычищена аммуниция — палки; палки за все и про все». Жаловаться было запрещено, жалобщиков жестоко наказывали. Дети военных поселенцев отрывались от семьи. Их сдавали в особые школы кантонистов. Военное начальство вмешивалось во все мелочи личной жизни крестьян. Брак регулировался предписаниями начальства. «Собрать сведения о всех девках, пришедших в возраст, а равно и о вдовах... — писал Аракчеев. — Позволяется же девкам и вдовам выходить замуж и без моего позволения за одних лишь солдат, коим выдавать на свадьбу по 5 рублей и доносить мне о том». К концу царствования Александра I военных поселенцев насчитывалось 375 тысяч.

Военные поселения были одним из самых тяжелых видов угнетения. Вот почему вся история военных поселений заполнена непрерывными волнениями поселенцев. Однако, несмотря на это, Александр неуклонно стремился осуществить свою идею. Александр говорил про поселения: «Они будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова».

Одновременно с жестокими репрессиями в России после 1812 г. усилилась идеологическая реакция. Она тяжело отразилась на положении молодого русского просвещения.

Чем шире распространялось просвещение в России, тем с большим опасением и подозрительностью смотрело на это царское правительство. «Милостиво» разрешив существовать школам и университетам, самодержавие стало всемерно их ограничивать. Один из исследователей остроумно сравнивает это положение с легендой о том, как некий маг вызвал к жизни духа, надеясь найти в нем послушного помощника, но дух оказался строптивым, и маг стал стремиться всеми мерами стеснить и обуздать его. «Выходило как будто так, что рассадники науки были учреждаемы не столько с целью свободного развития по стране истинного просвещения, сколько с целью создания новых удобных объектов для упражнения административной энергии по части «обуздания и пресечения».

Еще в первый период царствования Александра реакционный лагерь объявил борьбу нарождающейся русской науке и просвещению и осуждал мероприятия, проведенные правительством в этой области. Даже Карамзин в своей знаменитой записке «О новой и старой России» писал, что деньги, истраченные на учреждение университетов, гимназий, школ, не принесли выгоды для отечества. Он считал, что ни одно сословие, ни одна профессия в России не нуждается в высшем образовании, и потому нужно заводить его в размерах втрое меньших. «Строить, покупать дома для университетов, заводить библиотеки, кабинеты, ученые общества, призывать знаменитых иноземных астрономов, филологов — есть пускать пыль в глаза». Еще более резко обрушилась на русскую науку и просвещение католическая реакция во главе с ярым монархистом, воспитанником и защитником иезуитов, писателем графом Иосифом де-Местр. Он пребывал в Петербурге в качестве посланника свергнутого сардинского короля и сумел войти в доверие к высшим правительственным кругам. Вдохновитель иезуитского мракобесия учил уму-разуму царского министра Разумовского, открыто насмехаясь над желанием русских людей ликвидировать свое отставание по сравнению с другими народами в науке и просвещении. В письмах к Разумовскому в 1810 г. де-Местр утверждал, что русские не созданы для науки и что напрасно в России придают науке слишком большое значение: наука делает человека ленивым, наклонным к спорам, упрямым, критически настроенным к правительству, отрицателем и новатором. Де-Местр доказывал, что «всякая попытка ввести науку в Россию будет не только бесполезна, но даже опасна для государства», что «в России не только не надо расширять круг познаний, но, напротив, стараться его суживать». Де-Местр убеждал, что русских юношей нужно воспитывать не с помощью науки и университетов, а при посредстве монашеского ордена иезуитов.

Прошло немного времени, и реакционные идеи де-Местра восторжествовали. Это было связано с наступлением реакции во всей Европе. Вдохновители реакции и мракобесия стремились искоре-

нить всякие следы либерализма, используя для этого религию, и подчинить науку религии. Сам Александр подпал под влияние мистически настроенной баронессы Крюденер и других реакционных проповедников.

Вдохновителем идеологической реакции в России был друг Александра I обер-прокурор Святейшего синода князь А. П. Голицын. Гнездом реакции и мистицизма в России являлось Библейское общество под председательством Голицына, организованное по примеру других стран с целью распространения священного писания. Библейское общество выступало против всякого прогресса и просвещения. Голицын считал, что за мнимым просвещением скрываются неверие и вольнодумство. Пушкин называл Голицына губителем просвещения.

И вот такой человек в 1816 г. был назначен министром народного просвещения, или, как тогда многие говорили, министром затмения. Через год, по предложению Голицына, министерство народного просвещения было реорганизовано в министерство духовных дел и народного просвещения. Это сделали для того, чтобы «христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Каждой науке были даны строгие предписания. В естественных науках должны быть устранены «все суетные догадки о происхождении и переворотах земного шара». В физиологию и сравнительную анатомию не должно вкрадываться учение, «низвергающее духовный сан человека». В общественных науках «ложное учение о происхождении верховной власти не от бога, а от условий между людьми подлежит отвержению».

Одновременно был учинен разгром русских университетов. Университеты в России тогда только становились на ноги, и мракобес Голицын решил расправиться с этими источниками «вольнодумства и неверия» в зародыше. Как раз в это время в связи с тем, что германские университеты были центрами освободительного движения, германские государства ограничили их автономию, установили строгий контроль за действиями профессоров и студентов и т. д. Но разгром университетов в России был еще более полный, чем за границей. Главным погромщиком университетов явился бывший сотрудник Сперанского Магницкий. В 1820 г. он представил доклад, в котором указывал, что либеральная опасность, охватившая Европу, грозит проникнуть и в Россию. «Профессора безбожных университетов, — писал Магницкий, — преподают тонкий яд неверия и ненависти к властям несчастному юношеству, а тиснение (книгопечатание) разливает его по всей Европе».

Магницкий спешил предотвратить надвигающуюся опасность. Он произвел ревизию Казанского университета. Весь университет был найден Магницким в состоянии «неисправности». Магницкий особенно возмущался тем, что кафедра закона божия в университете оказалась незанятой и студенты не знают этого

основного предмета. После этой ревизии Магницкий был назначен попечителем Казанского учебного округа. Ему были предоставлены неограниченные права для наведения «порядка» в Казанском университете. Здесь-то и развернулась деятельность этого мракобеса.

Магницкий начал беспощадно очищать университет от «либеральной заразы», часть профессоров была уволена. Инструкции директору и ректору Казанского университета, составленные Магницким и утвержденные Голицыным, фактически полностью отменяли университетскую автономию, введенную уставом 1804 года. Над университетом устанавливалась полицейская опека, а на директора и ректора возлагалось полицейское наблюдение за поведением студентов. От преподавателей требовалось христианское благочестие и воспитание студентов в духе евангелия. Выборное начало фактически уничтожалось. Подлинная наука была изгнана из стен университета. Перед университетом была поставлена основная задача — воспитать верных сынов православной церкви и подданных государя, внедрять христианские добродетели, особенно основную добродетель — покорность.

Магницкий превратил Казанский университет в монастырь. Всякие чтения студентов начинались молитвой. Наказанные назывались грешниками и отбывали наказание в так называемой комнате уединения, где находились картины распятия и страшного суда. Началось грубое издевательство над наукой. Профессор математики доказывал равенство треугольников таким образом: «С помощью божьей этот треугольник равняется другому...». «Воззрим на гипотенузу, — восклицал он, — яко сие есть символ единения земного с небесным...». Профессор анатомии говорил: «Цель анатомии — находить в строении человеческого тела премудрость творца...».

По стопам Магницкого шли и другие попечители округов. В Петербурге развернулась деятельность мракобеса Рунича. Петербургский университет был торжественно открыт в 1819 году. А через два года Рунич уже подверг его разгрому. Вступив в управление Петербургским учебным округом, Рунич немедленно ввел в действие инструкции Магницкого и установил в Петербургском университете такие же полицейские порядки, какие уже существовали в Казанском. Затем Рунич затеял суд над лучшими профессорами университета, выступив сам в качестве судьи и обвинителя. Суд тянулся долго и закончился только в 1827 году.

Реакция отразилась и на других школах. По новым учебным планам, утвержденным в 1819 г., в уездных училищах прекращалось преподавание естественной истории и технологии, сокращались курсы истории и географии. Из числа учебных пособий исключалась книга «О должностях человека и гражданина...». Зато предписывалось ввести обязательное чтение св. писания во всех училищах.

Так с помощью Голицыных, Руничей и Магницких самодержавие пыталось задушить образование в России.

Но вскоре и главному вдохновителю идеологической реакции пришлось уйти в отставку. Против Голицына давно вела борьбу

другая группа реакционеров, во главе которой стояли митрополит Серафим, архимандрит Фотий, Аракчеев и др. Они обвиняли Голицына в измене православной церкви и в развращении юношества. Фотий был когда-то духовным отцом Голицына, но теперь стал его врагом. Он имел большое влияние при дворе и использовал все средства, чтобы сместить Голицына. Дело дошло до того, что Фотий предал анафеме царского министра Голицына. Скандал получился небывалый. Не оставалось ничего другого, как убрать Голицына. «Вверенное Вам министерство как-то не удалось Вам», писал Голицыну Александр I в связи с его отставкой в начале 1824 г., когда новым министром стал адмирал Шишков. Началась разработка новых уставов и положений, получивших свое осуществление в новое царствование.

Массовые волнения в 1815—1825 гг.

Жестокие репрессии самодержавия не могли остановить массовые волнения в России первой четверти XIX века. Крестьяне были обмануты в своих надеждах на изменение положения после войны 1812 года. Сохранение крепостного строя в неприкосновенности вызвало новую волну крестьянского движения.

За 12 лет — с 1813 до 1825 г. — имело место свыше 500 крестьянских выступлений. Движение крестьян выражалось в разных формах. Продолжались массовые побеги, отказы от повиновения помещикам и управляющим.

Управляющий помещика Ланского из Новгородской губернии писал, что «некоторые крестьяне совсем бунтуют и в послушание не идут... воли с часа на час ожидают; до этих слухов исправляли барщину, а ныне кто хочет — идет на барщину, а кто не хочет — сидит дома». Нижегородский губернатор сообщал, что в деревне появились «разглашатаи пустых новостей за освобождение всех крестьян от владений помещиков».

В 1818—1820 гг. произошли большие волнения на Дону. Это были наиболее крупные выступления крестьян со времени восстания Пугачева. Они были направлены против местных донских помещиков. К началу XIX в. верхушка донского казачества — атаманы и старшины — захватила в свои руки огромные земельные пространства и поставила в зависимость от себя значительные слои населения, приехавшего на Дон из других районов страны, в частности с Украины. Все лица, записанные в 1796 г. по пятой ревизии за тем или иным лицом на земле Войска Донского, должны были остаться за ним навсегда, т. е. превратиться в крепостных. Крестьяне жаловались на произвольное переселение их с одного места на другое, на разделение семей и на то, что они потеряли всякие права личности и ими торгуют теперь оптом и в розницу. Но жалобы не помогали. Тогда в 1818 г. в селениях по р. Сал, левому притоку Дона, началось массовое неповиновение крестьян.

Особенно широкий размах приняли волнения на Дону в 1820 г. Помещики сбежали в близлежащие города, а крестьяне разных

слобод собирались в центр восстания — слободу Мартыновку, где было организовано собственное управление крестьян под названием «Общественная канцелярия». Из Мартыновки крестьянские агитаторы отправлялись в другие селения, убеждая жителей примкнуть к восставшим, чтобы отстоять свободу. На случай нападения войск крестьяне организовали защиту, вооружились дубинами, цепами, косами, заостренными кольями, а частично даже ружьями. Из земли Войска Донского движение перебросилось в смежную Екатеринославскую губернию.

Еще в самом начале развития крестьянского движения Александр I предоставил находившемуся на Дону генералу Чернышеву всю полноту власти. Отряды Чернышева двигались из слободы в слободу, разоружая и усмиряя крестьян. Крестьян наказывали кнутом, плетьми, розгами и часто ссылали на каторжные работы, в Сибирь на поселение, на заводы, а также отдавали в солдаты. Екатеринославское дворянство выразило особую благодарность Чернышеву «за спасение имущества и водворение тишины и порядка». Александр I роздал большие награды усмирителям движения.

Жестокая расправа с донскими крестьянами объясняется главным образом тем, что правительство боялось, как бы это движение не перекинулось на другие губернии и не превратилось в большое народное восстание. Это было бы тем более опасно, что как раз в 1820 г. в Европе произошел ряд революционных выступлений. Готовясь подавить революционное движение на Западе, глава Священного союза Александр I противопоставлял брожению в Европе спокойствие, которое царило в России. Восстание на Дону нарушало эту картину. Вот почему Александр I предложил Чернышеву в самый короткий срок покончить с восстанием.

Наряду с движением крестьян в 1815—1825 гг., росло движение среди фабричных рабочих: крепостных, посессионных, вольнонаемных. Крепостные рабочие стремились уйти с завода в деревню, посессионные хотели доказать свою вольность. Вольнонаемные и посессионные рабочие особенно часто выступали с протестами против низкой заработной платы, больших вычетов, притеснений заводской администрации. Министр финансов Гурьев предлагал применять самые суровые меры к рабочим. «Дух своевольства и неуважения, — писал он, — к поставленным властям стал с некоторого времени чаще проявляться в мастеровых рабочих людях». Всякое «послабление и тем более отдаление наказания служат поводом к дальнейшим волнениям». Когда вспыхнули волнения на березовских рудниках на Урале, Гурьев высказал опасение, что такое же неповиновение и ропот могут перебросится и на других рабочих, «столь бедственно было бы такое событие, когда правительство увидело бы беспокойное движение по всему Уральскому хребту».

Большие волнения происходили на заводах Баташевых. Представитель Московского горного правления заявил, что он не может сразу выяснить самые важные причины волнений, которые «воз-

мутили мастеровых не против частного лица, а против правительства». «Происшествие сие заслуживает особенного внимания потому, что оное в один и тот же день случилось в двух заводах, состоящих в двух различных губерниях, и тем явно обнаруживает тайное согласие, водворив неудовольствие к начальству, действовать против оного». На заводах Расторгуева в Екатеринбургском уезде, Пермской губернии, в 1822 г. волнения произошли дважды. Особенно сильным было последнее волнение осенью 1822 года. Рабочие сами избрали себе начальника, учредили свое правление и готовились к отражению воинской силы. Их руководитель Климентий Косолапов заявил, что в его распоряжении 8 тыс. восставших. Только в феврале 1823 г. это волнение было подавлено.

В это же время развернулась борьба военных поселенцев. Она началась на севере, в Новгородской губернии, в Высоцкой и Холынской волостях. Но особенно крупные волнения военных поселенцев произошли в 1819 г. на Украине, в Чугуеве. До перевода в военные поселения крестьяне считали себя вольными казаками и владели большим количеством земли. Теперь значительную часть земли отняли у прежних владельцев и установили тяжелый палочный режим. Крестьяне единодушно требовали ликвидации военных поселений. Никакие увещевания не помогали. «Не хотим военного поселения», — заявляли они.

С помощью больших военных сил, стянутых к району чугуевских поселений, царизм подавил восстание. Для расправы с восставшими выехал сам Аракчеев. Аракчеев сообщал царю, что, размышляя, «как христианин», он арестовал 2 000 человек, а виновных протнал сквозь строй через 1 000 человек 12 раз, причем «несколько преступников после наказания, законом определенного, умерли». В ответ на это сообщение Александр I писал Аракчееву: «Благодарю тебя искренно от чистого сердца за все твои труды».

В 1815—1825 гг. большие волнения происходили среди солдат. Положение солдат того времени было очень тяжелым. Служба продолжалась 25 лет. Главное внимание уделялось внешней стороне дела — муштровке, парадам. В приказах выражалось неудовольствие тем, что у солдат заметно «шевеление под ружьем» и «необычайная качка в теле и неравенство в плечах». Один из полковников возмущался тем, что когда батальон стоит на месте, «приметно дыхание солдат, видно, что они дышат». Был установлен точный размер шага, который должны делать солдаты, и количество шагов в минуту.

В армии применялись самые жестокие телесные наказания. Солдатам давали по тысяче ударов палками. Многие умирали под ударами розг и плетей. Вот что говорилось в солдатской песенке того времени:

«Лучше в свете не родиться,
Чем в солдатах находиться,
Этой жизни хуже нет
Изойди весь белый свет.

Я отечеству защита,
А спина всегда избита.
Я отечеству ограда,
В тычках, пинках вся награда».

Протесты солдат против тяжелого режима выражались в массовых бегствах и волнениях.

Из солдатских волнений первой половины XIX в. особенное значение имело волнение, происшедшее в 1820 г. в гвардейском Семеновском полку. Это был не рядовой полк русской армии. Сам Александр считался его шефом. Командиром полка был в это время немец Шварц, зверски относившийся к солдатам. Как рассказывали солдаты, не проходило ни одного учения без палок. Шварц бил солдат, дергал их за усы, обращал одну шеренгу лицом к другой и заставлял солдат плевать в лицо друг другу, устраивал беспрестанные учения даже в воскресные дни и праздники. Шварц ежедневно вызывал к себе по 10 человек и заставлял их неподвижно стоять по целым часам, связывал ноги в лубки, колол вилками.

16 октября 1820 г. возмущение солдат прорвалось. Первая рота первого батальона Семеновского полка заявила жалобу на притеснения начальников. Солдаты жалуются — это было расценено как невиданное преступление. Рота была арестована и препровождена в Петропавловскую крепость. Но возмущение первой роты передалось всему полку. Тогда весь полк был арестован и посажен в крепость.

Выступление 3 000 солдат Семеновского полка не вылилось в вооруженное столкновение и представляло собой своеобразную стачку. Однако и в таком виде оно сыграло огромную роль. События в Семеновском полку вызвали панику в среде начальства. «В городе волнение и тревога не переставали, — писал Рылеев. — Полки ходили беспрестанно, пушки везли, снаряды готовили, адъютанты скакали, народ толпился; в домах было недоумение, не знали, что придумать и что предпринять, опасаясь бунта». Полковник Владковский писал об этом: «По предпринимаемым мерам начальниками всякий здравомыслящий должен был заключить, что неприятель находится в окрестностях города».

Александр I находился тогда на конгрессе Священного союза. Он был чрезвычайно встревожен событиями в Семеновском полку и решил, что возмущение семеновцев имеет прямую связь с событиями, развернувшимися в то время на Западе. Александр I отмечал, что тут нужно искать чуждое внушение: «Я его приписываю тайным обществам».

Над солдатами-семеновцами произвели жестокую расправу. Военно-судебная комиссия постановила 220 человек считать подлежащими смертной казни. Потом казнь заменили тем, что прогнали их сквозь строй шесть раз. Семеновцев — офицеров и солдат выписали в армию в Сибирь и на Кавказ.

В волнении Семеновского полка был выражен протест не только против издевательств ненавистного Шварца, но и против существующего порядка вещей в целом. Вот почему оно нашло живой отклик в армии и стране. Лейб-гренадеры говорили про своего командира: «Сегодня очередь Шварца, не худо было бы, если бы

завтра настала очередь Стюрлера». Громко роптали преображенцы, «горько оплакивали судьбу их братьев по оружию» и говорили, что «гибель их братьев поведет к их собственной гибели».

В конце октября 1820 г. во дворе Преображенских казарм была найдена прокламация, которая начиналась следующими словами: «Божьим благословением приношу жалобу от Семеновского полка Преображенскому полку за притеснение оных начальниками». Прокламация указывала, что нельзя ничего ожидать ни от дворян, ни от царя. «Истина: тиран тирана защищает». «Бесчестно российскому войску содержать своими силами государя-тирана... Взамен государя должны заступить место законы, которые отечеством за полезные будут признаны. По таковым народ должен управляться через посредство начальников. Выбор начальников следует основать на беспристрастных законах».

Другая прокламация, подписанная «Единоземец», призывала «единодушно арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть. Между собой выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата и поклясться умереть за спасение оных, если то нужно будет, а не выдавать своих».

В связи с волнением в Семеновском полку при гвардейском корпусе была учреждена тайная военная полиция для наблюдения за поведением и образом мысли солдат и офицеров. Она насаждала всюду своих шпионов. Князь Васильчиков откровенно писал о них: «Чтобы заставить хорошо служить этих мерзавцев, необходимо им хорошо платить». Но это мало помогало, а расквартирование Семеновского полка привело к результатам, противоположным тем, которых ожидало правительство. Ф. Вигель писал: «Рассеянные по армии, недовольные офицеры встретили других недовольных и вместе с ними, распространяя мнения свои, приготовили другие восстания, которые через 5 лет унять было труднее».

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Наука и просвещение

В конце XVIII и начале XIX в. особенно быстро росло национальное самосознание русского народа, окончательно складывалась его национальная культура.

Развитие русской национальной культуры проходило в трудных условиях. В России господствовала идеологическая реакция. На нужды науки и просвещения отпускались ничтожные средства. Расходы на ведомство просвещения составляли в 1800 г. 1,3 проц. общего государственного бюджета. В 1825 г. они стали составлять около 2 проц. Процент сам по себе был очень мал, а ведь сюда входили расходы не только на учебные заведения, но и на воспитательные дома, больницы и даже духовный штат. Уездные училища должны были существовать на средства городских обществ с пополнением от казны. На приходские же училища никаких средств государство не отпускало. Они были вверены «просвещенной и благонамеренной попечительности помещиков». Но помещики не желали быть попечителями просвещения своих крепостных. Приходских училищ почти не было. Дело народного образования продвигалось вперед медленно. Господствующее дворянство не желало содействовать просвещению народа. Нехватало учителей.

В глазах дворян педагогическая профессия была несовместима с их достоинством. Представители крепостной массы населения допускались к занятию учительских мест с большими ограничениями. Вследствие приниженного и бедственного положения учителей мало кто добровольно шел на эту службу из других сословий. Попечитель Харьковского округа писал в 1817 г., что «учителя, при многотрудной и изнурительной должности, не получая ни от правительства, ни от частных людей достаточных средств к содержанию себя и семейства, должны, наконец, возненавидеть носимое ими звание».

В 1808 г. из 47 губернских городов гимназии были в 32 городах, а уездные училища существовали только в 126 уездах из 486. Учащихся в уездных училищах всей России насчитывалось 12 839. Не намного изменилось положение к середине 20-х годов. В 1824 г. 259 городов и городских поселений не имели ни одной школы. Во всех 686 штатных и заштатных городах насчитывалось 1 095 учебных заведений всех типов, в то время как кабаков было 9 957, а

церквей и монастырей — 4 266. Особенно мало училось девочек. В 1814 г. в Харьковской губернии на 557 учеников приходилось только 8 учениц. Детей крестьян в училищах было немного. Из 772 учащихся Новгородской губернии детей крестьян было всего лишь 121 человек.

В тяжелых условиях приходилось развиваться и русской науке. Ее важнейший очаг — Академия наук была тогда оторвана от жизни страны и не располагала необходимыми кадрами, пособиями, инструментами и средствами для ведения серьезной научной работы. Бюрократизм подавлял творческую мысль. Некоторые иностранцы, засевшие в Академии, тормозили научную работу и подготовку кадров русских ученых. В 1801 г. академики Гурьев, Озерецковский и Севастьянов в специальном письме отмечали явления, угрожающие «падением и разрушением Академии». Они предлагали, в частности, восстановить закрытый в конце XVIII в. академический университет, чтобы через него готовить кадры русских ученых. «Относительно Академии с основанием утверждать можно, что чужестранные члены оной в России совсем бесполезны. Ибо всякий иностранец, пиша не на русском языке, сообщает свои труды не России собственно, но тому государству, на языке которого пишет». Предложения этих академиков не были приняты. Но в 1803 г. был утвержден регламент Академии наук, изменявший ее положение.

Перед Академией наук ставилась задача не только «расширять пределы знаний человеческих, усовершенствовать науки, обогащать их новыми открытиями», но и обращать труды свои «в пользу России, распространяя познания естественных произведений империи, изыскивая средства к умножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и художеств, сих источников богатства и силы государств».

Академический университет восстановлен не был, но на Академию наук была возложена обязанность подготавливать воспитанников, имеющих «искреннюю склонность и отменную способность к одной из тех наук, коими Академия занимается». Регламент 1803 г. устранял односторонность в работе Академии, сводившуюся к тому, что она занималась только математическими и естественными науками. Он увеличивал количество кафедр по гуманитарным наукам.

С начала XIX в. стал возрождаться другой научно-культурный центр страны — Российская академия. Эта Академия существовала независимо от Академии наук и посвящала свою деятельность разработке вопросов филологии и литературы. Теперь ей было возвращено прежнее положение. В 1818 г. Российская академия получила новый устав, сохраняющий ее как высшее научное учреждение страны, непосредственно подчиненное министерству просвещения.

Особенно большое значение в научной жизни страны приобрели в начале XIX в. университеты. Правда, и здесь условия для науч-

ной работы не были достаточно благоприятны. Кафедр было немного, и профессора вели по совместительству несколько предметов. Бюджет университетов был небольшой, лаборатории и кабинеты оборудованы плохо. Несмотря на это, именно в университетах шла тогда наиболее интенсивная научная жизнь и готовились кадры русских ученых.

Главным центром подготовки русских ученых был Московский университет. Как писал М. Муравьев: «Ему обязаны мы тем, что ученое собрание не погасло в России. Университет наш, славясь иногда чужестранными профессорами, всегда славился и русскими». В начале XIX в. особенно прославились такие русские профессора, как Чеботарев, Двигубский, Мудров и др. В это же время началась профессорская деятельность по кафедре российской словесности известного в то время критика и поэта Мерзлякова. В своих стихах Мерзляков писал, что везде слышно имя россов, они прошли весь мир. Но теперь для русских открыт путь к новой славе:

«Пусть Росс наукой, просвещеньем
Добротою, благотвореньем
В другой раз мир сей победит».

Не только в Московском университете, но и в новых русских университетах наряду с иностранцами стали все чаще появляться опытные русские преподаватели, видные ученые, члены Академии наук, двигавшие вперед науку. В 1804 г. в Харьковском университете из 19 преподавателей 13 были иностранцы. В 1814 г. число преподавателей в этом университете возросло до 32, причем половина из них были русские. В 1809 г. в Казанском университете на русском языке читалось 8 предметов, в 1813 г. — 18.

Университеты явились центром, вокруг которого с начала XIX в. стала группироваться научная общественность. При Московском и других университетах возникли научные общества. В 1804 г. организовалось физико-медицинское общество, в 1805 г. — общество испытателей природы, в 1817 г. — минералогическое общество. Кроме того, создалось «Общество истории и древностей российских», «Общество любителей российской словесности» и др. Не все эти общества развернули тогда широкую научную деятельность. Но начало было положено. С каждым годом жизнь первых русских научных обществ становилась все интенсивнее. Росла и научная печать. В 1800 г. в России выходило 5 научных изданий; в 1825 г. их стало выходить 20.

Значительную работу проводили тогдашние русские ученые по географическому и естественно-историческому исследованию нашей обширной родины и сопредельных с ней территорий. В это время был проведен ряд важных экспедиций. В 1803—1806 гг. Лисянский и Крузенштейн совершили первое в истории России кругосветное плавание. Через несколько лет с такими же широкими целями совершил путешествие Коцебу. В 1820—1824 гг. по Северному Ледовитому океану плавал Ф. Врангель. Эти экспедиции привели к открытию целого ряда островов в Ледовитом и Тихом

океанах. Ф. Врангель нашел к северу от Новой Сибири полосу теплого течения и предположил существование особой земли, которая открыта была значительно позже и названа его именем.

В результате деятельности крупного русского ученого Северегина из общего естествознания выделилась специальная отрасль— минералогия. Северегин собрал большой материал по минералогии России. Кроме многочисленных работ по вопросам минералогии, он выпустил такие капитальные труды, как «Подробный минералогический словарь», «Опыты минералогического описания России», «Основания минералогии». Это были первые оригинальные сочинения подобного рода, вышедшие в России.

В 1823 г. был открыт Ботанический сад в Петербурге, развернувший большую работу по исследованию русской флоры. Однако такие важные отрасли науки для изучения и использования ресурсов страны, как геология и зоология, были развиты в тогдашней России очень слабо. Только в 1824 г. была составлена первая геологическая карта России. Некоторые успехи сделала тогда русская медицина. Был издан ряд оригинальных исследований и руководств в области анатомии, терапии, психиатрии, судебной медицины и др. Руководство по описательной анатомии, выпущенное в 1802 г. Заборским, выдержало 5 изданий и было основным пособием в этой области. Ученый Буяльский издал анатомо-хирургические таблицы. По почину Франка и Базилевича стали создаваться клиники и зарождалась клиническая медицина. Одновременно развивалось аптечное дело. В начале XIX в. были основаны фармацевтические общества и фармацевтический журнал. В подчиненном положении находилась физиология. Как и биология, она приобрела серьезное научное значение в России значительно позднее. Это объясняется главным образом тем, что царизм насаждал реакционно-поповские взгляды на живой организм и, в частности, на область изучения самого человека, препятствовавшие развитию подлинной науки.

Открытие университетов дало толчок дальнейшему развитию физики и химии. Создавались новые лаборатории, появились новые труды, руководства и пособия. Ученый Кирхгофф открыл тогда первую каталитическую реакцию: он получил из крахмала виноградный сахар. Ученые Соловьев, Щеголев и Гесс установили русскую химическую номенклатуру. В 1823 г. в г. Моздоке братья Дубинины предприняли перегонку петролеума. Только через 10 лет подобный опыт был проведен в Америке.

Важные открытия в области электротехники сделал тогда русский ученый В. В. Петров. Пять лет он преподавал физику и математику в Горном училище в Барнауле, а затем 40 с лишним лет вел курс физики в Медико-хирургическом училище, преобразованном в Медико-хирургическую академию. Будучи профессором этой Академии, Петров соорудил самую большую в то время гальвановольтовскую батарею из 4 200 медных и цинковых кружков и произвел с ее помощью важные опыты. В 1803 г. появилась книга под названием: «Известие о Гальвани-Вольтовских опытах, которые

производил профессор физики Василий Петров». Это была первая русская книга по электричеству. В ней описывались два крупнейших научных открытия. Петров, независимо от иностранных ученых, открыл электроанализ и за семь лет до иностранного ученого Дэви открыл вольтову дугу. Оба эти открытия послужили впоследствии основой для создания электрохимии и электрометаллургии.

Из всех точных наук наибольших успехов в России в первой четверти XIX в. добилась математика. Прошло только полстолетия, как появились первые русские математики, а русская математика уже вышла на мировую арену. В первые годы XIX в. заметную роль в русской математике играл В. И. Висковатов. 20-ти лет он был избран корреспондентом Академии наук. Вскоре он стал адъюнктом, а затем и академиком. Висковатов перевел на русский язык ряд научных трудов, выпустил руководство по алгебре и другие работы, и, несмотря на короткую жизнь, сумел воспитать немало учеников. Другой русский математик — С. Я. Гурьев, избранный в 1800 г. в Академию, сделал тогда попытку улучшить геометрию Эвклида. Выпущенный им «Опыт об усовершенствовании элементов геометрии» ярко показывает, что русская математика не довольствовалась достигнутым, а настойчиво искала новых путей разрешения математических проблем. Крупным математиком того времени был профессор Т. Ф. Осиповский. «Курс математики» Осиповского, изданный в четырех томах, представлял собой первое фундаментальное руководство по математике, составленное русским ученым и стоявшее на уровне современной европейской науки. По этому курсу училось большинство русских математиков того времени.

Большую пользу развитию русской науки принесла деятельность математика и астронома Румовского. Будучи назначен попечителем Казанского учебного округа, он привлек на кафедры Казанского университета крупных европейских ученых.

Лейпцигский профессор Энгель писал: «Около 1810 г. физико-математический факультет в Казани был обставлен научными силами так, как, может быть, ни один из германских университетов». Теоретическую математику здесь преподавал учитель выдающегося ученого Гауса — Бартельс, прикладную математику — Реннер, астрономию — Литтров, физику — Броннер.

Именно в это время из стен Казанского университета вышел гениальный русский ученый Николай Иванович Лобачевский. В 1807 г. он поступил в университет, а уже в 1811 г. Совет университета признал Лобачевского магистром математики. С этого времени началась его замечательная научная деятельность. Лобачевский преподавал в университете и механику, и астрономию, и физику. Однако главные научные интересы Лобачевского были не здесь. Они сосредоточились на геометрии.

Лобачевский был противником кантовской теории о врожденных идеях и понятиях и не рассматривал математику как субъективное построение человеческого ума, как собрание абсолютно

достоверных истин, имеющих доопытное, априорное происхождение. Он считал, что человечество черпает свои знания, в том числе и понятие о пространстве, из чувственного опыта, и вскрывал зависимость геометрии от форм движения материальных тел. Эта материалистическая точка зрения помогла Лобачевскому правильно разрешить проблему, занимавшую математику не один десяток лет.

Более 2 000 лет существовала как непреложная истина геометрия, сформулированная Эвклидом в его «Началах». Многие ученые видели ее недостатки и пытались дополнить и уточнить систему Эвклида, особенно его 5-й постулат, лежащий в основе учения о параллельных линиях. Но, несмотря на множество попыток, проблема параллельных оставалась неразрешенной. «Редко проходит год, — писал в 1816 г. знаменитый математик Гаус, — в котором не появлялось бы новой попытки пополнить этот пробел, и все-таки мы должны признаться честно и откровенно, что в существенном мы за две тысячи лет нисколько не ушли дальше Эвклида».

Но вот 12 февраля 1826 г. на собрании физико-математического факультета Казанского университета русский ученый Лобачевский зачитал свою работу «Сжатое изложение оснований геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных». Лобачевский убедился, что 5-й постулат Эвклида недоказуем, и сделал отсюда все необходимые выводы. Он построил новую, неэвклидову геометрию, исходившую из допущения, прямо противоположного 5-му постулату. Геометрия Лобачевского стройна, последовательна, логична. Она развита была Лобачевским во всеобъемлющей полноте, она не претендовала на абсолютную истину. Она допускала существование других геометрий.

Английский математик Клиффорд справедливо назвал Лобачевского Коперником геометрии. Так же, как Коперник опроверг взгляд на землю как на неподвижный и незыблемый центр вселенной, Лобачевский разрушил представление об эвклидовой геометрии как о неизменной и единственно истинной. Открытие Лобачевского было встречено с недоверием в России и за границей. Идеи, изложенные Лобачевским, не были поняты и оценены современниками. И только значительно позже стало ясно, что работы Лобачевского знаменуют собой новый этап в развитии мировой математики.

Начиная с первой четверти XIX в., важное значение приобретают в России общественные науки. И это не случайно. Разложение крепостничества выдвигало важнейший вопрос о путях развития страны. И передовые люди России искали ответы на этот вопрос в философии, политэкономии, истории.

Политэкономия достигла наиболее полного развития в самой передовой капиталистической стране — Англии, но рост капиталистических отношений создавал почву для ее распространения и в крепостнической России. Особенно большой популярностью в России первой четверти XIX в. пользовался Адам Смит. Его сочинения усиленно читали, цитировали, на его авторитет ссылались в

статьях и книгах. Вспомним, что и пушкинский Онегин «читал Адама Смита и был глубокий эконом».

В России жил известный в то время экономист Шторх, выпускавший многотомные экономические сочинения. Шторх принадлежал к числу вульгарных экономистов, и Маркс в «Капитале» и в «Теориях прибавочной стоимости» дал резкую оценку его взглядов.

По ряду важнейших вопросов Шторх отступал назад от Адама Смита. Теорию трудовой стоимости Шторх заменял субъективной теорией полезности.

Шторх защищал неверные взгляды по вопросам экономического развития России. Правда, он выступал против крепостного права, заявлял, что рабство является тормозом экономического развития страны, убивает стимулы к накоплению капитала, задерживает рост населения, развитие знаний и наук и т. д.

Однако Шторх был при этом противником промышленного развития России. Он высказывался за максимальное увеличение сельскохозяйственного вывоза в Англию, с тем чтобы в обмен получать ее промышленные изделия. Шторх говорил, что там эти изделия получаются с гораздо меньшей затратой труда, чем в России.

Мы уже отмечали, что совершенно иных взглядов придерживался выдающийся русский экономист Николай Семенович Мордвинов, сыгравший большую роль в развитии русской экономической мысли. Он принадлежал к числу наиболее даровитых и образованных людей того времени. Сначала адмирал, а затем крупный государственный и общественный деятель, руководитель департамента государственной экономии и председатель Вольно-экономического общества, Мордвинов создал ряд замечательных экономических работ. Его труд «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России», впервые вышедший в 1815 г., получил широкое распространение и выдержал три издания.

Во взглядах Мордвинова было очень много общего с учением Адама Смита. Но Мордвинов шел своим путем и в некоторых вопросах не был согласен со Смитом. Как и Смит, главным источником богатства Мордвинов считал труд. Из него «проистекает богатство, изобилие, сила и благоденствие народное». Но труд без капитала, «без содействия денег остается малоуспешным». Мордвинов выступал против вмешательства государства в деятельность частных предприятий. Он защищал экономическую свободу, без которой немыслимо успешное накопление капиталов. «По уставу самой природы, — писал он, — никакой торг, никакое ремесло не могут процветать без свободы в действиях своих, и свобода — единственное достоверное и надежное руководство к успехам деятельности народной». Мордвинов восхвалял частную собственность: «Собственность есть первый камень всех законоположений. Без оного и без твердости прав, ее ограждающих, нет никому надобности ни в законах, ни в отечестве, ни в государе».

Мордвинов подчеркивал значение общественного разделения труда и предлагал всемерно развивать его. Он выступал против

«излишества хлебопашцев». «Россия отстала от прочих народов в обогащении, потому что предпочитала доселе сельские занятия городской промышленности». Нужно, говорил он, «вывести Россию из земледельческого хозяйства в рукодельное и промышленное», «умноголюдить и в цветущее состояние привести города наши!». Именно это могло, по мнению Мордвинова, обеспечить независимость страны. Россия «независимо от других народов существовать и благоденствовать может».

Но Мордвинова не могли удовлетворить одни общетеоретические рассуждения. Вопросы теории волновали его прежде всего с точки зрения конкретных путей развития русской экономики. Мордвинов не был согласен со взглядами Смита на таможенный тариф. Ратуя за полную свободу в развитии торговли и промышленности внутри страны, Мордвинов был решительным противником этого принципа во взаимоотношениях между странами.

Мордвинов считал, что свободная торговля в международном масштабе закрепила бы аграрное положение России. Молодая русская промышленность не могла выдержать конкуренцию промышленности более передовых стран. «Соревнование может существовать между россиянином и россиянином, — писал Мордвинов, — но не может существовать между россиянином и англичанином, из коих последний пользуется превосходнейшими капиталами, опытностью, приобретенными через долгое время искусством и самими наградами от правительства». Поэтому Мордвинов требовал установления такого таможенного тарифа, который мог бы оградить слабую русскую промышленность от иностранной конкуренции.

Мордвинов являлся горячим поборником введения техники. «Каждая паровая машина, где-либо введенная, — говорил он, — сотворяет вдруг 1 000 человек, в прибавку к существующим, и таковых при том работников, кои не требуют ни помощи, ни платы, ни отдохновения... Посредством машин воздух, огонь и вода становятся сотрудниками человеку, исполинские силы свои к слабой его руке приобщают». Мордвинов высказывался за развитие кредитных отношений, за организацию банков и всемерное накопление капиталов, за укрепление валюты и устранение обесценения ассигнаций, за широкое изучение естественных богатств страны. Он предлагал заменить все налоги, падающие на капиталы, единым подоходным налогом, чтобы «не утеснять частные капиталы».

Эти предложения Мордвинова носили прогрессивный характер и должны были содействовать экономическому росту России. Однако он не выступал против крепостного права — главного тормоза экономического развития страны. Он боялся, что помещики не приспособятся сразу к новым условиям хозяйства, если внезапно лишатся труда крепостных. Мордвинов предлагал вступить на путь постепенного, медленного освобождения крестьян посредством высокого выкупа. Полное же освобождение крестьян может наступить тогда, когда помещики будут иметь капиталы, когда «продажа урожаев наших будет с избытком вознаграждать нас

и т. д.». «Потерпим еще несколько, и рабство само собой исчезнет в России». Исходя из всего этого, нужно признать неправильными утверждения, появившиеся в нашей печати, будто программа Мордвинова совпадала с национальными интересами страны. В силу классовой дворянской ограниченности Мордвинов не мог указать правильный путь России. Широкое промышленное развитие страны не могло иметь места при существовании крепостного права, а Мордвинов не хотел его уничтожить. Интересы основной массы населения России — крестьянства — были чужды Мордвинову.

Крупными экономистами были будущие декабристы П. И. Пестель и Николай Тургенев. Оба они находились под влиянием А. Смита, но часто выступали против тех или иных его положений и давали свое решение вопросов. Пестеля и Тургенева, как и всех декабристов, больше интересовали не отвлеченные категории политэкономии, а практические выводы из нее, необходимые для борьбы против деспотизма и рабства.

В 1819—1820 гг. Пестель написал «Практические начала политической экономии». Это было раннее произведение Пестеля, когда взгляды его еще не сложились окончательно. Но уже в этой работе Пестель выступал сторонником новых капиталистических отношений. Он высказывался против труда рабов, за труд свободных рабочих, заявлял, что поднять производительность труда можно путем развития разделения труда, применения машин и увеличения числа рабочих, что доход от фабрик является увеличением национального богатства. Пестель доказывал преимущества крупных фабрик перед мелкими. Он стоял и за капиталистический путь развития сельского хозяйства. «Целью производства, — писал Пестель, — должно быть последовательное освобождение класса земледельцев для того, чтобы между ними могли образоваться капиталисты, которые получили бы возможность стать фермерами». Пестель считал, что для подъема экономики нужны не только полная экономическая свобода, ликвидация таможенных тарифов и пр., но и свобода политическая, прежде всего неприкосновенность личности и собственности. В своих «Практических началах» он отмечал, что это является основным принципом политической экономии. «Там, где гражданский закон утверждает наибольшую неприкосновенность личности и имущества, там можно с уверенностью ожидать увеличения народного богатства».

Замечательным произведением русской экономической мысли начала XIX в. был труд Николая Ивановича Тургенева, вышедший в 1818 г., — «Опыт теории налогов». В нем особенно ярко проявилось стремление использовать экономическую науку в великих освободительных целях. В предисловии к книге Тургенев отмечал, что, изучая различные системы политэкономии, человек привыкает ненавидеть всякое насилие и самовольство, любить правоту и свободу, научается верить одним только исследованиям и соображениям рассудка, простому здравому смыслу. Тургенев считал, что

политическая свобода — условие роста общественного богатства и, наоборот, рост общественного богатства, правильное внутреннее устройство, финансы служат основанием политической свободы. Он отмечал, что на налоги имеет влияние, кроме народного богатства, образ правления государства и народный дух.

Разбор подушной подати дал возможность Тургеневу поставить вопрос о рабстве и о крепостном праве. Тургенев писал впоследствии о своей книге: «Эти побочные пункты имели в моих глазах гораздо больше значения, чем основное содержание моей работы. Заклеймив позорное рабство, я сделал это в достаточно четких и сильных выражениях, и я думаю, что никогда еще не было напечатано на русском языке нечто столь ясное и положительное о рабстве».

В отличие от Мордвинова, не ставившего вопроса об отмене крепостного права, Тургенев выступал как самый горячий поборник свободы крестьян. В «Опыте теории налогов» Тургенев отнес Россию к государствам «успевающим», прогрессивным. Но он отметил, что успехи России были бы совершеннее, «если бы общей деятельности, общему стремлению к образованности и к благосостоянию не препятствовало существование рабства». Тургенев указывал: «Благоустроенное государство не должно созидать своего благоденствия на несправедливости; угнетение одного класса граждан другим не может быть законом благосостояния великого и нравственно-доброго народа».

Книга Тургенева вызвала многочисленные протесты со стороны реакционного дворянства. Но она была принята с огромным сочувствием в прогрессивном лагере, в частности среди работников науки. Тургенев не был одинок. Многие русские ученые выступали тогда противниками крепостного права. Профессор Константин Арсеньев в своем замечательном труде «Начертания статистики Российского государства» отмечал, что одним из главных препятствий к усовершенствованию земледелия является крепостное право. Он писал, что для увеличения производства «нет лучшего, надежнейшего средства, как совершенная, неограниченная ничем, гражданская свобода».

Рост национального самосознания выдвинул вперед русскую историческую науку. В первой четверти XIX в. особенно поднялся интерес к героическому прошлому нашей страны. Победа над Наполеоном и европейские походы подняли чувство национальной гордости в русском народе. В свете грозных событий 1812 г. по-новому предстали и Куликовская битва, и подвиг Минина и Пожарского, и деятельность Петра I. Россия переживала тогда переломный период. Куда идет Россия? Каковы ее исторические судьбы? Многие люди искали ответа на эти вопросы, поставленные современностью, в прошлом, в истории.

Тогдашнее состояние русской исторической науки не могло удовлетворить эти запросы. Знаменитый русский писатель Н. М. Карамзин писал в то время: «Больно, но должно по спра-

ведливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, т. е. писанной с философским умом, с критикой, с благородным красноречием». И Карамзин занялся русской историей. В 1801 г. он писал: «Я по уши влез в русскую историю; сплю и вижу Никона с Нестором». С 1804 г. Карамзин бросил литературную работу, сделался, согласно указу Александра I, официальным историографом России, или, как говорили его друзья, «постригся в историки».

Прошло 12 лет напряженной уединенной работы, и в 1816 г. Карамзин явился в Петербург с первыми 8 томами своей «Истории государства Российского». Работа, проделанная Карамзиным, была огромна. Он познакомился со всеми предыдущими работами по русской истории и исследовал большое количество исторических документов: летописей, грамот, записок иностранцев и пр. Многие из них были впервые обнародованы Карамзиным. Примечания к «Истории государства Российского», в которых был приведен обширный документальный материал, представляли поэтому особенно большую ценность для русской исторической науки. Карамзин начал свой труд с разъяснения пользы изучения истории: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству, дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего». Историю должны знать и правители, и законодатели, и простые граждане. История, указывал Карамзин, мирит гражданина с несовершенством видимого порядка вещей, утешает в государственных бедствиях, питает нравственное чувство.

Вся «История государства Российского» Карамзина была написана в духе этих положений. Карамзин проводил в ней ту же реакционную программу, которую он провозгласил в знаменитой «Записке о древней и новой России». Карамзин в сущности излагал консервативные идеи дворянских историков конца XVIII в. — Татищева, Щербатова и придерживался их схемы. Он доказывал, что Россия держалась и возвеличивалась самодержавием, а опорой самодержавия являлось дворянство. Историю народа Карамзин превратил в историю государства. Карамзин писал, что Россия основывалась единоначалием, гибла от разновластия и «спаслась мудрым самодержавием». Но из этого не следует, что государь может унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия. Без дворянства нет монархии, говорит Карамзин, защищая дворянские права и привилегии. И недаром Пушкин писал в своей эпиграмме на «Историю» Карамзина:

«В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута».

Однако, несмотря на реакционность взглядов Карамзина, его «История государства Российского» сыграла большую положи-

тельную роль. В то время как труды прежних историков были доступны лишь узкой группе специалистов, Карамзин написал свою «Историю» живым языком, и она читалась, как увлекательное художественное произведение, широкими слоями русского общества. Пушкин писал, что появление «Истории государства Российского» наделало много шуму и произвело сильное впечатление». «Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом».

«Карамзин — наш Кутузов 12-го года, — писал поэт Вяземский, — он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в 12 годе». «Историю государства Российского» Карамзина,— указывал Жуковский, — можно назвать воскрешением прошедших веков нашего народа. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями... Теперь все они оживятся, подымутся, получат величественный привлекательный образ».

«История государства Российского» воспитывала интерес к истории, но основные положения карамзинской истории быстро устарели. В те годы, когда Карамзин трудился над своей «Историей», шла важная работа, послужившая фундаментом для более глубокого исследования русского прошлого, — собирались и изучались исторические источники, создавалась русская археография (источниковедение). В начале XIX в. Шлецер выпустил два тома «Нестора», представлявших собой первый опыт критического исследования русских летописей.

Вслед за тем вышли первые тома «Русских достопримечательностей», «Собрания государственных грамот и договоров», «Памятники российской словесности XIX в.» и др. Граф Н. П. Румянцев создал кружок из выдающихся специалистов истории и стал энергично собирать книги и рукописи, устанавливая с этой целью широкие связи во многих городах России и за границей; Румянцеву удалось собрать до 28 тысяч книг и до 200 рукописей. С его помощью было издано много работ, посвященных памятникам русской истории. Известные русские археографы Строев и Калайдович в 1817—1818 гг. обследовали хранилища старинных русских монастырей, обнаружив там ценнейшие памятники древнерусской истории и письменности.

Но дело не ограничивалось только изучением исторических источников. Уже в то время историком Эверсом была сделана первая попытка раскрыть закономерности исторического развития. Сын лифляндского фермера Эверс, получив образование за границей, посвятил свою научную работу русской истории. С 1810 г. он возглавил кафедры русской истории и истории права Дерптского университета. Эверс придал историческим работам новое направление. «Иные историки, — пишет он, — весьма пространно описывают государей и их походы. Я не хотел бы им подражать...». Эверс пишет, что он будет подробно задерживаться

на другом — на законах и договорах, «ибо они являются первыми источниками знания о внутреннем состоянии народа».

Эверс начинает свою историю не с истории государства, как это делали и Щербатов и Карамзин, а с первых сведений о славянах, с истории народа. В отличие от всех своих предшественников, в том числе и Карамзина, он почти половину своей двухтомной «Истории» посвящает изучению внутреннего строя жизни общества, в частности анализу социальных отношений. В работе «Древнейшее право руссов», вышедшей в 1826 г., Эверс выдвигает свою схему общественного развития, согласно которой развитие общества идет от узкого к широкому: сначала— семья, затем развивающаяся семья превращается в род и, наконец, растущий род превращается в государство. Родовой старейшина становится князем и приобретает политические права. Такой постановкой вопроса Эверс порывал с традициями историков XVIII в. и прокладывал путь буржуазным историкам XIX века. Развитие родового строя и родовых отношений, возникновение государства как высшей формы общественного развития — эти и другие вопросы, поставленные Эверсом, стали разрабатываться последующими историками. Работы Эверса не были доступны широкой публике. Эверс не имел популярности Карамзина. Но его влияние на развитие буржуазной исторической науки было значительно. Это хорошо выразил историк Соловьев: «У Карамзина я набирал только факты; Карамзин ударял только на мои чувства. Эверс ударил на мысль, он заставил меня думать над русской историей».

Печать

Печать явилась важным фактором в развитии русской национальной культуры. С начала XIX в. ее роль в жизни страны стала возрастать. Этому способствовали первые мероприятия Александра I — разрешение ввозить в Россию произведения иностранной печати и заводить в России частные типографии.

Передовые люди России надеялись, что вслед за этим будет дана полная свобода книгопечатания. В министерство просвещения была подана записка неизвестного автора, в которой доказывались благие следствия свободы печати «для развития просвещения и возвышения народного духа». «Истинные сыны отечества,— писал автор записки, — ждут уничтожения цензуры как последнего оплота, удерживающего ход просвещения тяжкими оковами и связывающего истину рабскими узами». Но эти ожидания не оправдались. Самодержавие не отменило, а только упорядочило цензуру.

В 1804 г. был утвержден первый в России цензурный устав. Предложение о том, чтобы устав ограничился определением наказания авторам и издателям за выпуск вредных книг, было отвергнуто как недостаточное. Устав 1804 г. устанавливал предварительную цензуру для всех рукописей, идущих в печать. Цензура

должна была осуществляться через университеты. Однако несмотря на это, устав 1804 г. носил довольно либеральный характер. Он указывал, что автора следует преследовать в том случае, когда он отвергает бытие божие, оскорбляет верховную власть и высказывает мысли, противные духу общественного спокойствия. Но устав разрешал, как говорилось в одном из его пунктов, «скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящееся до веры, человечества, гражданского состояния, законодательства, государственного управления или какой-либо отрасли правительства». При этом устав указывал: «Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать».

В дальнейшем, вследствие многочисленных дополнительных ограничений, цензурный устав 1804 г. изменил первоначальный характер, но первое время он истолковывался действительно «выгодно для сочинителя», что, несомненно, способствовало росту русской литературы.

Частные типографии, упраздненные в 1796 г., с начала XIX в. снова стали оживать. Это происходило сначала в столицах, но затем затронуло и провинцию. В 1807 г. существовало 54 казенных и 12 частных типографий, находившихся главным образом в Петербурге. В августе 1807 г. царское правительство предложило открыть типографии во всех губернских правлениях. Оно обеспечивало губернские типографии определенной суммой, выдаваемой из казны. Количество типографий неуклонно увеличивалось. В 1825 г. в Петербурге существовали уже 22 типографии вместо 18 в 1807 г., а в Москве — 19 типографий вместо 8. Больше всего литературы издавала в это время типография Московского университета.

Рост книгопечатания в России не был однако, значительным. В течение целого пятилетия, с 1801 по 1805 г., было издано всего 718 книг, из которых только 209 на русском языке. Но постепенно положение стало меняться. Наряду с художественной литературой все больше стало издаваться книг по экономическим, политическим, юридическим и философским вопросам. Наряду с иностранными книгами и переводами сочинений Монтескье, Мабли и других европейских писателей стало больше выходить оригинальной русской литературы. За один только 1825 год вышло в свет 543 книги, из которых 260 было иностранных, 208 — оригинальных русских и 75 переводных.

В первые годы XIX в. быстро росла периодическая печать. Русская журналистика, почти полностью уничтоженная в последние годы XVIII в., теперь быстро шла в гору. Но реакция сказалась здесь в большей степени, чем на книжной продукции. Начиная с 1815 г., количество журналов стало уменьшаться. В 1825 г. в России выходило столько же периодических изданий, сколько в 1801 году.

Журналы того времени носили разнообразный характер. Читатель не мог интересоваться одной беллетристикой. Среди дво-

рянства, чиновничества и других слоев русского общества неуклонно повышался тогда интерес к вопросам политики, экономики, государственного устройства. Развитие национального самосознания ставило в порядок дня коренной вопрос — вопрос о путях развития России, об ее отношении к другим странам и государствам. И печать должна была так или иначе откликаться на все эти вопросы.

Наиболее значительным журналом в начале XIX в. был «Вестник Европы». Журнал помещал стихи, рассказы, заметки, повести и регулярно сообщал на своих страницах все новости литературной жизни. Вместе с тем он первый заговорил о политике. Журнал ставил перед собой задачу национального воспитания русского общества. «Столь благородно, сколь утешительно, — писал он, — помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский». «Взор русского патриота, собрав благоприятные черты в нынешнем состоянии Европы, с удовольствием обращается на любезное отечество». Журнал правильно отмечал, что «должно приучать россиян к уважению своего собственного».

Вопрос о необходимости приучать «россиян к уважению своего собственного» поднимался и на страницах других журналов. «Северный вестник», издававшийся Мартыновым, указывал, что часть россиян чужда «народного честолюбия и славы»; «они в низкое угождение мимоходящим пришельцам слагают обезображенные стихи на полуиностранном языке». «Журнал российской словесности» протестовал против того, что воспитание дворянской молодежи находится в руках иностранцев, и многие дворяне в результате такого воспитания пренебрегают всем русским, не проявляя чувства патриотизма.

Однако, поднимая вопрос о любви к отечеству, многие журналы пропагандировали реакционные взгляды, не соответствующие национальным интересам России. Они не хотели видеть ничего отрицательного в тогдашней России и не желали, чтобы в ней производились какие-либо перемены. Тот же «Вестник Европы» доказывал, что монархия есть лучшая форма правления, что все граждане России пользуются равенством перед законами, что русское судопроизводство выше заграничного, что состояние русских крестьян лучше, чем крестьян других стран, и т. д.

Несмотря на протесты консерваторов некоторые русские журналы выносили тогда на гласное обсуждение наиболее жизненные вопросы развития страны, в частности вопрос о положении крестьян и о введении конституции в России. Делалось это не прямо, а косвенно, главным образом при помощи сравнений с политическим устройством других стран. Вот, например, какие статьи помещались в журналах «Сын Отечества», «Вестник Европы»: «Конституция французского королевства», «Мнение о новой французской конституции», «Взгляд на республику Соединенных Американских областей», «Выбор парламентских членов в Лондоне», «Изо-

бражение французской республики». Журнал «Сын Отечества» выступал за созыв совещательного представительного собрания в России. В статье «О конституции», автором которой был профессор Куницын, ссылаясь на существование вече, боярской думы и земского собора в древней России, журнал заявлял: «Свободные понятия никогда не были чужды российскому народу. Жители нынешних государств, вопреки духу древних республиканцев, не желая сами быть законодателями, хотят только иметь при лице верховного властителя своих представителей, которые бы его, яко отца народного, извещали о нуждах общественных, умоляли о принятии мер против зол, существующих в обществе, и с благонадежностью могли испрашивать у его правосудия законов, для всех равно благодетельных».

Журнал «Северный вестник» в одной из статей описывал преимущества английской конституции и предлагал взять ее за образец для России. Автор статьи требовал создания в России аристократии подобно английской и высказывался за то, чтобы законы для всех состояний были «равные и непоколебимые». Он отмечал, что величия России нельзя достигнуть «без изменений в порядке народоуправления».

Радикальных политических взглядов придерживался «Дух журналов», издававшийся в 1815—1820 гг. Яценковым. Это было большое еженедельное издание разнообразного характера, которое, как говорилось в самом заголовке журнала, помещало все, «что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.». Особенно много места этот журнал уделял вопросам политики и в частности конституции. При этом всякий раз «Дух журналов» изображал провозглашение конституции не как результат революции и народных волнений, а как благодеяние, дарованное свыше мудрым монархом, как драгоценный залог «отеческой попечительности правительства». Напечатав целиком баварскую конституцию, «Дух журналов» со своей стороны отмечал: «1818 год останется навсегда незабвенным в летописях Баварии: в сем году баварцы получили от короля своего государственное уложение, на правилах законной свободы, политической и гражданской основанное».

В одном из номеров журнал поместил «Письмо» одного немца из Филадельфии, в котором очень сочувственно говорилось о политическом строе Соединенных Штатов Америки. «Подлинно какое-то особенное чувство проникает тебя, когда помыслишь, что ступил на землю свободы... Здесь не увидишь гордого барона, который измеряет свои заслуги длинным рядом предков, основывая на том права на высшие государственные должности, не увидишь подлого раба деспотов, который из своекорыстия ласкает страстям государя, жертвуя благосостоянием отечества. Здесь нет ни титулов, ни чинов, ни орденов, и, однако, все идет своим ходом, в величайшем порядке и благоустройстве».

В 1819 г. «Дух журналов» поместил статью о конституции уже без ссылок на другие страны. Она называлась так: «Чего требует дух времени? Чего желают народы?» — «Народы желают, — писал журнал, — владычества законов — коренных, неизменных, определяющих права и обязанности каждого, равно обязательных и для властей и для подвластных, при которых самовластие иметь места не может и которых столь же невозможно было опровергнуть, как и уклониться от них». Журнал доказывал, что нужно государственное уложение, конституция, надежным охранителем которой должны явиться народные представители. Это советники государей и соучастники в законодательстве, без них не должен быть издан новый закон и введен новый налог. «Чрез них народ имеет свой голос, который есть тогда поистине глас божий». Эта статья была одним из самых прямых высказываний о конституции в тогдашней легальной русской печати.

Любопытно, что, проводя такую линию в вопросах политического устройства, «Дух журналов» стоял на крепостнических позициях в крестьянском вопросе. Он доказывал, что отношение помещика к крестьянам подобно отношению отца к детям. В специальной статье «Сравнение русских крестьян с иноземными» «Дух журналов» утверждал, что «вольность слово пустое» и что русским крестьянам живется значительно лучше, чем иностранным. «Сын Отечества» возражал против этой статьи, разоблачал крепостническую практику и настаивал на улучшении быта крестьян. Но и он не ставил крестьянского вопроса решительно и до конца.

Тогдашняя печать выступала робко, боязливо. Она делала только первые шаги в постановке важнейших вопросов внутреннего развития России. Русская журналистика первой четверти XIX в. слабо отражала потребности времени. Она не приобрела еще настоящей общественной силы. Ее высказывания носили умеренный характер и редко выходили за рамки правительственной программы.

Несмотря на это царское правительство боялось печати. Поле деятельности печати суживалось. Все новые и новые вопросы запрещалось подымать на ее страницах. В 1808 г. министерство просвещения предписало учебным округам строго следить за тем, чтобы «цензуры не пропускали никаких артикулов, содержащих известия и рассуждения политические». В связи с волнениями крестьян помещика Кочубея цензуре было предложено ни под каким видом не разрешать к изданию сочинений, касающихся политического состояния крестьян в России. Поднимать вопрос о ликвидации крепостного права запрещалось. Печати не разрешалось критиковать действия отдельных государственных учреждений и даже игру артистов государственных театров. Управляющий министерством полиции Вязмитинов писал: «Я такого мнения, что позволительны суждения о театре и актерах, когда бы они зависели от частного содержателя; но суждения об императорском театре и

актерах, находящихся в службе его величества, я почитаю неуместными во всяком журнале».

Вопреки положениям цензурного устава 1804 г. в дела печати, наряду с министерством просвещения, стали вмешиваться полицейские власти. Вновь организованному министерству полиции было поручено наблюдать за работой типографий и книгопродавцев, за ввозом книг из-за границы, за изданием «разных публичных известий» и т. д. Министр полиции обязывался немедленно докладывать царю о всех выражениях, пропущенных цензурой, «подающих повод к превратным толкованиям» и противных «общему порядку и спокойствию». В 1811 г. был создан особый комитет, который должен был следить за правильностью действий цензуры.

Положение печати особенно ухудшилось во вторую половину царствования Александра, когда министром просвещения стал князь Голицын. Новый министр предложил цензурным комитетам не пропускать «ничего, относящегося до правительства, не испросив прежде на то согласия того министерства, о предмете которого в книжке (журнале) рассуждается». Так каждое министерство превращалось в цензора по вопросам, его касающимся. Цензуре предлагалось особенно строго наблюдать за такими мыслями в книгах, которые «противны религии христианской или обнаруживают вольнодумство, безбожие, неверие, своевольство, мечтательные философствования и т. д.». Следуя этим указаниям, царские цензоры развернули беспощадную и вместе с тем мелкую и придирчивую борьбу против свободной мысли.

«Духу журналов» запретили помещать статью «Внутреннее обозрение», так как «упоминаемые в ней предметы относятся до попечения самого правительства и отнюдь не могут подлежать суждению частных лиц публично». Поэту Жуковскому предложили «переменить несколько идей и выражений» в переводе баллады Вальтер Скотта, так как эта баллада не соответствует тому почтению, которое оказывает православная церковь святому Иоанну Предтече. В стихах Ф. Глинки: «Что в мире мне, где все на миг? Где смерть и зло — цари?» цензор не пропустил слова «зло», и тогда смысл получился иной и притом отнюдь не в пользу царей, о чем заботился цензор. Особенно прославился тогда цензор Красовский. Он запретил книгу о вреде грибов, потому что грибы составляют постную пищу. В неделю поста он не разрешал помещать стихи о любви. «В один из первых дней великого поста неприлично писать о любви девы, неизвестно какой».

И недаром Пушкин обращался с гневными стихами к цензору того времени:

«А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами...
Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе.
О варвар! Кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?»

С 1820 г. в специальном Комитете шла разработка нового цензурного устава, который должен был заменить устав 1804 года. За основу был принят проект Магницкого, того самого, который учинил разгром русских университетов. Магницкий открыто высказывал свои взгляды на печать. «Слово человеческое, — говорил он,—есть проводник адской силы философии XVIII в., книгопечатание — орудие ее». В новом уставе, как писали его авторы, ставилось целью противодействовать «пагубному духу времени» и лучше прежних установлений сообразоваться с обстоятельствами, когда в науке и литературе «разливается опаснейший яд неверия». Он должен был учитывать «все изгороты и уловки настоящего духа времени». Соответственно этому новый устав предусматривал еще большее усиление цензуры. Устав был готов в 1823 г., но утвержден только в 1826 году.

Литература

В первой четверти XIX в., несмотря на жестокую цензуру, русская литература поднялась на новую ступень. В XVIII в. она носила главным образом подражательный характер и была оторвана от русской действительности. Русская литература тогда была даровитым учеником литературы западной и прежде всего французской. С начала XIX в. положение стало меняться. «Как человек, так и народ, — замечал Карамзин, — начинает всегда подражанием, но должен со временем быть собою», «хорошо и должно учиться, но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником». Русская литература не осталась на этой ступени. По мере роста национального самосознания русского народа наша литература все больше стремилась к самобытности и самостоятельности, к освобождению от иностранных влияний, к сближению с жизнью, с действительностью. Она становилась подлинно национальной русской литературой.

В русской литературе первой четверти XIX в. нашел яркое выражение возросший интерес к истории русского народа и самобытному народному творчеству. В начале XIX в. впервые был издан замечательный памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Он произвел огромное впечатление и тогда же вызвал научные исследования, комментарии и стихотворные переложения. Вслед за тем вышел в свет сборник древнерусских стихотворений Кирши Данилова. Из глубины веков воскресала русская поэтическая старина, выступали фигуры старинных русских бардов. Сюжеты из героического прошлого русского народа, из народных сказаний и былин стали занимать все большее место в произведениях русских писателей. В начале XIX в. вышли такие произведения, как «Бова» Радищева, «Алеша Попович» и «Вадим Новгородский» Жуковского, «Илья Богатырь» Крылова, «Марфа Посадница» Карамзина, «Аскольд» Муравьева, «Добрыня» Державина и другие.

Когда начались войны против Наполеона, интерес к историческим темам возрос еще больше. Сочинялись стихи, повести, пьесы, посвященные Минину и Пожарскому, Дмитрию Донскому и другим деятелям прошлого. Будущий декабрист К. Ф. Рылеев написал тогда цикл своих стихотворений — «Думы», в которых прославлял Мстислава Удалого, Дмитрия Донского, Ивана Сусанина, Волынского и других. Говоря о прошлом, эти произведения звали русский народ к самоотверженной борьбе за свободу и независимость в настоящем. В предисловии к отдельному изданию «Дум» Рылеев цитировал слова польского поэта: «Напоминать потомству о подвигах предков, знакомить его с светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первым впечатлением памяти, — вот первый способ для привития народу сильной привязанности к родине».

Другой декабрист — Кюхельбекер писал, что лучше иметь поэзию народную. Недостаточно «присвоить себе сокровище инноплеменников, да создается для славы России поэзия истинно русская, да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первой державой во вселенной. Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности!»

Все развитие тогдашней русской литературы шло под знаком горячей любви к родине. Патриотизм был главной идеей русской литературы. Во время первых двух войн с Наполеоном с патриотическими стихами выступил Карамзин:

«Друзья! вооружимся,
С врагом отечества сразимся,
Ударим мощною рукой,
Как дети грозного Борея.
И миру возвестим покой,
Низвергнув общего злодея...»

Войны с Наполеоном кончились тогда поражением России. Национальное чувство было оскорблено. Тильзит и Эрфурт были восприняты в нашей стране, как позор. Пушкин считал слово «Тильзит» позорным для русского слуха. Поездку Александра I в Эрфурт иронически называли поездкой в Эрфуртскую орду.

Зато какой патриотический подъем охватил русскую литературу в дни Отечественной войны 1812 года! Глубоко лирический поэт Батюшков писал теперь, что ему чужды музы, пока на поле чести за древний город отцов он не принесет в жертву мести «и жизнь, и к родине любовь». Поэт Воейков в стихах «К отечеству» прославлял русскую землю: «мать воинственных славян», которая всегда предпочитала смерть «ярму железному, цепям позорного рабства». В своей оде «Певец во стане русских воинов» Жуковский воспевал отчизну:

«Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки.

Что вашу прелесть заменит?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?».

Эти замечательные патриотические стихи Жуковского были встречены с восторгом всей Россией. «Впечатление, произведенное «Певцом», — говорит Плетнев, — не только на войско, но и на всю Россию, неизобразимо. Это был воинственный восторг, объявший сердца всех. Каждый стих повторен был как заветное слово. Подвиги, изображенные в стихотворении, имена, внесенные в эту летопись бессмертных, сияли чудным светом».

Разгром Наполеона в России и европейские походы русской армии вызвали новую волну патриотической литературы. Писались поэмы и стихи: «На прогнание французов из отечества», «Спасенная и победоносная Россия», «Освобожденная Москва», «Освобождение Европы» и т. д.

В эти же годы развернулась борьба вокруг одного из основных элементов культуры — вокруг языка. Встал вопрос о новом литературном русском языке, соответствующем новой ступени духовного развития русского народа. Поборником такого языка был Н. М. Карамзин. Еще в «Письмах русского путешественника» Карамзин писал, что русский язык «в самородном богатстве своем, почти без всякого чужого привеса течет, как гордая величественная река шумит, гремит — и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежными ручейками и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются в падении и возвышении человеческого голоса».

Отбрасывая мертвую церковно-славянскую письменность, Карамзин хотел сблизить письменный язык с живой разговорной речью, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут. Он стремился при этом сочетать национальные особенности русского языка с общеевропейскими формами выражения, заимствовал иностранные слова и обороты и образовывал новые русские слова для выражения идей и понятий, выдвинутых новой эпохой. Многие из этих слов прочно вошли в русский язык (например, промышленность, будущность, общественность, общеполезный, усовершенствовать и др.). Карамзин провел также реформу русской грамматики. Он выбрасывал архаические союзы, изменял структуру подчинения предложения, сокращал их объем. Громоздкие, запутанные, торжественно декламационные фразы, унаследованные от церковнославянского языка или заимствованные из латино-немецкой ученой речи, Карамзин заменял короткими, логически последовательными предложениями.

Реформа Карамзина была большим шагом вперед в развитии литературного русского языка. Но она встретила сильную оппозицию со стороны консерваторов, возглавлявшихся адмиралом А. Шишковым. Они были против каких-либо изменений в языке и считали, что русский литературный язык должен неизменно основываться на церковно-славянской речи. Сторонники Шишкова обвиняли Карамзина в том, что он сеет вольнодумство, безнравственность и безбожие. Они называли Карамзина якобинцем и писали, что желание некоторых новых писателей сравнить книжный язык с разговорным похоже на стремление сделать равными все состояния людей. В своих стремлениях изгнать иноземные начала и повернуть Россию назад, к старине, шишковисты встречали значительную поддержку в верхах русского дворянства и бюрократии. В 1811 году Державин и Шишков основали «Беседу любителей русского слова», в которую входили крупные аристократы и сановники — Разумовский, Горчаков, Шаховской, Шахматов, Хвостов и др. Эта «Беседа», наряду с Российской академией, стала главным оплотом староверов. Через ее посредство шишковисты хотели предотвратить изменения в русском языке и заключить развивающуюся русскую литературу в узкие архаические рамки. Поэт Гнедич, бывавший на заседаниях «Беседы», показал языковую ограниченность староверов, сочинив «Символ веры в Беседе при вступлении членов». В нем говорилось: «Верую во единого Шишкова, отца и вседержителя языка славеноварягского, творца своих видимых и невидимых сочинений. И во единого господина Шахматова, сына его единородного, иже от Шишкова рожденного прежде всех, от галиматьи галиматья, от чепухи чепуха, рожденная, несотворенная, единосущная, ею же вся пишется».

Борьбу против «Беседы» возглавило общество «Арзамас», в котором принимали деятельное участие Жуковский, Батюшков, Вяземский, Пушкин и др. Оно горячо защищало карамзинскую реформу и при помощи шуток и пародий остроумно высмеивало отсталость и узость воззрений шишковистов. Впоследствии литературные и особенно политические разногласия развели арзамасцев в разные стороны, но в 1815—1818 гг. это разнообразное по составу участников общество сыграло большую политическую роль в борьбе за новые начала в русском языке и литературе.

Вышедшее в свет в 1820 г. первое русское научное исследование в области языкознания «Рассуждение о славянском языке» А. Х. Востокова еще больше подкрепило позиции реформаторов языка. Более прогрессивная точка зрения в конце концов восторжествовала. Как отмечал Белинский, «Карамзин вывел юный русский язык на большую ровную дорогу из дебрей, тундр и избитых проселочных дорог славянизма и педантизма, он возвратил ему свободу, естественность, сблизил его с обществом».

Но при всем этом в позиции Карамзина была слабая сторона. Новый слог российского языка, созданный им, основывался на ре-

чи дворянского общества и не учитывал богатства живого языка широких слоев русского народа. Разговор великосветских русских дворян был вычурным и «кудреватым», перегружен излишними иностранными словами и далек от языка народного. На его основе нельзя было создать литературную речь, понятную народу.

Подлинным создателем литературного русского языка явился А. С. Пушкин. Он смело вводил в русский язык элементы живой народной речи, хотя не отрицал одновременно необходимости заимствования иностранных слов. Выступая против витиеватости речи, Пушкин писал, что разговорный язык простого народа достоин глубочайших исследований. Он предлагал «прислушиваться к московским просвирням: они говорят удивительно чистым и правильным языком». Черпая сокровища в живой народной речи, Пушкин создал тот богатый и гибкий язык, на котором до сего времени творит наша литература. Без этого языка развитие русской национальной культуры было немыслимо. Только на новой языковой основе литература могла стать близкой народу и превратиться в подлинно народную литературу.

В первой четверти XIX в. происходила быстрая смена литературных направлений. XVIII в. оставил в наследство русской литературе высокопарный, напыщенный классицизм. Классицизм воспевал возвышенных героев, богов и царей и описывал их великие исторические деяния. Он изобличал пороки и противопоставлял им положительные, идеальные качества. Классицизм был оторван от реальной действительности и не отвечал потребностям времени. Нужно было отбросить абстрактных, идеальных людей, «сверхчеловеков», и обратиться к действительному человеку со всеми его чувствами, страстями и желаниями.

Первую попытку в этом направлении сделали сентименталисты. Появилась «Бедная Лиза» Карамзина — первая русская повесть, описывавшая несчастную любовь и горестную судьбу простой крестьянки. «И крестьянки умеют любить», — таков был вывод карамзинской повести. Эта повесть имела тогда огромный успех и положила начало новому, сентиментальному направлению в русской литературе.

В подражание «Бедной Лизе» вышло много произведений. Все они описывали переживания и чувства нежной человеческой души. Это делалось в трогательных, слезливых тонах. Герой Карамзина «рад был, когда мог плакать». И, высмеивая его, один современник писал:

«Под камнем сим лежит Эраст Чертополохов,
Скончался в середу от слез, любви и вздохов».

Обратившись к простым людям, к психологии и характеру человека, к обычной природе, сентименталисты сделали большой шаг вперед по сравнению с классицизмом. Но они были далеки от правдивого описания действительности. Это особенно касалось

социальных отношений. Помещики в произведениях сентименталистов — это добрые хозяева, заботящиеся о благе крестьян, а крестьяне — веселые, преданные помещику люди, благодарящие его за заботу. «Как не петь нам? Мы счастливы! Славим барина-отца», — говорят крестьяне в пьесе Карамзина.

Влияние сентиментализма было непродолжительным. Гораздо большую роль в развитии русской литературы сыграл пришедший ему на смену в конце первого десятилетия XIX в. романтизм. Как русский, так и европейский романтизм противопоставлял себя рационализму и отличался глубокой религиозностью. Его занимали общие проблемы бытия, отношения к жизни и смерти, прошлое человечества, особенно наиболее загадочные и темные периоды этого прошлого, в частности средние века. В России романтизм как бы развивал и углублял прежнее направление — сентиментализм. Не случайно, что первый представитель русского романтизма — В. А. Жуковский вышел из среды сентименталистов и сочетал в своем творчестве черты обоих направлений.

Жуковский перевел на русский язык произведения очень многих европейских поэтов. Он первый познакомил русскую публику с европейским романтизмом. Вместе с тем Жуковский был оригинальным русским поэтом, оказавшим очень значительное влияние на развитие русской литературы. Как Карамзин в области прозы, так Жуковский в поэзии, в противовес классицизму, впервые обратился к сложному духовному миру человека. В своих балладах, поэмах и стихах Жуковский ярко изображал побуждения и чувства людей, их размышления о смысле жизни, тяготение к природе и т. д. В его поэзии описывались народные нравы и обычаи. Как отмечал Белинский, Жуковский был первым поэтом на Руси, поэзия которого вышла из жизни. Он сыграл крупную роль и в развитии русской поэтической формы. Поэзия Жуковского отличается особой мелодичностью, музыкальностью. И недаром Пушкин сказал о нем: «Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль».

Но Жуковского тянуло в фантастический мир легенд и сказаний. Он уносился на небеса. Поэзия Жуковского была пронизана мистически-религиозным настроением, верой в загробную жизнь и бессмертие души. Земное существование было для Жуковского чем-то незначительным и непрочным. «Добрый мечтатель! — обращался к нему Вяземский. — Полно тебе нежиться на облаках: спустись на землю и пусть, по крайней мере, бури, на ней свирепствующие, разбудят энергию души твоей». Поэзия Жуковского носила пассивный, созерцательный характер и неизменно окрашивалась в грустные, меланхолические тона. Жуковский не был поэтом борьбы. Активной общественной деятельности он противопоставлял идеальную любовь, дружбу, нравственное самосовершенствование, проповедь добрых дел. В элегии «Вечер» Жуковский говорит, что рок судил ему быть «другом мирных сел», «любить красы природы», «творца, друзей, любовь и счастье воспевать».

Жуковский не был противником самодержавия, и его романтизм носил консервативный характер. М. Горький справедливо различал два вида романтизма. Один из них пытался примирить человека с действительностью, прикрашивая ее, или увести его в бесплодный внутренний мир, к мыслям о роковых загадках жизни, о любви и смерти. Но существовал и другой, активный романтизм, который стремился, как отмечал Горький, «усилить волю человека к жизни, возбудить в нем мятеж против действительности, против всякого гнета ее». В западноевропейской литературе этот романтизм представлен Байроном и Шиллером. В России активный революционный романтизм нашел свое яркое выражение в творчестве К. Ф. Рылеева и других поэтов-декабристов, в ранних произведениях великих русских поэтов А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Жуковскому была чужда мятежная поэзия Байрона. Зато Пушкину и Рылееву, а затем и Лермонтову Байрон был близок своим могучим протестом против действительности, своим горячим сочувствием борьбе угнетенных, своим гордым одиночеством среди окружающего его высшего света.

Наряду с романтическим направлением, в 20-х годах XIX в. все шире проникает в русскую литературу наиболее передовое направление — реализм. Сентиментализм и романтизм приблизили русскую литературу к действительности, но они не стали прочно на ее почву. Романтики отвлекались от действительности в область прошлого и будущего. Только реализм положил в основу всего всестороннее познание действительности. Для него важно настоящее, и если реализм обращался в прошлое, то именно для того, чтобы лучше понять это настоящее и предугадать будущее. Сторонники реалистического направления изображали не отдельные необычные факты, а наиболее типичные, общие явления, характеризующие жизнь общества. Прежние литературные направления не могли послужить прочной основой русской национальной литературы. Только с помощью реализма русская литература спустилась с заоблачных высот на «грешную» землю и обратилась к действительности.

В условиях царской России с ее полицейским произволом и крепостным правом реализм неизбежно должен был получить критический характер. И не случайно, что он выступил вначале в сатирической форме басни и комедии. Первыми представителями русского реализма были два гениальных русских писателя — И. А. Крылов и А. С. Грибоедов.

Могучее дарование Ивана Андреевича Крылова раскрылось с особенной полнотой, когда он в первые годы XIX в. целиком отдался сочинению своих знаменитых басен. Пушкин правильно называл Крылова «во всех отношениях самым народным нашим поэтом». Крылов — реалист. В его баснях речь идет о подлинной русской действительности. Искусно используя форму басен, Крылов раскрывал современные ему русские порядки. Гоголь писал

про басни Крылова: «Звери у него мыслят и поступают слишком по-русски... всюду у него Русь и Русью пахнет».

Крылов не был сторонником революционного изменения существующего строя. Его политические взгляды были довольно умеренны. Но, придя в литературу из трудовых слоев общества, Крылов неизменно высказывал свои симпатии не волкам, а овцам, не сильным, а слабым, не тунеядцам, а труженикам. Крылов разоблачал дворянскую знать, кичащуюся своими заслугами. Он высмеивал скупость, невежество, эгоизм, паразитизм, прислужничество и другие пороки господствующих классов: «Как счастье многие находят тем, что хорошо на лапках ходят». «Есть много богачей, которых смерть одна к чему-нибудь годна». «У сильного всегда бессильный виноват». «Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют».

Басня Крылова «Пестрые овцы», не допущенная к печати цензурой, была направлена против царя зверей — льва. Крылов рассказывал, как лев принял совет лисицы не душить самому овец, а приставить к ним пастухами волков, и как в результате этого в зверином царстве не стало овец. «Какие у зверей пошли на это толки? Что лев бы и хорош, да все злодеи волки».

Творчество Крылова было пропитано духом подлинного демократизма. В замечательной басне «Листы и корни» ярко выражена вера Крылова в народ, как в основную и неизменную силу общества. Надменные листья думают, что благодаря им дерево растет так пышно и кудряво. На самом деле корни дерева, под которыми Крылов подразумевает народ, питают и дерево и листья.

«Красуйтесь в добрый час! — говорят корни листьям, —
Да только помните ту разницу меж нас,
Что с новою весной лист новый народится;
А если корень иссушится,
Не станет дерева, ни вас».

Басни Крылова раскрывают замечательные черты русского народного характера: его природный ум, смекалку, честность, трудолюбие. В оригинальных самобытных образах и оборотах они выражают житейскую мудрость народа, передаваемую из поколения в поколение.

Еще при жизни Крылова его популярность была огромна. Издания его басен имели невиданные по тому времени тиражи. Впоследствии популярность великого русского баснописца все больше увеличивалась. Прав был Белинский, сказав, что слава Крылова будет расти и расцветать, «пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского».

В 20-х годах XIX в., когда в России широко печатались и распространялись басни Крылова, по рукам ходило замечательное произведение другого великого русского писателя — А. С. Грибоедова «Горе от ума». В 1818 г., во время пребывания на дипломатическом посту в Персии, у высокообразованного и одаренного Гри-

боедова зародился замысел великой комедии. Он с жаром отдался работе над пьесой и в 1823 г., будучи в Москве, закончил ее.

С огромной сатирической силой Грибоедов нарисовал в своей комедии барское общество тогдашней Москвы: «В моей комедии, — говорил он, — двадцать пять глупцов на одного здравомыслящего человека, и этот человек разумеется в противоречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем немножко повыше прочих». Образы Грибоедова глубоко реалистичны. Важный московский барин Фамусов, грубый аракчеевец Скалозуб, угодливый Молчалин, плут Загорецкий, Хлестова, Тугоуховские и все прочие есть отображение действительности. Тупые и своекорыстные враги просвещения и прогресса, помыслы которых устремлены на почести и титулы, богатства и наряды, они составляют единый лагерь реакции, попирающий все живое. Молодой и пылкий Чацкий обличает этот лагерь и срывает с него маску благопристойности.

Как горячий патриот своей родины, Чацкий выступает против преклонения перед «французиком из Бордо» и желает, «чтоб истребил господь нечистый этот дух пустого, рабского, слепого подражанья». Рост национального самосознания и стремление сблизиться с народом, характерные для передовых людей XIX в., находят яркое отражение в высказываниях Чацкого:

«Ах, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев!»

Чацкий хочет, чтобы «умный, добрый наш народ, хотя по языку нас не считал за немцев».

Чацкий протестует против крепостничества, превращающего русский народ в предмет купли и продажи. С гневом и горечью он говорит о том, как крепостных обменивают на борзых собак, или, оторвав от семьи, продают поодиночке. Чацкий бросает гордый вызов реакционному лагерю Фамусовых и Скалозубов:

«А судьи кто?.. За древностию лет,
К свободной жизни их вражда непримирима;
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма».

Резкая обличительная сатира Грибоедова попала в цель и вызвала бурю протестов в дворянской среде. Наоборот, передовые люди того времени горячо приветствовали появление комедии «Горе от ума».

В. Г. Белинский писал о комедии Грибоедова: «Какая убийственная сила сарказма, какая едкость иронии, какой пафос в лирических излияниях раздраженного чувства; сколько сторон, так тонко подмеченных в обществе, какие типические характеры; какой язык, какой стих — энергический, сжатый, молниеносный, чисто русский! Удивительно ли, что стихи Грибоедова обратились в поговорки и пословицы и разносились между образованными людьми

по всем концам земли русской! Удивительно ли, что «Горе от ума» еще в рукописи было выучено наизусть целою Россиею!»

Но как ни велико было значение произведений Крылова и Грибоедова, подлинным основоположником русской национальной литературы был Александр Сергеевич Пушкин. Он выступил со своими первыми произведениями в конце первого десятилетия XIX в., и с тех пор все развитие русской литературы шло под его могучим влиянием. Пушкин стал первым и самым великим поэтом земли Русской. Он заложил также основы русской драмы и повести.

Пушкину была чужда узкая национальная ограниченность. Он не отгораживался китайской стеной от мировой культуры. Наоборот, он воспринял от нее все лучшие сокровища. Вольтер и Байрон, Шекспир и Вальтер Скотт оказали серьезное влияние на творчество Пушкина. Но великий русский поэт использовал наследие Запада для создания совершенно новых и глубоко национальных произведений. Именно с появлением Пушкина русская литература освобождается от подражательства и становится на собственные ноги. Из ученика она превращается в зрелого мастера.

Творческое развитие Пушкина шло очень быстро. В его лицейских стихах еще сильно влияние классицизма и так называемой легкой поэзии. Но уже тогда он становился на свой путь. Он отказывался парить, подобно Державину, «в наборе громкозвучных слов» или «петь войны кровавый пир». Юный Пушкин заявлял, что он идет своим путем и пишет своим складом. Посвятив свою первую поэму «Руслан и Людмила» традиционной теме народных сказаний, Пушкин внес в ее разработку много нового. Он ввел в поэму ряд комичных моментов и народный, «площадный язык», возмутив этим немало консерваторов. Южные поэмы Пушкина, написанные в годы его первой ссылки (1821—1824 гг.), — «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан» — проникнуты возвышенным, гуманным романтизмом. Их герои уходят от пышной цивилизованной жизни на волю, к природе, к диким, но неиспорченным и свободным народам:

«Отступник света, друг природы.
Покинул он родной предел,
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы».

«Цыганы» — самое яркое и вместе с тем последнее романтическое произведение Пушкина. В нем явно проступает великий реализм пушкинского гения. В «Цыганах» нет той идеализации дикой жизни и первобытной простоты, которая была так характерна для романтизма:

«Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под изодранными шатрами
Живут мучительные сны».

Уже в середине 20-х годов Пушкин создал глубоко реалистические произведения. Одно из них было обращено в прошлое, дру-

гое посвящено настоящему. Углубившись в изучение русской истории, исторических источников и документов, в том числе и в изучение летописей, Пушкин создал в 1825 г. великую трагедию «Борис Годунов». Он решил показать в своей трагедии «эпоху многих мятежей» и притом показать ее правдиво. В сентябре 1825 г., когда работа над «Борисом Годуновым» шла к концу, Пушкин писал: «Правдоподобие положений и истина разговоров — вот настоящие законы трагедии». Пушкин глубоко раскрыл характер действующих лиц — больших и малых. Он нашел для каждого из них характерную речь, широко использовав народный язык.

В «Борисе Годунове» Пушкина особенно привлекала злободневная в то время тема об узурпации власти. Он показал, что положение Бориса непрочно потому, что его власть ненавистна для народа. Пушкин говорил о силе народного мнения. Вместе с тем в своей трагедии он показал произвол, царивший тогда в стране. Пушкин понимал, какой прием может встретить его «Борис Годунов» у правительства. «Жуковский говорил, — писал Пушкин Раевскому, — что царь меня простит за трагедию, — навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого, торчат». Опасения Пушкина оправдались. Пушкину предложили переделать трагедию, а так как он отказался, то «Борис Годунов» был запрещен к изданию и представлению.

В то же время Пушкин работал над своей замечательной реалистической поэмой «Евгений Онегин». Первые две главы были им написаны в 1823 г., но были изданы только через два года. В них Пушкин рисовал всестороннюю правдивую картину русского общества. Он изобразил в ней и провинциальное дворянство, и высший петербургский свет, и русских девушек, и людей крепостной деревни. Белинский правильно назвал «Евгения Онегина» «энциклопедией русской жизни».

Начало поэтической деятельности Пушкина совпало с эпохой большого общественного возбуждения в России. После Отечественной войны среди передовой дворянской молодежи зародилось освободительное движение, из которого впоследствии выросло восстание декабристов. Пушкин был участником этого движения, хотя и не состоял в тайных политических обществах.

С первых же шагов своей литературно-общественной деятельности Пушкин выступил как борец против насилия и тирании. В 1818 г. Пушкин в своем знаменитом послании «К Чаадаеву» писал:

«Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!».

В оде «Вольность» Пушкин ярко выразил свои свободолюбивые стремления. Он писал, что хочет воспеть «свободу миру, на тронах

поразить порок». Пушкин бичевал самовластие, выражал сочувствие угнетенному народу и призывал его к восстанию против тиранов:

«Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!..
Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу».

В стихотворении «Кинжал» Пушкин приветствовал истребление тиранов:

«Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды».

Пушкин с сочувствием относился к западноевропейским революциям, которые происходили в то время, и когда они потерпели поражение, его охватило чувство горечи и пессимизма. Он бросил слова упрека мирным народам, которые хотят тишины и ярем которых долго не треснет: «К чему стадам дары свободы?» Пушкин называл себя «свободы сеятель пустынный», который вышел слишком «рано, до звезды».

Ярко выраженный революционный характер носила поэзия друзей Пушкина — К. Ф. Рылеева и других участников движения декабристов. Поэзия декабристов была пронизана горячим, пламенным патриотизмом. Но патриотизм Рылеева был гораздо глубже и богаче патриотизма Жуковского и Батюшкова. Любовь к «милой отчизне» породила у Рылеева стремление добиться ее освобождения. «Все действия жизни Рылеева, — писал Н. Бестужев, — ознаменованы были печатью любви к отечеству, она проявлялась в разных видах: сперва сыновнею привязанностью к родине, потом негодованием к злоупотреблениям и, наконец, развернулась совершенно в желании ему свободы».

Рылеев воспевал мужество и воинские подвиги, честность и дружбу, но больше всего свободу своей отчизны:

«Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет».

Рылеев был самым ярким представителем гражданской поэзии. Любовь к родине у него органически сочеталась «со святою ревностью гражданина». В своих «Думах», обращаясь к образам прошлого, он призывал людей своего поколения «бурей грянуть на притеснителей врагов», «рабства сокрушить кумир», «греметь грозою против зла», возвратить народу «святую праотцев свободу и древние права граждан».

В 1823 г. Рылеев создал свое самое значительное произведение — «Войнаровский», в котором изобразил жизнь ссыльного в суровой Сибири. Брошенный в дальние снега «за дело чести и от-

чизны», Войнаровский охвачен свободолюбивым стремлением к борьбе с самовластием. В замечательном стихотворении «Гражданин» Рылеев писал, что он не будет в роковое время позорить гражданина сан и в постыдной праздности влачить свой младой век. Грозно предупреждал Рылеев дворянскую молодежь:

«Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века.
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека».

Эти юноши раскаются, когда восставший народ, ища свободных прав, «застанет их в объятьях праздной неги».

Рылеев рисует замечательный образ поэта-революционера и борца, поэта-трибуна и агитатора. Такой поэт кипит враждой к неправде и не может раболепствовать. Он чтит святым законом для себя «греметь грозою против зла»:

«Ему неведом низкий страх,
На смерть с презрением взирает,
И доблесть в молодых сердцах
Стихом свободным зажигает».

Все эти черты характерны и для самого Рылеева и для всех поэтов-декабристов, для друга Пушкина и Грибоедова — Кюхельбекера, В. Ф. Раевского и других. В 1821—1822 гг., живя в Кишиневе, В. Ф. Раевский убеждал Пушкина перестать прославлять любовь и целиком отдаться служению общественным интересам.

«Оставь другим певцам любовь,
Любовь ли петь, где льется кровь,
Где кат с насмешкой и улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой?».

Вольнолюбивая поэзия Пушкина и Рылеева, как и бичующая сатира Грибоедова и Крылова, имела огромное влияние на развитие освободительного движения в России. Целое поколение передовой русской молодежи воспитывалось на ней. Став со времени Пушкина на почву реализма, русская литература обратилась к жизни. Затронув жгучие вопросы русской действительности, она вышла из тесных дворянских гостиных на широкую общественную арену и приобрела огромную жизненную силу.

Искусство

Литература была ведущей отраслью русской национальной культуры и ее успехи в первой четверти XIX в. были особенно велики. Развитие искусства отставало от развития литературы. Направления, ставшие уже пройденным этапом для литературы, продолжали еще господствовать в искусстве. Русская литература преодолела классицизм уже в первые годы XIX века, а

русское искусство продолжало находиться под его влиянием в течение всей первой четверти XIX века.

Русское искусство не освободилось также и от подражательства, хотя сделало в этом отношении серьезные успехи.

Русский драматический театр находился тогда под влиянием французского театра. Вспомним, что выдающийся русский драматург XVIII в. Сумароков гордился тем, что явил россам Расинов театр. Этот театр господствовал и в России первой четверти XIX века. На русской сцене ставились преимущественно переводные сочинения Корнеля, Расина, Вольтера. Традиция французской классической трагедии была прочна.

Но в первой четверти XIX в. наряду с французскими появились русские классические трагедии. Как и всякие классические трагедии, они воспроизводили жизнь царей и придворной знати, возвеличивали государственную власть, проповедывали такие «добродетели», как любовь к отечеству, преданность царю, воинскую доблесть и пр. Но на них сказалось влияние и новых литературных направлений: сентиментализма и романтизма. Трагедийные герои переставали быть «сверхчеловеками» и стали изображаться, как люди с обычными человеческими страстями. На первый план выдвигалась трагедия внутренняя, душевная.

Трагедии были далеки от изображения тогдашней русской действительности. Они обычно писались на антично-мифологические или отечественно-исторические сюжеты. Но они затрагивали вопросы, близкие к современности, и потому нередко приобретали большое общественное значение. Наиболее крупным явлением в тогдашней русской драматургии были трагедии Озерова. С тех пор, как в 1804 г. была поставлена трагедия Озерова «Эдип в Афинах», его влияние в русском театре неизменно росло. Успех трагедий Озерова объяснялся не столько их литературными достоинствами, сколько тем, что они правильно отражали настроения, распространенные тогда среди дворянства. Трагедия «Эдип в Афинах» ярко выразила либеральные надежды, связанные с вступлением на престол Александра I. Многие считали, что в лице Тезея Озеров вывел самого царя. Особенно большой успех выпал на долю трагедии Озерова «Дмитрий Донской», которая была поставлена в 1807 г. в дни войны с Наполеоном. Борьба русского народа с татарами, изображенная в пьесе, перекликалась с современными событиями. Она вызывала большой патриотический подъем у зрителей, и один из них написал по поводу ее постановки такие строки: «Что это за трагедия «Дмитрий Донской»! ...Я сидел в кресле и не мог отдать себе отчета в том, что со мной происходило. Я чувствовал стеснение в груди, меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то в озноб, то в жар, то я плакал навзрыд, то аплодировал из всей мочи, то барабанил ногами по полу, — словом, безумствовал».

Наряду с трагедиями на русской сцене того времени ставились драмы и комедии. В большинстве случаев это были переводы ино-

странных пьес. Особенно усердно переводились и ставились на русской сцене пьесы драматурга Коцебу, написавшего около сотни пьес. Художественная ценность пьес Коцебу была невелика, но они пользовались большим успехом. Это объяснялось тем, что, в отличие от трагедий, они изображали переживания простых людей, их повседневную, обыденную жизнь. Такие пьесы называли тогда «мещанскими драмами». Р. Зотов пишет, что до того русский зритель был приучен «к возгласам, крикам, надутости, но как скоро показали им домашний быт, радости и несчастья обыкновенной жизни, как скоро они увидели правдоподобие, естественность... они прилепились к пьесам Коцебу».

Иностранные пьесы были очень далеки от русской действительности. Вот почему, в подражание им, появились пьесы из русской жизни: «Лиза, или торжество благодарности», «Великодушие, или рекрутский набор» Н. Ильина, «Лиза, или следствие гордости и обольщения» В. Федотова (по сюжету знаменитой повести Карамзина) и другие. Некоторые дворянские писатели резко протестовали против того, что героями пьес становятся простые люди. Измайлов видел порок пьес Ильина в том, что он выводил на сцену тех людей, которых состояние «есть последнее в обществе, которых мысли, чувства и самый язык весьма ограничены, и которых дела не могут нам служить ни наставлением, ни примером». Он советовал Ильину «почерпать образцы из того круга общежития, где есть более занимательных физиономий, более разнообразных страстей, более предметов, достойных кисти живописца».

Из русских драматургов того времени выделялся князь А. Шаховской. Он писал и трагедии и драмы, но особенно прославился сочинением комедий и водевилей. Многочисленные комедии и водевили Шаховского были написаны наспех и не имели больших достоинств. Они изображали главным образом семейный быт и нравы высших слоев общества. Вот названия некоторых из них: «Урок женатым», «Пустодомы», «Урок кокеткам или Липецкие воды» и др. Популярными сочинителями комедий и водевилей были также Н. Хмельницкий и А. Писарев. Правда, многие пьесы этих авторов были только переводами или переделками иностранных образцов, в частности пьес Мольера, но они обнаружили при этом много оригинального. Стих их комедий был прост, гибок и плавен.

На русской сцене первой четверти XIX в. часто ставились комедии Ивана Андреевича Крылова, особенно «Пиры», «Модная лавка», «Урок дочкам». Они высмеивали пристрастие русского дворянства ко всему французскому. Ф. Вигель замечает: «Что может быть веселее, умнее и затейливее его двух комедий — «Урок дочкам» и «Модная лавка», игранных в 1805 и 1806 годах? Можно ли было колче, чем в них, осмеять нашу столичную и провинциальную галломанию? Во время частых представлений партер всегда был полон, и наполнявшие его от души хохотали». Крылов

нарисовал в этих пьесах яркие бытовые сцены, но он не создал все же русской комедии. Крылов вошел в русскую литературу не как драматург, а как великий баснописец.

Большое влияние на развитие русского театра оказывали видные театральные деятели того времени — Катенин, Гнедич, тот же Шаховской и другие. Это были образованные дворяне, хорошо знавшие литературу и театр Европы. Принимая горячее участие в русской театральной жизни, они уделяли особенно большое внимание обучению актеров. Шаховской, Катенин, Гнедич и др. сами учили русских актеров декламации, сценическим приемам и пр. Каждый из них имел свои установившиеся взгляды на театральное искусство. В большинстве случаев они воспитывали актеров в духе классицизма. За образец бралась игра французских актеров. Обучение шло на репертуаре классических трагедий. Школа классической трагедии требовала от актеров определенных приемов игры. Актеры злоупотребляли криком, были сверхъестественны и ходульны. Замечательный русский артист Щепкин писал, что в то время «превосходство игры видели в том, когда никто не говорил своим голосом, когда игра состояла из крайне изуродованных декламаций... любовь, страсть, измена выкрикивалась так громко, как только доставало силы в человеке».

Русская сцена первой четверти XIX в. имела немало выдающихся драматических актеров. Среди них следует отметить Е. Семенову, А. Колосову, Шумерина, Яковлева, Сандуковых, Плавильщикова, Померанцовых. Школа классической трагедии наложила отпечаток на их мастерство. Но многие крупные русские актеры стремились отойти от трагедийного штампа и играть просто, естественно, как в жизни. Вот что писал некий Макаров об игре Померанцовых: «Померанцовы при всем торжестве тогдашнего классического направления так близко сдружились с натурой, что и самих классиков, решительно требовавших изученной декламации, заставляли уважать себя и именно за натуру, за верную близость к человеку, которого сцена только и требует». Так сквозь толщу господствующего классицизма пробивались реалистические тенденции. Но реализм пришел на русскую сцену только во второй четверти XIX в., с появлением нового репертуара.

В России первой четверти XIX в. продолжали существовать крепостные драматические театры, причем крепостные крестьяне нередко выступали в них не только в качестве актеров, но и в качестве драматургов и постановщиков. Крепостные театры выдвинули немало талантов, но крепостное сценическое искусство, подчиненное произволу и прихотям помещика, не могло серьезно развиваться. Актеров драли розгами, отправляли на скотный двор, продавали вместе с семьями. Императорские театры покупали целые труппы крепостных актеров.

Московская казенная труппа была создана в 1806 г. главным образом из крепостных актеров, принадлежавших разным владельцам. Ее основное ядро составил крепостной театр помещика

Столыпина, купленный казной за 32 тыс. рублей. Московский казенный театр обосновался впоследствии (в 1824 г.) на Петровской площади и получил название Малого театра. За год до того в состав его труппы вступил бывший крепостной — Щепкин, выкупленный в 1818 г. за 10 тыс. рублей, и с тех пор жизнь этого театра неразрывно связана с его деятельностью.

В первой четверти XIX в. в России значительно поднялся интерес к музыкальному искусству. Это искусство было попрежнему недоступно для широких слоев народа, музыкальное развитие которого шло своим самобытным путем. Но оно все глубже проникало в среду дворянства, городских мещан, чиновничества. Презрительное отношение к званию музыканта, певца, артиста постепенно исчезало. Музыка входила в помещичий быт. Дворянских детей учили музыке и танцам. Музыкальных учебных заведений в тогдашней России не было. Обучение шло в частных помещичьих домах. Учителями музыки были преимущественно иностранцы, в том числе и такие выдающиеся музыканты того времени, жившие в России, как Фильд, Майер и др. Вначале на музыку смотрели не как на насущную культурную потребность, а как на развлечение и забаву и вместе с тем как на признак «хорошего воспитания». Но уже в первой четверти XIX в. русская музыка стала приобретать общественное значение.

В казенных театрах и Петербурга и Москвы прочно укрепилась опера. Русская оперная труппа была в 1803 г. отделена от драматической. Стали устраиваться публичные концерты. В 1802 г. в Петербурге было основано первое русское музыкальное Филармоническое общество, концерты которого сыграли важную роль в музыкальном развитии русской столицы. Наряду с операми, водевилями, хоровым пением, танцами стали исполняться оратории и кантаты на патриотические темы. В их числе была знаменитая тогда оратория Дегтярева «Минин и Пожарский, или освобождение Москвы» и кантата Бортнянского на текст Жуковского «Певец во стане русских воинов». По данным «Указателя на 1822—23 гг.» в Петербурге было около 20 дипломированных профессоров и учительниц музыки, множество оркестровых музыкантов, около 40 мастерских и магазинов музыкальных инструментов, несколько нотных магазинов и издателей. В первой четверти XIX в. было создано немало руководств по теории музыки, школ для разных инструментов, музыкальных журналов и т. д.

Музыкальное искусство в тогдашней России развивалось под сильным влиянием Запада. На оперных сценах и публичных концертах, в царских дворцах и помещичьих домах исполнялись преимущественно произведения иностранных и в первую очередь итальянских композиторов. В России постоянно работала французская или итальянская опера.

Но несмотря на сильное иностранное влияние русская музыка постепенно выходила на собственную дорогу. Она имела уже талантливых композиторов, отдававших свои силы главным образом

вокальной музыке, в частности романсу. М. Глинка назвал «Дедушкой русского романса» Н. А. Титова. Это был действительно первый русский композитор, посвятивший свое творчество преимущественно этому жанру. Его романсы в свое время широко распевались в России. В конце первой четверти XIX в. началась творческая деятельность и двух других создателей русского романса — Алябьева и Варламова.

Творчество русских композиторов первой четверти XIX в. ограничивалось мелкими музыкальными формами. Правда, на русской сцене ставились тогда и русские оперы. Можно назвать свыше 15 русских композиторов того времени (в том числе Верстовского, Титова и других), оперы которых шли на сцене петербургского театра. Однако эти оперы были примитивны и скорее походили на оперетки-водевили. Автором многих русских опер был итальянский композитор Кавос, свыше 40 лет прослуживший капельмейстером петербургской императорской драмы. Он написал до 50 опер, балетов и других сценических произведений (французских, итальянских, русских). Сюжеты его русских опер были разнообразны: тут были и былинные сюжеты («Добрыня Никитич», «Илья Богатырь»), исторические («Иван Сусанин», «Юность Иоанна III»), сказочные («Жар-птица», «Светлана»), бытовые («Откупщик Бражкин»). Однако все эти оперы не отличались оригинальностью и имели очень отдаленное отношение к русской музыке. Кавос писал их не только под влиянием западноевропейских композиторов, но и производил прямые заимствования из их произведений. Русские же песни, использованные в операх Кавоса, были так обработаны на иностранный лад, что теряли свой национальный характер.

Таким образом, в первой четверти XIX в. еще не было подлинно национальной, русской оперы, как не было и русской симфонической музыки. Развитие русской музыки шло тогда в отрыве от народного творчества. Это плодотворное слияние, создавшее подлинно национальную русскую музыку, произошло лишь в 30-х годах XIX в., когда на сцену выступил первый великий русский композитор М. И. Глинка.

В России первой четверти XIX в. развивались и изобразительные искусства, выдвинувшие тогда немало замечательных талантов. В условиях царской России эти искусства вынуждены были прежде всего приспособляться к потребностям и вкусам царского двора и дворянской знати. Архитекторы, скульпторы, художники строили, украшали и разрисовывали в первую очередь царские дворцы и церкви. Господствующим направлением в искусстве был тогда классицизм, который всячески насаждал официальный центр русских изобразительных искусств — Академия художеств. Академические художники брали темы для своих произведений из священной истории, античного мира, мифологии и аллегории, трактуя их в том же духе, как современные им французы и итальянцы. Даже тогда, когда они обращались к сюжетам оте-

чественной истории, они старались держаться иностранных образцов и настолько искажали русскую действительность, что она теряла национальные черты. Многие крупные русские художники копировали итальянскую живопись эпохи Возрождения. Почти все они выезжали для совершенствования в Италию и подолгу находились там. Вместе с тем в России работало тогда немало иностранных живописцев.

Большое место в творчестве русских художников занимала портретная живопись.

Наиболее талантливыми русскими портретистами первой четверти XIX века были Левицкий, Боровиковский, Кипренский, Варнек, Тропинин. Они рисовали главным образом портреты царей, видных сановников, лиц высшего светского общества, воссоздавая этим придворный и барский мир с его страстью к блеску и чинам, с его праздной беспечностью и наклонностью к сентиментальным позам. И лишь изредка появлялись портреты людей другой среды. Таковы, например, работа Кипренского «Молодой садовник» и Тропинина «Кружевница».

Широкое распространение имели в живописи того времени религиозные и официально исторические сюжеты. Г. Угрюмов написал картины, посвященные взятию Казани и венчанию Михаила Романова на царство, и много других на религиозные и исторические темы. А. Егоров создал такие картины, как «Святое семейство» и «Бичевание спасителя»; В. Шебуев — «Тайная вечеря», «Александр Невский», «Взятие Богоматери на небо» и др. Многие из этих картин были написаны под прямым влиянием великих творений Рафаэля и Леонардо да Винчи, но свидетельствовали о том, что в России имеются крупные мастера-живописцы. Эти работы отличались строгостью рисунка и успешно конкурировали с произведениями иностранных художников, особенно нахлынувших в Петербург после французской революции.

Наряду с этим в первой четверти XIX в. в России стала развиваться и живопись пейзажная. Она имела выдающихся мастеров в лице Сем. Щедрина, М. Иванова, Ф. Матвеева, Ф. Алексеева, М. Воробьева и Сил. Щедрина. Эти мастера достигли больших успехов в передаче эффектов освещения, глубины воздуха, теплоты и блеска красок. Однако тематика русской пейзажной живописи не отличалась большой широтой. Она ограничивалась главным образом видами Петербурга, Гатчины, Павловска, помещичьих дворцов, парков и пр., а также пейзажами южных стран. С. Щедрин рисовал виды Неаполя, Рима, Сорренто, М. Воробьев — виды Иерусалима и Мертвого моря, Ф. Матвеев — природу Италии и Швейцарии.

Только значительно позднее русская живопись обратилась к картинам замечательной русской природы.

Несмотря на то что русская живопись в первой четверти XIX в. носила преимущественно придворно-барский характер, в

ней явственно видны и демократические черты. Именно в это время впервые в русской живописи появились картины, отражающие народную жизнь. Сначала их было немного и они носили неестественно слащавый характер. Русского крестьянина обязательно рисовали в праздничном костюме, на свадьбе, во время пляски и пр., а иногда русские крестьяне скорее походили на французских или голландских. Но уже художник А. О. Орловский удачно схватывал сцены русской жизни и верно изображал типы солдат, торговцев и крестьян. Особенно же большая заслуга принадлежит в этом отношении талантливому русскому художнику Алексею Гавриловичу Венецианову. Он вырос в доме купца, знал жизнь простого народа и получил от этой жизни впечатления, которые впоследствии помогли ему порвать с официальной придворно-барской живописью и создать новый жанр.

Уже будучи зрелым художником, Венецианов решил бросить установившиеся правила и не творить «à la Рубенс или Рембрандт», а «писать с натуры», воспроизводить «самую натуру». Он покинул город и поселился в деревне. И вот в 1824 г. появилась его знаменитая картина «Гумно», а затем «Чистка свеклы», изображавшая группу крестьян, и ряд других этюдов из деревенской жизни. Правда, Венецианов изображал крестьян не за тяжелым трудом, не в обстановке гнета и нищеты, а в часы отдыха. Его крестьяне одеты в опрятные костюмы («Спящий пастушок», «Вот и батькин обед», «Крестьянка с грибами в лесу» и др.), однако он ввел впервые в русское изобразительное искусство крестьянина и по праву признается отцом русской бытовой живописи.

Венецианов действительно открыл путь к народному жанру. Он задумал и основал свою собственную школу из бедных юношей и учил их новым принципам творчества, в корне отличавшимся от официальной академической живописи. Вместе с тем Венецианов явился зачинателем русской карикатуры. В 1809 году он издавал «Журнал карикатур», а в 1812 году, в дни Отечественной войны, создал серию острых политических карикатур против Наполеона и французов.

Выдающиеся произведения искусства создала в первую четверть XIX в. русская архитектура. Она была представлена тогда такими крупными мастерами, как Воронихин, де Томон, Захаров, Вас. Стасов, Росси и другие. Они творили в духе лучших образцов классической античности. В русских столицах все чаще стали появляться древнеримские фронтоны, ряды массивных колонн или полуколонн на фасадах, огромные арки. В Петербурге выросли: замечательное творение Воронихина — Казанский собор, образцом для которого послужил собор св. Петра в Риме, Петербургская биржа и Большой театр, построенные де Томоном, Адмиралтейство, воздвигнутое Захаровым. Талантливый Росси соорудил три других выдающихся здания столицы: Главный штаб, Михайловский дворец, Александринский театр. Он строил не только отдель-

ные здания, но и целые архитектурные ансамбли. Все это не было простым подражательством. Используя образцы классической древности, русские зодчие по-своему разрешали архитектурные проблемы. В их сооружениях воплотилось большое и притом оригинальное, самобытное мастерство русской архитектуры.

Так, в разных отраслях русское искусство первой четверти XIX в. непрерывно развивалось и шло вперед. Русское искусство было тогда еще далеко от народа и слабо связано с процессами внутренней борьбы, происходившей в России. Но оно уже шло по верному пути. Отражая рост национального самосознания русского народа, оно начинало все больше приобретать черты подлинного национального искусства.

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ — ПЕРВОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЦАРИЗМА

Общественно-политическое движение в начале XIX века

В первой четверти XIX в. широко развивалось общественно-политическое движение среди русской дворянской молодежи. В этом движении, как и в тогдашней русской литературе, совершенно явственно обозначались два течения, по-разному ставившие вопрос о дальнейших путях национального развития страны. Представители обоих течений говорили о патриотизме, об интересах России, о родине. Но в эти понятия они вкладывали различное содержание. Реакционное дворянство хотело сохранить в неприкосновенности существующий порядок и с ненавистью относилось к передовым идеям, идущим со стороны капиталистического Запада. Оно использовало патриотические чувства, чтобы противопоставить Россию Западу. Это был казенный, или, как его стали потом называть, квасной патриотизм. Он носил консервативный, узко националистический характер.

В 1806 г., когда начались войны с Наполеоном и особенно высоко поднялось чувство патриотизма в России, реакционеры пытались использовать это в своих интересах. Они хотели привить вражду ко всему, что идет со стороны капиталистического Запада, обрушивались на французскую буржуазную революцию, показывали ненавистного Наполеона как представителя этой революции и т. д. Наиболее типичным представителем консервативного казенного псевдопатриотизма, стремившегося предохранить Россию от преобразований и оставить ее отсталой монархической, феодальной страной, был граф Ростопчин. В 1807 г. вышло его сочинение «Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева». Этот дворянин, отставной подполковник, израненный в войнах, отпев молебен за здравие государя и отстояв обедню в Успенском соборе, сел на красном крыльце для отдохновения и стал думать вслух. Обрисовав величие монархической России, Богатырев обрушивается на революционную Францию:

«Да что за народ эти французы! копейки не стоят: смотреть не на что, говорить не о чем... Ведь что проклятые наделали в эти двадцать лет! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потом спорить, браниться, драться; ничего на месте не оставили, закон попрали, начальство уничтожили, храмы

осквернили, царя казнили, да какого царя! — отца». И Богатырев противопоставляет Франции Россию: «У нас государь милосердный, дворянство великодумное, купечество богатое, народ трудолюбивый». «Пора опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: сгинь ты, дьявольское наваждение! ступай вон в ад или во-свояси, все равно, только не будь на Руси».

Высказывания Растопчина были особенно популярны в 1812 году. Граф Растопчин издавал тогда свои знаменитые обращения к народу, или, как их называли, афиши. Цель этих афиш состояла в том, чтобы успокоить и воодушевить народ перед приближением французских войск к сердцу России. Афиши Растопчина были полны самохвальства. Грубо подделываясь под народный тон, Растопчин смотрел на народ, как на бессмысленную массу, которую можно обмануть ложными известиями о ничтожности врага и о легкости победы. «Как? К нам? — говорил Растопчин устами московского мещанина Карнюшки Чихирина. — Милости просим, хоть на святках, хоть на масленицу; да и тут жгутами девки так припопонят, что спина вздуется горой. Полно демоном-то наряжаться; молитву сотворим, так до петухов сгинешь!». Растопчин уверял, что достаточно подняться москвичам — и победа будет обеспечена. «И выйдем сто тысяч молодцов, возьмем Иверскую божью матерь, да 150 пушек и кончим дело все вместе».

Главным органом этого псевдопатриотического направления был журнал «Русский вестник», издававшийся с 1807 г. отставным капитаном из смоленских дворян С. Н. Глинкой. С помощью своего журнала Глинка стремился привлечь внимание читающей публики к героическому прошлому России, показать значение древней Руси и ее высокую культуру. Он первый заговорил о русской старине. «Беседа с праотцами, беседа с героями и друзьями отечества питает душу и, сближая прошедшее с настоящим, умножает бытие наше», — писал «Русский вестник».

Журнал Глинки правильно восставал против тех, которые видят в своем отечестве и его прошлом только плохое. Но при этом он впадал в другую крайность — он видел в русской старине только хорошее, идеализировал древнюю Русь. Глинка чуждался современной русской жизни. Повести, помещенные в его журнале, были написаны почти исключительно на темы древней русской истории.

Глинка резко отрицательно относился ко всему иностранному. Все статьи «Русского вестника» были посвящены России, писать о чем-либо иностранном считалось неприличным. Глинка беспрестанно говорил о любви к отечеству. Но его программа шла вразрез с национальными интересами России. Глинка был противником преобразований в России. Он стоял за возвращение к отжившей старине. Растопчин, Глинка и их сторонники стояли за старые формы жизни, защищали крепостное право, видя в освобождении крестьян вред для государства. Эти узко националистические консервативные взгляды они прикрывали криками о патриотизме.

Такая позиция не могла не вызвать возражений на страницах

тогдашней печати. Журнал «Московский вестник» осуждал тех, кто бранит все иностранное, проклинает чужих учителей, довольствуется «единственно своим, хотя бы худым и невежественным». Он указывал на пример настоящего патриота Петра Великого, который «ездил нарочно по белу свету для того, чтобы все узнавать, все испытывать, всему научиться». Поэты Батюшков, Воейков и др. в стихах и эпиграммах высмеивали узкий национализм и консерватизм.

Противники этого казенного, квасного патриотизма отрицательно относились к тогдашней русской действительности. Они остро переживали отсталость России и стремились убрать с дороги все, что тормозило ее прогрессивное развитие. Это и было высшим проявлением патриотизма. Подлинный патриотизм в условиях царской России неизбежно принимал критическую форму. Он был направлен против основ существующего строя — самодержавия и крепостного права. Наиболее передовая часть дворянства втягивалась в орбиту новых, буржуазных отношений. Она понимала, что феодальный строй в России должен уступить место новому, более прогрессивному общественному устройству. Эта часть дворянства не отворачивалась от Запада, а, наоборот, обращалась к нему, ибо там уже сложилось более прогрессивное общественное устройство.

Охваченные чувством пламенного патриотизма, передовые люди России стремились возвысить родину, повернув ее на новый путь. Они выдвигали в связи с этим коренные жизненные вопросы развития страны и прежде всего вопрос о крепостном праве. Первое место среди них занимал Александр Николаевич Радищев. Он протянул живую нить, связывающую освободительное движение XVIII и XIX вв., и оказал огромное влияние на все развитие русской общественной мысли. Возвратившись из ссылки, Радищев продолжал стоять на прежних антикрепостнических позициях. Радищев написал статью «Описание моего владения», увидевшую свет лишь после его смерти.

Подробно разобрав положение сельского хозяйства в России, он пришел к выводу, что «земледельцы и земледельчество находятся в весьма худом состоянии». Радищев видел причину всего этого в крепостном праве. Описывая труд крестьян во время жатвы, Радищев восклицал: «Блаженны, блаженны, если бы весь плод трудов ваших был ваш. Но, о горестное напоминование! Ниву селянин возделывал чуждую... Господин может его наказывать по своему рассмотрению, он судья его и исполнитель своих приговоров... господин есть господин его имения и детей его, дает и отъемлет по своей воле».

В 1801 г. Радищева привлекли к работе в комиссии по составлению законов. О работе Радищева в комиссии один из ее членов писал: «Он при каждом заключении, не соглашаясь с нами, прилагал свое мнение, основываясь единственно на философском свободомыслии». Радищев составил записку «О законоположении»,

которую представил в комиссию. В этой записке Радищев писал, что «необходимо презреть негодование некоторых неистовых самолюбцев для пользы миллионов, необходимо сокрушить неясность прежних узаконений, низвергнуть ненависть чиносостояния разделяющую, воздвигнуть закон для всех единый, в действиях своих неминуемый, в изречениях неумолимый». Радищев ратовал за то, чтобы вывести из унижения и презрения большую часть народа, на которую «высшие и богатые состояния взирают всегда с презрением». Он предлагал узаконить крестьянскую собственность.

Председатель комиссии по составлению законов граф Завадовский, прочтя записку Радищева, пригрозил ему новой ссылкой в Сибирь. Угроза ссылки тяжело подействовала на больного, измученного Радищева. 11 сентября 1802 г. он покончил жизнь самоубийством. Дело, начатое Екатериной, завершилось. Царизм погубил замечательного русского патриота, писателя и публициста и погубил именно тогда, когда русский царь Александр I особенно часто повторял красивые либеральные фразы.

Но у Радищева были последователи. В марте 1803 г. в сборнике «Свиток муз» были опубликованы статья и стихи памяти Радищева. В статье говорилось: «На сих днях умер Радищев, муж вам всем известный, коего смерть более нежели с одной стороны важна в очах философа, важна для человечества... Пламенное его человеколюбие жаждало озарить всех своих собратий сим немеркнущим лучом вечности; жаждало видеть мудрость, воссевшую на троне всемирном. Он зрел лишь слабость и невежество, обман под личиною святости и сошел во гроб. Он родился быть просветителем, жил в утеснении и сошел во гроб; в сердцах благодарных патриотов да сооружится ему памятник достойный его!».

Автором этой статьи был Иван Борн. Вместе со своим другом Василием Попугаевым и другими он организовал в 1801 г. Общество любителей изящного, впоследствии переименованное в Вольное общество любителей словесности, науки и художеств. В Вольное общество объединилась группа начинающих писателей и публицистов, очень молодая по возрасту (20—25 лет) и разношерстная по социальному составу (мелкие дворяне, чиновники, купцы, поповичи). Жили они заработками с государственной службы или литературно-педагогической деятельностью. Взгляды членов Вольного общества были довольно разнообразны, но многие из них были последователями Радищева. В общество входили два сына Радищева — Николай и Василий. В первое время существования (1801—1807) в центре внимания общества стояли вопросы философские и социальные. На собраниях общества читались произведения Дидро, Вольтера, Мабли, Монтескье и др. Члены общества писали и собственные сочинения. Интересны темы этих сочинений: «О монархии», «О феодальном праве», «О разделении властей политического тела», «О политическом просвещении», «Рассуждения о нищих», «О механизме правления», «О бедствиях человеческих» и др.

Общество существовало легально, но устав его предлагал «удерживаться от бесполезного или неосторожного разглашения наших упражнений перед людьми, не могущими о том судить». Выше всего общество ставило борьбу за благо родины и счастье народа. «Горе тому, кто, одарен будучи великими способностями, не употребил их в пользу людей», — говорил на заседании общества Иван Борн.

Участником Вольного общества являлся замечательный человек того времени Иван Петрович Пнин. Это был сын известного екатерининского вельможи фельдмаршала Репнина, но сын «незаконнорожденный». Частичка «ре» из его фамилии была отброшена. Пнин окончил Артиллерийско-инженерный корпус, затем был на военной службе, но в 1797 г. вышел в отставку и отдался литературной деятельности. В 1798 г. он издавал «Санкт-Петербургский журнал». В 1801 г. Пнин поступил на государственную службу. В том же году Пнин познакомился с Радищевым и стал часто бывать у него. Радищев оказал на Пнина огромное влияние, и его смерть глубоко опечалила Пнина. В стихах памяти Радищева Пнин писал, что навеки замолкли уста, вещавшие истину, погас пламенник ума, навек оставил нас тот, кто путем свободы вел людей к счастью.

Как и Радищев, Пнин был и поэтом, и философом, и публицистом. Он был одним из первых материалистов в России, сторонником Гольбаха, сочинения которого он переводил и печатал. В 1802 г. Пнин вступил в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств.

В своих сочинениях Пнин боролся против угнетения и насилия и выступал в защиту свободы. Особенно большое значение имело сочинение Пнина «Опыт о просвещении относительно к России», вышедшее в 1804 г. Оно было пропитано глубоким патриотическим чувством любви к России. «Россия! — писал Пнин, — к тебе стремятся все мои мысли, все мои желания! Дражайшее отечество! Каким приятнейшим чувствованием наполняется сердце, обращаясь к тебе!». Пнин гордился военной славой России. Но он хотел, чтобы его родина возвысилась и в гражданском отношении. Пнин стоял на позициях французской просветительной философии XVIII века. Но Пнин критиковал в этом сочинении французскую революцию за то, что она выдвинула на первый план права человека, затем вольность, равенство и только потом собственность. Пнин протестовал против равенства и духа безначалия. Равенство, стоившее Франции столько крови, уничтожает собственность, оно служит «исчадием раздора».

Пнин на первое место выдвигал принцип собственности. Он предлагал издать законы, которые защищали бы собственность земледельческого состояния от насилий, и горячо протестовал против крепостного права именно потому, что оно уничтожает собственность земледельца. Пнин видел главную цель государства в «охранении собственности и личной безопасности гра-

ждан». «Собственность! священное право! — восклицал он, — душа общежития! источник закона! мать изобилия и удовольствий! Где ты уважена, где ты неприкосновенна, та только благословенна страна, там только спокоен и благополучен гражданин. Но ты бежишь от звука цепей! ты чуждаешься невольников. Права твои не могут существовать ни в рабстве, ни в безначалии, поелику ты обитаешь только в царстве законов. Собственность! где нет тебя, там не может быть правосудия».

Пнин был решительным противником крепостного права. Он выступал против реакционеров, пытавшихся скрыться за формулу: сначала просвещение, а потом освобождение; он считал освобождение крестьян условием их действительного просвещения. «Как можно, — пишет Пнин, — чтобы участь толико полезнейшего сословия граждан, от которых зависит могущество и богатство государства, состояла в неограниченной власти некоторого числа людей, которые, позабыв в них подобных себе человеков, — человеков, их питающих и даже прихотям их удовлетворяющих, — поступают с ними иногда хуже, нежели с скотами, им принадлежащими». Практическая программа Пнина была довольно умеренной — он предлагал освободить крестьян с движимой собственностью, но без земли. Он приветствовал закон о свободных хлебопашцах и выражал надежду, что государь искоренит злоупотребления помещиков и примет меры к охране собственности крестьян.

Первое издание книги Пнина разошлось, вызвав сочувственные отклики. Но когда хотели выпустить второе издание, то цензура не только запретила его, но и стала срочно отбирать в книжных лавках оставшиеся экземпляры первого издания.

Цензурный комитет писал в своем заключении: «Автор с жаром и энтузиазмом жалуется на злосчастное состояние русских крестьян, разгорячает умы, воспламеняет страсти в сердцах крестьян», а «это значит в самом деле собирать над Россией черную губительную тучу», и вот, чтобы «черные губительные тучи» над Россией не собирались, книжка Пнина была изъята. Вскоре после этого, в июле 1805 г., Пнин ушел со службы. В сентябре этого же года, 32 лет, он умер от чахотки.

Большую роль в Вольном обществе играл Василий Попугаев. Это был, как писал один современник, «пламенный, эксцентричный поэт, неистовый друг правды и гонитель зла, непостоянный, вспыльчивый, благородный и простодушный». Попугаев был последовательным радищевцем и придерживался более радикальных взглядов, чем Пнин. В своих статьях он выступал против крепостного права, разоблачал вельмож, думающих о богатстве и знатности и презирающих низшие классы. Попугаев призывал своих друзей к борьбе за общее дело:

«Но будем мы всегда готовы
Судьбу несчастных облегчить,
За правду даже несть оковы,
За обще благо кровь пролить».

Попугаев и Борн представляли демократическое радищевское крыло общества, стремившееся поставить в центре внимания социальные и философские вопросы, но правое, чисто литературное крыло, возглавлявшееся Языковым, взяло верх. В 1811 г. Попугаев и Борн вышли из общества. Общество превратилось в узкий ученый и литературный кружок, потерявший прежнее значение.

Возникновение движения декабристов

В первые годы XIX в. в России не существовало оформленного освободительного движения с четкой программой и тактикой, с вполне определившимся составом участников. Но после войны 1812 г. положение изменилось. Отечественная война оказала огромное влияние на общественное движение передовой дворянской молодежи России. Среди молодого офицерства возникли первые в нашей стране политические общества, деятельность которых завершилась первым революционным выступлением против самодержавия — восстанием декабристов.

Главным побудительным стимулом возникновения освободительного движения среди дворянской военной молодежи было чувство горячего патриотизма. Передовая дворянская молодежь с оружием в руках защищала Россию от нашествия Наполеона, и слово «отечество», изгнанное Павлом, было для нее священным. Но передовая молодежь видела отечество в цепях, а хотела видеть его свободным. Лучшие люди России искали свободы и счастья для нашей родины. Наиболее чуткая часть дворянства понимала, что порядок, существующий в России, начинает разлагаться, что он должен уступить место новому, более прогрессивному общественному устройству.

Передовая дворянская молодежь России понимала, что истинный патриотизм не в раболепном служении существующему строю в России, а в борьбе с ним. Рылеев писал, что не тот верный сын отчизны, кто «раб презренного тщеславия»,

«Но тот, кто с гордыми в борьбе
Наград не ждет и их не просит
И, забывая о себе,
Все в жертву родине приносит.
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен».

Передовые люди России любили прошлое своего народа, потому что видели в нем светлые, радостные страницы мужества и стойкости и яркие примеры борьбы за свободу, независимость и счастье. В поэзии Рылеева и Раевского воскрес образ Вадима, уже однажды нарисованный Княжниным. Вадим Рылеева и Раевского — это борец за свободу, русский Брут, а Псков и Новгород — это колыбель древнерусской свободы. Раевский призывал вспомнить те времена:

«Когда гремело наше Вече
И сокрушало издалече
Царям кичливым рамена».

Литература была важнейшим каналом распространения передовых идей в широких слоях русского общества. Многие читали «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, свободолюбивые стихи Пушкина, Рылеева и других. Нелегальные стихи Пушкина находили почти у всех декабристов. «Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинением Пушкина, дышащим свободой», — писали они в своих показаниях.

Стихи Пушкина «Деревня», «Кинжал», «Послание к Чаадаеву», «Вольность» и другие, ходившие в рукописных списках, знали наизусть.

В своем «Послании к цензору» А. С. Пушкин замечал:

«Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? Их и так иные прочитали».

С декабристами был связан и другой великий писатель — А. С. Грибоедов. Почти год — с июня 1824 г. по май 1825 г. — Грибоедов жил в Петербурге на квартире декабриста Одоевского. Здесь несколько молодых людей под диктовку Грибоедова переписывали его комедию «Горе от ума», а затем в десятках экземпляров распространяли по России.

Все передовые мыслящие люди чувствовали, что «ветхое здание государственного устройства России требует важных изменений». Вначале многие надеялись, что эти изменения будут произведены сверху, самим царем. Эти надежды оживились в связи с речами, которые Александр произносил в Польше. Однако вскоре выяснилось, что речи Александра в Польше — сплошное лицемерие.

Все обещания его оставались на бумаге. Заявляя о своем желании дать России конституцию, Александр одновременно жестоко расправлялся со всеми, кто предлагал хотя бы очень умеренные мероприятия по ограничению произвола и установлению в России законности. Не удивительно, что возмущение действиями правительства охватило широкие слои населения. «Все элементы были в брожении», — писал А. Бестужев.

Огромное недовольство вызвало поведение самого царя. Оно оскорбляло патриотическое чувство, особенно поднявшееся в связи с Отечественной войной 1812 года. Занимаясь международными делами, Александр часто высказывал презрение ко всему русскому. Частые и длительные поездки Александра за границу возмущали многих. «Если ему не нравится в России, почему он не ищет короны в другом месте», — говорили про Александра. Резкое недовольство вызывало и то, что он беспрерывно занимался разводами, парадами, военными смотрами.

Широкие слои русского общества горячо негодовали на Александра I за то, что он передал почти все управление страны нео-

бузданному деспоту Аракчееву. Чувство негодования общества к Аракчееву выразил К. Ф. Рылеев в своих сильных и гневных стихах «К временщику», написанных в 1820 году:

«Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан Пронырствами — злодей!».

Николай Бестужев в своих воспоминаниях рассказывает, какое большое впечатление произвели эти стихи Рылеева: «Рылеев громко и всенародно вызвал временщика на суд истины, когда назвал его деяния, определил им цену и смело предал проклятию потомства слепую или умышленную покорность вельможи для правления отечества. Нельзя представить изумления, ужаса, даже, можно сказать, оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих нескольких звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном».

Передовые слои дворянства резко критиковали устройство местной и центральной администрации и разоблачали бюрократический произвол, господствовавший во всем государственном аппарате. Они высказывались против цензуры и гонений на печать, горячо протестовали против угнетения народа, против крепостного права и тяжелого положения солдат.

Среди передовой русской молодежи все решительнее становилось стремление к освобождению родины. Слово «свобода» все громче звучало в крепостнической России. «Во имя чего звать к восстанию? — спрашивал Каховский. — Во имя свободы: ведь чувство свободы прирождено человеку. «За свободу!» — вот лозунг, который с восторгом подхватят все».

Каховский отмечал, что человек рожден для свободы. «Народы, почувствовав сладость свободы и просвещения, стремятся к ней. Правительства же, огражденные миллионами штыков, силятся оттолкнуть народы в тьму невежества. Но тщетны все их усилия: впечатления, раз полученные, никогда не изглаживаются. Свобода, сей светоч ума, теплотвор жизни, была всегда и везде достоянием народов, вышедших из глубокого невежества... Пока будут люди, будет и желание свободы».

«Для совершенного искоренения свободомыслия, — говорил Штейнгель, — нет средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование».

Передовая часть дворянства внимательно следила за всем, что делалось тогда в странах Западной Европы. Там — на Западе — совершались события огромного исторического значения: свергались монархии, ломались устои старого, феодального строя, быстро развивались новые, буржуазные отношения. Человеческое общество переходило на новую ступень в своем прогрессивном поступательном развитии. Там, на Западе, было могучее движение вперед. Оттуда шли буржуазные идеи свободы, равенства и брат-

ства, идеи верховенства народа, идеи торжества человеческого разума и просвещения. И эти идеи нашли своих сторонников в передовой дворянской молодежи России.

Французская просветительная философия XVIII в. и новейшие теории буржуазных писателей, экономистов, юристов, философов, публицистов Запада оказали значительное влияние на ее взгляды. Передовая дворянская молодежь хорошо знала сочинения всех крупных писателей XVIII и начала XIX вв., а также конституции европейских государств и Соединенных Штатов Америки.

Будучи за границей в походах 1813—1815 гг., она познакомилась с политической и экономической жизнью более развитых капиталистических государств, где не было уже ни абсолютных монархий, ни крепостного права, и стала ближе к Западу. Передовая молодежь тогдашней России начала внимательно следить за бурными революционными событиями, которые развертывались тогда в Европе, и сочувствовала им. Когда раздался выстрел Карла Занда в известного реакционера Коцебу, то все симпатии передовой русской молодежи были на стороне Занда. Пушкин назвал его мучеником свободы, век которого угас на плахе: «Но добродетели святой остался глас в казненном прахе». Кочубей отмечал, что «неаполитанская революция является предметом всех разговоров и держит в напряжении все умы, причем высказывается самая решительная ненависть к австрийцам и пожелание успеха неаполитанским войскам». А вот что писал Васильчиков об откликах на события в Пьемонте: «Большая часть молодежи в восторге от всего, что происходит, и не скрывает своего образа мыслей».

После войны 1812 г. передовая русская молодежь не могла жить прежней жизнью. Появились новые потребности, запросы, интересы. Стали интересоваться политикой, заниматься общественными науками, усиленно читать, следить за иностранными газетами.

Передовые люди России с особенной остротой почувствовали отсталость своей родины и ее основные пороки: крепостное право, неограниченное самодержавие, произвол и взяточничество чиновников, бесправие и нищету народа, и поняли необходимость преобразований.

Выдающийся руководитель декабристов П. И. Пестель указывал, что каждый век имеет свою отличительную черту: «Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же: от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать (fait bouillir les esprits). Вот причины, полагаю я, которые породили революционные мысли и правила и укоренили оные в умах».

В такой обстановке и зарождалось самое прогрессивное движение в России 1820—1825 гг. — движение декабристов. Под влия-

нием начавшегося разложения общественного строя царской России и передовых идей, идущих с Запада, часть дворянской молодежи становилась на новый путь. Она отрекалась от своего прошлого и становилась борцом за будущее.

«Казалось бы, —писал Герцен, — что могло зародиться, вырасти, окрепнуть путного на этих грядах между Аракчеевыми и Маниловыми? — что воспитаться этими матерями, брившими лбы, резавшими косы, колотившими прислугу, этими отцами, подобострастными перед всеми высшими, дикими тиранами со всем низшим? А именно между ними развились люди 14 декабря, фаланга героев, вскормленная, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Оно им пошло впрок! Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины — пророки, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

Свободолюбивые настроения, охватившие значительные слои дворянской молодежи того времени, получили оформление в тайных обществах. «В такой стране, как Россия, — писал Н. Тургенев, — тайные общества неизбежны... Чтобы спокойно и свободно выражать свои мысли, там необходимо замкнуться в тесном кругу лиц, подобранных с большой осторожностью».

Формы первых тайных кружков в России были выработаны под влиянием масонских лож, с их мистическими обрядами, клятвами и пр., а также тайных обществ, уже имевшихся на Западе. Но тайные общества были двух видов. В Пруссии существовал так называемый «Тугенбунд» (Союз добродетели), представлявший собой мирную пропагандистскую организацию. В Испании, Италии и других странах действовали тайные заговорщические организации карбонариев.

Ядром первого тайного общества в России явилась группа офицеров Семеновского гвардейского полка. После заграничных походов офицеры Семеновского полка, жившие в казармах, часто собирались и беседовали на политические темы: о крепостном праве, о тяжелой солдатской службе, о лихоимстве, грабительстве и пр. Все они были охвачены единым патриотическим чувством любви к родине и хотели ее сделать свободной и счастливой. С этой группой офицеров-семеновцев и связался полковник генерального штаба Александр Муравьев, предложив организовать общество для служения благу России. В 1816 г. создалось первое тайное общество в составе Александра и Никиты Муравьевых, Сергея Трубецкого, Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов и Якушкина. Оно получило название «Союз спасения», или «Общество истинных и верных сынов отечества».

В Союзе спасения объединились люди, стремившиеся к лучшему политическому и общественному устройству России, к благу отечества. Однако ясной цели Союз еще не имел. Союз получил оконча-

тельное оформление лишь тогда, когда в конце 1816 г. Н. Муравьев привлек в него Пестеля. Павел Иванович Пестель был одним из наиболее замечательных людей своего времени. Он был крупным мыслителем и выдающимся организатором. Пушкин писал про него: «Умный человек во всем смысле этого слова... один из самых оригинальных умов, которых я знаю». Князь Волконский говорил, что это был «человек замечательного ума и образования, в сердце которого гнездились великие чувства любви к родине». Лорер видел в нем «гениального человека, одного из замечательнейших людей своего времени». Все говорили о том, что Пестель обладает необыкновенным даром слова, глубоким логическим умом и железной волей.

Юный талантливый Пестель сделал блестящую военную карьеру. Тяжело раненный в сражении под Бородином, Пестель получил золотую шпагу с надписью «за отвагу», а в 28 лет был уже произведен в полковники. Но Пестель пошел по иному пути. Он посвятил свою жизнь активной революционной борьбе. И недаром царские палачи в обвинительной записке по делу декабристов писали впоследствии, что Пестель был «главою общества и первейшей пружиной всех его действий», «основанием, на котором все здание было устроено».

Основные задачи Союза спасения Пестель определял как «освобождение крестьян от крепости» и «введение монархического конституционного правления». Статут этого общества имел много клятв и форм и был составлен в духе масонских учреждений. Вступивший давал клятву хранить в строгой тайне все, что он узнает. Первое время Союз спасения предполагал «ограничиться действием на умы и приобретением членов, пока общество не усилится». На одном из собраний Пестель произнес речь «О блаженстве Франции под управлением Комитета общественной безопасности». Среди членов Союза спасения обсуждался вопрос и о цареубийстве и уже разрабатывались детали террористического акта.

Однако умеренная группа членов Союза, возглавляемая Михаилом Муравьевым и Трубецким, стремилась организовать общество на иных началах. Она высказывалась против статута Пестеля и хотела превратить Союз в мирную организацию, которая должна действовать не силой оружия, а силой общественного мнения.

В начале 1818 г. произошла реорганизация общества. Вместо прежнего заговорщического, конспиративного Союза спасения возник мирный полулегальный Союз благоденствия. Этот Союз отодвинул политические задачи на второй план, поставив во главу угла задачи нравственности и просвещения, действие на мнение людей, чтобы «споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия». Союз благоденствия признавал три основных средства: слово, печать и пример. Он надеялся на «доброжелательство правительства».

Вся деятельность Союза делилась на четыре главные отрасли: человеколюбие, образование, правосудие и общественное хозяйство. Члены Союза должны были «склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению», заниматься распространением правил нравственности, воспитанием юношества, распространением познаний, способствовать развитию всякого рода полезной промышленности, хлебопашества, торговли и т. д.

К 1819 г. Союз благоденствия превратился в большую организацию, которая насчитывала свыше сотни членов. В составе Союза были полковники, генералы, гвардейское офицерство, представители дворянской знати, среднего дворянства, разночинцы, литераторы и пр. Во главе Союза стала Коренная управа, в которую входили Никита Муравьев, Трубецкой, братья Муравьевы-Апостолы и др.

В конце 1819 г. в Союз благоденствия был принят Николай Тургенев. Это был очень образованный человек. О его экономических воззрениях мы уже говорили в разделе «Наука». Тургенев придерживался умеренных политических взглядов, но он принадлежал к числу немногих людей, неутомимо выступавших за освобождение крестьян.

Пестель не соглашался с умеренной программой общества, но несмотря на это, находясь в Митаве и Тульчине, связи с Союзом благоденствия не порывал. Так же, как Союз спасения, Союз благоденствия просуществовал недолго. Отказываясь от решительных революционных действий, он обрекал себя на бессилие. «Союз благоденствия», — писал Якушкин, — казалось нам, дремал... он слишком был ограничен в своих действиях». Революционная часть Союза требовала пересмотра устава и перехода к решительным действиям.

Революционные события 1820 г. в Европе укрепили левые республиканские революционные настроения среди передовой дворянской молодежи. Пестель стал теперь последовательным республиканцем. Только в республиканском правлении видел он блаженство России. Пестель говорил: «Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил по моим понятиям неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости, к истинному согласию монархии на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском революционном образе мыслей».

Революционные события на Западе и волнение Семеновского полка поставили перед Союзом благоденствия новые вопросы и вызвали еще более резкие разногласия. В это же время в связи с революционными событиями с новой силой развернулась царская реакция. Возможностей для мирного «нравственного» воздействия на общественное мнение становилось все меньше. В январе 1821 г. на Московском съезде между революционным и умеренным течениями общества разгорелась ожесточенная борьба. Распростра-

лось сообщение, что правительство узнало о существовании Союза. Московский съезд объявил Союз благоденствия распущенным.

С этого времени в движении декабристов наступил новый период. Большинство бывших членов Союза не выдержало крутого перелома и отошло от движения. Зато небольшая, наиболее решительная группа продолжала работать в Тайном обществе, реорганизовав его деятельность соответственно новым задачам, выдвинутым событиями 1820 года.

Южное и Северное общества

Члены Союза благоденствия во главе с Пестелем, находившиеся на юге страны, не признали решения съезда о роспуске Союза. В марте 1821 г. они организовали так называемое Южное общество. Наряду с Пестелем крупную роль в Южном обществе играли генерал Юшневский, полковник Сергей Муравьев-Апостол, его молодой друг подпоручик Бестужев-Рюмин, философ и поэт штаб-ротмистр Барятинский, С. Волконский, В. Давыдов и другие. Среди них пользовался особенно большой любовью и уважением Сергей Муравьев-Апостол. Декабрист Фонвизин писал о нем: «Возвышенный и чистый характер Сергея Муравьева-Апостола, светлый и образованный ум, нежное расположение к людям — все эти прекрасные свойства приобрели ему всеобщее уважение и любовь всех знавших его. Черниговские единополчане, офицеры и солдаты были ему беспредельно преданы». Начиная с 1821 г., Южное общество собиралось на совещания, которые обычно происходили в Киеве. Значительно позднее организовалось Северное общество декабристов.

После Московского съезда — весной 1821 г. — гвардия направилась к западным границам империи и вернулась в Петербург только весной 1822 г. К этому времени правительство резко усилило политику репрессий. В августе 1822 г. были запрещены всякие тайные общества и масонские ложи.

Однако, несмотря на это, именно в 1822 г., по возвращении гвардии в Петербург, произошло возобновление Тайного общества на севере. Основное ядро Северного общества составилось из Н. Муравьева, Н. Тургенева, С. Трубецкого, Е. Оболенского и др. Никита Муравьев был избран «правителем общества». С самого начала своей деятельности Южное общество встало на последовательные республиканские и революционные позиции. Как рассказывал Пестель, он и его товарищи живо представляли картину того счастья, каким будет пользоваться Россия при республике. Пестель горячо взялся за составление проекта будущего государственного устройства. Уже в 1823 г. проект Пестеля «Русская правда» обсуждался на совещаниях общества, хотя полностью закончить его Пестелю так и не удалось.

«Русская правда» представляла собой наказ «как для народа, так и для временного верховного правления». Она провозглашала

три основных принципа Французской буржуазной революции: свободу, равенство, братство. «Все люди в государстве, — писал Пестель, — должны непременно быть перед законом равны», «всякое постановление, нарушающее сие равенство всех пред законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее быть непременно уничтоженным».

«Русская правда» стояла за полное освобождение крестьян. Пестель предлагал принять решительные меры против тех дворян, которые откажутся провести освобождение крестьян. Пестель отмечал, что в отношении права собственности на землю существуют два главных мнения. Первое, что «земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц, и посему не может она быть разделена между несколькими только людьми за исключением прочих». Другое мнение, что «труды и работы суть источники собственности, и что тот, который землю удобрял и оную способной сделал к произведению разных произрастаний, исключительное должен на ту землю иметь право обладания». Пестель утверждал, что несмотря на противоречивость и то и другое мнение «много истинного и справедливого содержит». С одной стороны, нужно «дать возможность для каждого человека пользоваться необходимым для житья». С другой стороны, надо «дать совершенную свободу приобретению и сохранению изобилия».

Соответственно этому Пестель предлагал разделить землю на две половины: общественную и частную. «Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и будет подлежать обладанию всех и каждого. Другая половина земли предназначается для образования частной собственности, для доставления изобилия». Из первой части каждый гражданин мог получить свой надел, но не в собственность, а в пользование; эта земля не могла продаваться и покупаться. Вторую половину земли государство могло продавать в частную собственность или сдавать в аренду. Каждый гражданин имел право дополнительно к полагающемуся ему наделу купить из этого земельного фонда любое количество земли и имел право делать с ней, что ему угодно. При таком праве крупное землевладение могло вырасти снова. Но это было бы уже не сословное дворянское землевладение, а землевладение буржуазное.

Пестель провозглашал буржуазный принцип неприкосновенности частной собственности и личную свободу как важнейшие права каждого гражданина, охранять которые «священная обязанность каждого правительства».

«Русская правда» устанавливала демократическую республику. Она провозглашала всеобщее и равное избирательное право и уничтожала какой бы то ни было имущественный ценз. Политические права предоставлялись всем мужчинам, достигшим двадцатилетнего возраста. Высшим законодательным органом в государстве должно было быть Народное вече. Депутаты веча избирались на пять лет. Ежегодно должна была переизбираться одна пятая часть

депутатов. Все законы и вопросы войны и мира подлежали исключительно ведению Народного веча.

Исполнительная власть вручалась державной думе из пяти членов, избранных Народным вечем. Кроме того, должен был быть создан Верховный собор, которому поручалась «власть блюстительная» — контроль за правильностью постановлений, принимаемых органами власти. Пестель стоял за единое централизованное государство, решительно выступая против федеративного принципа, считая, что его проведение приведет к ослаблению России.

Высказываясь за строгую централизацию, Пестель был против самоопределения национальностей. Только за Польшей он признавал право на самостоятельное существование. Остальные народы должны были, по его мнению, влиться в единую русскую национальность.

Устанавливая вместо самодержавия демократическую республику, Пестель говорил, что царь и его семья должны быть уничтожены, иначе возможен возврат к старому. Вместе с тем Пестель стремился избежать возможных междоусобий при введении нового правления. Для этого он и предлагал создать временное правление сроком на десять лет, облачив его диктаторской властью. Оно должно было подавить сопротивление сторонников старого устройства и облегчить переход к новому порядку.

Таким образом, «Русская правда» Пестеля подробно определяла все стороны будущего общественного и государственного устройства России. Она была первой республиканской конституцией, разработанной в нашей стране.

В отличие от Южного общества Северное стояло на более умеренных позициях. Для его взглядов характерен «любопытный разговор», составленный Никитой Муравьевым в вопросах и ответах. В числе их были такие: «Вопрос: Что такое государь самодержавный? Ответ: Государь самодержавный, или Самовластный, тот, который сам по себе держит землю, не признает власти рассудка, законов божиих и человеческих; сам от себя, т. е. без причины, по прихоти своей властвует». «Вопрос: Кто же установил Государей Самовластных? Ответ: Никто. Отцы наши говорили: «поищем себе князя, который бы рядил по праву, а не по самовластию, своевольству и прихотям. Но государи мало-помалу всяким обманом присвоили себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и Султану турецкому...». В далеком прошлом России Муравьев видел идеал политической свободы. Вечевое устройство есть, по его мнению, образец для настоящего.

В 1821—1823 гг. Никита Муравьев разработал проект конституции, который выражал мнения значительной части Северного общества. По сравнению с «Русской правдой» конституция Муравьева имела более умеренный характер и носила отпечаток большой дворянской ограниченности.

Муравьев выступал за конституционную монархию. Во вступлении к первому варианту его конституции говорилось: «Опыт всех

народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ... Нельзя допустить основанием правительства — произвол одного человека — невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, все обязанности на другой». Конституция Муравьева гласила: «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя». Император всероссийский, по конституции Муравьева, есть верховный чиновник Российского государства. Конституция Муравьева отменяла сословное деление. Жители России объявлялись гражданами, причем устанавливались равенство всех граждан перед законом и свобода печати. Устанавливался суд присяжных. Право собственности на вещи объявлялось священным и неприкосновенным. Но избирательные права предоставлялись не всем гражданам, а только тем, кто располагал определенным имущественным цензом, причем преимущества давались тем, кто обладал недвижимой собственностью.

Верховным законодательным органом, по проекту Муравьева, должно было явиться Народное вече, состоящее из двух палат: верховной думы и палаты народных представителей. Чтобы быть членом верховной думы, нужно было иметь недвижимое имущество на 30 тыс. рублей или движимое на 60 тысяч. Народному вечу конституция Никиты Муравьева предоставляла очень большие права: издавать гражданское, уголовное, торговое и военное уложения, объявлять войну, заключать займы, регулировать народное хозяйство, обнародовать законы об амнистии, а в случае болезни или смерти императора объявлять регентство или провозглашать наследника императором. Император не мог отклонить законопроект, принятый на вече, а мог лишь вернуть его для вторичного обсуждения.

По проекту Муравьева, император «соединяет в особе своей всю исполнительную власть». Он — верховный начальник вооруженных сил. Однако назначение высших государственных чиновников, верховных судей и руководителей армии должно было производиться императором совместно с верховной думой. Использовать войска внутри России для подавления возмущений он мог лишь с согласия Народного веча. Император ведет переговоры с иностранными державами, но заключение договоров с ними должно происходить с согласия верховной думы.

В отличие от централизованного государства, предлагаемого «Русской правдой», проект Муравьева объявлял Россию федерацией. Страна делилась на 15 держав, каждая из которых имела свое управление во главе с державной думой и правителем.

Конституция Муравьева отменяла крепостное право. «Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся к земле Русской, становится свободным», — говорилось в ней. Однако земля признавалась помещичьей собственностью. Освобождение крестьян Муравьев вначале мыслил провести вовсе без земли и

только в последнем варианте своей конституции проектировал наделение крестьян очень небольшими земельными наделами — кроме приусадебной земли, по две десятины пахотной земли на двор. Такой, как называли, кошачий надел не создавал широких возможностей для капиталистического развития. Получив землю в таких мизерных размерах, крестьянин попал бы в тяжелую полукрепостническую кабалу к помещику.

Конституция Никиты Муравьева имела существенные недостатки и с точки зрения последовательного буржуазного демократизма была намного ниже «Русской правды» Пестеля, но и она имела прогрессивный буржуазный характер. Конституция Н. Муравьева была написана под прямым воздействием буржуазных конституций, в частности конституции Северо-Американских Соединенных Штатов.

Она провозглашала идею народного суверенитета и отменяла крепостное право, предоставляла широкие права представительному собранию, превращала императора в наследственного чиновника государства, создавала выборные судебные органы, ограждала права личности, провозглашала свободу печати, вероисповеданий и пр. Проведение такой конституции означало бы шаг вперед в буржуазном развитии страны.

Если между отдельными декабристами были большие разногласия по вопросам программы, то по вопросам тактики у них было больше единомыслия.

Выйдя из среды дворян, декабристы были далеки от народа. Они сочувствовали революционному движению на Западе, но они хотели избежать массовой, народной революции. Действуя в интересах народа, они представляли народ как несознательную бунтующую толпу. Декабристы заявляли, что надо опасаться «междоусобий и всех ужасов народной революции». «Не должен ли я, напротив, опасаться, что один раз, войдя уже в толпу мятежников, я при случае сделался бы истинным исчадием ада, каким-нибудь Робеспьером или Маратом?» — говорил Трубецкой. То же заявлял и П. Пестель: «Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, заставляли меня искать средств к избежанию подобных».

Декабристы не были сторонниками дворцового переворота. Они понимали, что небольшая кучка заговорщиков, без какого бы то ни было участия народа, не сможет произвести революцию. Но декабристы хотели, чтобы народ не выступал в революции как самостоятельная сила. Декабристам было чуждо правильное понимание роли массы и личностей. Масса была для них лишь средством, орудием в руках отдельных личностей, которые только и знают, в каком направлении должно произойти переустройство общества. Самостоятельное выступление масс, их инициатива, их активность могут лишь отклонить ход революции в нежелательную сторону.

Декабристы хотели использовать для своих целей крестьян,

одетых в солдатские шинели. Они были люди военные, и эта часть народа была ближе всего к ним. Декабристы горячо приветствовали испанскую революцию, совершившуюся прежде всего при помощи войска. Ход этой революции оказал решающее влияние на их тактические взгляды. В марте 1820 г. Н. Тургенев писал в своем дневнике: «Вчера получили здесь известие, что король гиспанский объявил конституцию кортесов... Слава тебе, славная армия гиспанская! Слава гиспанскому народу! Во второй раз Гиспания доказывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству». Руководители испанской революции — Риего и Квирога — стали популярными людьми в тогдашней России. Декабрист Беляев, побывав в Гибралтаре, с воодушевлением слушал марш Риего и поднимал бокал в честь Риего. Беляев говорил: «Революция в Испании с Риего во главе, исторгнувшая прежнюю конституцию у Фердинанда, приводила в восторг таких горячих энтузиастов, какими были мы».

Декабристы стояли за революцию наподобие испанской. «Наша революция будет подобна революции испанской, она не будет стоить ни единой капли крови, ибо произведется одной армией, без участия народа, — так говорил Бестужев-Рюмин, и это заявление было характерным для декабристов. Принятию испанской тактики декабристами способствовало и возмущение Семеновского полка в октябре 1820 года. Многие считали, что теперь, после волнения в Семеновском полку, ясно, что русская гвардия может сыграть ту же роль, как и испанская армия, если возмущение солдат направить в определенное русло.

Чтобы подчинить движение солдат своим планам, декабристы не считали нужным вести особую работу среди них, вовлекать их в заговор. Солдаты были дисциплинированы и слепо верили своим начальникам. Декабристы надеялись, что в момент решительных действий солдаты без рассуждения пойдут за ними, — поэтому они хотели привлечь в общество таких командиров, которые имеют под начальством большие массы солдат.

Некоторые декабристы стремились использовать в своих целях религию. С. Муравьев-Апостол говорил: «...лучший способ действовать на русских солдат религиею; что в них должно возбудить фанатизм, и чтение библии может внушить им ненависть к правительству». Муравьев имел в виду и пример Испании, где духовенство направляло религиозное чувство на борьбу с войсками Наполеона, изображая его как порождение дьявола и выпуская по этому поводу агитационные катехизисы. В проекте воззвания к народу, составленном Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, говорилось: «Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе. Никаких злодейств учинено не будет... Итак, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умоляет всевышнего о скорейшем совершении святого дела нашего».

И северяне и южане мыслили начать действия в Петербурге,

где сосредоточены все власти. Как показывал Пестель, «в Петербурге могло бы оное произойти восстанием гвардии, а также и флота, отправлением особ императорской фамилии в чужие края... созванием Сената, дабы через него обнародовать новый порядок вещей, поручением временному управлению оный ввести или созванием через Сенат же народных депутатов утвердить конституцию».

Вот почему Южное общество стремилось во что бы то ни стало добиться совместных действий с северянами. Однако из этого ничего не получалось. Попытка Пестеля весной 1824 г. объединить действия обоих обществ, установить общую директорию и добиться принятия северянами «Русской правды» не удалась. Но приезд Пестеля в Петербург не прошел бесследно в жизни Северного общества. Северное общество вовсе не было таким однородным, как это иногда изображают. Далеко не все северяне были безоговорочно за конституцию Никиты Муравьева. Со времени приезда Пестеля в Петербург установилась связь между ним и одним из руководителей Северного общества — Евгением Оболенским. Оболенский явно сочувствовал Пестелю, сообщал ему о ходе работы общества в Петербурге и просил выслать «Русскую правду».

С конца 1824 г. революционные настроения в Северном обществе усилились. Трубецкой почти год — с осени 1824 г. до осени 1825 г. — находился в Киеве, Н. Тургенев уехал за границу, Н. Муравьев — в деревню. А в это время в работе общества царило большое оживление. Число членов общества увеличилось. Управление обществом перешло в руки членов, которые, как говорил Трубецкой, «имели менее опытности и, будучи моложе, увлекались иногда своей горячностью».

В этот период особенно возросла роль Кондратия Рылеева. Осенью 1823 г. 24 лет Рылеев вступил в Северное общество и с жаром отдался революционной деятельности.

Рылеев стал душой Северного общества. Вскоре в него вступило еще много молодежи. Это были три брата Бестужевых — Александр, Николай и Михаил, кн. Одоевский, Кюхельбекер, Каховский и другие.

Эта пылкая молодежь готова была пожертвовать жизнью за осуществление своей возвышенной, хотя и несколько туманной цели. Недаром Рылеев в поэме «Наливайко» писал:

«Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа.
Судьба меня уж обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю».

«Знаешь ли ты, какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобой? Ты как будто хочешь указать на будущий свой жребий», — говорил по поводу этих стихов Михаил Бестужев. — «Неужели ты думаешь, — ответил ему Рылеев, — что я сомневался хоть минуту в своем назначении? Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели,

которой мы должны купить первую попытку свободы России, и вместе с тем необходимости примера для пробуждения спящих россиян».

Весной 1825 г. в среде Рылеева и его товарищей уже определенно высказывались за демократическую республику и истребление царской фамилии, причем многие, ссылаясь на поведение испанского короля, доказывали необходимость более крайних мер относительно монархов. Рылеев расширял общество за счет радикально настроенных элементов. Он завязал связи с флотом, ему удалось вовлечь в общество офицеров гвардейского экипажа. «Все мы, — пишет офицер Беляев, — мечтали о республике, все представляли себе это золотое время народных собраний, где царствует пламенная любовь к отечеству, свободе, ничем и никем не ограниченная, кроме закона, — полное благосостояние народов».

Общество соединенных славян

Особое место в движении декабристов занимает третье общество — Общество соединенных славян. Оно организовалось в 1823 г. на Украине, в Новгород-Волынском. Социальный состав этого общества отличался от Северного и Южного. Это были обедневшие дворяне, которые фактически уже не имели ни земли, ни крестьян. Среди них были русские, украинцы, поляки. Инициаторами общества являлись два брата — Андрей и Петр Борисовы и польский революционер Юлиан Люблинский. Люблинский говорил, что «лучше будет искоренить ненависть, каковою пылаем друг к другу, что через соединение областей Славянских посредством Катехизиса или правил (возможно), ибо мы все есть славяне и из одного племени происходим». И эта мысль встречала большую поддержку.

У инициаторов общества возникла мысль о единстве всех славянских народов и создании свободного государства славян. «Соединить вместе все славянские поколения и сделать оные свободными показалось мне предприятием блистательным, ибо я думал через то доставить счастие не только моим соотечественникам, но даже и другим народам», — говорил Петр Борисов.

Члены Общества соединенных славян не успели оформить свои взгляды в определенную программу, но сохранившиеся документы и воспоминания дают представление о их мировоззрении. Член общества И. Горбачевский, оставивший наиболее интересные воспоминания о его деятельности, так определял основную задачу Общества соединенных славян: «Общество имело главной целью освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностью определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных

законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений».

По мысли Общества, каждое славянское племя должно быть освобождено от самовластья. Оно само должно было установить свою форму правления, законодательство и пр. и составить самостоятельное государство. Но каждое такое славянское государство должно было входить в федеративную славянскую свободную республику. Эта славянская федерация раскинулась бы между Черным Балтийским, Адриатическим морями и Ледовитым океаном. На этих морях должен был быть построен мощный славянский флот. Здесь должны были развиться промышленность и торговля. В центре государства предполагалось воздвигнуть столицу федерации, куда бы славянские народы посылали своих депутатов.

Соединенные славяне были решительными противниками угнетения: они требовали уничтожения сословного неравенства и крепостного права; они хотели сделать народ свободным. В правилах Общества было сказано: «Не желай иметь раба, когда сам рабом быть не хочешь». «Причинами, побудившими нас к делу, — отмечал А. Борисов, — было угнетение народа».

Член Общества соединенных славян Андреевич говорил: «Стоны жен, вопли детей, плач вдов, мужей военных, забытые сироты, беспрестанно попадающиеся нищие, слепые и измученные, разорение в деревнях крестьян — не есть ли доказательство, что отечество забыто и что скрывается какой-то тайный отечественный враг, который все упомянутые несчастья посылает для пагубы современников». Впоследствии перед лицом суда Андреевич добавлял: «Для меня, собственно, нет счастья, но в счастье народа был бы и я счастлив».

Соединенные славяне стояли за новую форму политического устройства общества — за демократическую республику. Члены Общества соединенных славян впоследствии показывали, что целью Общества было «уничтожение существующей власти и введение народного образа правления».

Общество требовало от своих членов посвящать все мысли и действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать жизнью для достижения поставленных целей. Сохранилась клятва, которая давалась при вступлении в Общество. В ней говорилось: «Вступая в число Соединенных славян для избавления себя от тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому, я торжественно присягаю на сем оружии на взаимную любовь, что для меня есть божество и от чего я ожидаю исполнения всех моих желаний... Клянусь, что уста мои только тогда откроют название сего союза перед человеком, когда он докажет несомненное желание быть участником оного. Клянусь до последней капли крови, до последнего вздоха, вспомоществовать вам, друзья мои, от этой святой для меня минуты... С мечом в руках достигну цели, нами назначенной. Пройду тысячу смертей,

тысячу препятствий, пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян». Славяне надеялись добиться своих целей вооруженным путем и давали клятву на оружии. Горбачевский писал: «Мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, а кровью, была вкоренена в сердцах наших, и слова знаменитого республиканца, сказавшего: «обнаживши меч против своего государя, должно отбросить ножны как можно далее», долженствовали служить руководством их будущего поведения».

Общество соединенных славян не отгораживало себя от народа, как это делали южане и северяне. Многие члены Общества считали, что никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия всего народа. Соединенные славяне ставили перед собой задачу вести пропаганду среди крестьян, «внушать крестьянам необходимость познания правды», «возбудить в них желание свободы». Соединенные славяне вели некоторую работу среди солдат. Их революционная агитация находила отклик; некоторые солдаты-семеновцы, раскассированные по другим частям, вступили в члены Общества соединенных славян. Это были единственные солдаты-декабристы. Солдаты, члены Общества, вели работу среди своих товарищей. Они говорили им, что крепостное право, от которого страдают их семьи, должно быть отменено, что солдаты есть «основание страны»», что на них держится крепость государства. Под руководством членов Общества — офицера Кузьмина, юнкера Шеколлы и солдата Анойченко — произошел бунт в Первой гренадерской роте Саратовского полка.

Члены Общества соединенных славян не были удовлетворены проделанной работой и стремились быстрее приступить к практической революционной деятельности. В начале 1825 г. возник вопрос о реорганизации Общества. Но именно в этот момент произошло событие, которое определило всю его дальнейшую судьбу. Члены Южного общества Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин узнали о существовании Общества соединенных славян и предложили славянам присоединиться к ним. Бестужев-Рюмин на собрании членов Общества соединенных славян нарисовал картину огромного влияния, которым уже пользуется Южное общество во всей стране. Он назвал многих членов Южного общества — генералов и офицеров разных воинских частей.

Часть членов Общества соединенных славян возражала против присоединения к Южному обществу. Петр Борисов и его сторонники считали невозможным слить общества, так как это нарушило бы обязательство, взятое на себя славянами, — посвятить всю свою жизнь освобождению славянских племен, искоренению существующей между некоторыми из них вражды и водворению братства и равенства. Но Бестужев-Рюмин доказывал, что преобразование России откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию, что, освободившись от тиранства, Россия будет открыто способствовать освобождению Польши, Богемии, Моравии и других славянских земель, учреждению в них свободного правле-

ния и соединению всех их в федеративный союз. «Таким образом, — говорил Бестужев-Рюмин славянам, — наше соединение не только не удалит нас от цели, но, напротив того, приблизит к оной». Несмотря на возражения Борисова доводы Бестужева-Рюмина взяли верх. Славяне поверили в силу Южного общества и возможность с его помощью добиться скорого освобождения отечества и других славянских стран. И после ряда совещаний присоединение состоялось.

Это произошло 13 сентября 1825 г. на общем собрании Общества соединенных славян. Огромный подъем охватил всех присутствующих. Горбачевский рассказывает, что «Бестужев-Рюмин говорил о предстоящем успехе, о счастии пожертвовать собою для блага своих сограждан, и после сего каждый хотел произнести немедленно требуемую клятву; все с жаром клялись при первом знаке явиться в назначенное место с оружием в руках, употребить все способы для увлечения своих подчиненных, действовать с преданностью и самозабвением. Бестужев-Рюмин, сняв образ, висевший на его груди, поцеловал оный пламенно, призывая на помощь провидение; с величайшим чувством произнес клятву умереть за свободу и передал оный славянам, близ него стоявшим. Невозможно изобразить сей торжественной, трогательной и вместе странной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных и неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные, страшные клятвы смешивались с криками:

— Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да гибнет различие сословий! Да гибнет дворянство вместе с царским саном!..

Образ переходил из рук в руки. Славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга со слезами на глазах, радовались, как дети. Видя энтузиазм славян, готовых итти на смерть ради достижения принятой цели, Бестужев-Рюмин сказал: «Вы напрасно думаете, что славная смерть есть единственная цель вашей жизни; отечество всегда признательно; оно щедро награждает верных своих сынов». Но на эти слова со всех сторон раздались голоса протеста: «Не для наград, не для приобретения почестей хотим освободить Россию. Сражаться до последней капли крови: вот наша награда!».

Бестужев-Рюмин указывал на этом собрании на задачи Общества. «Теперь настало время освобождения народов от угнетающего их рабства, — говорил он, — и неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечественной, русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении отечества, счастливое преобразование коего зависит от любви нашей к свободе?.. Взгляните на народ, как он угнетен! Торговля упала. Промышленности почти нет. Бедность до того доходит, что нечем платить не только подати, но и даже

недоимки. Войско все ропщет». Бестужев-Рюмин заявлял, что Общество скоро освободит Россию, а может быть, и Европу. «Порывы всех народов удерживает русская армия. Коль скоро она провозгласит свободу, все народы восторжествуют. Великое дело совершится и нас провозгласят героями века».

Слияние Обществ не могло, однако, ликвидировать разногласия. Многие славяне попрежнему не соглашались на чисто военный переворот. Петр Борисов возражал Бестужеву-Рюмину: «По вашим словам, для избежания кровопролития и удержания порядка народ будет вовсе устранен от участия в перевороте; революция будет совершенно военная, одни военные люди произведут и утвердят ее. Кто же назначит членов временного правления? Ужели одни военные люди примут в этом участие? По какому праву, с чьего согласия и одобрения будет оно управлять 10 лет целою Россией?». Эти вопросы Борисова оставались без ответа.

Зато на вопрос о том, когда состоится выступление против самодержавия, которого соединенные славяне так ждали и ради которого они объединились с южанами, Бестужев-Рюмин дал вполне определенный ответ: «Будущего 1826 г. в августе месяце император будет смотреть 3-й корпус, и в это время решится судьба деспотизма, тогда ненавистный тиран падет под нашими ударами. Мы поднимем знамя свободы и пойдем на Москву, провозглашая конституцию». И действительно, такой план имелся. Александра I предполагалось захватить в Белой Церкви, куда он должен был приехать в связи с маневрами. После устранения Александра I 3-й корпус должен был занять Киев и Москву, а Северное общество — Петербург.

Однако этим планам не суждено было осуществиться. В Южное общество пробрались провокаторы. 13 декабря 1825 г. по доносу капитана Вятского пехотного полка был арестован П. И. Пестель, а через день — 14 декабря 1825 г. — в Петербурге произошло восстание декабристов.

Новые события изменили старые планы и заставили декабристов выступить тогда, когда они не были подготовлены для решительного боя.

Восстание декабристов

19 ноября 1825 г. в Таганроге неожиданно скончался Александр I. Наследником престола считался старший брат Александра — Константин Павлович, и первое время все присягнули ему. Уже появились портреты и монеты с изображением нового императора Константина I. Однако, как оказалось, Константин еще при жизни Александра I отрекся от престола, и умершему императору должен был наследовать следующий его брат — Николай Павлович. Константин, командовавший польской армией, находился в эти дни в Варшаве. В то время как в Петербурге присягали Констан-

тину, сам он отказывался признать себя императором и приехать в Петербург не желал. Вскоре было официально объявлено об отречении Константина и о вступлении на престол Николая. В связи с этим была назначена переприсяга.

Дни «междуцарствия» вызвали брожение. Ходили слухи о жестоком обращении с солдатами будущего императора Николая, о том, что покойный царь оставил грамоту, по которой убавлялся срок солдатской службы, но что эту грамоту хотят от народа скрыть. «Междуцарствием» и решили воспользоваться декабристы. Обстановка сложилась такая, что именно Северное общество должно было взять на себя инициативу действий. На квартире Рылеева шли совещания членов Северного общества, на которых разрабатывались планы действий. Было решено помешать присяге под предлогом требования воцарения Константина, вывести солдат к зданию Сената и, опираясь на них, заставить Сенат объявить о созыве собрания народных представителей, которое и должно было бы решить вопрос о форме правления в России. Все расчеты строились на нежелании солдат присягать Николаю.

В качестве предводителя выступления «северяне» избрали Трубецкого. Нужно имя и высокий чин, говорили члены Северного общества. Каждый из них был чином не выше ротного командира, а Трубецкой был полковником. В бумагах Трубецкого был найден проект манифеста, который, видимо, хотели огласить декабристы от имени Сената. В этом проекте объявлялось: уничтожение царского правления, учреждение временного правления, вплоть до созыва Народного собрания, уничтожение цензуры, крепостного права и военных поселений, равенство сословий перед законом, убавление срока военной службы.

Идя на восстание, декабристы знали, что дело может кончиться разгромом. «Да, мало видов на успех, — говорил Рылеев, — но все-таки надо, все-таки надо начать, начало и пример принесут пользу». «Мы умрем, но умрем со славой!» — воскликнул Одоевский. 12 декабря Рылеев узнал о предательстве офицера Ростовцева. «Что теперь делать?» — спросил он у Бестужева. — «Не сообщать никому этой новости, — ответил Бестужев, — и действовать немедленно. Лучше быть арестованным на площади, чем в постели. Будут знать, по крайней мере, чего мы хотим и за что гибнем». — «Что делать, если мало выйдет войска, — рота или две? Зачем итти вам или других вести на верную гибель?» — спрашивал Трубецкой, но Рылеев ответил: «Если придет хоть 50 человек, я становлюсь в ряды с ними». Кто-то сказал при этом изречение Риеги: «Ножны изломаны, и сабли спрятать нельзя».

Ряд показаний говорил за то, что декабристы предполагали убить Николая и роль цареубийцы пала на Каховского. Расставаясь накануне решающего дня, Рылеев подошел к Каховскому, обнял его и сказал: «Любезный друг, ты сир на сей земле; ты должен собою жертвовать для общества; убей завтра императора». После Рылеева Каховского обняли Бестужев, Пущин и Оболенский.

И вот наступило сумрачное петербургское утро 14 декабря 1825 г. — день новой присяги. Утром 14 декабря в Зимнем дворце царило оживление. Шла присяга новому императору. Уже успел присягнуть Сенат. Из различных частей непрерывно присылали гонцов с донесением о присяге. Но в 10 часов утра на Сенатской площади неожиданно раздался барабанный бой и крики «ура». Колонны лейб-гвардии Московского полка, возглавляемые Михаилом Бестужевым и Щепиным-Ростовским, вышли на площадь и построились в каре. К ним присоединились часть Гренадерского полка и гвардейский морской экипаж. Это были те войска, которые декабристы согласно своему плану вывели на площадь. Они насчитывали более 3 тыс. человек. «Ура, Константин! Ура, конституция!» — раздавалось в их рядах.

Выступление декабристов привлекло на площадь большое количество народа. Тут же были рабочие, занятые на строительстве Исаакиевского собора. На крышах зданий сидели любопытные. Собравшийся народ выражал сочувствие декабристам. Был момент, когда, казалось, можно было захватить Зимний дворец вместе с царской семьей и сановниками. Но декабристы надеялись на присоединение новых частей и вместо решительных действий выжидали. Декабристы не проявили необходимой инициативы. Трубецкой, назначенный руководителем восстания, на площадь не явился, а скрывался в этот день на квартире и в здании Главного штаба. Не явились и два его помощника — Булатов и Якубович.

Н. Бестужев писал впоследствии: «Мы были окружены со всех сторон: бездействие поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто в начатом поприще раз остановился, уже побежден вполовину. Сверх того, пронзительный ветер леденил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте». На площади Н. Бестужев подошел к Рылееву, тот обнял его и сказал: «Предсказание наше сбывается. Последние минуты наши близки, но это минуты нашей свободы. Мы дышали ею, и я охотно отдаю за них жизнь свою».

Николай не сразу воспользовался нерешительностью восставших. В правительственном лагере царила растерянность. Сначала хотели убедить декабристов разойтись. К восставшим ездил брат царя Михаил Павлович. В полном церковном облачении явились два митрополита, но все это кончилось неудачей: каре оставалось непоколебимым, а один из «уговаривавших» — петербургский генерал-губернатор граф Милорадович — был убит декабристом Каховским. Отказываясь разойтись, декабристы вместе с тем не предпринимали никаких решительных действий. Раздавались только отдельные выстрелы, да кроме того, собравшийся народ бросал камни и поленья в императора и его свиту. Николай опасался, что восстание может охватить более широкие слои и заразить народные массы.

Наступили сумерки. Николай приступил к действиям. В своих «Записках» он писал: «Выехав на площадь, желал я осмотреть, не

будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития. В это время сделали по мне залп, пули просвистели мне через голову и к счастью никого из нас не ранили; рабочие Исаакиевского собора из-за забора начали кидать в нас поленами; надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска стали бы в самом трудном положении». Своему спутнику, принцу Вюртембергскому, Николай I впоследствии сказал: «Самое удивительное в этой истории то, что нас с тобой тогда не пристрелили».

Николай сначала попытался использовать в борьбе с восставшими кавалерию. Всадники гвардейской кавалерии поскакали вперед, но были встречены выстрелами и вынуждены были отступить. Тогда был отдан приказ пустить в ход картечь. Солдат, зажегший фитиль, не вложил его в пушку. «Свои, ваше благородие», — ответил он подбежавшему офицеру. Офицер выхватил у него запал и сам произвел выстрел. Затем последовал второй, третий. Ряды восставших дрогнули. Среди солдат и народа пали убитые и раненые. Солдаты бежали от ураганного огня, но картечь догоняла их всюду. На близком расстоянии она производила ужасные опустошения. Н. Бестужев писал: «Картечь догоняла лучше, нежели лошади, и составленный нами взвод рассеялся. Мертвые тела солдат и народа валились и валились на каждом шагу; солдаты забегали в дома, стучались в ворота, старались спрятаться между выступами цоколей, но картечь прыгала от стен в стены и не щадила ни одного закоулка». Часть солдат кинулась к Неве, чтобы перебежать через реку. Но снаряды падали на лед, и он трескался. Михаил Бестужев пытался на льду Невы остановить бегущих солдат и построить в боевую колонну, но это не удалось.

К вечеру все стихло, восстание было подавлено. На площади спешно замывали кровь. Царский чиновник М. Попов рассказывает: «Тотчас по прекращении стрельбы новый государь приказал обер-полицмейстеру Шульгину, чтобы трупы были убраны к утру. Шульгин распоряжался бесчеловечно. В ночь по Неве, от Исаакиевского моста до Академии художеств и дальше, к стороне Васильевского острова, сделано было множество прорубей, величиною как только можно опустить человека, и в эти проруби к утру опустили не только все трупы, но (ужасное дело!) и раненых, которые не могли уйти от этой кровавой ловли. Другие, ушедшие, таили свои раны, боясь открыть их медикам и правительству, и умирали, не получив помощи. От этого-то в Петербурге почти не оставалось в живых никого из тех, которые были ранены 14 декабря».

Вслед за событиями в Петербурге произошли события на юге. В декабре 1825 г. здесь восстал Черниговский полк. Во главе этого восстания стал командир полка Сергей Муравьев-Апостол. Душой восстания была группа офицеров-членов Общества соединенных славян. 26 декабря они узнали о восстании декабристов на Сенатской площади. Несмотря на поражение «северян», офицеры—

члены Общества Сухинов, Кузьмин и другие решили, что настал момент немедленных действий. Командир полка Сергей Муравьев-Апостол был уже арестован царскими властями. Но его удалось освободить, и он возглавил восстание.

Восстание начала 29 декабря рота Черниговского полка, стоявшая в местечке Трилесы. В тот же день она соединилась с двумя другими ротами. Утром 30 декабря Муравьев-Апостол вступил в город Васильков, где к восставшим присоединились остальные роты. 31 декабря жители Василькова явились свидетелями необычайной картины. На площади были построены роты Черниговского полка. Муравьев-Апостол подъехал верхом к фронту и скомандовал; нижние чины составили круг, а полковой священник с дьячками прочел молитву и провозгласил православный катехизис, составленный Муравьевым-Апостолом. В катехизисе Муравьева-Апостола говорилось, что цари похитили свободу. Святой апостол Павел говорит: «Ценой крови куплены есте, не будете рабы человекам». С законом божиим сходно правление, где нет царей. Бог создал всех нас равными. Катехизис призывал «ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России».

Дав присягу, Черниговский полк пошел в поход. В самом начале восстания Черниговского полка столкнулись две тактики в проведении восстания. Группа офицеров, членов Общества соединенных славян, требовала быстрых и решительных действий и предлагала немедленно итти на Киев, где восстание могло встретить сочувствие. Муравьев-Апостол, как и члены Северного общества на Сенатской площади, решительных действий не предпринимал, выжидал, пока к нему присоединятся другие части, и кружил со своим полком в небольшом районе.

Сочувствие крестьян в тех местах, через которые проходили декабристы, было на стороне восставших. Среди крестьян распространился слух об отмене крепостного права. Крестьяне с радостью принимали солдат на постой и снабжали их всем необходимым, «видя в них не постояльцев, а защитников». Когда крестьянам было сказано, что восставшие хотят добиться воли, они сказали Муравьеву-Апостолу: «Да поможет тебе бог, добрый наш полковник, избавитель наш». Но это настроение крестьян использовано не было. Нерешительная, выжидательная тактика способствовала поражению восстания. Попытки членов Общества соединенных славян — Борисова, Андреевича — поднять восстание в других частях не увенчались успехом.

3 января 1826 г. отряд генерала Гейсмана окружил восставших. Произошла первая и последняя битва. Соединенные славяне были разгромлены. Многие из них были убиты, а Сергей Муравьев-Апостол был тяжело ранен в голову. Несмотря на поражение восстание Черниговского полка сыграло большую роль. Оно имело большое влияние на дальнейшее развитие революционного движения. В 1826—1827 гг. как раз в районе действия Черниговского полка произошли крестьянские волнения.

Вслед за подавлением восстания началась кровавая расправа с декабристами. Новый русский царь Николай I, начав свою деятельность с расстрела, теперь выступил в роли тюремщика и палача. Коменданту Петропавловской крепости Сукину Николай писал записки с указанием, как содержать заключенного: «содержать хорошо», «содержать строго, но хорошо», «строжайше наблюдать», «содержать наистрожайше» и т. д. Всех сколько-нибудь крупных участников заговора Николай I допрашивал лично у себя в Зимнем дворце. Стремясь добиться откровенных показаний, он действовал всеми средствами: взывал к дворянскому достоинству арестованных, обещал смягчить участь в случае откровенных показаний, угрожал немедленной расправой.

Николай, как актер, при допросе каждого обвиняемого надевал особую маску. Он представлялся то грозным самодержцем, то гражданином государства, то сторонником конституции и чуть ли не единомышленником декабристов. В основе всех этих превращений лежало одно — страх за собственное существование и стремление выведать все тайны заговора, чтобы успокоиться. Вот какой разговор был между Николаем и арестованным декабристом Якушкиным: «Вы нарушили вашу присягу?» — «Виноват, государь». — «Что вас ожидает на том свете? Проклятие... если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы с вами обращались, как с свиньей, то вы должны во всем признаться». — «Я дал слово не называть никого; все же, что знал про себя, я уже сказал его превосходительству», — ответил Якушкин, указывая на Левашева. «Что мне с его превосходительством и вашим мерзким честным словом!» — «Назвать, государь, я никого не могу». Новый император отскочил на три шага назад, протянул в направлении Якушкина руку и сказал: «Заковать его так, чтобы он пошевелиться не мог».

Оторванные от народа, подавленные крахом всех своих надежд, в обстановке пыток и угроз многие декабристы каялись перед русским императором. Но было много и таких, которые вопреки всему стойко держали себя перед лицом коронованного палача, его судей и следователей, не выдавая товарищей и отказываясь признать себя виновными.

Особенно частым допросам подвергался Пестель, но царским следователям не удалось сломить его дух. Протоиерей Казанского собора Мысловский отмечал: «Никто из подсудимых не был спрашиван в комиссии более его, никто не выдержал столько очных ставок, как опять он же; всегда и везде был равен себе самому. Ничто не колебало твердость его. Казалось, он один готов был на раменах вынести тяжесть двух альпийских гор». Незадолго до казни Пестель писал родителям из крепости: «Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно люблю отечество, и я желал его счастья с энтузиазмом молодости».

Судебный процесс декабристов длился шесть месяцев и проходил в строгой тайне. Декабристов разбили на 12 разрядов, каждому из которых была присуждена определенная степень наказа-

ния. 5 человек «вне разрядов» были присуждены к четвертованию, и только потом четвертование было им заменено повешением. Это были Пестель, С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев и Каховский. Николай I лично разработал все подробности их казни.

На рассвете 13 июля 1826 г. заключенных декабристов разбудили. Все они были очень бледны и усталы. Но у ворот крепости произошла трогательная встреча декабристов друг с другом. Лица ожили, начались рукопожатия. Затем заключенных вывели на площадь перед крепостью. Гвардейские войска опоясывали ее, а на площади вырисовывались виселицы, и пять веревок качались на них. На деревянных подмостках расхаживали палачи. Декабристов поставили в небольшое каре, приказали снять эполеты, ордена, мундиры и стали бросать все это в костер. Раздалась команда «встать на колени!», и над головой каждого стали ломать надпиленные шпаги. Затем декабристов снова развели по казематам, а пять человек подвергли смертной казни.

Прощаясь в последний раз, пять декабристов пожали друг другу руки. На них надели белые рубашки и колпаки на лица и завязали им руки. Затем их поставили на помост и каждому накинули петлю.

Но во время казни веревки оборвались, и трое декабристов упали на помост. Генерал Чернышев, бывший распорядителем казни, велел тотчас же поднять троих упавших и снова повесить.

Остальных декабристов сослали на каторгу, некоторых бессрочно, других на срок от 2 до 30 лет. Многие были разжалованы в рядовые и посланы на Кавказ. Солдат-декабристов прогнали сквозь строй.

Николай и теперь все еще боялся возможных волнений. «Благодарю бога, что все окончилось благополучно, — писал Николай на записке Дибича о совершении казни. — Я советую вам, любезный друг, на сегодня и на завтра возможно более осторожности». Николай писал московскому губернатору: «Уповаю, что бог помог вам хотя другую мою столицу избавить от пагубного зрелища беспорядков, омрачивших 14-го числа торжественное объявление восшествия моего на престол... здесь покуда тихо, но умы неспокойны, а народ напуган и в изумлении, которое, надеюсь, скоро пройдет».

Декабристы мужественно переносили тяжелые годы каторги и ссылки. Вся передовая часть русского общества горячо сочувствовала им. В Сибирь вслед за осужденными отправилось несколько жен декабристов, чтобы вместе с мужьями разделить тяжелую жизнь на каторге. Женам декабристов пришлось испытать огромные трудности на пути в Сибирь. Николай дал специальные указания чинить им всякие препятствия. Но они добились своей цели. Н. Некрасов в поэме «Декабристки» («Русские женщины») ярко изобразил подвиг этих женщин.

Пушкин отправил декабристам свое знаменитое стихотворение «В Сибирь»:

«Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье...

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут».

Декабрист Одоевский ответил Пушкину из Сибири:

«Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя, —
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей, —
И радостно вздохнут народы».

Движение декабристов является важным этапом в истории нашей страны. Пожалуй, ни одному другому вопросу не посвящено такое большое количество мемуаров, публикаций, статей, исследований. Однако буржуазные историки искажали облик декабристов и их место в революционном движении России. Они игнорировали классовую основу движения и приглаживали декабристов под мирных либералов. М. Покровский также давал совершенно ложные оценки движению декабристов. И в этом вопросе вскрылся его антимарксистский, антиисторический подход к событиям прошлого. Покровский разбирал движение декабристов не в свете сложной социально-политической обстановки тогдашней России, а объяснял его лишь чисто экономическим фактом — повышением хлебных цен. Покровский принижал значение движения декабристов, характеризуя его, как движение аристократов, корыстных дворян, связывал его с дворцовыми переворотами.

На самом деле декабристы были прежде всего пламенными патриотами нашей страны. Они страстно любили свою родину и стремились сделать ее свободной. Их восстание было первым открытым революционным выступлением против самодержавия. С этого времени Ленин и намечал периодизацию революционного движения в России. Ленин особенно ценил, что декабристы впервые провозгласили в нашей стране республиканскую идею. Ленин дал замечательно глубокую характеристику декабристам. Он назвал их дворянскими революционерами.

Декабристы были революционерами. Они боролись не за ограничение самодержавия в пользу аристократии, не за дворцовый переворот, не за смену лиц, стоявших у власти. Декабристы выступили за буржуазное развитие нашей страны. Они видели выход из тогдашнего положения России в том пути, по которому уже шел Запад. Они сознавали необходимость коренных экономических и политических преобразований, означавших приход нового, более прогрессивного строя. С оружием в руках декабристы выступили против самодержавия и крепостного права. Это выступление имело и международное значение. Удары, которые наносились русскому царизму — жандарму Европы, — служили делу освобождения народов всех стран.

Но декабристы были дворянскими революционерами. Это наложило отпечаток на все их движение. В большей или меньшей степени дворянская ограниченность характерна для взглядов и действий каждого декабриста. Бывают случаи, когда небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, которому принадлежит будущее. К декабристам это может быть отнесено с оговоркой. Декабристы действительно отреклись от самодержавия и крепостного права и перешли на сторону нового буржуазного общества. Но они сделали это непоследовательно. Борясь объективно за новое буржуазное развитие, декабристы не порвали полностью со старым, не отреклись от своего класса решительно и до конца. Они не связались с народом и не подняли на борьбу крестьянства. Слишком многое связывало декабристов со старым обществом, чтобы они могли пойти на это. Дворянские революционеры не могли стать во главе народной революции. Действуя в интересах народа, они боялись массового народного движения. Стремясь осуществить идеалы Французской буржуазной революции, они отвергали ее методы. Они стояли за «военную революцию». И они потерпели поражение. Ничтожное меньшинство дворян было бессильно без поддержки народа.

Но декабристы сделали свое дело. «Лучшие люди из дворян помогли разбудить народ», — писал Ленин. Декабристы открыли первый период революционного движения — период дворянский. В 1912 г. в статье «Памяти Герцена» Ленин писал:

«Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах» [1].

Связь между этими тремя периодами в революционном движении России несомненна. Как отмечал Герцен, с высоты своих виселиц декабристы разбудили душу нового поколения. Недаром на обложке герценовского журнала «Полярная звезда» были нарисованы силуэты пяти казненных декабристов, а друг Герцена Огарев писал:

«Рылеев был мне первым светом...
Отец по духу мне родной».

---

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 468—469.

Недаром разночинцы Шелгунов и Михайлов писали в своем воззвании «К молодому поколению»: «И поведут вас на великое дело, а если нужно и на славную смерть тени мучеников 14 декабря». Недаром через 75 лет после восстания декабристов на страницах ленинской газеты «Искра» ярким светочем горели слова, написанные декабристами в сибирской ссылке: «Из искры возгорится пламя!». Огарев был прав, когда говорил, обращаясь к декабристам:

«Но вы погибли не напрасно:
Что вы посеяли, взойдет,
Чего желали вы так страстно,
Все, все исполнится, придет.
Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род.
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ».

ЦАРСКАЯ РОССИЯ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Экономическое развитие страны

Вторая четверть XIX в. характеризуется дальнейшим развитием буржуазных отношений в России. Процесс разложения крепостного хозяйства России в это время еще больше усилился. Расширились экономические связи России с другими странами. Если в 1826—1830 гг. ежегодный оборот внешней торговли России равнялся 165 млн. руб., то в 1841—1845 гг. он уже составлял 252 млн. руб. золотом. Россия имела при этом неизменно активный торговый баланс: вывоз превышал ввоз. Она продолжала вывозить за границу преимущественно продукты земледелия и скотоводства. Меньшее значение имел вывоз из России промышленных изделий. В 30-х годах XIX в. он составлял примерно 10 проц. русского экспорта и направлялся главным образом в Азию. Ввозились в Россию прежде всего готовые фабричные изделия.

Внутренняя торговля России не поддавалась такому учету, как торговля внешняя (проходившая через государственную таможню). Точных данных о ней нет. Но, несмотря на значительную разницу в цифрах, которые приводятся различными исследователями, почти все они отмечают, что внутренняя торговля непрерывно росла и превышала внешнюю. По данным А. Семенова, относящимся к 50-м годам XIX в., оборот внутренней торговли России превышал ее внешний товарооборот в 5 раз и достигал 1 млрд. рублей.

Большую роль в развитии экономической связи между отдельными районами страны и во всей внутренней торговле России продолжали играть ярмарки. Число ярмарок, а также их обороты непрерывно увеличивались. Это отражало процесс роста внутреннего рынка. Заграничные товары в оборотах русских ярмарок занимали небольшое место. Даже на такую крупнейшую ярмарку, как Нижегородская, в 1825 г. было привезено заграничных товаров только на 15 млн. руб. серебром, а русских — на 49 миллионов.

Особенно интересные данные имеются о развитии ярмарок на Украине. В начале 50-х годов, по данным И. Аксакова, на украинские ярмарки было привезено товаров на общую сумму в 127 млн. рублей. Из Московской, Владимирской и Костромской губерний сюда доставлялись хлопчатобумажные, шелковые, шерстяные, льняные и суконные товары; из Владимирской, кроме того, — стекло и хрусталь; из Костромской — крестьянский холст, сукна и

игольный товар; из Ярославской — полотна; из Нижегородской — металлические изделия, сундуки, деревянная посуда и пр.; из Тульской — стеклянные и медные изделия и гармонии; из Калужской — писчая бумага, нитки, ленточные товары, чугунные и стеклянные изделия; из Орловской губернии — чугунные изделия, канаты, холст, кожи, шорный товар и т. п.

Торгово-промышленное развитие охватило в первую очередь центральные и западные районы страны. В восточных и южных районах России господство натурального хозяйства сказывалось сильнее.

Развитие внутренней торговли было связано с дальнейшим ростом русской промышленности. По данным Туган-Барановского, рост числа фабрик и заводов в России (не считая царства Польского) выражался в следующих цифрах:

Годы	Число фабрик и заводов	Число рабочих
1826	5 128	206 480
1836	6 332	324 203
1846	8 333	508 607

Таким образом, за 20 лет число фабрик и заводов увеличилось на 3 205, а количество рабочих — на 302 тыс. человек, или в 2½ раза. Вся эта промышленность работала почти исключительно на внутренний рынок. По данным Семенова, в середине XIX в. она производила товаров на сумму в 230 млн. руб. в серебре, из которых только на 7 млн. руб. вывозилось товаров за границу (в Азию).

Рост фабрик и заводов в России в 30—40-х годах XIX в., в отличие от роста петровских мануфактур, знаменовал развитие новой системы общественного производства — капитализма.

В 30—40-х годах начинается применение машин в русской промышленности. Это было началом технического переворота в промышленности, переход от мануфактуры к машинной фабрике. Машинная фабрика — третья стадия развития капитализма в промышленности, на которой только и могло произойти окончательное оформление капиталистических производственных отношений. Машины в первую очередь стали вводиться в различных отраслях текстильной промышленности (бумагопрядильной, ситценабивной и пр.). Стоимость среднегодового привоза машин в Россию (в серебряных рублях) выросла с 36 тыс. руб. в 1826—1830 гг. до 668 тыс. руб. в 1841—1845 гг. В России имелось и собственное производство машин.

Процесс упадка вотчинной и посессионной мануфактуры, явно обозначившийся в первой четверти XIX в., в 30—40-х годах усилился. В условиях развивающихся капиталистических отношений и

появления машинной техники посессионные фабрики были невыгодны для самих владельцев. Они были заинтересованы в переходе к вольнонаемному труду. Купцы Хлебниковы в 1844 г. заявляли в своем прошении: «Как духом времени изменилось фабричное производство, введен на оных механизм, заменяющий ручные работы... то и производство на фабриках работ посессионными людьми не только неудобно, но и наносит постоянные важные убытки, да и самые при них посессионные люди сделались уже излишними и обременительными для владельцев».

Известный путешественник А. Гакстгаузен, посетивший Россию в 40-х годах XIX в., писал: «В настоящее время на большинстве фабрик употребляются не собственные крепостные, но рабочие, добровольно нанимающиеся за определенную плату... Место прежнего дворянства с его многочисленной ленивой дворней заступили теперь фабриканты с неменьшим числом рабочих». Гакстгаузен замечает, что промышленное развитие изменило характер крупных городов. «Москва, — пишет он, — стала центром фабричной деятельности и из дворянского города превратилась в фабричный город. Значительная часть дворянства превратилась в фабричных предпринимателей... Если спросите теперь: «Кому принадлежит этот дворец?», то получите ответ: «Фабриканту такому-то или купцу такому-то, а раньше князю А или Б».

Вокруг Москвы вырос большой промышленный район, где сосредоточивалась текстильная и прежде всего хлопчатобумажная промышленность. И. Аксаков замечает: «Московская, Владимирская, Костромская губернии образовали целый мануфактурный округ; целое народонаселение получило иное, фабричное направление; сотни тысяч рук пришли в движение, сотни фабрик выбрасывали ежедневно массу произведений, требовавших сбыта».

Появление крупной машинной индустрии на этой стадии развития еще не могло привести к вытеснению мелкого кустарного производства. Наоборот, в 30—40-х годах в России быстро росли мелкие крестьянские промыслы. Туган-Барановский совершенно неправильно представил этот процесс. Он утверждал, будто фабрика, не выдерживая конкуренции кустаря и распадаясь на кустарные избы, сама порождала мелкую кустарную промышленность. На самом деле мелкие кустарные процессы вырастали «снизу», из недр крестьянского хозяйства. Они знаменовали собой разложение старого натурального хозяйства и начало развития капитализма. Кустарь того времени в большинстве случаев не был уже самостоятельным производителем, а работал на скупщика, раздатчика сырья, мануфактуриста. Налицо было два вида мануфактуры: «централизованная» и «децентрализованная», когда мануфактурные рабочие работают на дому. То, что Туган-Барановский изображал как борьбу фабрики и кустаря, часто являлось борьбой между этими двумя типами мануфактуры; «...капиталистическая работа на дому, — отмечал Ленин, — встречается на всех стадиях разви-

тия капитализма в промышленности, но наиболее характерна она именно для мануфактуры» [1].

Развитие промышленности во второй четверти XIX в. получило свое отражение на промышленных выставках, которые устраивались в то время в России. Характерно самое появление таких выставок. Русской промышленности было уже что показать. Первая публичная выставка российских мануфактурных изделий состоялась в 1829 г. в Петербурге и должна была, как писал современник, «явить свету успехи наших мануфактур во всем их блеске и величии». На ней было представлено 4 тыс. изделий. Автор «Описания» этой выставки, подробно разбирая представленные изделия, отмечает, что «с некоторого времени и у нас начали приготовляться разные превосходные машины и снаряды». На выставке демонстрировались паровая машина «силой в 2 лошади», гидравлический пресс, сверлильный станок, токарные и другие станки, изготовленные на Ижорском заводе, Александровской мануфактуре и других предприятиях. На выставке были широко представлены текстильные и металлические изделия — железо, жесть, гвозди, проволока, ножи, ткани, сукна и пр. Автор «Описания» отмечает, что некоторые предметы так хороши, что встает вопрос: «не покупаем ли мы уже издавна наши отечественные изделия под видом и названием иностранных». А по поводу хлопчатобумажных изделий автор замечает: «Ни одна мануфактура не сделала столь быстрые успехи в короткое время, как бумажные ткани». «Мы должны, однако, признаться, — пишет автор «Описания». — что в деле машин и инструментов Россия находится еще в младенчестве. Лучшие сего рода изделия по необходимости выписываются из Англии и Франции».

Промышленные выставки играли значительную роль в развитии промышленности. Отмечая, что за 3 недели существования первой выставки ее посетило более 100 тыс. человек, автор «Описания» надеется, что «выставка возбудит во многих дух предприимчивости». Промышленная выставка, состоявшаяся в Петербурге в 1833 г., вдохновила некоего С. Поднебесного написать стихи в честь развития промышленности. В этих стихах автор заявляет, что нам нужны и плуг, и железный гвоздь, и канат, и якорь, и топор:

«Орудий сих изобретатель
Достоин славы и наград,
Как вождь, мудрец, законодатель;
Без них создать не можно град.
Ум хитрый сотворил машины;
В них сила тайная стихий
Чудесно двигает пружины,
Колеса, рычаги, мехи...».

Другой современник — С. Глинка, посетив Московскую промышленную выставку 1831 г., пришел в восторг. В книжке, посвященной выставке, он писал: «Вид ее поразителен и блистателен.

[1] Ленин. Соч., т. III, стр. 343.

Москва доселе не видела всех сокровищ русских изделий. Теперь она их видела, рассматривала, оценила качество и доброту их, и я слышал отголоски: «Это русское! Это наше родное». Глинка отмечал, что промышленность есть душа жизни внутренней и общей. Он сравнивал промышленность с питательным Нилом и считал, что «тот только истинно независим, кто трудами рук своих и промышленностью ограждает себя от постороннего покровительства и чужой помощи». Но русская промышленность отстала от промышленности других стран. И в конце брошюры С. Глинка задает три вопроса: 1) чего недостает русской промышленности, 2) отчего в некоторых предметах отстали мы от иностранцев, 3) что нужно еще занять извне «умным подражанием»? «Заем полезного не есть обезьянство», — отмечает он.

Отсталость русской промышленности была связана с тем, что в стране продолжали господствовать феодально-крепостнические отношения. Это господство особенно сказалось на положении сельского хозяйства.

Рост промышленности и неземледельческого населения расширял и спрос на продукты сельского хозяйства. Так, например, половина хлеба, потребляемого в Ярославской губернии, привозилась из других губерний, а Калужская губерния прикупала хлеб в Орловской и Тульской губерниях.

Однако развитие внутреннего рынка тормозилось отсутствием хорошего транспорта. Цены на хлеб сильно колебались в зависимости от места и времени. В губерниях, потребляющих хлеб, они были в несколько раз выше, чем в губерниях производящих. При огромном излишке хлеба в одних районах страны, в других районах его было крайне мало. Постоянные и резкие колебания цен затрудняли установление нормальных связей помещичьих хозяйств с рынком. Из-за отсутствия развитого транспорта экономические связи окраин (Сибирь, Север и др.) с центром страны были недостаточно широкими и устойчивыми. Натуральное патриархальное хозяйство в этих районах держалось прочно. Не всегда благоприятно складывалась конъюнктура для русского хлеба и на мировом рынке. Падение хлебных цен на мировом рынке отрицательно отзывалось на развитии русского сельского хозяйства. Но в общем в связи с дальнейшим индустриальным развитием Европы спрос на продукты русского сельского хозяйства на внешнем рынке непрерывно рос, а это способствовало вовлечению сельского хозяйства России в товарно-денежные отношения.

Во второй четверти XIX в., как и в начале века, помещик пытался увеличить производство хлеба на рынок прежде всего путем усиления крепостнической эксплоатации крестьян. Он расширял свою запашку, увеличивал барщину и оброк. Крестьянские надельные земли непрерывно уменьшались. Сокращение крестьянских наделов приняло особенно большие размеры в черноземных губерниях России и на Украине. Иногда оно приводило почти к полно-

му обезземеливанию крестьянства. Так было, например, во многих имениях Полтавской, Черниговской, Херсонской, Екатеринославской и других губерний. Чтобы как можно больше выжать из малопроизводительного труда крепостного крестьянина, многие помещики регламентировали его — крестьянин в течение рабочего дня должен был выполнить определенные задания — «урок».

Но усиление крепостнической эксплоатации подрывало основную производительную силу сельского хозяйства. Оно вело к разорению и голодовкам крестьянской массы. Некоторые помещики уже в 30—40-х годах XIX в. пришли к выводу, что вольнонаемный труд дает более высокую производительность. В отдельных помещичьих имениях вольнонаемный труд уже применялся. Вот что сообщала, например, в одном из номеров за 1836 г. «Земледельческая газета» о хозяйстве саратовского помещика А. Колокольцева: «Новый и до сих пор еще необыкновенный в России факт представляет нам хозяйство саратовского помещика Колокольцева, у которого обрабатывается около 600 десятин пахотной земли (не считая лугов и сенокосов) посторонними наемными людьми на чисто фабричном основании». Вольнонаемный труд был распространен в степных черноземных губерниях, в так называемой Новороссии (Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерниях), где помещики ощущали острый недостаток в крепостных рабочих руках. В большинстве помещичьих имений этих районов уборка хлеба и трав производилась с помощью вольнонаемных рабочих, которые приходили сюда каждое лето из плотно населенных центральных губерний России.

Несмотря на крах первоначальных попыток ввести в сельское хозяйство новые технические и агрикультурные приемы, опыты в этом отношении продолжались и в 30—40-х годах XIX века. Некоторые помещичьи хозяйства переходили к многопольной, плодосменной культуре, травосеянию, применению сельскохозяйственных машин. Издавалась агротехническая литература и выпускались сельскохозяйственные журналы. Статьи и брошюры посвящались таким темам: «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством», «О крестьянине-арендаторе», «Крестьянское травопольное хозяйство», «Об устройстве фермерства в России на общих основаниях» и т. д.

Кроме Вольно-экономического общества, широкую пропаганду новых агротехнических методов ведения сельского хозяйства развернуло Московское общество сельского хозяйства, выпускавшее свой периодический орган «Земледельческий журнал», имевший довольно широкое распространение. В 30-х годах возникли новые сельскохозяйственные общества в России — «Общество сельского хозяйства Южной России», «Закавказское общество поощрения сельской и мануфактурной промышленности», «Пензенское общество сельского хозяйства», «Казанское экономическое общество» и др. В 1832 г. в Москве открылся первый в России завод для производства сельскохозяйственных машин братьев Бутеноп.

«Земледельческий журнал» писал, что «заведение машинистов о-ва Бутеноп едва успевало удовлетворять всем требованиям г.г. помещиков».

Однако господствующие крепостнические отношения тормозили введение усовершенствований в сельском хозяйстве и применение машин. Они являлись преградой для технико-экономического прогресса и развития производительных сил.

Часть помещиков понимали это. В 40-х годах XIX века получила широкое распространение записка Заблоцкого-Десятовского «О крепостном состоянии в России». Цифрами и фактами автор доказывал, что «крепостной труд менее производителен, чем вольнонаемный». Предлагая план постепенного перехода сельского хозяйства на новые капиталистические рельсы, Заблоцкий-Десятовский отмечал, что это приведет к изменению всего уклада общественной жизни. «Обленившаяся беззаботливость должна будет вытесниться пронырливой предприимчивостью, бездейственность — личным трудом, привилегированная праздность — обязанным занятием, требовательная прихоть — довольствием необходимого, обычай — умом».

Но для перехода на новые, капиталистические основы нужны были деньги. Земля у помещика была, рабочие руки он надеялся получить путем «освобождения крестьян». Где же можно было добыть необходимый капитал для хозяйства, для покупки сельскохозяйственных машин и найма рабочей силы? Задолженность помещичьих хозяйств приняла в это время значительные размеры. В 1843 г. $5^1/_2$ млн. крепостных душ было заложено в Государственном банке и сохранных кассах. В 1847 г. группа тульских помещиков предлагала, наделив крестьян небольшим наделом, получить значительный выкуп. Они указывали, что помещики должны обеспечить себя заранее «по крайней мере некоторым приращением капитала, необходимого для первого обзаведения совершенно новой системы хозяйства, основанной на употреблении свободного труда».

В 1847 г. с запиской по крестьянскому вопросу выступил пензенский помещик А. Желтухин. «Крепостное состояние, — писал он в своей записке, — служит главным, может быть единственным в настоящее время препятствием всякому развитию России; особенно заметно пагубное его влияние в упадке сельской промышленности... только с освобождением крестьян сделается возможным усовершенствование нашего сельского хозяйства». План Желтухина состоял в том, чтобы передать крестьян в казну и, наделив их землей, заставить платить за нее выкуп — первые три года помещику, а затем в кредитные учреждения. Это дает возможность помещику «обзавестись орудиями, нанять рабочих, словом, совершить трудный переход к новому хозяйству». Рязанский помещик Кошелев в 1847 г., обращаясь к министру внутренних дел Перовскому, писал, что мероприятия правительства по кре-

стьянскому вопросу не получают надлежащего развития, не переходят в жизнь и остаются лишь свидетельством пожеланий правительства. Нужно «произвести постепенный и сколько-можно менее чувствительный переход к иному быту... Дворянство должно принять в этом деле первое и главное участие». В том же году в «Земледельческой газете» была напечатана статья Кошелева «Охота пуще неволи», в которой он доказывал преимущества вольнонаемного труда.

Предложения и проекты 40-х годов, сохраняя за помещиками землю и доходы, ограждая их интересы, открывали возможность совершить постепенный переход к новому хозяйству. Но подавляющее большинство помещиков высказывалось против этих проектов и цепко держалось за старое. Крепостной строй в тогдашней России был еще крепок.

В 30—40-х годах XIX в. в России преобладал принудительный крепостной труд. Старые крепостнические отношения безраздельно господствовали. Огромные массы крестьянского населения попрежнему отрабатывали барщину и были слабо связаны с рынком. Сравнительно с передовыми странами Западной Европы Россия продолжала оставаться отсталой, аграрной, крепостнической страной.

Однако Россия уже стала на путь капиталистического развития. Процесс разложения ее крепостного строя продолжал развиваться. Расширялась внутренняя и внешняя торговля, росла промышленность, увеличивалось городское население. Буржуазные отношения росли и крепли. Общественное и революционное движение охватывало все большие слои населения России. Именно это и определило политику царского самодержавия в годы, последовавшие за разгромом восстания декабристов.

Монархия Николая I

Вступив на престол через трупы одних декабристов, Николай I был всю жизнь тюремщиком других из них, следил за каждым движением декабристов в далекой ссылке, получал донесения об их поведении, решал, и притом всегда сурово, их судьбы. Всю жизнь Николай I боялся возникновения нового революционного движения в России, беспощадно подавлял какие бы то ни было освободительные стремления и всемерно укреплял абсолютную монархию, на которую посягали декабристы. Вместе с тем Николай I видел в заговоре декабристов ответвление одного общеевропейского заговора. Укрепившись внутри страны, он обрушился на европейскую революцию.

Но, укрепляя абсолютную монархию и расправляясь с декабристами, Николай I не мог пройти мимо ряда важнейших вопросов, выдвигавшихся жизнью. Он царствовал в условиях роста капиталистических отношений в России. Стремясь сохранить осно-

вы господствующего феодально-крепостнического строя, царизм не мог не итти на частичные уступки новому. Объявляя в манифесте 13 июня 1826 г. о совершении суда над декабристами, Николай противопоставлял их революционным попыткам преобразовать Россию «постепенные правительственные усовершенствования». «Не от дерзновенных мечтаний, всегда разрушительных, — говорилось в царском манифесте, — но свыше усовершаются постепенно действенные установления». И он заверял принять «с благоговением» всякое скромное желание к лучшему, если оно выражается законным путем».

Вступая на престол, Николай I знал положение России не из казенных отчетов царских чиновников, а из высказываний людей, горячо любящих Россию и беспощадно вскрывавших все то, что тормозит ее развитие. Это были записки и показания декабристов. Правитель дел следственной комиссии по делу декабристов Боровков в конце 1826 г. составил свод из их показаний по вопросу о внутреннем состоянии государства, который вскрыл яркую и правдивую картину тогдашней русской жизни. Боровков использовал для своего свода показания главным образом Пестеля, А. Бестужева, Батенкова и Штейнгеля, сохранив не только их мысли, но часто и выражения. Свод указывал на недостаток в России «твердых, ясных и кротких законов», чрезмерную сложность судопроизводства, неправильное распределение и взимание податей и несение повинностей, упадок торговли, разорение крестьянства и купечества и пр. И в конце свода следовал вывод: «Надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственное образование духовенства, подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию, улучшить положение землевладельцев, упорядочить унизительную продажу людей, воскресить флот, поощрить частных людей к мореплаванию... словом — исправить неисчислимые беспорядки и злоупотребления».

Современники говорили, что свод Боровкова постоянно находился в кабинете у Николая. Но как далеко было большинство мероприятий его царствования даже от скромных пожеланий этого свода! 6 декабря 1826 г. в строгой тайне Николай I образовал особый Комитет, которому было поручено в связи с разбором бумаг, оставшихся от Александра I, обсудить, какие преобразования нужны для упорядочения и усовершенствования общественного и административного строя государства. Во главе этого Комитета был поставлен князь Кочубей. Вся же внутренняя работа Комитета сосредоточилась в руках Сперанского. Это был уже не прежний либерал, предлагавший провести серьезные преобразования в России. Он стремился теперь осуществить небольшие реформы и устранить только наиболее вопиющие злоупотребления в админи-

стративной жизни. Впоследствии, подводя итоги деятельности Сперанского, Николай I говорил, что его «не все понимали и умели ценить; сперва и я сам, может быть больше всех, был виноват против него в этом отношении. Мне столько было наговорено о его либеральных идеях. Но потом все эти обвинения рассыпались, как пыль. Я нашел в нем самого верного, преданного и ревностного слугу, с огромными сведениями и огромной опытностью».

Работа Комитета 6 декабря затронула почти все вопросы центрального и местного управления и права отдельных сословий. Однако она не привела к каким-либо серьезным результатам. Это объясняется прежде всего тем, что Комитет главным образом заботился о сохранении в неприкосновенности существующего социально-политического строя в России. Не выходить за рамки этого строя было самым главным его правилом. «Не полное изменение существующего порядка управления, но его усовершенствование посредством некоторых частичных перемен и дополнений», — вот как Комитет формулировал свою задачу. Но частичные перемены и дополнения неизбежно вели к «подрыву основ». Создавался заколдованный круг, из которого не было выхода. Барон Корф писал, что лучше всего «не трогать ни части, ни целого: так может быть дольше проживем». А один из министров Николая I граф Чернышев писал: «Нам нужны не нововведения, столь опасные, а поддержание и усовершенствование старого».

Четыре года просуществовал Комитет 6 декабря. Он разработал немало проектов. Сперанский теперь по-новому использовал свою старую идею разделения властей. Следуя его докладу, Комитет признал, что эта идея должна быть строго проведена именно в самодержавном государстве, где монарх, не будучи в состоянии непосредственно управлять всем, не может вместе с тем никому передоверить свою власть. Соответственно этому предполагалось разделить функции центральных государственных учреждений. Государственный совет должен был стать законосовещательным органом, Судебный сенат — высшим судебным органом, правительственный Сенат — высшим административным органом. С целью установления лучшего надзора над местным управлением Комитет 6 декабря решил создать особые административные и судебные коллегии из высших губернских чиновников под председательством губернатора и главного губернского судьи.

Комитет разработал проект закона о состояниях, в котором намечались мероприятия по сохранению дворянского сословия, затруднялся доступ в него лицам других сословий, отменялось личное дворянство и пр. В отношении крестьян предполагалось ограничиться регламентацией их отношений к помещикам, запрещением продавать их без земли, облегчением участи дворовых и т. д. Из всех проектов, разработанных Комитетом, проект закона о состояниях был единственным, который был принят Государственным советом. Но против его утверждения возразил брат царя Константин. Он нашел проектируемые меры «слишком решитель-

ными» и предлагал отдать их «на суд времени». Вскоре после этого, в июне 1830 г., грянули революционные события во Франции. Это окончательно решило судьбу закона о состояниях, да и самого Комитета 6 декабря. Ни один его проект не осуществился. Выработка плана преобразований была отложена на неопределенное время.

С первых же шагов деятельности Николая I ясно обнаружилась его основная цель — сохранить пошатнувшийся феодально-крепостнический строй и всемерно укрепить самодержавие. Эту цель четко определил Н. Карамзин. Уже стоя одной ногой в могиле, придворный русский историограф в дни «междуцарствия», начавшегося после смерти Александра I, поучал неопытного тогда Николая основам государственного управления. Это были те идеи, которые проповедывал Карамзин еще в записке о старой и новой России и в «Истории государства Российского». «Самодержавие, — писал он, — основало и воскресило Россию... Что, кроме неограниченного, может в сей махине производить единство действия?». Карамзин доказывал, что русский император не имеет права ограничивать свою власть, что он должен «управлять ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание той власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!».

Николай I и придерживался этой идеи незыблемости и неприкосновенности самодержавия. Он органически ненавидел все, что напоминало хотя бы даже умеренную монархическую конституцию. «Апогей самодержавия» — так называл эпоху Николая I историк Пресняков.

Но николаевское самодержавие не во всем осуществило теории Карамзина. Карамзин был враждебно настроен не только против конституционных опытов, но и против министерско-бюрократических методов управления. Он призывал государя искать опоры своей власти не в чиновничестве, а в родовом дворянстве. Его идеалом была дворянская империя Екатерины II. Николай I, наоборот, стремился спасти старый порядок с помощью усиления бюрократического государственного аппарата, с помощью дальнейшей централизации. Он выражал интересы господствующего класса — дворян-помещиков, говорил о нем, как об оплоте престола, называл себя «первым дворянином» и, как мы увидим в дальнейшем, много сделал для укрепления позиций этого класса. Однако напуганный заговором декабристов, Николай не вполне доверял самостоятельности дворянства. Он стремился превратить дворянство в часть единой правительственной администрации.

Николай окружил себя бездушными чиновниками и бюрократами, дикими охранителями и реакционерами. Правда, среди сотрудников Николая были способные и образованные люди. Некоторые из них (Сперанский, Киселев) стояли за осуществление частичных реформ. Но и они беспрекословно выполняли волю монарха. Основная же масса николаевских сановников состояла из людей малообразованных и посредственных, но зато безгранично преданных

императору. В числе их было немало прибалтийских немцев, друг Николая — министр императорского двора Адлерберг, руководитель 3-го отделения Бенкендорф, его преемник Дубельт, главноуправляющий путями сообщения Клейнмихель, министр иностранных дел Нессельроде, министр просвещения Ливен и др. Было бы неправильно думать, что они играли сколько-нибудь самостоятельную роль. Это были только слуги самодержавия. Нессельроде отмечает, что он был «скромным орудием» предначертаний царя, исполнителем его политических мероприятий. Прибалтийское немецкое дворянство с его монархическими и аристократическими традициями оказалось наиболее близким к русскому царю в период, когда он проводил особенно реакционную политику. Именно оно выдвинуло из своей среды наиболее отвратительных проводников реакции и душителей всего прогрессивного в России. «В немецких офицерах и чиновниках, — писал Герцен, — правительство русское находит именно то, что ему нужно; правильность и бесстрастность машины, полное равнодушие к участи управляемых, необычайное презрение к народу, полное незнание национального характера».

Среди приближенных Николая было особенно много военных. Ни у одного из русских императоров не было так много министров в военных мундирах. При Николае I генералы являлись министрами финансов, внутренних дел, государственных имуществ, управляющими почтовым департаментом, путей сообщения, публичных зданий и пр. Даже руководителем церкви — обер-прокурором Святейшего синода был генерал. Целые отрасли управления и отдельные ведомства получили военное устройство; образовался корпус лесничих, корпус инженеров путей сообщения и т. п. И все это было не случайно. Николай I сам был человек военный и любил жесткую военную муштру и дисциплину. Из своей поездки в Пруссию он вынес особенное расположение к военному режиму. В условиях начавшегося упадка старой системы Николай I стремился с помощью военного режима усилить аппарат царской власти и подавить сопротивление своих подданных. Характеризуя преимущества этого режима, Николай I писал: «Здесь порядок, суровая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого, никто не приказывает прежде чем не научится повиноваться».

Еще до вступления на престол, будучи командиром гвардейской дивизии, Николай I видел свою задачу в том, чтобы покончить с «военным распутством». Теперь Николай I стал не во главе гвардейской дивизии, а во главе огромного государства. И навыки военной муштры он стремился перенести на всю государственную жизнь. Огромная Российская империя представлялась ему как единая воинская команда, где действует лишь одна сила — беспрекословная воля всероссийского императора.

В царствование Николая I не было произведено коренной перестройки системы центральных учреждений, как это было сделано при Александре I. Остались и министерства, и Государственный

совет, и Сенат. Но эти учреждения не пользовались большим доверием Николая I и отошли на задний план. При прежней системе ряд вопросов ускользал от непосредственного наблюдения царя. А Николай решил сосредоточить все важнейшие государственные дела лично у себя. В связи с этим стала разрастаться «Канцелярия его императорского величества». Появилось несколько отделений императорской Канцелярии. Начальники этих отделений, зависевшие непосредственно от государя, приобрели важное значение во всем управлении страной.

Особенно большую роль в политической жизни страны стало играть знаменитое Третье отделение. В январе 1826 г. начальник штаба гвардейского корпуса и член следственной комиссии по делу декабристов генерал Бенкендорф представил записку, в которой предлагал реорганизовать полицию в России. Он писал, что события 14 декабря показали «ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно быстрее в исполнение». Бенкендорф писал, что полиция должна охватить все пункты империи и подчиняться системе «строгой централизации».

Исходя из этих задач, Николай I в июне 1826 г. издал указ об образовании особого корпуса жандармов, а в июле учредил Третье отделение императорской Канцелярии, куда были переданы все дела тайной полиции. Начальником этого отделения и шефом корпуса жандармов был назначен Бенкендорф.

С тех пор Третье отделение превратилось в грозную силу. Оно контролировало все стороны жизни, оно следило за действиями частных граждан, чиновников и даже высокопоставленных лиц. Голубые мундиры (это была форма жандармов) вызывали ненависть в каждом честном человеке. Вспомним стихи Лермонтова:

«Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ».

Еще большее значение получили люди без голубых мундиров — тайные агенты Бенкендорфа. Они рыскали всюду. На основе их сведений Бенкендорф составлял свои секретные донесения Николаю I и производил административную расправу с неугодными лицами, сажая в тюрьмы одних, высылая других, подвергая телесному наказанию третьих.

От бдительного ока Третьего отделения не укрылась и церковь. Космополитический мистицизм был признан теперь опасным явлением, которое могло быть использовано для распространения вольномыслия и противогосударственных идей. На первый план выдвинулась защита православной церкви. Библейское общество было закрыто, а православная церковь была поставлена под усиленный контроль правительства. Обер-прокурором Святейшего си-

нода был гусарский полковник, а затем генерал Протасов, по-военному распоряжавшийся церковными делами. Под его руководством развернулась борьба против всех неправославных вероисповеданий и в частности против раскольничества. Вместе с тем наблюдение за сектами и раскольниками входило в ведение Третьего отделения. В 1827 г. было разъяснено, что раскольничество есть уголовное преступление. Против раскольников был принят ряд мер: было запрещено строить новые молитвенные здания или чинить старые; гражданские права раскольников были ограничены. Одновременно были созданы миссии для обращения раскольников в православную веру.

Николаевская реакция особенно усилилась в 1830 году. Происшедшие в этом году революции во Франции и Бельгии вызвали горячее сочувствие среди части русского общества. Герцен отмечал, что он и его товарищи следили за каждым шагом европейской революции, горячо любили ее тогдашних деятелей и хранили у себя их портреты. 16-летний юноша М. Ю. Лермонтов писал в эти дни знаменательные строки по адресу Карла X:

«Ты мог быть лучшим королём,
Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унизить под ярмом. —
Но ты французов не узнал! —
. . . . . .
И брызнула в Париже кровь. —
О! чем заплатишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан».

Но события развертывались не только в Западной Европе. В 1830 г. вспыхнуло восстание в Польше и произошли волнения в самой России. Царизм рассматривал движение внутри страны как отголосок западноевропейских событий и стремился самыми беспощадными и жестокими мерами задушить его. Прежде всего были ограничены сношения с заграницей. Устанавливались определенные сроки пребывания российских граждан в чужих краях: для дворян не более 5 лет, для прочих сословий — 3 года. Повышена была оплата заграничных паспортов. Одновременно был усилен террор внутри страны.

После массовых волнений в 1830—1831 гг., о которых мы будем говорить особо, террор превратился в систему. Он направлен был против народа. За малейшее неповиновение и протест нещадно били, пороли, прогоняли сквозь строй, ссылали на каторгу, сажали в мрачные казематы и крепости. «Уложение о наказаниях», изданное при Николае I, служило основной задаче — подавлению всякого сопротивления угнетенного народа. Согласно этому уложению устанавливались следующие наказания: смертная казнь, лишение всех прав состояния, ссылка на каторжные работы, а для крестьян и мещан — также публичное наказание плетьми. Телесные наказания были распространены всюду — в армии, в деревне, в школе. Кнут, плеть и розга — вот при помощи чего главным

образом управлялась николаевская монархия. Недаром народ прозвал царя Николаем Палкиным.

После событий 1830—1831 гг. проекты государственных преобразований были на время отброшены. Единственное крупное мероприятие, проведенное тогда царским правительством, — кодификация законов, — не затрагивало основ государственного устройства. Кодификация была подготовлена и проведена Сперанским. Еще в начале царствования Николая I встал вопрос о необходимости привести в порядок колоссальный законодательный материал, находившийся в хаотическом состоянии, и издать свод законов Российской империи. В апреле 1826 г. для этой цели было создано «Второе отделение императорской канцелярии». В результате работы, проделанной этим отделением под руководством Сперанского, к 1830 г. было издано первое полное собрание законов — 45 томов. Сюда вошло свыше 30 тыс. законов, изданных со времени «Уложения» царя Алексея Михайловича, т. е. с 1649 года. Вслед за тем было издано второе собрание законов, состоявшее из 6 томов и заключавшее те указы, которые были изданы, начиная с декабря 1825 г., т. е. в период царствования Николая I. На основании полного собрания законов было установлено, какие законы остаются действующими, какие были взаимно уничтожены или отменены. Все существующие законы были разбиты на определенные группы. Так создался Свод законов. Он состоял из 15 томов.

Правительство Николая I не пересмотрело, не исправило существующих законов. Николай I специально указывал, что ни одна буква в тексте старых законов не должна быть изменена. Но простое сведение воедино всех ранее изданных законов имело некоторое положительное значение. В известной мере оно упорядочило дело государственного управления. Однако и после этого оставался широкий простор для всевозможных злоупотреблений. Знаменитая пословица — «Закон, что дышло: куда повернешь, туда и вышло» — сохраняла свое прежнее значение.

Народ продолжал страдать не только от террора, но и от бесчисленных злоупотреблений, казнокрадства, взяточничества, от произвола и насилий царских чиновников и судей. Бюрократический аппарат самодержавия именно при Николае I принял особенно большие размеры. Всей своей тяжестью он ложился на плечи народа. Были дела, тянувшиеся по 12—15 и более лет. В начале царствования Николая I обнаружилось, что только по ведомству юстиции не разобрано 2 800 тыс. дел. Но время шло, и в 1848 г. министр юстиции представил отчет, в котором значилось, что во всех служебных местах империи не «очищено» еще 3 300 тыс. дел, которые изложены по меньшей мере на 33 миллионах листов. Народные пословицы хорошо выражали отношение народа к тогдашнему суду: «Из суда, что из пруда, сухой не выйдешь», «Лучше утопиться, чем судиться». Особенно не советовали вести тяжбу с богатеями: «Коза с волком тягалась, хвост да шкура

осталась». Много поговорок сложилось о произволе, взяточничестве: «Захочешь добра, посыпь серебра», «Когда карман сух, тогда и суд глух».

Генерал-адъютант Кутузов в конце царствования Николая I после объезда ряда губерний писал царю: «Неправда и угнетение везде и во всем... бедственное состояние государства происходит от недостатков административного устройства, проводящегося множеством чиновников, желающих обогащаться, а от сего в суде нет истины, в делах одна корысть и угнетение... все интересы главных начальников обращены на очистку бумаг для предоставления в отчетах блестящей деятельности, когда сущность управления в самом жалком положении».

Бюрократизм николаевского царствования коснулся и военного дела. Армия была одной из важнейших частей николаевской монархии. Николай I уделял большое внимание укреплению ее мощи. Численный состав русской армии возрастал. С 1826 по 1850 г. число нижних чинов увеличилось с 729 655 до 839 879 человек, офицеров — с 17 958 до 18 463, генералов — с 495 до 724 человек. К концу царствования Николая вместе с нерегулярными частями русская армия насчитывала 1 400 тыс. человек. Три четверти войск составляла пехота, остальные — кавалерия, артиллерия и инженерные части. Стал возрождаться морской флот, пришедший в упадок в царствование Александра I. Число кораблей и фрегатов Балтийского флота, не считая мелких судов, с 15 в 1825 г. увеличилось до 35 в 1830 году. В 1832 г. в России открылась военная академия. Однако военная техника русской армии и флота отставала от военной техники западноевропейских государств. Она отражала низкий технико-экономический уровень феодально-крепостнической России. Вместе с тем в русской армии того времени господствовала старая прусская тактика, опровергнутая еще в ходе наполеоновских войн. Многие представители суворовских традиций в русской армии были при Николае I в опале. Другие способные боевые генералы, как Киселев, занимались вопросами гражданского управления. В противовес им выдвигались сторонники старой линейной тактики: Дибич, Паскевич, Нейдгард и др. Крупный военный теоретик Жомини, живший тогда в России, не играл существенной роли в военном управлении.

В управлении армией большое значение приобрели люди военной канцелярии. В конце царствования Александра I высшее строевое управление сосредоточивалось в руках Главного штаба, а военно-хозяйственное управление — в военном министерстве. Военный министр был подчинен начальнику Главного штаба. При Николае I в 1832 г. это положение изменилось: военное управление объединилось под руководством чиновников: и строевая и хозяйственная часть вошли в состав военного министерства. Самостоятельный Главный штаб был упразднен. Военным министром почти весь период царствования Николая I был граф Чернышев, а руководителем морского ведомства — князь Меншиков. Оба они

придерживались старой военной тактики и на основе ее принципов организовывали обучение войск.

Сам Николай I, как и его военные сотрудники, был сторонником фридриховской военной системы. Он любил во всем, особенно в военном деле, показную внешнюю форму. Стройное, вытянутое, как по ниточке, николаевское войско представляло действительно эффектное зрелище на тогдашних парадах. Пушкин писал:

«Люблю воинственную живость
Потешных марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красивость».

Но всякая армия проверяется не на парадах, а в военных действиях. Русская армия со своей отсталой техникой и тактикой не выдержала впоследствии серьезной проверки — проверки в Крымской войне.

Идеологическая реакция

Николаевская система нашла свое яркое отражение и в области идеологии. Николай I не мог действовать с помощью одних репрессий. Он проводил совершенно определенную политику и в области просвещения, направленную к сохранению феодально-крепостнического строя и укреплению самодержавия. С точки зрения царского правительства истинное просвещение было преступлением. Известный историк С. Соловьев писал, что Николай I «ненавидел просвещение, как поднимающее голову людей, дающее им возможность думать и судить, тогда как он был воплощенное: не рассуждать!». На «Записке о народном воспитании», представленной А. С. Пушкиным, Николай I поставил множество вопросительных знаков, и, по его поручению, Бенкендорф сообщал поэту: «Принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей».

Объявляя приговор по делу декабристов, Николай I писал, что «своевольство» их мысли «есть результат недостатка твердых познаний». И он хотел внедрить «твердые познания» в русское общество. К науке и просвещению Николай I подходил с той же охранительной политической точки зрения, с какой подходил и к другим вопросам внутренней политики. И он нашел себе в этой области соответствующих помощников. Еще в конце царствования Александра I министром просвещения был назначен А. С. Шишков. Это был уже дряхлый старец с давно сложившимися реакционными взглядами. Он резко критиковал деятельность прежнего министра Голицына и считал, что насаждавшийся им космополитический мистицизм является выражением «пагубного духа времени» и имеет целью поколебать православие и подорвать могущество России. Вступив в управление министерством, Шишков

заявил, что нужно прежде всего «обуздать разврат», оберечь юношество от «лжемудрых умствований и ветротленных мечтаний». «Науки, — говорил он, — полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количество людей принесло бы больше вреда, нежели пользы».

Шишков считал, что вся учебная система в связи с этим должна быть перестроена, науки очищены «от всяких вредных умствований», излишнее множество предметов «благоразумно ограничено», а воспитание построено на началах нравственности, которую «вне церкви нигде найти не можно». Такая точка зрения вполне соответствовала точке зрения нового царя. И с одобрения Николая I Шишков принялся за ее осуществление. Ту же линию продолжал и новый министр просвещения князь Ливен, в 1828 г. сменивший престарелого Шишкова.

Создавая особый комитет по подготовке реформы учебной системы, Николай I писал: «...с сожалением вижу, что не существует в них (учебных заведениях) должного и необходимого однообразия». Он предлагал уравнять все уставы учебных заведений и восполнить пробелы учебной литературы, «дабы уже за совершением сего воспретить всякие произвольные преподавания учений по произвольным книгам и тетрадям». Новый устав низших и средних заведений был утвержден царем в декабре 1828 года. Устав сохранил прежнее деление общеобразовательной школы на три ступени: приходское училище, уездное училище, гимназия, и оставил в общем прежний порядок управления ими. Но он провел между ними резкую разграничительную черту. Николай I был недоволен тем, что дети крепостных имели право учиться в гимназиях и тем самым «приучаться к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию». Поэтому каждый тип учебных заведений переставал быть ступенью к следующему и превращался в самостоятельное целое, дающее законченное образование. Приходские училища предназначались для детей «самых нижних состояний»; уездные — преимущественно для детей купцов, ремесленников и других городских обывателей; гимназии — для детей дворян и чиновников. Лица несвободных состояний, т. е. крестьяне, в гимназии не допускались. Так осуществлялся сословно-дворянский принцип образования, провозглашенный самодержавием.

Устав 1828 г. ограничивал «излишнее множество предметов». Из учебных планов уездных училищ, утвержденных в 1804 г., теперь исключались такие предметы, как «должность человека и гражданина», физика, естественная история, технология; другие же предметы оставлялись в сокращенном виде. Вместе с тем, учитывая потребности развивающейся в стране торговли и промышленности, устав допускал преподавание в качестве дополнительных предметов в уездных училищах законоведения и судопроизвод-

ства, особенно торгового, коммерческих наук и бухгалтерии, механики, технологий, архитектуры, сельского хозяйства и садоводства. Устав увеличивал штаты учебных заведений, сохранив прежние источники их обеспечения — казенные ассигнования и суммы, отпускаемые городскими думами для уездных училищ и гимназий и добровольные пожертвования помещиков для приходских училищ. В содержании этих училищ правительство попрежнему не участвовало. В противоположность уставу 1804 г. устав 1828 г. разрешал употреблять в приходских училищах телесные наказания.

Ряд мероприятий провело правительство в это время и в отношении университетов. Магницкий и Рунич были удалены от дел, но правительство вовсе не собиралось восстанавливать университетскую автономию. В 1826 г. вопреки уставу состоялось назначение ректора Виленского университета, в Харьковском университете было отменено право выборности профессоров. Попечитель Виленского округа Новосильцев мотивировал назначение ректора тем, что прежнее устройство русских университетов, построенное на началах выборности, является «республиканским», несообразным с общими государственными установлениями, господствующими в России. С целью установления бдительного контроля над содержанием лекций министерство просвещения требовало представления в Главное правление училищ подробных конспектов всех курсов, читаемых в университетах.

В 1827 г. был запрещен прием в университеты лиц несвободных состояний. В том же году Николай I разрешил установить полицейский надзор за студентами наравне с другими городскими жителями. Так шаг за шагом правительство отменяло основные положения университетского устава 1804 г. и подготовляло его полный пересмотр.

10 июня 1826 г. был издан новый цензурный устав. Это был огромный документ, содержащий 230 параграфов. Первый параграф гласил, что цель учреждения цензуры состоит в том, чтобы дать произведениям словесных наук и искусств полезное направление. Цензура вверялась министру просвещения. Для непосредственного же руководства ею учреждался Верховный цензурный комитет из министров просвещения, внутренних и иностранных дел. В его задачу входило направлять общественное мнение согласно с политическими обстоятельствами и видами правительства. Цензурный устав 1826 г. доводил строгость цензуры до крайних пределов. Его недаром прозвали чугунным. Новый цензурный устав запрещал всякое произведение, в котором подвергались сомнению правила религии, ослаблялось почтение к правительству, порицалась монархическая форма правления. Исключались из печати медицинские и естественно-научные работы, которые задевали «истины о духовности души». Воспрещалось выпускать «умозрительные сочинения о правах и законах» и сочинения, «наполненные беспощадными и пагубными мудрствованиями новейших времен», печатать предположения о преобразовании каких-либо частей го-

сударственного управления или изменении прав. Устанавливалось, что «статьи, касающиеся до государственного управления, не могут быть напечатаны без согласия того министерства, о предметах коего в них рассуждается». Цензуре поручалось сурово следить не только за политическим направлением статей и книг, но и за их литературными достоинствами.

Цензурный устав 1826 г., как говорили современники, «закрывал рот русской литературе». Правда, в 1828 г. этот устав был заменен более либеральным уставом, просуществовавшим все царствование Николая I. Цензуре уже не ставилось в обязанность направлять общественное мнение. Цензура должна была только ответить на вопрос, вредна ли данная книга, или, как указывалось Государственным советом, «она представляется как бы таможнею, которая не производит сама добротных товаров и не мешается в предприятия фабрикантов, но строго наблюдает, чтобы не были ввозимы товары запрещенные». Устав предписывал цензорам всегда указывать «явный смысл речи, не дозволяя толкования оной в дурную сторону», «не делать привязки к словам и отдельным выражениям» и т. д. Однако количество «запрещенных товаров» было очень велико и часто самая безобидная книга попадала в разряд вредных и не допускалась к печатанию. В то время как цензоры вели строгое наблюдение над писателями, не менее строгое наблюдение велось за самими цензорами.

Едва был утвержден устав 1828 г., как последовали многочисленные дополнения к нему. Наряду с основной цензурой с каждым годом росло количество цензур специальных — цензура министерства внутренних дел, 2-го и 3-го отделений, синода и пр. Даже почтовый департамент, главное попечительство детских приютов и управление государственного коневодства имели самостоятельное право просматривать и определять возможность издания книг и статей, касающихся их интересов. Современники замечали, что если сосчитать всех лиц, заведующих цензурой, то их окажется больше, чем книг, печатаемых в течение года. С этой многочисленной армией цензоров мало церемонились. Малейшая оплошность с их стороны, пропуск какой-нибудь фразы, могущей вызвать двусмысленное толкование, вызывали негодование начальства. Цензорам делали выговоры, их увольняли, а чаще всего сажали на гауптвахту. И уже в 1830 г. цензор и литератор А. Никитенко записал в своем дневнике: «Цензурный устав совсем ниспровержен».

Новые преследования русской науки и просвещения имели место в связи с революцией 1830 года. В конце 1830 г. была закрыта «Литературная газета», издаваемая поэтом Дельвигом, за то, что в ней были опубликованы стихи Казимира де-ля-Виня для памятника, который предполагали воздвигнуть в Париже жертвам июльских боев: «Франция, скажи мне их имена! Я их не вижу на печальном памятнике. Они так скоро победили, что ты была свободна раньше, чем успела их узнать», — говорилось в этих стихах.

Но дело не ограничивалось одной «Литературной газетой». Подводя итоги 1830 г., Никитенко писал: «Истекший год вообще привел к малоутешительному для просвещения России. Над ним тяготел унылый дух притеснения».

После 1830 г. было ограничено обучение юношества за границей. Указ 1830 г. отмечал, что молодые люди, обучающиеся за границей, «возвращаются в Россию с ложными понятиями». Он предписывал воспитывать юношество в возрасте 10—18 лет непременно в России. Изъятие из этого правила мог производить только сам царь. Одновременно был усилен контроль над частными учебными заведениями, содержателями которых были по преимуществу иностранцы. Русским миссиям за границей поручалось строгое наблюдение за лицами, отправлявшимися в Россию в качестве жителей и воспитателей. Учебному начальству предлагалось допускать их к педагогической практике «лишь под условием самых надежных гарантий благонадежности».

Вскоре после событий 1830 г. царизм провозгласил в противовес прогрессивной передовой идеологии свою официальную реакционную идеологию, получившую название «теории официальной народности», которая и легла в основу всей его политики в области просвещения и воспитания. Ее сформулировал С. С. Уваров. Это был способный и образованный человек из старинной дворянской фамилии, еще в 1810 г., 24 лет, ставший попечителем Петербургского учебного округа. Тогда он придерживался довольно либеральных взглядов и вынужден был в конце концов покинуть пост попечителя и перейти работать в министерство финансов. Но в годы царствования Николая I Уваров стал ярым реакционером, быстро выдвинулся и сделался одним из ближайших помощников царя. Получив в 1832 г. пост помощника министра просвещения, он начал с того же, с чего когда-то начинал Магницкий, — с ревизии университета. Но в своей записке о положении Московского университета Уваров не ограничился частными выводами, а изложил основы той идеологии, которой следует руководствоваться в воспитании юношества.

Уваров указывал на необходимость охранять Россию от вредных идей, идущих с Запада. Он выдвинул для этого «истинно русские охранительные начала — православие, самодержавие и народность», составляющие, по его мнению, «последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества».

Уваровская формула: «православие, самодержавие, народность» — стала программой правительства, а сам Уваров был назначен ее главным проводником. В 1834 г. он был утвержден министром просвещения. «Мое дело, — говорил Уваров в 1835 г., — не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно». И Уваров действительно стремился отодвинуть Россию назад. С. М. Соловьев писал, что Уваров проповедывал народность, не

прочитав за свою жизнь ни одной русской книги, писав постоянно по-французски или по-немецки. Соловьев отмечал, что даже близкие к Уварову люди признавались, что не было такой низости, которой бы он не был в состоянии сделать, что при разговоре с этим человеком «поражали крайнее самолюбие и тщеславие; только, бывало, и ждешь — вот скажет, что при сотворении мира бог советовался с ним насчет плана».

Царизм принимал все меры, чтобы развитие страны шло под знаком его реакционной троицы: «православие, самодержавие, народность». В духе этой «троицы» писались статьи, сочинялись стихи и драмы. Белинский остроумно характеризовал тогдашнюю литературу: «Литература наша процветает, ибо явно начинает уклоняться от гибельного влияния лукавого Запада — делается до того православною, что пахнет мощами и отзывается пономарским звоном, до того самодержавною, что состоит из одних доносов, до того народною, что не выражается иначе как по-матерну».

Две гнусные личности представляли интересы правительства в литературе — немец Греч и поляк Булгарин. Позиция этих людей определялась последним указом Николая I и распоряжением Бенкендорфа. Это были агенты Третьего отделения в литературе. Они неотступно следили за всяким проявлением свободомыслия и обрушивались на всех, на кого сегодня приказано было обрушиваться. Греч и Булгарин писали литературно-критические статьи, рецензии, повести, романы, но главной формой их «литературной» работы были доносы в Третье отделение. Они пользовались поэтому всемерным покровительством правительства. «Северная пчела», издаваемая Гречем и Булгариным, была признана единственной представительницей «общественного» мнения. Только в этом «благонамеренном и верноподданническом органе» разрешалось печатать известия из политической жизни Европы. За доносы и клевету Греча и Булгарина награждали, повышали в чинах и сам царь дарил им бриллиантовые перстни, но все честное в тогдашней литературе и обществе сторонилось от них. Пушкин называл Греча и Булгарина грачами-разбойниками, а Булгарина перекрестил в Фиглярина.

«Избави нас от похвалы
Позорной «Северной пчелы», —

говорилось в «Молитве современных писателей».

Но у правительства были и более серьезные защитники. Московские профессора Погодин и Шевырев стремились исторически «обосновать» уваровскую «троицу». Уже в своей первой лекции по истории России, прочитанной в 1832 г. в присутствии Уварова, Погодин выступил с защитой русской самобытности. Он заявлял, что в отличие от Запада государство в России сложилось в результате добровольного призвания варягов, что оно доставляет народу средства учиться, понимать себя, чувствовать свое достоинство и пр. Все это искажение истории нужно было Погодину

для того, чтобы представить самодержавие благодетелем народа не только в прошлом, но и в настоящем. Ссылаясь на историю, Погодин доказывал, что России не нужно пересаживать на свою почву чужие растения, у нее свои растения, дающие достаточно «вкусные плоды», — «самодержавие, православие, народность».

В защиту уваровской «троицы» выступал и Шевырев. В 1841 г. в первом номере журнала «Москвитянин», издаваемого Погодиным, появилась статья Шевырева «Взгляд русского на образование Европы». Шевырев доказывал, что Россия и Запад представляют собой противоположные начала. Россия — самобытна. Образуя особый мир, она сохранила три коренных чувства, уже выраженных «мужем царского совета» (т. е. Уваровым): чувство религиозное, чувство государственного единства и, наконец, «чувство народности». «Об это чувство, — писал Шевырев, — разбиваются все частные бесплодные усилия наших соотечественников привить к нам то, что не идет к русскому уму и русскому сердцу». Шевырев стремился удержать Россию от вредных влияний Запада. Запад болен. Он носит в себе злой заразительный недуг. Таким недугом Шевырев считал революции и перевороты, происходившие на Западе. Статья Шевырева призывала отречься от передовых идей Западной Европы, от европейского просвещения, культуры, прогресса.

Теории Шевырева и Погодина выражали стремление крепостников-помещиков не только сохранить существующие в России порядки, но и по возможности еще больше укрепить устои самодержавия и православия, являющиеся «исконными началами» русской жизни. Вот почему в правительственном лагере статьи и выступления Шевырева и Погодина были встречены полным одобрением, а Уваров принял меры, чтобы они шире распространялись по России.

Став непосредственным руководителем российской цензуры, Уваров стремился направить печать против «влияния европейских идей». «При нынешнем положении вещей и умов, — говорил он, — нельзя не умножать, где только можно, число умственных плотин». Особое наблюдение было установлено над переводами с иностранных языков. Издательская деятельность и книжная торговля были стеснены. Одновременно усилился контроль над периодическими изданиями. Было объявлено о недопустимости в печати «никаких, хотя бы косвенных, порицаний действий или распоряжений правительства и установленных властей, к какой бы степени сии последние ни принадлежали». Многие журналы были закрыты. В 1836 г. в ответ на ходатайство о выпуске нового журнала Николай I написал короткую, но вразумительную резолюцию: «И без того много». Этих четырех слов было достаточно. Немедленно было издано распоряжение, временно запрещавшее просить разрешения на выпуск периодических изданий.

Мероприятия, проведенные Уваровым в отношении учебных заведений, развивали и дополняли те начала, которые устанавлива-

лись уставом 1828 года. Женские учебные заведения, носившие главным образом закрытый характер, были разделены на разряды соответственно званию воспитанниц. Целью женского образования провозглашалось воспитать «добрых жен, попечительных матерей, примерных наставниц для детей, хозяек».

В 1835 г. было издано новое положение об учебных округах. Оно изменило прежний порядок управления учебными заведениями. «Профессора не имеют ни времени, ни надлежащих способностей управлять учебными заведениями», — писал Уваров. И положение 1835 г. отстранило профессоров от этого дела. Функции университетов по управлению учебными заведениями были переданы попечителям учебных округов. Бюрократическое начало окончательно восторжествовало. Вместе с тем управление учебными округами, расположенными на окраинах государства, было поручено местной администрации. Делами учебных заведений округа стали непосредственно управлять генерал-губернаторы. Это гораздо больше устраивало самодержавие, чем управление с помощью профессоров.

Но университеты были лишены прав не только по управлению учебными заведениями. В том же 1835 году был утвержден новый устав российских университетов, который должен был, как говорил член комитета по устройству учебных заведений граф Протасов, покончить с самостоятельностью представителей науки, «какая не присвоена даже и важнейшим чиновникам в России», и этим предупредить возможное противодействие политике правительства со стороны университетов, «столь легко увлекаемых гибельными теориями века и всегда более или менее подверженных заразе чужеземных примеров». Новый устав вводил в управление университетами те же начала, которые лежали в основе всех других отраслей государственного управления тогдашней России. Он фактически сводил на-нет автономию, предоставленную университетам уставом 1804 года. Университетский суд был отменен. Министру просвещения предоставлялось право по своему усмотрению назначать профессоров и преподавателей университета. Власть попечителя была усилена. Он должен был следить за деятельностью правления и совета университета и принимать меры к удалению неблагонадежных преподавателей. Для наблюдения над поведением и дисциплиной студентов и за их образом мыслей из военных или гражданских чиновников назначался инспектор, непосредственно подчинявшийся попечителю. Создание университетской инспекции имело целью оградить студенчество от передовых общественных влияний.

Особые мероприятия были проведены в области частного образования. Уваров предупреждал, какой вред может причинить частное образование, если оно будет находиться в руках людей, которые «не хотят действовать в духе правительства». «Надлежало включить и эту ветвь народного образования в общую систему и распространить на нее углубленный надзор свой». В связи с этим

в 1834—1835 гг. были изданы два закона правительства — Положение о частных учебных заведениях и Положение о домашних наставниках и учителях. Правительство запретило открывать новые частные учебные заведения в столицах, а в других городах разрешало их открытие только в том случае, когда казенные учебные заведения не могли удовлетворить нужды дворянства. Для надзора над деятельностью частных учебных заведений устанавливались должности специальных инспекторов. В учебных заведениях, курс которых соответствовал гимназиям, предлагалось «ни под каким видом не допускать лиц крепостного состояния».

Домашнее обучение и воспитание было еще менее доступно для правительственного контроля, чем частные учебные заведения. Царские чиновники сокрушались по поводу того, что «оно скрывается за святынью семейного крова и родительской власти». Но и здесь самодержавие стремилось установить свой бдительный контроль. По положению 1834 г. все лица, поступающие в качестве воспитателей детей, обязаны были приобрести звание домашнего наставника или домашнего учителя. Эти звания могли приобрести только лица свободного состояния, христианского вероисповедания, русского подданства, «известные со стороны нравственных качеств». Домашние учителя зачислялись на действительную государственную службу и получали чин 14-го класса.

Социально-экономическая политика самодержавия

Николаевская монархия всемерно стремилась сохранить в неприкосновенности старый феодально-крепостнический строй и прежде всего лежащее в основе его крепостное право. Николай I боялся, что ликвидация крепостного права приведет к революционным потрясениям и создаст угрозу для существования самодержавия.

Но царизм не мог при этом учитывать развитие новых буржуазных отношений. Управлять по-старому было невозможно. Чем дальше шло развитие буржуазных отношений, тем настоятельнее выдвигалась необходимость частичных уступок. Сила экономического развития и интересы крепостников-помещиков заставляли царское самодержавие вступить на этот путь.

Экономической политикой самодержавия в то время руководил один из наиболее крупных и образованных бюрократов — Канкрин. В течение 21 года он занимал пост министра финансов. Канкрин высказывался против развития крупной машинной индустрии, существовавшей на Западе, и отдавал преимущество дофабричным формам промышленности. Несмотря на это Канкрин проводил ряд мероприятий, которые объективно содействовали росту того самого «фабричного бедствия», которого он так хотел избежать.

Царское правительство вынуждено было прислушиваться к запросам развивающейся промышленности. Был создан Мануфак-

гурный совет, в который были приглашены фабриканты и заводчики. Стали организовываться промышленные выставки.

В порядок дня был поставлен вопрос о ликвидации посессионных мануфактур. В 1840 г. посессионным фабрикантам было дано право увольнять своих рабочих и закрывать мануфактуры. Некоторые мануфактуристы воспользовались этим, чтобы перевести свои предприятия на капиталистические начала.

Таможенная политика царского правительства носила покровительственный характер. Высокие таможенные пошлины вызывались фискальными соображениями. С помощью пошлин правительство стремилось поправить свое тяжелое финансовое положение и покрыть дефицит в государственном бюджете. И действительно, за 20 лет — с 1823 по 1843 г. — таможенный доход увеличился в 2½ раза, дойдя до 36 млн. руб. серебром. Вместе с тем таможенный тариф благоприятно отражался на развитии русской промышленности, ограждая ее от иностранной конкуренции. Вот что писал в 1829 г. один современник: «Вредное соперничество иностранцев препятствовало мануфактурному делу в России пустить глубокие корни и раскинуть широкие ветви... Надлежало принять общую меру: обеспечить выгоды домашней промышленности, оградить ее на время от иностранного соперничества и сберечь для нее внутренние рынки».

Усложнение экономической и политической жизни страны, развитие промышленности, сельского хозяйства и государственного аппарата вызвали необходимость подготовки соответствующих кадров. Если до того единственной формой высшего образования были университеты, то в 20—40-х годах XIX в. в России был организован ряд специальных высших учебных заведений: училище правоведения, Петербургский технологический институт, архитектурное училище, училище гражданских инженеров, земледельческий институт, межевой институт.

Развитие торговли и промышленности требовало улучшения транспорта. В 1833 г. были установлены основные правила устройства и содержания дорог России. Они были разделены на дороги главные, губернские, почтовые, уездные и сельские. За 30 лет, с 1825 по 1855 г., было проложено до 8 тыс. верст шоссейных дорог. Ряд мероприятий был проведен в деле расширения старых и строительства новых каналов. Это было особенно важно, поскольку из всех видов транспорта речные пути сообщения имели в то время наибольшее экономическое значение. За 20 лет, с 1825 по 1845 г., число грузовых судов, прошедших по каналам и рекам, возросло больше чем в 2½ раза.

Однако все это не могло удовлетворить потребности такой гигантской страны, как Россия, в период, когда ее разнообразные районы уже прочно вступили в оживленные экономические связи между собой. Вставал вопрос о строительстве в России железных дорог, которые получили широкое распространение в Западной Европе и Америке. В 1834 г. приехавший в Россию инженер

Герстнер просил предоставить ему право на строительство железных дорог. Но царское правительство не решалось пойти на это. Только в виде опыта разрешили постройку пригородной Царскосельской железной дороги протяжением в 25 верст «с увеселительным на ее окончании вокзалом». 30 октября 1837 г. открылось движение по этому пути, но первое время поезд ходил с паровой тягой лишь по воскресеньям, а в будни вагоны тащили лошади.

Постройка Царскосельской железной дороги не сдвинула вопроса о железнодорожном строительстве с мертвой точки. Статский советник А. Абаза предлагал приступить к постройке железной дороги из Петербурга в Москву, доказывая, что это окажет благоприятное влияние на торговлю, сбережет время — «это драгоценнейшее достояние человечества» и «самую жизнь нашу сделает длиннее». Н. Муравьев намечал железнодорожный маршрут даже до озера Байкал. Но царское правительство отклоняло эти проекты. Канкрин считал, что железные дороги «подстрекают к частым путешествиям без всякой нужды и, таким образом, увеличивают непостоянство духа нашей эпохи». Только в 1842 г. было, наконец, приступлено к постройке железной дороги от Петербурга до Москвы. Эксплоатация крепостных крестьян, занятых на строительстве, была самая беспощадная: они работали от рассвета до наступления темноты; жили в землянках и шалашах; их заработки были низкие; питались они отвратительно. Эпидемии среди рабочих имели широкое распространение. Смертность была огромная, но несмотря на все это дорогу построили.

Открытие железнодорожного пути от Петербурга до Москвы протяженностью в 600 км произошло в 1851 г. В том же году был издан указ о начале постройки железной дороги от Петербурга до Варшавы. Всего в 1855 г. Россия имела 980 верст железнодорожных путей. Строительство железных дорог способствовало установлению более тесной связи между отдельными районами страны, расширению внутреннего и внешнего рынков и общему экономическому развитию страны. Одновременно со строительством железных дорог были сделаны попытки использовать паровую силу на водном транспорте. В 40-х годах началось регулярное пароходное движение по Волге, Днепру и Неве.

В 30—40-х годах XIX в. царское правительство провело ряд мероприятий в области денежного обращения. Непрерывное падение курса денежного рубля тяжело отражалось на состоянии торговли и промышленности и расстраивало нормальную экономическую жизнь страны. Дело дошло до того, что ассигнации ценились в 4 раза меньше их номинальной стоимости. В 1839 г. министерство финансов осуществило важное мероприятие. Было объявлено, что отныне во всех сделках и платежах счет должен вестись на серебро. Устанавливался твердый курс ассигнаций. Впоследствии ассигнации были заменены новыми кредитными билетами, которые обеспечивались соответствующим металлическим фондом и имели хождение по номинальному курсу. Это ставило денежное

обращение в стране на более прочную основу и благоприятно отражалось на внешней и внутренней торговле.

Финансово-экономические мероприятия, проводимые самодержавием, способствовали развитию новых капиталистических отношений в стране. Но развивающимся капиталистическим отношениям нужны были не только железные дороги и пароходы, покровительственные тарифы и устойчивое денежное обращение, технические учебные заведения и промышленные выставки. Капитализм нуждался в рынках сбыта, в свободной рабочей силе, что упиралось в необходимость уничтожения крепостного права. А между тем именно в этом главном вопросе русское самодержавие особенно упорно держалось за старое. Правда, никогда раньше крестьянский вопрос так много не обсуждался царским правительством, как во второй четверти XIX века. Но николаевская монархия занималась крестьянским вопросом не для того, чтобы решить его, а чтобы обсудить, каким образом наиболее безболезненно отодвинуть его решение.

Самодержавие реорганизовало управление государственными крестьянами. В 30-х годах XIX в. государственных или, как тогда называли, казенных крестьян насчитывалось до 16 млн. душ обоего пола. Они находились в ведении департамента государственных имуществ министерства финансов и, как из всякого «государственного имущества», из них стремились извлечь как можно больше дохода. Царские чиновники смотрели на крестьян, как на средство личного обогащения. Тяжелые налоги и повинности и невиданный произвол чиновников приводили к массовому разорению и обнищанию государственных крестьян. Недоимки достигали огромных размеров. Неуклонно росли волнения крестьян.

Царское правительство решило упорядочить управление государственными крестьянами и создать для этого специальное ведомство. В декабре 1837 г. было учреждено министерство государственных имуществ. Министром был назначен генерал Киселев, которого Николай I называл «начальником штаба по крестьянской части». В 1838 г. вышло положение об управлении государственными имуществами в пяти губерниях, которое впоследствии было распространено на всю страну. В губернских городах были созданы палаты государственных имуществ. Губернии разделялись на несколько округов, на начальников которых возлагалось непосредственное управление государственными крестьянами. Сельские общества объединились в волости, во главе которых были поставлены избираемые крестьянами волостное правление и волостная расправа (суд). Специально изданные сельские уставы детально регламентировали их обязанности. Вместе с тем органы крестьянского самоуправления должны были находиться под бдительным контролем окружных начальников государственных имуществ.

Реформа управления государственными крестьянами имела некоторое положительное значение: ограничивался прежний произвол, упорядочивалось взимание налогов, проводились культурные

мероприятия, хозяйственной инициативе крестьян предоставлялся известный простор. Однако существенного изменения в положении государственных крестьян не произошло. Государственные крестьяне были взяты под опеку большого аппарата чиновников. Новые чиновники оказались немногим лучше старых. Они вмешивались в личную жизнь крестьян, регламентировали их работы, переселяли крестьян с одних земель на другие, требовали от крестьян заведения общественной запашки и т. п., а главное — стремились выжать из крестьян как можно больше податей и повысить доходность «государственных имуществ». Вот почему реформа Киселева, увеличив доходы казны, вызвала массовые протесты и волнения среди крестьян. В 1842 г. Бенкендорф отмечал, что надежды на благие последствия закона 1838 г. не оправдались: «Беспорядки среди государственных крестьян не прекратились».

Как же обстояло дело с помещичьими крестьянами? Правительство Николая I не могло снять с порядка дня крестьянский вопрос. Оно провело ряд мероприятий, стесняющих права дворян в отношении крестьян. Было запрещено продавать крестьян без земли с публичных торгов, продавать крестьян с раздроблением семейства, сдавать в аренду имения, населенные крепостными крестьянами, ограничено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь, запрещено управителям без ведома помещиков удалять крестьян из имений и отдавать их в рекруты, отдавать крестьян на работу в горные заводы и пр. Многие помещики видели в этих мерах призрак отмены самого крепостного права. Однако это было не так.

В своей политике по крестьянскому вопросу правительство Николая I исходило из принципа неприкосновенности крепостного права. Посягать на «крещеную собственность» не дозволялось. Николай I заявлял, что прикасаться к крепостному праву было бы «делом гибельным». «В настоящую эпоху всякий помысел о том был бы не что иное, как преступное посягательство на общественное спокойствие и благо государства». С. Уваров отмечал: «Вопрос о крепостном праве тесно связан с вопросом о самодержавии или даже о единодержавии: это две параллельные силы, которые развились вместе, у того и другого одно историческое начало и законность их одинакова». «Это дерево (крепостное право) пустило далеко корни — оно осеняет и церковь, и престол и вырвать его с корнем невозможно». Ю. Самарин замечает, что правительство Николая I решило «запереться в крепостном праве, как в осажденном городе, держаться в нем до последней возможности и по мере усиления натиска изобретать новые оборонительные средства, снабжать защитников новым оружием».

Крестьянский вопрос обсуждался тогда в тиши бесчисленных негласных или, лучше сказать, безгласных комитетов. Один из исследователей эпохи остроумно изобразил их деятельность: «Каждый раз разыгрывалась по хорошо разученным нотам привычная пьеса в 3 действиях. Действие 1-е: появление обширной записки,

намечающей ряд мер для того, чтобы сдвинуть крестьянский вопрос с мертвой точки; действие 2-е: полное одобрение этих мероприятий в принципе, соединенное с признанием несвоевременности их исполнения; действие 3-е: закрытие комитета на том основании, что всего спокойнее все оставить по-старому».

Из всех «крестьянских» комитетов только один, созданный в 1839 г., привел к некоторым результатам. Он разработал проект закона об обязанных крестьянах. 30 марта 1842 г. этот закон обсуждался на заседании Государственного совета. С речью выступил сам император. Он заявил, что крепостное состояние не может продолжаться всегда, но теперь рано отменять его, ибо это приведет к общему потрясению. Николай I разъяснял почтенным членам Государственного совета выгоды предлагаемого закона: он устраняет вредное начало закона 1803 г. о свободных хлебопашцах — отчуждение от помещиков поземельной собственности. Николай I заявлял, что поземельная собственность составляет неприкосновенное право дворянства.

Согласно закону 1842 г., помещики получили право предоставлять крестьянам личную свободу. Но вся земля попрежнему оставалась в полной собственности помещика. Получивших свободу крестьян помещик по своему усмотрению наделял землей. За эту землю крестьяне должны были платить оброк или отбывать барщину, размеры которых устанавливались добровольными соглашениями. Над бывшими крепостными крестьянами, переходившими теперь в разряд «обязанных крестьян», сохранялись «суд и расправа» помещика. Самодержавие напрасно боялось «последствий закона 1842 г.» и посылало на места циркуляры с требованием «учредить бдительное секретное наблюдение» в связи с его изданием. Действие закона 1842 г. были ничтожно. На него «откликнулось» всего только три помещика, а общее число душ, переведенных в разряд «обязанных», составляло 24 700. Закон 1842 г. не мог удовлетворить не только крестьян, но и тех помещиков, которые хотели ликвидировать крепостные отношения и перейти к вольнонаемному труду.

В 1840 и в 1844 гг. были созданы два секретных комитета специально для разработки законов о дворовых людях, но и в отношении этой группы крепостных крестьян ничего существенного проведено так и не было. Разработанные комитетами правила, облегчавшие отпуск на волю дворовых, не были обнародованы. Николай I повелел: «Оставить сие дело вплоть до удобного времени». Николай I был и против закона, воспрещавшего перевод крестьян в дворовые. Дело ограничилось тем, что помещикам было предоставлено право отпускать дворовых людей на волю без земли по обоюдному согласию.

Более решительная мера была проведена правительством Николая I в отношении крестьян Украины, Литвы и Белоруссии, где дворяне-помещики, главным образом поляки, находились во вражде с русским правительством. Здесь правительство хотело

найти себе известную опору среди крестьян. В целях некоторого ограничения крепостного права в Белоруссии, Литве и на Украине были введены так называемые инвентари, которые устанавливали размеры крестьянской запашки и определяли повинности крестьян в пользу помещиков. Составление этих инвентарей производилось губернскими комитетами, которые состояли из представителей администрации и помещиков. Эти комитеты действовали в интересах помещиков, но все же инвентари поставили некоторые границы их произволу.

Вместе с тем царское правительство всемерно стремилось укрепить дворянское сословие, расширить его привилегии, поднять его материальное благосостояние. Доступ в ряды дворянства путем выслуги был ограничен. В 1845 г. были повышены чины как по военной, так и по гражданской службе, дававшие право потомственного дворянства. По гражданской линии потомственное дворянство приобреталось чином пятого класса, а не восьмого, как это было установлено табелью о рангах. Личное дворянство получало лишь чины девятого класса. Для дворян были установлены сокращенные сроки производства в чины. Ряд неимущих дворян правительство наделяло казенными землями на правах ограниченной собственности с пособием от казны. Это должно было предохранить дворянское сословие от разорения.

В 1831 г. был издан закон о дворянских собраниях. Устанавливалось, что непосредственное участие в дворянских выборах может принимать дворянин, имеющий не менее 100 душ крестьян и не менее 3 тыс. десятин земли в одной губернии. Лица, не имеющие такого имущественного ценза, участвовали в выборах через уполномоченных, складываясь до полного ценза. Значительно усиливался контроль над деятельностью дворянских собраний со стороны губернаторов. Увеличивалось число государственных должностей, на которые избирались дворяне. Дворяне избирали председателей судебных палат, попечителя местной гимназии, членов различных комиссий и пр. Служба по дворянским выборам рассматривалась как служба государственная. На губернского предводителя дворянства возлагался ряд административных функций, а его должность приравнивалась к чину четвертого класса.

Рост городов, усложнение городской жизни выдвигали вопрос о необходимости установить более точно состав городского общества и его внутреннее устройство и управление. В 1832 г. царское правительство издало манифест о введении почетного гражданства. Почетные граждане освобождались от рекрутской повинности, подушевого оклада и телесного наказания. Звание почетных граждан стали получать дети личных дворян и духовенства, купцы первой гильдии, лица свободных профессий, которые отныне не могли претендовать на вступление в дворянское сословие.

В 1846 г. было издано «Положение об общественном управлении Петербургом», впоследствии распространенное на другие го-

рода. Городское общество получало орган самоуправления — Городскую думу. Но основная масса городского населения фактически лишалась права участия в городском самоуправлении. Избирательное право распространялось лишь на лиц, обладавших известным имущественным цензом. Кроме того, городское самоуправление было поставлено под строгий контроль царской администрации. Финансовая деятельность Городской думы была ограничена очень узкими рамками.

Как и во всех остальных вопросах своей политики, в городском вопросе правительство исходило из интересов господствующего класса — класса крепостников-помещиков. Создание сословия почетных граждан, городское самоуправление и другие мероприятия имели целью предохранить дворянство от «засорения» и дать некоторые права растущим буржуазным элементам. «Дворянство — ограда престола... для него открыты все пути чести и заслуг», — писал Николай I в 1826 г. в манифесте по случаю своей коронации. Это и было руководящим началом его тридцатилетнего царствования.

Вся внутренняя политика Николая I сводилась к одной решающей задаче — террором и частичными уступками отстоять крепостной строй России. Вся сила самодержавной власти, весь огромный государственный аппарат николаевской империи. были поставлены на службу этому.

Внешняя политика царизма в 1826—1829 годах. Русско-персидская и русско-турецкие войны

В области внешней политики правительство Николая I проводило ту же линию, что и его предшественники. Царизм выполнял роль жандарма Европы. Чем больше развертывались буржуазные революции на Западе и росло революционное движение внутри самой России, тем эта роль царизма становилась все более значительной. Боясь пожара в собственном доме, царизм стремился потушить его в других странах. Одновременно царская Россия продолжала неуклонно расширять свои позиции на Востоке.

Первым противником, с которым пришлось столкнуться Николаю I на Востоке, была Персия. Недовольная Гюлистанским договором, Персия давно готовилась к войне. Узнав о междуцарствии в Петербурге, персидский шах решил, что настал подходящий момент для действий. В июле 1826 г., в то время как Николай I готовился к торжественной коронации, 60-тысячная персидская армия под руководством энергичного Абасс Мирзы без объявления войны перешла границу и заняла Карабахское ханство. Это нападение произошло неожиданно и не получило должного отпора со стороны малочисленных русских войск, разбросанных на большом пространстве — от Черного до Каспийского моря. Местное азербайджанское население, недовольное

режимом, установленным русскими властями, присоединилось к персам. В Гандже азербайджанцы, вооружившись кинжалами и саблями, ворвались в крепость, освободили заключенных и разгромили небольшой отряд русских войск, стоявший в городе. Большие волнения происходили в Ширванской и Кубинской провинциях. Стремясь восстановить свои прежние права, персидские завоеватели и азербайджанские ханы ловко использовали в своих интересах национальное движение азербайджанского населения. Единственным оплотом русских войск в Восточном Закавказье оставалась Шуша. Русский главнокомандующий генерал Ермолов растерялся перед этими неожиданными событиями. Он не принял нужных мер на границах, не имел необходимых войск в наиболее важных крепостях.

Однако положение вскоре стало изменяться. Шуша была расположена на высоких отвесных скалах и представляла удобную позицию для обороны. Используя это обстоятельство, небольшой русский гарнизон крепости энергически сопротивлялся. Аббас Мирза не решался оставить его у себя в тылу. Обложив со всех сторон Шушу, персы пытались принудить ее к сдаче. Но гарнизон Шуши в течение 40 дней сковывал основные силы персидской армии и этим дал возможность собрать разбросанные русские войска. Оправившись после первого удара, русские части перешли в наступление. 3 сентября 1826 г. под Шамхором они наголову разбили более многочисленного противника. Враг бежал, потеряв 2 000 человек убитыми. Русские войска под командованием молодого генерала армянина Мадатова заняли Ганджу (Елисаветполь).

В этот момент на Кавказ прибыл новый командующий действующими русскими войсками генерал И. Паскевич. С этого времени Ермолов, которому Николай I не доверял, постепенно отстранялся от дел и руководство военными действиями все больше сосредоточивалось в руках Паскевича. Силы русских были поначалу невелики, когда в середине сентября к Елисаветполю подошли новые войска Аббас Мирзы, насчитывавшие до 40 тыс. человек. Но русская армия не отступила. Завязался ожесточенный упорный бой. Вначале успех клонился на сторону персов, но конечная победа была на стороне русских. Аббас Мирза был разбит и с остатками своей армии бежал за Аракс. Первый период русско-персидской войны закончился.

Новую кампанию, кампанию 1827 г., решено было вести с таким расчетом, чтобы разгромить персов на их территории. Главной задачей ставилось — проникнуть в глубь персидской территории и овладеть Тавризом. В апреле 1827 г., после провала мирных переговоров, русско-персидская война возобновилась.

Операции русских войск в Эриванской области шли в это время неудачно, зато в Нахичеванской области русские одержали серьезные успехи. 26 июня была взята Нахичевань, 7 июля — Аббас-Абад. Большая часть области была очищена от противника. Однако массовые заболевания, связанные с невыносимой жарой,

подрывали боеспособность русской армии и задерживали ход войны.

Пользуясь этим, Аббас Мирза сделал новую попытку возвратить утерянные позиции и прорваться к Гандже и Тифлису. Но русские войска не только отразили эту попытку, но и возобновили свое наступление. Большую храбрость в этих сражениях проявили четыре азербайджанских конных полка, боровшиеся на стороне русских. Они были хорошо вооружены и подвижны и сыграли особенно важную роль в преследовании неприятеля. «Я до сего времени с восторгом вспоминаю чудеса храбрости, совершенные перед моими глазами полками мусульманскими», — пишет один современник. Борьба развернулась на территории Эриванской области. 19 сентября русская армия овладела крепостью Сердар-Абад и через четыре дня подошла к оплоту персидского владычества в Восточном Закавказье — Эривани. В течение недели продолжалась осада хорошо укрепленной Эриванской крепости. 1 октября 1827 г. Эривань была взята.

Одновременно русские войска перешли Аракс и вступили в пределы Южного Азербайджана. Деморализованная персидская армия не могла оказать серьезного сопротивления. Русские части быстро двигались вперед. 13 октября 1827 г. они взяли Тавриз. Это было тяжелым ударом для Персии. Путь на столицу Персии — Тегеран — был открыт. И едва Паскевич прибыл в Тавриз, как к нему явился представитель Аббас Мирзы для ведения мирных переговоров.

Успехи русских войск в Персии вызвали большое беспокойство со стороны англичан. Англия принимала меры, чтобы остановить дальнейшее продвижение России на Восток и помирить Персию с Россией. Зато Турция всемерно толкала Персию на дальнейшее ведение войны с Россией. Персы продолжали сопротивляться, но терпели все новые неудачи. 15 января 1828 г. русские части заняли Урмию, 25-го — Ардебиль. В это же время надвигалась война между Россией и Турцией. Россия спешила поэтому договориться с Персией. 10 февраля 1828 г. был подписан Туркманчайский мир. Согласно Туркманчайскому договору, Персия согласилась выплатить России большую контрибуцию. Побережье Каспийского моря окончательно закреплялось за Россией, и только она имела право держать на Каспийском море военные суда. К России присоединились два новых ханства — Эриванское и Нахичеванское с Ордубадским округом. Однако Южный Азербайджан, занятый русскими войсками в войну 1828—1829 гг., оставался попрежнему за Персией. Туркманчайский договор закреплял разделение Азербайджана на Северный и Южный установленное еще Гюлистанским договором: Северный Азербайджан — России, Южный — Персии. Единый азербайджанский народ с тех пор искусственно был разделен на две части.

По Туркманчайскому договору к России отходили земли, которые составляли когда-то территорию древней Армении. Армения

уже давно потеряла всякую самостоятельность, ее территория стала достоянием Турции и Персии, ее народ переживал тяжелые времена жестокого насилия и угнетения. Превратившись в арену борьбы между Турцией и Персией, армянские земли беспощадно опустошались обоими государствами. Часть армян была истреблена, часть — эмигрировала в разные страны света, но часть — оставалась на территории Турции и Персии, главным образом в районах Эрзерума, Баязета, Карса, Эривани и др. В Эриванском и Нахичеванском ханствах сохранились еще значительные массы армянского населения. Вблизи Эривани находился армянский монастырь — Эчмиадзин — местопребывание армянского католикоса — главы армяно-грегорианской церкви.

Подвергаясь жестоким насилиям со стороны Персии и Турции, армяне стремились освободиться от тяжелого ига с помощью России. Они поддерживали Россию в борьбе с Персией. Армяне записывались в русские отряды и составляли свои отряды, снабжали русскую армию продуктами, предоставляли ей средства передвижения. Теперь стремление армян присоединиться к России частично осуществилось, и часть Армении вошла в состав России.

Туркманчайский договор — первая победа, одержанная Россией при новом императоре, — имел большое значение для укрепления позиций России на Востоке. В Петербурге недаром с нетерпением ожидали его заключения. Нужно было, чтобы руки царизма были развязаны для борьбы с новым противником. К этому времени крайне обострились взаимоотношения между Россией и Турцией.

Турция нарушала договоры, заключенные с Россией, ввела свои войска в придунайские княжества, отказывалась признавать права Сербии. Россия же продолжала стремиться к разрешению восточного вопроса и, прежде всего, к изгнанию турок из Европы. Николай I говорил: «Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное изо всех: восточное дело». Обстановка для решения этого дела складывалась благоприятно. Турция переживала период упадка и разложения. Борьба народов Балканского полуострова за независимость, и прежде всего греческого народа, продолжалась.

Но восточный вопрос волновал все важнейшие европейские страны и решить его можно было не только силой оружия, а дипломатией. Николай I должен был поучиться этому новому для него делу, и надо сказать, что он обнаружил значительные способности в этой области.

Николай I решительно, с большим упорством и настойчивостью продолжал линию, которая только намечалась в последний период царствования Александра. Россия требовала активного вмешательства в балканские дела и прежде всего выступления в защиту Греции. В связи с этим все больше обострялись отношения России с Австрией, являвшейся главным противником освободительного движения балканских народов и покровителем Турецкой империи.

Одновременно происходило сближение России и Англии. Отдаляясь от Меттерниха, Александр I, а затем Николай I вступили в тесную связь с Каннингом.

В марте 1826 г. Николай I предъявил ультиматум Турции по ряду вопросов, интересовавших Россию. Он требовал от Турции исполнения ранее подписанных договоров — вывода турецких войск из Молдавии и Валахии, восстановления порядка в этих княжествах, существовавшего до 1821 г., предоставления Сербии тех прав, которые ей были даны по Бухарестскому договору 1812 г., урегулирования спора о границах и др. Турции давался шестинедельный срок для выполнения ультиматума. Чтобы подкрепить ультиматум силой оружия, русское самодержавие уже сосредоточивало на берегах реки Прута свои войска.

Положение Турции, истощенной пятилетней борьбой с греками, стало очень опасным. Боясь, что предстоящая схватка может окончиться победой России и приведет к усилению ее позиций на Востоке, Австрия, как и другие европейские державы, советовала туркам пойти на уступки. Турция приняла ультиматум России. 25 сентября 1826 г. в небольшом пограничном городке Аккермане между Россией и Турцией была подписана конвенция. Она подтверждала Бухарестский мирный договор 1812 г., оставляла спорные территории на восточном берегу Черного моря за Россией, предоставляла право русскому торговому флоту свободно плавать в турецких водах, а русским купцам беспрепятственно торговать на всем пространстве Турецкой империи. Черное море открывалось для торговли всех дружественных с Россией народов. Аккерманская конвенция подтвердила и расширила автономные права Молдавии, Валахии и Сербии. Россия окончательно закрепляла за собой право покровительствовать этим княжествам. Аккерманская конвенция была крупным успехом России.

Но Аккерманская конвенция не разрешила греческого вопроса. По этому вопросу в начале царствования Николая Россия и Англия заняли единую позицию.

В числе других представителей иностранных правительств, приехавших весной 1826 г. поздравить Николая I со вступлением на престол, был представитель Англии — герой битвы при Ватерлоо, Веллингтон. Его-то приезд и был использован для выработки совместных действий России и Англии в Восточном вопросе.

4 апреля 1826 г. русскому правительству удалось заключить соглашение с Веллингтоном. Это был так называемый Петербургский протокол, по которому Россия и Англия решили совместно добиваться независимости Греции при сохранении над ней верховной власти турецкого султана. Греция должна была иметь свое независимое управление, пользоваться свободой вероисповедания и торговли, управляться выборными властями и т. п.

Положение Греции в это время становилось все более затруднительным. Против нее выступили, кроме турецких сил, большая армия и флот турецкого вассала — египетского паши. Сын паши

Ибрагим нанес ряд сокрушительных ударов грекам. Греция оказалась под угрозой полного разгрома. Важнейшие державы Европы не хотели допустить разгрома Греции. В то время как Австрия вела большую борьбу за ликвидацию Петербургского протокола, Франция примкнула к нему. В июле 1827 г. Россия, Англия и Франция заключили Лондонскую конвенцию, конкретизирующую основные положения Петербургского протокола. Против Турции образовалась сильная коалиция трех крупнейших европейских держав.

В августе 1827 г. Россия, Франция и Англия потребовали от Турции прекращения войны против Греции на условиях Лондонской конвенции. Несколько недель велись бесплодные переговоры. Турция упорствовала, а в это время турецко-египетские войска продолжали свои операции против греков. Тогда союзники решили произвести вооруженную демонстрацию. 20 октября 1827 г. военные суда России, Англии и Франции, появившись на Наваринском рейде, предложили турецко-египетским судам покинуть Грецию. В ответ на это завязалась ожесточенная Наваринская битва. Турецко-египетский флот имел в этой битве крупные силы, он насчитывал 90 судов и 16 000 моряков. Но умелыми действиями объединенной англо-французско-русской эскадры враг был разгромлен. Прошло около двух часов с начала сражения, и турецко-египетский флот в Наварине фактически перестал существовать.

Гибель турецко-египетского флота еще больше обострила отношения между Турцией и союзниками. Турция потребовала вознаграждения и немедленного прекращения всякого вмешательства в греко-турецкую войну.

Опираясь на поддержку Австрии, она направила свои главные удары против России. Все договоры, заключенные Турцией с Россией, в том числе и последнюю Аккерманскую конвенцию, султан объявил расторгнутыми. Судоходство по Босфору было запрещено. Русские суда задерживались, товары конфисковывались, подданные России высылались. Султан выпустил воззвание, в котором призывал к священной борьбе с Россией «за веру и существование». Австрия всячески побуждала Турцию начать войну с Россией. Она сосредоточила свои войска в Трансильвании, угрожая вторгнуться в дунайские княжества. Однако слабая в военном и финансовом отношениях Австрия не решилась вступить в непосредственную схватку с Россией, предпочитая действовать руками Турции.

После Наваринской битвы дипломатические отношения между Турцией и союзниками были прерваны. Однако Англия и Франция не хотели доводить дело до войны. Наоборот, Россия стремилась использовать создавшуюся обстановку, чтобы нанести Турции решающий удар.

2 (15) апреля 1828 г., после окончания русско-персидской войны, русское правительство издало манифест о войне с Турцией. Положение Турции к этому моменту было тяжелое. Турция была ослаблена предшествующими войнами, ее финансы были рас-

строены, ее флот был почти полностью уничтожен, что обеспечивало полное господство России на Черном море. Казалось, что одержать победу над Турцией будет нетрудно. Предполагалось переправиться через Прут и Дунай, захватить Варну, Браилов и другие турецкие крепости, чтобы вслед за тем двинуться к Константинополю. Для выполнения всех этих огромных задач была мобилизована только одна армия численностью до 100 тыс. человек. Малочисленность войска, посланного на турецкий фронт, объясняется тем, что общее положение России было напряженным. Россия боялась вмешательства в войну других держав и особенно Австрии. Вместе с тем качественный уровень русской армии того времени был недостаточно высоким. Тут сказались годы аракчеевщины, когда все внимание уделялось внешним формам, а боевой опыт игнорировался. Сложные уставы, существовавшие тогда, не были пригодны к военным действиям. Тактическая подготовка пехоты, артиллерии, кавалерии отставала от новых условий ведения войны. В неудовлетворительном состоянии находились снабжение и санитарное дело русской армии. Все это привело ее к отдельным неудачам в первый год войны.

Сейчас же вслед за объявлением войны русские войска перешли границу и без сопротивления заняли Валахию и Молдавию. Николай I сам отправился в действующую армию. Упорная борьба завязалась за турецкую крепость Браилов. Под крепость были подведены подкопы, и русская армия 3 июня 1828 г. бросилась на штурм крепостной стены. Турки встретили русских градом пуль. Картечь в упор расстреливала штурмующих. Несмотря на ожесточенный огонь, русские солдаты взобрались на верх стены. Крепость взять не удалось, но положение турецкого гарнизона было безнадежным, и 7 июня Браилов капитулировал. Вслед за тем сдался еще ряд турецких крепостей. Началась борьба на Кавказе. Здесь русские войска захватили в свои руки Анапу и важнейшие турецкие крепости: Ахалкалаки, Ахалцих, Баязет, Ардаган, Карс.

Однако дальнейшее наступление русских войск на дунайском участке задержалось. В русской армии начались эпидемии. Лазареты наполнились больными. Недостаток фуража вызвал массовый падеж скота. А в это время турки получали сильные подкрепления. В Шумле собралось до 40 тыс. отборных турецких войск. Недостаток сил у русских не дал возможности полностью обложить эту важную крепость. Шумла сохранила внешние связи. Турецкие войска неоднократно делали смелые вылазки из крепости и переходили в наступление на русские части. Русской армии пришлось отказаться от попыток взять Шумлу и перебросить войска на другие участки. Пришлось также снять осаду Силистрии. Успешнее шла борьба за приморскую крепость — Варну, являвшуюся лучшим портом на западном побережье Черного моря. Осада Варны велась как сухопутными частями, так и флотом. Здесь были проведены большие осадные работы, и 29 сентября

1828 г. Варна наконец сдалась. 6 тыс. турок было взято в плен. 178 орудий досталось победителям. Взятие Варны было наиболее крупным успехом русских войск в кампанию 1828 г. После взятия Варны русская армия расположилась на зимние квартиры.

По вопросу о дальнейших действиях против турок было два мнения: одни считали, что надо действовать медленно и, последовательно овладевая турецкими крепостями, довести войну до Балканских гор, перейти которые невозможно; другие, наоборот, стояли за решительное наступление. Они предлагали, оставив в тылу дунайские крепости, итти к Балканам и, перейдя их, двинуться к столице Турции. Был принят этот последний план. Его сторонник генерал Дибич был назначен новым главнокомандующим русской армией. Николай I облек его полным доверием и догадался сделать то, что ему надо было сделать с самого начала: удалиться из армии. «При мне все идет дурно», — признавался он.

Весной 1829 г. кампания возобновилась. Реорганизовавшись и усилившись, русская армия приступила к осуществлению своих планов. Турки также стали действовать активнее. В мае 1829 г. турецкая армия перешла в наступление. Несмотря на частичный успех, турецкое наступление было неудачным. В конце мая 1829 г. турецкая армия потерпела решительное поражение. 18 июня пала Силистрия. Вслед за тем русская армия совершила замечательный переход через Балканские горы. Здесь снова сказались высокие боевые качества русских воинов. Они показали себя достойными учениками Суворова.

Переход через Балканы представлял огромные трудности. Вначале стояла июльская жара, затем пошли проливные дожди, испортившие все дороги. С тяжелой амуницией солдаты взбирались на горы. Многие падали от изнеможения, но основная масса солдат продолжала двигаться вперед. Тщетно турки пытались с помощью небольших групп преградить путь русским войскам в горах. Русские части неуклонно шли к цели. За девять переходов они сделали 150 километров по незнакомой местности.

12 июня они спустились с Балканских гор, с честью выполнив приказ командования. В тот же день Дибич сообщил Николаю I: «Балканы, считавшиеся непроходимыми в течение стольких веков, пройдены ими (русскими войсками) в три дня, и победоносные знамена вашего величества развеваются на стенах Миземврии, Ахиолы и Бургаса, среди населения, которое встречает наших храбрецов, как освободителей и братьев».

Перейдя Балканы, русские войска направились к последнему оплоту турок по пути к Константинополю — к Адрианополю. За шесть дней в условиях невиданной жары русские войска прошли 120 километров. 7 августа они были у стен Адрианополя. Решительность и смелость русских войск ошеломили турок. В Адрианополе царили растерянность и паника.

8 августа 1829 г. русские войска вошли в Адрианополь. Создалась непосредственная угроза столице Турции. Передовые отряды

русских находились в нескольких километрах от Константинополя. К этому же времени на кавказском фронте русскими войсками был взят Эрзерум. Русские части вошли в глубь Малоазиатского полуострова. В таких условиях Турция запросила мир. Несмотря на большие трудности, русские войска справились со своей задачей. Они выдержали серьезное испытание, первое испытание после наполеоновских войн, если не считать русско-персидской войны 1826—1827 гг., не имевшей большого военного значения. Положение русской армии было тоже тяжелым. Войска были сильно ослаблены от невыносимой жары, дождей и плохого питания. Заболеваемость была огромная. Госпитали были переполнены. За Балканами у Дибича было всего 25 тыс. солдат. В таких условиях мир был желателен не только для Турции, но и для России.

В сентябре 1829 г. мирный договор с Турцией был заключен. Это был так называемый Адрианопольский мир, он закреплял крупный успех в восточной политике России. Молдавия, Валахия, Сербия и Греция получили широкое внутреннее самоуправление; турецкие крепости на берегу Дуная должны были быть срыты; Россия получала устье Дуная и восточную часть Черноморского побережья, от устья реки Кубани до бухты св. Николая. России передавался Ахалцихский пашалык с крепостями Ахалцих и Ахалкалаки. Турция обязывалась уплатить России контрибуцию; за русскими подтверждалось право пользоваться торговлей во всех областях Турецкой империи. Проливы объявлялись свободными для торговых судов всех стран.

После Адрианопольского мира отношения Австрии и России стали особенно напряженными. Австрийские дипломаты говорили, что Россия исключила Турцию из числа независимых держав и, захватив устье Дуная, создала непосредственную опасность для Австрии.

Прежней дружбы между Австрией и Россией не было и в помине. Австрия стремилась сблизиться с Англией для совместного противодействия преобладанию России на Востоке. Франция сближалась с Россией, чтобы вместе с ней и Пруссией действовать против Англии и Австрии. Однако новые связи и отношения не успели оформиться, когда произошло событие, снова потрясшее всю Европу и сблизившее недавних противников.

Царская Россия и революция 1830 года. Обострение Восточного вопроса

В июле 1830 г. произошла революция во Франции. Династия Бурбонов, посаженная на престол с помощью иноземных штыков, была свергнута.

«Итак, мои мрачные предвидения оправдались, — писал 14 августа 1830 г. Константин Павлович своему брату Николаю I, — начинается новая эра, и мы отброшены на сорок один год назад. Сколько трудов, сколько крови, сколько сил потрачено зря только

для того, чтобы привести к торжеству принципов, которые составляют основу принципов наших врагов». С такой же враждебностью встретил совершившиеся события и Николай I. В беседе с французским поверенным в делах он заявил: «Я не признаю никакого другого порядка вещей, кроме прежнего, и считаю его единственно законным потому, что он основан на легитимной монархии... принцип легитимизма — вот что будет руководить мною во всех случаях», — и, ударив рукой по столу, Николай I воскликнул: «Никогда, никогда не могу я признать то, что случилось во Франции».

Первое время русское самодержавие поступало в полном соответствии с этим заявлением. Царское правительство предложило французскому посольству немедленно выехать из Петербурга, а русскому послу возвратиться в Россию. Русским подданным, проживающим во Франции, предписывалось вернуться на родину. Кронштадтскому военному губернатору был отдан срочный указ: «По случаю возникшего во Франции мятежа... не допускать кораблям сей нации, плавающим под флагом трехцветным, а не белым, вход в Кронштадтский порт, но если бы усиливались войти в оный, то останавливать их действием оружия». Однако Николаю I вскоре пришлось несколько обавить свой пыл. Карл X отрекся от престола и бежал за границу. Попытка заменить его малолетним герцогом Бордосским (из старшей линии династии Бурбонов) не удалась. Позиция других европейских государств еще была неясна. Николай I вынужден был выжидать дальнейшего развертывания событий, а пока-что разрешить чинам французского посольства остаться в Петербурге с условием, чтобы они попрежнему носили символ бурбонской Франции — белые кокарды.

Одновременно царское правительство приступило к обсуждению плана интервенции против революционной Франции. Но организовать интервенцию против Франции теперь, в 1830 г., было нелегкой задачей. Со времени первых антифранцузских коалиций в жизни всех стран, в том числе и России, произошли большие изменения. В своей переписке с Николаем I Константин Павлович высказывался против немедленной интервенции прежде всего потому, что союзники не могут быть спокойны за свой тыл, как во время первых коалиций. «Новые идеи настолько укоренились во всех головах, — писал он, — и вообще пустили слишком глубокие корни среди большинства людей нового поколения, чтобы можно было предполагать обратное. Разве в 1812, 1813, 1814 и 1815 гг. у нас сочли бы возможным, чтобы у нас могло вспыхнуть возмущение, притом в Петербурге? Но, поскольку такой факт случился, разве он не может повториться, особенно если какая-нибудь отдаленная война приведет к удалению войск из страны, и мы будем нападающей стороной?».

Николай I ненавидел герцога Орлеанского (Луи-Филиппа), использовавшего парижские баррикады, чтобы вместо свергнутых Бурбонов стать королем Франции. Николай I называл его «якобин-

цем», узурпатором и отказывался признавать королем французов. Но после того как Англия, Пруссия и Австрия признали Луи-Филиппа, Николай I вынужден был последовать их примеру. «Известия из Вены, полученные вчера, — писал он 28 сентября 1830 г. Константину, — сообщают, что признание герцога Орлеанского состоялось там так же, как в Лондоне и Берлине; что мне остается делать? Если бы я следовал только внушениям своего сердца и своим личным чувствам; я никогда бы не решился на это признание, к которому я питаю отвращение и которое кажется мне несмываемым пятном... Это решение есть горькая пилюля, которую я вынужден проглотить». Николай I утешал себя теорией «меньшего зла». Страна не может оставаться без монарха. Она впадет в «анархию». Луи-Филипп лучше, чем анархия, тем более что он член королевской семьи. В секретной записке Луи-Филиппу Николай I заявил, что он ждет, что Луи-Филипп остановит революционный поток и укрепит внутренний порядок.

Николай I надеялся, что, несмотря на июльскую революцию во Франции, существующая система договоров останется в неприкосновенности, и порядок в остальной Европе нарушен не будет. Но эти надежды не оправдались. Бельгийская революция, происшедшая через месяц после французской, нанесла новый удар венским трактатам. Бельгия поднялась на борьбу за отделение от Голландии, к которой она была насильственно присоединена венскими «миротворцами» в 1815 г. Она посягнула на законные права короля Нидерландов, гарантированные Священным союзом. Вслед за тем движение перекинулось в германские и итальянские государства. Это вызвало новое беспокойство в реакционном лагере Европы. Борьба с революционным движением, и в первую очередь с революционным движением во Франции и Бельгии, стала как главная задача дня.

Революционная опасность сблизила союзников, рассорившихся по Восточному вопросу. Главный оплот Священного союза, монархический треугольник: Россия — Австрия — Пруссия, снова выступил на европейской арене как единая реакционная сила. Еще летом 1830 г., как только стало известно о революции во Франции, министр иностранных дел России Нессельроде, отдыхавший в Карлсбаде, встретился там с Меттернихом, чтобы договориться о совместных действиях России и Австрии. Предав забвению прежние несогласия, 25 июля (7 августа) 1830 г. они подписали так называемый «карлсбадский лоскут», в котором обязались не допускать, «чтобы французское правительство посягало на материальные интересы Европы в том виде, как они установлены и гарантированы общими договорами, а также на внутренний мир европейских государств». Царская Россия боялась, что Германия станет «жертвой революционных замыслов», что оплот, образуемый Австрией и Пруссией, падет, и революционная борьба с берегов Рейна перекинется на русские границы. Как писал барон Бруннов, задача России состоит в том, чтобы держать революционный дух

в отдалении от себя «посредством стран, отделяющих нас от очага революции».

В конце августа 1830 г. Николай I командировал генерала Дибича в Берлин, а генерала Орлова — в Вену для обсуждения с союзниками планов предстоящей интервенции. Генерал Дибич был настроен особенно воинственно. Он предлагал немедленно готовиться к «прогулке в Париж». Предполагалось, что Австрия направит войска в Италию, Пруссия — к Рейну, Россия — к своим западным границам, чтобы из этих пунктов по единому плану ринуться на врага.

Однако неожиданные события произошли в самой России: 29 ноября 1830 г., когда Дибич все еще вел переговоры в Берлине, началось восстание в Польше, изменившее планы России. В конце 1830 г. австрийский император Франц заявил Николаю I: «Я полагался на поддержку России, это была моя наиболее крепкая надежда на случай возмущения у меня. Но теперь вы сами заняты у себя дома». Польское восстание заставило русский царизм отменить готовившуюся интервенцию против Франции и Бельгии. Николай I вынужден был смириться с буржуазной революцией во Франции, а в декабре 1830 г. вместе с другими европейскими державами признать независимость Бельгии.

Польское восстание на целый год сковало вооруженные силы России, но оно было подавлено. Одновременно революционная волна спала и в других странах Европы.

Центр событий в это время снова передвинулся на Восток. «Как только на время утихает революционный ураган, — отмечали Маркс и Энгельс, — можно с уверенностью сказать, что снова всплывет на поверхность вечный «восточный вопрос»... Через несколько лет, когда отзвучали июльская революция и сопровождавшие ее восстания в Польше, Италии и Бельгии, — и Европа, в той форме, какую она получила в 1831 г., казалось, избавилась навсегда от внутренних потрясений, — восточный вопрос в 1840 г. снова чуть было не вовлек во всеобщую войну великие державы»[1].

Торжество контрреволюции в Европе царизм стремился использовать для укрепления и расширения своих позиций на Востоке. Главными объектами борьбы между Россией, Англией, Францией и Австрией были Балканский полуостров, восточная часть Средиземного моря и проливы Босфор и Дарданеллы, закрывавшие доступ в Черное море. Все это принадлежало Турецкой империи, но она находилась в состоянии упадка и переживала тяжелый внутренний кризис. Каждая великая европейская держава стремилась воспользоваться им в своих интересах.

Наряду с народами Балканского полуострова против турецкого султана выступали отдельные правители турецких провинций. Могущественный правитель Египта Мехмет-Али, которого поддерживала Франция, стремился не только отделиться от султана, но

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 371—372.

и, свергнув его, встать во главе большого мусульманского государства. В 1832 г. ему удалось разгромить войска султана и овладеть Сирией.

Положение турецкого султана стало критическим. Используя эту обстановку, можно было освободить народы Балканского полуострова, изгнать турок из Европы и ограничить Оттоманскую империю пределами собственно турецкой территории. Однако царское правительство не пошло по этому пути. Оно боялось, как бы на место слабой Порты не появилось новое крепкое мусульманское государство, и хотело поэтому по-иному разрешить Восточный вопрос. Вместе с тем, приняв на себя обязанности жандарма Европы, Николай I рассматривал действия египетского паши как революционную крамолу, направленную против «законного» турецкого султана. «Вся эта война, — говорил Николай I, — не что иное как последствия возмутительного духа, овладевшего ныне Европой и в особенности Францией».

Царизм поэтому порицал мятежные действия египетского паши и предлагал ему возвратиться в лоно покорных вассалов султана. Царская Россия не только не выступила против Турецкой империи, а, наоборот, боясь, что ее место займет более сильное государство, возглавляемое Мехмет-Али, поддержала развалившуюся Порту. Россия выступила в защиту политики неприкосновенности Турции, которую проводили тогда Англия и Австрия.

Самодержавие предложило свою помощь султану в борьбе против египетского паши. Конечно, эта помощь не была бескорыстной. Помогая султану, царизм хотел сделать его своим вассалом. Вот почему султан боялся «дружеских объятий» Николая I. Как только его положение ухудшалось, он был готов принять русскую помощь, но как только наступало улучшение, он был не прочь отказаться от нее. Когда в декабре 1832 г. генерал Муравьев впервые предложил прислать в помощь Турции русскую эскадру, султан выразил свою глубокую благодарность за внимание и дружбу, но насчет помощи промолчал. Но вот войска египетского паши одержали новые победы и стали приближаться к Константинополю. Султан Махмуд приказал тогда немедленно обратиться к русскому посланнику с просьбой о помощи.

8 февраля 1833 г. русская эскадра из девяти судов прибыла в Константинополь. 26 марта 1833 г. в турецкой столице появились и русские сухопутные войска. Пятитысячный отряд русских высадился в Константинополе и расположился лагерем в Ункиар-Искелесской долине. Бутенев заявил Турции, что русские войска останутся здесь до тех пор, пока египетский паша не уйдет из Малой Азии и не подпишет мира с султаном. Вслед за тем прибыл чрезвычайный посол Николая I граф А. Орлов. Он был облечен самыми широкими полномочиями. Ему предоставлялось право по своему усмотрению распоряжаться прибывшими в Турцию русскими вооруженными силами и действовать самостоятельно, не дожидаясь распоряжений из Петербурга.

Русские войска не приняли непосредственного участия в борьбе против Мехмет-Али, но их приход в Константинополь оказал определенное влияние на эту борьбу. Англия и Франция, сильно обеспокоенные появлением русских в Константинополе, приняли все меры, чтобы не допустить дальнейшего расширения русского вмешательства в турецкие дела. Они вызвали свой флот к берегам Египта и оказали давление на египетского пашу. В начале мая 1833 г. состоялось соглашение между Мехмет-Али и Махмудом. Война между султаном и пашой прекращалась. Повод для пребывания русских войск в Константинополе отпадал. Но царское правительство не хотело, чтобы его войска возвращались из Турции с «пустыми руками».

Царизм использовал пребывание своих войск в Константинополе, чтобы поставить своего слабого соседа в еще бо́льшую зависимость от себя и вместе с тем обеспечить свои интересы на Черном море. Орлов повел переговоры с турками о заключении нового договора. Он писал по поводу этих переговоров: «Я придерживался с турками системы ласкать одной рукой, сжимая другую в кулак. И это привело меня к счастливому успеху».

В июне 1833 г. Турция и Россия заключили Ункиар-Искелесский договор. Между обеими странами провозглашались мир и дружба. Целью договора, заключенного на 8 лет, объявлялась взаимная защита обоих государств «против всякого покушения». Россия и Турция обещали «договариваться откровенно касательно всех предметов, которые относятся до их обоюдного спокойствия и безопасности, и на сей конец подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление». Россия обязалась снабжать Турцию таким количеством войск, которое обе договаривающиеся стороны признают возможным. Взамен этого Турция обязалась закрывать Дарданельский пролив, когда русским берегам Черноморья будет угрожать опасность, не дозволяя «никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом». Для России, как союзницы Турции, проливы оставались открытыми. Через два дня после заключения такого выгодного для России договора русские войска торжественно отплыли из Константинополя.

Поворот событий в пользу России особенно сильно встревожил Англию и привел к обострению англо-русских отношений. Англия хотела сохранить неприкосновенность Турции вовсе не для того, чтобы она превратилась в вассала России. Она стремилась установить собственное господство на Ближнем Востоке и на Балканах. Независимая и цельная Турция нужна была Англии как удобное орудие ее захватнической политики в противовес России.

Ункиар-Искелесский договор наносил удар этому плану. «Оккупация Константинополя русскими отрядами, — говорил Роберт Пилль в английской палате, — решила судьбу Турции как самостоятельного государства».

Английское и французское правительства отказывались признавать Ункиар-Искелесский договор и настаивали на восстановлении равенства всех великих держав в отношении Турции. Взаимоотношения между Россией и Англией были в эти дни настолько напряженными, что казалось, дело неминуемо кончится войной. Англия уже готовилась к войне, спешно вооружаясь и усиливая свой флот. Но воевать одна Англия не могла. Франция, занятая своими внутренними делами, не могла оказать ей непосредственную военную помощь.

Острый конфликт между обеими странами возник в связи с захватом русскими властями английского судна «Виксен», на котором перевозились порох и боевые припасы горцам, восставшим против русского владычества. Судно это было конфисковано в гавани Суджук-Кале согласно Адрианопольскому договору, по которому все кавказское побережье Черного моря находилось под властью России и только два порта — Анапа и Редут-Кале — были открыты для свободного посещения их кораблями всех стран. Конфискация судна «Виксен» вызвала резкие протесты английского правительства. Лорд Пальмерстон доказывал, что Россия не имеет права владеть всем кавказским побережьем. Русский посол в Лондоне Поццо-ди-Борго в ответ на это заявил, что правительство России не допустит, чтобы третья держава вмешивалась в вопросы, которые решены ее договорами с Турцией.

Английское правительство стремилось ликвидировать ненавистный для него Ункиар-Искелесский договор окольным путем. Руководитель внешней политики Англии Пальмерстон говорил, что «единственным средством представляется мне потопление его в каком-либо общем договоре такого же рода». Случай для такого «потопления» скоро представился. Надежды турецкого султана сломить своего непокорного вассала и отнять занятые им области не оправдались. Борьба между султаном и пашой возгорелась с новой силой. Сражение при Незиби, происшедшее в июне 1839 г., привело к новому разгрому султанской армии. Сам Махмуд умер через несколько дней после сражения, и турецкий престол перешел к 12-летнему Абдул-Меджиду. Турция оказалась без армии и флота с малолетним султаном во главе. Восточный вопрос с новой остротой встал в центре политической жизни Европы.

Англия не хотела допустить победы Мехмет-Али и окончательного разрушения Турецкой империи, но она очень опасалась, как бы, по примеру 1833 г., царская Россия не вмешалась в турецкие дела, тем более что Ункиар-Искелесский договор, дававший ей такую возможность, оставался в силе. Она решила парализовать сепаратные действия России. Было внесено предложение о коллективном вмешательстве важнейших европейских государств в дела Востока. Николай I понимал, что англичане хотят «нас связать обязательствами, которые под видом пользы Турции направлены в действительности против нас». Однако он не смог предотвратить этого.

Англия, Австрия, Пруссия и Россия заявили, что берут Турцию под свое коллективное покровительство и после длительных переговоров в июле 1840 г. в Лондоне подписали протокол о необходимости совместно «блюсти сохранность и целость независимой Порты». В отличие от Ункиар-Искелесского договора Лондонская конвенция объявляла, что престол султана защищается «всеми державами сообща». Предложение России о пребывании в проливах только русского флота с тем, чтобы англо-французские суда защищали интересы султана в Средиземном море, было отвергнуто. Лондонская конвенция объявляла, что по просьбе султана суда всех союзных держав войдут в проливы, когда же их присутствие окажется излишним, они одновременно удалятся: одни — в Черное море, другие — в Средиземное. Условием мира между пашой и султаном выдвигалось предоставление Мехмету-Али в потомственное владение Египта и в пожизненное управление южной части Сирии. Все четыре державы обязывались соединить свои усилия «к побуждению Мехмета-Али на эти условия».

В феврале 1841 г. на основе предложений союзников война между султаном и пашой была прекращена. На востоке Европы был установлен мир. Англия, Россия, Австрия, Пруссия, Франция и Турция подписали в Лондоне новую конвенцию. Конвенция 1 июня 1841 г. торжественно провозглашала неприкосновенность прав и владений турецкого султана. Султан объявлял, что имеет твердое намерение следовать древнему правилу, «в силу коего всегда было воспрещено военным судам иностранных держав входить в проливы Дарданеллы и Босфор, и пока Порта находится в мире, его султанское величество не допустит ни одного военного иностранного судна в сказанные проливы». Англия, Россия, Австрия, Пруссия и Франция обязались «уважать и сообразовываться с этим решением султана». Конвенция 1841 г. не допускала иностранные военные суда в проливы, «пока Порта находится в мире», но в случае войны Порта могла открыть проливы своим союзникам. Это являлось большой угрозой для России.

Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. наносили удар политике царизма на Востоке. Россия отказалась от прав, предоставленных ей Ункиар-Искелесским договором. Лондонские конвенции ослабляли влияние России на Балканском полуострове и осложняли борьбу народов Балкан против Турции, поставленной теперь под коллективную опеку важнейших стран Европы.

Европейские державы придерживались со времен французской революции политики сохранения status quo (настоящего положения вещей). Маркс и Энгельс говорили, что такая политика является свидетельством бедности, признанием руководящих держав в своей полной неопытности подвинуть вперед дело прогресса или цивилизации. «Сохранить в Турции status quo! С таким же правом можно было бы попытаться удержать лошадиную падаль на одной и той же ступени гниения, не давая наступить полному разложению. Турция разлагается и будет все больше разлагаться,

пока будет существовать теперешняя система «европейского равновесия» и status quo»[1]. Восточный вопрос не был разрешен. Европейские державы лишь отодвинули его решение. Между «опекунами» Турции неизбежно должна была вспыхнуть новая и притом более ожесточенная борьба. В 30—40-х годах на более узкой базе разыгрывались те самые противоречия, которые впоследствии привели к Крымской войне.

Балканы и славянский вопрос

Политика европейских держав, направленная на сохранение в неприкосновенности Турецкой империи, препятствовала освобождению народов Балканского полуострова от турецкого ига. «В чем состоит этот status quo? — спрашивали Маркс и Энгельс. — Для христианских подданных Порты он обозначает лишь увековечение их угнетения Турцией. И пока они будут стонать под игом турецкого владычества, они будут видеть в главе греческой церкви, повелителе шестидесяти миллионов православных, *своего естественного защитника и освободителя*»[2].

Маркс и Энгельс отмечали, что «...серб, болгарин, боснийский райа, славянский крестьянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с говорящими на том же языке римско-католическими юго-славянами; что бы ни случилось, они ожидают из Петербурга своего мессию, который освободит их от всех зол»[3].

Эти ожидания не были напрасны. Соглашаясь под давлением других держав с политикой сохранения status quo в отношении Турецкой империи, царская Россия фактически нарушала эту политику и наносила удары Турции, лишая ее прежних позиций на Балканах. Царизм делал это не в бескорыстных целях. Он стремился установить на Балканах свое господство. Такое господство укрепило бы положение реакции и привело бы к введению на Балканах самодержавного феодального строя. Народы Балкан были заинтересованы не в установлении господства русского самодержавия, а в создании на территории европейской Турции независимых славянских государств.

Однако, несмотря на агрессивные стремления царского правительства, борьба России с Турцией во второй четверти XIX в. сыграла большую положительную роль в судьбах балканских народов. Военные успехи России в войнах с Турцией всякий раз благотворно отражались на их положении: мирные договоры между Россией и Турцией неизменно включали в себя пункты о расширении прав народов Балкан. Турция отказывалась признать Лондонскую конвенцию трех держав о Греции, пока русская армия не

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 372—373.
[2] Там же, стр. 393.
[3] Там же, стр. 377.

разгромила турок в войне 1828—1829 гг. Победа России и заключенный в связи с этим Адрианопольский мир привели к созданию автономного греческого государства. Оно имело строго определенную территорию и должно было возглавляться конституционной христианской монархией. Однако автономия не могла удовлетворить греков. Они потребовали полной независимости для своего государства. Россия, Англия и Франция поддержали их требование. В феврале 1830 г. они подписали новый протокол, согласно которому Греция провозглашалась независимым государством с монархом во главе. Порта была бессильна противодействовать этому. На Балканах появилось первое самостоятельное государство во главе с баварским принцем Оттоном, ставшим теперь греческим королем.

Другие балканские народы с помощью России также добились расширения своих прав. Аккерманская конвенция 1826 г. закрепляла автономию придунайских княжеств — Молдавии и Валахии — под покровительством России. Господари княжеств должны были избираться на семь лет местными диванами из среды турецких бояр. Турецкий султан утверждал избранных господарей, но сместить их он мог лишь с согласия русского правительства. Господари имели право облагать население налогами и повинностями по согласованию с Турцией и Россией. Для каждого княжества решено было выработать статут внутреннего управления. При заключении Адрианопольского мира в 1829 г. Россия добилась дальнейшего расширения автономии Молдавии и Валахии. Господари назначались отныне пожизненно. Им предоставлялось право набирать милицию, необходимую для защиты страны и охраны внутреннего порядка. Мусульмане должны были выехать из княжеств.

Жители княжеств освобождались от снабжения продовольствием как самой Турции, так и ее балканских крепостей и арсеналов и имели право пользоваться свободой торговли. Кроме того, Порта уступала Валахии ряд городов на левом берегу Дуная.

Все это значительно улучшало положение Молдавии и Валахии и почти совершенно освобождало их от турецкого господства.

После Адрианопольского мира в целях закрепления нового положения Россия временно оставила свои войска на территории придунайских княжеств. Внутренняя жизнь этих стран находилась тогда под контролем русского генерала П. Киселева. Эта оккупация продолжалась пять лет — до 1834 года. Наиболее крупным мероприятием за время оккупации русскими войсками дунайских княжеств была разработка и проведение органического статута, определившего внутреннее устройство княжеств.

В 1831 г. на генеральных собраниях в Яссах и Бухаресте, состоявших главным образом из местных бояр, органический статут был утвержден.

Органический статут 1831 г. сохранил прежний феодальный строй в Валахии и Молдавии. Господствующим сословием оста-

лись крупные землевладельцы-бояре. Обязательный труд крестьянина ограничивался 24 днями в году, но фактически размеры барщины были значительно выше. В княжествах учреждались общие собрания из духовенства, бояр и депутатов провинций, им принадлежала законодательная власть. Они избирали господарей, контролировали доходы и расходы, распределяли взимание податей и т. д.

Во второй четверти XIX века Россия добилась осуществления автономии для сербов. Заключая Аккерманскую конвенцию, Турция обязалась в течение 18 месяцев издать конституционную грамоту для Сербии, которая провозглашала бы свободное избрание воевод, независимость администрации, свободу вероисповедания, слияние всех видов обложения в единый налог, присоединение округов, первоначально отделенных от княжества, свободу торговли, основание больниц, школ, типографий, запрещение мусульманам селиться в стране (за исключением лиц, принадлежащих к гарнизонам).

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. задержала осуществление этих мероприятий, но вслед за победой России и подписанием Адрианопольского договора в августе 1830 г. Порта вынуждена была торжественно провозгласить в специальном акте введение всех тех прав, которые она обещала дать Сербии в Аккермане. С этого момента Сербия получила действительную автономию. Она была обязана попрежнему платить Турции дань, а в белградской крепости продолжал стоять турецкий гарнизон, но зато Сербия имела теперь свою национальную милицию, финансы и сама разрешала все вопросы внутреннего управления. Когда Порта не выполнила своего обещания о присоединении округов, первоначально отделенных от княжества, сербы заняли их силой и выселили оттуда турок.

В дальнейшем внутри Сербии развернулась ожесточенная междоусобная борьба, ослаблявшая молодое княжество. Враги славянских народов — Турция и Австрия — стремились использовать эту борьбу в своих интересах: Австрия — чтобы подчинить сербов своему господству, Турция — чтобы уничтожить их автономию и восстановить прежнее положение.

Однако эти попытки не удавались. Свергались князья, изменялось внутреннее устройство княжества, но несмотря на это сербский народ неуклонно шел вперед, шаг за шагом завоевывая свою независимость. Сербский народ все быстрее консолидировался в нацию.

В 1830—1840 гг. особенно быстро шло культурное развитие Сербии: основывались музеи, библиотеки, театры, издавались журналы, книги, альманахи, организовывались училища и школы. В то время как за весь XVIII век было издано 220 сербских книг, за 1800—1850 гг. их вышло 1 400. В 1827 г. было создано издательство книг на сербском языке «Матица сербская» (пчелиная матка), которое превратилось в центр распространения родного

языка, литературы, просвещения. Вслед за тем «Матицы» появляются и в других славянских странах — в Чехии, Хорватии, Словении.

Таким образом, с помощью России во второй четверти XIX в. и греки, и румыны, и сербы сделали серьезный шаг на пути к полному освобождению и независимости. «Когда в 1804 году разразилась сербская революция, — отмечали Маркс и Энгельс, — Россия тотчас взяла под свою защиту восставших «райа» и, поддержав их при помощи двух войн, закрепила в двух договорах внутреннюю независимость Сербии. Кто решил исход борьбы при восстании греков? Не заговоры и возмущения Али-паши под Яниной, не битва при Наварине или французская армия в Морее или конференции и протоколы в Лондоне, — а Дибич, вступивший во главе русской армии через Балканы в долину Марицы; и в то время как Россия совершенно спокойно и не боясь ничего совершала свое дело раздробления Турции, западные дипломаты продолжали гарантировать и поддерживать status quo и неприкосновенность Турции»[1].

Иным было положение тогдашней Болгарии. Политическое положение болгарского народа оставалось в это время без изменений, он находился попрежнему под тяжелым турецким игом.

Болгарский народ с надеждой взирал на Россию. В 1828—1829 гг., когда русские войска вступили на территорию Болгарии, их горячо приветствовало местное население, отряды добровольцев-болгар под руководством героя Мамарца с оружием в руках поддерживали русских.

После Адрианопольского мира русская армия покинула Болгарию. Пребывание русской армии в Болгарии не прошло бесследно. С тех пор болгарский народ вступил на путь активной борьбы за свое освобождение. В 30—40-х годах болгарские патриоты организовали ряд заговоров и выступлений против турецкого владычества. В 1841 г. вспыхнуло открытое восстание. Восстание 1841 г., как и все предыдущие выступления болгар, было потоплено в крови. Но борьба продолжалась. Вместе с тем во второй четверти XIX в. широко развернулось культурное возрождение Болгарии. Первый толчок в этом направлении дала книга Венелина «Древние и нынешние болгаре», вышедшая в 1829 г. Юрий Венелин — по происхождению закарпатский украинец, переселившись в Россию и окончив Московский университет, занялся изучением болгарской истории, был командирован Российской Академией наук в Болгарию. Там он изучал болгарский язык, собрал большой материал по истории и этнографии, составил болгарскую грамматику, записал болгарские песни и пр. Работа Венелина, особенно его книга «Древние и нынешние болгаре», как бы воскресила болгарский народ. Она, говорил болгарский историк, воспевала

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 394.

минувшие судьбы некогда славного и блестящего племени в противоположность своему современному унижению и ничтожеству.

С чувством горечи узнал болгарский народ в 1839 г. о смерти Венелина, навсегда сохранив память об этом русском ученом. И на его могиле в Москве, в Даниловском монастыре, болгаре поставили памятник. Надпись на нем гласит, что Венелин, «напомнил свету о забытом, но некогда славном и могущественном племени болгар и пламенно желал видеть его возрождение».

Со второй четверти XIX в. устанавливается тесная культурная связь Болгарии с Россией. Русское влияние становится господствующим в болгарской литературе. Передовые болгарские деятели — поэты, ученые, историки, этнографы, публицисты — едут в Россию. Они учатся в русских университетах, знакомятся с русской наукой и, возвратившись на родину, возглавляют дело болгарского просвещения. В 30—40-х годах возникают первые болгарские училища и типографии, впервые на болгарском языке выпускаются буквари, учебники, издаются книги, журналы, альманахи, появляются труды по болгарскому языку, грамматике, истории. Начинается борьба за освобождение болгарской православной церкви от греческого влияния.

В отличие от славянских народов Балкан, постепенно освобождавшихся от турецкого ига, славяне, находившиеся под австро-венгерским господством, и во второй четверти XIX в. оставались в прежнем положении. Чехи, словаки, хорваты, словенцы продолжали угнетаться немцами и венграми. Однако попытки онемечить и омадьярить подвластное им славянское население не удавались. Больше того, с начала XIX в. среди этого населения все шире пробуждается национальное самосознание и стремление к освобождению от иноземного ига. Среди интеллигенции появляется глубокий интерес к прошлому своего народа, к языку, народной поэзии, искусству и т. д. Закладываются научные основы славянских языков, основываются национальные театры и музеи, возникает национальная литература, появляются труды по истории, химии, журналы, школы, организуются патриотические общества. Это национальное возрождение особенно широко коснулось двух народов Австро-Венгрии — чехов и хорватов. Национальное движение чехов было направлено против немцев, хорватов — против мадьяр. Прага и Загреб были двумя центрами этого движения.

Славянские народы понимали, что, действуя поодиночке, они бессильны добиться независимости. Идеи национального возрождения неизбежно вызывали стремление к славянскому единству. Не случайно поэтому, что все виднейшие деятели чешского или хорватского национального движения того времени проповедывали общность интересов всех славянских народов. Известный чешский поэт и просветитель Ян Коллар говорил: «Недостаточно быть хорошим русским, горячим поляком, совершенным сербом, ученым

чехом — дух нынешнего славянства налагает на нас другую высшую обязанность — считать всех славян братьями одной великой семьи».

Поэма Коллара «Дочь Славии» представляла собой пламенный призыв ко всем славянам объединиться для борьбы с общим врагом — германизмом. Другой выдающийся чешский общественный деятель и славянист П. Шафарик в своих сочинениях показывал силу славянских народов и их вклад в общеевропейскую культуру.

Деятели хорватского возрождения организовали иллирийское движение, стремясь объединить южно-славянские народности. Они рассматривали его как часть общеславянского движения. Хорватские просветители говорили о великом славянском исполине, раскинувшемся от Адриатического моря до Ледовитого океана и Китая, об общих врагах славянства, о месте, которое должны занять славянские народы среди других народов. Хорватский писатель Сельян писал: «Мы тождественны не только по крови и языку вообще и в этом отношении составляем одно тело с чехами, поляками и русскими; мы больше родственны с ними и в теснейшем смысле, по наречиям, песням, обычаям, национальным воспоминаниям, — дух настоящего славянства налагает на нас другую высшую обязанность, именно, чтобы все славяне считали себя братьями одного великого семейства».

И вполне естественно, что мысли и чувства славянских народов прежде всего обращались к братскому русскому народу, самому сильному и многочисленному и вместе с тем единственному славянскому народу, сохранившему свою независимость и могучее самостоятельное государство.

Славянские народы смотрели на русский народ с любовью и уважением, они пользовались его культурными богатствами и видели в нем главную опору в своих национальных стремлениях.

Часть украинского народа — закарпатские украинцы в течение многих столетий были оторваны от Украины и, находясь под властью немцев и венгров, испытывали тяжелый национальный гнет. Но они сумели сохранить свою самобытность и пронести сквозь века ненависть к угнетателям славянских народов и любовь к своему старшему брату — русскому народу. Поэт закарпатских украинцев Александр Духнович писал:

«Я русином был, есть и буду,
Я родился русином,
Честный народ мой не забуду,
Останусь его сыном».

Духнович писал, что «мати наша едина... свои то за горами. Русь едина, одна у всех в думе». Словацкий писатель Штур в своей книге «Славянство и мир будущего» писал: «Русские — единственные славяне, сохранившие свою самостоятельность и тем спасшие честь славянского имени». «Несмотря на то, что Россий-

ская держава достигла такой высоты, не в этом однако заключается главная причина тяготения славян к России, но в том, что русский народ имеет силу не только создавать, но и сохранять созданное... Такому предводителю славянские племена могут довериться без опасения».

В то время как русский царизм часто использовал славянский вопрос в своих реакционных захватнических целях и в ряде случаев вместо поддержки национального освобождения славянских народов помогал их злейшим врагам — Австрии и Пруссии, русский народ всегда стремился помочь освобождению славянских братьев от турецкого и австро-венгерского ига. Во всех балканских войнах, как и в борьбе внутри Австро-Венгрии, его симпатии были неизменно на стороне славянских народов.

Передовые люди тогдашней России, как и других славянских стран, стремились к установлению тесного славянского единства. Мы уже знаем, что одно из обществ декабристов — общество соединенных славян — ставило перед собой задачу создать федерацию свободных славянских республик. Объединить славянские народы стремились также Кирилло-Мефодиевское братство и славянофилы, о которых мы будем говорить впоследствии. Идея славянского единства нашла свое яркое выражение и в тогдашней литературе. Поэт-декабрист Одоевский в 1832 г., будучи в ссылке, написал стихи «Славянские девы», в которых зовет все славянские народы к единению. Одоевский пишет, как нежны и быстры напевы польских дев; какие простые, но полные жизни и красоты песни поют сербские девы. И он спрашивает «В голос единый, что не сольете всех голосов славянских племен?». Поэт призывает старшую деву, т. е. Россию, выйти в поле чистое, устроить хоровод с сестрами и, «дружно сплетясь руки с руками, радостно песню свободы запеть».

Во второй четверти XIX в. в передовом русском обществе особенно возрос интерес к истории и судьбам славянских народов. В переводе на русский язык выходят памятники древней чешской литературы. В Петербурге и Москве издаются сборники болгарских песен.

В 1835 г. в русских университетах были созданы кафедры истории и литературы славянских народов. Молодые русские ученые направились за границу в славянские земли для подготовки курса славяноведения. В числе их был замечательный русский славянист И. Срезневский. За три года — с 1839 г. по 1841 г. — он побывал в 120 городах и селах Моравии, Чехии, Сербии, Хорватии, Черногории, Словакии и других землях и в своих письмах оттуда показывал положение этих народов и их отношение к русским. Срезневский писал, что славяне — горячие патриоты. Они любят свою родину, свою культуру, язык и вместе с тем стремятся к славянскому единению. Срезневский встретил самый радушный прием, и всюду ему задавали вопрос: «Когда же наступит время, что все мы — братья славяне подадим братски руки

друг другу? Все радовались, что видят русского в своем обществе.

Словацкий писатель Иван Голый, узнав, что Срезневский русский, со слезами радости говорил: «Русский? Русский! О боже мой!», — и мы обнялись, как родные, как отец с сыном... Радость видеть русского одушевляла его. Голый обнимал меня, целовал, жал руки. «Русский! О вы, русские, великий народ, слава славян». Провожая Срезневского, Голый сказал ему на прощание: «Не забывай, милый друг, в твоей великой родине нас, бедных словаков, скажи своим, что мы их любим, как братьев».

Поездки русских ученых в славянские страны не прошли бесследно. Между русскими и славянскими учеными и писателями завязалась переписка. Словацкий патриот и ученый Штур писал Срезневскому: «Дай бог, чтобы мы, наконец, познали как следует друг друга, чтобы мы, дети единой матери, разбросанные по всему свету и в течение столетий оторванные друг от друга, полюбили друг друга». Вместе с учеными других славянских стран Штур радовался, что в России все большее внимание уделяется изучению истории, быта, языка всех славянских народностей, в том числе и самых мелких. «Мы восторгаемся вами, братья, — писал Штур Срезневскому, — что вы в своих лекциях бережно относитесь также к языкам небольших народностей и не придерживаетесь, что существует только четыре славянских языка и четыре славянские литературы».

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 30—40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Массовые волнения

Герцен писал, что двадцать пять лет, следовавших за 14 декабря 1825 г., труднее характеризовать, чем всю эпоху со времени Петра I. Два противоположных явления спутывают наблюдения. Внешне Россия казалась неподвижной и даже шла назад, но в сущности все принимало новый вид: «...внутри совершалась великая работа, — работа глухая и безмолвная, но деятельная и непрерывная: всюду росло недовольство, революционные идеи за эти двадцать пять лет распространились сильнее, чем за целое столетие, которое им предшествовало...».

В 30—40-х годах XIX в. в условиях жестокого николаевского режима в России широко развернулись массовые волнения. Французский путешественник маркиз де-Кюстин писал о России в 1839 г.: «...Россия — котел с кипящей водой, котел крепко закрытый, но поставленный на огонь, разгорающийся все сильнее и сильнее. Я боюсь взрыва, и не один я его боюсь... ибо в наши дни империи подобны машинам, ржавеющим от бездействия и изнашивающимся от работы». «Крестьянские волнения растут, каждый день слышишь о новых поджогах и убийствах помещиков».

За 30 лет, с 1825 г. по 1855 г., по неполным данным министерства внутренних дел, в России было 674 крестьянских волнения. Крестьянское движение носило попрежнему стихийный и раздробленный характер. Оно выливалось в формы массового неповиновения помещикам, расправы над помещиками и помещичьими властями, захвата имений и пр. За 9 лет, с 1835 г. по 1843 г., за убийство помещиков было сослано 416 крепостных.

Больших размеров достигли побеги крестьян. Бежали на Кавказ, в Новороссию, Бессарабию, в Оренбургские степи, за границу. Бежали не в одиночку, а большими массами. Царское правительство посылало специальные отряды для ловли беглецов и насильственного возвращения их на прежние места. Но это мало помогало. «В 40-х годах, — говорили современники, — побеги являлись чем-то болезненным... Огромные массы людей двигались из Саратовской, Симбирской и других сопредельных губерний».

Крестьяне того времени были еще проникнуты верой в царя. Они надеялись, что царь освободит их от тяжелого помещичьего гнета. Среди крестьян появлялись самозванцы, которые выдавали

себя то за царских агентов, то за великих князей, то за самого царя, призывая от их имени к борьбе с помещиками.

Крестьяне протестовали против усиления крепостнического гнета, тяжести барщины и оброка, издевательств помещиков и их управляющих. Однако за всем этим скрывались более серьезные причины. Развитие новых капиталистических отношений выдвигало на первый план основной вопрос — об уничтожении всей крепостнической системы, о ликвидации крепостной неволи. «Народ уже не тот, что был двадцать — тридцать лет назад», — отмечали современники. Третье отделение писало, что из года в год между помещичьими крестьянами распространяется мысль о вольности. Случаи неповиновения крестьян своим помещикам происходят не от жестокого обращения помещиков, но «единственно от мысли иметь право на свободу». «Мысли о свободе посеяны везде, — писал современник, — народная толпа перетолковывает в этом смысле каждую правительственную меру, даже каждое действие частных лиц: только одно продолжительное пребывание войск может, и то только на время, предупредить беспорядки».

Третье отделение, хорошо знавшее настроение масс, сообщало, что среди крестьян распространены различные предсказания, что крестьяне ждут своего освободителя, дав ему имя Метелкина. Они говорят между собой: «Пугачев попугал господ, а Метелкин подметет их». В «Нравственно-политическом отчете за 1839 год» Третье отделение делало следующий интересный вывод: «Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же и что ныне составилась огромная масса беспоместных дворян и чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству».

Где же выход? Как предотвратить взрыв, если «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством»? Третье отделение передавало мнения на этот счет «здравомыслящих людей». С одной стороны, признается необходимым, чтобы правительство исподволь подготовляло освобождение крестьян от крепостного состояния; с другой стороны, многие опасаются, что всякая неосторожность и поспешность в этом деле могут нарушить общественное спокойствие. «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только будет мера спасительна, когда будет предпринята самим правительством тихо, без шума, без громких слов и будет соблюдена благоразумная постепенность. Но что это необходимо и что крестьянское сословие есть пороховая мина, в этом все согласны».

«Лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу от народа». Мы знаем, что эти слова, приведенные в донесении Третьего отделения, впоследствии были почти дословно повторены русским императором Александром II. Но это произошло значительно позднее. Пока же самодержавие стреми-

лось беспощадно подавлять всякие попытки протеста со стороны крестьян.

Крестьянские движения подавлялись царским правительством большей частью с помощью вооруженной силы. Вот типичная выдержка из жандармского донесения, относящаяся к 1847 г.: «Крестьяне внутренних губерний возмущались в 26 имениях. Спокойствие восстановлено было большей частью при содействии воинских команд, а в имении помещика Ярославской губернии Томановского, по упорству крестьян и вредному примеру для других вотчин, в которых замечен также дух своеволия, признано было необходимым предать виновных военному суду». Приговоры крестьянам, выносимые местными властями и утверждаемые самим Николаем I, были однотипны. В Ярославской губернии группа крестьян была наказана кнутом, плетьми, батогами и сослана в Сибирь за отказ платить оброк и за неуважение к начальству. Группа гродненских крестьян была прогнана сквозь строй в 500 человек и т. д. Так как эти наказания нельзя было выдержать «без отдыха», было разрешено устраивать перерыв и ждать выздоровления наказуемого.

Волнения происходили не только среди помещичьих, но и среди государственных крестьян. Они были связаны с новым законом о государственных крестьянах, о котором мы уже говорили. Государственные крестьяне боролись против введения новых органов суда и управления, повышения оброков, принудительной общественной запашки, насильственного переселения и т. п. Крестьяне громили сельские волостные правления, захватывали казенный хлеб, избивали старост, сборщиков, чиновников. Они оказывали упорное сопротивление воинским командам. В Вологодской губернии в 1840 г. в движении приняло участие до 20 тыс. крестьян, в Оренбургской в 1843 г. — 40 тыс. крестьян. В Пермской и Вятской губерниях против восставших была двинута артиллерия, в Челябинский уезд было направлено 10 тыс. солдат пехоты и конница при 10 орудиях.

Волнения среди удельных крестьян приняли особенно широкие размеры в 30-х годах. Крестьяне выступили против тяжелых оброков, притеснений чиновников и пр. Единодушно отказываясь повиноваться, крестьяне продолжали стойко держаться и тогда, когда для их усмирения прибывали воинские команды. Вот какую жуткую картину описал некий Строев, подавлявший в 1838 г. волнение удельных крестьян Сызранского уезда. Строев выстроил в деревне свою команду из 40 солдат и спросил собравшихся крестьян: «Повинуетесь ли?» Крестьяне в один голос ответили: «Нет, не повинуемся». Обратился к первому: «Повинуешься ты закону?» — «Нет, не повинуюсь». — «Закон дал государь, так ты не повинуешься и государю?» — «Нет, не повинуюсь». — «Государь — помазанник божий, так ты противишься богу?» — «Супротивляюсь». «Я имел терпение, — говорит Строев, — задавал каждому мужику одни и те же вопросы и от каждого получал

одинаковые ответы, и каждого передал жандармам, и каждого во дворе вязали и клали... Пришел во двор, все дворы устланы связанными бунтовщиками. «Розги! давайте первого». Выводят старика, лет 70-ти: «Повинуешься?» — «Нет!» — «Секите его»... Наконец, старик умер, я приказал мертвому надеть кандалы; один за другим 13 человек были засечены насмерть и на всех кандалы».

В 30—40-х годах XIX в. крупные волнения происходили среди рабочих, число которых в России непрерывно росло. Движение рабочих в этот период, так же как движение крестьян, было стихийным и раздробленным, с наивной верой в царя-батюшку. На Казанской фабрике Осокина ткач Мясников вместе со своим сыном и ткачом Ожогиным руководил «всем обществом», писал жалобы и решил лично поехать в Петербург, чтобы подать их царю. Начальство узнало об этом и всех зачинщиков посадило в тюрьму. Однако в 1836 г. рабочим удалось подать жалобу Николаю I. На завод назначили комиссию. Она нашла, что «жалобы рабочих происходят единственно от их закостенелой лености и мыслей о свободе». 50 человек были отданы в солдаты, многих подвергли полицейским наказаниям, от остальных потребовали подписки в повиновении. Когда рабочие отказались дать подписку, цепь казаков окружила фабрику, заперла ворота и приступила к порке. Суконщики с детьми пробовали вырваться за ворота, но казаки отгоняли их нагайками. Расправа над рабочими продолжалась с 9 час. утра до 4 час. дня.

На заводе Лазарева в Пермской губернии в 1836 г. среди учеников горнозаводской школы возник кружок, который составил воззвание против крепостного рабства. «Для блага России и потомства, — говорилось в этом воззвании, — ничего не остается больше делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое всячески старалось бы о ниспровержении власти, присвоившей ее несправедливо, и об ускорении свободы». В воззвании указывалось, что граждане других стран «единодушно восстали и сбросили с себя несносное им невольничество и сделались свободными гражданами». В связи с воззванием были произведены аресты. Рабочий Петр Поносов заявил, что кружок имел целью «сперва ниспровергнуть ближайших начальников, затем отторгнуться от власти помещиков и, наконец, распространить мысль о восстановлении всеобщей вольности». Большинство арестованных было отдано в солдаты.

Массовые протесты рабочих вызвали первое в России «рабочее законодательство». 7 августа 1845 г., после предварительного обсуждения на заседании Мануфактурного совета, был издан указ о рабочем дне малолетних, в котором говорилось: «Обязать подписками хозяев рабочих, на коих производится работа по ночам, чтобы они малолетних рабочих — 12 лет и моложе — не назначали в смену с полночи до 6 часов утра, и наблюдение за сим предоставить местному начальству». Но этот закон так и остался

на бумаге. Он даже не попал в Свод законов, обязательных к исполнению. Зато в 1845 г. в новом Уложении о наказаниях оказались пункты, направленные против рабочих. Выступление против фабриканта Уложение приравнивало к выступлению против власти. Другая статья того же Уложения впервые в истории русского законодательства устанавливала наказание за стачки рабочих. Зачинщики стачки должны были подвергаться аресту от 3 недель до 3 месяцев, прочие участники стачки — от 7 дней до 3 недель.

В массовом движении 30—40-х годов большое значение имели волнения 1830—1831 гг. Они возникли в связи с эпидемией холеры и получили в литературе название «холерных бунтов». Однако на самом деле холера была лишь поводом. В волнениях 1830—1831 гг. проявился массовый протест против всего самодержавно-крепостнического строя, против произвола царских чиновников и администраторов и бесправия народа. В связи с холерой устраивались крестные ходы, читались проповеди, а также проводились строгие карантинные мероприятия. Но царская администрация проводила карантин так, что вызвала огромное озлобление населения. Наспех сколоченные бараки являлись очагами заразы. Люди умирали не столько от холеры, сколько от правительственных «мероприятий». Холерная эпидемия оказалась также хорошим средством для грабежей и злоупотреблений со стороны царской администрации. Среди народа ходили слухи, что чиновники и богачи сознательно отравляют народ.

Волнения в связи с холерной эпидемией возникли в разных концах России — в Петербургской, Московской, Псковской, Тверской и других губерниях. Крупный «холерный бунт» произошел в ноябре 1830 г. в Тамбове. Слухи, что господа отравляют колодцы, были толчком к выступлению. Пятитысячная толпа захватила губернатора и разгромила больницу. Власти растерялись и бездействовали. Но, как и все последующие бунты, волнение в Тамбове носило стихийный характер. Массы, поднявшиеся на борьбу, не знали, что делать, они не использовали благоприятного момента и разошлись, чтобы на другой день собраться при первом ударе к заутрене. Этим и воспользовалось начальство. Стянутые из других городов и окрестностей войска подавили движение. 200 человек было арестовано. Главные участники подверглись строгому наказанию: их били плетьми и отправили на каторгу.

В июне 1831 г. начались волнения в Петербурге. Возмущенные режимом полицейского произвола, установленного в связи с холерой, жители Петербурга заволновались. В разных концах города начались беспорядки. Народ разбивал холерные кареты, громил больницы, оказывал сопротивление полиции. 22 июня была разгромлена центральная холерная больница, находившаяся в маленьком грязном переулке близ Сенной площади. Перед лицом разбушевавшейся стихии полиция попряталась. Тогда против восставших решили применить военную силу. Части Преображенского и Семеновского полков окружили Сенную площадь. На

площади появился сам Николай I. Безоружная толпа не могла оказать сопротивления войскам и под угрозой расстрела разошлась.

Большое волнение вспыхнуло в Севастополе. Севастополь того времени представлял собой крупный город с 40 тыс. жителей, в котором, кроме военных, жило большое количество городской бедноты, ремесленников, рыбаков и т. д. Когда вспыхнула эпидемия в действующей армии, Севастополь был взят в карантинное оцепление. Его отрезали от остального Крыма, лишили подвоза продуктов; в городе началась огромная спекуляция. Торговцы, чиновники, комиссары карантина и карантинные врачи наживались на этом. Эпидемии в городе не было, а всех «подозрительных» немедленно забирали в особые пещеры, в сараи, где они умирали от голода и холода.

Жителям запретили выходить из домов Это вызвало всеобщее возмущение. Матросы и жители стали готовиться к отпору. Вечером 3 июня 1830 г. ударили в набат. Поднялся народ, причем движение направилось против местных властей и палочного режима в армии и флоте. «Бей офицеров и генералов!» — разнеслось по рядам солдат и матросов. Восставшие убили наиболее ненавистных начальников, в том числе военного губернатора Столыпина. Солдаты или держались пассивно или ушли из города, полиция попряталась, офицеры бежали. Город оказался в руках восставших. Но движение было стихийное, неорганизованное. У народа не было ясно осознанной политической цели и плана действия. А в это время царское правительство предприняло меры, чтобы как можно быстрее подавить мятеж.

Сильно встревоженный событиями в Севастополе, Николай I предоставил новороссийскому генерал-губернатору графу М. Воронцову неограниченные полномочия для подавления волнения. 7 июня Воронцов подавил Севастопольское восстание и приступил к жестокой расправе над жителями города: наказывали плетьми, прогоняли сквозь строй в 500 человек, ссылали на каторгу. Свыше 6 тыс. жителей Севастополя, по приказу Николая I, были высланы в Архангельск. «Нельзя без трепета вспомнить о сем плачевном событии, — говорит очевидец. — Тысячи плохо одетых женщин и детей поздней осенью двинулись в далекий путь, на верную гибель».

В июле 1831 г. восстание вспыхнуло в военных поселениях Новгородской губернии. Оно было вызвано тяжелым положением военных поселян. Карантинные мероприятия против холеры и здесь явились лишь поводом к выступлению. Начавшись среди солдат рабочего батальона, волнение быстро приняло широкие размеры. Соединившись с жителями города Старая Русса, поселяне бросились на поиски начальства. Обстановка была благоприятная: войск в городе не было, а в распоряжении полицмейстера находилась лишь небольшая полицейская команда. Город оказался в руках восставших. Узнав о восстании, Николай I предлагал

подавить его немедленно, пока оно еще не охватило других поселений. Усмирителям восстания предлагалось всех виновных предавать военному суду, а суд производить в 24 часа.

Но едва успели царские генералы подавить первое восстание, как произошло второе, причем теперь восстание приняло более грозные размеры и охватило почти все районы новгородских поселений. Сам Николай I вынужден был приехать в Новгород. Начальник поселенческого корпуса генерал Эйлер откровенно заявил царю, «что холера и отрава суть только предлоги, которыми подстрекают толпу, но что настоящая цель бунта есть желание освободиться от военного состояния». Новгородское восстание, происшедшее вблизи самой столицы, представляло большую опасность для царизма. Оно могло перерасти в могучее народное движение и поднять на ноги солдатские и крестьянские массы коренных русских губерний. «Бунт в Новгороде, — отмечал Николай I, — важнее, чем бунт в Литве, ибо последствия могут быть страшные, не дай и сохрани нас от того, милосердный бог, но я крайне беспокоюсь». И Николай I предлагал расправиться с поселенцами самыми жестокими мерами. «Я думаю вот что, — говорил Николай I, — запереть их с их женами и детьми в те дома, которые для них же, мерзавцев, выстроены, и сжечь».

Царские войска, явившиеся для подавления восстания, встречали упорное сопротивление. Один офицер просил старика-поселенца растолковать остальным, что никто не собирался отравлять народ. Но старик на это ответил: «Что тут говорить, для дураков яд да холера, а нам надобно, чтобы вашего дворянского козьего племени не было». В этих словах старика-крестьянина выразился протест восставших поселян против своих эксплоататоров. От имени царя усмирители обещали восставшим прощение. Но поселян обманули: никакого прощения они не получили. Почти 4 месяца свыше 4 тыс. арестованных томились в ужасных условиях николаевской тюрьмы. Суд присудил многих к колесованию и смертной казни, но это было впоследствии заменено наказаниями кнутом, шпицрутенами и т. д., которые для устрашения остальных производились публично в присутствии всех поселян и их семейств. Огромное число наказанных было забито насмерть. Но, несмотря на разгром восстания, правительство вынуждено было признать необходимость реорганизации военных поселений. Кровавой борьбой, стоившей огромных жертв, поселяне добились в конце концов отмены военных поселений.

Развитие общественной мысли. Письма П. Чаадаева

В тесной связи с массовым движением развивалась общественная мысль и публицистика. Общественно-политическое движение 30—40-х годов XIX в. выражало борьбу народа за свое освобождение. Кадеты пытались изобразить письмо Белинского к Гоголю, написанное в 1847 г., как «пламенное и классическое выражение

интеллигентского настроения». Показывая всю нелепость такой характеристики, Ленин иронически спрашивал кадетов: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»[1].

На самом деле наша публицистика выражала борьбу народных масс против крепостнического гнета.

Несмотря на тяжелый николаевский режим, в 30—40-х годах XIX в. в России было налицо крупное общественное движение. Больше того, никогда раньше общественная мысль не развивалась так напряженно, общественные вопросы не обсуждались с такой страстностью, как в 30—40-х годах XIX в. Это объясняется тем, что наша страна переживала тогда период перелома, период перехода от старого к новому. «Одна нога, — отмечал Белинский, — уже переступила за порог неведомого будущего, а другая осталась на стороне отжившего прошедшего». Общественное движение 30—40-х годов отражало основной процесс, происходивший тогда в нашей стране, — процесс разложения крепостнических и развития буржуазных отношений.

Вся передовая мыслящая Россия того времени, охваченная чувством пламенной любви к родине, мучительно билась над вопросом о путях ее дальнейшего развития. Горячо обсуждались коренные вопросы нашей национальной жизни, критиковались существующие порядки, давались оценки пройденным этапам русской истории, прошлое и настоящее России сравнивалось с прошлым и настоящим Запада. За старый, феодальный или за новый, капиталистический строй — к этому сводился объективный смысл общественно-политической борьбы в России в 30—40-х годах, хотя сами деятели того времени не формулировали таким образом основной вопрос своей борьбы.

Передовая молодежь России искала ответа на волновавшие ее вопросы и в тогдашней русской действительности, и в истории нашей страны, и в передовых идеях и теориях, господствовавших в Западной Европе. Эта молодежь хорошо знала все передовые учения Запада и внимательно следила за их развитием. Но общественное движение России не шло слепо за ними, не переносило их механически на русскую почву. Опираясь на лучшие достижения западноевропейской и русской общественной мысли, оно стремилось найти свой путь к истине.

Передовая русская общественная мысль в 30—40-х годах XIX в. пронизана была прежде всего критическим духом. Она считала свое время временем сомнения, изучения, проверки, искания истины. «Дух анализа и исследования, — писал Белинский, — дух нашего времени. Теперь все подлежит критике, даже сама

[1] Ленин. Соч., т. XIV, стр. 219.

критика. Наше время ничего не принимает безусловно, не верит авторитетам, отвергает предание...». «Наше время алчет убеждений, томится голодом истины».

Ленин отмечал, что, прежде чем притти к правильной теории, революционная мысль России прошла период «...блужданий и шатаний, ошибок и разочарований... В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области» [1].

Передовые элементы России долго не могли опомниться после разгрома, учиненного самодержавной реакцией в первые годы нового царствования. Казалось, что царизм задушил тогда все живое и прогрессивное в нашей стране. «Первые годы, следовавшие за 1825, были ужасающие, — писал Герцен. — Только лет через десять общество могло очнуться в атмосфере порабощения и преследования. Им овладела глубокая безнадежность, общий упадок сил... Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений, эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему».

Жестоко подавив восстание декабристов, царское правительство всюду видело угрозу новых заговоров и восстаний. Особенно внимательно оно следило за тем, что делается в Москве. В отчетах о «состоянии умов» в 1827 г. и последующих годах Бенкендорф указывал на опасность, идущую со стороны «так называемой партии русских патриотов, столпом коих является Мордвинов» и центр которого находится в Москве. Он отмечал, что праздная знать и полуобразованная молодежь Москвы критикуют все шаги правительства и ропщут на немцев, что в общественном мнении Москвы все большую роль начинают играть «средние классы», что московская купеческая молодежь, «для которой только что открылся путь честолюбивых достижений, поставляет недовольных». Бенкендорф называл Москву «самой гангренозной частью империи», «гнездом либеральной шайки». Он считал, что под маской русского патриотизма там скрываются «зародыши якобинства и реформаторский дух».

Несмотря на явные преувеличения, высказывания Бенкендорфа отражали самый главный факт — центр русского освободительного движения после подавления восстания декабристов находился в Москве. Передовые общественные силы Москвы постепенно росли и крепли. Они группировались прежде всего вокруг многочисленных московских журналов, выходивших в то время. Литература переставала тогда быть частным делом. Вместо альманахов, издававшихся салонными литературными кружками, оторванными от

[1] **Ленин.** Соч., т. XXV, стр. 175.

жизни, стали выходить журналы, стремившиеся сблизиться с жизнью.

Они имели определенный круг читателей, принимали заказы от подписчиков и стремились удовлетворить их запросы. Чисто литературные журналы вытеснялись тогда журналами энциклопедическими, уделявшими на своих страницах большое внимание и литературе, и философии, и истории, и сельскому хозяйству, и новостям мод. Журналы становились важной частью общественного быта. Особенно значительную роль в русском общественном движении сыграл тогда ежемесячный журнал «Московский телеграф», руководимый Н. А. Полевым.

Полевой стоял за возможно более широкое развитие буржуазных отношений в России при сохранении основ существующего строя. Он не покушался на права дворянства и самодержавную монархию. Полевой не был ни якобинцем, ни социалистом, ни продолжателем дела декабристов, как изображали его агенты Третьего отделения. Заслуга Полевого состояла в том, что в самые тяжелые годы после разгрома декабристов, несмотря на строгие репрессии и цензуру, он всемерно стремился распространять на страницах «Московского телеграфа» прогрессивные, передовые идеи.

Полевой выступил против казенного, квасного патриотизма, смешного самохвальства и «горделивого полуневежества». Он предлагал отделить доброе от худого и беспристрастно рассмотреть самих себя. «В истории нашей поищем не предметы пустого хвастовства, но уроков прошедшего; в настоящем быте нашем откроем нынешние недостатки и выгоды». Полевой считал, что Россия только отчасти превратилась в могущественную европейскую державу. «Прошло уже сто лет, — писал он, — как мы вдвинуты в Европу, но только вещественно. Мы сильны, могучи, чудо-богатыри. Мы ломали рога турецкой луны, вязали лапы персидского льва, переходили через Альпы, сожгли величие Наполеона в Москве и заморозили его славу, загнали шведов за Ботнический залив и подписали один мир в Париже, другой под стенами Царьграда. При всем том (чего стыдиться нам истины?) по умственному образованию — мы всех европейцев моложе, мы еще дети!.. Мы еще не дозрели». Исходя из этого, Полевой и доказывал необходимость приобщения России к западноевропейской науке и культуре, европеизации русского быта и культуры.

Приспособляясь к тяжелым цензурным условиям, Полевой писал об острых политических вопросах дня иносказательно. Где-нибудь среди мелочей «Смеси» и «Летописей мод» помещалась информация о событиях, происходивших тогда в Америке. «Московский телеграф» освещал эти события в духе сочувствия национально-освободительному движению. Вашингтон, Лафайет и Боливар всячески восхвалялись и популяризировались. «Московский телеграф» обращал внимание своих читателей на гражданскую деятельность англичан, помещал отчеты о заседаниях английского парламента, подробно освещал события французской

революции 1830 г. и пр. Полевой оговаривался, что он помещает все это «без всяких политических догадок и суждений». «Пусть говорят дела и события». Но одно помещение этих материалов в журнале играло определенную роль. Бенкендорф и Третье отделение неоднократно обращали внимание на подобные факты. На «Московский телеграф» посылались жандармские доносы, Полевому делали выговоры, его предостерегали, увещевали, ему предлагали отказаться «от вредных мыслей». И в конце концов после девятилетнего существования «Московский телеграф» был закрыт. Это произошло в 1834 г., когда уже широко развернулась деятельность нового министра просвещения — С. С. Уварова. Именно он настоял перед самим царем на закрытии «Московского телеграфа». Журнал Полевого не соответствовал тому направлению, которое хотел придать Уваров всей русской журналистике.

В Москве существовал в то время еще один прогрессивный журнал — «Телескоп», издававшийся профессором Московского университета Надеждиным. Он уделял большое внимание вопросам философии и знакомил своих читателей с теориями, господствовавшими в то время в Западной Европе. Бенкендорф считал, что Надеждин, как и Полевой, распространяет «идеи самого вредного либерализма». Уваров в 1832 г. разослал специальный циркуляр по всем университетам с предписанием строго следить за тем, чтобы студенты не читали ни «Телескопа», ни «Телеграфа». «Телескоп» имел более узкий круг читателей и не был так опасен для царизма. Он продержался до 1836 года.

В этом году на страницах «Телескопа» был помещен самый резкий и открытый протест против господствующей идеологии и существующего порядка — знаменитое письмо Чаадаева.

П. Чаадаев происходил из старинного дворянского рода. Окончив университет, Чаадаев поступил на военную службу, участвовал в Отечественной войне, был под Бородином и Малоярославцем и вместе с русской армией сражался на полях Европы.

Чаадаев был другом Пушкина и членом «Союза благоденствия». Вместе с декабристами и Пушкиным он обсуждал «главные язвы нашего отечества» и мечтал о свободе. Ему были посвящены знаменитые стихи Пушкина:

«Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!».

Чаадаева называли молодым мудрецом. Это был действительно всесторонне образованный, умный и оригинальный человек, обладавший огромными способностями. Но в николаевской России не было применения его силам. Чаадаев задыхался в ее душной атмосфере.

В январе 1821 г. Чаадаев вышел в отставку, в 1823 г. уехал за границу и возвратился в Москву лишь в 1826 г., когда движе-

ние декабристов было уже разгромлено. Чаадаева арестовали, конфисковали его бумаги, но вскоре отпустили на свободу. Здесь, в Москве, Чаадаев пережил тяжелую трагедию. Он осудил своих друзей-декабристов, назвав их попытку громадным несчастьем, отбросившим Россию на полвека назад. Но декабристы были в глазах Чаадаева «честными, святыми безумцами». Он не мог примкнуть к их палачам. И Чаадаев остался один. Он заперся в своем кабинете, ни с кем не виделся, много читал и писал. Он мучительно бился над разрешением вопроса о судьбах нашей страны.

Чувство глубокого пессимизма охватило Чаадаева. Не сочувствуя революционному движению, не видя сил, способных подняться на решительную борьбу, он искал выхода в духовном перевороте, в идее, которая могла бы морально возродить общество. Такую идею Чаадаев нашел в религии. Религиозно-мистические настроения зародились у Чаадаева еще до отъезда за границу. Теперь эти настроения получили дальнейшее развитие. Но они не отвлекли его от жгучих вопросов современности.

К началу 30-х годов Чаадаев написал свои «Философические письма», которых найдено теперь восемь. Он сообщал Пушкину, что хочет напечатать их, чтобы «дать ход той мысли, которую я считаю себя призванным дать миру, но главная забота моей жизни, это довершить эту мысль в глубинах моей души и сделать из нее мое наследство».

В 1836 г. одно «Философическое письмо» Чаадаева появилось на страницах журнала «Телескоп». В примечании от редакции говорилось: «Письма эти писаны одним из наших соотечественников. Ряд их составляет целое, проникнутое одним духом, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядов, строгая последовательность выводов и энергическая искренность выражения дают им особенное право на внимание мыслящих читателей». И действительно, это письмо произвело огромное впечатление на всю мыслящую Россию. Герцен писал о письме Чаадаева: «Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь. Тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утере или о том, что его не будет, — все равно, надо было проснуться». Современники писали, что никакое другое произведение не производило такого огромного влияния и «не разносилось с такой скоростью и с таким шумом».

Письмо Чаадаева вызвало жестокие репрессии самодержавия. Журнал «Телескоп» был закрыт, его редактор Надеждин — сослан в Усть-Сысольск, цензор, пропустивший статью Чаадаева, — отстранен от должности. Всем периодическим изданиям было предложено строго соблюдать предписания начальства и не упоминать о чаадаевской статье «даже в опровержение». С самим Чаадаевым царское самодержавие расправилось своеобразно. Обер-полицмейстер объявил Чаадаеву распоряжение царя — признать его умалишенным. Над Чаадаевым был установлен медико-полицейский надзор.

Только спустя год «лечение» Чаадаева прекратилось. В октябре 1837 г. Николай I распорядился «освободить от медицинского надзора, но с условием: не сметь ничего писать». 20 лет прожил Чаадаев после того, как были напечатаны его знаменитые 20 страниц в «Телескопе». Он продолжал живо интересоваться всеми общественными событиями того времени. Изменив по некоторым вопросам свою точку зрения, Чаадаев в основном остался на старых позициях.

В «Философических письмах» Чаадаев резко осуждал прошлое России и обличал ее настоящее. Он указывал, что прошлое России бесплодно и пустынно. Вся история европейских народов есть осуществление какой-то единой идеи. Их жизнь полна смысла, богата творчеством, открытиями, но этого ничего нет в истории России. Чаадаев считал, что Россия ничего не дала миру, ничему не научила его. Чаадаев видел причину этого в том, что, свергнув чужеземное иго, мы подпали под «еще более жестокое рабство». Мы оторвались от общей семьи народов, «ничто из происходившего в Европе не достигло до нас. Нам не было никакого дела до великой мировой работы».

Противопоставляя отсталую Россию передовому Западу, Чаадаев считал, что на Западе будто бы господствуют «идеи долга, справедливости, права и порядка», что подлинно «христианский» мир, создаваемый католической церковью, якобы способствует установлению совершенного строя на земле. И отсюда вывод Чаадаева — «нам следует прежде всего оживить свою веру всеми возможными способами и дать себе истинно христианский импульс».

Все эти взгляды Чаадаева были совершенно неправильными.

Чаадаев звал наш народ итти по ложному религиозно-мистическому пути. Увлеченный идеями общеевропейской цивилизации и космополитизма, Чаадаев не понимал национальных задач России и смысла русской истории. В черных красках изображал он все прошлое русского народа, совершенно неправильно считая, что Россия стоит в стороне от жизни остального мира. Чаадаев видел мощного хранителя основ европейской цивилизации в католицизме. С помощью реакционного католицизма он мечтал добиться социального обновления мира. Сам Чаадаев признал впоследствии, что в его письмах была «нетерпеливость в выражении, крайность в мысли». «Да, было преувеличение в этом своего рода обвинении, направленном против великого народа», «быть может, было преувеличением на минуту опечалиться о судьбе нации, из недр которой родилась могущественная натура Петра Великого, универсальный ум Ломоносова и грандиозный гений Пушкина».

Чаадаев протестовал против национального самодовольства и чванства, которое «изуродовало лучшие умы наши», и стремился осуществить «плодотворную и высокую идею всеобщности» не потому, что отрекся от своей страны и своего народа, как

изображали это его противники. Вскоре после опубликования «Философических писем» Чаадаев писал, обращаясь к ним: «Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа... Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее, я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной».

Чаадаев отмечал, что в его письмах господствует «глубокое чувство наших слабостей, выраженное с болью, с горестью и только». Чаадаев верил в будущность русского народа, в то, что он призван «решить большую часть задач социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах».

Мечтая о создании справедливого общественного порядка, Чаадаев протестовал против рабства. «Эти рабы, которые вам прислуживают, — писал он, — разве не они составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся».

Религиозно-мистических взглядов придерживался и другой способный молодой русский ученый и поэт того времени Владимир Печерин. Печерин ненавидел деспотизм и мечтал о новой свободной жизни для России и всего человечества. Но как и Чаадаев, он был одинок и не находил правильных путей к осуществлению своей цели. Отчаяние и пессимизм охватили Печерина, когда он в 1835 г., после заграничной командировки, вернулся в Россию, чтобы занять должность профессора греческой словесности Московского университета. Печерин преподавал всего только один семестр, затем он уехал в отпуск за границу и больше уже не возвращался в Россию. Печерин считал, что в России невозможно «ни говорить, ни писать, ни мыслить, что там даже высшего разряда умы чахли и неминуемо гибли под нестерпимым гнетом». В 1837 г. он писал из-за границы графу Строганову: «Вы призвали меня в Москву... когда я увидел эту грубо-животную жизнь, эти униженные существа, этих людей без верований, без бога, живущих лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, как животные... когда я увидел все это, я погиб! Я видел себя обреченным на то, чтобы провести с этими людьми всю мою жизнь... Я погрузился в мое... отчаяние, я замкнулся в одиночество моей души, я избрал себе подругу столь же мрачную, столь же суровую, как я сам... Этой подругой была ненависть! Да, я поклялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему, меня окружавшему!»

Печерин мечтал о возрождении человечества и не нашел другого выхода, как обратиться для этого к помощи католической религии. В 1840 г. после 4-летнего скитания за границей Печерин принял католичество и постригся в монахи. Естественно, что передовые люди России осуждали путь, избранный Чаадаевым и Печериным. В 1842 г. А. И. Герцен записал в своем дневнике: «Спор с Чаадаевым о католицизме и современности. При всем большом уме, при всей начитанности и ловкости в изложении и развитии своей мысли, он ужасно отстал. Даже мне было жаль употреблять все средства, в нем как-то благородно воплотилась разумная сторона католицизма. Он в ней нашел примирение и ответ... Но тем не менее, и это голос из гробы, голос из страны смерти и уничтожения. Нам странен этот голос». Чаадаев и Печерин были одиноки. Но в это время в России уже зарождалось передовое общественное движение.

Кружки 30—40-х годов. Славянофилы и западники

Передовое общественное движение в России того времени возникло в стенах Московского университета. К. Аксаков отмечал, что тускло и холодно светило тогда солнце в Московском университете, но живые неподавленные силы находили себе дорогу. «Не удовлетворенные сухими лекциями профессоров, студенты находили истину в литературе, в товарищеских беседах и спорах».

Передовые студенты университетов объединялись в кружки. Не имея оформленной программы, члены этих кружков беседовали о произволе правительства, о положении крестьян, о необходимости введения конституции, читали запрещенные стихи Пушкина и Рылеева. Они негодовали по поводу расправы над декабристами и преклонялись перед их памятью. Именно такой характер носил кружок, созданный в 1831 г. Герценом и Огаревым. Он интересовался прежде всего социально-политическими вопросами, мечтал продолжить дело декабристов и добиться свободы.

Иной характер носил кружок, созданный тогда же под руководством Станкевича, в который входили Белинский, Грановский, Бакунин и др. Кружок Станкевича увлекался изучением философии. Небольшая, но способная, мыслящая группа молодежи, не удовлетворенная университетским образованием, горячо и настойчиво взялась за выработку своего мировоззрения. Кружки знали друг о друге, но не сближались между собой. Философам из кружка Станкевича с высоты своих теорий казались слишком мелкими злободневные общественные вопросы, волновавшие Герцена и его друзей, а эти последние считали слишком отвлеченными и бесплодными занятия философского кружка.

В философском кружке выдающуюся роль играл одаренный Станкевич. Станкевич прожил недолго — всего 27 лет, но он успел оказать на окружающих его людей огромное влияние. С каким благоговением всегда вспоминал о нем Белинский!

Мягкий, чуткий Станкевич привлекал к себе сердца людей и направлял их мысли к возвышенным целям. Мировоззрение Станкевича было идеалистическим. Мир представлялся Станкевичу как стройное гармоническое целое, одушевленное разумом. Человек — частица этого целого, в нем действует разумная жизнь всей природы, он образ творца — Разума. Станкевич считал, что человек уклонился от своего назначения. Задача состоит в очищении человека от дурных свойств, в совершенствовании, человек должен или делать добро или приготовлять себя к деланию добра. Станкевич придавал огромное значение философии. Это высочайшая из всех наук, служащая им основанием, душой и целью. Знание, руководимое философией, и есть тот путь, по которому человек приближается к совершенству. Станкевич упорно и настойчиво занимался философией и в России и за границей, куда он уехал в 1837 г. и где он провел последние три года своей жизни.

После отъезда Станкевича основную роль в кружке стал играть Михаил Александрович Бакунин. Бакунин был артиллерийским офицером, но вышел в отставку, готовился быть профессором философии, а впоследствии стал политическим агитатором и бунтарем. В 1837 г. ему было 23 года и он переживал «философский» период жизни. Бакунин изучал Фихте, Шеллинга и Гегеля и популяризировал их выводы в своем кружке. Обладая большими философскими способностями, он оказывал значительное влияние на Белинского и других членов кружка. Уже тогда обнаружились отрицательные черты характера Бакунина, в частности его высокомерие и властолюбие. На этой почве не раз происходили столкновения Бакунина с его друзьями. Но члены кружка ценили незаурядный ум, неистощимую энергию Бакунина и его неутомимое стремление работать на благо человечества. «Мишель во многом виноват и грешен, — отмечал Белинский, — но в нем есть нечто, что перевешивает все его недостатки, — это вечно движущееся начало, лежащее в глубине его духа». А самому Бакунину Белинский писал: «меня пленило кипение жизни, беспокойный дух, живое стремление к истине... я стал смотреть на тебя, как на спутника по одной дороге со мною, хотя ты шел своею».

Беспокойной натуре Бакунина было тесно в рамках небольшого философского кружка. Его тянуло к активной политической деятельности. В 1840 г. на деньги, собранные друзьями, Бакунин уехал за границу. «Мне предстоит теперь широкий путь, новая жизнь». Там, за границей, действительно началась новая жизнь Бакунина, жизнь политического агитатора и бунтаря, полная взлетов и падений, шатаний и ошибок. Бакунин с головой ушел в европейские дела, но он не порывал связи с Россией. С теплым чувством вспоминал он за границей «святой кружок» Станкевича. «Мне милы теперь и самые ссоры наши», — писал он Боткину.

В начале 40-х годов, уже после отъезда Бакунина, деятельность кружка снова оживилась. Из ссылки возвратился Герцен и

вместе со своими старыми товарищами — Кетчером и Сатиным вошел в общий кружок. Из-за границы приехал Грановский, занявший кафедру истории в Московском университете. В кружок вступил молодой историк Кавелин, писатели и публицисты Тургенев, Панаев, Анненков. Герцен пишет, что он и его товарищи поняли, что теперь их черед серьезно заняться наукой и философией. И когда они занялись этим, «оказалось, что между нами и кругом Станкевича спору нет».

Так произошло плодотворное слияние двух направлений — политического и философского. Вопросы философии все больше стали связываться с жгучими вопросами современности. Станкевича мало интересовала политика. Теперь же прежде всего обсуждались вопросы о политическом строе, о крепостном праве, о народности, о будущем России. Возникали споры об отношении знания и веры, о значении мира восточного и западного, об отношении православия к католичеству и пр. В общественном движении России начиналось размежевание на два новых течения, разногласия между которыми составили главное содержание идейной борьбы в 40-х годах XIX века. Эти течения получили не совсем точные названия: славянофилы и западники. Во главе славянофилов стояли А. Хомяков, братья И. и П. Киреевские и братья И. и К. Аксаковы. Во главе западников — Белинский, Герцен, Грановский и др.

Воззрения славянофилов были близки к теории официальной народности. Однако нельзя ставить знак равенства между обоими течениями. Теория официальной народности носила исключительно реакционный, охранительный характер. В мировоззрении славянофилов были и прогрессивные черты. В чем же состояли прогрессивные черты тогдашнего славянофильства? Славянофильство явилось реакцией на космополитизм, распространенный в то время в некоторых слоях русского общества. Славянофилы правильно выступали против преклонения перед всем иностранным, против слепого подражания заграница. Славянофилы указывали, что фундаментом всего общественного здания страны, основанием нашей национальной жизни является простой народ. Они резко осуждали отрыв дворянского общества от простого народа. Славянофилы сделали много в деле изучения русской старины, народного быта, народной поэзии. Они всемерно стремились поднять значение русской народности. И в этом положительная сторона их деятельности. В. Г. Белинский отмечал, что явление славянофильства «есть факт замечательный до известной степени, как протест против безусловной подражательности и как свидетельство потребности русского общества в самостоятельном развитии».

Славянофилы выдвигали задачи единения славянских народов и призывали их к совместной борьбе. А. Хомяков писал:

«Вставайте, славянские братья,
Болгарин, и серб, и хорват,
Скорее друг другу в объятия
Скорей за отцовский булат».

Славянофилы обращались к самому большому славянскому орлу — к России с призывом оглянуться на Запад, на своих младших братьев и помочь им сбросить цепи иноземного насилия.

Славянофилы видели мерзость царского режима. Они писали, что современное состояние России представляет собой внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью. «И народ и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. Не только не спрашиваются мнения народа, но каждый честный человек опасается говорить свое мнение».

Славянофилы резко критиковали бюрократический аппарат николаевской монархии, разоблачали произвол, варварство, взяточничество. Вот как характеризовал Хомяков царский суд:

«В судах черна неправдой черной,
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!».

Славянофилы говорили о необходимости гласности: «Пусть государство возвратит земле ей принадлежащее: мысль и слово». «Свобода слова — вот неотъемлемое право человека».

Славянофилы называли свободное слово — «божеским чудом», «светильником мысли», «знаменем человечества». Они выступали за ограничение крепостного права, считая, что сохранение рабства ведет к опасным последствиям. К. Аксаков писал:

«Где рабство — там бунт и беда,
Защита от бунта — свобода».

Однако, несмотря на отдельные прогрессивные черты, мировоззрение славянофилов в целом носило реакционный характер.

Славянофилы были последователями идеалистической философии Шеллинга. Они отрицали значение рационального познания и выдвигали на первый план религию. Вслед за Шеллингом славянофилы утверждали, что полное и высшее познание истины не может быть достоянием разума. История развития мира «есть непрерывное доказательство бытия бога». Славянофилы утверждали, что вера составляет предел внутреннего развития человека. Без веры жизнь человека не имеет никакого смысла.

Славянофилы признавали некоторые технические достижения Запада, но боялись установления западноевропейского общественного строя, который раздирался противоречиями и классовой борьбой. Они понимали, что развитие капитализма приведет в конечном счете к уничтожению господства того самого помещичьего класса, представителями которого они являлись. И славянофилы стали искать выхода не впереди, не на Западе, а позади, в прошлом

России. Они противопоставляли два мира: католический и лютеранский Запад и православный Восток. Запад разъеден ядом рационализма, там борьба угнетенных и угнетателей, постоянная ненависть сословий, там государства возникли в результате насилия, завоевания и развиваются путем переворотов. Иное дело — Россия. Ее развитие самобытно. Ее сила — в нравственной устойчивости русского народа. Только восточная православная церковь, чуждая духу рационализма, есть истинная церковь. Только Россия спасет «западноевропейскую цивилизацию» от гибели и укажет путь к возрождению другим народам.

С этой точки зрения славянофилы рассматривали всю русскую историю. Извращая факты, они утверждали, что русская история представляла собой безмятежное развитие, где господствовали добровольность, свобода, мир. Народ пахал землю, промышлял, торговал, поддерживал власть, не изменял монархии. Если и были смуты, то только по вопросу о «личной законности государя». И отсюда следовал вывод: наряду с православием в основе исторического развития было в прошлом и должно неизменно сохраниться в будущем неограниченное монархическое начало. Боясь революции, славянофилы были против конституционной формы государственного устройства. Их идеалом был совещательный Земский собор, который должен был выражать мнение народа, земли перед государем. «Правительству — силу власти. Земле — силу мнения», — говорили славянофилы.

Все отрицательные стороны русской жизни (в том числе и крепостное право) славянофилы объясняли, исходя из той же теории «самобытности России». Дело в том, что Россия уклонилась от своего исторического пути и подверглась влиянию Запада. Славянофилы осуждали деятельность Петра I и его великие реформы. Они считали, что Петр I перенял у иностранцев то, что не соответствовало духу и нравам России. Он оборвал, по их мнению, связь земли и власти. Приобщившись к европейской культуре, высшие слои общества оторвались от народа. Отсюда вытекал основной призыв славянофилов, обращенный к высшим классам, — возвратиться к началам «народности», «к нравственному закону». Этот нравственный закон сохранил народ, не захваченный европейским просвещением. Он воплощен в крестьянской общине. «Община, — писал Хомяков, — есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними ее — не останется ничего; из ее же развития может развиться целый гражданский мир».

Славянофилы пытались провозгласить вечные, незыблемые основы русской жизни, идеализировали допетровскую Русь, хотели сохранить самодержавие и феодально-крепостнические отношения и возвысить православную церковь. И западники были правы, объявив славянофилам решительную борьбу.

Мы уже отмечали, что слово «западники» не совсем точно отражает основную суть этого направления. Западники действи-

тельно отвергали особый, самобытный путь развития для России. Они были против национальной ограниченности и замкнутости. Они выступали против идеализации допетровской Руси и восторженно отзывались о деятельности Петра I. Западники относились сочувственно к европейской науке, искусству, к европейскому политическому строю.

«Запад сгнил, Европа труп», — в один голос утверждали тогда и Шевыревы и Хомяковы. «Как можно, — отвечал им Белинский, — писать и печатать подобные вещи в 1841 году от рождества Христова? Европа, изволите видеть, окружена атмосферой опасного дыхания, полна скрытого яда, она будущий труп, который уже пахнет?! Помилуйте! Да ведь это хула на науку, на все живое, человеческое, на самый прогресс человечества». Западники видели, что Европа идет вперед. «Открытая ненависть к Западу, — писал Герцен в своем дневнике, — есть открытая ненависть ко всему процессу развития рода человеческого, ибо Запад, как преемник древнего мира, как результат всего движения и всех движений, — все прошлое и настоящее человечество. От допс вместе с ненавистью и пренебрежением к Западу — ненависть и пренебрежение к свободе, мысли, к праву, ко всем гарантиям, ко всей цивилизации».

Западники считали, что сближение с Европой должно обновить русскую жизнь. В Европе укреплялся тогда новый, более прогрессивный по сравнению с феодализмом общественный строй — капитализм. Там распространялись буржуазно-освободительные идеи. Вот почему обращение передовых людей тогдашней России к Западу имело большое положительное значение. Западники объективно боролись за капиталистический путь развития страны. Они звали нашу страну вперед, к развитию новых форм человеческого прогресса и культуры.

Западникам в одинаковой мере были чужды и казенный, квасной патриотизм сторонников теории официальной народности, и узкий национализм славянофилов, и антинациональные идеи космополитов. Белинский отмечал, что у нас так много пустоголовых европейцев, которые с восхищением говорят о «последней фельетонной сказке выписавшегося французского беллетриста или с амфазом поют новый водевильный куплет, давно забытый парижанами, — и с презрительным равнодушием или оскорбительной недоверчивостью смотрят на гениальное произведение русского поэта, для которых Россия не имеет будущего, а в ней все дурно и ничего порядочного быть не может, а, с другой стороны, у нас так много квасных патриотов, которые всеми силами натягиваются ненавидеть все европейское — даже просвещение и любить все русское — даже сивуху и рукопашную дуэль». Западники решительно боролись с обеими этими крайностями. Они призывали, отдавая справедливость чужому, ценить свое. Они предлагали чуждаться, «как хвастливости, так и уничижения». Западники желали, чтобы Россия сбросила с себя все путы, мешающие ее

дальнейшему движению. Они верили в будущее русского народа и хотели видеть его свободным и счастливым, впереди других народов Европы.

Западники правильно оценивали прошлое русского народа. Они раскрыли значение преобразований Петра Великого. Находились люди, предлагавшие свернуть с пути, указанного России ее великим преобразователем, на другую дорогу. «Комары, мошки, — отмечал Белинский, — хотят поправлять и переделывать здание, сооруженное исполином». Белинский писал, что Русское государство не могло двигаться на ржавых колесах азиатского устройства. Московскому царству нужно было кончиться, а русскому народу надо было жить; ему принадлежало великое будущее. Только совершенные невежды и фанатики обвиняли Петра в презрении к родной стране. На самом деле Петр страстно любил Русь, «но в России он видел две страны,—ту, которую он застал, и ту, которую он должен был создать; последней принадлежали его мысль, его кровь, его пот, его труд, вся жизнь, все счастье и вся радость его жизни».

Западники стояли на почве науки и выступали против католицизма Чаадаева и против православия Киреевских и Аксаковых. Герцен отмечал, что «Чаадаев и славяне равно стояли перед неразгаданным сфинксом русской жизни, — сфинксом, спящим под солдатской шинелью и под царским надзором; они равно спрашивали: что же из этого будет? Так жить невозможно: тягость и нелепость настоящего очевидны, невыносимы. Где же выход?». Герцен считал, что смешно думать о воскрешении католической партии на Западе. Тем более странно делаться католиком и иезуитским проповедником в России. Но также вреден фанатизм славянофилов. «Споры между католиками и православными, — писал Герцен, — пресмешные, — так и переносишься в блаженной памяти средние века. Тип этих споров один: откуда ведьмы, — из Киева или из Чернигова?». Западники видели в учении славянофилов «новый елей, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести византийской церкви». Они называли славянофильство славянобесием.

Оба стана — западники и славянофилы — в это время выстроились в боевом порядке одни перед другими и вели между собой ожесточенную борьбу. Эта борьба шла и на собраниях в частных домах, и на страницах журналов, и в стенах университета. Большие споры вызывали знаменитые лекции по всеобщей истории Т. Н. Грановского.

Славянофилы обвиняли Грановского в том, что он не читает лекций о России и не толкует о православии. Западники, наоборот, приветствовали своего соратника за то, что он устанавливал единство в развитии человеческой истории, сближал судьбы отдельных народов и знакомил русскую публику с европейскими событиями, которых так чуждались славянофилы. Грановский защищал позиции, общие для всех западников. «Вы и я, — говорил он, обращаясь к студентам, — принадлежим к молодому поколению, мы имеем

общее, прекрасное дело, — посвятить занятия наши серьезному изучению, служению России, — России, вышедшей из рук Петра I, равно удаляясь от пристрастных клевет иноземцев и от старческого, дряхлого желания восстановить древнюю Русь во всей ее односторонности».

Острые разногласия и бесконечные споры в конце концов привели к полному разрыву между западниками и славянофилами.

Однако западники вовсе не были единым направлением и чем дальше, тем все более отчетливо это обнаруживалось. Большинство западников, в том числе такие люди, как Боткин, Кетчер, Корш, Анненков, Грановский, писатель И. С. Тургенев, Кавелин, Чичерин и другие, стояли на умеренных либеральных позициях. Эта группа боялась революции и не выдвигала радикальных политических требований. Она отрицательно относилась к материализму и утопическому социализму и не шла дальше защиты прогресса, гуманности, европейской культуры.

В противовес этой группе, левое крыло западников (Герцен, Огарев, Белинский) стояло на позициях просветительства и все больше склонялось к революционному демократизму. Основные черты просветительства, отмеченные Лениным, полностью могут быть отнесены к ним: 1) Горячая вражда «...к крепостному праву и в с е м е г о порождениям в экономической, социальной и юридической области», 2) «...горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России», 3) «...отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян... искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому» [1].

Исходя из национальных интересов России, Белинский и Герцен стремились убрать с дороги все, что мешает прогрессивному развитию страны. Они боролись против самодержавия и крепостного права и сочувственно относились к грозным революционным событиям, назревавшим тогда на Западе. Герцен и Белинский смело шли навстречу им. Иначе смотрела на события правая группа западников. Анненков писал, что Герцен и Белинский «думали, что из пепла старой цивилизации Европы возникает новый феникс — новый порядок вещей как венец и последнее слово тысячелетнего развития. Все предчувствия переворота, напротив, тревожили Грановского в высшей степени и самый переворот не вызывал у него никаких радужных ожиданий».

В то же время Белинский и Герцен все больше становились на позиции материализма, а Грановский и остальные члены кружка оставались идеалистами. «Я никогда не приму вашей сухой холод-

---

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 314.

ной мысли единств тела и духа; с ней исчезает бессмертие души», — говорил Грановский Герцену.

Так из кружка западников вырастало два противоположных направления: революционно-демократическое и либеральное.

В. Г. Белинский

Белинский был первым разночинцем в нашем общественном движении. «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский» [1], — писал Ленин.

Родившись в семье флотского лекаря, Белинский пережил тяжелые дни детства и юности. В отличие от своих друзей Белинский не был обеспечен, не имел поместий, не имел капиталов. Всю жизнь он был в нужде. В 1829 г. Белинский поступил в университет и учился там на казенный счет.

Уже тогда из-под пера Белинского вышел страстный протест против угнетения народа. Он написал драму «Дмитрий Калинин», в которой в ярких красках изобразил ужасы крепостного права. «Кто дал это гибельное право — одним людям порабощать своей властью волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Кто позволил им ругаться правами природы и человечества? Милосердный боже, отец человеков, ответствуй мне! Твоя ли премудрая рука произвела на свет этих змеев, этих крокодилов, этих тигров, питающихся костями и мясом своих ближних и пьющих, как воду, их кровь и слезы?».

В связи с этой пьесой Белинскому грозила высылка в Сибирь, но дело ограничилось исключением его из университета. Это было в 1832 г. Белинский остался без куска хлеба. Здесь и начала развиваться та жестокая болезнь, которая свела его в могилу, — чахотка. В своих письмах он писал: «Со стороны внешних обстоятельств терплю крайнюю нужду, весь обносился, денег ни копейки». Белинскому удалось пристроиться на работу в журнал. Он писал статьи, рецензии на любые темы, лишь бы заработать на жизнь.

В 1834 г. в журнале «Молва» Белинский поместил свое первое литературно-критическое произведение: «Литературные мечтания». Еще до того Белинский вступил в кружок Станкевича. С тех пор началась его активная общественная деятельность, которая, к сожалению, продолжалась недолго — всего только 14 лет. Белинский вскоре обосновался в журнале «Отечественные записки». Но и там тяжелая работа подрывала его силы и здоровье. Белинский должен был просматривать и составлять рецензии на множество самых бездарных книг и размениваться на пустяки. Белинский в шутку говорил про себя, что он «Прометей в карикатуре». «Оте-

[1] Ленин. Соч., т. XVII, стр. 341.

чественные записки» были его «скалой», а издатель их — Краевский — его «коршуном».

Белинский был пламенным патриотом нашей родины. Он горячо любил наш народ и верил в его великое будущее. «Нам, русским, — писал Белинский, — нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не один суровый экзамен судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости». Белинский писал, что мы будем и поэтами и философами, народом артистическим, ученым, воинственным, промышленным, торговым, общественным. «Мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль. Но русскому народу не нужно для этого замыкаться в узкую национальную скорлупу, отгораживаться от других народов, от Европы, от всего человечества».

Белинский — первый в истории нашей общественной мысли правильно, диалектически разрешил проблему национального и общечеловеческого. Он резко выступил против космополитов, проповедывавших уничтожение национальной жизни во имя человечества. Белинский писал, что космополит — это какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный и туманный призрак, а не яркая и живая действительность. «Народности суть личность человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым, логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения».

Белинскому чужд был узкий национализм. Он отмечал, что происходит плодотворный процесс сближения между народами. «Со дня на день более и более обнаруживается в наше время сочувствие и любовь народа к народу». Народы заимствуют достижения одни от других, но это не делает все народы похожими один на другой, не уничтожает национальности. «Всякий народ, — писал Белинский, — есть нечто целое, особое, частное и индивидуальное, у всякого народа своя жизнь, свой дух, свой характер, свой взгляд на вещи, своя манера понимать и действовать».

Но Белинский указывал, что, подобно всякому истинному понятию, народность сама по себе односторонность и является истинной только в примирении с противоположной ей стороной. Противоположная сторона «народности» есть «общее» в смысле «общечеловеческого». «Как ни один человек не должен существовать отдельно от общества, так ни один народ не должен существовать вне человечества». Белинский резко выступал против национализма славянофилов, впадавших, в отличие от космополитов, в другую крайность. «Разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала,

значит, впасть в самый абстрактный, в самый книжный дуализм», — говорил Белинский.

Патриотизм Белинского не вел к национальной ограниченности и национальной вражде. «Любовь к отечеству должна быть вместе с тем и любовью к человечеству», — говорил он. Каждый народ должен стремиться осуществить общечеловеческие идеалы. С другой стороны, своей национальной жизнью он должен оказывать влияние на развитие всего человечества.

«Любить свою родину, — писал Белинский, — значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому. В противном случае патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразием и уродством».

Первое время — до конца 30-х годов — Белинский верил в возможность мирного преобразования крепостной России. Порицая крепостное право, произвол, невежество, отсталость, он боролся с ними идейным оружием. Он ратовал за развитие просвещения, за распространение нравственности. В мае 1837 г. Белинский писал: «Вся надежда России на просвещение, а не на перевороты, не на революции и не на конституцию... Гражданская свобода должна быть плодом внутренней свободы каждого индивида, составляющего народ, а внутренняя свобода приобретается сознанием».

Белинский увлекался тогда Гегелем, и это привело его к временному примирению с русской действительностью. «Правительство всегда шло впереди», — такой вывод сделал Белинский из знаменитого положения Гегеля: все действительное — разумно, все разумное — действительно. Но это примирение продолжалось недолго. С болью вспоминал Белинский этот период. «Проснулся я — и страшно вспомнить мне о моем сне... А это насильственное примирение с гнусной российской действительностью, этим китайским царством материальной, животной жизни, чинолюбия, крестолюбия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торжества бесстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности — где все человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое, осуждено на угнетение, страдание, где цензура превратилась в военный устав о беглых рекрутах».

Белинский восстал против гнусной русской действительности, против самодержавия и крепостного права. Порвав с иллюзиями о мирном преобразовании России, он не захотел ограничиться борьбой за конституционную монархию. Белинский решительно обрушился на Гегеля, объявившего прусскую конституционную монархию вершиной общественного развития, дальше которой человечество не пойдет. «Я начинаю любить человечество маратовски, — пишет Белинский в 1841 г., — какое имеет право подобный мне человек стать выше человечества, отделиться от него железною короною и пурпуровой мантией, на которой, как сказал

Тиберий Гракх нашего века, Шиллер, видна кровь первого человекоубийцы? Какое право имеет он внушать мне унизительный трепет? Гегель мечтал о конституционной монархии как идеале государства — какое узенькое понятие! Нет, не должно быть монархов, ибо монарх есть враг людям, и он всегда отделится от них пустым этикетом, ему всегда будут кланяться хоть для формы».

Белинский стал социалистом. Социализм сделался для него теперь основой всей жизни: «...я теперь в новой крайности, — писал он в 1841 г. Боткину, — это идея с о ц и а л и з м а, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания». Белинский страстно негодовал против социальной несправедливости. «Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи?...». Белинский верил в то, что на смену существующему строю идет новый, более совершенный и разумный общественный строй. «Свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу — и будет новая земля и новое небо». Белинский мечтал о таком обществе, в котором «...не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди».

Белинский был утопическим социалистом. Но, в противоположность утопическим социалистам Запада, отрицательно относившимся к Французской революции и ее террору и надеявшимся добиться своих целей мирным путем, он приветствовал XVIII век, когда «рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам бога, разума и человечности». Он доказывал, что надо «пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова», «...тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами, обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов».

Белинский был человек активного действия. Как писал про него Герцен, «это была самая революционная натура николаевских времен». В своих письмах Белинский писал: «Нет ничего мизернее и скучнее, как человек, который, утопая в грязи, понимает всю гадость своего положения и не имеет силы вырваться из нее, который имеет прямые и светлые идеи о цели жизни и не может перенести их в жизнь, который беспрестанно раскрывается, жалуется друзьям своим, обвиняет в животности себя, в слабодушии, пошлости и ограничивается только одним раскаиванием, самообвинением и жалобами». «Что же делать при виде этой ужасной действительности?» — спрашивал он. И отвечал: «Не любоваться же на нее, сложа руки, а действовать, елико возможно, чтобы другие потом лучше могли жить, если нам никак нельзя было жить».

Несмотря на все препоны цензуры, на страницах журналов он страстно протестовал против существующих порядков и призывал

к новой жизни. В тогдашних условиях Белинский не видел другой более массовой трибуны, чем литература, и он стремился возможно полнее и шире использовать ее. В обстановке тяжелой николаевской реакции Белинский превратил литературу в орудие политической борьбы. Писатели враждебного лагеря, вроде, например, князя Вяземского, недаром называли его «баррикадником, ломающим мостовую». «Белинский, — писал Вяземский, — был не что иное, как литературный бунтовщик, который за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журнале».

Белинский был страстным, непримиримым борцом, выше всего ставившим общественное благо. Недаром его называли «неистовым Виссарионом». Застенчивый, худощавый Белинский со своей впалой, чахоточной грудью, слабым и несколько хриплым голосом весь преображался, когда речь заходила о жгучих общественных вопросах. Он «вдруг вырастал, слова его лились потоком, вся фигура дышала внутренней энергией и силой, голос по временам задыхался, все мускулы лица приходили в напряжение». Герцен пишет, что «спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного текла из горла: бледный, задыхающийся, с глазами, остановленными на том, с кем говорил, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью. Как я любил и как я жалел его в эти минуты!».

Белинский гениально предсказал неизбежность буржуазного развития России и видел в этом прогрессивное явление. Незадолго до смерти, 15 февраля 1848 г., в в письме к Анненкову Белинский писал: «Теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию».

Вместе с тем Белинский не идеализировал капитализм. Он подчеркивал, что капиталистическая промышленность имеет две стороны. «Я знаю, — писал Белинский, — что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом». Перед Белинским был пример Западной Европы, где буржуазия уже господствовала. Белинский знал, что это господство принесло новые бедствия народу. В 1844 г. в рецензии на роман Эжена Сю «Парижские тайны» Белинский указывал, что народ ничего не выиграл от Июльской революции 1830 года. «Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату... вся власть, все влияние на государство сосредоточено в руках владельцев, которые ни единою каплей крови не пожертвовали за хартию, а народ остался совершенно отчужден от прав хартии, за которую страдал».

Но где же выход? С одной стороны, господство капитализма прогрессивно и неизбежно. С другой стороны, оно несет новую

тиранию, с которой нельзя мириться, которой нужно объявить беспощадную борьбу. Где же сила, способная на такую борьбу? В своих письмах Белинский возлагает надежды в этом отношении то на мелкую буржуазию, то на «третье сословие», то вообще на народ. Эти надежды Белинского неясны и неопределенны. И не удивительно. В крепостнической России 40-х годов Белинский не мог увидеть ту силу, которая призвана уничтожить «тиранию капитала над трудом». Капиталистические отношения в тогдашней России были еще не развиты, чтобы можно было определить роль промышленного пролетариата как могильщика капитализма. Белинский, по всей вероятности, читал некоторые работы Маркса и Энгельса, посвященные критике буржуазного общества. Но Белинский не знал «Коммунистического Манифеста», опубликованного в год его смерти. Наконец, самый вопрос об уничтожении тирании капитала над трудом не мог быть актуальным в тогдашней России, где господствовала тирания помещика над крепостным крестьянином и где приход капитализма означал собой новый, прогрессивный этап развития.

Главными вопросами в тогдашней России были вопросы борьбы с самодержавием и крепостным правом. Ленин писал, что в то время «...в с е общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками» [1]. Белинский и был прежде всего пламенным борцом против самодержавия, крепостного права, реакции, мракобесия. Когда Гоголь, которого Белинский очень ценил, и который, по его мнению, занял место рядом с Пушкиным, сделался религиозным мистиком и, отказавшись от своих произведений, стал оправдывать крепостное право и невежество, Белинский написал ему свое знаменитое письмо.

Белинский писал, что «нельзя молчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность, как истину и добродетель». «Вы не заметили, — говорил Белинский Гоголю, — что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками Васьками, Стешками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные кор-

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 315.

порации разных служебных воров и грабителей! Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть...».

Белинский указывает, что в такое время, когда вся Россия тревожно занята этими вопросами, Гоголь «во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, учит их ругать побольше... И это не должно было привести меня в негодование?.. Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете! Взгляните себе под ноги — ведь вы стоите над бездной...».

Свое письмо к Гоголю Белинский написал в течение 3-х дней, будучи за границей. Когда в Париже Белинский прочитал Герцену свое письмо Гоголю, тот на ухо сказал Анненкову: «Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его». В самом деле, болезнь Белинского развивалась. Ни поездка на юг, ни поездка за границу не помогли его здоровью. Наступил 1848 год. Во всем мире надвигались грандиозные события, а Белинскому становилось все хуже. «К весне, — рассказывает Панаев, — болезнь начала действовать быстро и разрушительно. Щеки его провалились, глаза потухли, изредка только горя лихорадочным огнем». В мае 1848 г. Белинский скончался.

Немногие петербургские друзья провожали его тело до Волкова кладбища, и все же к ним присоединились 3—4 неизвестных. Это были агенты Третьего отделения. Незадолго до смерти на квартиру к больному Белинскому явился жандарм из Третьего отделения. Только смерть избавила его от ареста. Но самодержавие боялось Белинского и после его смерти. Его сочинения были запрещены, и даже имя Белинского одно время не разрешалось упоминать в печати. Но это не могло задержать огромного влияния великого русского критика и демократа. Сочинения Белинского, а особенно его знаменитое «Письмо к Гоголю» стали знаменем передовой части тогдашней русской молодежи.

Ленин писал: «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»[1]. Это письмо ходило по рукам и имело огромный успех. Только через 55 лет, в 1902 г., оно было впервые опубликовано в приложениях к сочинениям Белинского.

Белинский не был, да и не мог быть в России 40-х годов научным социалистом и пролетарским революционером. Но он был последовательным революционным демократом, борцом за освобождение народа, выразителем его нужд и чаяний. Белинский писал, что у народа есть искренние друзья — «это люди, которые

[1] Ленин. Соч., т. XVII, стр. 341.

слили с его судьбой свои обеты и надежды и которые добровольно отреклись от всякого участия на рынке власти и денег». Таким человеком был сам Белинский.

А. И. Герцен в 30—40-х годах

Герцен принадлежал к поколению дворянских революционеров, из среды которых вышли декабристы. Но он был тесно связан и с последующим периодом революционного движения в России — с периодом разночинцев. Герцен явился как бы связующим звеном между обоими этими этапами. Ленин отмечал, что декабристы разбудили Герцена, а Герцен развернул революционную агитацию, которую «...подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли» [1].

Еще мальчиком Герцен читал Вольтера, Гете и Шиллера, слушал рассказы своего воспитателя Бушо о Французской революции и казни Людовика XVI, причем сделал из этих рассказов вывод, что поделом казнили короля. Герцен рано познакомился с русской литературой, читал мелко переписанные, затертые тетради революционных стихов Пушкина и Рылеева и сам переписывал тайком оду «Вольность», «Кинжал», «Думы». Герцен глубоко переживал восстание декабристов. Впоследствии он вспоминал: «Рассказы о возмущении, о суде, ужас в Москве сильно поразили меня; мне открывался новый мир, который становился больше и больше средоточием всего нравственного существования моего: не знаю, как это сделалось, но, мало понимая или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победа, тюрьмы и цепи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души». 14 лет Герцен в толпе стоял на молебствии в честь приехавшего на коронацию в Москву Николая I. И тут он поклялся отомстить за казненных и посвятить свою жизнь борьбе с царским троном.

Вскоре Герцен познакомился со своим сверстником Николаем Огаревым, и с тех пор дружба между ними не прекращалась до конца жизни. Вместе они читали, мечтали о будущем, вместе на Воробьевых горах во время одной из вечерних прогулок клялись посвятить свою жизнь борьбе за свободу. «Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, отирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас; постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг, обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашу жизнь на избранную нами борьбу... Мы не знали всей силы того, с чем вступали в бой, но бой приняли».

Поступив в университет, Герцен и Огарев надеялись, что именно из университетской молодежи выйдет та фаланга, которая

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 468.

пойдет за Пестелем и Рылеевым, и что они будут в этой фаланге. Они жили в университете общественными интересами. Это было время бурных событий. Свергались короли, качались троны, бушевала революция 1830 года. Вот уже недалеко, в Польше, вспыхнуло восстание. Молодые друзья радовались каждому поражению Дибича и сочувствовали полякам. Когда был раскрыт студенческий кружок Сунгурова и приговоренных молодых людей отправили в ссылку, друзья Герцена и Огарева собрали подписку в их пользу.

Вокруг Герцена и Огарева образовался кружок. В него вошли Сазанов, Сатин, Пассек, Кетчер и др. Цели этого кружка смутно рисовались его участникам. Было общее стремление к свободе, искреннее желание отдать свои силы делу освобождения родины. Вскоре кружок Герцена познакомился с учением Сен-Симона. Процесс сен-симонистов, происходивший в 1832 г., способствовал этому. Перед членами кружка открылся новый мир идей, и эти идеи захватили их. Они искали в учении Сен-Симона план обновления мира, новых начал просвещения и нравственности. «Каждый гражданин будет занимать положение, соответствующее его способностям, и будет вознагражден сообразно с его заслугами», — так сен-симонисты рисовали будущее общество, и это увлекало Герцена и его товарищей. Они воодушевлялись идеей равноправия женщины, провозглашенной сен-симонистами. Герцен говорил о своем кружке: «...что мы, собственно, проповедывали, трудно сказать. Идеи были смутные: мы проповедывали декабристов и французскую революцию, потом проповедывали сен-симонизм и ту же революцию; мы проповедывали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедывали ненависть ко всякому насилию, ко всякому правительственному произволу».

Огарев впоследствии вспоминал эти горячие юношеские беседы. Он писал, как в маленькой комнатке, «аршинов в пять», собирались они — «дети декабристов и мира нового ученики, ученики Фурье и Сен-Симона» и клялись посвятить свою жизнь делу освобождения народа и социализму.

Кружок Герцена мечтал о заговоре, о создании тайного общества. Это не осуществилось, но пропаганда кружка не укрылась от зоркого ока Третьего отделения. В июле 1834 г., сейчас же вслед за окончанием университета, участники кружка были арестованы. Их обвиняли в том, что они на студенческой вечеринке пели песню, «наполненную гнусными и злоумышленными выражениями против верноподданнической присяги».

Герцен не был на этой вечеринке, но при обыске была найдена его переписка с Огаревым, и следственная комиссия дала о Герцене такой отзыв: «Молодой человек пылкого ума и хотя в пении песен не обнаруживается, но из переписки с Огаревым видно, что он смелый вольнодумец, весьма опасный для общества». 9 месяцев Герцен сидел сначала в Пречистенской части, затем в Крутиц-

ких казармах. Это было хорошей школой для Герцена. «В тюрьме я вырос», — писал он. Герцена как дворянина держали в сносных условиях, но он увидел воочию, в чем состоит николаевское правосудие. «Чтобы знать, что такое русская тюрьма, русский суд и полиция, — писал впоследствии Герцен, — для этого надо быть мужиком, дворовым, мастеровым или мещанином... С этими полиция не церемонится: к кому мужик или мастеровой пойдет потом жаловаться, где найдет суд?».

Дело кружка Герцена было громко озаглавлено: «О несостоявшемся вследствие ареста заговоре молодых людей, преданных учению Сен-Симона». 31 марта 1835 г. был объявлен приговор. Герцен и его товарищи были отправлены в ссылку. Герцен ссылался в Пермь, но потом он был переведен в Вятку. «Что мне Пермь или Москва, и Москва — Пермь, — писал Герцен в эти дни. — Наша жизнь решена, жребий брошен, буря увлекла». В Вятке Герцен пробыл три года, служил в губернском правлении. Затем его перевели во Владимир. Наконец, в июле 1839 г. он был освобожден от полицейского надзора и смог приехать в Москву.

В ссылке Герцен особенно остро почувствовал одиночество. «Сердцем я не могу быть весел, — пишет Герцен Кетчеру из Вятки, — потому, что моя будущность завешена еще мрачнейшим облаком, потому, что скептическая мысль проникает в мою грудь и громко кричит: «Ты ничего не сделаешь, умрешь со своими стремлениями»... вот что страшит меня, вот что тяготит мою грудь. Что за пошлость провинциальная жизнь... Мелочи, вздоры, сплетни поглощают всю жизнь». В этот период Герцена охватили религиозно-мистические настроения. Идеалистические основы мировоззрения Герцена в студенческие годы, влияние на него архитектора Витберга и будущей жены способствовали этому: «Я теперь пристально занимаюсь христианством», — писал Герцен Огареву из ссылки. Но реальная жизнь оказалась сильнее мистических влияний. Суровая русская действительность опускала Герцена с заоблачных высот на грешную землю. «Влияние Витберга поколебало меня, — писал Герцен, — но реальная натура моя взяла все-таки верх. Мне не суждено было подниматься на третье небо, я родился совершенно земным человеком».

Возвратившись в 1839 г. в Москву, Герцен встретился здесь со старыми товарищами — Огаревым, Кетчером, Сатиным и познакомился с Белинским, Грановским и др. Среди членов кружка Белинского и Грановского в это время шло усиленное изучение философии Гегеля, и Герцен вместе с другими засел за это.

В 1840 г. Герцен был причислен к канцелярии министерства внутренних дел и в связи с этим получил возможность переехать в Петербург. Он стал сотрудничать в «Отечественных записках». Однако это продолжалось недолго. Одно из писем Герцена к его отцу, в котором он передавал ходивший тогда слух о том, что один будочник убил прохожего, было перехвачено. За распространение «столь вредных слухов» Герцену приказано было снова

отправиться в Вятку. Лишь после долгих усилий удалось заменить Вятку Новгородом. Началась вторая ссылка Герцена.

Герцен поступил в Новгороде на службу в качестве советника губернского правления. Таким образом Герцен попал в состав губернской администрации, одновременно находясь под ее надзором. Любопытно, что Герцена назначили заведывать 2-м отделением губернского правления, в котором были сосредоточены дела о раскольниках, о лицах, состоящих под надзором полиции, и т. д. Герцен писал, что три четверти людей, которые прочтут это, не поверят, что он как советник губернского правления, управляющий 2-м отделением, свидетельствовал каждые три месяца рапорты полицмейстера о самом себе как о человеке, находившемся под полицейским надзором. Полицмейстер из учтивости в графе о поведении ничего не писал, а в графе о занятии ставил: «занимается государственной службой». В ссылке Герцен «познал» русское чиновничество. Герцен видел вокруг себя злоупотребления, произвол и взяточничество. Герцен стремился как можно скорее вырваться из этой тяжелой обстановки. Наконец, в 1842 г. ему удалось добиться разрешения переехать в Москву. Ссылка Герцена окончилась.

Около 5 лет Герцен прожил в Москве. В это время он особенно тесно сблизился с Грановским и Белинским. «Такого круга людей талантливых, развитых и чистых я не встречал потом нигде: ни на высших вершинах политического мира, ни на маковках литературного и аристократического». Самые различные общественные вопросы привлекали в это время внимание Герцена, из которых, конечно, главным вопросом продолжал быть вопрос о крепостном праве. Он с жаром отдавался вопросам философии, изучал естествознание, писал свои замечательные философские произведения. Герцен живо интересовался проблемами социализма, читал сочинения Фурье, Сен-Симона, Прудона, Луи Блана и др. Герцен одновременно занимался литературной деятельностью. Под псевдонимом «Искандер» издавались его талантливые повести и рассказы.

Вместе с Белинским Герцен резко выступал против славянофильства. Герцен много спорил с Киреевским, Хомяковым и другими славянофилами по вопросам философии и религии. Признавая их способности и веря в искренность их убеждений, он расходился с ними по существу. Герцен вскрывал односторонность, нелепость и вред славянофильства. Он говорил, что во взглядах славянофилов есть что-то ретроградное, негуманное, узкое. «Славянофилы само собой становятся со стороны правительства». «Как с ними ни ладь в некоторых вопросах, — остается страшный овраг, делящий и непереходимый». «Прощайте, — писал Герцен в 1845 г. Самарину, — идите иным путем, мы не встретимся, как попутчики. — это верно».

Однако, присоединяясь к словам Белинского, что «нет мира с людьми до того разными», Герцен вместе с тем не всегда был согласен с его резкой критикой славянофилов. Уже тогда Герцен

утверждал, что «в славянизме есть истинная и прекрасная сторона» — эта вера «в огромное будущее славян». В мае 1844 г. Герцен получил письмо Белинского, критикующее славянофилов, и записал в своем дневнике: «Я сам не согласен с ними, но Белинский не хочет понять истину в беспорядочной груде их нелепостей. Он не понимает славянский мир; он смотрит на него с отчаянием и неправ... Странное положение мое, — какое-то невольное juste milieu в славянском вопросе: перед ними я человек Запада, перед их врагами — человек Востока. Из этого следует, что для нашего времени эти односторонние определения не годятся». Так, еще в середине 40-х годов у Герцена стали складываться особые взгляды на славянский вопрос. Впоследствии, будучи уже за границей, Герцен развил их в стройную теорию.

С 1847 г. начинается новый период в жизни Герцена. Тяжелая атмосфера николаевского террора давила общественное движение. К тому же все более стали обнаруживаться разногласия между правым и левым крылом западников. В кружке западников увеличивалась трещина. Герцену хотелось вырваться на свежий воздух. Как он писал впоследствии, его манили «иная жизнь, даль, ширь, открытая борьба и вольная речь. Беспокойный дух мой искал арены независимости; мне хотелось попробовать свои силы на свободе, порвавши все путы, связывавшие на Руси каждый шаг, каждое движение». И Герцен решил ехать за границу. Это удалось сделать не сразу. Герцен находился под полицейским надзором, и потребовалось много усилий, чтобы получить паспорт. Наконец, в начале 1847 г. все препятствия были преодолены, и Герцен уехал за границу.

Ленин отмечал, что, покидая Россию в 1847 г., Герцен «... не видел революционного народа и не мог верить в него» [1].

Герцен был демократом и социалистом. Но «социализм» его был мелкобуржуазным, утопическим. «В сущности, — пишет Ленин, — это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою т о г д а ш н ю ю революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат» [2]. Герцен уезжал за границу с надеждой не на Россию, а на Запад. Там он думал найти осуществление принципов равенства и справедливости. Но первые же дни пребывания Герцена в Европе принесли разочарование. Туман быстро рассеялся. Раскрылась мрачная действительность.

Вместо всеобщего братства и равенства в том самом Париже, к которому так рвался Герцен, он увидел два Парижа: Париж плебеев, демократических низов, работников, слуг, нищих и Париж верхов, буржуа, рантье, лавочников. «Письма из Франции и Италии» и «Письма с того берега», которые Герцен присылал из-за границы, свидетельствуют о глубоком переломе в его настроении.

---

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 466.
[2] Там же, стр. 465.

Революционно-демократические взгляды Герцена углубляются. Он выступает как грозный обличитель буржуазного общества, показывая лицемерие его красивого лозунга: «Свобода, равенство и братство». Герцен писал: «Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности. Она была минутно хороша, как отрицание, как переход, как противоположность, как отстаивание себя». Взгляды Герцена на буржуазию не встречают сочувствия в среде его бывших соратников из круга западников. Боткин писал Анненкову «...как же не защищать ее (буржуазию), когда наши друзья со слов социалистов представляют эту буржуазию чем-то в роде гнусного, отвратительного, губительного чудовища, пожирающего все прекрасное и благородное в человечестве». Только у Белинского взгляды Герцена нашли поддержку.

Герцен горячо приветствовал революцию 1848 года. Он сочувствовал восстанию в Париже в июне 1848 года. Он понял эту борьбу как схватку между пролетариатом и буржуазией. Разгром июньского восстания пролетариата Герцен переживал чрезвычайно тяжело. «Теперь — ночь», — сказал он. Наступил духовный крах Герцена.

«Духовный крах Герцена, — писал Ленин, — его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом б у р ж у а з н ы х и л л ю з и й в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии у ж е умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата е щ е н е созрела» [1].

На Герцена к тому же обрушились и личные несчастья: гибель матери и сына, утонувших в море, вслед за тем смерть жены. Но тем не менее Герцен продолжал борьбу. Разочаровавшись в Западе, Герцен обратился к России. Герцен разработал впоследствии свою теорию крестьянского социализма.

Вскоре после приезда за границу перед ним встал вопрос — оставаться ли здесь? Николай I требовал возвращения Герцена в Россию. Герцен знал, что, отказываясь возвратиться, он обрекает себя на вечное изгнание, но, несмотря на это, он решил остаться за границей. С болью в душе он решился на этот шаг. Герцен говорил впоследствии: «месяцы целые взвешивал я, колебался и, наконец, принес все в жертву».

«Прощайте!» — так назывался отрывок из замечательного произведения Герцена «С того берега», в котором он обращался к своим друзьям. «Наша разлука продолжится еще долго, может всегда. Теперь я не хочу возвратиться, потом не знаю, будет ли это возможно... Нет, друзья мои, я не могу переступить рубеж этого царства мглы, произвола, молчаливого замиранья, гибели без вести, мучений с платком во рту... Пожалуйста, не ошибитесь; не радость, не рассеяние, не отдых, ни даже личную безопасность

[1] Л е н и н. Соч., т. XV, стр. 465.

нашел я здесь... Зачем же я остаюсь? Остаюсь затем, что борьба здесь что, несмотря на кровь и слезы, здесь разрешаются общественные вопросы, что здесь страдания болезненны, жгучи, но гласны, борьба открытая, никто не прячется». Герцен писал, что он будет полезнее за границей. «Я здесь — бесцензурная речь ваша, ваш свободный орган».

«Итак, прощайте, друзья, надолго... давайте ваши руки, вашу помощь, мне нужно и то и другое... Быть может, и не так далек, как кажется, тот день, в который мы соберемся, как бывало в Москве, и безбоязненно сдвинем наши чаши при крике «За Русь и святую волю». Сердце отказывается верить, что этот день не придет, замирает при мысли вечной разлуки. Будто я не увижу эти улицы, по которым я так часто ходил, полный юношеских мечтаний; эти дома, так сроднившиеся с воспоминаниями, наши русские деревни, наших крестьян, которых я вспоминал с любовью на самом юге Италии. Не может быть! Ну, а если? Тогда я завещаю тост моим детям и, умирая на чужбине, сохраняю веру в будущность русского народа и благословляю его издали моей добровольной ссылки».

Несмотря на тяжелую обстановку, в которую попал Герцен за границей, несмотря на шатания и ошибки, Герцен, как и его друг Огарев, остались верными клятве, которую они дали еще юношами на Воробьевых горах. Но об этом периоде деятельности Герцена, относящемся к 50-м годам, мы будем говорить в одной из следующих лекций.

Петрашевцы

Значительную роль в общественном движении 40-х годов играл кружок, во главе которого стоял М. В. Петрашевский.

Петрашевскому не удалось использовать печатное слово для своей пропаганды в пользу коренного политического и социального переустройства России и осуществления идей социализма. Дело ограничивалось пропагандой устной и притом в довольно узких рамках.

Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский родился в семье военного врача, окончил Царскосельский лицей, затем служил в министерстве иностранных дел, одновременно посещая лекции в Петербургском университете в качестве вольнослушателя. В 1841 г., прекрасно сдав испытания, Петрашевский окончил юридический факультет университета. Уже в этот период складывались взгляды Петрашевского. Царские следователи писали, что Петрашевский «и в лицее и в университете был замечен, как человек с чрезвычайно либеральными идеями». В рукописи «Мои афоризмы», в которую Петрашевский заносил свои мысли, начиная с 30 октября 1840 г., он высказывался за то, чтобы государства были созданы по народам, но вместе с тем объединялись друг с другом на началах полного равноправия. Отношения между народами должны

быть, как между штатами Северной Америки или провинциями одного и того же государства. Пошлин, таможенных сборов не должно существовать. «Правление должно быть представительно-республиканское, все должности замещены по выборам. Те огромные войска, которые ныне содержатся, были бы не нужны, ибо война не могла бы иметь места. В религии совершенная терпимость». Петрашевский протестовал против тайного судопроизводства и цензуры — «этого ужасного орудия угнетения».

В отдельных заметках и набросках, написанных вскоре после окончания университета, Петрашевский предлагал обратить внимание на самый корень зла, препятствующий человеку сделаться истинно достойным этого имени. Петрашевский писал о необходимости широко развернуть образование простого народа. Он протестовал против действия тех правительств, которые посредством тайных инструкций и различных учреждений пытаются остановить умственное развитие народа и преследуют тех, «в которых заметят они хотя некоторый проблеск самостоятельности воззрения на мир и общество».

Петрашевский отмечал, что презрение и ненависть к таким правительствам должны быть священным долгом каждого человека. Он ратовал за свободу печати, за уничтожение «унизительной для разума человеческого цензуры», за открытый суд с участием присяжных, за введение мировых судей и пересмотр свода законов. Петрашевский мечтал тогда об основании журнала, который был бы посвящен вопросам национального развития и освобождения России. Основную цель журнала он видел в том, чтобы «возбудить, разбудить, вызвать чувство народности и самобытности во всех отношениях; основной идеей, главным предметом должна быть Русь». В это же время Петрашевский намечал следующие темы для разработки: «В чем должен состоять патриотизм», «О введении национальной одежды», «Какими должны быть народные песни» и др.

Еще с университетской скамьи Петрашевский испытал на себе влияние западноевропейских утопистов-социалистов. Профессор Порошин, лекции которого он слушал, осуждал крепостное право и сочувственно относился к утопическому социализму и в частности к учению французского утопического социалиста Шарля Фурье. Впоследствии правительственная комиссия нашла, что лекции Порошина имели вредное направление, что он разбирал социалистические теории «не в духе благонамеренном, соответствующем монархическим правилам», а в выражениях соблазнительных, часто выставляя благодетельную цель систем, влекущих к ниспровержению всякого законного порядка». Так или иначе, но, видимо, уже в университете Петрашевский стал пламенным сторонником Фурье. Он писал впоследствии: «...когда я в первый раз прочитал его сочинения, я как бы заново родился, благоговел перед величием его гения!. Петрашевский был особенно увлечен той картиной идеальной организации производства и труда, которую нарисовал

Фурье. Именно поэтому Петрашевский считал, что Фурье заслуживает названия «гения из гениев».

В основе учения Фурье лежала социальная философия, провозглашавшая, что природе человека свойственно стремление к труду. До сих пор общество делало труд непривлекательным и неприятным. Созданием ассоциаций, как мыслил Фурье, будет достигнуто то, что труд станет источником наслаждения. Сильная сторона учения Фурье состояла в суровой и остроумной критике буржуазного общества. Эта критика была порождена развитием буржуазных отношений на Западе, теми острыми противоречиями внутри капитализма, которые к этому времени уже обнаружились. Но для России 30—40-х годов главными были противоречия не внутри капитализма, а между развивающимся капитализмом и господствующими феодальными отношениями. Критика русских фурьеристов направлялась не столько против капитализма, сколько против феодализма.

В 1845 г. вышел в свет «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым». Первый выпуск словаря редактировал Валериан Майков. Он был хорошо знаком с западноевропейскими экономическими и политическими теориями, с философией и историей и рассматривал словарь как могучее средство для распространения новых и уничтожения устарелых взглядов. Майков писал о необходимости «водворить новые идеи» и в этом духе редактировал первый выпуск кирилловского «Словаря». В еще большей степени это имело место во втором выпуске, который редактировал Петрашевский. Трудно установить точно, какие статьи в этом словаре лично писал Петрашевский, но в отношении некоторых авторство Петрашевского не подлежит сомнению. Под видом разъяснения тех или иных иностранных слов Петрашевский фактически пропагандировал передовые идеи того времени, боролся против крепостного права и самодержавия и описывал преимущества того социалистического строя, который должен притти на смену существующему порядку вещей.

Вот, например, как словарь разъяснял слово «ораторство»: «человеку, взятому в отдельности, почти ничего невозможно совершить, но все возможно совершить в обществе и обществом». Но Петрашевский разъяснял, что в отсталых обществах и государствах нет условий для развития истинного красноречия. И под видом выяснения этих условий Петрашевский набросал в этой статье целую программу политических реформ. «Полное, не стесняемое никакими общественными учреждениями развитие индивидуальности, признание не силы, но разумности началом управительным в обществе... Обеспечение свободы мысли, чувства и их внешнего публичного обнаружения, ясное сознание как своих частных, так и общественных интересов, поддерживаемое публичностью всех общественных и административных отправлений, — вот главные условия, без бытия которых развитие ораторства

делается невозможным». Петрашевский подчеркивает, что явление ораторства особенно проявляется в часы великих переворотов, торжеств или бедствий. Вот почему во Франции среди Национального и Законодательного собрания мы видим возрождение волшебного действия человеческого слова.

Автор статьи «Национальное собрание» подробно рассказывал об истории Собрания, приводил важнейшие пункты французской конституции, в частности о том, что верховная власть принадлежит народу, что каждый гражданин имеет полное право свободно выражать свои мнения, писать и печатать, не подвергаясь никакому суду или цензуре. В статье «Нация» говорилось, что Россию и русских ждет высокая и великая будущность в том случае, если она постигнет «общечеловеческие интересы». Автор статьи «Новаторство» с сочувствием упоминал об учениях Оуэна, Сен-Симона и Фурье. Он горячо приветствовал смелых новаторов и порицал ту отсталую часть человечества, которая глумится над смелыми новаторами. «Высока, тяжела миссия всякого новатора и новаторства!.. Неуспехи, страдания, гонения были доселе уделом всякого новатора, не льстившего невежеству, но который, руководясь истиной, стремился усвоить ее человечеству».

В статье «Организация производства», написанной, по свидетельству цензора, Петрашевским, говорилось, что личность и права человека иногда приносятся в жертву капиталу и приходится искать средство для устранения этого общественного зла.

С изданием второго выпуска «Словаря» произошел большой скандал. Только после выхода его в свет, в апреле 1846 г., царские чиновники спохватились. Уваров нашел, что это сочинение наполнено «непозволительными и вредными мыслями». Цензору объявили строгий выговор. Было приказано немедленно отобрать все экземпляры издания из типографии и у книготорговцев, а дальнейшее издание «Словаря» прекратить. Так закончилось издание этого словаря, прерванное на букве «о», а вместе с ним и литературная деятельность Петрашевского.

По свидетельству современников, Петрашевский был человек сильной души и крепкой воли. Он много трудился над своим образованием, углублялся в чтение все новых и новых сочинений и все силы и знания отдавал делу освобождения родины и благосостояния человечества. Он сам показывал: «Я обрек себя на служение человечеству, и стремление к общему благу заменило во мне эгоизм и чувство самосохранения... Чтобы найти приличное место для употребления моих способностей, мне незачем было ходить вдаль, — мне стоило только обратить внимание на мое отечество». Возвышенные цели и высокие нравственные качества привлекали к Петрашевскому симпатии людей. Писатель Ф. Достоевский заявлял, что он уважал Петрашевского, как человека честного и благородного. Сослуживец Петрашевского — Баласогло говорил о его уме, благородстве и высокой душе. И деятельный Петрашевский сумел объединить вокруг себя группу передовой молодежи.

Разносторонне образованный Петрашевский интересовался юриспруденцией, историей, философией, естествознанием, медициной. Он следил за развитием этих наук в России и на Западе. Вместе со своими друзьями в складчину Петрашевский выписывал иностранные книги: сочинения Адама Смита, Сисмонди, Мореля, Фурье, Прудона, Руссо, Канта, Фейербаха, Жорж-Санд и других. Тут были и работы Маркса «Нищета философии» и Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Книги из этой библиотеки Петрашевский широко раздавал своим знакомым.

В 1845 г., когда Петрашевскому было всего 24 года, он начал устраивать у себя дома свои знаменитые «пятницы», на которых вел пропаганду социалистических идей. Раз в неделю у него собирались молодежь, представители среднего и мелкого дворянства, чиновники, начинающие писатели, офицеры, студенты. Собрания происходили также у Момбелли, чиновника Кашкина, Дебу. На собраниях участвовали молодые писатели: Достоевский, Салтыков-Щедрин, А. Плещеев, В. Майков и др. Здесь разбирались ученые и литературные произведения, завязывались споры по вопросам политэкономии, философии, религии... А главное — на этих собраниях широко пропагандировались учения утопических социалистов и прежде всего Фурье.

Петрашевцы мечтали переделать мир на новых началах, в соответствии с учением Фурье. Петрашевец Ахшарумов писал, что он «весь отдался мысли о счастье человека, бредил фаланстером, этим счастливым огромным зданием, окруженным садами, полями, рощами, в котором 800 человек живут в богатстве и веселье, мне снился он во сне, для него без разбора готов я был употребить все средства». Как и все утопические социалисты, петрашевцы не понимали законов общественного развития и не знали истинных путей перехода к новому строю. Петрашевцы надеялись, что это совершится мирным путем, стоит только устранить учреждения, не соответствующие человеческой природе.

Петрашевцы считали, что общество управляется идеями. Нужно прежде всего добиться, чтобы люди составили себе идеи и постановления, отвечающие истинной, естественной природе человека. Истинная мораль та, которая выводит свои положения из потребностей человека. Не человек должен приспособляться к общественным условиям, а условия нужно преобразовывать так, чтобы они удовлетворяли человека. Петрашевцы отмечали, что удовлетворение потребностей одних людей не будет противоречить интересам других. Произойдет гармоническое сочетание личных и общественных потребностей. Резкой критике петрашевцев подвергалась семья. По мнению Петрашевского, существующая форма брака не может быть удовлетворительной, так как основана на угнетении женщин. На одном из собраний петрашевцев Толь читал доклад на тему: «О ненадобности религии в социальном смысле». Толь доказывал, что религия убивает нравственность и не нужна

для благосостояния человечества. Петрашевский горячо поддержал эти выводы. Он был противником религии.

Но петрашевцы не были только учениками Фурье. Они пошли дальше своего учителя. Петрашевцы не отказывались от политической борьбы, не уходили от жгучих вопросов современности, как это делали Фурье и другие утопические социалисты Запада. На своих беседах они вскрывали со всей остротой пороки существовавшего в России общественного строя. Участник петрашевских «пятниц» говорит, что тут «собирался народ молодой, образованный, читающий, мыслящий: впечатления воспринимались живо; всякая несправедливость, злоупотребления, стеснения, самоуправство глубоко возмущали душу каждого. Напротив, всякое стремление к благу общественному или частному вызывало сочувствие». Вопрос об угнетении народа особенно волновал петрашевцев. Поручик Момбелли писал в своем дневнике: «Что видим мы в России? Десятки миллионов страдают, тяготятся жизнью, лишены прав человеческих — или ради плебейского происхождения, или ради ничтожности общественного положения своего, или по недостатку средств существования; зато в то же время небольшая каста привилегированных счастливцев, нахально смеясь над бедствиями ближних, изощряется в изобретении роскошных изъявлений — тщеславия и низкого разврата, прикрытого утонченною роскошью».

Петрашевцы горячо спорили о различных общественных вопросах, говорили о необходимости освобождения крестьян, уничтожения цензуры, введения гласности в судах, осуществления политической и социальной свободы и т. д.

Деятельность петрашевцев оживилась, когда произошла европейская революция 1848 года. Их собрания стали более многочисленными. Среди петрашевцев появлялось стремление перейти к активной революционной деятельности. В этой связи интересно остановиться на одном из участников собраний петрашевцев — Николае Спешневе. В отличие от других петрашевцев это был довольно крупный помещик, живший на доходы своего курского имения. После окончания лицея он читал почти исключительно сочинения экономистов и социалистов разных школ. Он дважды уезжал за границу, где изучал немецкую философию. Большое влияние на него оказали теории французского социалиста Дезами — сторонника насильственного социального переворота и революционной диктатуры, а также немецкого утопического социалиста, портного Вейтлинга. Спешнев открыто называл себя социалистом и высказывал атеистические взгляды. В одной из записок он говорит, что намерен «пользоваться устным словом для распространения социализма, атеизма, терроризма».

Спешнев, по всей вероятности, предполагал создать тайное революционное общество в России. В бумагах, найденных у Спешнева, наряду с другими были обнаружены рассуждение о крепостном состоянии, о необходимости неотлагательного уничтожения его в России и написанное его рукой секретное обязательство,

в котором говорилось: «Я, нижеподписавшийся, добровольно, во здравом размышлении и по собственному желанию, поступаю в русское общество и беру на себя следующие обязанности, которые в точности исполнять буду. Когда распорядительный комитет общества, сообразуя силы общества, обстоятельства и представляющийся случай, решит, что настало время бунта, то я обязуюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участие в восстании и драке». Спешнев предполагал организовать тайную типографию и вместе со студентом Филипповым разработал план ее организации.

Вопрос о тайном политическом обществе выдвигался не только Спешневым. Об этом шли разговоры между Момбелли, Львовым, Дебу. На «пятницах» Петрашевского появился приехавший из Сибири отставной офицер Черносвитов, и хотя к нему относились подозрительно, тем не менее Спешнев и Петрашевский вели с ним беседы, во время которых Черносвитов излагал план организации восстания в Восточной Сибири и на Урале. Однако большинство петрашевцев не сочувствовало идеям организации восстания и создания тайного общества. Сам Петрашевский защищал необходимость мирной пропагандистской деятельности. На одной из последних «пятниц» — в апреле 1849 г. — Достоевский читал петрашевцам знаменитое письмо Белинского к Гоголю. Это письмо произвело огромное впечатление и вызвало общий восторг у присутствующих. Было решено распространить письмо Белинского в нескольких экземплярах.

7 апреля 1849 г. состоялось торжественное собрание петрашевцев в связи с днем рождения Фурье. Первое слово на торжественном обеде было предоставлено Ханыкову. Он говорил о социализме и коммунизме, о совместной обработке земли, об уничтожении частной собственности. Его речь, как и выступления других ораторов, была пропитана чувством глубокой любви к родине и горечи за ее бедственное положение. «Отечество мое в цепях, — говорил Ханыков, — отечество мое в рабстве; религия, невежество — спутники деспотизма — затемнили, заглушили твои натуральные влечения, отечество мое... где твое общинное устройство...». Ханыков надеялся добиться освобождения отечества посредством нового лучшего социального строя: «...всякая новая идея выдерживала и выдерживает до сих пор борьбу упорную, сильную. Но не нам бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки. Наш тесный, дружный союз на всех концах земного шара во имя ее начал и закона. Преображение близко!».

Другой петрашевец, Д. Ахшарумов говорил: «Жизнь, как она теперь, — тяжела, гадка; мы все несчастны и можно ли быть счастливым в этом обществе, в котором мы живем?». Он выражал уверенность, что так как существующий порядок противоречит главному, основному назначению человеческой жизни, «то он непременно рано или поздно прекратится и вместо него будет новый». Ахшарумов отмечал, что уже тот факт, что «... мы сознаем

недостатки, ошибки в устройстве нашей жизни, и уже представляется нам в общих чертах новая жизнь, — этот самый факт доказывает, что началось время его разрушения. И рухнет, и развалится все это дряхлое, громадное вековое здание, и многих задавит оно при разрушении и из нас, но жизнь оживет, и люди будут жить богато, раздольно и весело!..». Выражая настроения собравшихся, Ахшарумов говорил, что все они полны надежды, что они празднуют грядущее искупление всего человечества и чтят в день рождения Фурье его память, потому что он указал «путь... и открыл источник богатства, счастья... Всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама, — закончил Ахшарумов, — превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах — вот цель наша, великая цель наша, больше которой не было на земле... Мы здесь, в нашей стране, начнем преобразование, а кончит его вся земля. Скоро избавлен будет род человеческий от невыносимых страданий».

Вечер 7 апреля 1849 г. был последним вечером петрашевцев. В Третьем отделении стало известно, что «титулярный советник Буташевич-Петрашевский обнаруживает большую наклонность к коммунизму и с дерзостью провозглашает свои правила». За собраниями у Петрашевского было установлено наблюдение. К петрашевцам проник тайный агент полиции. 22 апреля 1849 г. петрашевцы были арестованы. Николай I был напуган делом петрашевцев. Ему казалось, что это второй заговор декабристов. 232 человека были допрошены следственной комиссией, но осудить удалось только 23. Петрашевцы не предпринимали никаких практических действий и занимались мирной пропагандой. Это был, как хорошо сказал Герцен, «заговор идей». Но тем не менее над петрашевцами произвели жестокую расправу. 16 ноября 1849 г. военно-полевой суд вынес приговор по делу петрашевцев. Он начинался следующими словами: «Пагубное учение, народившее смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающее ниспровержением всего порядка и благосостояния народа, отозвалось, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве». 14 человек: Петрашевский, Спешнев, Момбелли, Достоевский и другие были приговорены к смертной казни, остальные — к каторге и ссылке.

И вот 22 декабря 1849 г. одетых в весеннее платье петрашевцев вывели на Семеновскую площадь. Они шли по глубокому снегу вдоль выстроенного войска, сомкнутого в каре. Священник с крестом в руке выступал впереди. Петрашевцев подвели к эшафоту. Началось чтение судебного приговора, который заканчивался словами: «Полевой уголовный суд приговорил всех к смертной казни расстрелянием и 19 сего декабря государь, император собственноручно написал: «быть по сему». Петрашевского, Спешнева и Момбелли подвели к столбам, привязали каждого к отдельному столбу веревками. Затем было приказано надвинуть на глаза колпаки. Раздалась команда, и группа солдат направила

ружья на стоявших петрашевцев. «Момент этот был поистине ужасен, — пишет один из петрашевцев. — Сердце замирало от ожидания.... Но вот послышался барабанный бой, и прицеленные ружья вдруг были подняты вверх. Петрашевского, Спешнева и Момбелли отвязали. Из подъехавшего экипажа вышел офицер, который привез бумагу. В ней возвещалось, что Николай I смягчил приговор и заменил смертную казнь другими наказаниями. Петрашевский присуждался к бессрочной каторге, остальные — к каторжным работам на разные сроки. Осужденных поставили на колени, над их головами сломали шпаги, надели на них кандалы. Петрашевский обнял каждого и простился. Сейчас же с Семеновской площади петрашевцев отправили к месту назначения. Так Николай I расправился с петрашевцами.

Петрашевцы не опирались на народ. Они представляли собой небольшую группу передовой молодежи, воодушевленной идеями утопического социализма и вместе со всем общественно-политическим движением 30—40-х годов искавшей путей освобождения родины от царского произвола и крепостного права.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Наука и просвещение

Усложнение экономической и политической жизни страны, рост промышленности и сельского хозяйства, развитие государственного аппарата вызвали необходимость расширения дела образования в России. Царское правительство провело в связи с этим ряд мероприятий по увеличению учебных заведений, придав всей системе среднего и высшего образования в России более практический характер.

С 1828 г. стал существовать Петербургский технологический институт. В 1835 г. «для образования благородного юношества на службу по судебной части» было основано училище правоведения. Создались училища архитектурное и гражданских инженеров, впоследствии объединившиеся в единое строительное училище; организовались Горыгорецкое земледельческое училище (в Могилевской губернии), Московский межевой институт, Харьковская и Дерптская ветеринарные школы. Министерство просвещения предлагало особое внимание уделить «приспособлению главнейших начал наук общим и техническим потребностям ремесленной, фабричной и земледельческой промышленности». При университетах были учреждены кафедры агрономии, лесоводства, технологии, практической механики и др. По этим прикладным наукам стали читаться публичные лекции.

Аналогичные мероприятия были проведены и в области среднего образования. В гимназиях на местные средства было разрешено открывать специальные уроки «реальных наук» или «реальные классы», где преподавались механика, технология, химия, черчение и рисование. В некоторых гимназиях были введены параллельные курсы классических и реальных наук. Курс реальных наук, рассчитанный главным образом на детей купеческого и мещанского сословий, освобождал от изучения древних языков. Стали создаваться специальные коммерческие училища. Вместе с тем в некоторых гимназиях по желанию и на средства дворянских обществ стали даваться уроки законоведения, подготовлявшие дворянскую молодежь к судебной деятельности.

Правительство предпринимало меры к улучшению постановки университетского образования: было запрещено принимать в студенты лиц, окончивших гимназии с неудовлетворительными от-

метками; установлены испытания для поступающих; введены должности доцентов для замещения вакантных профессорских мест; практиковалась посылка молодых ученых за границу.

Однако, расширяя количество средних и высших учебных заведений в России, царское правительство стремилось ограничить среднее и высшее образование определенными рамками и направить воспитание молодого поколения по реакционному руслу. Как и во всех других областях, политика царизма и здесь была подчинена задаче охраны и укрепления существующего строя. Передовые ученые обычно изгонялись из учебных заведений. Их заменяли «учеными» чиновниками, которые, строго руководствуясь директивами начальства, проповедывали с университетских кафедр отсталые реакционные теории. Чтобы затруднить проникновение западноевропейской науки в Россию, правительство стремилось пресечь плодотворное общение русской ученой молодежи с западноевропейским ученым миром. После революции 1848 года командировки за границу всех лиц, служивших по ведомству министерства просвещения, были запрещены. Началось гонение не только на отдельных лиц, но и на целые науки.

Приостановив преподавание государственного права, управляющий министерством просвещения писал в докладе царю: «При настоящем довольно шатком политическом состоянии Европы весьма затруднительно положить определенные границы этой науке». На этом докладе Николай I наложил ясную резолюцию: «Дельно и не возобновлять, совершенно лишнее». Вслед за тем было упразднено преподавание философии, а чтение лекций по логике и психологии возложено на профессоров богословия. Министр просвещения сообщил, что тем самым прекращено провозглашение с университетских кафедр «мечтательных теорий», а логика и психология сроднились «с истинами откровения».

В средних учебных заведениях было обращено в то время особое внимание на характер преподавания древних языков. Количество часов, отводимых на эти предметы, было сокращено. В программу латинского языка было включено изучение отрывков из творений святых отцов и церковных писателей — Климента Римского, Киприана и др. Перед преподавателями греческого языка была поставлена задача — добиться основательного изучения учащимися «творений древне-греческих писателей, в особенности святых отцов Восточной Церкви».

Одновременно царское правительство всемерно стремилось сохранить сословный характер образования в России. Оно всячески поощряло поступление детей дворян в гимназии и университеты. При содействии правительства при гимназиях открывались специальные дворянские пансионы. К концу 40-х годов XIX в. их насчитывалось уже 47.

Царизм был обеспокоен тем, что неоднократные распоряжения правительства о воспрещении приема в университеты лиц несво-

бодных состояний соблюдались плохо. Уваров с тревогой сообщал царю, что в высшие и средние учебные заведения умножается прилив молодых людей из низших слоев общества, что выводит их «из первобытного состояния» и угрожает интересам государства. Он писал специальные докладные записки о том, как «умерить прилив юношества к учебным заведениям высшего типа», «удержать стремление молодых людей к образованию, столь заметное ныне», в пределах соразмерных с гражданским бытом разнородных сословий.

Уваров прямо писал, что именно с этой целью, а «не для усиления экономических сумм учебных заведений» следует повысить плату за обучение в средних и высших учебных заведениях. Николай I не только одобрил это предложение, но установил еще более повышенную плату по сравнению с той, какую предлагал министр. С той же целью «удержать стремление молодых людей к образованию», а также сделать гимназии местом воспитания детей дворян и чиновников правительство стало требовать при поступлении в них детей купцов и мещан специальные увольнительные свидетельства от обществ. Одновременно оно закрыло другой канал приобщения разночинцев к науке — упразднило разряд «приватных студентов» (вольнослушателей) университета.

Царское правительство опасалось, что распространение просвещения поднимет сознание народных масс. Не случайно поэтому оно почти совершенно не уделяло внимания делу начального образования народа: подавляющее большинство уездных училищ влачило жалкое существование. Правительство строго предписывало следить за тем, чтобы преподавание в них не выходило «за установленные рамки». Уездным предводителям дворянства вменялось в обязанность доносить «о всяком отступлении, какое ими будет замечено». Организация просвещения помещичьих крестьян попрежнему предоставлялась на усмотрение самих помещиков. Среди части крестьянства в это время появилась тяга к образованию. Авторы официальных отчетов писали, что в народе потребность в знании более или менее обнаружилась, и без высшего направления и руководства она может увлечь его на ложный путь. Они предлагали поэтому направить все дело на «утверждение среди крестьян правил православной веры и обязанностей верноподданства, как главных основателей нравственности и порядка».

В. Г. Белинский писал в конце 40-х годов: «Назад лет пятьдесят матери выли, как по мертвым, провожая сыновей своих в школы, — и это матери не крестьянки, а разных городских сословий; а теперь всякий крестьянин радехонек возможности выучить своего сына грамоте. Учение — свет, неучение — тьма, — говорит он, — и в его глазах грамотный человек — существо высшего разряда».

Однако помещики смотрели на дело иначе. Отмечая почти полное отсутствие грамотных крестьян, помещики Тульской

губернии писали, что способов к распространению грамотности нет и едва ли когда-нибудь они могут быть. Одни помещики признавали грамотность несущественной необходимостью для народа, другие считали, что грамотность крестьян принесет прямой вред. Во всей Тульской губернии в середине XIX в. было 8 школ для крестьян. В одной из них училось 10 мальчиков, из которых только четверо могли «порядочно читать и писать».

Не лучше обстояло дело среди государственных и удельных крестьян, образование которых было поручено духовенству. В официальных отчетах сообщалось, что начало просвещению государственных крестьян фактически еще не положено, обучение в церковно-приходских школах идет крайне плохо, без всякой системы, урывками. Многие школы вовсе прекратили свое существование. Граф Киселев писал, что «духовенство не обращает ни малейшего внимания на дело обучения сельского юношества».

В середине XIX в. министерство просвещения от имени некоего Крузенштейна опубликовало на французском языке книгу, в которой, сообщив ложные цифры о состоянии образования, доказывало, что Россия сделала в этом отношении гигантские успехи, благодаря «просвещенным и отеческим заботам своего правительства». Однако более правильный подсчет, произведенный в 1856 г., показал, что по всей Российской империи (не считая Польши) при населении около 64 млн. человек было 8 227 низших школ с 450 тыс. учащихся. На каждую губернию приходилось 126 школ и 6 923 учащихся. Сельские школы составляли одну четвертую от общего числа школ. Значительная часть этих школ существовала только на страницах официальных отчетов.

Автор книги «Школа и государство» Миропольский, характеризуя положение русской школы в середине XIX в., пишет, что за работой школ наблюдали лица, совершенно не знакомые со школьным делом и в нем не заинтересованные. Они «всего тщательнее заботились о том, чтобы в школах была субординация; наблюдали, чтобы вывеска на школе с орлом была надлежащего рисунка и блистала свежестью, школа на случай приезда высшего начальства белилась, книги были целы, хотя бы и лежали неразрезанными, на стенах развешивались разные «правила», которых никто не исполнял, «инструкции», которыми никто не руководствовался, «расписания», с которыми никто не справлялся».

Народ тянулся к знанию, к книге. Сообщив, что первая и вторая книги «Сельского чтения», вышедшие в 1843—1844 г., выдержали по несколько изданий и разошлись в десятках тысяч экземпляров, Белинский отмечал, что это служит не последним доказательством «сильной охоты нашего простого народа, говоря его собственным выражением, набираться из книг уму-

разуму». Однако царское правительство не только не содействовало, но и препятствовало удовлетворению этих потребностей народа. Главное управление училищ предлагало не допускать широкого развития дешевых изданий для народа, так как это «приводит низшие классы некоторым образом в движение». А когда в 1847 г. был представлен проект организации акционерной компании для издания и сбыта книг в России, Комитет министров решил, что «это не соответствует видам правительства». Николай I написал на этом решении своих министров краткое, но достаточно красноречивое заключение: «Самое вредное предложение. Комитет правильно решил».

Такая линия царского правительства тормозила развитие народного просвещения. Николаевская монархия душила свободную научную мысль, преследовала передовую русскую науку. Однако вопреки этому русская наука и просвещение продолжали развиваться. Во вторую четверть XIX в., в тяжелых условиях николаевской реакции, они сделали новые успехи. Русская наука добилась крупных мировых достижений. Передовые русские люди 30—40-х годов, оценивая эти достижения, выражали твердую уверенность в том, что в недалеком будущем Россия докажет, что она не нуждается в чужой умственной опеке.

Во второй четверти XIX в. укрепилось положение Российской Академии наук. Она получила новый устав и новые штаты. Академия наук стала подразделяться на три отделения: физико-математических наук, русского языка и словесности и исторических наук и филологии. В 1839 г. при Академии наук была открыта Пулковская обсерватория, созданная трудами астронома В. Я. Струве и других ученых, сыгравшая впоследствии крупную роль в развитии русской науки. Росло число научных обществ. В Петербурге, Киеве и Одессе возникли общества врачей. Организовалось археологическое общество, занявшееся рядом серьезных изысканий и исследований и вскоре ставшее главным научным центром русской археологии. В отдаленные районы страны направилась археографическая экспедиция Академии наук, имевшая задачей обследовать и привести в известность всю письменную старину.

В течение пяти лет неутомимый археограф П. Строев, возглавивший эту экспедицию вместе со своими помощниками, обследовал до 200 библиотек и собрал до 3 000 выдающихся исторических документов, составлявших основной фонд источников для русской исторической науки. Специальная Археографическая комиссия, созданная в 1834 г., занималась разбором и публикацией собранных материалов. Одновременно продолжалось географическое изучение России. Ряд экспедиций направился на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, в северную и среднюю полосу, на Новую Землю, в бассейн р. Амур, на Сахалин. Они собрали большой материал, который стал изучаться и разрабатываться русскими учеными. Особенно плодотворной оказалась экспедиция академика

Миддендорфа, обследовавшая районы Восточной Сибири. В 1845 г. было основано Русское географическое общество, развернувшее значительную работу по изучению отдельных районов страны.

Оживление научной деятельности в России нашло свое отражение в росте периодических научных изданий. В 1825 г. их выпускалось до 20, а в 1850 г. — до 55.

Было бы, однако, неправильным преувеличивать размах этой работы. В России второй четверти XIX в. были отдельные выдающиеся ученые и научные общества. Но ученых было немного, общества были малочисленны, научные съезды и конференции не созывались.

Из точных наук в России успешно продолжала разрабатываться математика. Большую роль сыграл в ее развитии М. Остроградский. Лишенный университетского диплома «за вольнодумство», Остроградский шесть лет — с 1822 по 1828 г. — работал за границей у выдающихся французских математиков и возвратился в Россию прославленным ученым. Овладев математическими идеями своего времени, Остроградский обогатил крупными открытиями различные области математики, связанные с развитием естествознания. Его работы посвящены математической физике, в частности теории упругости и теплоты, небесной механике, математической механике, а также математическому анализу. Формула Остроградского об интегральном исчислении получила название классической и вошла во все курсы по математическому анализу. Остроградский возглавлял кафедру прикладной математики в Российской Академии наук и был первым русским ученым, избранным членом-корреспондентом Парижской Академии наук.

Одновременно с Остроградским в Российской Академии наук работал и другой выдающийся математик — В. Я. Буняковский, впоследствии избранный вице-президентом Академии. Буняковский успешно разрабатывал проблемы математического анализа и выпустил многочисленные труды в области теории чисел и теории вероятностей. Он создал первый курс теории вероятностей, стоявшей вполне на уровне тогдашней математической науки. Вместе с тем Буняковский занимался и проблемами статистики. Он первый со всей научной тщательностью применял статистический метод к изучению народонаселения страны и потому по праву считается основателем русской демографии. Остроградский и Буняковский явились пионерами петербургской школы математиков. Ее признанной главой стал величайший русский математик — Пафнутий Львович Чебышев.

Чебышев принадлежит к числу наиболее крупных представителей передовой русской науки. Если исследования его великого предшественника — Лобачевского относятся главным образом к геометрии, то работы Чебышева затрагивают самые разнообразные

области математики, на первый взгляд далеко отстающие друг от друга.

Уже вскоре после окончания Московского университета в 40-х годах XIX в. Чебышев занялся проблемами теории вероятностей, а также проблемами теорий чисел. Он разработал, в частности, вопрос о распределении простых чисел, впервые после Эвклида достигнув в этом отношении выдающихся результатов. Вместе с тем Чебышев создал новую область математики — приближенные вычисления функций и чисел. В 1852 г. он получил командировку за границу, где особенно плодотворно работал в области механики. Впоследствии Чебышев выступил как основатель русской науки о механизмах. Его работы сыграли огромную роль в развитии прикладной механики, техники, промышленности и в установлении тесной связи между наукой и развитием машинной техники и фабричного производства.

Значительный шаг вперед сделала во второй четверти XIX в. русская химия. В этот период развернулась деятельность старейшего русского химика — учителя Менделеева — А. А. Воскресенского, Г. Гесса и Зинина. Защитив диссертацию «Изучение химического состава и целебного действия минеральных вод в России», Герман Гесс первое время работал врачом в Иркутске, занимаясь одновременно минералогией. Но затем, будучи избранным членом Российской Академии наук, Гесс полностью отдался экспериментальным работам в области химии. Еще в 1840 г., до того, как был точно сформулирован закон сохранения энергии, он открыл и экспериментально обосновал «закон постоянства сумм тепла». Суть открытия Гесса состояла в том, что «количество тепла, выделяющегося из химической реакции, не зависит от пути процесса и определяется только исходным и конечным состоянием системы». Этот закон имел крупное значение. Он явился основанием для новой отрасли научного знания, сыгравшей большую практическую роль, — термохимии.

Особенно крупное место в развитии русской химии в 40-х годах XIX в. занял Зинин. Это был питомец Казанского университета. Там, в Казани, он зажег яркий светоч русской химии, с тех пор неугасимо горящий на небосклоне нашей науки. С 1835 г. Зинин стал преподавать химию в Казанском университете, затем уехал для усовершенствования за границу, где работал под руководством Либиха и, возвратившись в 1841 г. в Казань, приступил к своим замечательным экспериментальным работам по химии, которые в невиданно короткий срок доставили ему мировую славу. Его докторская диссертация была посвящена соединениям бензоила и открытым новым телам, относящимся к бензоиловому роду. Зинин получил из бензола анилин. Это был первый случай искусственного получения органических оснований. Зинин доказал общность открытой им реакции восстановления ароматических нитросоединений, и с тех пор эта реакция стала на-

зываться «реакцией Зинина». Несколько видоизмененная французскими химиками, она явилась основой анилинокрасочной промышленности. К сожалению, в условиях тогдашней России с ее плохой научно-экспериментальной базой и слабо развитой промышленностью русские химики не смогли практически применить открытие Зинина.

Дальнейшее развитие получила в 30—40-х годах XIX в. электротехника. Продолжая исследования Петрова, русский академик В. Якоби открыл в 1836 г. гальванопластику. Увидев, что пластинки и монеты, опущенные в раствор медного купороса, покрываются медью, если через них в раствор проходит электрический ток, Якоби нашел, что этот опыт следует широко распространить и применить «ко всякого рода художествам и ремеслам». Президенту Академии наук Якоби писал, что «сие изобретение принадлежит России и не может быть оспоримо никаким другим изобретением вне оной». Тот же Якоби сконструировал первый в России электродвигатель, поместил его на шлюпке, пустив ток от батареи из 64 элементов. В 1838 г. шлюпка Якоби перевозила пассажиров по Неве. В этой же области работал и другой русский академик — Ленц. Он сделал ряд открытий по электромагнетизму, сыгравших большую роль в развитии электротехники. В 1839 г. совместно с Савельевым Ленц установил важные данные относительно поляризации электродов.

Большое значение для русской науки имела деятельность крупного зоолога Карла Бэра. В 1834 г. Бэр переселился в Россию и жил здесь свыше 40 лет. Бэр проделал большую работу в области изучения русской фауны, много занимался географией и антропологией, предпринял ряд экспедиций для изучения отдельных районов страны, принимал деятельное участие в трудах Русского географического общества. Совместно с другими учеными Бэр издавал при Академии наук «Материалы к познанию Российской Империи». Деятельность Бэра имела значительные практические результаты. Его исследования бассейна Волги и Каспийского моря положили начало промышленному рыболовству в России. Главным же теоретическим достижением Бэра были его работы в области эмбриологии. Они подготовляли торжество эволюционной идеи, провозглашенной Дарвином. В это же время шло изучение русской флоры. Турчанинов и другие русские ученые исследовали растительность Сибири, Кавказа, Севера. В 50-х годах XIX в. зарождалась русская ботаника. Ее родоначальником явился крупный ученый Лев Семенович Ценковский, занимавшийся изучением простейших низших организмов и впервые доказавший отсутствие пограничной черты между растительным и животным миром.

Во второй четверти XIX в. произошли значительные изменения и в области русской медицины: в преподавании медицинских наук шире стали применяться опыты и эксперименты, стали развиваться терапия и хирургия, в самостоятельную отрасль

выделилась физиология, по которой в 1836 г. вышло первое самостоятельное русское исследование.

Особенно большую роль с начала 40-х годов в русской медицине стал играть выдающийся хирург Н. И. Пирогов. Пять лет он был профессором Дерптского университета, затем в 1845 г. перешел в Петербургскую Военную медико-хирургическую академию. Пирогов впервые поставил хирургию на реальную подлинно научную почву, связав ее с анатомией и физиологией. Его работы по хирургической анатомии артериальных стволов и фасий, по перерезке Ахиллова сухожилия, его курсы прикладной анатомии, клинической хирургии подняли на новую ступень медицинскую науку. Пирогов привел в образцовый порядок петербургские клиники, основал Анатомической институт и музей паталогической медицины и своими обширными познаниями и выдающейся энергией завоевал огромный авторитет в ученом мире. Но, как и другие представители передовой науки России, он работал в трудных условиях, не имел необходимой поддержки со стороны руководства Военной медико-хирургической академии и вынужден был вести тяжелую борьбу с административными порядками, установившимися в ней. В условиях царской России Пирогов не мог создать свою научную школу.

Большие успехи имели во второй четверти XIX в. общественные науки в России. Передовая общественная мысль Европы оказывала на них большое влияние. Мыслящая русская молодежь внимательно следила за развитием западноевропейской науки, жадно воспринимая все ее достижения. Однако русские мыслители не шли слепо за европейскими авторитетами, а вносили свой вклад в развитие мировой науки. Н. Г. Чернышевский писал об этом периоде развития русской общественной мысли: «Единство понятий и людей у нас только укреплялось, а не рождено было внешними влияниями. Деятели, стоявшие тогда во главе нашего умственного движения, конечно, ободрялись тем, что согласие с ними всех современных мыслителей Европы подтверждало справедливость их понятий; но эти люди уже не зависели ни от каких посторонних авторитетов в своих понятиях... Умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников, как бывало прежде».

Вторая четверть XIX в. была особенно плодотворным периодом для русской философии. Интерес к философии среди молодежи тогдашней России был большой. Философия проникала на кафедры университетов, в студенческие кружки, в частные дома. Ее проблемы оживленно обсуждались передовыми русскими людьми. В России было в то время особенно велико влияние немецкой идеалистической философии. Велланский, Галич, М. Павлов, Веневитинов и др. представляли идеалистическое направление в русской философии. Под влиянием немецкой идеалистической философии находился и кружок Станкевича. Он принялся сна-

чала за изучение Шеллинга, затем Фихте и Гегеля. Ночи напролет просиживали члены кружка, споря и разъясняя друг другу отдельные философские положения.

Но многие члены кружка Станкевича не остановились на теориях немецких философов, а пошли дальше, критически преодолев их учения. Несмотря на отсталость русской жизни и тяжелую идеологическую реакцию, господствующую тогда в нашей стране, передовые русские мыслители, обобщая опыт развития мировой науки, поднялись тогда на очень большую высоту. Во второй четверти XIX в. русский философский материализм, основы которого были заложены еще Ломоносовым и Радищевым, получил дальнейшее развитие. Два передовых русских мыслителя — Белинский и Герцен — сыграли в этом отношении особенно большую роль.

Белинский прошел мучительный и сложный путь идейно-теоретического развития. Сначала он находился под влиянием немецкого классического идеализма. Весь мир представлялся Белинскому, как дыхание единой, вечной идеи, проявляющейся в бесчисленных формах, как великое зрелище абсолютного единства в бесконечном разнообразии. Эта абсолютная идея не знает покоя, она находится в постоянном движении и изменении, развитии, беспрестанно творит, чтобы разрушать, и разрушает, чтобы творить. Увлечение Гегелем и привело Белинского к временному примирению с действительностью, о чем мы уже говорили, разбирая общественно-политические взгляды Белинского.

Но великий русский мыслитель недолго стоял на позициях идеализма. Белинский вскоре понял ограниченность немецкой идеалистической философии и, в частности, философии Гегеля. «Я давно уже подозревал, — писал Белинский, — что философия Гегеля — только момент, хотя и великий, но что абсолютность ее результатов... не годится, что лучше умереть, чем помириться с ними».

Белинский отверг систему абсолютного идеализма Гегеля, ставившего предел развитию природы, общества, человеческой мысли. Гегель считал, что абсолютная идея заканчивает проявление всех своих сторон и возвращается к самой себе, что прусская монархия, лютеранская религия, система абсолютного идеализма знаменуют собой венец исторического развития.

В противовес этому Белинский отмечал, что нет предела развитию человечества, что человечество никогда не скажет себе: «стой, довольно, больше итти некуда!», что «нет лжи для человечества, но есть только старая истина, которая разрушает, рождает из себя новую высшую истину, подобно фениксу, в новой красе возрождающемуся, по восточному преданию, из собственного пепла...». «Человечество движется не прямой линией и не зигзагами, а спиральным кругом так, что высшая точка пере-

житой им истины в то же время есть уже и точка поворота от этой истины».

Белинский прочно стал на позиции материализма. Он исходил из того, что действительность материальная, внешняя является не воплощением какой-то идеи, а основой, которая определяет сознание человека, его идеи, нравы, поступки, «самые отвлеченные умственные представления, — писал Белинский, — все-таки суть не что иное, как результат деятельности мозговых органов, которым присущи известные способности и качества». Белинский видел задачу литературы в том, чтобы правдиво отображать реальную действительность. Прогресс литературы, — указывает он, — в том-то и состоит, что если раньше литературные таланты «украшали природу, идеализировали действительность, т. е. изображали несуществующее, рассказывали о небывалом, а теперь они воспроизводят жизнь и действительность в их истине».

Белинский воспринял материалистические идеи Фейербаха, но вместе с тем во многом пошел дальше его. Он не отбросил, подобно Фейербаху, диалектику и не стал на позиции метафизического и созерцательного материализма. Отметая мистицизм и реакционную ограниченность Гегеля, Белинский был горячим поборником диалектики. Он последовательно проводил идею отрицания, «без которой история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото». Критику религии Белинский связывал с критикой существующего строя. Он говорил, что критика религиозного законодательства есть в то же время и критика общественного устройства.

Белинский явился создателем реалистической теории искусства. Он выдвигал перед искусством — как важнейшую задачу — служение общественным интересам. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам, — говорил Белинский, — значит не возвышать, а уничтожать его, потому что это значит лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев». Белинский считал, что литература должна заниматься не спокойным созерцанием действительности, а вызывать определенные чувства, сочувствие к одним явлениям общественной жизни и ненависть к другим. Он отвергал принцип всеобщей любви: «Не верю я всеобщей любви, равно на всех простирающейся и не отличающей своих от чужих, близких от дальних: это любовь философская, немецкая, романтическая».

У Белинского было немало материалистических догадок по вопросам общественной жизни (о противоречиях капиталистического общества, о буржуазной демократии и др.). Но в целом в объяснении общественных явлений он оставался идеалистом. Белинский не стал, да и не мог стать в тогдашних русских условиях диалектическим материалистом.

Большую роль в развитии русской философии сыграл А. И. Герцен. И он, подобно Белинскому, увлекался немецкой идеалистической философией и, в частности, философией Гегеля. Но Герцен еще раньше Белинского отбросил всю ее религиозно-мистическую шелуху и стал на точку зрения философского материализма. В своих первых философских работах «Дилетантизм в науке» и особенно в «Письмах об изучении природы», которые по праву могут считаться классическими произведениями русской философии, Герцен выступил как убежденный материалист.

В письме к Огареву Герцен заявлял, что напрасно сознательная мысль хочет стать перед природой как что-то первоначальное: природа и история сами выводят логику из опыта. Для Гегеля природа и общество были прикладной логикой. Для Герцена логика была «отвлечена разумностью природы и общества». Герцен выступал одновременно и против идеализма и против вульгарно-материалистического эмпиризма.

В «Письмах об изучении природы» Герцен с философских позиций обобщил данные современного естествознания. Он показал, что разрыв между философией и естествознанием крайне отрицательно отражается на развитии человеческого познания. «Философия без естествознания так же невозможна, — говорил Герцен, — как естествознание без философии».

Герцен выдвинул проблему сочетания эмпирических знаний и теоретических обобщений. Он обрушивался на естествоиспытателей-эмпириков, которые не хотят разбирать вопросы отношения знания к предмету, мышления к бытию, человека к природе. Встать на позиции полного эмпиризма так же невозможно, как невозможно организму принимать пищу, «не претворяя ее». Эмпиризм неизбежно приводит к мышлению, но к мышлению, в котором метода произвольна и лична. С другой стороны, только опытные данные дают материал для развития и совершенствования правильного философского мышления. Философия, не опирающаяся на данные частных наук, на эмпирию, — призрак, метафизика, идеализм. «Опыт и умозрение, — писал Герцен, — две необходимые, истинные, действительные степени одного и того же знания».

Герцен представлял логическое развитие идеи не как самостоятельный, оторванный от действительности процесс. Идеи лишь отражение реальной действительности. История мышления есть продолжение истории природы. «Логическое развитие идеи, — писал Герцен, — идет теми же фазами, что развитие природы и истории, оно, как аберрация звезд на небе, повторяет движение земной планеты».

Преодолевая гегелевский идеализм, Герцен вместе с тем понимал огромное революционное значение диалектического метода. Критикуя идеализм гегелевской диалектики, Герцен стремился подвести под диалектический метод материалистическую

основу. Герцен считал, что диалектика отражает реальные движения, происходящие в природе и обществе. «Жизнь, — писал Герцен, — есть сохраняющееся единство многоразличия, единство целого и частей». В мире происходит бесконечное движение, отвержение старых и возникновение новых форм. Вечным законом является противоречивость всего существующего, живое беспрестанно отрекается от миновавшей формы, обличает неестественным то, что вчера вполне удовлетворяло. Бытие живо движением; жизнь есть деятельная, беспрерывная борьба между бытием и небытием; «борьба эта вечно у конца и вечно у начала, — беспрерывное взаимодействие, из которого они выйти не могут. Это — беличье колесо жизни».

Герцен, как и Белинский, критиковал Гегеля за его попытку ограничить, остановить развитие: «Природу остановить нельзя: она процесс, она течение, перелив, движение». И в то время как Гегель хотел сделать «венцом творения» сословно-представительную монархию, Герцен считал, что из теории отрицания следует, что на смену монархии должны притти социализм и демократическая республика.

Не желая повторять абстрактных и пропитанных идеализмом мнений Гегеля по вопросам истории философии, он дал свою оценку философским системам. Новая философия не представлялась Герцену законченной, совершенной системой. Для Гегеля это была спокойная гавань, к которой после долгих странствований по бурному морю приплыла мысль. Здесь начинается ее мирное царство. «Мы, — пишет Герцен, — напротив, видим в новой философии берег, на котором мы стоим, готовые покинуть его при первом попутном ветре, готовые сказать спасибо за гостеприимство и, отряхнув его, плыть к иным пристаням». Герцен верил в силу человеческого знания и решительно выступал против тех, кто ставил границы на пути его развития и совершенствования.

Герцен правильно отмечал, что наука «есть сознательно развитая мысль своего времени». Философия самого Герцена не могла быть исключением. Несмотря на свои недостатки, она прокладывала путь новой ступени человеческого познания — диалектическому материализму. Ленин дал высокую оценку философским взглядам Герцена. «В крепостной России 40-х годов XIX века, — писал Ленин в 1912 году, — он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы», — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому

материализму и остановился перед — историческим материализмом»[1].

Во второй четверти XIX в. на новую ступень поднялась русская историческая наука. Порвав с традицией XVIII в., она поставила задачу критического пересмотра всего наличного исторического знания. Еще в 1818 г. появились статьи М. Каченовского, в которых он выступил против «Истории государства Российского» Н. Карамзина. Вслед за тем Каченовский познакомил русского читателя с работами Нибура, подвергшего полному пересмотру историю Рима. Подобно Нибуру Каченовский считал, что для «науки нет ничего приличнее, как скептицизм не поверхностный и легкомысленный, а основанный на сравнении текстов, на критике свидетельств. Исследывайте, сомневайтесь, изъясняйте сами, если имеете довольно мужества».

И Каченовский с этой точки зрения подверг критике работы, посвященные древнему периоду русской истории. Он брал под сомнение подлинность Несторовских летописей и «Русской Правды», разбирал тексты, сличал списки, изучал внутреннее содержание и условия возникновения источников, рассматривая их как продукты исторического развития. Широко применяя сравнительно исторический метод, Каченовский сопоставлял русскую историю с историей соседних народов. Однако Каченовский сделал из этого неверные выводы. Он преувеличил иностранные влияния на развитие Киевской Руси и отрицал ее высокие культурно-политические достижения, относя древнерусские письменные памятники к более позднему времени. По мнению Каченовского, весь период Киевской Руси носит легендарный баснословный характер: русская история начинается только с XII века.

Каченовский и его «скептическая школа» подвергали критической проверке исторические положения, документы, источники и этим расчищали пути для новых научных взглядов. Но он не дал правильного, положительного решения исторических вопросов. Это не удалось сделать и Н. Полевому, который, критикуя взгляды Карамзина, написал в противовес его «Истории государства Российского» — «Историю русского народа».

Считая, что в начальный период русской истории существовало не одно, а множество государственных образований, Полевой впервые выделил «феодальный период» русской истории, понимая под этим политическое дробление, оформленное в системе междукняжеских отношений. Он стремился установить связь русского исторического процесса с западноевропейским. Полевой не стал при этом, подобно Каченовскому, на точку зрения сплошного заимствования. «Здесь не было подражания, — писал он о Новгороде, — но только одинаковые обстоятельства породили одинаковые следствия». Однако Полевой не сумел по-

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 464—465.

следовательно провести свою точку зрения. Он не являлся самостоятельным исследователем и опирался на уже имеющиеся исторические работы. Чем дальше Полевой излагал конкретно исторический материал, тем все больше, вопреки провозглашенным принципам, он следовал за старыми историками. Он пересказывал внешние события политической истории, не пытаясь вскрыть их внутреннюю сущность.

Вопрос о западном влиянии на русскую историю приобрел тогда большую остроту. Официальную точку зрения в этом вопросе защищал М. П. Погодин, являвшийся в отличие от Каченовского специалистом-историком и ведавший кафедрой русской истории в Московском университете. Погодин утверждал, что историк ничего не вносит от себя, а лишь суммирует то, что дано в источнике. Он сближал историю с точными науками, говорил о математическом методе в истории и пр. Однако его собственная деятельность была подчинена задаче служения николаевской монархии и, вместо научных принципов, Погодин проводил в своих работах идею божественного провидения. «Перст божий ведет нас», — писал он.

Погодин утверждал, что в русской истории нет никакого сходства с западной, что в России не было и нет ни классов, ни классовой борьбы, ни рабства, ни ненависти, так как русское государство возникло не в результате завоевания и не из развития общественных отношений. Погодин рассматривал возникновение государства в России как единовременный акт «призвания варягов». Призвав варягов, по его мнению, народ уходит в сторону. Его историческая роль заканчивается. На сцену выступает государство — единственно организующая творческая сила истории. И Погодин стремился всячески возвеличить роль самодержавного государства в русской истории.

С взглядами Погодина во многом совпадала точка зрения славянофилов. Как и Погодин, они исходили из противоположности русского и западноевропейского исторического прогресса, из факта добровольного призвания варягов и др. Но в то же время как у Погодина покорный народ, призвав варягов, устранялся от активной роли, у славянофилов он оставался наряду с государством основным «двигателем» русской истории. Славянофилы отмечали, что на Западе произошло смешение двух начал: народа и государства. Народ стремился захватить в свои руки функции государства, — отсюда возникли «пагубные революции и конституции». Наоборот, в России, по мнению славянофилов, происходило не смешение, а разделение этих начал: земле, народу — сила мнения, государству — сила власти; земля осуществляет внутреннюю правду, государство — внешнюю. Славянофилы считали, что Петр I нарушил это соотношение, подчинив землю государству. В отличие от всех передовых русских людей, они осуждали деятельность Петра. Отождествляя народ с общиной, славянофилы видели в ней исконное и неизменное начало. А вся история опять-таки сводит-

лась к истории внешних сил, к истории государства. Не удивительно, что славянофилы, написав ряд критических статей и размышлений об истории, конкретной истории России дать не могли.

Новую концепцию русской истории выдвинули представители так называемой государственной школы, являвшиеся членами кружка западников. Ее первый представитель — Кавелин подошел к истории как к внутреннему органическому процессу, в котором действует определенная закономерность. Он выдвинул на первый план проблему государства, но пытался разрешить ее в связи с внутренним развитием общества. Кавелин разделил русскую историю на три последовательно сменяющиеся стадии: родовой строй, вотчинный строй, государственный строй. Согласно взглядам Кавелина, родовое начало древней русской жизни вышло победителем из столкновения с дружинным строем, принесенным варягами; варяги растворились в славянстве; тем самым устранялось определяющее значение пришлого варяжского элемента и утверждался принцип органического развития общественно-политических отношений. Теория постепенности и органичности развития исторического процесса, ведущего к торжеству государственной идеи, привела Кавелина к пересмотру роли Ивана IV. Кавелин видит в нем величайшего деятеля в русской истории, борца «за идею государственности», предшественника Петра I, а не жестокого и психически ненормального тирана, каким его изображал Карамзин.

Государственную теорию развил дальше и довел до логического конца Б. Чичерин. Он фактически пришел к отрицанию внутренней связи и преемственности исторического развития. Развитие государства, по мнению Чичерина, вызывается внешней силой. Из продукта общественного развития государство превращается у него в самостоятельную самодовлеющую силу: не общество создает государство, а государство создает общество; оно устанавливает народные связи и, борясь с «всеобщим брожением», закрепощает сословия. Из общественной необходимости государство закрепостило крестьян. Исходя из той же общественной необходимости, государство их раскрепостит. Государство — творец истории.

Крупнейшим представителем новой исторической школы был С. М. Соловьев. Если Кавелин и Чичерин занимались историей наряду с другими вопросами и были больше юристами, чем историками, то Соловьев посвятил русской истории всю свою жизнь, оказав своими выдающимися исследованиями глубокое влияние на развитие этой науки. Соловьев слушал курс русской истории Каченовского и Погодина, а во время поездки за границу — лекции знаменитых историков Запада: Гизо, Мишле, Ранке и др. Но рано у Соловьева сложились собственные исторические взгляды. Блестяще защитив магистерскую диссертацию, он в 1845 г. (25 лет) стал читать курс русской истории в Московском университете, получив через год звание профессора. В 1851 г. Соловьев выпустил первый том фундаментального труда «История России

с древнейших времен». С тех пор в течение 29 лет он выпускал регулярно по одному тому в год.

Труд Соловьева явился плодом огромной научной работы. Соловьев привел в ней обширный новый документальный материал и свел все знания по истории России с древнейших времен в цельную научную систему. 29 томов «Истории России» выходят за рамки разбираемого нами периода, но Соловьев приступил к этому труду, уже имея свою концепцию русской истории, и нам следует коротко остановиться на ней.

Соловьев выражал передовые буржуазные идеи своего времени. Это был первый крупнейший представитель русской буржуазной историографии. Соловьев выдвинул на первый план идею исторического развития, которая имеет свою внутреннюю закономерность. История есть процесс органического развития, утверждал Соловьев. И он стремился раскрыть закономерность этого развития, показать исторический процесс в непрерывной связи и целостности. Важнейший порок прежних схем русской истории Соловьев видел именно в том, что они не устанавливали необходимой связи между отдельными периодами. Нужно соединить разрозненные части в целое. Обязанность историка, говорил Соловьев в предисловии к I тому «Истории России», состоит в том, чтобы «не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начала, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию».

Соловьев отбросил норманский и монгольский периоды в русской истории, выделяемые прежними историками. Он видел в приходе варягов и нашествии татаро-монгол только внешние события, не определявшие внутреннее, органическое развитие России. В качестве общего принципа периодизации русской истории Соловьев выдвинул борьбу родового и государственного начал, на что уже указывали некоторые его предшественники. Первый период русской истории (до Андрея Боголюбского) Соловьев характеризовал как господство родового строя. Вслед за тем он отмечает борьбу новых государственных отношений со старыми родовыми, которая в конце концов завершается их полным торжеством. Соловьев видел прогресс в ослаблении родовых связей, в видимом нарушении единства русской земли, ибо таким путем «приготовляется путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под властью одного государя». Большое место в русской истории Соловьев отводил длительной борьбе русского народа с кочевыми народами Востока, вторгавшимися в русские степи из Азии, «борьбе леса со степью». В географических условиях этой исторической борьбы Соловьев находил непосредственную причину задержки исторического развития России и ее отставания от Западной Европы. Важнейшим моментом русской истории

Соловьев считал колонизацию восточноевропейской равнины. Этим он объяснял создание национального единства России и быстрый политический рост Русского государства.

Конечно, ряд моментов, отмеченных Соловьевым, имеет существенное значение для понимания русского исторического процесса. Однако, выдвинув грандиозную задачу — раскрыть закономерность внутреннего, органического развития России, Соловьев не мог справиться с ее решением. Соловьев стоял на буржуазных, идеалистических позициях. Он не понимал решающего значения производительных сил и производственных отношений, определяющих развитие общественно-экономических формаций. Внутреннюю закономерность Соловьев в конце концов сводил к действию внешних производных факторов. Но несмотря на это теория органического развития, выдвинутая Соловьевым, и его попытка, исходя из этой теории, объяснить весь ход исторического процесса, представляли большой шаг вперед в развитии русской историографии.

Историческая наука в России не ограничивалась изучением русской истории. Во второй четверти XIX в. в России разрабатывались проблемы истории Византии и славян. В это же время в России было положено начало изучению западноевропейского средневековья. Выдающуюся роль сыграл в этом отношении талантливый историк Тимофей Николаевич Грановский. Член кружка Станкевича, друг и соратник Белинского, Герцена и других передовых русских людей, Грановский оказал большое влияние на развитие науки и общественного движения в России. Возвратившись после трехлетнего пребывания за границей в Москву, он в 1839 г. возглавил кафедру Московского университета и начал читать свой курс лекций по истории Западной Европы в средние века.

Грановский был идеалистом и умеренным либералом, но он смело боролся со всеми реакционными учениями, высоко подняв знамя передовой науки. В этом и была главная причина огромного успеха его лекций в 1843—1846 годах. С кафедры Московского университета Грановский наносил удары узкому национализму сторонников «теории официальной народности» и славянофилов. Он учил своих слушателей ценить свободное прогрессивное развитие и передовую культуру и вместе с тем ненавидеть произвол и угнетение. С глубоким состраданием Грановский говорил о низших классах, «обремененных трудом и заклейменных презрением». Средневековый крепостной крестьянин мало чем отличался от раба. «И тот и другой были подданными господина, он их судил своим дворянским правом... Несчастным жаловаться было негде, управы было неоткуда ждать; словом, единственным предлогом власти владельца был его произвол». Эти слова Грановского ярко обличали не только западноевропейское средневековье, но и русское крепостничество, продолжавшее господствовать в первой половине XIX века.

Грановский подвергал также резкой критике шовинистические измышления немецких историков, всюду выдвигавших превосход-

ство «германского элемента». «Нельзя принять в науку мнение, — говорил он, — которое силится поставить немецкое племя во главе всех народов. В наше время о таком избранном, особенно предназначенном народе не может быть речи. Каждый народ идет туда, куда ведет его провидение, каждый несет свою лепту, свой дар в историю».

Грановский излагал свои мысли в яркой художественной форме. Как описывают современники, «чудные образы вставали перед слушателями из исторических могил со своими заветными думами, с своей скорбью, своим торжеством». «Народы и поколения являлись не мертвыми цифрами для решения исторических задач, они оживлялись перед слушателями». Огромное значение имело то, что лекции Грановского были публичными. На них собиралась вся передовая, мыслящая Москва. Это было большим общественным событием, и Герцен в своих письмах из Москвы ярко обрисовал его значение. Вот некоторые выдержки из этих писем: «Вчера Грановский начал свои публичные лекции. Превосходно! Какой благородный, прекрасный язык, потому именно, что выражает благородные и прекрасные мысли... И как своевременны они, какой камень в голову узким националистам! Словом, ничего подобного в Москве не было читано всенародно. Лекции Грановского продолжаются с чудовищным успехом, и он растет, читая. Что за широкий живой взгляд, что за язык — просто удивление!»

Деятельность Грановского выходила далеко за пределы университетской аудитории. Грановский впервые связал науку с обществом. Он был могучим посредником между наукой и широкой публикой. Грановский не написал больших исследовательских работ, но самостоятельно переработал и обобщил огромный материал, накопленный западноевропейской наукой. Его ученики — П. Кудрявцев, Ешевский и другие — дали ряд специальных научно-исследовательских работ по всеобщей истории, стоявших на уровне европейской науки.

Литература

Несмотря на тяжелые условия николаевского режима, вторая четверть XIX в. была периодом расцвета русской литературы. Зерна, брошенные на ее плодоносную почву в прошлом, дали замечательные всходы. Русская литература второй четверти XIX в. отражала дальнейший рост национального самосознания русского народа. Она все шире и глубже освещала различные стороны русской жизни и все явственнее проявляла свои демократические свободолюбивые черты. Именно поэтому во второй четверти XIX в. общественная роль русской литературы возросла еще больше.

В условиях, когда царизм душил открытое политическое движение, на русскую литературу возлагались особые задачи. Н. Г. Чернышевский отмечал, что в умственном движении России русская литература играет более значительную роль, нежели французская, немецкая, английская литература в умственном движении своих народов.

В условиях царского гнета и отсутствия всяких политических и гражданских прав русская литература была единственным каналом, через который проникал протест против существующего порядка и призыв к новой жизни. Литература становилась трибуной передового русского общественного движения. «Только в одной литературе, — писал Белинский, — несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почетно... Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров». Белинский отмечал, что публика «видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности».

Великий русский поэт М. Ю. Лермонтов хорошо определил в то время — в 1838 г. — огромное общественное значение поэтического творчества:

«Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы
Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных».

Передовая русская литература второй четверти XIX в. играла именно такую роль. В мрачную эпоху николаевской реакции, в дни «бед народных» ее голос звучал, «как колокол на башне вечевой», воспламеняя бойцов для битвы.

Правда, были и такие русские писатели, которые не только не выполняли этой задачи, а, наоборот, помогали самодержавию. Передовому и прогрессивному лагерю в тогдашней литературе противостоял лагерь правительственный. В него входили Загоскин, Кукольник, Греч, Булгарин, Сенковский и др. Исторические романы Загоскина, ходульно-напыщенные драмы Кукольника, повести и рассказы Погодина, Булгарина и других провозглашали основы правительственной идеологии и должны были воспитывать русскую публику в духе квасного патриотизма. Художественная ценность всех этих литературных произведений была низка. Они не оставили сколько-нибудь заметного следа в русской литературе. Кто теперь помнит имена Кукольника или Сенковского?

Все наиболее талантливые русские писатели были связаны с передовым общественным движением России. И все они подвергались жестоким преследованиям царизма. «Ужасная черная судьба, — отмечал Герцен, — выпадает на долю всякого, кто осмелится поднять голову выше уровня, начертанного начальством; поэта гражданина, мыслителя неумолимый рок толкает в могилу. История нашей литературы—или мартиролог или регистр каторги. Даже которых правительство пощадило, погибают, едва распустившись, спеша оставить жизнь».

Через 15 дней после казни декабристов, 28 июля 1826 г., Николай I жестоко наказал талантливого молодого поэта, студента Московского университета, 20-летнего А. И. Полежаева. Полежаев воспитывался под влиянием вольнолюбивых стихов Пушкина и Рылеева. Горячо любя родину, он жаждал ее освобождения. В 1825 г. в поэме «Сашка» Полежаев писал:

«Отчизна глупая моя,
Когда тебе настанет время
Очнуться в дикости своей,
Когда ты свергнешь с себя бремя
Своих презренных палачей?»

Узнав об этой поэме, Николай I расценил ее, как отголосок восстания декабристов. Полежаева схватили ночью и немедленно привезли во дворец к царю. Николай заставил поэта прочитать свою поэму. Когда чтение окончилось, Николай закричал на Полежаева: «Я положу предел этому разврату! Это все еще следы, последние остатки! Я их искореню!».

Царь распорядился отдать Полежаева унтер-офицером под строгий надзор с тем, чтобы о его поведении ежемесячно доносилось начальнику главного штаба. Не выдержав тяжелой казарменной службы, Полежаев бежал, надеясь пробраться в Петербург. Поэта судили. Военный суд лишил его дворянства и разжаловал в рядовые без права выслуги. Началась еще более тяжелая жизнь. За нарушение воинской дисциплины его посадили в тюремный каземат, надели на него кандалы и наручники, его били розгами, а затем отправили на Кавказ на войну с горцами. Но Полежаев продолжал писать свои стихи. Он писал их в казарме, в тюрьме, в походах. Стихи Полежаева проникнуты любовью к родине и сочувствием к народу. Полежаев попрежнему ненавидит царизм и стремится к свободе. С горечью пишет он, что родная страна отдана палачу. А в стихах «Негодование» спрашивает:

«Где ж вы, громы-истребители,
Что ж вы кроетесь во мгле,
Между тем как притеснители
Торжествуют на земле!».

Полежаев, как говорил Огарев, заканчивает в поэзии первую неудавшуюся битву свободы с самовластием. Он умер от чахотки 32 лет в 1838 г. на койке военной больницы.

Незадолго до этого жертвой николаевского режима пал великий русский поэт А. С. Пушкин. Мы уже отмечали его роль в формировании движения декабристов. После восстания декабристов Жуковский писал Пушкину: «Ты ни в чем не замешан, это правда, но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои». Николай не арестовал Пушкина в связи с делом декабристов. Желая сделать Пушкина придворным поэтом, царь обещал

ему свободу и объявил себя его цензором. Как и декабристы, Пушкин боялся крестьянского восстания. В среде же дворянства после разгрома декабристов не было сил, способных на борьбу. В такой обстановке Пушкин возлагал надежды на то, что Николай I поведет Россию по новому пути. В стихах «Стансы» Пушкин призывал его следовать примеру своего пращура — Петра I. «Стансы» начинались такими словами: «В надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни».

Однако поэт и царь неизбежно должны были разойтись в разные стороны. В стихах «Арион» Пушкин писал, что поет прежние гимны. В «Послании в Сибирь», перекликаясь со своими друзьями — ссыльными декабристами, он выражал надежду, что их тяжкие оковы падут. Свободолюбивый поэт не мог примириться с существующим порядком. Мысль о новом Петре вскоре оставила его. Но Пушкин не находил выхода из кошмара николаевской реакции: «Ух, кабы мне удрать на чистый воздух», — с горечью писал он.

Пушкин продолжал творить, несмотря на тяжелые условия николаевской монархии. Все глубже и разностороннее развертывалось его мощное дарование. Пушкин создал в это время художественную прозу. Он написал «Повести Ивана Петровича Белкина», в которых ярко отображен быт армейской среды, обитателей провинциальных усадеб, мелких чиновников. Неоконченной осталась повесть из крестьянской жизни с характерным названием: «История села Горюхина». Скупы, но выразительны были записи помещика из этой повести на старинном календаре: «4 мая. Снег. Тришка за грубость бит. 6 — Корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8 — погода ясная. 9 — дождь и снег. Тришка бит за пьянство, по погоде». «История села Горюхина» последовала вслед за деревней Разоренной, описанной Радищевым. А позднее в поэме Некрасова появились «Горелово и Неелово».

В это же время Пушкин обратился к народному творчеству. Он заявлял, что русские предания превосходят немецкие или ирландские. «Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!». Используя могучий родник народного творчества, Пушкин создал свои замечательные народные песни и сказки, в том числе «Песни о Степане Разине», «Сказку о попе и работнике его Балде», не пропущенную цензурой, и другие. М. Горький отмечал, что Пушкин «украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу».

Вместе с тем Пушкин снова стал разрабатывать сюжеты русской истории: появилась его знаменитая «Полтава», ярко отразившая славную борьбу русского народа со шведами и предателем Мазепой и победу над ними под руководством Петра:

«Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен...».

Могучий образ Петра Пушкин еще глубже раскрыл в своей исторической повести «Арап Петра Великого» и в поэме «Медный всадник». Он не скрывал жестокости русского царя. Пушкин писал, что указы Петра «нередко жестоки, своенравны и, кажется, написаны кнутом». Но прогрессивно дело Петра, и безумно восставать против исторической необходимости. Пушкин приветствовал творение Петра, выражающее силу его ума и твердость его воли, — славный Петербург:

«Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия».

Пушкин особенно интересовался народными движениями в истории нашей страны и, в частности, восстанием Пугачева. Он ездил специально в Оренбург, где изучал архивные материалы и собирал свидетельства очевидцев. Пушкин написал «Историю Пугачева» и «Капитанскую дочку». Он не сочувствовал крестьянскому восстанию, но обрисовал его правдиво. Пушкин показал, что «весь черный народ» был за Пугачева и только одно дворянство было на стороне правительства. «Капитанская дочка» появилась в печати за два месяца до гибели Пушкина.

Самодержавие следило за каждым шагом поэта, против него возбуждали следствия, ему делали выговоры. Пушкин чувствовал себя одиноким в среде тогдашнего дворянства и в стихотворении, написанном незадолго до своей трагической гибели, обращался к потомству:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал».

Гениальный русский поэт, восславивший свободу, пал в результате той травли, которую организовало против него высшее дворянское общество России во главе с самим царем.

Другой великий поэт, пришедший на смену Пушкину, в скорбные дни, когда народ оплакивал погибшего поэта, с исключительной силой и яркостью обличил его палачей. Это был М. Ю. Лермонтов. Анонимный доносчик, пересылая стихи Лермонтова «Смерть поэта» Николаю I, называл их призывом к революции. Лермонтов писал:

«А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..».

Лермонтов горячо любил родину. Но он был чужд узкому национализму и внес в понятие патриотизма новое глубокое содержание. В стихотворении «Родина» Лермонтов писал, что в нем не шевелят отрадного мечтанья «ни слава, купленная кровью, ни полный гордого доверия покой, ни темной старины заветные преданья». Он любит отчизну:

«Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...
Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень».

Н. Добролюбов писал по поводу этого стихотворения: «Умевши рано понять недостатки современного общества, Лермонтов умел понять и то, что спасенье от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит замечательное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

Лермонтов писал в период, когда декабристы были уже разгромлены. Но его воодушевляли те же вольнолюбивые стремления, что и декабристов. Юный Лермонтов называл себя «свободы другом». Восхваляя «любовь к свободе золотой», Лермонтов призывал к мужеству сосланных декабристов:

«Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали...».

Мечтая о грядущих революционных потрясениях, Лермонтов сочувствовал июльской революции 1830 года во Франции:

«Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самсдержавия сыны...».

Следуя традиции декабристов, Лермонтов живо интересовался историей Новгорода. В поэме «Последний сын вольности» он описал, как Вадим вступил в бой за свободу и родину. Лермонтов писал, что много, много лет будет славиться Вадим, что его грозным именем народы устрашат князей:

«И скажут: он за милый край
Не размышляя пролил кровь,
Он презрел счастье и любовь...
Дивись ему — и подражай!».

Лермонтов учился в Московском университете одновременно с Белинским, Герценом и Огаревым, но он не был связан с пере-

довыми кружками того времени. Лермонтов вращался в кругу гвардейского офицерства, в высшем светском обществе. Лермонтов был далек от народа, не понимал его роли в революции. Но одновременно он чувствовал себя чужим среди лицемерных и пустых людей, составлявших блестящее светское общество. Принадлежа к дворянству, он сурово осуждал дворянскую среду:

«О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..».

Не веря в возможность близкой революции, особенно после спада революционной волны на Западе, не связанный с массами, Лермонтов был мятежным одиночкой. Он не видел выхода из создавшегося положения. Впереди — беспросветная ночь. Вот почему чувством пессимизма и одиночества проникнуты произведения Лермонтова. Поэзия Лермонтова перекликается со взглядами Чаадаева.

Как Чаадаев в своих «Философических письмах», так и Лермонтов в стихотворении «Дума» (1838) произнес такой же приговор современному ему поколению:

«Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно...
...К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властию — презренные рабы».

Эти стихи написаны кровью, — писал Белинский о «Думе» Лермонтова, — они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти».

Не случайно, что герои Лермонтова — это сильные, гордые люди, но одинокие, отверженные, ненавидящие свет. Его любимый герой — «дух изгнания» — Демон, «давно отверженный, блуждал в пустыне мира без приюта». Лермонтов сам чувствовал себя отверженным, одиноким, без приюта блуждающим в пустыне мира. «Одинок я, нет отрады», — говорил он. Мятежный, вольнолюбивый дух Лермонтова искал активных действий, искал борьбы. Но Лермонтов жил в ту эпоху, когда первый период революционного движения — дворянский — заканчивался, а второй — разночинный — только еще начинался. Почвы для непосредственных революционных действий тогда не было. «Зачем не позже иль не ране меня природа создала?» — с досадой говорил Лермонтов.

Но несмотря на это поэзия Лермонтова сыграла большую революционную роль в жизни нашей страны. В тяжелые времена николаевской реакции Лермонтов вел борьбу за литературу, пол-

ную высокой идейности. Поэзия Лермонтова отличалась глубиной мысли, несокрушимой силой и мощью духа, воспитывала ненависть к бездействию, к апатии и влекла к борьбе. «Облитый горечью и злостью», стих Лермонтова обличал пороки тогдашнего общества, критическая, бичующая поэзия Лермонтова расчищала дорогу активной революционной деятельности последующих поколений. Вот почему николаевский режим видел в Лермонтове врага. Царизм дважды отправлял Лермонтова в ссылку. А когда Лермонтов в 1841 г. 27 лет погиб на дуэли, Николай I напутствовал прах великого русского поэта позорными словами: «Собаке — собачья смерть».

К свободолюбивой поэзии декабристов, Пушкина, Лермонтова примыкает творчество Николая Платоновича Огарева, неизменного друга и верного соратника Герцена.

Огарев был лирик, но и общественные вопросы глубоко волновали его. Он также переживал мрак и тоску жизни, но ожидал бури. Стремление к свободе пронизывает все стихи Огарева. Он приветствовал революцию 1848 года:

«О, из глуши моих родных степей
Я слышу вас, далекие народы,
И что-то бьется тут, в груди моей,
На каждый звук торжественной свободы».

В стихотворении «Сон» Огарев мечтает о крушении самодержавия:

«Я бросился к царю и дланью дерзновенной
С его главы сорвал златой венец
И бросил в прах, и растоптал на части.
«Довольно! — я вскричал. — Погибни наконец,
Вся эта ветошь ненавистной власти!».

Стихи Огарева проникнуты ненавистью к крепостному праву и верой в освобождение русского крестьянства. Поэт воспевает «с детства знакомое слово — свобода»:

«И все-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое ветру лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
«Свобода! Свобода!».

Как и Герцен, Огарев был дважды сослан самодержавием и большую часть жизни провел вдали от любимого им народа — в эмиграции.

Особенно большую роль в развитии русской литературы сыграл Николай Васильевич Гоголь. «Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России», — писал Чернышевский. И, действительно, Гоголь окончательно вывел русскую литературу на дорогу художественного реализма и оказал огромное влияние на развитие общественного движения в России.

В 1831—1832 гг. вышли в свет два тома сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки», в которых Гоголь яркими красками нарисовал жизнь украинского крестьянства, его нравы, быт, его суеверия. Здесь было много фантастики — ведьм, чертей, таинственных ночных странствований, самых невероятных превращений. «Все обрадовались, — писал Пушкин, — этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой». Затем последовала историческая повесть Гоголя «Тарас Бульба». Здесь ярко показана доблесть и героизм украинских казаков, поднявшихся на борьбу против иноземных захватчиков, за национальную независимость. Казацкий старшина Тарас Бульба — это народный заступник, вожак украинской вольности, за которым поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отомстить за позорное унижение своих прав. И Гоголь убежден, что геройские подвиги казаков не будут забыты. «Не погибнет ни одно великодушное дело и не пропадет как малая порошинка с ружейного дула казацкая слава... И пойдет по всему свету о них слава, и все что ни народится потом, заговорит о них».

Гоголь создал цикл петербургских повестей, в которых впервые в русской литературе изобразил жизнь столичных низов — мелких чиновников, ремесленников, цырюльников, художников, разночинцев, их нищету, бесправие, тяжелую жизнь, не знавшую человеческих радостей... В 1835 г. Гоголь написал своего знаменитого «Ревизора». Еще ни в одном произведении русская действительность не была представлена с такой правдивостью. Появление этой комедии вызвало оживленную борьбу. В то время как все прогрессивные силы приветствовали комедию Гоголя, весь реакционный лагерь обрушился на нее. В 1836 г. Гоголь писал Щепкину: «Действие, произведенное комедией, было большое и шумное. Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул говорить так о служащих людях, полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня... Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины — и против тебя восстает, и не один, а целые сословия».

Гоголь не предполагал произвести своей комедией такое впечатление. Он изобразил далекий провинциальный городок, от которого «хоть года скачи, ни до какого государства не доскачешь». Но его комедия приобрела огромную обобщающую силу. Маленький провинциальный городок вырастал в огромную Россию, а его чиновники — в деятелей николаевского режима. Гоголь был удручен отношением к его комедии дворянско-чиновничьей публики. Он решил ехать за границу, чтобы там рассеять «тоску, которую наносят мне ежегодно мои соотечественники». «Писатель современный, писатель нравов, — писал Гоголь, — должен подальше быть от своей родины. Пророку нет славы в отчизне». Гоголь заявлял при этом, что его неправильно поняли, что выведенное им частное приняли за общее.

Но за границей, в далекой Италии, Гоголь создал свое самое крупное произведение, изобразившее подлинную русскую действительность. Это были «Мертвые души», в которых Гоголь хотел показать «всю Русь», со всеми ее пороками и добродетелями. Но этот замысел полностью не осуществился. В первой части «Мертвых душ» Гоголь вывел пороки и сделал это с огромной художественной силой. Во второй части «Мертвых душ» он пытался изобразить добродетели и потерпел неудачу. «Много, слишком много обещано, — писал по этому поводу Белинский, — так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет еще на свете». И, действительно, добродетельные люди, которых рисовал Гоголь, были надуманные, ходульные. Гоголь-художник, Гоголь-реалист не мог итти против жизни. Он сжег вторую часть «Мертвых душ».

Неудача потрясла Гоголя. Он решил отказаться от писательской деятельности. В 1846 г. вышли в свет «Выбранные места из переписки с друзьями», в которых он защищал теорию официальной народности и по поводу которых В. Белинский написал свое знаменитое письмо. Гоголь, так гениально вскрывший всю гнусность и пошлость тогдашней действительности, теперь стал защищать ее. Он решил, что его задача — стать пророком, указывающим положительные идеалы общества. Так как в своих художественных произведениях Гоголь не нашел положительных идеалов, он отрекся от них. Письмо Белинского произвело на Гоголя большое впечатление. Он писал Белинскому: «Я не мог отвечать на ваше письмо. Душа моя изнемогала, все было во мне потрясено... Да и что мне отвечать? Бог весть, может быть, в ваших словах есть часть правды». Гоголь признает, что в России многое изменилось, что ему нельзя издать двух строк о России, не побывав в ней.

Несмотря на эти признания ничто уже не могло повернуть Гоголя на правильный путь. Яд «официальной народности» отравил Гоголя. Он стал защищать незыблемость самодержавия и крепостного права и святость православной церкви. Это был конец Гоголя как великого русского писателя. С тех пор Гоголь стал мистиком. Он даже уехал в Иерусалим, на поклонение «святыням». В 1852 г. Гоголь умер. Гоголь верил в мирное развитие, в возможность исправления людей путем распространения нравственности и хотел содействовать этому. Но его великие произведения, ярко вскрывая гнилость феодально-крепостнического строя, разложение помещиков, продажность и низость чиновничества, объективно наносили сильные удары николаевскому самодержавию и всему крепостническому режиму. Гоголь изображал повседневный быт, «низкую» действительность. Он любил свою страну и свой народ.

Чернышевский обращался к Гоголю с такими словами: «Как ни велики твои ошибки, мученик скорбной мысли, но ты был

одним из благороднейших сынов России, и бессмертны твои заслуги перед родиной».

Гоголь развил и углубил метод художественного реализма. Реализм Гоголя носил критический, обличительный характер и оказал огромное влияние на все последующее развитие русской литературы. Гоголь явился основоположником «натуральной школы» в русской литературе. «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя», — сказал Достоевский о себе и о других представителях этой школы.

В. Г. Белинский, сыгравший определяющую роль в образовании «натуральной школы», видел ценность ее произведений в правдивости, в том, что они дают жизнь, как она есть в действительности, «во всей наготе, во всем ее ужасающем безобразии». «...Мы требуем не идеала жизни, а самой жизни, как она есть». В борьбе с эпигонами романтизма «натуральная школа» окончательно закрепила победу реализма. Ее представители ярко показывали произвол помещиков, тяжелое положение крестьян, паразитизм господствующих классов, бесправие женщины, взяточничество чиновничества и т. д. С этого же времени русская литература стала широко изображать низы городского населения — мещан, разночинцев, мелких чиновников, купцов, обитателей городских трущоб...

Деятельность писателей «натуральной школы» особенно развернулась во второй половине 40-х годов. Именно в это время появились рассказы и повести Тургенева, Григоровича, Гончарова, Герцена, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, драмы Островского, стихи Некрасова. Появление этих произведений сыграло огромную положительную роль в освободительном движении нашей страны. Они ставили наиболее острые вопросы русской жизни и были проникнуты искренним и глубоким сочувствием к закрепощенному крестьянству и городской бедноте.

«Записки охотника» Тургенева разоблачали жестоких самодуров-крепостников и вызывали большие симпатии к участи крестьян. Министр просвещения находил, что помещики представлены в них в смешном и карикатурном или, еще чаще, в предосудительном для их чести виде. Наоборот, в крестьянстве Тургенев раскрывал положительные черты: силу характера, простодушие, здоровую практическую сметку. Тургенев, как писал Белинский, «зашел к народу с такой стороны, с какой до него никто не заходил. С каким участием и добродушием автор описывает нам своих героев, как умеет заставить полюбить их от всей души».

Произведения Григоровича были проникнуты духом сентиментализма, но и они давали яркую картину крепостной деревни. В «Деревне» Григорович описал тяжелую долю крестьянской сироты. В «Антоне Горемыке» — жестокость хищного помещичьего управителя и бесправие, забитость, безропотность русского крестьянина. Белинский писал об «Антоне Горемыке»: «Ни одна русская повесть не производила на меня такого страшного, гнету-

щего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину — законное наследие благородных предков».

Демократическими стремлениями были проникнуты первая повесть Достоевского «Бедные люди», повести Салтыкова-Щедрина «Противоречия» и «Запутанное дело». Еще в 40-х годах Некрасов создал свои замечательные стихотворения, проникнутые ненавистью к угнетению и сочувствием к народу, о которых мы будем говорить в одной из следующих лекций.

Большое общественное значение имело творчество Гончарова. В «Обыкновенной истории» Гончаров описал, как беспочвенный романтик и мечтатель, сталкиваясь с реальной действительностью, отказывается от прежних иллюзий и становится на путь трезвого дела. Гибнут старые представления, ломаются старые нравы, приходят новые, капиталистические отношения, к которым приспособляются прежние мечтатели. Эта тема особенно углубляется в следующем романе Гончарова, вышедшем в 1859 г., — «Обломове». И если прежний герой Гончарова приспосабливается к новой обстановке, то его новый герой гибнет в ней. С большим мастерством Гончаров показывал обреченность старого, крепостнического уклада. Этот уклад воспитал ленивого, апатичного, ни на что не способного барина, привыкшего жить трудом крепостных крестьян, человека, в котором подавлена всякая активность и жизнедеятельность, человека, погрузившегося в безмятежное личное благополучие. И рядом с ним деятельный, энергичный Штольц — представитель новых растущих буржуазных отношений. «Прощай, старая Обломовка, — говорил в заключение Штольц, — ты отжила свой век!».

Гончаров ярко показал гибель старого и торжество нового. Это был важнейший процесс, происходивший в тогдашней России. И роман Гончарова, отразивший этот процесс в литературе, имел огромный успех. Критик Дружинин писал в год выхода «Обломова», что этот роман победоносно захватил все страсти, все внимание, все помыслы читателей... Без всякого преувеличения можно сказать, что в настоящую минуту по всей России нет ни одного малейшего безуездного заштатного городка, где бы не читали «Обломова», не хвалили «Обломова», не спорили об «Обломове».

Много русских людей хвалило тогда роман Гончарова, но только революционные демократы сделали из него далеко идущие выводы. Добролюбов писал, что в истории «Обломова отразилась русская жизнь, в ней предстает перед нами живой, современный русский тип, отчеканенный, с беспощадной строгостью и правильностью, в ней сказалось новое слово нашего общественного развития, произнесенное ясно и твердо, без отчаяния и ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово — это — обломовщина, оно служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни, и оно придает роману Гончарова гораздо больше обще-

ственного значения, нежели имеют его все наши обличительные повести».

В это же время выдвинулись первые писатели и поэты из среды народа: сын крепостного крестьянина Ярославской губернии Ф. Слепушкин, крестьянин Калужской губернии Е. Алипанов, крестьянин Архангельской губернии Суханов, Цыганков и др. Самым замечательным из народных поэтов был сын воронежского прасола (торговца скотом) А. В. Кольцов, современник Лермонтова и ученик Белинского. В творчестве Кольцова думы и чаяния народа нашли яркое отражение. Кольцов изобразил горькую долю русского крестьянина и, хотя не вскрыл всей глубины социальных противоречий русской деревни, как это сделал впоследствии Некрасов, зато он первый в русской поэзии правдиво изобразил повседневную жизнь русского крестьянина, широко использовав при этом деревенский фольклор. «Не на словах, а на деле, — писал Белинский, — сочувствовал он простому народу в его горестях, радостях и наслаждениях. Он знал его быт, его нужды, горе и радость, прозу и поэзию его жизни». Кольцов был певцом земледельческого труда и всегда изображал его в радостных, оптимистических тонах:

«Весело на пашне;
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю».

Симпатии Кольцова не на стороне деревенских богатеев, а на стороне крестьянской бедноты. С презрением относился он к богатству, накопленному обманом и насилием:

«Не тот счастлив, кто кучи злата
Сбирает жадною рукой
И за корысть родного брата
Тревожит радостный покой...
Не тот счастлив, не тот, кто давит
Народ мучительным ярмом,
И кто свое величье ставит
На полуразрушенном другом!..».

Многообразно творчество русских писателей второй четверти XIX века. Не одинаковы были и их общественно-политические стремления. Впоследствии произошло окончательное размежевание русских писателей на умеренных либералов и революционных демократов.

Но в 40-х годах XIX в., несмотря на различия, они совместно выступали против крепостничества, против угнетения и бесправия народа. «В моих глазах, — писал Тургенев, — враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право».

Во второй четверти XIX в. в русской литературе окончательно восторжествовал реализм. Одновременно прочно утвердились

демократические тенденции, которые в последующий период получили дальнейшее углубление и развитие. К России второй четверти XIX в. в полной мере могут быть отнесены ленинские слова: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую» [1].

Искусство

В искусство новые веяния проникали более медленно, чем в литературу.

Водевили, драмы и мелодрамы, которые ставились на сцене русского театра во второй четверти XIX в., имели небольшую художественную ценность. Это были главным образом переводы и переделки с иностранных образцов. Правда, наиболее плодовитые сочинители тогдашних водевилей — Ф. Кони, П. Федоров, П. Каратыгин, Д. Ленский и др. — брали иногда сюжеты из русской жизни.

В знаменитом водевиле «Лев Гурыч Синичкин», который ставится и в наши дни, Ленский изобразил жизнь провинциального русского театра. В водевилях имела место и общественная критика. Ф. Кони в одной из пьес разоблачил продажную деятельность журналиста Булгарина, а в другой пьесе вывел губернатора, решившего посадить всех публицистов в сумасшедший дом, а над студентами учредить полицейский надзор. «Допущу свободу мнения, но шпионов заведу, чуть резко рассуждение, тотчас слово на узду. Скажут в селах и в столице: вот настал свободы час! А ежовы рукавицы мы припрячем про запас». Однако эта водевильная критика носила поверхностный характер. Переделка иностранных пьес на русский лад часто ограничивалась лишь переменой имен.

Мелодрамы обычно изображали борьбу порока и добродетели. На сцене появлялись отчаянные преступники и гонимая невинность, которая в конце концов побеждала зло. Музыка усиливала действие слова: при появлении тирана или преступника резко звучали трубы, при уходе гонимой невинности жалобно плакали флейты.

В пьесе «Извозчик», писал современник, «нашли широкое место все атрибуты мелодрамы: пистолеты, выстрелы, плащи, кареты, лошади, фонари, дождь, гром, молния, музыка. Музыка преследует действующих лиц на каждом шагу, без нее они не могут ни войти, ни кашлянуть, ни плюнуть. Жак — извозчик — геройствует, добродетельничает, спасает погибших, делает сцены и грубит князю; князь с Морелем злодействует; Флери письмом

[1] Ленин Соч., т. XVII, стр. 137.

Наполеона обезоруживает этого вотчима; Жанна кидается в реку и на воде не тонет... А музыка все играет. А публика все хлопает».

Недалеко от этого ушла и так называемая романтическая драма. На Западе она пыталась противопоставить внешнему блеску внутреннее величие души, причем находила это качество не у «сильных мира сего», а на низших ступенях общественной лестницы, вплоть до разбойников. Она пригвождала к позорному столбу пороки тиранов и выставляла героями бунтарей и протестантов. Русская романтическая драма, наоборот, изображала тиранов добродетельными и милосердными и восхваляла тех, кто под ударами судьбы и испытаний сохранил незлобливую душу, терпение и смирение.

Русская романтическая драма обращалась к отечественным сюжетом. Однако она была далека от реальной русской действительности. Затрагивая темы отечественной истории, романтическая драма изображала их в превратном виде, восхваляя самодержавие и дворянство.

Наиболее крупными представителями этого направления были популярные тогда драматурги — Нестор Кукольник и Николай Полевой. Первая драма Кукольника изображала горестную судьбу итальянского поэта Торквато Тассо. Вторая была посвящена событиям 1612 г. и избранию на русский престол Михаила Романова. Эта пьеса носила громкое название: «Рука всевышнего отечество спасла». В ней нет никакого развертывания событий, никакого действия. Вся она состоит из декламаций о величии святой Руси, о значении самодержавия и православной церкви в жизни страны. Устами Пожарского Кукольник провозглашал, что «нет конца великому колену», и призывал «из века в век, пока не потухнет солнце» и у людей «не истребится память», святить день избрания на царство Михаила. Неудивительно, что Николай I и его окружающие на все лады восхваляли пьесу Кукольника, а самого его возводили в сан первого русского драматурга. Стремясь оправдать доверие царя, Кукольник и в своих последующих произведениях («Князь Михаил Скопин-Шуйский», «Князь Холмский» и др.) проводил ту же линию возвеличивания самодержавия.

Только один тогдашний русский журнал раскритиковал пьесу Кукольника. Это был «Московский телеграф» Н. Полевого. Он писал, что в драме Кукольника нет ничего исторического ни в событиях, ни в характерах. За такой отзыв о драме Кукольника царизм расправился с журналом: «Московский телеграф» был закрыт. Это дало повод сочинить следующие строки: «Рука всевышнего отечество спасла и Полевого погубила».

Но Полевой быстро приспособился к новой обстановке, бросил журнальную деятельность, переехал в Петербург и вскоре сделался таким же защитником самодержавия, каким был осужденный им Кукольник. Полевой стал драматургом. За последние восемь лет своей жизни он написал 38 пьес разного объема и содержа-

ния. Тут было и «Драматическое представление Уголино» из жизни средневековой Италии, и пьеса «Дедушка русского флота», которая особенно понравилась Николаю I, и трагедия «Елена Глинская», и комедия «Первое представление мельника, колдуна, обманщика и свата» и др. В пьесе «Купец Иголкин» Полевой прославлял преданность русского человека Петру I. В пьесе «Параша Сибирячка» он стремился показать справедливость и доброту Александра I и веру народа в его милосердие. Не случайно Николай I замечал, что давно бы Полевому следовало бросить журналистскую деятельность и стать драматургом. Когда-то в «Московском телеграфе» Полевой резко нападал на драматургов, не умеющих живо изображать русскую действительность и «списывать с природы». Этот упрек относится и к самому Полевому. На русской сцене господствовала тогда высокопарная романтическая драма. Театр не отражал подлинной жизни народа.

В своих «Литературных мечтаниях» В. Г. Белинский писал: «О, как было бы хорошо, если бы у нас был свой народный, русский театр!.. В самом деле — видеть на сцене всю Русь, с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев, вызванных из гроба могуществом фантазии, видеть биение пульса ее могучей жизни». Белинский отмечал, что вместо этого в русских театрах ставятся пародии на Шекспира и Шиллера, «пародии смешные и безобразные; там выдают вам за трагедию корчи воображения; там вас подчуют жизнью, вывороченною наизнанку». Через семь лет Белинский снова отметил бедность русской драматургии: «Репертуар русской сцены, — писал он, — это арена гг. Кукольника, Полевого, Ободовского, Коровкина и многих других, — репертуар русской сцены представляет собой то засохшее поле, на котором ни былинки, то после долгих проливных дождей покрытую грибами и дождевиками поляну».

Но на поле русской драматургии в 30—40-х годах XIX в. появились и новые замечательные всходы, которым принадлежало будущее. В 1830 г. на сцене была впервые поставлена комедия Грибоедова «Горе от ума». Она шла с большими пропусками. Третий акт комедии, в котором так ярко показаны нравы русского дворянского общества, был опущен вовсе. Артисты не поняли новой пьесы и играли свои роли старыми излюбленными приемами. Однако вскоре стало ясно, что «Горе от ума» открывает новую эпоху в развитии русского театра — эпоху художественного реализма, который требует совершенно новых приемов игры.

Вслед за бессмертным произведением Грибоедова на русской сцене появились замечательные реалистические комедии Н. В. Гоголя — «Ревизор» и «Женитьба». Эти комедии, особенно «Ревизор», вызвали многочисленные нападки на Гоголя со стороны господствующих кругов. Тогдашние критики возмущались тем, что Гоголь не показал в них «ни одной честной души». Они писали, что в его комедиях нет ни завязки, ни развязки, ни характеров,

что они похожи на анекдоты. Многие отвергали реализм Гоголя, предлагая изображать жизнь только с «приятной стороны». «Главным и единственным условием сцены, — писал современный критик, — является изящество, приличие... природа, естественность нужны на сцене, но в очищенной форме, в изящном виде, с приятной стороны и с приличием выраженные».

Как отмечает Вяземский, уже первая постановка комедии Гоголя «Ревизор» в 1836 г. разделила публику на два лагеря. «Одни приветствовали ее, радовались ей, как смелому, хотя и прикрытому нападению на придержащие власти. По их мнению, Гоголь, выбрав полем битвы свой уездный городок, метил выше. Другие смотрели на комедию, как на государственное преступление, были им взволнованы, напуганы и в несчастном или счастливом комике видели едва ли не опасного бунтовщика». Но так или иначе равнодушных не было. Имена действующих лиц «Ревизора» скоро превратились в собственные названия и, как пишет современник, «Хлестаковы, Марии Антоновны, Городничие, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли под руку с Фамусовым, Молчалиным, Простаковыми».

Тщетно сам Гоголь и некоторые другие драматурги впоследствии пытались сгладить впечатление, произведенное великим творением, посредством сочинений таких пьес, как «Настоящий ревизор», «Развязка Ревизора» и др. Дело было сделано. «Ревизор» занял крупное место на русской сцене, оказав огромное влияние на все последующее ее развитие.

«Ревизор» и «Горе от ума» являются выдающимися произведениями реалистического направления русской драматургии. Но это были только первые ласточки грядущей весны. Реализм прочно утвердился в русском театре и вытеснил другие направления лишь с появлением произведений А. Н. Островского. Роль Островского в русской драматургии столь же велика, как роль Пушкина в русской поэзии, Гоголя и Тургенева — в русской прозе.

В январе 1847 г. в «Московском городском листке» появились сцены из будущей комедии Островского «Свои люди — сочтемся». Островский работал тогда чиновником в Коммерческом суде, и это дало ему возможность хорошо изучить быт и нравы купечества и чиновничества, и он с большим мастерством изобразил их в своих пьесах. Комедия Островского «Свои люди — сочтемся» была опубликована полностью в 1850 г. и сразу обратила на себя внимание читающей публики. Это была замечательно ярко нарисованная картина богатого купеческого дома. В ней получили отображение все характерные черты купечества: погоня за деньгами, тупое самодурство, хищничество, презрение к человеческой личности. Господствующие круги с возмущением спрашивали: «Неужели автор не мог найти в среде купечества и вставить в свою раму для противоположности почтенных богобоязненных купцов?»

Комедия «Свои люди — сочтемся», или, как она первоначально называлась, «Банкрот», выдвинула Островского в первые ряды рус-

ских драматургов. Прочитав ее, В. Одоевский писал своему приятелю: «Если это не минутная вспышка, не гриб, выдавшийся сам собою из земли, просоченный всякой гнилью, то этот человек есть талант огромный. Я считаю на Руси три комедии: «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор». На «Банкроте» я ставлю номер четвертый».

Островский действительно обладал огромным талантом. Отдавшись драматургическому творчеству, он создал много замечательных произведений, прочно вошедших в репертуар русского театра. В 1853—1854 гг. вышли две комедии Островского: «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок». В эти годы Островский сблизился с славянофилами и под их влиянием поставил себе целью показать положительные черты «истинно народного типа». В названных комедиях он создал «купеческую идиллию», сочувственно изобразив отношения между хозяином и приказчиком, хлебосольство, радушие купцов и пр. Великий русский драматург вскоре отошел от идеализации и прикрашивания и в новых комедиях с новой силой дал подлинно реалистическое изображение действительности. Начиная с конца 50-х годов, реалистическая драматургия Островского определяет все развитие русского театра.

В тесной связи с изменением драматургического репертуара развивалось и творчество русских актеров. Когда господствовали трагедии и мелодрамы, на русской сцене блистали имена Василия Каратыгина и Павла Мочалова. Первый играл в Петербурге, второй — в Москве. Каратыгин и Мочалов были действительно выдающимися актерами, наиболее полно отражавшими романтическое направление, господствовавшее тогда в русском театре. Они были лучшими исполнителями главных ролей в переводных трагедиях и драмах и в оригинальных пьесах Кукольника и Полевого. Но приемы игры, методы воздействия обоих актеров на публику были различны, и среди тогдашних критиков и публики шла оживленная борьба вокруг их творчества — Каратыгин или Мочалов?

Обладая громадным ростом, красивой фигурой и сильным голосом, Каратыгин был как бы создан для исполнения героических ролей. Он достигал успеха тщательной отделкой и совершенствованием своих природных данных, высокой техникой актерского мастерства. В его игре не было ничего случайного: все было продумано до мельчайших подробностей. Белинский писал, что «всегдашнее орудие Каратыгина — эффектность, грациозность и благородство поз, живописность и красота движений, искусство декламации. Напрасно обвиняют его в излишестве эффектов, его игра не может существовать вне их». Щепкин как-то сказал, что Каратыгин представляет собой «Мундирный С.-Петербург, застегнутый на все пуговицы и выступающий на сцену как на парад».

Наоборот, Мочалов захватывал зрителя глубиной чувства, внутренним огнем и вдохновением. Он выносил на сцену муки своей собственной души. Сценический успех Мочалова начался с

«мещанских» пьес. Он играл затем и в романтических драмах и в трагедиях, в том числе почти во всех трагедиях Шекспира. Белинский посвятил восторженную статью исполнению Мочаловым роли Гамлета. «Мы видели Гамлета, художественно созданного великим актером», — писал Белинский. Но Мочалов не отделывал свои роли так, как Каратыгин. Его исполнение зависело не от заранее обдуманного плана, а от настроения в данную минуту. Вот почему, в отличие от Каратыгина, который всегда был верен себе, у Мочалова были и взлеты и падения. «По огромности таланта, — писал Белинский, — Мочалов был необыкновенным феноменом, но этот талант был чисто природный, нисколько не развитый ни наукой, ни искусством, всегда зависевший от вдохновения». Часто выезжая на гастроли в провинцию, Мочалов оказал большое влияние на развитие русского провинциального театра.

Русская сцена второй четверти XIX в. выдвинула немало и других талантливых актеров. К ним можно отнести К. Полтавцева, И. Самарина, Л. Леонидова, В. Асенкову, Н. Репину, В. Самойлова, трех сестер — Марию, Надежду и Веру Самойловых и др. Продолжал играть в это время и И. Сосницкий, в 1861 г. отмечавший 50-летие своей сценической деятельности. Некоторые из русских актеров отходили от установившегося штампа и играли по-новому. В письме к Леонидову Самарин писал: «Много бы можно было приобресть себе аплодисментов, кучу вызовов, устрой только побольше эффектов, ярче раскрась фразы, драпируйся в герои. Ты не пошел на это. Спасибо! Просто, естественно, прекрасно!».

Самым замечательным актером, деятельность которого утвердила реалистическое направление в русском театре, был бывший крепостной Михаил Семенович Щепкин. Он играл много самых различных ролей в провинциальном и московском театрах, но настоящее дарование Щепкина развернулось в новом реалистическом репертуаре, пришедшем на русскую сцену в 30—40-х годах. И это не случайно. Основным принципом Щепкина было: «искусство настолько высоко, насколько близко к природе». Герцен сказал о Щепкине: «Он создал правду на русской сцене, он первый стал нетеатрален на театре». Щепкин создал яркий образ грибоедовского Фамусова и образы гоголевских героев, особенно Городничего из «Ревизора». Когда Гоголь отказался от своих великих произведений, Щепкин писал ему: «я так свыкся с Городничим, Добчинским и Бобчинским в течение десяти лет нашего сближения, что отнять их у меня и всех вообще, это было бы действие бессовестное... это люди настоящие, живые люди, между которыми я вырос и состарился».

Щепкин оказывал огромное влияние и на творчество других русских артистов. Он основал реалистическую школу на русской сцене. Смотря на театр как на святыню, он воспитывал такое же отношение к нему у своих учеников. Он учил русского актера неустанно трудиться, вникать глубже во все замечания и советы. «Для проверки себя и советов, — писал он артисту Шумскому, —

всегда имей в виду натуру: влезь, так сказать, в кожу действующего лица, изучай хорошенько его общественный быт, его образование, его особенные идеи, если они есть, и даже не упускай из виду его прошедшей жизни». «Помни, любезный друг, — говорил Щепкин Самарину, — что сцена не любит мертвечины — ей подавай живого человека, и живого не одним только телом, а чтобы он жил головой и сердцем».

Щепкин явился душой Московского Малого театра. Он поднял его на громадную высоту в сравнении с другими театрами. Он первый стал заботиться не только об исполнении своей роли, а об общем ансамбле и стремился к тому, чтобы игра отдельных актеров создавала общее впечатление от спектакля. Вместе с тем Щепкин не замыкался в узкие рамки своей профессии. Он играл крупную роль во всем общественно-культурном движении своего времени. Щепкин был близок к кружкам Станкевича, Белинского, Герцена, Грановского. Тесная дружба связывала великого русского актера с Пушкиным, Лермонтовым, Тургеневым, Шевченко и особенно с Гоголем.

Но Щепкин не играл в пьесах Островского. Русская сцена выдвинула тогда другого замечательного актера, имя которого неразрывно связано с постановкой пьес Островского. Это был Пров Михайлович Садовский. Подобно Щепкину он сначала скитался по провинциальным театрам, затем стал актером Малого театра. Садовский играл здесь в самых разнообразных пьесах иностранных и русских авторов. Настоящий же материал для своего выдающегося дарования он нашел в комедиях Островского. Садовский участвовал в первой постановке первой комедии Островского «Не в свои сани не садись», и с тех пор всю сценическую деятельность он посвятил воплощению образов, созданных Островским. Садовский продолжал и развивал основы реалистического направления в русском театре, заложенные Щепкиным. Он создал яркие образы, как бы целиком взятые из жизни. По свидетельству С. Максимова «громадное знакомство почти со всеми классами русского народа позволяло Садовскому довести реальность игры до того, что зрителю постоянно казалось будто перед ним стоит лицо хорошо знакомое, которое он где-то видел, имел с ним дело и только не время забыл его фамилию... Зритель чувствовал, что задуманный автором персонаж должен был именно так говорить и действовать: до того совпадало выполнение артиста с замыслом драматурга». Реализм окончательно утвердился на русской сцене.

В развитии русской музыки вторая четверть XIX в. имеет особенно большое значение. В это время развивается творчество великого русского композитора, основоположника русской национальной музыки — М. И. Глинки. Только с появлением Глинки заканчивается подготовительный период в истории русской музыки; она вступает в полосу своей зрелости и приобретает подлинно национальные черты.

Конечно, у Глинки были предшественники. И до него в России

были композиторы, сочинялись музыкальные произведения, пьесы, романсы и даже оперы. Но все это было или подражанием иностранным образцам или стояло на невысоком музыкальном уровне и не могло послужить основой подлинно национальной русской музыки. В области вокального искусства вслед за Титовым создавали свои произведения Алябьев, Варламов, Гурилев, Верстовский. В области оперного искусства предшественниками Глинки были Кавос и тот же Верстовский. Верстовский написал 6 опер, главным образом на сюжеты отечественной истории. Лучшая из них — «Аскольдова могила» — была поставлена в 1835 г. и пользовалась большим успехом. Ее мелодии были ясны и доступны широкой публике, отчасти напоминая русскую народную музыку. Но в ней господствовали простейшие, преимущественно водевильные формы, а ее музыкальные средства были примитивны и намного отставали от того, чего уже достигла в этом отношении западноевропейская музыка.

Композиторами доглинковского периода были или музыкально образованные иностранцы или способные, но малообразованные русские, которые не могли создать в области национального искусства что-либо цельное и самостоятельное. Могучий гений Глинки возвышался не только над всеми его предшественниками, но и над современниками. Он был первым русским композитором, который глубоко понял народное творчество и обратился к этому могучему неисчерпаемому источнику. Глинка вырос в деревне и научился там любить народную песню. Своими первыми музыкальными впечатлениями он обязан оркестру крепостных музыкантов, который содержал его дядя. Еще в юности он решил посвятить себя музыкальному творчеству. Глинка относился к этому творчеству со всей серьезностью. Он много работал над собой, учился, неоднократно ездил за границу, где изучал западноевропейские образцы и общался с выдающимися европейскими композиторами — Берлиозом, Листом и др. Глинка хорошо усвоил музыкальную культуру Запада и в совершенстве владел всем богатством ее художественных форм и средств. Он использовал их для того, чтобы, опираясь на народное творчество, создать истинно национальное искусство. «Музыку создает народ, а мы только ее аранжируем», — говорил Глинка.

1836 год — важный год в истории русской музыки. В этом году в Петербурге состоялась первая постановка первой национальной русской оперы — «Иван Сусанин» М. Глинки. А вслед за «Иваном Сусаниным» в 1842 г. появилась вторая замечательная опера Глинки — «Руслан и Людмила». Очень немногие поняли тогда значение этих событий и только впоследствии они были должным образом оценены. «Глинка вдруг одним шагом стал наряду (да, наряду) с Моцартом, Бетховеном и с кем угодно», — писал много лет спустя Чайковский. Обе оперы Глинки были выдающимся явлением не только в русской, но и в мировой оперной музыке.

Но Глинка явился творцом не только русской оперы, но и русской симфонической музыки. Знаменитая «Камаринская» явилась гениальным произведением Глинки, и, как заметил тот же Чайковский, вся современная симфоническая музыка заключена в ней, как «дуб в жолуде». Глинка придал русским романсам художественно законченную форму и музыкально-поэтическое содержание. Многие романсы Глинки до сих пор служат неувядаемым образцом русского музыкального творчества. С полным правом можно сказать, что Глинка выполнил огромную историческую задачу в развитии русской национальной культуры. Он сыграл такую же роль в развитии русской музыки, какую сыграл Пушкин в развитии русской литературы.

Большое значение имела музыкальная деятельность другого выдающегося композитора того времени — А. С. Даргомыжского. Он был младшим современником Глинки и ему уже не нужно было, подобно Глинке, прокладывать пути национальному музыкальному искусству. Но в деле его дальнейшего развития заслуга Даргомыжского несомненна. В первой своей опере «Эсмеральда» Даргомыжский еще во многом подражал французской музыке. Зато в 1856 г. в своей замечательной «Русалке» он уже выступил как вполне зрелый и самостоятельный мастер. Острый драматизм является характерной чертой оперной музыки Даргомыжского. В то время как музыка Глинки спокойна, величава или глубоко лирична, музыка Даргомыжского драматически взволнована и передает изгибы и неожиданные повороты в душевном состоянии действующих лиц. В дальнейшем в «Каменном госте» Даргомыжский создал совершенно новый тип оперы, построенный на речитативе с второстепенной ролью оркестра. Вместе с тем он создал ряд симфонических произведений и много замечательных образцов русского художественного романса. В романсах, как и в операх, ярко проявилась юмористическая сторона музыкального творчества Даргомыжского. Его комические романсы не потеряли ценности и до сих пор.

Для творчества обоих русских композиторов — и Глинки и Даргомыжского — характерно стремление к правде, к реализму. Отвечая критикам «Русалки», Даргомыжский писал: «Я не намерен низводить для них музыку до забавы. Хочу, чтобы звуки прямо выражали слово. Хочу правды». Такой музыке приходилось утверждать право на существование в тяжелой борьбе. С русской оперой конкурировала немецкая и итальянская оперы, существовавшие в то время в Петербурге и пользовавшиеся покровительством правительства и придворной знати. В 1843 г. Большой театр был полностью отдан итальянцам. Часть русской труппы была переведена в Москву, остальные разбрелись в разные стороны. Большой театр был закрыт для произведений русских композиторов. Итальянская опера, обосновавшаяся в ней, отвлекала публику от родного искусства и серьезной музыки. Однако, несмотря на это, русское музыкальное искусство росло и крепло. Во вто-

рой четверти XIX в. на сцене были поставлены оперы 15 русских композиторов. Русский оперный театр имел тогда и выдающихся певцов. Особенно выделялись бас О. Петров, блестяще исполнявший роль Ивана Сусанина, М. Степанова и А. Воробьева.

Кроме того, широко развивалась концертная деятельность. Наряду с концертами Филармонического общества, устраивались концерты придворной хоровой капеллы, а также хоровых обществ — «Музыкальная академия» и «Академия пения». Три крупнейших европейских композитора — Лист, Шуман и Берлиоз — приезжали тогда в Россию и выступали со своими произведениями на концертах. Первые шаги делала тогда в России музыкальная критика, которой занимались В. Одоевский, Ф. Толстой и др., а с начала 50-х годов — крупный русский музыкальный деятель, позднее ставший и композитором, — А. Н. Серов.

Во второй четверти XIX в. добилась новых успехов русская живопись. В это время в России выдвинулись замечательные мастера кисти. Широко развернулось творчество художника Венецианова, еще в 1824 г. своей картиной «Гумно» открывшего новую эпоху в русской национальной живописи. Венецианов продолжал создавать картины из народной сельской жизни, имевшие огромный успех у широкой публики. Журнал «Отечественные записки», стоявший на позициях официального направления в русской живописи — направления классического академизма, все же вынужден был признать заслуги Венецианова перед отечественным художеством. Давая обзор выставки 1827 г., журнал писал: «Особое внимание публики обращено здесь на произведения Венецианова, состоящие, как обыкновенно, из небольших картин, пленяющих русского патриота верным изображением предметов, близких его сердцу: эти лица, это небо, эти вещи — все взято с самой природы».

Венецианов был не один. Он имел целую реалистическую школу, в которой было немало людей, вышедших из простого народа и посвятивших свое творчество бытовым сюжетам. Один из учеников Венецианова — Мокрицкий писал в своих воспоминаниях: «Все ученики были как братья родные, как одна семья, несмотря на разность лет, состояния и происхождения». «Это была, — замечает В. Фриче, — своего рода демократическая академия, неожиданно возросшая под носом у академии казенной». Среди произведений этой «демократической академии» были картины, изображавшие пляшущего кучера (художник Плахов), кухарок и торговцев (художник Михайлов), мастерскую бондаря, в которой работа подходит к концу и часть рабочих посматривает на печь, где хозяйка готовит для них обед (художник Щедровский), встречу двух приятелей, из которых один играет на гитаре (художник Тыранов) и т. д.

Но новое демократическое направление, возглавленное Венециановым, не смогло тогда прочно укрепиться в русской живописи. Еще слишком сильно было влияние классицизма император-

ской академии, объявившей решительную борьбу новому направлению. «Общество поощрения художников», организовавшееся в 1820 г., отправляя за свой счет лучших учеников Академии за границу для усовершенствования, давало им специальные указания не увлекаться новым жанром. Оно писало, что «задачи из повседневной жизни имеют мало значения».

Несмотря на появление нового направления академический классицизм переживал тогда период своего расцвета. Школа Венецианова не устояла перед его ложным блеском: один за другим покидали Венецианова его лучшие ученики. Они уходили в Академию, уезжали в Италию и, изменяя реалистическим принципам, становились на позиции официального направления.

В русской живописи сияла тогда звезда главного представителя казенного классицизма, талантливого живописца Карла Брюллова. В возрасте 10 лет Брюллов поступил в императорскую Академию художеств, где впоследствии занял первенствующее положение. Он писал картины и эскизы на традиционные темы из античной истории и священного писания, получая за это золотые медали. «Общество поощрения художников» признало дарование Брюллова «необыкновенным» и в 1822 г. направило его за границу. Брюллов обосновался в Италии, изучал искусство эпохи Возрождения, писал картины, портреты, в частности копию с «Афинской школы» Рафаэля и, наконец, весь отдался работе над грандиозной картиной, которая принесла ему мировую славу. Она была посвящена гибели Помпеи. Брюллов изобразил бегство ее жителей через Геркуланские ворота. Это было яркое, эффектное зрелище: все красно от извержения вулкана, сверкает молния, небо заволокло густыми черными клубами дыма, а люди мечутся, ища спасения...

В 1834 г. Брюллов привез свою картину «Последний день Помпеи» в Россию и выставил для обозрения. Успех был колоссальный. Картина Брюллова подняла интерес к живописи в широких кругах. «Огонь Везувия и блеск молний, похищенных с неба и заключенных в раму, пробудили для искусства еще дремавшую публику», — писал современник. Гоголь приветствовал «светлое воскресение живописи», а поэт Лавров восклицал:

«И был «Последний день Помпеи»
Для русской кисти первым днем».

Брюллов творил после этого почти 18 лет и хотя не создал вещи, равной «Последнему дню Помпеи», слава «царя русской живописи» прочно закрепилась за ним. Брюллов действительно был большим мастером, особенно мастером портрета. Но его художественные картины, в том числе «Последний день Помпеи», походили на яркие театральные декорации. Брюллов покорял публику внешней красотой изображаемых им персонажей и предметов, эффектным освещением, правильными, красивыми линиями и формами. Техника этого изображения была высока, и с этой

внешней технической стороны Брюллов сделал многое для дальнейших успехов русской живописи. Но он не открыл новый, а завершил старый период в ее развитии.

Брюллов, как и его предшественники, шел по дороге, указанной западным искусством. Он не создал национальной русской живописи. Когда Брюллов обратился к сюжету отечественной истории и нарисовал «Осаду Пскова», у него получилось посредственное произведение, далекое от действительности. Национальное русское искусство могло возникнуть лишь на базе художественного реализма. Брюллов же принадлежал к отживающему направлению классицизма.

Другим его представителем являлся Ф. Бруни. Это был тоже талантливый русский художник, учившийся в Академии, а затем, как и Брюллов, долго живший в Италии. Бруни создал грандиозную картину, которая должна была затмить брюлловскую Помпею. На огромном полотне в 8½ метров в длину и 5½ метров в вышину Бруни изобразил, как народ в мучениях гибнет от укусов ядовитых змей. Это была яркая картина человеческих страданий, написанная кистью большого художника. «Медный змий» Бруни тоже произвел огромное впечатление, хотя и меньшее, чем «Последний день Помпеи» Брюллова. Бруни создал много других картин и одно время возглавлял Академию художеств. Но его произведения не вышли за рамки официального классицизма.

Своеобразным явлением в русской живописи второй четверти XIX в. было творчество замечательного художника и человека Александра Иванова. Иванов стоял особняком среди тогдашних живописцев. Он резко протестовал против господствующей академической рутины и решительно ополчался против чиновников от искусства, определявших судьбы русской живописи. Иванова не интересовала праздная светская жизнь, он заперся в своей студии, посвятив всего себя служению искусству. После успеха своей первой картины «Явление Христа Марии Магдалине» Иванов стал работать над «Явлением Христа народу». Как убежденный христианин, он видел задачу своей жизни в том, чтобы в этой картине раскрыть «всю сущность Евангелия». Иванов работал над ней действительно почти всю жизнь — целых 30 лет. Он работал упорно, медленно, идя шаг за шагом к цели. Иванов написал огромное количество этюдов и сделал 24 композиции картины.

И пока шла эта работа, происходили крупные события, под влиянием которых изменялось мировоззрение художника. Он терял прежнюю веру в бога. Сомнения мучили Иванова. Он поехал в Лондон к Герцену, которого очень уважал, чтобы найти ответы на мучившие его вопросы. «Писать без веры религиозные картины, — говорил он, — это безнравственно, это грешно... Лучше остаться бедняком, не брать кисть в руки». Несмотря на сомнения, Иванов довел свое творение до конца, и в 1857 г. «Явление Христа народу» предстало перед публикой.

С тех пор как публика восторгалась картиной Брюллова, про-

шло больше 20 лет. Картина Иванова во многом была выше творения Брюллова. Она вносила в композицию идею внутренней необходимости, выдвигала на первый план выражение мысли, а не красоту линий, в отличие от резкого, кричащего блеска академического классицизма. Иванов раскрывал внутренний, духовный мир. Но времена были другие, и картина Иванова не произвела ожидаемого впечатления в России. Сам Иванов понимал причину этого. «Требования публики ушли дальше», — говорил он. Нужно новое искусство «сообразно современным понятиям и потребностям». Оно должно быть приспособлено «к требованиям времени и настоящему положению в России». Дух времени выдвигал не мировые общечеловеческие идеи, а реальные вопросы конкретно русской действительности и насущные требования народа. Приходил конец монументальным произведениям религиозной живописи. Росло и крепло реалистическое направление, ведущее свое начало от Венецианова.

Его новым выдающимся представителем был Павел Андреевич Федотов. Он родился в Москве в бедной семье и подобно Венецианову, с детства наблюдал людей разных сословий и состояний. Федотов обладал блестящими способностями и замечательной памятью. Оставив воинскую службу, он занялся живописью и поступил в Академию. Но его не могло увлечь рутинное классическое искусство. Его тянуло к изображению картин народного быта, к карикатуре. Это призвание Федотова раскрыл И. А. Крылов, и, по совету великого баснописца, художник целиком отдался любимому делу. В 1847 г. он написал первую картину «Свежий кавалер». Она изображала чиновника после пирушки, данной им по случаю получения ордена. С тех пор за короткий период своей творческой деятельности Федотов написал много картин, рисунков, карикатур. Они отображали жизнь таких слоев населения, которые до того почти не были представлены в нашей живописи, — обедневшее дворянство, купечество, чиновничество. Это был новый мир, открытый талантливым художником. Публика подолгу стояла перед его картинами, восторгалась их простотой и правдивостью. «Имя Павла Андреевича, — писал современник, — гремит по городу. Все пространство от картин до дверей запружено любопытными».

Федотов стремился в своих картинах и рисунках быть возможно ближе к действительности. Он целыми днями толкался на рынках, чтобы создать нужные ему типы купцов и горничных. Он изучал жизнь и быт чиновников, офицеров, солдат. Но картины Федотова не были бесстрастной фотографией окружающей жизни. Они откликались на общественные запросы и выставляли на вид прежде всего грустные или смешные стороны жизни.

Картины и рисунки Федотова были проникнуты тонким, мягким юмором и всякий раз «поучали» зрителя. Они вскрывали отдельные стороны повседневного быта. «Приезд жениха», «Крестины», «Художник, женившийся без приданого», «Вдовушка», «Офицер, квар-

тирующий в деревне», «Житье на чужой счет», «Разборчивая невеста», «Утро обманутого новобрачного», «Все холера виновата», «Игроки» — таковы темы федотовских картин. Успех Федотова привел в негодование ревнителей классического академизма. Они протестовали против «картин в народном духе», отображающих ежедневный быт, «временное и современное», «действительность как она есть». Они ратовали за сохранение «высоких родов живописи».

Но жизнь брала свое. Русское искусство спускалось с заоблачных высот на грешную землю. Оно вслед за литературой приобретало большое общественное значение. Русское искусство совершало поворот к реализму. Окончательно этот поворот произошел уже во второй половине XIX века.

НАРОДЫ ЦАРСКОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В начале XIX в. к России были присоединены Польша, Кавказ, Финляндия и другие земли. Новые народы попали под власть царизма. Россия в еще большей степени, чем раньше, стала многонациональной страной.

Присоединение к России имело для жизни многих народов большое положительное значение. Оно приобщило эти народы к жизни более передовой страны. «...Россия, — писал Энгельс, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[1]. Однако, несмотря на это, народы царской России испытывали тяжелый колониальный гнет. Царская реакция, усилившаяся после 1815 г. и особенно после 1825 г., тяжело отразилась на положении народов России.

Колонизаторская политика царизма тормозила развитие капитализма на окраинах, препятствовала созданию местной промышленности, закрепляла старые, докапиталистические формы хозяйства и т. д. Но несмотря на это, некоторые народы России уже тогда вступили на путь капиталистического развития. В Прибалтике, на Украине, в Закавказье (не говоря уже о Польше) капиталистические отношения зародились еще в первой половине XIX века. В связи с этим там шел процесс складывания наций и развития национального движения. Товарищ Сталин об этом процессе писал: «Ворвавшийся в спокойную жизнь оттесненных национальностей капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение... Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее сопротивление со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..»[2].

Национальный и экономический гнет царского самодержавия и русских помещиков, их великодержавная шовинистическая политика и пробуждение национального сознания народов вызвали национально-освободительное движение народов России. Это дви-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

[2] Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 11. Изд. 1934.

жение было и раньше, но именно в первой половине XIX в. впервые в истории России оно приняло широкий размах и приобрело еще большее значение.

Положение народов России было неодинаково. Они стояли на разных ступенях развития. Соответственно этому и формы национально-освободительной борьбы были различны — от стихийных волнений до организованных и длительных восстаний. Самыми крупными национально-освободительными движениями в России первой половины XIX в. были польское восстание и борьба кавказских горцев под руководством Шамиля. В 1864 г., в связи с подавлением польского восстания и окончательным разгромом кавказских горцев, Маркс писал: «...подавление польского восстания и завоевание Кавказа я считаю самыми серьезными европейскими событиями со времени 1815 года» [1].

Восстание в Польше

Согласно решению Венского конгресса, большая часть польских земель вошла в состав России. Это не привело к каким-либо изменениям в социально-экономическом устройстве Польши. Царизм не затронул феодально-крепостнических отношений, господствующих в Польше, сохранив землю и доходы в руках польских помещиков. Крепостнические методы эксплоатации попрежнему преобладали в польском сельском хозяйстве. Польский крестьянин изнывал под тяжелым игом барщины. Больше того, в первой половине XIX в. крепостническая эксплоатация польского крестьянства усилилась. Польские помещики стремились выбросить возможно больше сельскохозяйственных продуктов на рынок. Они расширяли свои запашки, обезземеливали крестьян, увеличивали барщину.

Одновременно развивалась польская промышленность. Польша не стала рынком сбыта для русской промышленности или ее сырьевой базой. Тариф 1819 г., объединивший Польшу и Россию в таможенном отношении и установивший свободу торговли между ними, положительно отразился на развитии польской промышленности. Тариф 1822 г. создавал благоприятные условия для вывоза польских товаров в Россию. Все это способствовало промышленному развитию Польши. В первой половине XIX в. особенно быстро росла суконная и хлопчатобумажная промышленность Польши. Небольшое местечко Лодзь превратилось в крупный центр текстильной промышленности. Возникли и другие промышленные центры — Згреж, Озерков, Томашев. Присоединение Польши к России не подавило, таким образом, самостоятельности польской экономики.

Гораздо сложнее были политические взаимоотношения Польши и России. Несмотря на то, что в 1812 г. поляки, вместе

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 188.

с французами, воевали против России, Александр I не стремился уничтожить Польшу. Он разрешил разбитым польским войскам вернуться на родину со своими знаменами и офицерами. Александр I добивался объединения всех польских земель, но он хотел, чтобы новая, объединенная Польша находилась под его руководством. Противодействие Пруссии и Австрии помешало объединению Польши. В 1815 г. на Венском конгрессе Польша подверглась новому разделу. Познань и Быдгощ были возвращены Пруссии, Галиция — Австрии, Краков с пригородами был выделен в самостоятельную польскую республику и только из остальных земель Варшавского княжества была образовано Польское королевство, неразрывно связанное с Россией и находившееся под властью российского императора. Александр I издал манифест об учреждении Польского королевства и утвердил основания его будущей конституции. Российский император отныне являлся и польским королем.

9 июня 1815 г. в Варшаве состоялось восстановление Польского королевства. В соборном костеле собрались все должностные лица Варшавы и после торжественного богослужения принесли присягу в верности королю Александру I и конституции. Вслед за тем присягу принесли польские войска. Польское знамя с белым орлом было водружено над королевским замком и другими зданиями Варшавы. А через три месяца в сопровождении польских войск в столицу королевства торжественно въехал Александр I.

В отличие от России, Польское королевство было построено на конституционных началах. В ноябре 1815 г. Александр I утвердил конституционную хартию Польши.

Согласно конституции Польское королевство навсегда соединялось с Россией. Верховная власть сосредоточивалась в руках российского императора. Все вопросы внешней политики — объявление войны, заключение договоров, распоряжение войсками и доходами государства, назначение высших должностных лиц — подлежали исключительно его ведению. При короле учреждался Государственный совет, который делился на общее собрание и Административный совет. В состав Административного совета входили пять министров Польши: народного просвещения и вероисповеданий, юстиции, внутренних дел и полиции, военных дел, финансов.

Законодательная власть в Польше принадлежала королю и сейму. Сейм собирался раз в два года на 30 дней. Заседания сейма являлись публичными. Сейм состоял из двух палат — нижней, или посольской, и верхней, или сенатской. Нижняя палата выбиралась поземельным дворянством и городами. Право избрания в Сейм было предоставлено лицам, имеющим не менее 30 лет и платящим не менее 100 злотых прямого налога. Члены верхней палаты — Сената — пожизненно назначались русским императором из членов императорского дома, высшего духовенства, польской аристократии и воевод. Члены этой палаты должны были быть не

моложе 35 лет и платить не менее 2 тыс. злотых прямого налога. Таким образом, основная масса населения Польши — крестьяне и рабочие — избирательных прав лишались.

Сейм обсуждал проекты законов, военные и финансовые вопросы, заслушивал заявления депутатов и пр. Однако законодательной инициативы у Сейма не было. Он мог разбирать лишь те законопроекты, которые вносились Государственным советом. Принятые им законы представлялись на окончательное утверждение государя.

Согласно конституции 1815 г. все граждане Польши объявлялись равными перед законом, провозглашалась свобода печати, неприкосновенность личности и имущества. Никто не мог быть арестованным иначе, как в случаях, установленных законом. Во всех правительственных учреждениях и судах делопроизводство должно было вестись на польском языке, а все административные и судебные должности должны были замещаться подданными Польши. В Польше сохранилась 40 000-я армия. Таким образом, устанавливая зависимость Польши от России, конституция 1815 г. дала Польше известную автономию.

Однако усиление реакции в России и Европе после Венского конгресса не могло не сказаться на положении Польши. Чем дальше развивалась реакция, тем больше царизм нажимал на Польшу, отбирая у нее им же самим дарованные права. Конституция 1815 г. систематически нарушалась. Вопреки конституции, в Польше была учреждена должность комиссара, на которую был назначен противник конституции Новосильцев. Официальный наместник Александра I в Польше, старый польский генерал Зайончик не играл существенной роли в жизни страны. Польшей фактически правили Новосильцев и брат царя — Константин Павлович, назначенный главнокомандующим польской армией. Когда в Польше начались протесты против произвольных действий администрации, царизм стал широко применять методы репрессий. В Польше начались массовые аресты, была введена строгая цензура для журналов и газет, а некоторые из них были запрещены, установлен надзор за учебными заведениями. Большое количество школ было закрыто, а оставшиеся отданы под контроль католического духовенства. Специальный надзор был установлен над студентами и профессорами университетов. Особенно тяжелый режим был введен в польской армии. Константин Павлович широко практиковал насилия над солдатами и офицерами.

Такая политика царизма вызывала большое брожение в Польше. Сейм 1820 г. прошел в обстановке сильного недовольства политикой царизма. Сейм не утвердил ряд законопроектов правительства, а его действия подверг критике. Следующий Сейм Александр I собрал не через 2 года, а только через 5 лет — в 1825 году. Боясь новых оппозиционных выступлений, он издал дополнительную статью к конституции, которая отменяла публичность заседаний Сейма. На Сейме не были даже зачтены протесты против нарушения конституции и насилия властей.

Но движение протеста против политики самодержавия развивалось главным образом вне Сейма. Еще в 1817 г. в Польше стали организовываться тайные патриотические общества для борьбы за независимость Польши. В них вступали польские офицеры, а также чиновники, помещики и пр. Сначала они использовали для своих целей масонские ложи, а когда в 1821 г. ложи были запрещены, создали «Народное патриотическое общество». Главным организатором и руководителем этого общества был майор Лукасинский. Несмотря на то что в следующем году Лукасинский и многие члены общества были арестованы, Патриотическое общество в целом не было раскрыто. Оно установило связи с декабристами. В Киеве дважды состоялись совещания представителей Южного общества и поляков, на которых шли переговоры о совместных действиях.

Николай I вступил в первый конфликт с Польшей в связи с делом этого Патриотического общества. Следствие над декабристами раскрыло существование Патриотического общества, многие его члены были арестованы и после полуторагодичного следствия преданы польскому суду, составленному из польских сенаторов. Суд не нашел в действиях подсудимых государственной измены. Председатель суда заявил, что борьба за независимость Польши не может считаться преступлением. Обвинив подсудимых лишь в том, что они не донесли властям о существовании заговора декабристов, суд приговорил их к тюремному заключению на незначительный срок. Этот приговор вызывал большое сочувствие среди польского населения и озлобление у Николая I. Царь заявил, что суд сам должен быть обвинен в совершении государственного преступления. Однако отменить вынесенный приговор он так и не решился.

В 1829 г., только через 4 года после вступления на русский престол, Николай I совершил обряд коронации на польский престол. В 1830 г., после пятилетнего перерыва, наконец, был созван польский Сейм. Николай I лично открыл его, выступив с тронной речью. На Сейме ярко проявился рост оппозиционных настроений. Депутаты Сейма протестовали против нарушения конституции и уничтожения гласности заседаний Сейма и резко критиковали действия царского правительства. Дело не дошло до решительного столкновения. Но Николай I вернулся в Петербург, недовольный настроениями польского населения.

В это время в Польше уже существовало тайное общество учеников Варшавской школы подхорунжих. Оно организовалось в декабре 1828 г. под руководством инструктора школы Петра Высоцкого. Кроме военных, к обществу примыкало несколько литераторов, студентов и др. Сам Высоцкий придерживался довольно умеренных взглядов. Под его влиянием заговорщики не включили в свой устав требования независимости Польши, а ограничились тем, что члены общества обязывались «соединить все усилия, пожертвовать жизнью, когда в том будет надобность, для защиты

нарушенной конституционной хартии». Общество имело связь с видными польскими деятелями — Чарторыйским, Лелевелем и другими, но они предлагали ничего не предпринимать до созыва Сейма.

В 1830 г. произошли революции во Франции и Бельгии, вызвавшие огромное сочувствие в Польше. На тайных собраниях стали горячо обсуждаться положение Европы и планы возрождения независимой Польши, создались новые подпольные организации, возобновилась деятельность Патриотического общества, возникли студенческие кружки. Росло волнение среди ремесленников. В октябре 1830 г. на стенах варшавских домов были наклеены афиши с надписью: «Да здравствует революция! Да здравствует свобода!» На Бельведерском дворце, где жил Константин Павлович, появилась надпись: «Дворец с нового года сдается внаймы». Русская полиция произвела ряд арестов, но движение не прекращалось.

Царское правительство сосредоточило в это время крупные военные силы на западной границе для интервенции против революции. Слухи о том, что и польские войска будут направлены на борьбу с революцией, возбуждали население. Поляки не хотели участвовать в этом европейском походе.

29 ноября 1830 г. в Варшаве вспыхнуло восстание. Высоцкий вошел в казарму школы подхорунжих и сказал: «Братья, час свободы пробил!» — «Да здравствует Польша!» — раздалось в ответ. Школа подхорунжих выступила из казармы, чтобы разоружить русские части. Другая группа заговорщиков направилась к Бельведерскому дворцу. Константин едва успел удрать из дворца. Произошло кровопролитное столкновение между русскими и польскими солдатами. Разоружить русских солдат не удалось, но, отрезанные друг от друга, русские войска потерпели поражение. Арсенал был захвачен, оружие роздано населению, несколько польских генералов, преданных русскому царю, были убиты. Город оказался в руках восставших.

Однако восставшие не имели ясной цели и программы и не создали правительства. Административный совет Польши, состоявший из крупных польских магнатов, воспользовался этим и взял инициативу в свои руки. Боясь дальнейшего развития народного движения, он обратился к населению с воззванием, в котором призывал к восстановлению порядка и спокойствия и отказу «от увлечений неожиданными и печальными событиями, происшедшими вечером 29 ноября». Административный совет вступил в переговоры с растерявшимся Константином Павловичем, стоявшим в нерешительности с русскими войсками вблизи Варшавы. По настоянию находившихся в Варшаве членов Сейма, несколько членов Административного совета, особенно тесно связанных с царским правительством, ушли в отставку, вместо них пришли новые лица. Во главе армии был поставлен старый польский генерал Хлопицкий, участник восстания под руководством Костюшко и наполеоновских войн. Административный совет заявил, что всеобщим

желанием польского народа является соблюдение конституции 1815 г., восстановление Польши в прежних границах.

Но революционно-демократические слои, совершившие восстание, вовсе не хотели ограничиться соглашением с самодержавием и восстановлением конституции 1815 года.

1 декабря 1830 г. участники тайных кружков и организаторы восстания создали «Патриотический клуб», который стал центром революционно-демократического движения. Во главе его встал знаменитый польский историк Лелевель. Патриотический клуб требовал немедленно прекратить переговоры с Константином и объявить всех польских генералов, не желавших принимать участия в восстании, изменниками.

Огромные толпы вооруженного народа двинулись к городской заставе для освобождения части польских солдат, находившихся под начальством Константина. Попав в тяжелое положение, Константин решил отступить. Он ушел с русскими солдатами в Россию.

3 декабря 1830 г. вместо Административного совета организовалось временное польское правительство, но оно просуществовало всего два дня. Опасаясь дальнейшего усиления народного движения, польская аристократия стремилась во что бы то ни стало сохранить руководство в своих руках. 5 декабря 1830 г. генерал Хлопицкий, опираясь на поддержку войска, объявил себя диктатором. Специальная делегация отправилась в Петербург для того, чтобы добиться от царя конституционных гарантий и амнистии. В письме к Николаю I Хлопицкий уверял, что Польша далека от мысли порвать связи с Россией.

Но переговоры с царским правительством кончились неудачей. Николай I отвергнул требования депутатов и призвал русскую армию к войне с Польшей. 19 января 1831 г. собрался польский сейм, чтобы обсудить создавшееся положение. Сейм объявил свои заседания непрерывными вплоть до окончания войны. Хлопицкий сложил с себя диктаторские полномочия и отказался от командования польской армией. Сейм назначил нового командующего армией — генерала Радзивилла, порвал связи с Россией и объявил Николая I и его семью лишенными права на польский престол. Сейм решил сохранить в Польше конституционную монархию и функции королевской власти поручил национальному правительству. В это правительство вошли представители разных групп. Председателем правительства был Чарторыйский, в числе членов правительства — Лелевель.

Вступая в войну с Россией, Польша хотела заручиться поддержкой иностранных держав, но Австрия и Пруссия вместе с Россией были заинтересованы в совместном грабеже Польши. Они не только не помогли Польше, но, закрыв границы, отрезали ее от связи с западными государствами. Пруссия заключила с Россией соглашение, по которому обязалась выставить на польской границе 60 000-е войско, которое в случае надобности могло бы вторгнуться в Варшаву. Среди французского народа польское восстание встре-

тило огромное сочувствие. В Париже происходили народные демонстрации в защиту Польши. Но Луи-Филипп хотел укрепить во Франции свою династию и стремился всячески избежать столкновений с другими странами. Французское буржуазное правительство ничем не помогло полякам. Английские и французские банкиры отказались предоставить Польше заем. Все дело свелось к тому, что Англия и Франция сделали России представление по польскому вопросу, не давшее, однако, никаких результатов. В борьбе с царизмом Польше оставалось надеяться только на себя.

Силы были неравные. Польская армия значительно возросла. Но она состояла в большинстве из вновь набранных рекрутов и не имела боевой закалки. У поляков нехватало оружия, артиллерии и командного состава. Россия же направила в Польшу 150-тысячную армию, только что участвовавшую в турецкой войне.

В конце января 1831 г. русское войско под командованием Дибича перешло границы и двинулось прямо на Варшаву. Дибич надеялся в течение нескольких недель покончить с восстанием. Однако начавшаяся война затянулась на 7 месяцев. Русские войска встретили упорное сопротивление поляков. Полякам удавалось даже добиваться частичных успехов.

В феврале 1831 г. под Гроховом произошла крупная битва. Здесь сосредоточились главные силы польской армии. Поляки дрались с большим упорством, но они не смогли сдержать натиска русских войск и преградить им путь на Варшаву. Раненый Хлопицкий тщетно пытался повести поляков в новую атаку. Командующий польской армией, престарелый Радзивилл растерялся. Поляки отступили к пражским укреплениям. Но Дибич не воспользовался создавшимся положением. Русская армия понесла тяжелые потери. Снабжение было плохое. Дибич расположил армию на квартирах и приостановил военные действия. Поляки воспользовались бездействием Дибича. В марте и апреле 1831 г. польские войска во главе с новым командующим — генералом Скрыжинецким нанесли ряд поражений русским войскам. Восстание перекинулось в новые районы. Развивалась партизанская война.

Между тем русской армии не удавалось переправиться через Вислу. В ее ряды проникла эпидемия холеры. Николай I был недоволен действиями русской армии. Отставка Дибича была решена, но Дибич внезапно скончался от холеры. Холера не щадила чины и должности. Вслед за Дибичем от холеры умер и бывший властитель Польши — Константин Павлович.

Вместо Дибича командующим русскими войсками был назначен генерал Паскевич. Паскевичу удалось нанести ряд поражений польским войскам. Перейдя Вислу, Паскевич пошел на Варшаву. В связи с неудачами польской армии в самой Варшаве царило огромное возбуждение. Патриотический клуб требовал решительной борьбы с русскими войсками. Толпа народа напала на группу аристократов, обвиненных в предательстве. Многие из них были

убиты и повешены на уличных фонарях Варшавы. Опасаясь расправы, из Варшавы бежал Чарторыйский. Диктатором Варшавы был назначен генерал Круковецкий. Но Круковецкий решил расправиться с левыми демократическими слоями. Патриотический клуб был закрыт. Многие участники августовских волнений были повешены. Вскоре Сейм отстранил от должности диктатора Круковецкого. Власть перешла к Немоевскому и Малаховскому.

Генералы менялись, а положение Варшавы становилось все более безнадежным. 25 августа 1831 г. начался штурм Варшавы. Два дня 70-тысячная русская армия осаждала столицу Польши. Часть польской армии сдалась, большая часть ушла в Австрию и Пруссию. Ряд руководителей эмигрировал за границу. Польское восстание было подавлено.

Польское восстание потерпело поражение по многим причинам. Малочисленная польская армия не могла победить огромные силы царских войск. Польше противостояли также Австрия и Пруссия. Но главное состояло в том, что руководители движения действовали нерешительно, они боялись превращения начавшегося восстания во всенародное. Сейм отказался от первоначального проекта созвать «посполитое рушение», т. е. призвать все население Польши в армию. Он ограничился лишь объявлением рекрутских наборов. Боязнь народа сковывала действия Сейма, защищавшего прежде всего шляхетские интересы. Польская буржуазия была тогда еще слишком слаба и не активна, чтобы играть самостоятельную роль в движении. Она плелась в хвосте шляхты.

Подавляющее большинство польских руководителей представляло польскую шляхту и стояло на узко классовых позициях. Они не могли подняться до общенациональных интересов. Важнейшим вопросом во внутренней жизни Польши был крестьянский вопрос. В дни восстания Сейм его обсуждал. Но результатов от этого обсуждения никаких не было. Не возражая против наделения крестьян государственной землей, шляхта, заседавшая в Сейме, категорически протестовала против какого бы то ни было отчуждения частной земли. Даже теперь, когда решалась судьба Польши, представителей наиболее многочисленного польского населения — крестьян не допустили в Сейм. Если в начале восстания польские крестьяне еще надеялись на улучшение своего положения, то, чем дальше оно шло, тем больше они убеждались, что крестьянам нечего ждать от восстания. Польские крестьяне не восприняли эту войну как свою собственную. Между тем на победу можно было рассчитывать только в том случае, если бы с царской Россией воевала свободная Польша, сбросившая ярмо крепостного гнета. Только разрешив крестьянский вопрос, Польша могла добиться независимости.

Энгельс отмечал, что в 1830 г. господствующий класс Польши оказался эгоистическим, ограниченным и трусливым. Он писал что «...восстание 1830 г. не было ни национальной революцией

(оно исключало три четверти Польши), ни социальной или политической революцией; оно ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция»[1].

Вместе с тем большинство руководителей польского восстания стояло на узко-националистической точке зрения. Правда, некоторые из них, выступая против царизма, приветствовали передовых русских людей, боровшихся с тем же царизмом в России. В день, когда Сейм объявил о низложении Николая I с польского престола, Польское патриотическое общество устроило в Варшаве демонстрацию в честь декабристов. Однако и у наиболее радикальных польских руководителей дальше проявления такой общей солидарности дело не шло. Польское патриотическое общество не понимало необходимости установления самого тесного контакта с русским освободительным движением. Оно не рассматривало себя как часть этого движения. Большинство же польских руководителей свою ненависть к царизму переносили на Россию. Это изолировало польское освободительное движение от русского, препятствовало его победе и было наруку самодержавию.

Узко-националистический характер польского движения сказался и на его программе. Почти все руководители движения упрямо настаивали на восстановлении Польши в границах 1772 г., со включением в нее Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины. Стремясь освободить от угнетения польский народ, они хотели восстановить свои права на угнетение других народов. Такое стремление не могло сблизить поляков с русскими, литовцами, белоруссами, украинцами. Это было одной из причин изоляции поляков в 1830—1831 годах.

Но, несмотря на все это, польское восстание 1830—1831 гг. имело прогрессивное значение. Оно отвлекло на себя силы царской армии, готовящейся к интервенции против революций, совершившихся в то время в Европе. Оно наносило удары царизму, бывшему тогда одним из важнейших оплотов европейской реакции. В обстановке тогдашней Европы «...клич: «Да здравствует Польша!» означает сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии...»[2].

Подавив восстание 1830—1831 гг., царское правительство ликвидировало польскую конституцию 1815 г. и обнародовало вместо нее так называемый Органический статут. Царство Польское формально сохранялось, но оно объявлялось «неотъемлемой частью империи». Коронация русских императоров на польский престол отменялась. Польский Сейм был уничтожен. Вместо него должно было собираться «Собрание провинциальных чинов», которому предоставлялось право «подавать советы». Непосредственное управление Польшей возлагалось на Административный совет, во главе которого стоял наместник императора. Варшавский уни-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 265.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 548.

верситет был закрыт. Одновременно начались преследования католической церкви и насаждение православной религии. Многие монастыри были закрыты, а имения католической церкви были отданы казне. В Польше установилась жестокая цензура. Был затруднен выезд полякам за границу.

Еще более тяжелый гнет испытывали поляки, оставшиеся под властью Пруссии и Австрии. В этих странах не было предоставлено полякам никакой автономии, усиленно проводилось онемечивание населения и захват польских земель немецкими помещиками. В прусской и австрийской части Польши польский народ был настолько задавлен чужеземным игом, что не мог подняться на серьезную организованную борьбу. Но польское освободительное движение, возникшее в России, грозило переброситься и туда. Это объединяло все три монархии — Прусскую, Австрийскую и Российскую на борьбу с общим врагом.

Особыми договорами, заключенными в 1833 г. в Мюнхенгреце и Берлине, эти три страны взаимно гарантировали «спокойное и мирное владение польскими провинциями». Каждая из них должна была держать достаточное количество войск, чтобы помогать друг другу в случае возникновения мятежа в одной из польских провинций, подчинить особому надзору всех лиц, участвовавших в польских восстаниях, запретить на своей территории образование патриотических обществ и тому подобных организаций, а также выдавать друг другу политических преступников.

Особое значение имел вопрос о Кракове. Со времени Венского конгресса Краков существовал как вольный город. Эта единственно независимая часть Польши была центром национальной польской культуры и убежищем политических эмигрантов. Здесь готовились восстания против иноземного владычества в Польше. Договором 1833 г. все три державы обязались принимать меры к тому, чтобы Краков не нарушил их спокойствия и безопасности, и решили в случае необходимости «приступить немедленно к военному занятию вольного города и его территорий». Первый раз они сделали это в 1836 г., второй и последний раз — в 1846 г., когда в Кракове образовалось национальное правительство Польской республики. В 1846 г. союзники лишили Польшу последнего клочка независимой территории. Вольный город Краков был присоединен к Австрии.

Освободительная борьба польского народа находила свое отражение в польской литературе. Правда, как и в польском общественном движении, в литературе господствовало узко-националистическое направление, не признающее совместной борьбы польского народа с другими народами и ведущее его по пути обособленности и изоляции. Но было и другое, хотя слабое и неоформленное направление, которое стремилось добиться свободной независимой Польши в тесном союзе с другими народами и прежде всего в союзе с русским народом.

Большое влияние на передовую польскую молодежь того времени оказал Иохим Лелевель, о котором мы уже говорили в связи

с польским восстанием 1830—1831 годов. Лелевель и его школа призывали осознать национальные задачи народа, отыскав в его прошлом те особенные и своеобразные черты, которых нет у других народов. Он считал, что каждая народность имеет именно ей присущие начала, осуществить которые — высшая цель жизни. Но при этом передовому польскому ученому была чужда национальная исключительность. Лелевель говорил своим ученикам, что солнце истины не знает ни востока, ни запада, а оно охотно дает день всем племенам и всякому отечеству. Эти идеи сыграли значительную роль в формировании взглядов польской молодежи и в частности в мировоззрении великого польского поэта Адама Мицкевича.

Мицкевич вышел из среды мелких помещиков, вращался в крестьянской среде и уже с юношеских лет проникся сочувствием к трудовому народу и идеями борьбы за независимую Польшу. Мицкевич учился в Виленском университете, а затем учительствовал в Ковно. Это был ранний и вместе с тем плодотворный период его поэтической деятельности. Мицкевич вступил в тайное общество «Филаматов», ставивших себе целью через распространение просвещения поднять нравственность и национальное самосознание польского народа. «Отчизна, наука, добродетель», — такова цель молодых патриотов. Но Мицкевич признавал и другие средства. В оде «К юности» он писал: «Хоть насилие и слабость тормозят восхождение, но ответом на насилие должно быть насилие, а слабость, пока молоды, должны изживать... Кто, быв ребенком, в колыбели еще обезглавил гидру, тот, возмужав, задавит кентавров, исторгнет жертвы у ада, взойдет на небо за лаврами. О юность! орлина сила твоего полета и молниеносна твоя рука».

В 1823 г. Мицкевич был арестован за принадлежность к польским тайным обществам и выслан в Россию. Мицкевич был в Петербурге, в Москве, в Крыму. Он познакомился с передовыми людьми России, подружился с Рылеевым, Бестужевым и другими декабристами, а также с Пушкиным, Оболенским, Жуковским, Вяземским и другими деятелями русской литературы. Мицкевич понял, что есть две России — Россия Александра I и Новосильцева и Россия Рылеева и Пушкина. И если против царской России надо вести борьбу, то с Россией Рылеева и Пушкина Польша должна итти вместе, чтобы добиться свободы. Мицкевич воспринял великий лозунг, объединивший лучших людей Польши и России: «За вашу свободу и нашу». Пушкин впоследствии отмечал, что, живя среди русского народа, Мицкевич не питал вражды к нему.

«Нередко он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся».

В 1829 г. Мицкевич, благодаря поддержке русских друзей, получил разрешение уехать за границу. Он был в Италии, когда произошло восстание 1830 года. Мицкевич не ждал восстания и

не надеялся на его успех, но в конце концов решил, что в час решающей битвы он должен быть вместе со своим народом. Однако Мицкевич прибыл к границе, когда переход ее был невозможен. Восстание было подавлено. Мицкевич решил разделить судьбу изгнанника с теми, кто участвовал в борьбе. Он поселился среди польских эмигрантов в Дрездене, а затем в Париже. Там он написал послание «Друзьям в России», в котором посылал им «чувства любви и внимания»». «Где вы теперь?»

«Рылеев, которого братски я принял в объятья,
Жестокою казнью казнен по цареву веленью.
Бестужев, который как друг мне протягивал руку,
Тот воин, которому жребий поэта дарован,
В сибирский рудник обреченный на долгую муку,
С поляками вместе он сослан и к тачке прикован».

Мицкевич писал: «Гневом палящим полно мое горькое слово. В нем слезы отчизны кровавым потоком нахлынут. И пусть прожигают... не вас, а лишь ваши оковы».

«О пусть эта песнь из страны, где свободны народы,
До вас донесется на льдистые ваши равнины,
Да будет она провозвестницей вашей свободы,
Как вестником вешней поры — перелет журавлиный».

Мицкевич не понял, однако, необходимости заключить тесный союз с передовыми людьми России для совместной борьбы. После поражения восстания 1830—1831 гг. он подпал под сильное влияние национализма и мистицизма. Мицкевич участвовал в польском религиозном Обществе соединенных братьев, которое стремилось восстановить Польшу в том виде, как она существовала до разделов. Он верил в особую миссию польского народа и придавал решающее значение католической религии. Но, несмотря на это, Мицкевич выступал против узкого «национального эгоизма», характерного для большинства польской эмиграции. Он заявлял, что «кто говорит об интересах только одного народа — тот враг свободы», искал выхода в солидарности и братстве угнетенных народов и верил в то, что дело европейской свободы восторжествует. Мицкевич предлагал не спорить о будущих границах Польши, ибо ко дню ее свободы «все гавани, моря и земли станут наследием всех свободных народов». В «Книге польского народа» он проповедывал идеи христианского социализма. «Все люди — родные братья, — писал Мицкевич. — Тот выше других, кто им служит и кто жертвует собой для их блага». Он огорчался тем, что люди разных классов и наций не понимают друг друга.

В дни революции 1848 г. Мицкевич пытался создать польские легионы, а после ее подавления стал надеяться на освобождение Польши с помощью Наполеона III. Эти надежды были напрасны. Польский народ мог добиться освобождения в совместной борьбе с русскими и другими славянскими народами, в тесном союзе с

теми передовыми русскими людьми, которые подняли знамя борьбы с самодержавием и любовь и уважение к которым пронес Мицкевич сквозь всю свою сложную кипучую жизнь.

Украина

После разделов Польши в состав России вошла Правобережная Украина. Подавляющее большинство украинского народа оказалось, таким образом, под властью царской России. Вхождение в состав России создало условия для национального возрождения украинского народа. Тяжелый национальный и религиозный гнет польских панов был уничтожен. Присоединившись к братскому русскому народу, украинский народ вышел на широкую дорогу прогрессивного развития.

Присоединение к России вовлекло Украину в оживленные торговые связи и подняло ее производительные силы. Украина установила тесные экономические связи с другими частями Российской империи и превратилась в часть единого всероссийского рынка. Она сделалась важной базой сельскохозяйственного сырья и рынком сбыта русских фабричных изделий. Обороты украинских ярмарок непрерывно увеличивались, а такие ярмарки, как Харьковская, Полтавская, Роменская и Контрактовая (в Киеве) приобрели большое всероссийское значение. Одновременно перед Украиной открылся широкий внешний рынок. Через порты Черного и Азовского морей усиленно вывозился хлеб в Грецию, Италию, Турцию, Австрию, Францию и другие страны. Вывоз через эти порты составлял, примерно, половину всего общероссийского хлебного вывоза.

Рост внутреннего и внешнего рынка приводил к усилению товарности сельского хозяйства. Но сельское хозяйство Украины продолжало оставаться крепостническим. На Левобережной и степной Украине господствовали попрежнему русские и отчасти украинские помещики, на Правобережной Украине власть полностью сохранилась за польскими панами. Стремясь повысить доходность и своих хозяйств и выбросить как можно больше сельскохозяйственных продуктов на рынок, русские, польские и украинские помещики еще больше усиливали крепостническую эксплоатацию крестьянства. Они расширяли собственные запашки и увеличивали барщину. Это часто приводило к полному обезземеливанию крестьянства. Число крестьян, лишенных земли и работающих на помещиков за натуральную плату, так называемых месячников, непрерывно увеличивалось. В конце второй четверти XIX в. в Екатеринославской губернии месячники составили 12,4 проц. общего числа крестьян, в Харьковской губернии — 11,3 процента. В Киевской губернии количество обезземеленных крестьян доходило до 30 процентов. Но и крестьянство, имевшее свои наделы, подавляющую часть времени работало на помещика. Барщина была пре-

обладающей формой эксплоатации украинских крестьян. Она доходила до 5—6 дней в неделю.

Мировая хлебная конъюнктура часто менялась. Конкуренция дешевого американского хлеба и развитие капиталистического сельского хозяйства в Европе затрудняли экспорт хлеба за границу и приводили к снижению хлебных цен. Помещики Украины, как и всей России, пытались найти выход из частых аграрных кризисов и обеспечить свои позиции на мировом хлебном рынке. Они делали попытки поднять урожайность сельского хозяйства, применить более совершенную агротехнику, машины и пр. Но так же, как в России, эти опыты кончались неудачей вследствие сохранения крепостнической основы земледелия.

Вместе с тем помещики Украины в первой половине XIX в. стали усиленно развивать другие отрасли сельского хозяйства. Вследствие свободной продажи вина, на Украине быстро росло винокурение. В 40-х годах XIX в. в Киевской губернии насчитывалось 372 водочных завода с 3 500 рабочими. Ежегодная стоимость их продукции превышала $1^1/_2$ млн. рублей серебром. Во второй четверти XIX в. на Украине стало быстро развиваться овцеводство, и она стала почти полностью удовлетворять не только собственный спрос на шерсть, но спрос, предъявляемый Центральной Россией и Белоруссией. Широко внедрялись культуры льна и свеклы. Особенно быстро развивалась свеклосахарная промышленность. В 1827 г. на Украине был основан первый сахарный завод. К началу 60-х годов сахарных заводов на Украине насчитывалось 255. Таким образом, несмотря на господство крепостного строя, отдельные отрасли сельского хозяйства Украины быстро развивались.

Некоторое развитие получила в это время и украинская промышленность. В 1825 г. на Украине существовало 649 предприятий. В 1850 г. их стало 1 655 (вместе с свеклосахарными заводами). До 40-х годов XIX в. на Украине преобладали вотчинные мануфактуры, главным образом суконные, полотняные, свечные, кожевенные, канатные, мыловаренные, шляпные. Число вольнонаемных рабочих составляло 22,5 проц. общего числа промышленных рабочих. Начиная с 40-х годов купеческая фабрика стала все больше вытеснять вотчинную мануфактуру. В 1851 г. на Киевщине работало 15 купеческих суконных фабрик с годовой продукцией в 688,5 тыс. рублей. В первой четверти XIX в. на Украине были открыты залежи каменного угля и железной руды. Это сыграло огромную роль в дальнейшем экономическом развитии Украины. Но в то время разработка угольных и железорудных запасов не приняла еще промышленного характера. Украина оставалась аграрной страной. Городское население составляло лишь 4—5 проц. общего количества населения.

В первой половине XIX в. на Украине широко развернулась борьба крестьян против крепостничества. Крестьянские волнения были вызваны жестоким крепостническим гнетом и произволом

со стороны помещиков, большой подушной податью, тяжелыми рекрутскими наборами и т. п. Множество украинских крестьян не признавали себя крепостными и отказывались подчиняться распоряжениям помещиков. В 1809—1813 гг. на этой почве произошел ряд волнений в Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях. В 1818 г. в Полтавской губернии крестьяне помещика Кирьянова отказались подчиниться его распоряжению о переселении в Херсонскую губернию и, вооружившись копьями, секирами и пиками, убили волостного урядника и ранили 8 понятых. В 1826 г., после подавления восстания декабристов, крупное крестьянское движение было в Киевской губернии. Крестьяне делили имущество помещиков и объявляли себя свободными от барщины. Крестьянские волнения имели место также в Харьковской, Полтавской и других губерниях Украины. На Подолье развернулось крестьянское движение под руководством украинского крепостного крестьянина Устина Кармелюка.

Крепостной Кармелюк, отданный в 1812 г. помещиком в солдаты, бежал с солдатской службы и, вернувшись на родину, встал во главе крестьянского движения. Почти четверть века, с 1812 г. по 1835 г., Кармелюк держал в непрерывной тревоге богачей Подолья. Кармелюк убеждал крестьян «не слушать панов, не работать на них, перестать быть скотом, несущим покорно ярмо». Его отряды, составленные из беглых крестьян и солдат, вырастали как из-под земли. Они громили имения польских панов и сельских богатеев Подолья. Подольский губернатор сообщал, что движение Кармелюка трудно ликвидировать, потому что крестьяне действуют вместе с ним. В 1831 г. по делу о поддержке Кармелюка в 22 селах было привлечено к судебной ответственности 405 крестьян.

Кармелюка преследовали. Он неоднократно попадал в руки царских властей. Его били кнутом и плетьми, наказывали шпицрутенами, присуждали к вечной каторге, к работе на рудниках, к смертной казни. Несколько месяцев сидел он прикованный к столбу с оковами на ногах. Клеймо преступника выжгли ему на лбу. Но Кармелюк был неутомим. Семь раз бежал он из ссылки и снова появлялся в родных местах, наводя страх на богачей и помогая бедноте. Только в 1835 г. польский шляхтич выдал Кармелюка и он был повешен. Народ сохранил светлую память о Кармелюке. О нем поются песни и рассказываются предания и легенды. Вспоминают о его бескорыстии, его честности и мужестве, о его любви к угнетенному народу.

Другой крепостной крестьянин — Семен Олейничук бежал от помещика, получил образование и под чужим именем учительствовал. Он был арестован в 1849 г. за составление воззвания против крепостного права. Олейничук писал в воззвании о крайне тягостном положении украинских крестьян. Царское правительство нашло, что мысли Олейничука могут «вредно действовать на умы простого народа». Он был заточен в Шлиссельбургскую крепость.

В первой половине XIX в. на Украине развернулась широкая борьба не только против социального, но и против национального гнета. Разобщение украинского народа не было тогда ликвидировано полностью. Часть украинской земли (так называемая Галиция) в результате разделов Польши оказалась под игом Австрии. Украинцы испытывали здесь особенно тяжелый гнет. Национально-культурная жизнь замерла. Украинские книги не издавались. Польский язык господствовал. Даже духовенство не пользовалось родным языком. Подавляющее большинство украинского народа было объединено под властью царской России. Здесь также был тяжелый национальный гнет. Но все же в России условия для национального развития украинского народа были гораздо благоприятнее. Несмотря на преследования царизма, среди украинского народа, вошедшего в состав России, неуклонно росло национальное самосознание и поднималось национальное движение. Именно здесь, в связи с развитием экономических связей и вовлечением Украины в русло капитализма складывалась украинская нация.

Пробуждению и развитию украинского национального самосознания содействовала научно-культурная работа, развернувшаяся вокруг основанного в 1805 г. Харьковского университета, первого университета на юге России. Здесь собралось немало передовых ученых и писателей, взявшихся за разработку вопросов украинской литературы, истории, этнографии. Впоследствии центром литературной, научной жизни Украины стал Киевский университет, образованный в 1834 году.

В первой половине XIX в. на Украине особенно возрос интерес к развитию народного языка и народного творчества, к памятникам народной поэзии. Песни, думы, сказания с любовью записывались, собирались и печатались на страницах журналов и сборников. Научным изучением украинского фольклора занимались крупные ученые — Бодянский, Срезневский, Максимович, Костомаров, Метлинский. Первое издание украинских народных песен вышло в 1819 году. Вслед за тем сборник украинских и казачьих народных песен издал Максимович. Самый выдающийся по точности и количеству записей сборник народных песен издал в 1854 г. профессор Амвросий Метлинский.

Такой же большой интерес проявлялся к истории украинского народа. Украинские поэты и писатели избирали темами своих поэм и рассказов прошлое Украины. Казацкая старина стала предметом увлечения писателей, поэтов, ученых и воскресла в их произведениях. Правда, она представлялась обычно в неверном, идеализированном виде. Но ее изучение будило национальное сознание украинского народа и подтверждало его самобытность. «Самобытность, — заявлял Максимович, — непременно должна быть уделом народа, который хочет жить плодотворной жизнью и оставить наследие грядущим поколениям».

Основателем самобытной украинской литературы явился выходец из обедневших полтавских дворян Иван Петрович Котляревс-

ский. Он учился в Полтавской духовной семинарии, был учителем, служил на военной и гражданской службе, а затем стал надзирателем воспитательного дома в Полтаве. Котляревский живо интересовался народной жизнью, и хотя его крупнейшее поэтическое произведение — «Энеида» — являлось подражанием одноименной поэме римского поэта Вергилия, Котляревский глубоко и метко отобразил в ней картины подлинно народной украинской жизни. Используя мифологические образы, он остроумно высмеял в своей поэме дворянство и чиновничество, поместив в ад десятских, сотских, писарей, исправников, стряпчих, судей, господ, бургомистров, шляхту, попов за то, что они «не давали людям льготы» и «ставили их за скотов».

Поэма Котляревского проникнута сочувствием к угнетенному украинскому крестьянству, страдавшему на панщине. В 1818—1820 гг. Котляревский написал две пьесы, заложившие основы нового украинского театра: «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чаривник». «Наталка-Полтавка» — тонкое художественное произведение, ярко изображающее украинскую народную жизнь конца XVIII в., полное любви к народу. И недаром она до сих пор идет на сцене и пользуется огромным успехом у публики. Котляревский был первым писателем, который заговорил на народном украинском языке. Он обнаружил красоту украинского слова и придал ему определенную форму. Это дало огромный толчок дальнейшему развитию украинской художественной литературы. Тарас Шевченко писал своему выдающемуся предшественнику:

«Будешь ты владеть сердцами,
Пока живы люди;
Пока солнце не померкнет,
Тебя не забудем!»

Котляревский имел талантливых продолжателей, которые тоже писали на украинском языке и черпали темы из народной жизни.

В их числе был сын священника из Киевской губернии Гулак-Артемовский — магистр, а затем и ректор Харьковского университета. Он написал немного, но его произведения обогатили украинскую литературу новыми формами (послание, сатира, басня, баллада) и придали украинскому языку новую силу и яркость. В лучшей своей басне «Пан та собака» под видом несчастной жизни дворовой собаки П. П. Гулак-Артемовский изобразил тяжелую долю украинского крепостного крестьянина. Это было смелым обличением крепостного права.

Более широкую литературную и вместе с тем культурно-просветительную деятельность развернул другой украинский писатель — Г. Ф. Квитка-Основьяненко (1778—1843 гг.). Работая председателем Харьковской уголовной палаты и предводителем дворянства, Квитка был одним из инициаторов открытия в Харькове кадетского корпуса и Публичной библиотеки и издания журнала «Украинский вестник», на страницах которого обсуждались вопросы украинской жизни и печатались произведения украинской лите-

ратуры. Сам Квитка писал и печатался и на русском и на украинском языках. В своих многочисленных рассказах, повестях, пьесах Квитка выступил как «живописец народной жизни», обладающий большим художественным талантом. Особенно большое значение имели повести этого писателя, в частности «Маруся» и «Сердечная Оксана», в которых даны яркие образы украинских девушек.

Правда, сочувствуя народу, Квитка не поднял своего голоса против крепостного права, а в своих обращениях к крестьянству («Листы для селян») проповедывал рабскую покорность господину. Но несмотря на это, его роль в народной украинской литературе велика. Если Котляревский явился основоположником новой украинской драматургии, то Квитка был основоположником украинской художественной прозы, создателем украинской повести.

Украинская литература первой половины XIX в. знает и других писателей, отразивших общий подъем национального самосознания народа. Макаровский написал в это время поэму «Наталья», в которой прославлял трудовую сельскую жизнь. Л. Боровиковский, владея чистым народным языком, писал тогда украинские басни и переделывал на украинский лад басни Крылова. На том же поприще сочинения украинских басен ярко проявил свой сатирический талант Гребинка. К. Думитрашко написал комическую поэму «Борьба мышей с жабами», в которой в иносказательной форме изобразил борьбу поляков и казаков.

Но каково бы ни было значение всех этих писателей в украинской литературе первой половины XIX в., да и всего последующего периода, на первом месте стоит мощная фигура славного сына украинского народа, бывшего крепостного крестьянина — Тараса Григорьевича Шевченко. Едва ли на долю кого-либо из великих поэтов выпала такая тяжелая участь, какая выпала Тарасу Шевченко. Он рано осиротел и узнал суровую жизнь, полную непосильного труда и лишений. До 24-летнего возраста Шевченко был крепостным. Жуковский и Брюллов помогли ему освободиться от крепостной неволи. Но после девяти лет свободы приходят десять лет тяжелой ссылки в качестве солдата в знойных закаспийских степях. И, наконец, последние четыре года жизни — новый арест и запрещение жить на Украине, надзор жандармов, преследование шевченковского «Кобзаря», слабое здоровье, подорванное ссылкой... Шевченко умер 47 лет — в феврале 1861 года.

Тяжелы были кары самодержавия, но они не могли сломить мужества Тараса Шевченко. Он был не только великим поэтом, но и великим борцом.

За что же боролся Шевченко? Прежде всего за свободу украинского народа. Все творчество, вся жизнь его согрета пламенной любовью к украинскому народу:

«Я так, я так ее люблю,
Украину, мой край убогий,
Что прокляну святого бога
И душу за нее сгублю!»

Вместе с тем поэзия Шевченко носит яркий социальный характер. Все симпатии великого украинского поэта были на стороне бедных людей, на стороне закрепощенного крестьянства. Его творчество пронизано жгучей ненавистью к крепостному праву, к помещикам, к самодержавию. Как верный сын народа, он с гордостью носил кличку: «мужицкий поэт». В ранних стихах Шевченко призывал свои думы итти на Украину к бедным людям:

«Там любовь найдете, думы;
Там вас приласкают;
Там и правда!»

И этому призыву он остался верен до конца жизни. Незадолго до смерти Шевченко писал: «Возвеличу рабов бездольных и немых и на стороже подле них поставлю слово». Яркими красками Шевченко рисовал тяжелую жизнь народа, ужасы крепостного права, страдания и гибель крепостной женщины, произвол и гнет панов-помещиков. Горячо негодуя против крепостной неволи, Шевченко писал по адресу угнетателей:

«Вы, разбойники и воры,
Жадная орава!
По какому вы людскому,
Божескому праву
И землей, от века общей,
И людьми живыми
Торгуете? Берегитесь,
Встретитесь вы с ними!»

Шевченко решительно выступал против царизма. Его поэма «Сон» представляла собой бичующую сатиру на царскую монархию и на всю систему самодержавно-бюрократической власти. Он изображал в этой поэме гнет и бесправие народа и привольную жизнь его палачей. Шевченко призывал народ освободиться от самодержавия:

«О, люди бедные земные!
Зачем же нужны вам цари?
Зачем же нужны вам псари?
Ведь люди вы, а не борзые!»

В поэмах «Гайдамаки», «Тарасова ночь», «Иван Подкова» и других Шевченко воспевал героическое прошлое украинского народа. Он изображал в них крупнейшие крестьянские восстания на Украине, направленные против панов-помещиков, борьбу казачества за свободу во времена Запорожской Сечи. В этих движениях Шевченко находил образцы самоотверженной борьбы с угнетателями.

Но Шевченко не замкнулся в узко-национальную скорлупу, а, решительно борясь против национальной ограниченности, понимал необходимость сближения между народами. Шевченко был другом Чернышевского и других руководителей передовой русской демократии. Он преклонялся перед памятью декабристов,

называл их «первыми русскими благовестителями свободы», «первозванными нашими апостолами», благославлял «апостола нашего, одинокого изгнанника Герцена», благоговел перед Салтыковым-Щедриным. Шевченко с одинаковым чувством воспевал мужество чешского народа и приветствовал борьбу кавказских горцев.

Шевченко призывал своих земляков усваивать все полезное у других народов:

«И чужому научайтесь,
И свое познайте».

В отличие от других украинских писателей он призывал украинский народ, и прежде всего крестьянство, не к смирению и покорности, а к решительной, вооруженной борьбе. Он верил в то, что Украина вновь восстанет в ответ на гнет царя и помещика, и предвещал приход народного восстания. Неизбежность этого восстания Шевченко выразил и в своем знаменитом «Завещании»:

«Схоронив меня, вставайте,
Цепи разорвите,
И злодейской вражьей кровью
Волю окропите!».

Творчество Шевченко имело огромное значение для революционного и национально-освободительного движения на Украине и во всей России. Его стихи были пламенным призывом, поднимавшим на борьбу народные массы. Они читались и пелись в городах и селах Украины, на базарах и ярмарках.

Характерно, что петрашевцы знали о влиянии стихов Шевченко на Украине. Сам Петрашевский указывал, что «сочинения Шевченко разошлись в том краю во множестве и были причиной сильного волнения умов, вследствие которого и теперь Украина находится в брожении». Агент Третьего отделения Липранди доносил своему начальству, что на собраниях петрашевцев говорилось, что умы на Украине находятся «в брожении от семян, брошенных сочинениями Шевченко».

Но Шевченко не ограничился только призывами в поэзии. В 1845—1847 гг. он развернул большую пропагандистскую деятельность на Украине. Великий украинский поэт выполнял тогда поручение Киевской археографической комиссии по снятию снимков с памятников старины и собиранию народных песен и разъезжал по Киевской, Полтавской и Волынской губерниям. Он проводил во время этих поездок многочисленные беседы с крестьянами. По свидетельству современников, Шевченко говорил крестьянам, что скоро не останется на Украине «следу паньского», читал свои стихи и призывал к массовым выступлениям. В это время Шевченко поддерживал некоторую связь с петрашевцами. Петрашевец Момбелли сообщал, что никто не знает плана украинских патриотов, но некоторые говорят, что они хотят возбудить Украину к восстанию. Момбелли связывал эти планы с именем Шевченко, с которым был знаком с 1843 г. Однако тесных связей между Шев-

ченко и кружком петрашевцев, собиравшимся в Петербурге, все же не было.

На Украине Шевченко вступил в члены Кирилло-Мефодиевского общества. Это общество существовало с января 1846 г. в Киеве. Его организатором был известный историк и общественный деятель. Н. И. Костомаров. Костомаров с ранних лет начал интересоваться украинской историей, литературой, народным творчеством. Впоследствии, когда Костомаров стал читать лекции по истории в Киевском университете, около него сгруппировалась та молодежь, которая явилась ядром Кирилло-Мефодиевского общества. Это были выходцы из среды дворян, интеллигенции, мещан и крестьян. Они были воодушевлены идеей борьбы за освобождение украинского народа и соединение всех славянских племен. Стихи Шевченко сыграли большую роль в формировании их взглядов. Деятельным участником общества явился и сам Шевченко. Как пишет Костомаров, Шевченко с радостью согласился примкнуть к обществу и «отнесся к его идеям с большим задором и крайней нетерпимостью».

Какая же программа была у Кирилло-Мефодиевского общества? Сохранилось три основных документа общества: Учредительная записка, Устав, «Книга бытия украинского народа». Из всех этих документов особенное значение имеет «Книга бытия», составленная в последний период деятельности общества. «Книга бытия» была написана Костомаровым, позаимствовавшим форму изложения у А. Мицкевича, выпустившего «Книгу польского народа». В своих документах кирилло-мефодиевцы противопоставляли современному положению украинского народа его прошлое. В украинском казачестве они видели носителя вольности и братства: «и были казаки между собою все равны». Царизм и помещики подавили казацкую вольницу и уничтожили казачество, но оно не погибло, надо только — считали члены Кирилло-Мефодиевского общества — просветить народ евангельскими идеями равенства и братства. Эта идея равенства и братства, окрашенная в религиозные тона, проповедуется во всех документах общества. Вот как кирилло-мефодиевцы определяют свою основную цель: «Славянский союз, всеобщее равенство, братство, мир и любовь господа нашего Иисуса Христа». Они заявляют, что надо, чтобы «вера Христова была основанием законодательства и общественного порядка в целом союзе и каждой республике».

«Книга бытия украинского народа» изображает всю историю человечества с точки зрения осуществления религиозных идеалов. Человечество забыло бога, создало себе новых богов — царей. Вот почему наступили «горе, нищета, болезнь, бедствия и несогласия». Кирилло-мефодиевцы утверждали, что в прошлом не было ни царей, ни господ и люди поклонялись одному царю — богу. Нарушение равенства есть отступление от бога. По евангелию «господа должны освободить рабов и сделать их братьями, а богатые должны наделять нищих, а нищие стали бы тоже богатыми».

Идеи такого христианского социализма сочетались у кирилло-мефодиевцев с стремлением освободить Украину и объединить славянские народы. В ужасном положении находится Украина: «права ее забыты, и теперь не как сестра единородного народа, а как раба, она должна сносить все, что есть горестнейшего в жизни народа». Но кирилло-мефодиевцы считали, что невозможно добиться свободы для одного украинского народа.

Они надеялись, что украинский народ в его борьбе за освобождение поддержат другие славянские народы. Кирилло-мефодиевцы отмечали, что больше всего страданий и притеснений испытывают славянские народы. «И восстанет славянщина и не останется ни царя, ни царевича, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни барина, ни крестьянина, ни холопа ни в Великой России, ни в Польше, ни на Украине, ни в Чехии, ни у хорватов, ни у сербов, ни у болгар». Кирилло-мефодиевцы заявляли, что, только соединившись в единую семью, славянские народы восстановят свои права. Цель своего общества они видели в том, чтобы «возвратить славянским народам их самостоятельность и нравственную свободу». «Эта свобода достижима для нас и других покоренных народов только при соединении славян в одно государство». Кирилло-Мефодиевское общество хотело создать единое славянское федеративное государство — Славянские Соединенные Штаты, в которых каждый славянский народ получил бы свою автономию.

Особую миссию славянских народов кирилло-мефодиевцы видели в том, что, объединившись, они принесут миру то, чего не дали другие народы, — свободу и равенство. В будущей славянской федерации предполагалось уничтожить всякие привилегии, крепостное право, смертную казнь и телесные наказания. Во всех частях славянской федерации должны были действовать одинаковые основные законы и права и провозглашено равенство веса, меры и монеты, отсутствие таможен и свобода торговли. Во главе государства должна была быть единая централизованная власть — сейм и президент. Их ведению подлежали внешние сношения, регулярные войска и флот, создаваемые для защиты федерации от внешних врагов. Во внутренних делах каждому славянскому штату предоставлялась полная самостоятельность. В каждом штате избирались свой сейм и свой президент. Каждый славянский народ должен иметь свой язык, свою литературу.

Кирилло-Мефодиевское общество составило два воззвания; «К украинцам» и «К великороссам и полякам». В этих воззваниях предлагалось создать славянскую республику, в которой каждый народ сохранил бы свой язык, литературу, общественное устройство. Великороссы и поляки призывались поддерживать украинский народ.

Кирилло-Мефодиевское общество стремилось распространять свои идеи прежде всего посредством пропаганды, воспитания юношества, литературы. Оно назвало своими покровителями «святых

просветителей Кирилла и Мефодия». Но далеко не все члены общества хотели ограничиться такой деятельностью. В обществе явственно наметились два крыла. Одно крыло, к которому примыкал Т. Г. Шевченко, боролось за революционные пути социального и национального освобождения украинского народа. В доносе, который был подан на общество, описывалось, как на одном из собраний в присутствии Костомарова, Шевченко и других Н. И. Савич доказывал необходимость организовать переворот, уничтожить монархию в России и ввести общеславянское народное правление. Он призывал к организации восстания против властей и считал, что в случае необходимости нужно будет уничтожить всю царскую фамилию. Впоследствии на одном из допросов Костомаров заявил, что Савич был «помешан на французском коммунизме и считал возможным, что общество человеческое дойдет до того, что все будет общим».

Судя по данным судебного следствия, к этому же крылу примыкали Н. И. Гулак, Навроцкий и др. Гулак предлагал проводить путешествия по деревням для сближения с крестьянами и распространения между ними идеи о народном правлении. Как говорилось в одном донесении, Гулак обнаруживал прямо революционные намерения, предполагал соединить славянские племена и ввести в них народное правление путем «возбуждения русского народа и славян к восстанию против верховных властей». А вот что говорили о члене общества Посяде: «Дворян он ненавидел... ненавидел монархизм... больше выявлял желания облагородить жизнь простого народа, чем восстановить Малороссию».

В противоположность этому крылу Костомаров, Белозерский, Кулиш и другие питали надежду на то, что сами «просвещенные помещики» дадут освобождение крестьянам. Они хотели действовать мирным, легальным путем, путем развертывания культурно-просветительной деятельности. Они подчеркивали необходимость делать все в духе «кротости и миролюбия». Кирилло-Мефодиевское общество не успело развернуть широкой деятельности. Оно просуществовало недолго. В марте 1847 г. по доносу предателей члены общества были арестованы.

Костомаров и Кулиш вели себя трусливо и клялись в преданности царизму. Им были вынесены умеренные приговоры. После тюремного заключения они были высланы: один в Саратов, другой — в Тулу. Совершенно иначе царизм расправился с Шевченко. Главным обвинением против Шевченко были его стихи и рисунки. Третье отделение писало, что «в них говорится о страданиях, о пролитой крови, цепях, кнуте, о Сибири и прочем; они исполнены ненависти к правительству и, вероятно, сочинены с той же целью посеять неудовольствие к властям в народе». Большая же часть рисунков «составляли карикатуры на особ императорской фамилии». По личному распоряжению Николая I Шевченко был сослан рядовым солдатом с запрещением «писать и рисовать». Шевченко писал в своем дневнике: «Если бы я был изверг, кровопийца, то и

тогда для меня удачней казни нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный Оренбургский корпус солдатом. Вот где причина моих невыразимых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнять благороднейшую часть моего бедного существования! Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого нечеловеческого приговора! А бездушные исполнители приговора исполнили его с возмутительной точностью».

Народы Закавказья

В первой половине XIX в. в жизни народов Закавказья произошли крупные перемены. Включение Закавказья в состав России освободило от персидского ига массы армянского и азербайджанского населения и устранило угрозу турецко-персидского порабощения для Грузии. Грузинский поэт Николай Бараташвили писал в связи с этим:

«Сердцу Грузии гнев Каспия не опасен стал,
Не смутит теперь покой его буйной бури шквал,
С моря Черного враг плывет вдоль шумящих вод,
Но со всех сторон собратьев к нам синий вал несет».

Армянский писатель Хачатур Абовян в следующих словах выразил свою радость по поводу избавления армян от тяжелого персидского ига. «Да будет благословен тот час, когда благодетельная нога русского вступила в светлую страну Армянскую и изгнала проклятое, злое дыхание кизилбашей (т. е. персов) из нашей земли. Пока в устах наших есть дыхание, нам должно денно и нощно памятовать о днях пережитых и при виде русского осенять лицо крестным знаменем, воздавать славу богу за то, что он внял нашей молитве. Но пока мы дожили до этого счастья, какие дни мы пережили! Какие пули сыпались на голову нашего злосчастного народа! Какие мечи выворачивали внутренности наши, проливая нашу кровь! Сколько раз наш народ снимался с места и всем домом переселялся!».

Теперь на территории России армяне получили возможность спокойно жить. Обеспечение физической безопасности привлекло сюда массу армянского населения, оставшегося на территории Персии и Турции. После окончания русско-персидской и русско-турецкой войны около 400 тыс. армян, проживавших в Персии, и до 90 тыс. армян, проживавших в Турции, переселились в Россию.

Однако присоединение Закавказья к России привело к установлению на ее территории тяжелого колониального режима. Политика царизма в различных частях Закавказья вначале была неодинакова. Прежний внутренний политический строй Грузии был полностью уничтожен. В Грузию были введены русские войска. Грузинская царская династия устранялась, и все управление передавалось в руки главнокомандующего русскими войсками и его по-

мощника по гражданской части. На Грузию было распространено общероссийское законодательство, и делопроизводство велось на русском языке. Грузия была разделена на 5 уездов. В уездах власть была в руках земской полиции и уездных судов, во главе которых стояли русские чиновники или офицеры. Но во все органы русской власти в качестве помощников привлекались представители — грузинские князья и дворяне. Вся система русского управления — бесчисленные поборы, казенные повинности, постои войск, злоупотребления, взяточничество, волокита легли тяжелым бременем на широкие массы грузинского народа. Наряду с грузинским помещиком, злостным угнетателем народа, стал русский чиновник.

В Азербайджане такой ломки в первый период русского господства произведено не было, и дело ограничилось уничтожением только ханской верхушки. Прежние ханства преобразовались в провинции, во главе которых были поставлены русские коменданты. Это прекратило междоусобную борьбу, от которой народ страдал десятилетиями. Но русским комендантам, заменившим ханов, было предписано управлять по старой системе и обычаям. Все прежние гражданские и духовные должности и налоги сохранялись. Коменданты же пользовались почти такой же властью, какую раньше имели ханы. Они утверждали главу мусульманского духовенства — кадия, магальных наибов и других административных лиц, раздавали помещикам (бекам) земли с сидящими на них крестьянами, председательствовали в провинциальном суде и пр. Как отмечали русские сенаторы, в 1829 г. от произвола коменданта зависят «право, честь и имущество сотни тысяч жизней». Комендантам не могли только выносить смертных приговоров, как это делали ханы.

С помощью такого военно-комендантского управления, сохранившего прежние порядки, царские власти действовали лишь первое время. Впоследствии всякие своеобразия в законодательстве и управлении были ликвидированы. В 1840 г. было введено новое положение об управлении Закавказским краем. Оно было построено на основе строгой централизации и имело целью, как писали его авторы, «связать Закавказье с Россией гражданскими и политическими узами в единое тело и заставить жителей тамошних говорить, мыслить и чувствовать по-русски».

Закавказье было разделено на Грузино-Имеретинскую губернию и Каспийскую область, в свою очередь делившиеся на уезды, «совершенно по примеру внутренних губерний России». Местные законы заменялись законами царского правительства. Вводилось русское судопроизводство. Диванные беки, магальные наибы и другие чиновники из местных феодалов были удалены, а на их место назначена русская администрация — уездные начальники и участковые заседатели. В связи с этим число царских чиновников в Закавказье выросло вдвое, расходы на содержание административного аппарата сильно увеличились, налоги намного возросли.

Новые порядки, введенные самодержавием в Закавказье, тяжело отражались на положении местного населения. Многие чиновники ехали на Кавказ со специальной целью пограбить и нажить себе состояние. Бюрократизм, взяточничество, волокита процветали. Герой одной из комедий М. Ф. Ахундова говорит: «Зачем мне было связываться с властями?.. Не столько меня пугают их сабли и ружья, сколько приводит в трепет их следствие и волокита. Для меня их следствие страшнее пули».

Но при всем этом наиболее тяжелый гнет испытывали широкие массы народов Закавказья со стороны местных помещиков. Это особенно относилось к Грузии. Крепостное право в Грузии продолжало существовать после ее присоединения к России в том же виде, как оно было записано в законах царя Вахтанга: «Как сам крестьянин, так и все, что есть у него, принадлежат его господину». Крестьяне всецело находились во власти помещиков. Они платили помещикам до 40 различных повинностей деньгами или натурой. Их штрафовали, подвергали тюремным наказаниям, продавали в одиночку и целыми семействами. Из всех частей Закавказья крепостнический гнет был особенно тяжел в Грузии. Вот почему именно здесь крестьянские восстания против царских властей и помещиков приняли особенно широкий размах.

Весной 1804 г. восстание вспыхнуло в нагорной полосе Восточной Грузии, в районе Военно-Грузинской дороги. Жители этой полосы жаловались на притеснения со стороны помещиков, земской полиции и войск. Восставшие захватили перевал через главный Кавказский хребет, а это был единственный путь, соединявший Грузию с Россией. Связь между Тифлисом и Владикавказом была прервана. Восстание быстро перекинулось в другие районы Грузии. Имения князей Эристовых и других грузинских помещиков были разорены. Восставшие взяли Душет и дошли до Гори. Под непосредственной угрозой оказался Тифлис, и его спешно укрепляли на случай возможной осады. Только с помощью новых подкреплений, присланных на Кавказ, царизм подавил это крестьянское восстание и жестоко расправился с его участниками.

В 1812 г. поднялось восстание в Кахетии. Придавленные тяжелым помещичьим гнетом и большим неурожаем, крестьяне умирали от голода и истощения и не могли выполнить государственные поставки хлеба. В деревни были посланы отряды солдат, которые беспощадно расправлялись с населением и отбирали у него последний скот и птицу. В ответ на это и поднялись кахетинские крестьяне. Пламя восстания охватило большую территорию. Восставшие разбили отряд царских войск, взяли город Сигнах и сожгли ряд казенных зданий. Одновременно они выступили и против дворянства. Кахетинские дворяне были не только крепостниками-помещиками, но и занимали должности исправников и вместе с другими царскими чиновниками чинили насилия над населением. Восставшие расправились со многими дворянами и разгромили их имения. Царские власти мобилизовали крупные силы

чтобы подавить это восстание. Они достигли этого в результате тяжелой четырехмесячной борьбы.

Самым крупным из всех крестьянских выступлений первой половины XIX в. было восстание в Гурии в 1841 году. Почти 70 проц. населения составляли здесь крепостные крестьяне, находившиеся в самой тяжелой зависимости от помещика. Жестокая эксплоатация, бесправие, продажа в рабство, практиковавшиеся в Гурии, вызывали массовые волнения среди крестьян. Убийства помещиков, поджоги, бегства были здесь обычным явлением. Положение гурийских крестьян особенно ухудшилось, когда в 1840 г. временное правление было ликвидировано и Гурия была присоединена к Грузино-Имеретинской губернии, причем были введены русское судопроизводство и законы и посажены русские чиновники. В 1841 г. в Гурии впервые была введена подушная подать. Превращение Гурии в обычный российский уезд вызвало недовольство среди гурийского дворянства, и оно решило использовать в своих целях начавшееся народное движение. Поэтому на первых порах в числе руководителей гурийского восстания находились князья и дворяне. Однако по мере дальнейшего развертывания восстания, когда все больше стало выясняться, что крестьяне стремятся избавиться не только от русских чиновников, но и от грузинских помещиков, произошло размежевание сил. Царский генерал Головин писал по этому поводу: «Хотя в числе предводителей и было небольшое количество гурийских князей и дворян, но в общем класс этот остался верным своему долгу и вместе с посланными войсками много способствовал сперва укрощению мятежа, а потом поимке зачинщиков».

Восстание в Гурии готовилось заранее. На тайных собраниях крестьяне вырабатывали свои требования, намечали планы действия, давали клятвы не выдавать друг друга. Поводом к восстанию послужил отказ крестьян выплачивать подати по новому закону. В ряде мест крестьяне прогнали сборщиков и поднялись на борьбу. В начале августа 1841 г. движение охватило всю Гурию. Как и было условлено, вооруженные повстанцы направились к главному городу Гурии — Озургетам. 9 августа 1841 г. произошло первое крупное столкновение между повстанцами и русскими отрядами. Русский отряд полковника Брусилова потерпел поражение и поспешно отступил.

Весть о победе повстанцев очень быстро разнеслась по всей Гурии и придала движению новый размах. Число вооруженных повстанцев возросло до 7 тысяч. Повстанцы захватили много укрепленных пунктов и окружили Озургеты. Гурия оказалась в их руках. Крестьяне громили и жгли поместья и имения. Отряду Брусилова оказали помощь имеретинская милиция и владетель Мингрелии. Но после ожесточенной трехдневной битвы отряд мингрельцев был разбит и отступил к своей границе. Восстание началось в самой Мингрелии и Имеретии. Положение русских войск становилось все более тяжелым.

Николай I предложил «принять неукоснительно самые решительные и деятельные меры к усмирению возмутившихся... Привести гурийцев в совершенную покорность и наказать главных виновников мятежа». Против повстанцев было направлено войско под начальством князя Аргутинского-Долгорукова. Ему были даны чрезвычайные полномочия и подчинены в военном и гражданском отношении Гурийский, Кутаисский и Ахалцихский уезды. С крупными силами Аргутинский двинулся в Гурию для подавления восстания. Повстанцам не удалось задержать наступление Аргутинского. 5 сентября 1841 г. его войско появилось у Озургет. Повстанцы попали под перекрестный картечный огонь и, несмотря на ожесточенное сопротивление, вынуждены были снять блокаду с Озургет и отступить. Их главные силы были разгромлены. По всей Гурии были разосланы карательные отряды для окончательного подавления восстания. Аргутинский дал директиву строго наказать виновников восстания: «Одних повесить, других прогнать сквозь строй, а некоторых заключить в крепость или отдать в солдаты». В трехдневный срок крестьянам предлагалось внести все недоимки за 1841 год. Наиболее активные участники восстания были выловлены изо всех районов Гурии и под строжайшей охраной отправлены в Кутаис для предания военно-полевому суду.

Частые волнения происходили в то время в Южной Осетии. Маленький осетинский народ находился под тяжелым гнетом грузинских феодалов. Осетинские крестьяне платили грузинским помещикам большие оброки, обрабатывали своим инвентарем и рабочим скотом помещичью землю, снимали и доставляли урожай в помещичьи амбары и пр. Грузинские помещики беспощадно грабили осетинских крестьян, а иногда даже продавали их в рабство. Тяжелые налоги и притеснения русских чиновников еще больше ухудшали их положение. «Народ сей доведен до крайности и требует облегчения», — писал один современник об осетинах. Осетин обращали в православную веру и при этом обещали, что с принятием православия они будут освобождены от крепостной зависимости и от выполнения государственных податей. Когда же, основываясь на этом, они отказались повиноваться помещикам, крепостное право в Южной Осетии было восстановлено силой. Осетины неоднократно подымались на борьбу. Они убивали помещиков, управляющих, сборщиков податей, жгли и разоряли имения, угоняли скот, разрушали церкви. Карательные экспедиции царских войск почти ежегодно появлялись в осетинских селах.

Наиболее упорное и длительное осетинское восстание вспыхнуло в 1840 г. Его руководители установили связь с восстанием горцев, возглавляемым Шамилем. Это восстание было жестоко подавлено военной экспедицией генерала Андроникова. Сотни мужчин, женщин и детей погибли под развалинами горящих селений. В одну из башен селения Тиби скрылись последние повстанцы со своими семействами. У них не было никакой надежды на спасе-

ние. Андроников передал им, чтобы они выпустили жен и детей, но осажденные отвечали: «Мы назначили эту башню своей могилой, жены и дети пусть лучше погибнут вместе с нами, чем достанутся в руки врагам». Получив такой ответ, Андроников приказал поджечь башню вместе с находившимися там людьми. Восстание в Южной Осетии было подавлено.

Ряд восстаний произошел во второй четверти XIX в. в Азербайджане. Они были направлены против царских властей и беков-землевладельцев, поддерживавших самодержавие. Во главе восстания 1837 г. встал сельский староста Хаджи Мамед. Повстанцы осадили важный опорный пункт в Азербайджане — город Кубу. Но царские войска были поддержаны местными беками, и взять Кубу повстанцам не удалось. В следующем году восстание охватило Шекинскую провинцию. Беки и купцы бежали из Нухи; городская беднота и крестьяне присоединились к восставшим. Царские войска с помощью беков вытеснили их из города и подавили восстание. Но борьба против царских властей и беков продолжалась и после этого. В 1849 г. в той же Нухе вспыхнуло восстание ремесленников, протестовавших против высоких налогов.

Беспощадно подавляя восстания народных масс, царское правительство стремилось найти опору у местных помещиков. Первое время после установления русского владычества часть грузинской дворянской знати пыталась оказать сопротивление царским властям, чтобы сохранить за собой прежнее господство. В 1832 г. среди грузинских дворян был раскрыт заговор. Заговор 1832 г. носил реакционный характер. Он был организован в интересах кучки дворянской знати и имел целью возвратить грузинским дворянам то положение, которое было ими утрачено с установлением русского господства. Заговорщики хотели разоружить и изгнать русские войска и возвести на престол грузинского царевича Александра, бежавшего в Персию. Будучи арестованы, заговорщики всячески выпрашивали пощады у царя. Царское правительство поступило с ними очень мягко: заговорщиков сослали в города Европейской России, а затем и вовсе амнистировали. Многие из них вскоре получили высокие посты. И это в то время, когда всякое выступление со стороны крестьян подавлялось самым жестоким образом.

В подобных заговорах участвовала лишь небольшая группа грузинских дворян, тесно связанная со свергнутыми династиями грузинских царей и князей. Основная часть грузинского дворянства верой и правдой служила самодержавию. Сенатор Мечников писал, что «помещики в Грузии составляют лучшую и верную полицию». В 1848 г. в специальном адресе Николаю I грузинские дворяне писали: «Не проходит и дня, чтобы каждый из нас не видел доказательства высокого об нас попечительства нашего русского государя... Каждый из нас чувствует чистую светлую любовь и преданность к русскому, нашему самодержавному монарху». Такую же опору царское правительство находило в азер-

байджанских и армянских помещиках и купцах. Армянские купцы овладели торговлей Тифлиса и всего Закавказья, содержали почти все откупы, принимали подряды, снабжали провиантом армию и т. д. Все больше отчуждаясь от массы народа, они с усердием служили царю.

Закавказские помещики и купечество широко пользовались поддержкой царского правительства. Самодержавие обеспечивало прочное господство помещиков над крестьянами. Оно помогло грузинским дворянам усилить эксплоатацию крестьян. Грузинским крестьянам было запрещено обращаться в суд с жалобами на помещика, грузинские помещики получили право сдавать крестьян в рекруты и отправлять в ссылку и т. д. Русским властям предлагалось «держать грузинских крестьян в безусловном повиновении помещикам». Наместник Кавказа Воронцов в 1844 г. так определил задачу царизма в отношении местных феодалов: «Надлежит не только не посягать на права высшего сословия, но и всеми мерами стараться об ограждении и укреплении оных, ибо одно только аристократическое начало может побороть то направление демократическое, которое развилось и так сильно пустило корни в Дагестане».

Если в Грузии царизм способствовал усилению крепостнических отношений, то в Азербайджане и Армении, где феодальные отношения были менее развиты, царизм стремился распространить их. До прихода царских войск азербайджанские и армянские крестьяне свободно пользовались землей и беспрепятственно переселялись с одного места на другое. Теперь азербайджанские беки и армянские мелики стали доказывать, что они имеют такие же права на земли и крестьян, какими пользуются русские и грузинские помещики. Царские власти вначале отвергали эти домогательства, но затем, стремясь укрепить социальную опору своего господства, стали поддерживать их. Закон 1846 г. предоставил местным помещикам — азербайджанским бекам и армянским меликам — вотчинные права. Земли были переданы в их потомственное владение. Крестьянам за пользование землей предлагалось выполнять различные повинности в пользу помещика. Помещикам поручался надзор за крестьянами и управление ими. Так произошла массовая экспроприация крестьянской земли в пользу помещиков, и полмиллиона азербайджанских и армянских крестьян в Восточном Закавказье было отдано под неограниченную власть помещиков.

Естественно, что такая политика самодержавия сочувственно встречалась местными помещиками. Воронцов правильно рассчитывал, что закон 1846 г. возбудит в беках и агеларах «новое усердие к русскому правительству». Помещики Закавказья выражали русскому царю чувства благодарности. Они являлись преданными слугами царизма.

Таким образом присоединение Закавказья к России не привело к уничтожению феодально-крепостнических отношений. Феодально-крепостнический гнет в Закавказье даже усилился. Однако, не-

смотря на это, в экономической жизни Закавказья произошли прогрессивные явления.

Присоединение Закавказья к России ликвидировало феодальную раздробленность, междоусобные войны, внутренние торговые перегородки и работорговлю. Натурально-патриархальные устои хозяйства были подорваны, и Закавказье все больше вовлекалось в оживленный товарооборот. Вековому застою Закавказья приходил конец.

Передовые люди России понимали необходимость быстрого развития производительных сил Закавказья. Известный русский писатель и государственный деятель А. С. Грибоедов послал в сентябре 1828 г. главнокомандующему русскими войсками на Кавказе Паскевичу проект учреждения специальной «Российской Закавказской компании». Он указывал, что естественные произведения Закавказского края столь разнообразны и столь богаты, что нужно «выбрать те, обрабатывание коих будет полезнее». В связи с этим Грибоедов изложил широкий план развития торговли и промышленности в Закавказье. В его проекте предусматривалось заведение и усовершенствование виноградарства и виноделия, шелководства, табаководства и хлопчатобумажного производства, разведение культур сахарного тростника, красильных и лекарственных растений, учреждения фабрик и заводов, организация широкого товарообмена с Персией и другими странами Востока, прокладка новых дорог и т. д.

Грибоедов отмечал, что учреждение торговой компании из закавказских помещиков и купцов приведет «к изменению нынешнего рода жизни туземцев», к употреблению «орудий дотоле здесь небывалых» и породит тягу к просвещению среди закавказских народов. «Какая масса людей полезных распространится из ее мастерских по всем сторонам закавказским! Для службы, для мореходства, для торговли, для всякого рода заведений учебных, медицинских, мануфактурных найдется множество лиц, которых мы здесь теперь напрасно будем отыскивать».

Обширный план Грибоедова не был проведен в жизнь. Но ряд мероприятий по экономическому развитию Закавказья был осуществлен. В 1830 г. была организована «Компания для распространения закавказской торговли», затем возникли «Общество сельской и мануфактурной промышленности в Закавказье» и «Общество распространения шелководства за Кавказом». Правительство субсидировало эти общества, предоставляло им земли, рабочую силу, шелковичные насаждения и т. п. В это же время впервые были внедрены в Закавказье посевы хлопчатника. Сокращение ввоза хлопка из США в Россию в связи с гражданской войной в США содействовало этому. Одновременно развивалось виноградарство и виноделие. В селениях вокруг Шемахи насчитывалось до 300 виноградных участков. В 1840 г. русские переселенцы из Таврической губернии завезли в Закавказье мериносовых овец. Важнейшие рыбные угодья перешли в руки казны, и казна сначала

сама эксплоатировала их, а затем стала сдавать их на откуп. Однако использование богатых природных ресурсов Закавказья, в частности нефти, не приобрело еще тогда промышленного характера. Развитие промышленности в Закавказье тормозилось господством крепостных отношений, узостью внутреннего рынка, плохим состоянием транспорта.

Присоединение Закавказья к России приобщило его народы к жизни более передовой страны. С тех пор началось плодотворное влияние передовой русской культуры на культуру народов Закавказья. Под этим влиянием и возникла новая грузинская, армянская и азербайджанская литература. В первой половине XIX в. в грузинской литературе господствовала поэзия. Ее основным направлением был романтизм. Крупные поэты-романтики Александр Чавчавадзе, Григорий Орбелиани и др., горячо любя свою родину, часто обращались к природе и славному прошлому Грузии. А. Чавчавадзе описывал тягостное положение «узницы-родины». Орбелиани писал о славном прошлом и неизвестном будущем Грузии. Но главным мотивом их творчества были индивидуальные переживания.

Самым выдающимся поэтом Грузии был Николай Бараташвили. Он прожил недолго — всего 29 лет (1816—1845), но оставил глубокий след в грузинской литературе. Общественные мотивы в поэзии Бараташвили занимали гораздо больше места, чем у других современных ему поэтов. Бараташвили понимал прогрессивное значение присоединения Грузии к России. В своей поэме «Судьба Грузии» он с похвалой отзывается о мудрой и единственно правильной политике царя Ираклия, отдавшего судьбу грузинского народа в руки «русского царя-единоверца». Однако Бараташвили не видел выхода из тяжелого положения, в котором находилась тогда Грузия. Чувство пессимизма охватывало творчество грузинского поэта. Он чувствовал себя одиноким в пустом суетном мире и размышлял о злом роке и безжалостной судьбе. Бараташвили не знал, где найти покой душе, куда преклонить голову, и одно из его стихотворений так и называется «Сиротство души». Разочарованный в людях поэт хотел найти успокоение в тиши природы, но он не опускал при этом рук и верил в то, что солнечное утро рассеет мрак. С огромной художественной силой Бараташвили изобразил в своем стихотворении «Мерани» (Пегас) человека, который не мирится с монотонной беспросветной жизнью и любой ценой стремится разорвать цепи. И пусть такой человек погибнет далеко от родины, не увидев возлюбленных и близких, и черный ворон выроет ему могилу, а ураган засыплет ее землей, — все же его смерть не будет напрасной: она облегчит путь идущему за ним неведомому собрату.

Вслед за романтизмом в 40—50 годах XIX в. в грузинской литературе зарождается реализм. Основателем его был первый крупный грузинский драматург Георгий Эристави. В начале 50-х годов его творчество достигло большой зрелости. Бытовые

комедии Эристави обличали крепостное право и нравы грузинского дворянства. Они положили начало грузинскому национальному театру.

Большое развитие получила в первой половине XIX в. азербайджанская поэзия. Она носила прогрессивный характер. Принадлежа к числу наиболее образованных и передовых сынов своего народа, азербайджанские поэты резко выступали против ханов, духовенства, фанатизма, за просвещение и освобождение народа. Об одном из крупных азербайджанских поэтов того времени Мирза Шафи Вазехе писали как о человеке, имевшем «глубокие познания в науках того времени». Мирза Шафи был решительным противником духовенства и не советовал М. Ф. Ахундову итти на духовное поприще. «Ты напрасно хочешь провести свою жизнь среди мракобесов», — говорил он. Сборник лирических стихов Мирза Шафи («Песни Мирза Шафи») был издан переводчиком Боденштедтом на немецком языке, выдержал много изданий и имел большой успех. Как писали литературные исследователи, «Песни Мирза Шафи» своим успехом были обязаны «мастерству языка, чисто восточному колориту и добродушному юмору автора».

Другой характер носило творчество поэта Кусум-бей-Закира, жившего в это же время. Родоначальник азербайджанской художественной сатиры Кусум-бей-Закир создавал яркие сатирические образы, писал на языке, доступном для масс, и представлял реалистическое направление азербайджанской литературы. Он направлял свои язвительные стрелы против ханов, беков, чиновников, мулл, купцов. «Не боюсь ни ханов, ни шахов, меня мать родила львом», — говорил поэт. Закир разоблачал государственных деятелей того времени, показывал их продажность и жульничество.

«Сколь бы ты ни страдал, ни мучился,
Все равно государственный деятель
Не даст тебе глотка воды, не получив целого моря».

Но, осуждая настоящее, Кусум-бей-Закир смотрел не в будущее, а в прошедшее. Он оплакивал отмирание всего старого. Гораздо более правильно оценивали соотношение старого и нового крупнейшие азербайджанские ученые и писатели того времени Аббас Кули Ага Бакиханов и Мирза Фет Али Ахундов.

Бакиханов был не только поэтом, но и автором трудов по истории, философии, географии, педагогике и другим отраслям знания. Получив основательное образование, он хорошо владел не только восточными, но и русским языком. Будучи полковником русской армии, Бакиханов участвовал в переговорах с Персией, в разработке проекта управления Закавказьем, писал историко-экономические и этнографические записки. Азербайджанский ученый пламенно любил Кавказ и гордился его славным прошлым. «Горжусь, — писал он, — происхождением из этого края».

«Жители, населяющие этот край, суть потомки различных племен, почти всего рода человеческого... Если бы политическое спокойствие и надлежащее воспитание позволили развиться природным способностям жителей Кавказа, то они достигли бы высокой степени просвещения». Бакиханов написал специальную работу о местных уроженцах, «отличившихся ученостью и другими достоинствами», а в своей исторической работе «Гюлистан-Иран» показал героическое прошлое Азербайджана и его выдающихся деятелей, проявивших высокие качества: воинскую доблесть, сильный характер, ненависть к иноземным захватчикам, уважение к другим народам, покровительство наукам и просвещению, правосудие.

Бакиханов ярко изображал вред разобщенности и разрозненности народов и племен. Разделение на отдельные княжества и ханства было одним из важнейших препятствий, тормозивших прогрессивное развитие Закавказья. Бакиханов считал, что огромное положительное значение присоединения Закавказья к России состоит, в частности, в том, что оно ликвидировало феодальную раздробленность. Вся его деятельность была направлена на просвещение и распространение знаний среди родного народа и на приобщение его к передовой культуре.

Еще большее значение имела жизнь и деятельность замечательного сына азербайджанского народа Мирза Фет Али Ахундова. Это был человек огромных способностей и большого образования. Он превосходно владел персидским, русским, турецким, арабским и французским языками и хорошо знал европейскую, восточную и русскую литературу. Ахундов был крупнейшим писателем, поэтом, философом, общественным деятелем Азербайджана. Работая в качестве чиновника при канцелярии наместника Кавказа в Тифлисе, он был вместе с тем тесно связан со своим народом и посвятил всю свою жизнь делу его просвещения. Он считал, что Восток должен учиться у Запада и заимствовать у него все, что способствует развитию науки и просвещения.

Ахундов понял весь вред религиозного фанатизма и религиозных предрассудков и считал, что главной причиной отставания восточных стран является мусульманская религия. Он был последовательным противником всякой религии. «Я ко всем религиям совершенно равнодушен, я никакой религии не признаю», — говорил Ахундов. И действительно, М. Ф. Ахундов был материалистом и атеистом. Конечно, его материализм носил ограниченный метафизический характер, но он играл огромную прогрессивную роль в борьбе с реакционной идеологией ислама. Ахундов отрицал бессмертие души, материалистически разрешал основной вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, а также проблемы теории познания. Он смело поднял свой голос против затворничества восточных женщин, за их свободу и равноправие. В своих замечательных комедиях Ахундов разоблачал лицемерие, невежество и обман духовенства. Вместе с тем великий азербайджанский писатель дал в своих комедиях блестящую критику феодального

деспотизма. Он высмеял ограниченность, невежество, самодурство азербайджанских ханов, беков, агаларов, жадность и обман предприимчивых торговцев, произвол царских властей, и описывал тяжелую участь темного и забитого народа, страдающего под гнетом имущих классов.

В своих философских статьях и литературных произведениях Ахундов особенно ярко обличал восточный деспотизм, господствующий в Персии, под гнетом которого осталась огромная масса азербайджанского народа (Южный Азербайджан). Ахундов особенно ярко вскрывал беззаконие, произвол, царящие в Персии, экономическую и культурную отсталость, упадок этого государства и существовавшее там рабство. В Персии нет «никаких законов, никаких порядков, никакого определенного права человека», «в Персии существуют такие наказания, о которых мы слышим только у дикарей и варваров».

Ахундов вначале надеялся на то, чтобы с помощью просвещенных государей превратить деспотические монархии в благоустроенные государства, основанные на законах. В повести «Обманутые звезды» он описывал, как к власти в Персии пришел бывший городской ремесленник, за короткий срок проявивший себя умным, просвещенным человеком, много сделавший для облегчения участи народа. Но впоследствии Ахундов понял, что избавиться от деспотизма можно только путем установления народного правления. «Разве кто-нибудь в Персии, — спрашивал он, — прислушивается к наставлениям? Раньше и в Европе предполагали наставлять угнетателя для предотвращения его тирании, но пришли к заключению, что нотация не оказывает никакого действия на характер угнетения».

Ахундов много сделал для культурного развития Азербайджана и всего Востока и сближения его с передовой русской и европейской культурой. Он явился основоположником азербайджанской художественной прозы и драматургии, основателем современного азербайджанского литературного языка. С целью распространения грамотности и европейского просвещения Ахундов выдвинул идею замены арабского алфавита латинским. Разработав проект нового алфавита, он пытался найти поддержку в своем начинании в Турции, Персии, а также в Петербурге. Но вопрос о замене арабского алфавита затрагивал интересы мусульманского духовенства. Встретив сопротивление всех реакционных сил, Ахундов так и не добился разрешения этого вопроса.

С момента присоединения к России началось культурное возрождение древнего армянского народа. Турецко-персидское владычество в Армении привело к тому, что культурная жизнь в стране полностью замерла. Монастыри занимались собиранием и хранением рукописей, и только устная поэзия, представленная народными поэтами-ашугами, продолжала развиваться. Но с 20-х годов XIX в. положение изменилось. Среди армянского населения, вошедшего в состав России, под влиянием передовой

русской и европейской культуры возникло просветительное движение. Два культурных очага сыграли большую роль в его распространении — Нерсесианская семинария в Тифлисе и Лазаревский институт, основанный в 1814 г. для армянских детей, в Москве. При этом институте было организовано Общество любителей древностей. Многие его воспитанники учились впоследствии в Дерптском университете и, вернувшись на родину, стали пионерами армянского культурного возрождения. Они выступали за светское просвещение и создание такой национальной литературы, которая была бы доступна широким слоям народа.

В начале XIX в. еще не было литературного армянского языка. Древний классический армянский язык-грабар, на котором были написаны все богословские, философские и исторические армянские книги, являлся языком только армянской церкви. Народ не говорил на нем. Содержание армянской литературы было также далеко от запросов народа. Как отмечал замечательный армянский писатель Хачатур Абовян, в то время как в русской, французской и немецкой литературе говорилось о дружбе, о любви, о привязанности к отчизне, о борьбе, — в армянских книгах писали только о боге и святых. Абовян заявлял, что такое безотрадное положение армянской литературы причиняло ему острую боль, «ведь и среди армян бывали герои, с жизнью и деятельностью которых следовало познакомить общество».

И Хачатур Абовян (1806—1848) взялся за выполнение этой задачи. Он явился основоположником новой армянской литературы и армянского литературного языка. Хачатур Абовян родился в крестьянской семье в селении Калакер, близ Эривани, находившейся тогда под персидским игом. Отец хотел сделать его духовным лицом, и Абовян учился для этого сначала в Эчмиадзинской школе, а затем в Нерсесианской духовной семинарии в Тифлисе. Но мертвая церковная схоластика не могла удовлетворить интересов даровитого юноши, стремившегося к приобретению знаний. С помощью профессора Паррот, приехавшего в Закавказье, он поступил в Дерптский университет и, окончив его, вернулся на родину, чтобы служить своему народу. Абовяну не удалось осуществить планы широкого распространения просвещения в Армении. Армянское духовенство видело в его начинаниях подрыв церковных начал и всячески преследовало передового армянского писателя. Абовян вынужден был работать преподавателем, а затем инспектором тифлисского и эриванского уездных училищ. Но он все-таки основал частную армянскую школу, построенную на передовых принципах. Абовян много сделал для воспитания в своих учениках любви к родине, науке и просвещению. Из его школы вышло немало деятельных и просвещенных людей.

Особенно большое значение имела литературная деятельность Абовяна. Очерки, рассказы и стихи Абовяна неизменно были проникнуты горячей любовью к родине. В стихах «Баяти» Абовян сокрушается, что народ не уберег свою древнюю столицу Ани от

нашествия захватчиков: «Ани, Ани! О если б рок твоих убийц убить помог!» Абовян сочувствует положению трудовых слоев народа:

«Заклюй наседку, коршун! Сплошь
Все в этом мире — меч иль нож.
Куда, беспомощный бедняк,
От рук насильника уйдешь?..
Пока ты счастлив и богат,
Тебе в глаза и в рот глядят,
Но попади в нужду — и вмиг
Твой саз утратит звук и лад».

Абовян написал учебник для детей и книгу для народного чтения. Но главным его произведением был замечательный роман «Раны Армении». В предисловии к роману Х. Абовян писал, что он решил написать «какое-нибудь произведение, восхвалить в нем свой народ, рассказать о деятельности какого-нибудь национального героя». Абовян посвятил свой роман мрачному периоду господства персов в Армении. Он изобразил во всех подробностях жизнь и быт крестьян армянского села, придавленных иноземным владычеством. Яркими красками писатель обрисовал варварство персидских завоевателей, неподвижность и пассивность большинства народа, мужество национального героя Агаса и его товарищей, сражавшихся против персов, сначала самостоятельным отрядом, а затем вступивших в ряды русской армии. Абовян описал развалины когда-то цветущего города Ани и перенес читателя к той эпохе, когда там кипела жизнь, и армянский народ был независим и счастлив.

Абовян написал «Раны Армении» на живом народном языке, на так называемом араратском диалекте. По поводу древнеармянского языка он замечал: «Ведь народ не говорит на том языке, не понимает того языка, пусть золото сыплется из уст твоих — кому это нужно?.. Найдется, может быть, десяток человек, а для сотни тысяч людей, что писание на грабаре, что ветряная мельница... Если ученые, умные люди станут осуждать, ты поддержи меня, мой возлюбленный народ, ибо мое желание — служить тебе до последнего дыхания». Хачатур Абовян действительно служил народу. Он показал богатство живого народного языка и ввел его в литературу. Он впервые реалистически описал народную жизнь. «Раны Армении» — первый армянский роман, положивший начало новой армянской литературе.

Борьба кавказских горцев

Несмотря на завоевание Закавказья, значительная часть Северного Кавказа продолжала фактически оставаться независимой от царской России. При таком положении самое завоевание Закавказья не могло быть достаточно прочным. Важнейшая дорога,

соединявшая Россию с Закавказьем, Военно-Грузинская, находилась под постоянной угрозой со стороны враждебных России горских племен. Маркс отмечал, что ноги гигантской Российской империи были отрезаны от ее туловища. Единственная военная дорога подвергалась беспрестанным нападениям кавказских племен.

Вот почему, закрепляя свои позиции в Закавказье, царизм одновременно стремился покорить горские народы Кавказа. Это облегчалось тем, что на территории Восточного и Западного Кавказа жили многочисленные племена и народности, не только не связанные друг с другом, но и враждующие между собой. Эти племена и народности стояли на разных ступенях общественного развития. Богатый по своим природным ресурсам Западный Кавказ примыкал к северо-восточному побережью Черного моря. Его населяло множество черкесских или адыгейских племен. На Западном Кавказе шел процесс разложения патриархально-родовых отношений и развитие отношений феодальных. Однако степень этого разложения была не одинакова у различных племен.

Такое же положение было и на территории Восточного Кавказа. В приморском, или Южном, Дагестане имели место развитые феодальные отношения. Здесь были расположены крупные феодальные владения, верхушка которых — ханы и беки — сосредоточивала в своих руках землю, скот, лошадей. Основное население страны — крестьяне (уздени и раяты) — находилось в различной степени феодальной зависимости от ханов и беков. Существовали и рабы (кулы). Феодальная верхушка большинства ханств обладала огромной властью и чинила суд и расправу над своими подчиненными.

Наоборот, в Северном и Нагорном Дагестане, и в Чечне, где основным средством существования было скотоводство и преобладало натуральное хозяйство, еще сохранились вольные общества. Родовая знать и духовенство и здесь превращались в крупных землевладельцев и скотовладельцев и вместе с зажиточной верхушкой крестьян-узденей ставили в зависимость от себя остальную массу населения. Но патриархально-родовые отношения в Северном, Нагорном Дагестане и особенно в Чечне еще господствовали. Многие общества объединялись в союзы. Все взрослое население одного или нескольких обществ, кроме рабов, собиралось на широкие демократические собрания — джааматы. «У чеченцев нет и никогда не было своих князей или каких-нибудь других владетелей», — говорится в военно-статистическом и экономическом описании Чечни.

Царизм стремился заключить союз с феодальной верхушкой тех горских народов, у которых она уже успела выделиться. Он жаловал местных ханов и беков деньгами, чинами, подарками. Но главное, на что опирался царизм, — это на силу своего оружия. Активная завоевательная политика самодержавия на Северном

Кавказе началась в последний период царствования Александра I и была связана с именем генерала А. П. Ермолова, назначенного в 1816 г. главнокомандующим на Кавказе. Ермолов заявлял, что «Кавказ — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду». И царские власти повели осаду. Царизм высылал против горцев экспедицию за экспедицией, возводил укрепленные пограничные линии (Сунженская, Кавказская и др.) и строил крепости с характерными названиями: «Неотступный стан», «Злобный окоп», «Грозная», «Внезапная» и т. д. Горцы лишались земли, сгонялись с пастбищ, вытеснялись в горные районы. В непроходимых лесах прокладывались просеки.

Стремясь перессорить горские племена между собой, царизм проводил политику «разделяй и властвуй». Покорив Кабарду и построив на ее территории укрепленные опорные пункты — Нальчик и др., русские войска разделили воинственный Северный Кавказ на две части: на Западный и Восточный Кавказ.

Однако, несмотря на это, в обеих частях Северного Кавказа горцы упорно сопротивлялись наступлению русских войск. Царским войскам часто приходилось брать с боя каждый аул и даже каждую саклю. В 1825—1826 гг. произошло восстание под руководством храброго Бей-Булат-Таймазова. С шеститысячным отрядом горцев он нападал на царские укрепления. Самодержавие жестоко расправлялось с восставшими. Бей-Булата не удавалось захватить. Только к маю 1826 г. чеченское восстание было подавлено. Сам Бей-Булат, уйдя с небольшими силами в горы, продолжал оказывать сопротивление.

Когда в 1829 г. закончилась русско-турецкая война, Николай I написал командующему кавказскими войсками генералу Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз — гораздо более важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Русское командование стремилось прежде всего закрепить за собой восточный берег Черного моря, отошедший от Турции к России, согласно Адрианопольскому договору 1829 года. Горцы, населявшие эту территорию, упорно сопротивлялись русским войскам. Они сносились морским путем с турками и даже с англичанами, которые хотели использовать освободительную борьбу горцев в своих интересах. Англичане посылали с этой целью на Кавказ своих эмиссаров

Так как экспедиции против горцев не давали результатов, то царские войска приступили к строительству укреплений, прорезавших земли горцев в нескольких направлениях. Одновременно царские войска стали строить линию укреплений вдоль берега Черного моря. Это строительство шло в очень тяжелых условиях.

Неблагоприятные климатические условия и массовые эпидемии вызывали большую смертность среди солдат. Горцы делали постоянные набеги.

Ценой огромных потерь русским войскам удалось возвести ряд крепостей, входивших в состав укрепленной береговой линии: Геленджик, Новороссийскую и др. Но и после этого положение русских войск на Западном Кавказе оставалось непрочным: гарнизоны крепостей были немногочисленны, регулярное сухопутное сообщение между гарнизонами было очень затруднено. В 1840 г. горцы захватили форт Лазаревский, Михайловское и другие укрепления, почти полностью истребив упорно защищавшиеся местные гарнизоны. Это выступление горцев было подавлено, но царизм не мог бросить тогда крупные силы на окончательное завоевание Западного Кавказа, так как к этому времени более грозная опасность выросла для него на востоке.

В 1830—1840 гг. борьба горцев Кавказа вступила в новый период. До тех пор это были разрозненные выступления отдельных племен и народностей, не объединенных в единое целое. Теперь же они стали сплачиваться под единым знаменем. Что могло соединить разобщенные народности и племена, стоявшие на разных ступенях развития и говорящие на разных языках? Такой силой могла явиться религия. Все горцы Кавказа исповедывали единую мусульманскую религию, игравшую крупную роль во всей их духовной и гражданской жизни. Разрозненные горские племена не могли противостоять натиску царских войск. Они объединялись под знаменем ислама для борьбы за независимость. Среди народов Чечни и Дагестана стало распространяться учение, принявшее название мюридизма. Сторонники мюридизма указывали, что мусульмане забыли бога, плохо исполняют предписания корана, предаются обману и пьянству. Они проповедывали необходимость совершенствования и стремления к истине и призывали к священной войне с неверными — газавату. До того у горцев господствовал адат; каждое общество производило суд и расправу не по единому писаному закону, а по обычаям, издавна существующим в данном обществе; это тормозило объединение горцев. Замена адата шариатом — общим для всех мусульман законом, основанным на коране, способствовала объединению горцев.

Реакционный религиозный дурман заслонял основную политическую цель борьбы горцев. Но, как отмечал Ленин, выступление политического протеста под религиозной оболочкой — явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития.

Первым поборником газавата и шариата явился проповедник из Южного Дагестана — Магомед Эффенди. К нему в селение Яраг приходили представители горцев. «Ступайте на свою родину, — говорил им Магомед Эффенди, — соберите народ, прочтите ему наставления мои, вооружитесь и идите на газават, истребите врагов». Царские власти понимали всю опасность нового движе-

ния. Они арестовали Магомеда Эффенди, но его учение быстро распространялось по Дагестану.

Особенно успешно проповедывал это учение житель селения Гимры — Гази Мухаммед, или, как еще его называли, Кази Мулла. Он происходил из простых крестьян. В 20-х годах XIX в., будучи уже известным магометанским ученым, Гази Мухаммед широко развернул проповедь шариата и «священной войны с неверными». Гази Мухаммед призывал «к равенству всех мусульман». «Магометанин, — говорил Гази Мухаммед, — не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен платить налога, даже мусульманину. Кто мусульманин, тот должен быть свободным человеком, и между всеми мусульманами должно быть равенство». Ханы и беки и значительная часть мусульманского духовенства оказывали большое сопротивление этой проповеди. Они понимали, что с падением адата власть их должна неминуемо ослабеть.

К концу 20-х годов Гази Мухаммеду удалось склонить на сторону своего учения многие общества Дагестана. В январе 1830 г. Гази Мухаммед устроил собрание народных представителей, на котором призывал к войне с царскими завоевателями. «Газават русским, — говорил Гази Мухаммед, — Газават всем, кто забывает веру в святой шариат! Не жалейте ни себя, ни детей, ни имущества: мы не можем быть побеждены, потому что за нас правое дело. С этой минуты мы начинаем священную войну». Собравшиеся провозгласили Гази Мухаммеда высшим духовным руководителем мусульман — имамом и обещали выполнять его приказания. Со всех сторон к Гази Мухаммеду спешили вооруженные отряды горцев. Почти весь Дагестан был объят пламенем восстания.

Гази Мухаммеду удалось в 1831 г. распространить восстание на Чечню. Гази совершил ряд удачных нападений на русские крепости, прорвал кавказскую линию, взял Кизляр и, захватив много пленных, вернулся в Дагестан. Но после ряда успехов положение восставших горцев резко ухудшилось. Чтобы «истребить Гази Мухаммеда», со стороны Закавказья и Кавказской линии были посланы карательные экспедиции. В августе 1832 г. 10-тысячный отряд барона Розена подавил восстание в Чечне, и Гази Мухаммед отступил в Дагестан. В октябре 1832 г. завязалась упорная борьба за родной аул Гази Мухаммеда — селение Гимры. Гази Мухаммед укрылся в башне. Когда положение стало совершенно безнадежным, Гази сказал горцам: «Здесь нас всех перебьют, и мы погибнем, не сделав вреда неверным. Лучше выйдем и умрем пробиваясь». С этими словами Гази Мухаммед бросился из башни. Но как только он выбежал из башни, солдат ударил его в затылок камнем. Гази Мухаммед упал и тут же был заколот штыками.

Народ прославлял первого имама Чечни и Дагестана. «Честь и слава Кази Мулле, — говорилось в одном из народных сказа-

ний, — труженику ислама, сумевшему соединить под своими знаменами, как братьев родных, враждебные народы Чечни и Дагестана. Он, как посланник Аллаха, творит правду кинжалом... Да будет же вечно над тобой, Кази Мулла, благословение божие».

Царские власти надеялись, что со смертью Гази Мухаммеда восстание горцев прекратится. Но эти надежды не оправдались. Вместо Гази Мухаммеда новым имамом Чечни и Дагестана стал Гамзат-бек. Он родился в аварском селении, в 18 верстах от Хунзаха, учился у кадия, жил во дворце аварских ханов, а во время священной войны стал одним из помощников Гази Мухаммеда. Гамзат сообщил, что согласно воле покойного имама, он будет его преемником. Гамзат потребовал себе повиновения. Гамзат был ставленником горской аристократии, и многие горцы были против него. Но несмотря на это, Гамзату удалось объединить силы и возобновить борьбу за независимость. К новому имаму с разных сторон приходили отряды горцев. В начале 1834 г. его вооруженные силы возросли до 20 тыс. человек. В августе 1834 г. Гамзат с большим отрядом горцев захватил главный город Аварского ханства Хунзах. Аварские ханы, стоявшие за царя, были убиты. Однако их сторонники составили заговор, напали на Гамзата и убили его.

Но и теперь борьба горцев не закончилась. Наоборот, именно с этого времени она приняла особенно широкий размах. Во главе этой борьбы стал самый крупный руководитель освободительного движения горцев — Шамиль. Представители горских обществ в сентябре 1834 г. единодушно избрали его имамом Чечни и Дагестана. С юных лет Шамиль отличался необыкновенной отвагой и ученостью. Под руководством своего наставника Джемаль Эддина Шамиль окончил курс грамматики, логики, арабского языка, философии и законоведения. Секретарь Шамиля — Хаджи Али писал о нем: «Шамиль был человек ученый, набожный, проницательный, храбрый, мужественный, решительный и в то же время хороший наездник, стрелок, пловец, бегун, одним словом, никто и ни в чем не мог состязаться с ним». Священная война оторвала Шамиля от книг. Он встал в ряды восставших. Твердость его характера, преданность, честность создали Шамилю большое уважение и авторитет среди горцев.

Борьба горцев под руководством Шамиля продолжалась 25 лет. Эта борьба шла с переменным успехом, но сила и влияние Шамиля неуклонно росли. Большинство обществ признало Шамиля имамом Чечни и Дагестана. Все попытки царских войск разгромить движение Шамиля, предпринимавшиеся в 1837—1838 гг., неизменно оканчивались неудачей. Генерал Головин в своем донесении Николаю I в конце 1838 г. писал: «Такое состояние Дагестана не может быть терпимо без очевидного вреда для нашего могущества... так и для спокойного овладения Закавказьем». В ответ на это донесение Николай I дал указание «покорить и

усмирить Горный Дагестан... ибо без оного ни покоя, ни верного владычества на Кавказе иметь не можем».

Новая экспедиция царских войск была организована под начальством генерала Граббе. Подвергнув опустошительному разгрому Чечню, Граббе двинулся в Дагестан. Здесь Граббе встретился с Шамилем, собравшим в свою армию до 10 тыс. горцев. Ожесточенная схватка произошла у аула Аргуни. Осажденные бесстрашно бросались на царские войска с шашками и кинжалами в руках. Дрались на улицах, в саклях, на крышах, но после 36-часового штурма аул Аргуни был взят. Затем началась трехмесячная осада последнего оплота Шамиля — аула Ахульго. Граббе то блокировал, то подвергал ожесточенной бомбардировке, то штурмовал Ахульго. Русские солдаты не раз проявляли в борьбе с горцами чудеса храбрости. Подсаживая друг друга, они карабкались на отвесные скалы под градом пуль и камней. Непрерывный орудийный огонь разрушил башни, уничтожил жилища.

21—22 августа 1839 г. произошел последний штурм, завершившийся взятием Ахульго. Горцы дрались с невиданной смелостью. Ружья, кинжалы, шашки, камни — все было пущено в ход. «Каждую саклю, — говорит полковник Казбек, — каждый камень приходилось брать отдельно. Защитники напрягали все усилия: женщины и даже дети с оружием в руках встречали атакующих». Шамиль с семьей и небольшим отрядом горцев перебрался в недоступную пещеру. Положение их было отчаянное. Не было пищи и воды. На третий день пребывания в пещере умерли жена и сын Шамиля. Но и теперь воля Шамиля не была сломлена. Привязав к спине оставшегося в живых сына, Шамиль вместе с горцами переправился по бревну через зияющую пропасть и вступил в ожесточенное столкновение с русскими постами. Многие спутники Шамиля погибли. Раненый и ослабевший Шамиль спасся и на этот раз.

Экспедиция царских войск закончилась победой. Царские генералы торжествовали. «22 августа был днем развязки экспедиции против Шамиля, — сообщал Граббе, — я считаю дело конченным... Партия его истреблена вконец». В ответ на донесение о победах над горцами Николай I писал: «Прекрасно, но жаль очень, что Шамиль ушел: и признаюсь, что опасаюсь новых его козней». И, действительно, прошло немного времени, и искра, брошенная Шамилем, разгорелась с новой силой. Французский консул писал в 1840 г.: «Вся Чечня вооружилась, и власть Шамиля царствует там безраздельно».

Вслед за тем восстание перекинулось в старый очаг движения горцев — в Дагестан. Разбросанные на большом расстоянии, не связанные между собой, русские гарнизоны, несмотря на упорное сопротивление, не смогли противостоять напору горцев. В 1843 г. все важнейшие крепости в Нагорном Дагестане были взяты Шамилем. В связи с укреплением положения Шамиля многие представители местной знати, поступившие на русскую службу и боров-

шиеся с народным движением, приходили к нему, рвали русские погоны и просили принять их в ряды горской армии. Аварский бек, один из участников убийства Гамзата, Хаджи-Мурат примкнул к Шамилю. Через некоторое время на сторону Шамиля перешел Даниэль-бек — султан Елисуйский, до того поддерживавший царское правительство.

Все это сильно встревожило Николая I. Начальство в крае было сменено. В конце 1844 г. Николай I назначил командующим кавказскими войсками и наместником Кавказа графа Воронцова. План разгрома Шамиля путем постепенного вытеснения горцев в бесплодные горы, рассчитанный на длительные сроки, был отвергнут. Было решено немедленно выступить с крупными силами в горы и, разбив Шамиля одним ударом, укрепиться там. Николай I предлагал Воронцову: «Разбить, буде можно, скопище Шамиля, проникнуть в центр его владычества и в нем утвердиться».

Выполняя это указание, царские войска под руководством Воронцова в июне 1845 г. двинулись в поход на центр Шамиля — Дарго. Это была самая большая экспедиция против горцев с самого начала Кавказской войны. Царские генералы предполагали, что Шамиль будет защищать подступы к горным перевалам. Шамиль решил заманить противника как можно дальше в горы, чтобы здесь уничтожить его. Шамиль отступал, разрушая дороги и мосты, устраивая завалы. Войска Воронцова, преодолевая большие трудности, продвигались вперед. 14 июня после ожесточенной схватки Воронцов вступил в Андию, а 6 июля занял центр Шамиля — Дарго. Казалось, что цель похода Воронцова достигнута.

Но для Шамиля борьба только начиналась. Участник экспедиции генерал Бенкендорф писал: «В день занятия Дарго силы Шамиля были слабее наших, но уже на другой день вся Чечня и весь Дагестан собрались вокруг него, и теперь многочисленный противник, словно громадный муравейник, окружил нас со всех сторон...». Упоенный своими победами, Воронцов очутился во враждебном окружении. Шамиль отрезал его от тыла. Попытки подвезти продовольствие русским войскам кончились неудачей. Русские войска голодали. Фуража не было. Беспрерывные атаки горцев подрывали силы русских войск, и без того потрепанные тяжелым походом. Только с помощью подкреплений Воронцов вырвался из окружения и отступил. 4 генерала, 186 офицеров и 4 тыс. солдат были убиты в этом походе. Так закончилась попытка «одним ударом» покончить с восстанием горцев.

Провал Даргинского похода имел важное значение в освободительной борьбе горских народов. Стало ясно, что вторжения крупных военных сил в глубь гор Дагестана и Чечни не могут принести победы русским завоевателям. Царские власти снова стали пересматривать тактику борьбы с горцами. Они отказались от удара «в центр могущества Шамиля» и перешли к систематическим действиям против горцев, продвигаясь вперед медленно, закрепляя шаг за шагом завоеванную территорию. С этой целью

царские войска прокладывали дороги, истребляли леса, служившие удобным прикрытием для горцев, вытесняли их с удобных мест, лишали их возможности заниматься скотоводством и земледелием, а также строили укрепления и на завоеванных землях поселяли казаков. Покорение горцев при такой тактике растягивалось на много лет.

А тем временем Шамиль неуклонно укреплял свое положение. В 1840—1845 гг. Шамиль сделался полновластным властелином Восточного Кавказа.

В это же время Шамиль стремился распространить свое влияние на народы Западного Кавказа, где непрерывно происходили стихийные выступления горцев. Еще в 1842 г. на Западном Кавказе стали появляться эмиссары и агитаторы Шамиля. В 1845 г. им удалось создать отряды из горцев Западного Кавказа, которые нанесли ряд поражений царским властям, но соединиться с Шамилем эти отряды не смогли. К концу 1848 г. царским войскам удалось почти полностью подавить движение народов Западного Кавказа. Уныние охватило горцев. Не было сакли, в которой не оплакивали бы убитых. И вот в этот момент на Западном Кавказе появился новый посланец Шамиля — Мухаммед-Амин. Шамиль не ошибся, назначив его наибом закубанских горцев. Хороший оратор, искусный политик, храбрый воин, Мухаммед-Амин добился того, что не удавалось сделать его предшественникам: он объединил горцев Западного Кавказа. По его указаниям мусульманское духовенство стало проповедывать газават, и эта проповедь нашла сочувственный отклик. Она положила конец распрям между горскими племенами. Народ поднялся на борьбу.

Весной 1849 г., собрав большие силы, Мухаммед-Амин перешел к наступательным действиям против царских войск. Горцы энергично нападали на оборонительные линии и укрепления русских войск. В ответ на это русские войска вторгались на территории горцев, подвергая опустошительному разгрому их селения, сметая и истребляя все на своем пути. Но действия царских войск не могли остановить все возраставшего влияния Мухаммед-Амина. Одно за другим горские племена присягали ему в верности. Мухаммед-Амину удалось установить свою власть над большей частью территории Западного Кавказа, занимаемой горцами. Он держался здесь 10 лет, отвлекая значительную часть русских войск с главного участка борьбы. Это объяснялось тем, что Мухаммед-Амину, по примеру Шамиля, удалось сплотить воедино силы горцев и создать единое централизованное государство.

Создание единого централизованного государства было одной из важнейших причин упорной борьбы горцев за свою независимость под руководством Шамиля. Шамиль сумел объединить различные народы. Не считаясь с племенными и родовыми перегородками, он установил для всех единое право. Будучи высшим духовным руководителем горцев-мусульман, он сосредоточил у себя всю гражданскую и военную власть. Важнейшие военные, экономиче-

ские, административные вопросы разрешались главным советом (Диван-хане), в котором решающая роль принадлежала самому Шамилю.

Территория, подвластная Шамилю, была разделена на округа, во главе которых стояли наибы, которые в свою очередь делились на районы, управляемые мазунами. Власть в аулах находилась в руках выборных старшин. Наибы были и военными и гражданскими руководителями горцев. Они возглавляли войска, собирали налоги, наблюдали за безопасностью своего края, разбирали споры и устраняли враждебные столкновения. Наибы не получали денежной платы из казны и должны были жить за счет денежных штрафов, конфискации имуществ, добровольных приношений. Для разрешения наиболее важных вопросов, затрагивающих интересы всей территории, Шамиль созывал съезды наибов и старшин.

В каждое наибство посылались также муфтии, ведавшие судебными и духовными делами. Муфтии назначали кадиев. На содержание муфтиев и кадиев устанавливались специальные денежные поборы с населения. Муфтии и кадии разбирали дела на основании шариата, но они сильно зависели от наибов и часто толковали шариат, как это было выгодно более богатым и влиятельным. Чтобы устранить произвол в этом отношении, Шамиль издал кодекс законов — низам, устанавливавший единые законы для всей территории имамата. Обычаю кровной мести наносился удар. Наказания строго регламентировались. В первую очередь они устанавливались за воровство, убийство, уклонение от военной службы, предательство.

Законы Шамиля уравнивали права наследства для всех детей мужского пола и регулировали брачные отношения, чтобы увеличить население; брать калым свыше определенной суммы было запрещено. Законы Шамиля покровительствовали торговле и ограждали частную собственность. Как сообщал Абдул Раман, Шамиль предоставил многим торговцам льготы, возвысившие их значение. Строгие порядки были установлены в отношении личной жизни горцев. Это объяснялось не столько правилами корана, сколько условиями войны, в которой непрерывно находились горцы. Шамиль запретил пение, танцы, употребление вина и табака.

Всякое нарушение законов или религиозных правил строго преследовалось. Особенно сурово Шамиль наказывал за измену. Он говорил, что изменникам «лучше находиться в земле, чем на ней», и поэтому им полагалось одно: смертная казнь. Обычными же наказаниями были тюремное заключение и денежный штраф, причем существовало интересное правило: за каждую ночь, проведенную в тюрьме, нужно было заплатить 20 копеек серебром. Тюрьмой служила яма в земле. Шамиль создал государственную казну, куда и должны были поступать подати с населения. Эти средства расходовались бережливо и шли прежде всего на военные нужды. В обращении ходила русская серебряная монета. За выделку фаль

шивых денег были установлены строгие наказания вплоть до смертной казни.

Особенно большое значение имело то, что Шамиль организовал единую централизованную армию. Каждые десять дворов должны были выставлять и содержать одного всадника. Кроме того, существовало народное ополчение, в которое входило все мужское население от 15 до 50 лет. Они защищали свои селения, но в случае необходимости должны были выступать и в далекие походы. У Шамиля была особая стража (муртизигаторы), которая состояла из наиболее преданных ему людей и выполняла его наиболее важные поручения. Это была самая лучшая часть всей армии Шамиля. «Малое число их опаснее, чем целое скопище горцев», — писали современники. Численность армии Шамиля доходила до 40 тыс. человек, но постоянное ядро состояло из 15—20 тыс., причем кавалерия превышала пехоту. Армия Шамиля была довольно хорошо дисциплинирована и организована. Была установлена военная иерархия, с которой горцы до тех пор были вовсе не знакомы. Войско делилось на тысячи, тысячи — на пятисотки, пятисотки — на сотни, сотни — на десятки. Наибы Шамиля носили эполеты, пятисотенные и сотенные медали. На медалях были написаны арабские стихи: «Если ты предаешься войне, то малодушие в сторону». «Терпи все невзгоды: нет смерти без назначения». Эти же стихи имелись также и на некоторых знаменах войск Шамиля. На медалях часто бывали написаны символы мусульманской веры: «Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его».

Кроме того, Шамиль учредил знаки награды для особо отличившихся воинов. Один из таких знаков состоял из серебряного полукруга с надписью: «Кто думает о последствиях, тот никогда не может быть храбрым». Были и такие надписи: «Храбр и мужественен» или «Имам Шамиль этого храброго воина награждает первоклассным орденом», «Это — герой, искусный в войне и бросающийся на неприятеля, как лев». Кроме того, Шамиль часто награждал отличившихся оружием, лошадьми, деньгами и пр. В армии горцев остро ощущался недостаток оружия. Горцы были вооружены главным образом оружием, захваченным у русских войск. Правда, Шамиль организовал и собственное производство оружия. В селении Ведено производилось литье пушек и ядер, на которых ставилась печать Шамиля. Однако количество этих пушек было очень невелико, а качество — низкое. Из 50 орудий годными оказывались не более 12—14. Холодное оружие изготовлялось мастерами-оружейниками, которыми славился Дагестан.

Недостаток оружия в значительной мере компенсировался тем, что в борьбе с русскими войсками горцы хорошо использовали естественные условия горной местности. Шамиль отступал в горы, увлекал неприятеля в ловушки, внезапно появлялся там, где его никто не ожидал, совершал смелые вылазки в тыл неприятельских войск. Знание местности и поддержка, которую Шамиль встречал со стороны всего местного населения, помогали ему проводить

эту тактику. Энгельс видел успех Шамиля в активных наступательных действиях. «Сила кавказских горцев, — писал он, — заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах против передвигающихся русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Фактически, во всех случаях даже временно успешных восстаний горцев эти успехи, таким образом, были результатом наступательной тактики» [1].

Господство Шамиля внесло значительные изменения в социальный строй горских народов. Шамиль уничтожил господство ханов. Многие ханы и беки, заключившие союз с русским царизмом, были истреблены горцами. Окольничий в статье о событиях в Дагестане указывает, что Шамиль «поддерживает плебейство, тщательно истребляет аристократию... приобретая себе приверженцев, имам обратился к самому бедному классу населения. Он окружил себя бездомовниками». Гассан-Алкадари пишет: «Уже не было таких вещей, как ханские порядки, вроде того, чтобы подчиненный перед начальством снимал шапку и все время стоял».

Административная и судебная власть ханов, беков и других феодалов была упразднена. Феодальная верхушка потеряла свои права и привилегии и уступила место администрации имамата. Это ударило по ее экономическим интересам, так как административные и судебные функции доставляли феодалам большие выгоды. Все подати, которые раньше взимались ханами и беками, теперь шли в государственную казну. Однако социальные мероприятия Шамиля не были достаточно последовательны. Шамиль не провел полной ликвидации прежних отношений. Основная масса населения Дагестана продолжала зависеть от зажиточной узденьской верхушки и духовенства.

Борьба за национальную независимость цементировала централизованное военное государство горцев, заставляла многоплеменное население Кавказа подчиняться военной диктатуре Шамиля. Но государство Шамиля объединяло слишком разнородные социальные элементы. Часть старой феодальной верхушки сохранилась, приспособившись к новым условиям. В числе приближенных Шамиля были люди ханского происхождения, примкнувшие к движению с корыстными целями. С другой стороны, вместо старой выделялась и укреплялась новая феодальная верхушка. Многие наибы Шамиля, сосредоточив в своих руках огромную власть, приобретали большие состояния, захватывали землю, грабили и эксплоатировали местное население. Наибы, зажиточные уздени, кадии, муллы и старшины пытались использовать освободительное движение горских крестьян в своих интересах. Они ставили в за-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 177.

висимость остальное население и заставляли работать на себя подвластных им людей. Естественно, что такая политика правящей верхушки вызывала огромное возмущение среди горцев.

Вместе с тем крестьяне-горцы были истощены продолжительной тяжелой войной, отнимающей все силы и разрушающей хозяйство. Почти все работоспособное население уходило на войну. Поля оставались необработанными. Тяжелые налоги, необходимые для армии и государства, разоряли хозяйство. Голодное, измученное население не могло нести столь продолжительное время все тяготы войны.

Не удавались также попытки объединить в единое государство все горские народности. Движение на Западном Кавказе было оторвано от движения на Восточном Кавказе: их разъединяли Кабарда и Осетия. А между тем царское правительство предпринимало новые меры, чтобы сокрушить государство Шамиля. Планы решительного удара были оставлены. Русские войска приступили к постепенному покорению горских народов. Вырубались просеки. Горцы вытеснялись с плоскости в горы, в захваченных местах строились укрепления и возводились казачьи станицы. Царские войска, — а их на Кавказе в это время было свыше 250 тыс., — начали постепенно окружать Шамиля. В сентябре 1847 г. царские войска заняли крепость Салты, в июне 1848 г. — Гергебиль. Победы царских войск над горцами ускоряли развитие внутренних противоречий. Каждое крупное поражение Шамиля в борьбе с русскими войсками усиливало центробежные силы в его государстве; всякое обострение внутренних противоречий ослабляло борьбу горцев за независимость с русским самодержавием. Теперь уже нельзя было собрать свежие силы, чтобы восполнить тяжелые потери, понесенные при поражениях. Сил этих не было. «Непрерывная война истребила весь цвет горского народонаселения», — писал один из бывших приближенных Шамиля.

В связи с ухудшением положения Шамиля многие наибы стремились отойти от него. Уменьшилось число верных ему наибов. Поднимали голову группировки, враждебные Шамилю. Даниэль-бек и Хаджи-Мурат вели тайные сношения с русским командованием. Шамиль пытался задержать разложение своего государства. Он сместил некоторых наибов, а в 1847 г. добился провозглашения преемником имама сына своего — Гази Мухаммеда, взяв у своих наибов клятву в верности ему. Но все это не могло спасти положения. Назначение непопулярного Гази Мухаммеда преемником Шамиля не укрепило, а ослабило Шамиля и озлобило других претендентов на пост имама. В начале 50-х годов на сторону царизма перешел Хаджи-Мурат. Имамат распадался. Этот распад был лишь отсрочен Крымской войной.

Крымская война 1853—1856 гг. отвлекала силы царского правительства на борьбу с Англией, Францией и Турцией и сильно ослабляла самодержавие. Шамиль воспользовался этим, чтобы перейти в наступление на царские войска. В 1853 г. он двинулся

в Джаро-Белоканы, в 1854 г. он вторгся в Кахетию, угрожая столице Закавказья — Тифлису. Одновременно на Западном Кавказе перешел к активным действиям Мухаммед-Амин. Он захватил все Закубанье. Укрепленная линия на восточном берегу Черного моря оказалась между двух огней: с моря ей угрожал англо-французский флот, с суши — горцы. Русский флот, запертый в Севастополе, не мог притти на помощь. Ряд укреплений был захвачен горцами. Другие укрепления были разрушены самими царскими войсками. Это было большое торжество для горцев.

Однако Шамиль не сумел достаточно хорошо использовать обстановку, созданную Крымской войной. Вследствие тяжелого внутреннего положения он не добился в те годы серьезных успехов. Действия же Мухаммед-Амина были парализованы той борьбой, которая с особой силой разгорелась в это время между ним и представителем черкесской аристократии—турецким ставленником Сефер-беем. Турция всемерно поддерживала Сефер-бея, хотя одновременно связывалась и с Мухаммед-Амином. Это приводило к междоусобной борьбе и ослабляло силы горцев.

Турция, как и Англия и Франция, во время Крымской войны пыталась связаться с Шамилем и использовать движение горцев для борьбы с Россией. Она оказывала помощь горцам оружием, а на Западном Кавказе, кроме того, — и людьми. Однако помощь эта была незначительна, и притом Англия, Франция и Турция исходили из собственных захватнических целей. С интересами народов Кавказа эти державы не считались, и в угоду своим целям они не раз предавали их.

Окончание Крымской войны дало возможность царскому правительству бросить крупные силы на борьбу с движением горцев. На Кавказе сосредоточилось более 300 тыс. войск, во главе которых был поставлен князь Барятинский. Было реорганизовано военное управление Кавказом. В конце 1856 г. царские войска перешли к действиям, стремясь прежде всего вытеснить Шамиля из Чечни. Они вырубали леса, строили укрепления и крепости, шаг за шагом закрепляя за собой завоеванную территорию.

Шамиль приказал своим сторонникам «стоять твердо, как камни», и «отсекать головы тем, кои выкажут радость при появлении неверных». Однако, измученное многолетней войной, горское население было не в силах оказать сопротивление. Под натиском многочисленных царских войск Шамиль отступал. Силы его слабели. Попытка Шамиля вырваться из этого окружения и ударить в тыл царских войск не удалась. В марте 1859 г. русские войска подошли к резиденции Шамиля — Ведено. 20 дней они готовились к решающему бою, и наконец, 1 апреля 1859 г. этот бой наступил. Весь день длилась ожесточенная схватка, в итоге которой Ведено было взято русскими войсками. После окончания борьбы в Чечне развернулись ожесточенные сражения в Дагестане. С остатками сил Шамиль отступал в свое последнее убежище — в аул Гуниб, расположенный на неприступной горе Гуниб-Даг. Лишь 400 чело-

век горцев было теперь с ним. Шамиль приказал укрепить слабые места, сделать завалы и прокопать рвы, чтобы затруднить наступление русских войск.

Переговоры о сдаче ни к чему не привели. В ночь на 25 августа 150 русских солдат, преодолевая огромные трудности, с помощью веревочных лестниц и крючьев, подсаживая друг друга, стали взбираться по уступам горы Гуниб-Даг. Они открыли дорогу наступающим частям русской армии, и скоро Шамилю и горцам пришлось отступить в аул. 10-тысячное русское войско окружило аул. Положение горцев было совершенно безнадежным. 25 августа 1859 г. Барятинский, наконец, мог радостно сообщить императору: «Гуниб взят, Шамиль в плену». Шамиля отправили в Петербург к царю, затем поселили в Калугу, а в 1870 г. отпустили в Мекку, где он и умер в 1871 году.

Вскоре после пленения Шамиля Мухаммед-Амин вместе с частью абадзехов также сдался русским войскам. Но князь Барятинский, произведенный в связи с этим в фельдмаршалы, признавался: «Покорность абадзехов, по моему мнению, еще слишком шатка, чтобы удостоиться такого звания». И, действительно, горцы Западного Кавказа продолжали сопротивляться. В июне 1860 г. выборные старшины горских племен Западного Кавказа договорились объединиться в союз для совместных действий против врага. Был учрежден меджлис, или, как его называли, «Великое свободное заседание». Однако из новых попыток объединить горские народы ничего не получилось. Подавив движение горцев Восточного Кавказа, самодержавие направило все свои силы на Западный Кавказ. Часть русских войск совершила трудный переход через главный Кавказский хребет.

Подавляя восстание на Западном Кавказе, царизм стремился изгнать местное население из горной и приморской полосы на плоскость, а все предгорье занять казачьими станицами, чтобы лишить горцев возможности возвратиться на прежние места. Часть горцев бежала в Турцию. Уже в 1865 г. в Турции насчитывалось до 60 тыс. черкесов.

Восстание горцев было подавлено. В этом восстании горские народы проявили большой героизм. Один из царских деятелей, боровшийся с горцами, писал: «Надо отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага». Но малочисленные горские народы не могли победить многочисленную царскую армию. Вместе с тем внутренние противоречия разлагали многоплеменное государство горцев и способствовали его гибели. А главное, движение горцев было оторвано от освободительной борьбы других народов России и прежде всего самого русского народа. Шамиль избрал своим знаменем учение ислама, которое разбивает все народы на правоверных и неправоверных. «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство, — писали Маркс и Энгельс, — сводят географию и этнографию народов всего мира к простой и удобной формуле деления на две половины:

правоверных и неверных. Неверный, это — «гяур», это — враг. Ислам проклинает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными» [1].

Учение ислама помогло Шамилю объединить горские народы. Но оно привело к изоляции и обособленности всего движения. Шамиль не понимал необходимости связать свое движение с передовым общественным движением России и объединить силы для совместной борьбы против царизма. И это было главной причиной поражения горцев.

Казахстан

В начале XIX в. Казахстан со всех сторон теснился своими соседями. Китайские феодалы обложили тяжелыми поборами ближайшие к ним казахские кочевья и захватывали земли Восточного Казахстана. С юга и юго-запада на Казахстан наступали феодальные среднеазиатские ханства. Подавляя сопротивление казахов, войска кокандского хана Алима уничтожали целые аулы, угоняли скот, убивали и захватывали в плен множество казахов. Кокандцы построили ряд крепостей в Южном Казахстане и под охраной войск беспощадно эксплоатировали казахов. Действуя в союзе с ними, хивинские ханы стремились захватить плодородные земли, расположенные в низовьях Сыр-Дарьи. Хивинский хан Мухаммед-Рагим производил опустошительные набеги на сыр-дарьинских казахов и разорял их земли. В это же время шло продвижение в Казахстан царской России. Русские купцы использовали казахские земли как источник животноводческого сырья, рынок сбыта промышленных товаров и транзитный путь на Бухару, Афганистан, Индию. Новая Илецкая линия, построенная царизмом в начале XIX в., отрезала от западной части Казахстана большую территорию, богатую водой и пастбищами.

Казахи не были в силах противостоять такому одновременному наступлению. У них не было ни крепостей, ни регулярного войска, а самое главное, не было внутреннего единства. Ожесточенная вооруженная борьба между султанами подрывала силу казахских орд. В результате междоусобных войн целые аулы разорялись. Значительная часть населения убивалась, скот угонялся или истреблялся. Усиление феодального гнета, междоусобные войны и хищнические набеги среднеазиатских ханов разоряли казахский народ и приводили в упадок его хозяйство: поголовье скота уменьшалось, торговля сокращалась. Граф Потоцкий писал, что бедность казахов «чрезвычайна и злощастие их умножается». Нищета заставляла казахов продавать своих детей в рабство.

Многие казахские орды видели выход из создавшегося положения в принятии подданства России.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр 6.

В 1801 г. султан Букей из младшей Казахской орды обратился с просьбой принять его в русское подданство и разрешить ему и подчиненным ему общинам поселиться на военные времена в степях между Уралом и Волгой. Царское правительство удовлетворило эту просьбу, и в 1803 г. 5 тысяч кибиток Младшей казахской орды, возглавленных Букеем, переселились на новые земли. В степях между Уралом и Волгой образовалась Казахская орда, получившая название Внутренней, или Букеевской, орды.

Тяготение к России имело место и среди казахов Средней орды. Спасаясь от опустошительных феодальных войн, казахи Средней орды искали убежища близ русских крепостей, расположенных по Иртышу. Часть казахских кибиток переходила на правый берег Иртыша, на русскую территорию, где казахи получали участки для кочевий. Другая часть продолжала кочевать в своих степях, но вступала в подданство России. Такие казахи выходили из подчинения ханов и переставали им платить подати. Они стали выполнять различные поручения русских пограничных властей, охраняли торговые караваны и пр. Казахи же, переселявшиеся за Иртыш, на русскую территорию, были обложены как и все другие нерусские народности Сибири, ежегодной податью — ясаком.

Принятие русского подданства имело прогрессивное значение для жизни казахского народа. Оно спасало казахов от хищнических грабежей и набегов хивинских и кокандских ханов и междоусобных феодальных войн, разорявших народ, и вовлекало их в жизнь более передовой страны. Однако русское подданство не избавляло казахов от тяжелого гнета. Царские власти полностью сохранили феодальное господство местной казахской знати. Одновременно они стремились лишить казахов прежней самостоятельности и поставить их под непосредственный контроль своей администрации.

В 1822 г. царское правительство издало «Устав о сибирских киргизах», согласно которому ханская власть в Средней орде уничтожалась, а ее территория разбивалась на новые административные единицы — округа, которые в свою очередь делились на волости и аулы. Во главе округов ставились окружные приказы под председательством старшего султана в составе двух русских заседателей и двух заседателей-казахов. Во главе волостей ставились волостные султаны, а аулов — старшины. Они избирались из среды казахской знати и сосредоточивали в своих руках полицейскую и административную власть. Старшие султаны, султаны и старшины являлись фактически чиновниками царской администрации. Царские власти утверждали их в должностях, давали им чины, земельные участки и пр.

Казахский суд, судивший по обычному казахскому праву, сохранялся. Однако наиболее важные судебные дела: государственная измена, убийства, неповиновение власти и пр., изымались из его ведения и передавались окружным приказам для рассмотрения их по русским законам.

Устав о сибирских киргизах устанавливал систему повинностей, налагаемых на казахов. Со скота, принадлежащего казахам, взимался ясак. На казахов налагалась посрочная, подводная и другие повинности.

Почти одновременно с введением этого устава произошли изменения и в управлении Младшей орды. В 1824 г. ханская власть в этой орде была упразднена. Территория Младшей орды была разбита на три части: западную, среднюю и восточную. Во главе каждой из частей Младшей орды были поставлены султаны-правители. Они назначались царским правительством, и при них постоянно находился отряд русских казаков из 200 человек под командованием офицера. Так постепенно царизм ограничивал самостоятельность казахских орд.

Широкие массы казахского народа сопротивлялись усилению феодального гнета и стремились отстоять свою независимость от наступления хивинского и кокандского ханов. В 1821 г. восстание против Кокандского ханства возникло в Большой казахской орде. Движение против хивинского хана в Малой казахской орде возглавлялось энергичным султаном Арынгазы. Он стремился создать централизованное казахское государство и с помощью России освободить казахские земли от хивинской зависимости. Но одновременно Арынгазы боролся и против притеснений царской администрации. Недаром царское правительство арестовало Арынгазы и сослало его в Калугу.

Крупное движение против царских властей возникло в 1822 г., когда, в связи с постройкой Новоилецкой линии, казахи лишились богатейших пастбищ между Илеком и Уралом. Восставшие казахи, руководимые старшиной Жолманом Тиленши, требовали возвратить им отнятые земли и освободить арестованного Арынгазы. В течение двух лет они вели тяжелую борьбу с карательными экспедициями царских войск, но потерпели поражение. Вместе с тем движение народных масс часто использовалось в своих узких эгоистических интересах казахской аристократией. Ее представители боролись за ханскую власть и ради этого не раз предавали народное движение. Так, например, султан Каратай, стремясь захватить ханский престол, выступал сначала против царского ставленника Жан-Тюре и карательных экспедиций русских войск, а впоследствии стал одним из преданных слуг царизма и был назначен султаном-правителем западной части Младшей орды.

Наиболее крупные волнения произошли в то время среди казахов Внутренней (Букеевской) орды. Удобные зимовки для скота привлекали в Нарын-пески и Прикаспийские степи, между низовьями Урала и Волги, большие массы казахского населения. Население Букеевской орды росло. Однако казахи попадали здесь под тяжелый двойной гнет. Жизненно необходимое для казахов прикаспийское побережье находилось во владении князей Юсуповых и графа Безбородко, а сочные луга между реками Большой и Малый Уздень были захвачены уральским казачьим войском. Поме-

щики, казаки, чиновники запрещали казахам бесплатно пасти скот, пользоваться речными водопоями, ловить рыбу. За кочевку каждой кибитки, каждого верблюда, лошади, коровы, барана они взимали с казахов большую плату деньгами, скотом или отработками.

С другой стороны, казахский народ беспощадно эксплоатировался местной феодальной знатью и самим ханом Букеевской орды. Во время ханства Жангира (1825—1845 гг.) положение трудящихся казахов особенно ухудшилось. Жангир рассматривал землю Букеевской орды как свою частную собственность. В свое личное пользование он захватил 400 тыс. десятин лучшей земли. Огромное количество общинной земли Жангир роздал своим родственникам, султанам и баям. Всего в их владение перешло до 4½ миллионов десятин самых лучших земель Букеевской орды. Некоторые ханы и султаны имели по 200—400 тыс. десятин и сотни голов скота. Постепенно почти все удобные земли были захвачены ханами, султанами, баями. Многие роды были вовсе лишены земли.

Лишенная земли и скота, казахская беднота вынуждена была работать на крупных и мелких феодалов на самых тяжелых, кабальных условиях. Целыми семьями трудящиеся казахи уходили наниматься к казахской знати, русским помещикам, кулакам, торговцам или на заводы и рудники. Оставшиеся изнемогали под тяжестью налогов и поборов, взимаемых в пользу хана, ханских чиновников, султанов, баев, мулл и других. Казахи Букеевской орды жаловались оренбургскому военному губернатору: «Мы, как бы не огражденные никаким законом, подвергаемся обидам и притеснениям, которые переносить далее не имеем возможности, потому что султаны и баи нас совершенно угнетают: отбирают у нас скот и имущество и, кроме оказываемого ими к простому народу пренебрежения, причиняют побои и даже наносят раны».

В казахском народе росла ненависть к угнетателям. В 1836 г. в Букеевской орде, где классовые противоречия были особенно обострены, возникло широкое народное восстание. Его возглавил старшина Бершева рода — Исатай Тайманов, смелый и умный. Исатай решительно встал на сторону народа, против хана и феодалов. Он обращался с просьбой о помощи и защите к начальнику Оренбургского края и другим русским чиновникам. Но царские власти поддерживали ханов и султанов, и Исатай вступил на путь самостоятельной борьбы против угнетателей. Исатай и его сторонники разъезжали по аулам и призывали народ к восстанию. Восставшие захватывали земли и скот ханов и султанов и сжигали их дома.

В июле 1837 г. Исатай писал генералу Перовскому о тяжелом положении казахского народа: «Султаны, баи и ходжи-исполнители ханской воли всюду нас притесняют безвинно, мучают побоями, своевольно отнимают у нас собственность нашу, жаловаться же на них — значит, наводить на себя видимое бедствие и совершенное разорение». 600 восставших, подписавших это обращение, просили

сместить хана Внутренней орды Жангира и на его место поставить старшину Исатая Тайманова. Летом 1837 г. восстание разрослось, захватив много новых родов и аулов.

Объединяя вокруг себя решительные активные элементы, Тайманов принимал меры против колеблющихся. У старшин, которым он не доверял, Тайманов отбирал скот, брал в заложники их семейства, заставляя выступать против хана.

Хан был бессилен подавить восстание. В октябре 1837 г. Исатай Тайманов с 3 тыс. восставших окружил ханскую ставку, где скопились сбежавшие отовсюду султаны и богачи. Хан Жангир умолял Перовского о помощи. Признав серьезность положения во Внутренней орде, Перовский направил против Тайманова карательный казачий отряд под командованием подполковника Геке. Когда Исатай узнал, что в казахские степи двинулся русский отряд, он снял осаду ханской ставки и пошел навстречу ему. В середине ноября 1837 г. между отрядами Геке и Тайманова завязался ожесточенный бой. Казахи сражались мужественно, но после того как русский отряд пустил в ход артиллерию, они были разбиты и рассеяны. Власть хана и султана была полностью восстановлена. Поднявшая голову казахская знать начала жестокое преследование восставших. У восставших отнимался скот и домашнее имущество, их сажали в тюрьмы и наказывали нагайками. Самому Тайманову удалось с группой сторонников прорваться за Урал. За поимку Тайманова назначались крупные награды, но обнаружить его не удавалось.

Весной 1838 г. Исатай появился в кочевьях Младшей орды, где возглавил повстанческие отряды казахов. Однако на этот раз движение Тайманова не носило антифеодального характера, как это было во Внутренней орде. Исатай действовал теперь в союзе с феодальными группами. Он призывал казахов откочевать от границ России и присоединиться к ставленнику Хивинского ханства султану Каип Галию. Но, несмотря на изменение характера движения, влияние Тайманова было значительным. Тщетно султан Айчуваков пытался своими силами подавить начинавшееся движение. В Оренбург снова поступило донесение, что вся степь фактически во власти Исатая. Против Тайманова двинулся отряд его старого противника Геке. Соединившись с отрядом Айчувакова, ему удалось заманить Тайманова в западню. В то время как отряд Исатая бросился преследовать Айчувакова, две сотни оренбургских казаков ударили во фланг и тыл Тайманова и смяли его отряд. Тайманов потерпел поражение. На протяжении 15 верст шло преследование казахов. Сам Тайманов скакал, отбиваясь стрелами из лука. Затем под ним подбили коня и Исатай оказался окруженным преследователями. Он продолжал отбиваться от них саблей. Однако силы Тайманова слабели, и он погиб в неравной борьбе.

Восстание Тайманова продолжалось два года. Гораздо более продолжительным было движение, возглавляемое Кенисары Каси-

мовым. Внук хана Аблая-Кенисары был властолюбивым и энергичным человеком, способным военачальником и организатором. Упорно и настойчиво он добивался своей цели — стать ханом крупного независимого Казахского государства. Кенисары опирался прежде всего на казахскую феодальную верхушку, стремившуюся сохранить привилегированное положение. Но одновременно он умело использовал в своих целях движение народных масс, боровшихся за национальное и социальное освобождение, и противоречия между важнейшими государствами, наступавшими на Казахстан, — Россией, Хивой и Кокандом. Благодаря этому движение Кенисары Касимова приняло широкий размах и продолжалось целых 10 лет.

Движение султана Кенисары Касимова зародилось в кочевьях Средней орды в то самое время, когда во Внутренней орде началось восстание Тайманова. Царские власти создали в Средней орде внешние округа, построили укрепления и отняли власть у Касимова и других султанов. Касимов был поэтому враждебно настроен к царским властям. В 1837 г. Кенисары произвел первое вооруженное нападение на русский отряд, а в следующем году разгромил и сжег Акмолинский приказ.

С тех пор началась ожесточенная борьба между Кенисары и царскими властями. Отряды Кенисары нападали на русские отряды, разрушали русские крепости и беспощадно разоряли аулы тех султанов и баев, которые стали агентами русского царизма. Карательные экспедиции русских войск в ответ на это разоряли казахские отряды, примыкавшие к Кенисары, и стремились захватить его отряды. Но Кенисары умело уходил от преследования, постоянно менял места кочевья. Из Средней орды он откочевал в Младшую орду, затем в Кокандское ханство и, наконец, снова вернулся в Младшую орду, которая надолго стала центром его движения.

Кенисары объединил большие силы казахов. Значительная часть населения трех казахских орд признала его ханом. Опираясь на их поддержку, Кенисары хотел создать под своей властью единое казахское государство. Он назначил есаулов, упорядочил взимание налогов с населения, создал дисциплинированные военные отряды. Кенисары вступал в сношения со своими соседями. В борьбе против царских властей он пытался найти поддержку у хивинского хана. Но Алма-Кули-хивинский не желал тогда портить отношений с Россией. Кенисары заключил соглашение с ташкентским беком. Последний сначала поддержал казахского султана, а потом совершил внезапное нападение на его отряд, в результате чего были убиты почти все члены семьи Кенисары. С тех пор между ними разгорелась непримиримая вражда.

С 1841 г. Кенисары стал вести военные действия против Кокандского ханства. Он наносил большие поражения кокандским войскам и не раз овладевал крупными кокандскими крепостями.

В период наиболее напряженной борьбы с Кокандом Кенисары заключил соглашение с хивинским ханом и бухарским эмиром и шел на примирение с царизмом. Он просил русские власти простить его и давал обещание покориться. Однако обычно это примирение было непродолжительным. Кенисары не подчинялся распоряжениям царских властей, и последние посылали против него одну карательную экспедицию за другой.

Царские власти построили укрепления в центре кочевий восставших казахов и постепенно вытеснили их из степей Центрального Казахстана. В 1845 г. Кенисары откочевал в сторону Жеты-Су и Сыр-Дарьи. Он продолжал войну с Кокандом, а в 1847 г начал нападения на киргизов, отказавшихся подчиниться его власти. Целые аулы подверглись уничтожению. Вблизи селения Большой Токмак Кенисары был окружен киргизами, его отряд был перебит, а сам Кенисары взят в плен и казнен киргизами.

Движение Кенисары было направлено против царской России и Кокандского ханства. Оно выражало стремление казахского народа отстоять свою независимость и, одно время, носило массовый характер. Однако это движение не несло подлинного освобождения казахскому народу.

Кенисары не затрагивал сложившейся социальной структуры казахского общества и беспощадно расправлялся лишь с теми представителями казахской знати, которые отказывались признать его власть. В руках Кенисары сосредоточивалось все управление. Он сам судил подчиненных, распределял кочевья, устанавливал налоги и штрафы. Положение трудящихся казахов не изменялось к лучшему, и они все больше теряли надежду на свое освобождение. Если в 1842—1844 гг. Кенисары пользовался широкой поддержкой казахов, то в 1846—1847 гг. его влияние упало, и массовое движение казахов стало все больше вырождаться в разбойнические набеги Кенисары и его соратников.

Борьба казахского народа против собственных и иноземных угнетателей нашла свое яркое отражение в казахском народном творчестве. Народные акыны, часто являвшиеся непосредственными участниками борьбы, сложили немало песен и сказаний, прославляющих героизм народных руководителей — батыров.

Ближайшим соратником Тайманова был народный казахский акын Мухамбет Утемисов. Хорошо зная жизнь казахского народа, Утемисов в своих замечательных стихах ярко выразил его стремления и чаяния. Вместе с тем в этих стихах он хорошо отразил крестьянский характер поднявшегося восстания. Разоблачая ханскую власть, Утемисов говорил:

«Что толку народу от тронов златых,
Что толку народу от ханов лихих,
Если для немощных и бедняков
Нет справедливости, правды у них».

И Утемисов призывал к вооруженной борьбе с угнетателями:

«Как я хотел, свой меч обнажив,
Груды увидеть мертвых голов,
Слышать предсмертный верблюжий рев
Ханов, что бедный народ томят,
Баев, что брюхо себе растят».

Утемисов призывал бесстрашно биться с врагом. Он считал, что только тот может достигнуть цели, кто испытал лишения. Обращаясь к султану Айчувакову, казахский акын называет этого «потомка ханов белокостных» своим извечным заклятым врагом. Своего же руководителя Тайманова он называет «крылатым соколом». Утемисов восхвалял бесстрашие, спокойствие и твердость Тайманова:

«Глубок словно море, ты был умен,
Спокоен и тверд на пути своем».

После подавления восстания Тайманова Утемисов скрывался, но в 1841 г. был схвачен и отправлен в Оренбург, где предан суду. Через пять лет Утемисов был зверски убит шайкой наемных убийц.

Ученик Утемисова — акын Шернияз также направлял свои стрелы против угнетателей. Он говорил, что султан Айчуваков дотла разорил свой народ.

«Лучше враг со звериным лицом, чем подобная дрянь,
Проклинает народ тебя всюду, куда ни пойдешь».

Два акына Досходжи и Нысанбай — участники движения Кенисары Касимова — воспевали его подвиги. Неизвестный акын посвятил поэму одному из руководителей освободительной борьбы — Бекет-батыру.

Народы Сибири

Из всех народов царской России в наиболее тяжелом положении находились народы Сибири. К концу XVIII в. вся Сибирь была окончательно покорена. Большую часть ее населения уже составляли русские. Но в Сибири продолжали жить и другие народы, которых царские власти презрительно называли «инородцами».

В Сибири не было помещичьего землевладения и крепостного права, зато существовали другие формы кабалы и эксплоатации, ничем не уступающие последним. Народы Сибири подвергались тяжелому угнетению со стороны царских властей, русских купцов и промышленников и местной знати. Имело место и прямое обращение сибирских народностей в рабство. В 1825 г. группа сибирских рабовладельцев протестовала против отбора у них невольников. Царское правительство запрещало рабство. В 1825 и 1826 гг. специальные указы предлагали освободить всех невольников-инородцев. Случаи рабства встречались и позже, но не это было наиболее характерным для положения народов Сибири в первой половине XIX века.

Народы Сибири бедствовали прежде всего вследствие бесчисленных поборов и натуральных повинностей, налагаемых на них царскими властями. Тяжелым бременем лежала на них выплата ясака мехами, денежные поборы, прокладка дорог, постройка мостов, подводная гоньба и пр. Правда, существовали определенные размеры податей и повинностей. Ясак платился по переписи 1763 года. Но с тех пор численность некоторых народностей уменьшилась. Так, например, в некоторых волостях Туруханского края от голода и болезней умерло до ¾ населения, а сумма ясака, взимаемая с этих волостей, осталась прежней. Оставшиеся в живых платили за себя и за умерших. Вместе с тем не делалось никакого различия между народностями, стоявшими на разных ступенях развития и благосостояния. Умиравшие с голоду остяки и тунгусы должны были платить столько же податей и отбывать столько же повинностей, сколько и более обеспеченные тобольские татары или буряты.

Однако и эти нормы в сборе податей фактически не соблюдались. Земская полиция бесконтрольно хозяйничала в инородческих улусах. Она самочинно устанавливала новые поборы, вводила новые повинности, взимала несуществующие недоимки. Сибирская администрация действовала совершенно бесконтрольно, наживая огромные состояния на беззастенчивой эксплоатации как русского населения, так и сибирских народностей. Царские чиновники использовали здесь известную поговорку: «До бога высоко, до царя далеко». «На небе бог, а на Камчатке Кох», — говорили жители об одном из правителей полуострова. Взяточничество, открытый грабеж населения были обычным явлением в Сибири. Характеризуя действия сибирского чиновничества, Головин в 1810 г. писал: «И чего должно было ожидать от подобных им людей в странах, отдаленных от высшего правительства на многие тысячи верст, где они управляли народами, не имеющими почти никакого понятия о законах и даже не знающих грамоты».

Народы Сибири испытывали также тяжелый гнет со стороны своей знати. Родовые старейшины, князьки, улусные головы и другие представители местной знати захватывали лучшие земли и скот и беспощадно эксплоатировали остальное население. У якут община существовала лишь номинально, и неравномерное распределение земли было узаконено. Родовые старейшины — тойоны— имели наиболее обширные и лучшие сенокосные угодья и в связи с этим платили больший ясак. В начале XIX в. плательщики ясака делились у якутов на три разряда, именуемые классами. В первом классе состояли тойоны, во втором — родичи среднего достатка, в третьем — бедняки, не имевшие или почти не имевшие земли. В 1825 г. иркутским губернским управлением вместо трех классов установлено было пять классов якутских плательщиков: «Тойоны, менее богатые родичи, мастера и промышленники, служащие в работниках, и, наконец, дряхлые, калеки и нищие». Это деление, ставшее основой распределения земли в якутском улусе, продер-

жалось длительное время. Опираясь на свою экономическую силу и поддержку царской администрации, тойоны держали власть в якутских улусах в своих руках.

Большую роль играла и бурятская аристократия, также пользовавшаяся поддержкой царизма. Власть над хоринскими бурятами находилась в руках потомков Шодоя Болторикова, которого царские власти утвердили в звании тайши. С 1815 г. хоринскими бурятами правил тайша Дымбыл Галсанов, отличившийся особенно жестокими притеснениями и расхищением общественных средств. Его сменил сын — Ринчин-Доржи Дымбылов, принявший православие, но не уступавший отцу в жестокости и деспотизме. Оба они умело использовали поддержку царских властей для угнетения своих сородичей.

В 1819 г. бывшему приближенному Александра I — М. Сперанскому было поручено произвести ревизию Сибири. Он проезжал губернию за губернией, и чем дальше продвигался в глубь Сибири, тем все больше перед ним вскрывалась картина вопиющих злоупотреблений и произвола. «Чем дальше спускаюсь я на дно Сибири, — говорил Сперанский, — тем больше нахожу зла». Приехав в Томск, он писал: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что и можно бы сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить». Отстранив от должности первого встретившегося исправника Зинова за присвоение денег, Сперанский потом приказал написать ему, чтобы он, как честнейший из исправников, прибыл в Иркутск, где получил новое назначение. Сперанский отстранил много сибирских чиновников, но к строгому наказанию было привлечено только 43 человека.

Сперанский был оставлен управлять Сибирью в качестве генерал-губернатора, но он не мог изменить положения дел. Злоупотребления продолжались. Сперанский сам говорил, что он не мог истребить беспорядок и злоупотребления, «ибо порядок управления, краю сему свойственный, остается тот же, исправлять я его не могу, люди остаются те же, переменить их некем. Я не могу даже дать движение суду над ними, ибо те, кои должны их судить, сами подлежат суду по другим делам подобным. Людей, отрешенных в одном уезде или в одной губернии, я принужден употреблять в другом, дабы вовсе не остановить течения дел».

После ревизии Сперанского царское правительство решило упорядочить дело управления Сибири. Оно отказалось от огульного подхода ко всем группам «инородцев». В 1822 г. был утвержден устав об инородцах Сибири, разработанный Сперанским, который делил их на три группы: оседлых, кочующих и бродячих. К оседлой группе относились народности, живущие в городах и селах, занимающиеся земледелием и торговлей. Они были приравнены к государственным крестьянам и объединялись в волости. Но тут не была учтена степень благосостояния этих народностей. При переводе в оседлые было допущено много произвола. К оседлым были отнесены инородцы, живущие издавна у русских кре-

стьян в качестве работников или давно продавшие и заложившие свои земли и занимающиеся рыбным и звериным промыслом. Многие из них влачили нищенское существование и, конечно, не могли вынести тяжесть нового налогового обложения в связи с переходом в разряд «оседлых».

Неудивительно, что с самого начала применения нового устава многие народности Сибири стали просить отменить его и не переводить их в оседлые. Они неоднократно обращались с такими ходатайствами к местным властям, генерал-губернаторам и самому царю. «Новое положение, — писали они, — не сообразно с родом нашей жизни и совершенно несвойственно самобеднейшему нашему положению, которое до того простирается, что мы не только не можем отбывать этих налогов, но с великой нуждой и большим трудом снискиваем для себя дневное пропитание и самобеднейшую одежду».

Вскоре после введения Устава о сибирских инородцах в 1828 г., ясачная комиссия, выделенная царскими властями, отметила, что при переводе в оседлые «не были приняты в соображение, с одной стороны, бедность и нищета их, с другой стороны, важность налогов с новым званием на них падающих». Вот почему недоимки непрерывно росли. Оседлые народности Тобольской губернии за 8 лет, с 1824 г. по 1832 г., вместо прежних 128 тыс. рублей податей и денежных повинностей должны были уплатить 1 400 тыс. руб., а смогли уплатить только 730 тыс. На оседлых народностях Томского округа лежало к 1831 г. 121 тыс. рублей недоимок. Дело в конце концов дошло до того, что царские власти сами вынуждены были сложить все недоимки, образовавшиеся на 1 января 1832 года. Ясачная комиссия находила нужным сделать это, так как взыскать их было невозможно, «не доведя инородцев до совершенного разорения». И Сенат согласился с этим «по уважению расстроенного состояния инородцев от обременительной экзекуции и других допущенных местным начальством злоупотреблений».

Для сибирских народностей, зачисленных в разряд «кочевых и бродячих», были оставлены те подати и повинности, какие существовали прежде. Главной их податью был ясак, вносимый натурой—мехами. Неравномерность в распределении ясака между ними, как и раньше, доходила до того, что одни платили двойной оклад, а другие ничего не платили. Некоторые роды попрежнему вносили ясак за вымерших. Многие остяки занимались рыбной ловлей, но обязаны были платить подать зверьем. Они вынуждены были поэтому за большие суммы покупать зверье у купцов и промышленников и платить, таким образом, двойной или тройной ясак. Неудивительно, что у кочевых и бродячих сибирских народностей, как и у оседлых, росли недоимки. В связи с разорением сибирских народностей платеж ясака неизменно сокращался. Царские власти, обеспокоенные этим обстоятельством, создали в 1828 г. две ясачные комиссии (Западно-сибирскую и Восточно-сибирскую), которые

занялись переписью сибирских народностей и составлением новых окладных книг. Согласно переписи, кочевых и бродячих народностей в Сибири оказалось 226 452 души. И хотя сама комиссия отметила бедственное положение сибирских народностей, она значительно увеличила размер ясака. Вместо прежних 146 тыс. рублей, ясачная комиссия определила подать в сумме 525 тыс. рублей. Нужно также учесть, что меха принимались в ясак не по рыночной цене. Поэтому реальная стоимость ясака была значительно выше номинальной.

Устав о сибирских инородцах существенно не изменил внутреннего устройства «кочевых и бродячих» народов Сибири, в том числе бурят и якут. Вот некоторые параграфы устава 1822 года: «Инородцы управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми». «Кочующие управляются по степным законам и обычаям, им свойственным». «Все инородцы, носящие почетные звания между своими родовичами, как то: князцы, тойоны, тайши, зайсаны, шуленьги и пр. удерживают сие звание и пользуются теми почестями, какие в местах их жительства обычай и степные законы им предоставляют». «Звание наследственное остается наследственным, звание избирательное остается избирательным». Правда, «почетные» инородцы не получили прав, предоставляемых русскому дворянству, но прежняя их власть над сибирскими народностями была сохранена.

Новое состояло в том, что у всех «кочевых» народов была введена единая административная система. Каждое стойбище или улус с населением не менее 15 семей получали свое родовое управление со старостой во главе. В крупных улусах создавались инородные управы, состоящие из головы и двух выборных. Инородная управа подчинялась русским полицейским властям — нижнему земскому суду. Вместе с тем, у народов, «соединенных в одну общую зависимость», устав 1822 г. предусматривал создание высшего органа инородческого управления, так называемых, степных дум, подчиненных непосредственно губернатору.

Степные думы были созданы у бурят, хакасов. В 1827—1838 годах Степная дума существовала и у якутов. Якутская Степная дума состояла из главного родоначальника и шести заседателей. Это были представители знатнейших тойонских фамилий по одному от каждого улуса Якутского округа. Согласно утвержденным властями правилам, Дума должна была заниматься исчислением населения и раскладкой оборов, а также заботиться о распространении земледелия и о нуждах своих сородичей. Но нужды сородичей мало интересовали якутскую аристократию. Она прежде всего боролась за сохранение своих доходов. Царские власти настаивали на более равномерном распределении земли, с тем, чтобы обеспечить сбор ясака с низших классов и тем самым повысить общую сумму податей, взимаемых с якутов. Под давлением властей и особенно ясачной комиссии якутская Степная дума вынуждена была заняться переобложением и перераспределением земли.

В 1836 г. передел земли произошел, но он не изменил существенным образом положения дел в якутских улусах. Тойоны сохранили основные земли в своих руках, а наличие земли и скота давало им возможность беспощадно эксплоатировать якутскую бедноту. Иркутский чиновник Щукин в описании своей поездки в Якутию отмечал, что богачи-якуты имеют до 1 000 голов рогатого скота и лошадей, а беднота нанимается на работу к ним. «Плутни старшин, — пишет Щукин, — довели якутов до крайности: они содержат бедных в совершенном рабстве, затрудняют им способы итти в город, приобрести что-нибудь работою, а чрез то делают их вечными своими работниками».

Якутская Степная дума собиралась послать депутацию в Петербург, чтобы изложить Николаю I нужды якутского населения. Она собирала средства для посылки депутации и выработала проект ходатайства, в котором просила предоставить якутам право отлучаться далее 500 верст от своих жилищ по разрешению инородных управ, учредить якутскую уездную школу, признать за Степной думой судебные функции, утвердить степные законы в том виде, в каком они были приняты с участием якутских представителей и др. Однако вскоре было обнаружено хищение собранных на поездку депутации средств, а также ряд других злоупотреблений, допущенных почтенными якутскими родоначальниками — членами Степной думы. Злоупотребления были так значительны, что даже царские власти, покровительствовавшие местной знати, отстранили членов Степной думы от должностей. Поездка якутской депутации так и не состоялась.

В Степных думах, в инородных управах, волостных управлениях заседала местная знать, не заботившаяся об интересах народа. Придавленное нуждой, темное, забитое население Сибири не надеялось с помощью таких учреждений добиться улучшения своего положения. Оно видело в них только новый источник своего собственного разорения и отказывалось платить поборы в их пользу. В 1835 г. бийский исправник доносил, что «оседлые инородцы» Кокшинского улуса и Смоленской волости «по малочисленности своей и бедному состоянию не могут ни желать, ни предпринимать учреждения волостного управления». Томский исправник сообщал, что «кочевые инородцы» «просят избавить их от учреждения у них инородческих управ по их бедности и малочисленности».

Ревизия Сперанского и Устав 1822 г. не улучшили экономического положения народов Сибири. Попрежнему продолжались беспощадная эксплоатация и грабеж сибирских народностей. Разоряющиеся сибирские народности попадали в тяжелую кабалу к русским купцам и крестьянам и к местной знати. Им нужно было уплатить подати и приобрести хлеб, чтобы не умереть с голода, и они вынуждены были влезать на самых тяжелых условиях в долги.

Царские власти пытались ограничить произвол ростовщиков и торговцев. Они установили специальные разрешения на въезд куп-

цов в стойбище кочевых народов и ограничивали торговлю с ними определенным временем в году. Чтобы спасти народы Сибири от полного вымирания, царские власти открыли в Сибири казенные хлебные магазины, и одно время вовсе запретили частную торговлю хлебом. Но все это не давало положительных результатов. Разоренные сибирские народы не имели средств платить государству за отпускаемый хлеб и впадали в долги. Долг за хлеб с человека в Туруханском крае доходил до 200 рублей. Злоупотребления и произвол казенных торговцев хлебом (вахтеров) разоряли население еще больше, чем спекуляция купцов. Упадок частной торговли ухудшал положение сибирских народностей.

Неудивительно, что шло обнищание населения Сибири и периодически происходили массовые голодовки, приводившие к случаям людоедства. В 1814—1816 гг. голод уничтожил массу населения Туруханского края, в 1827 г. он поразил остяков в Нарымском округе, в 1844 г. — в окрестностях Аяна. Другим бедствием для сибирских народностей было множество эпидемий. Низкая материальная обеспеченность, антисанитарные условия жизни, отсутствие медицинской помощи делали население Сибири бессильным перед лицом массовых заболеваний. В Забайкалье, на Камчатке, в Енисейской, Томской и Тобольской губерниях свирепствовали оспа, тиф, цынга, проказа, сифилис и другие болезни, уносившие в могилу тысячи человеческих жизней.

Многие сибирские народности искали выхода из своего тяжелого положения в бегстве. В одной волости Восточной Сибири при переобложении было обнаружено бегство 128 тунгусов, якутов и коряков. Жители Шуйской волости Кузнецкого округа, спасаясь от «оседлого положения», удалились в Алтайские горы. Иногда дело доходило и до более активных форм сопротивления. Тобольский губернатор в 1827 г. лично расследовал дело о заговоре среди остяков Березовского края. В конце 30-х годов открытый бунт вспыхнул среди ханте-ненецкой бедноты, проживавшей на севере Сибири. Царское правительство и здесь опиралось на местную верхушку — князей и старшин, которые вместе с русскими чиновниками грабили и эксплоатировали своих сородичей. Этот двойной гнет и вызвал движение среди ханте-ненецкой бедноты, поднятое Ваули Пиетоминым. Ваули удалось создать из бедняков крупный отряд, вооруженный луками, копьями, винтовками и большими ножами. Его отряд насчитывал до 400 человек. Ваули совершал нападение на богатых старшин, отбирал у них оленей, муку и делил это среди бедняков. Одно время в ханте-ненецких районах власть фактически была не в руках ставленника царской власти князя Тайшина, а в руках Ваули. Но в январе 1841 г., с помощью князей, Ваули был захвачен в г. Обдорске и предан военному суду. Его отправили на каторжные работы в Восточную Сибирь. Ханте-ненецкая беднота надолго сохранила светлое воспоминание о Ваули и твердо верила, что он еще вернется на страх богачам.

Развертыванию широкой освободительной борьбы народов Сибири препятствовали их разрозненность, отсталость, невежество. Дикие религиозные суеверия и обычаи имели среди них большое распространение. Прочно держалось шаманство и другие языческие верования. Распространялся буддизм.

Царизм учитывал большое влияние религии на жизнь народов Сибири. Чтобы прекратить общение буддистов-бурят с центрами буддизма — Тибетом и Монголией, царские власти учредили в Забайкалье самостоятельную духовную власть для сибирских буддистов. Представители буддийских бурятских приходов избирали трех кандидатов в хамболаны, и царские власти утверждали одного из них в этом духовном звании. Хамболаны имели власть над всеми буддийскими монастырями Забайкалья, которых к середине XIX в. насчитывалось 34. Они подчинялись непосредственно генерал-губернатору. Буддийским доцанам были отведены обширные земли, а ламы были освобождены от телесных наказаний, казенных и общественных повинностей и надзора царских властей. Благодаря поддержке царизма, буддизм довольно быстро распространялся. В 1848 г. насчитывалось уже 125 тыс. буддистов и 4 500 лам. Ламы имели большое влияние на бурятское население: эксплоатировали и разоряли бурят, старались держать их в темноте и невежестве. В то время как буддизм развивался в Восточной Сибири, в Западной Сибири утвердилось магометанство. В 1851 г. в Тобольской губернии насчитывалось 148 мечетей. Сибирские муллы так же, как и ламы, всемерно насаждали фанатизм и суеверия, чтобы лучше обирать население. Среди сибирских народностей прочно держалось также шаманство и другие языческие верования.

Царизм стремился оказать идеологическое воздействие на народы Сибири с помощью православия. Сибирские народности боялись, что, приняв христианскую веру, они потеряют свою национальность, утратят свои нравы и обычаи и еще больше будут угнетаться русскими. И потому они сопротивлялись принятию новой веры. Но несмотря на это, христианство все шире распространялось среди сибирских народностей. К середине XIX в. крещеных «инородцев» в Енисейской губернии было 35 тыс., в Тобольской — 24 тысячи. Особенно широко крещение развернулось в Якутии. К середине XIX в. некрещеных якутов почти не было. Прежние национальные имена были заменены у якутов русскими именами и фамилиями. Но принятие христианства часто было формальное. Новую религию мало кто понимал. Сохранилось множество прежних шаманских верований и обычаев, и христианство, которое исповедывали народы Сибири, нередко представляло собой пеструю смесь с язычеством. В 1847 г. на Камчатке разнесся слух, что с севера на оленях едет камчадальский национальный бог Кутху и наделяет всех лучшими оленями, рыболовными сетями и другими предметами. И крещеные и некрещеные камчадальцы с одинаковой верой и большим нетерпением ждали бога. Они

бросали свою старую утварь, сети, оружие, убивали оленей... Но Кутху не пришел.

Однако некоторые из народностей Сибири уже вовлекались в более прогрессивную передовую жизнь. В первой половине XIX в. постепенно переходили от кочевого к полуоседлому быту буряты. Они все больше начинали заниматься земледелием. Русские власти помогли им семенами и сельскохозяйственными орудиями, а впоследствии и сами понуждали бурят переходить к земледелию. Пример окружающего русского населения и требования властей вели к развитию земледелия. В 1839 г. буряты засевали хлебом 84 479 десятин. К 60-м годам XIX в. в Иркутском округе занималось земледелием 40 тыс. бурят мужского пола. В 1858 г. в Забайкальской области буряты посеяли 33 971 четверть хлеба.

Якуты продолжали развивать свое скотоводческое хозяйство, но и у них в первой половине XIX в., несмотря на трудности почвы, зародилось земледелие. Вместе с тем в 40-х годах на юге Якутской области и в соседних районах — на Олекме и Витиме — было обнаружено золото. Началась усиленная разработка золотых приисков, появились старатели, промышленники. Это внесло новые явления и в жизнь якутов. Развитие золотопромышленности открыло им близкий и выгодный рынок, и они стали выбрасывать на него мясо, масло и другие сельскохозяйственные продукты. Поставка товаров на прииски стала важным источником дохода якутских богачей. Значительная часть населения Олекминского округа стала работать возчиками на приисках. Перевозками занимались и якуты коренных улусов на Охотском, Верхоянском и других трактах. Росло якутское купечество. Якутские купцы, как и некоторые представители якутской знати, пробирались в тайгу и завязывали оживленные торговые связи с тунгусами и другими народностями, скупая у них пушнину.

Образование и культура и в первой половине XIX в. почти не коснулись народов Сибири. Они жили в этом отношении так же, как сотни лет назад. Но постепенно, с помощью русского населения, образование и культура все же стали проникать и в среду сибирских народов. Царские власти не предпринимали серьезных мер по распространению просвещения среди сибирских народностей. Попытки основания школ носили случайный характер. Многие школы существовали на бумаге. В Березовском крае в 1843 — 1847 гг. было открыто девять школ, в которые был зачислен 71 остяк. Кроме того, 16 остяков учились в русских училищах. Но через несколько лет обнаружилось, что многие школы закрылись, а количество учащихся резко сократилось. В начале XIX в. была открыта школа при якутском монастыре, но она носила церковный характер и готовила духовных лиц. Впоследствии Пирожковым была открыта частная бурятская школа, а в Иркутске на бурятский язык была переведена книжечка о мироздании. Небольшое количество молодежи из среды сибирских народностей попадало в русские учебные заведения, в уездные училища, духовные семинарии

и даже в гимназии. Но в сравнении с другими окраинами России этот процент был очень невелик. В то время, как представители местных национальностей в гимназиях Кавказа в середине XIX в. составляли 27 проц. учащихся, в гимназиях Сибири — только один процент.

Как сообщает С. Шашков, в Енисейской губернии в это же, примерно, время на 41 797 человек инонационального населения грамотных приходилось только 46 человек.

Но несмотря на такое положение из среды народов Сибири в первой половине XIX в. выделились отдельные личности, игравшие важную роль в развитии науки и просвещения. Самым выдающимся из них был первый бурятский ученый Доржи Банзаров.

Доржи Банзаров учился сначала в троицко-савской русско-монгольской школе, а затем в числе других способных бурятских мальчиков был направлен в Казанскую гимназию. Отлично окончив гимназию и Казанский университет, Доржи Банзаров в 1846 г. защищал кандидатскую диссертацию на тему «Черная вера, или шаманство, у монголов». Эта большая научная работа 24-летнего бурятского ученого получила высокую оценку и выдвинула его в число крупных востоковедов. Она свидетельствовала о всесторонней образованности Банзарова и о его передовом мировоззрении. Использовав огромный фактический материал, манчжурские, арабские и китайские источники и сочинения европейских ученых, Банзаров впервые дал научное освещение возникновению шаманства у древних монголов. Вслед за тем он жил полтода в Петербурге, где общался с известными русскими учеными-востоковедами и напряженно работал над новыми трудами. Это был самый плодотворный период в жизни бурятского ученого.

В 1848 г. Банзаров получил назначение на должность чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Банзаров не мог найти общего языка ни с царской администрацией Сибири, ни с бурятской аристократией, беспощадно эксплоатировавшей народ. Его преследовали и травили за передовые взгляды и общественную деятельность. Вопреки всему Доржи продолжал свою научную работу по монголоведению, написав ряд интересных исследований. Он умер молодым, 32 лет, в начале своего творческого пути. С огромным уважением Банзаров относился к культуре русского народа, сыгравшей решающую роль в его деятельности. С помощью этой культуры темный и забитый народ, который до того считали неспособным к творчеству, выдвинул такого человека, как Банзаров. Друг и биограф бурятского ученого П. Савельев писал: «Блеск примечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели право на большое внимание, потому что из среды их вышел Доржи Банзаров».

Банзаров усвоил культуру передового русского народа и приобщился к европейской науке и просвещению. Но он не порвал с народом, из которого вышел, а, наоборот, отдал свои силы служению его интересам, стремясь вызвать интерес к судьбам своего

народа и вырвать его из состояния угнетения и невежества. Деятельность Банзарова была пронизана сочувствием к угнетенному трудовому народу. Он помнил древнюю бурятскую легенду, как мир наводнили чудовища и на защиту от них поднялся храбрый и мудрый Гэсэре со своими тридцатью тремя богатырями и, истребив чудовища, дал бурятам свободную и счастливую жизнь. В 1848 г., когда в Европе поднялась могучая волна революции, Доржи Банзаров писал своему другу Бобровникову: «У обитателей Запада настало теперь смутное время: они повыгоняли своих ханов и владельцев. Судя по характеру настоящего времени, не явится ли снова Гэсэре. Тогда нам предстанет случай быть в числе тридцати трех богатырей».

Банзаров был одинок. Народы Сибири находились тогда на крайне низком культурном уровне и в подавляющем своем большинстве боялись науки и просвещения. Они испытывали тяжелый гнет царских чиновников и местной знати и опасались, что школа принесет им новые неприятности: отберут детей, отдадут их в солдаты, установят новый налог и т. д. Придавленные произволом и нуждой, народы Сибири прятали детей и упрямо твердили: «Не надо школы!». Но искра просвещения уже тогда запала в их среду.

Наиболее чуткие наблюдатели в то время видели, что народам Сибири вовсе не суждено вечно прозябать в темноте и невежестве, что с помощью русского народа и они смогут выйти на широкую дорогу культуры и прогресса. Смотритель училища Абрамов говорил о ненцах как о весьма способном народе; ученики-ненцы, попадавшие в уездное училище, обнаруживали способность к математике. Ученый Миддендорф обращал внимание на замечательные природные дарования и жизненную энергию тунгусов. Он отмечал, что «якуты отличаются издавна способностями и усвоили весьма быстро культуру. Алтайцы отличаются не меньшими способностями, чем якуты» и т. д. Исследователь Сибири Н. Ядринцев писал в начале 80-х годов XIX в. в своем большом труде: «Сохранение инородческих племен, развитие образования среди них, так же, как призвание их к гражданской и умственной жизни, есть настолько же историческое право инородцев на общечеловеческое существование, сколько и исторический долг русской народности на Востоке».

Борьба народов России и русское общественное движение

На примерах отдельных народов мы видели, какой тяжелый национальный гнет осуществляло царское правительство в России и какую борьбу вели ее народы за освобождение.

Правда, разрозненные, оторванные друг от друга народы России не имели силы одолеть грозное самодержавие, а русский народ тогда не мог еще подняться на борьбу с царизмом и повести за собой остальные народы нашей страны. Царизм разобщал национальности и разжигал межнациональную вражду, тем самым укрепляя свое господство в многонациональной России.

Но несмотря на шовинистическую политику самодержавия происходило сближение между народами России. Это сближение не могло тогда получить какое-либо четкое оформление, но оно неизменно росло и крепло, разрушая национальные перегородки, сооруженные царизмом. Наиболее передовые, прогрессивные деятели как русского, так и других народов нашей страны были чужды узкому национализму и понимали необходимость единения между народами России.

Т. Г. Шевченко ярко нарисовал положение царской России как тюрьмы народов:

«У нас же и простор на то,
Одна сибирская равнина.
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до фина —
На всех языках все молчат».

Шевченко желал победы горцам Кавказа в их освободительной борьбе с царизмом:

«Вы боритесь — поборите!
Бог вам помогает,
С вами правда, с вами слава
И воля святая!».

Шевченко почти десять лет прослужил солдатом в Казахстане. В этой ссылке он сблизился с польскими революционерами и писал, что польский и украинский народы поссорили между собой «коварный ксендз и враг-магнат».

Великий украинский поэт внимательно изучал жизнь окружавшего его казахского народа. Был знаком с его освободительным движением и сочувственно относился к нему. Он говорил, что хотя казахи убоги и голы, зато на воле. Шевченко запечатлел в своих рисунках жизнь и быт казахов и киргизов. Вот темы этих рисунков: «Киргизка сбивает кумыс», «Казах на коне», «Мальчик топит печь», «Казахская семья», «Шевченко с киргизскими (казахскими) мальчиками» и др. В основу стихотворения Шевченко «У бога за дверью лежала секира», написанного им в Орской крепости, была взята казахская легенда о том, как грандиозный пожар охватил огромное пространство от Урала до Аральского моря, уничтожив все города и села и растительность. И Шевченко пишет, как плачет верблюд, а казах, понурив голову, взглянет на степь, на маленькую речку, на одно оставшееся дерево и «тихонько спустится с горы и сгинет в пустыне». Шевченко хотел написать стихотворение «Сатрап и дервиш», в котором предполагал в лице дервиша изобразить казахского певца — народного заступника.

Шевченко стал великим украинским поэтом и народным заступником под влиянием передовой русской культуры, при поддержке передовых русских людей. Еще в юности он читал произведения русских писателей, и еще тогда имя Пушкина стало для него самым дорогим и близким. И когда крепостной Шевченко оказался со своим помещиком в Петербурге, передовые рус-

ские люди приняли горячее участие в судьбе выдающегося сына украинского народа. На деньги, собранные от продажи портрета Жуковского, русские друзья Шевченко выкупили его из крепостной неволи и в дальнейшем неизменно поддерживали украинского поэта в трудные минуты жизни. Передовые русские люди видели в Тарасе Шевченко выдающегося деятеля братского украинского народа. Они горячо приветствовали его народную поэзию, его борьбу за освобождение Украины. Добролюбов писал, что Шевченко вышел из украинского народа и вся его жизнь и творчество неразрывно связаны с судьбой этого народа. Шевченко устремился всей душой «к своей бедной родине» и выразил ее лучшие надежды и чаяния. Но вместе с тем произведения Шевченко, «будучи народно-украинскими, понятны и близки, однако, всякому, кто не совсем извратил в себе лучшие человеческие инстинкты». Такая высокая оценка Шевченко одним из лучших представителей русского народа была не случайной.

Передовые русские люди горячо любили свой народ, свою родину, но их патриотизм не вел к национальной вражде и ограниченности. В отличие от немецких писателей и ученых, проповедывавших расовое превосходство, русские писатели и ученые не были охвачены чувством национального высокомерия и пренебрежения к другим народам.

К. Ф. Рылеев воспевал доблесть и мужество русского народа. Но он написал две поэмы, посвященные борьбе Украины. В одной из них замечательный русский поэт с огромной симпатией нарисовал образ пламенного борца за свободу и независимость украинского народа — Наливайко. Наливайко говорит, что нельзя равнодушно видеть «порабощенных земляков». Он готов еще, может быть, подать руку личному врагу:

«Но вековые оскорбления
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщения —
Не в силах я...»

Тайный голос шепчет Наливайко: «Пора губить врагов Украины», и он, внемля призыву, поднимается на борьбу.

А. С. Грибоедов также был охвачен чувством национальной гордости. Он любил русскую старину, тщательно изучал летописи, народные песни, памятники древнерусской письменности. Как «добрый патриот» Грибоедов приветствовал победы русского оружия и писал, что в связи с этими победами «нельзя русскому сердцу не прыгать от радости». Но при всем этом Грибоедов был далек от шовинистической нетерпимости. В древнем Эчмиадзине он с огромным интересом изучал памятники армянской старины. Внимательно изучая жизнь народов Закавказья, Грибоедов призывал к сближению с этими «новыми согражданами России». Он предлагал правительству отказаться от предрассудков шовинистической исключительности и «равно благотворить все своим под-

данным, какой бы они нации ни были». Белинский отмечал, что именно на Кавказе Грибоедов создал свое знаменитое «Горе от ума»: «дикая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия его сынов вдохновила его оскорбленное человеческое чувство на изображение апатического, ничтожного круга Фамусовых, Скалозубов, Загорецких, Хлестовых, Тугоуховских, Репетиловых, Молчалиных — этих карикатур на природу человеческую». Грибоедов предполагал написать драму из древнеармянской жизни — «Родамист и Зенобия» и поэму из грузинской жизни — «Грузинская ночь». Он изучил для этого ряд исторических материалов, в частности «Историю Армении» Моисея Хоренского, перевод которой на русский язык был опубликован в 1808 г., и уже составил план и наброски будущих произведений, но смерть прервала эту интересную работу А. С. Грибоедова.

В творчестве великого А. С. Пушкина Кавказ занял значительное место. Пушкин горячо полюбил суровую и величественную природу Кавказа. Он воспел в своих стихах свирепое веселье Терека, шум Арагвы, высокий Казбек, царственный шатер которого «сияет вечными лучами», холмы Грузии, Эльбрус, белеющий на голубом небе. С интересом и сочувствием Пушкин рисовал быт народов Кавказа и собирал их фольклор. Герой его поэмы «Кавказский пленник» наблюдал их веру, нравы, воспитание.

«Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани».

В «Кавказском пленнике» Пушкин ярко описал любовь и гибель молодой горянки и показал ее высокие моральные качества. Один из казенных критиков обвинял тогда великого Пушкина в антипатриотизме, так как его горянка морально выше русского пленника. В эпилоге к «Кавказскому пленнику» Пушкин призывал Кавказ смириться перед силой двуглавого орла, но он не представлял завоевание Кавказа как мирное «присоединение», как это изображали царские чиновники. «О Котляревский, бог Кавказа! — восклицал Пушкин, — куда ни мчался ты грозой — твой ход, как черная зараза, губил, ничтожил племена...».

И не случайно Пушкин, возвращаясь с Кавказа, не привозил с собой торжественных од в честь царских войск, боровшихся с горцами. «Северная пчела» писала, что многие надеялись, что автор «Руслана и Людмилы» в сладких песнях передаст потомству подвиги русской армии на Кавказе, но этого не случилось.

Правда, Пушкин осуждал польское восстание 1831 г. и расходился в отношении к нему с представителями не только польского, но и русского освободительного движения. В стихах «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» он выступил против независимости «кичливых ляхов» и за слияние всех славянских ручьев в едином русском море. Но эти стихи Пушкина были направлены не столько против самих поляков, сколько против интер-

венции западноевропейских держав, стремившихся использовать польское восстание в своих целях. Пушкин спрашивал врагов России:

«О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? — волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою».

Собирая материалы о восстании Пугачева, Пушкин побывал в Оренбурге, в Уральске, в казахских аулах, где знакомился с бытом и жизнью казахов, их преданиями, песнями и легендами. По всей вероятности, именно тогда была записана им казахская поэма о Козы-Корпеше и его возлюбленной Баян Слу, недавно обнаруженная в бумагах поэта.

Пушкин недаром выражал уверенность в том, что его произведения дойдут до всех народов многонациональной России:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и фин, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык».

Смерть великого русского поэта острой болью отозвалась тогда в сердцах передовых людей всех народов России. Мирза Фет Али Ахундов под свежим впечатлением тяжелой утраты хорошо выразил свои чувства в стихотворении на смерть Пушкина:

«Его мощь царит по Европе всей
Дальше, чем Николай-властелин.
И как лунный серп на Востоке люб
Он любимый у Севера сын.

Сын семи небес, четырех стихий,
Благовонный весенний крин.
Черной власти раб, черной тьмы гонец
Подстрелил певца издали».

В творчестве великого наследника Пушкина — М. Ю. Лермонтова Кавказ занял особенно большое место. Как отмечал Белинский, «Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта». Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимым им; на недоступных вершинах Кавказа, увенчанных вечным снегом, находит он свой Парнас. Обращаясь к Кавказу со словами горячей любви, Лермонтов восклицает: «На севере, в стране тебе чужой, я сердцем твой, — всегда и всюду твой».

Лермонтов горячо любил седой Кавказ не только за его горы и реки, утесы и скалы, бури и непогоды, которые он так художественно отобразил в своих произведениях. Кавказ дорог Лермонтову как «суровый край свободы»:

«От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный».

Лермонтов в своих произведениях дал яркие образы сынов Кавказа. Он показал их пламенную любовь к родине. Плененный рус-

скими грузинский мальчик Мцыри в одноименной поэме Лермонтова перед смертью просит положить его в сад, откуда виден Кавказ:

«Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!»

Великий русский поэт нарисовал образы простых и мужественных сынов Кавказа, горячо любящих и стойко боровшихся за свободу:

«Им бог — свобода...
Черкес удалой в битве правой
Умеет умереть со славой».

Вольность для черкеса милее отчизны и покоя, и он не отдаст ее за «злато роскоши нарядной».

Лермонтов хорошо знал жизнь, быт и нравы кавказских горцев и все конкретные события их освободительной борьбы. Его замечательная поэма «Измаил-бей», как и ряд других произведений, дает правдивую картину грандиозной войны, развернувшейся между царскими войсками и кавказскими горцами во второй четверти XIX века. В этой картине нет великодержавного шовинизма, характерного для всех официальных описаний Кавказской войны. С большой силой Лермонтов изобразил в поэме «Измаил-бей», как под ударами русских войск гибнет черкесская вольность:

«Горят аулы: нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облзках, пугает взор —
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою...»

Эти строки Лермонтова являются одним из наиболее ярких обличений зверств царских завоевателей.

Сочувственно относились к освободительной борьбе кавказских народов и другие русские поэты и писатели. Участвуя в войне с горцами как солдат царской армии, Полежаев писал, что в результате действия войск кругом видны «следы печальные смертей и груды тел окровавленных». «Неумолимая рука не знает строгого разбора; она разит без приговора с невинной девой старика и беззащитного младенца». Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, переведенный после якутской ссылки рядовым в Кавказский корпус, в своих произведениях, написанных на Кавказе, — «Мулла Нур», «Аммалат-бек» и др. — описывал патриотизм и свободолюбие горцев. Он дружил с замечательным сыном азербайджанского

народа Мирза Фет Али Ахундовым и перевел на русский язык некоторые его произведения.

Чувство национальной ограниченности было чуждо великому русскому общественному деятелю и критику В. Г. Белинскому. Белинский правильно подчеркивал различную роль, которую играют те или иные народы в жизни человечества. «Важность и достоинство народов определяется их историческим значением», — говорил он.

Белинский считал, что там, где только человек владеет словом, любит, ненавидит, блаженствует и страдает, — там уже есть человечество, там уже есть жизнь и поэзия, но большая разница в объеме слова, любви, ненависти и блаженства между калмыком и тунгусом и образованным европейцем.

Однако, из этих, в общем справедливых, суждений о разном уровне развития народов Белинский делал неправильные выводы, что отсталые народы будто не смогут подняться на более высокую ступень национального развития. Называя эти народы племенами, Белинский утверждал, что, оставшись при одной народной поэзии, они не смогут возвыситься на ступень художественности, иметь своих великих поэтов. Белинский считал, что из народной поэзии украинцев не может развиться литература и литературным языком украинцев должен быть русский, что племена, вошедшие в состав России, должны «перекалиться в горниле великорусской жизни».

Однако несмотря на эти неправильные выводы Белинский с любовью и уважением относился к жизни и творчеству других народов России. Он горячо приветствовал повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», видя в ней дивную эпопею героической жизни украинского народа. Он считал, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь дал полные жизни и очарования очерки «своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссии»: «И, боже мой, какую глубокую и могучую поэзию нашел он тут! Мы, москали, и не подозревали ее». А когда вышли «Мертвые души», Белинский упрекнул того же Гоголя в увлечении «родным, отечественным». «Мы говорим, — писал Белинский, — о некоторых, — к счастью, немногих, хотя к несчастью, и резких, — местах, где автор слишком легко судит о национальности чуждых племен, и не слишком скромно предается мечтам о превосходстве славянского племени над ними. Мы думаем, что лучше оставлять всякому свое и, сознавая собственное достоинство, уметь уважать достоинство и в других».

С большим сочувствием к национально-освободительному движению относился А. И. Герцен. Можно сказать, что из всех деятелей 30—40-х годов он наиболее правильно подходил к решению национального вопроса в России.

Будучи в ссылке, Герцен собрал материал о жизни и быте народностей коми и мари, или, как их тогда называли, вотяков и черемисов. На основе этого материала он написал статью, напеча-

танную в 1838 г. в прибавлениях к «Вятским губернским ведомостям». Не являясь большим научным трудом, статья Герцена представляла собой первую серьезную работу по вопросам истории, быта, нравов и верований этих народов. «Исследование о вотяках и черемисах, — писал Герцен, — должно обратить на себя большое внимание. Доселе не было ничего полного собрано ни о их быте, ни о их религии; но сведения, которыми я мог располагать, еще не представляют возможность сделать удовлетворительное описание этих племен».

Впоследствии, находясь уже за границей, Герцен гневно обрушивался на царских палачей, жестоко расправлявшихся с национально-освободительным движением народов России. Узнав о подавлении восстания казахов под руководством Есета Котибарова войсками полковника Кузмина и майора Дарышева, Герцен писал в «Колоколе»: «Со времен ветхозаветных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузмина и майора Дарышева, которым заправлял (еще при Петровском), сидя в своей канцелярии, бывший помощник Липранди — Григорьев. Этот кровавый эпизод еще ждет описания».

Особенно важное значение имело отношение передовых слоев тогдашнего общества к самому крупному национально-освободительному движению в царской России — к движению поляков. Герцен признавал, что царское правительство ведет в Польше несправедливую политику угнетения. Но он спрашивал, правильно ли обвинять в этом весь русский народ. Герцен пишет, что когда вспыхнуло польское восстание 1830 г., русский народ не обнаружил ни малейшей вражды к восставшим. «Молодежь всем сердцем сочувствовала полякам. Я помню, с каким нетерпением ждали мы известия из Варшавы, мы плакали как дети при вести о поминках, справленных в столице Польши по нашим петербургским мученикам (речь идет о декабристах. — Э. Б.). Сочувствие к полякам подвергало нас жестоким наказаниям, — поневоле надобно было скрывать его в сердце и молчать».

Герцен встречался с поляками в университете и в ссылке. И он писал впоследствии об этих встречах. «Я провел пять лет в ссылке в отдаленных губерниях империи; много встречал я там ссыльных поляков... конечно, они не могут пожаловаться на недостаток симпатии со стороны местных жителей... Я бы мог сослаться также на польских студентов, посылаемых ежегодно в русские университеты для удаления от родных влияний; пусть они расскажут, как принимали их русские товарищи. Они расставались с нами со слезами на глазах».

Герцен стоял за предоставление Польше безусловной независимости. «Те из русских, — писал он, — которые не понимают, что независимость Польши есть в то же время освобождение России, — не революционеры, не свободомыслящие, они не с нами». Герцен был горячим сторонником союза между русским и польским народом и призывал русских соединиться с поляками и

бороться «за свою и их вольность». Он писал: «Мы от всей души работаем над укреплением самого братского, самого тесного союза между польской демократией и революционным меньшинством в России». Узнав, что русский офицер Караваев погиб, желая спасти осужденного на смерть поляка Конарского, Герцен указал: «вот первообраз того соединения, о котором идет речь». Он отмечал, что сквозь мрачные события, сквозь дымящуюся кровь, через виселицы, через головы царей и палачей, из-за насильственного единства «виднеется единство свободное, из-за единства, поглощающего Польшу Россией, — единство, основанное на признании равенства и самобытности обоих». «Скованные поневоле колодники, всматриваясь более и более, узнали друг в друге братьев, — та же кровь сказалась, и семейная вражда иссякает».

Герцен боролся за соединение России и Польши на новых, свободных началах. Но он считал, что для этого нужно признание со стороны России безусловной независимости Польши, признание всей полноты ее власти, ее неограниченной самостоятельности: «Польша не может и не должна иначе соединиться с Россией, как на основе своей свободы и национальной независимости, и это наступит тогда, когда Россия сбросит с себя ярмо императорской власти».

Герцен распространял этот принцип и на другие народы, населяющие Россию. Он правильно понимал, в каком направлении будет итти дальнейшее развитие народов. «Очевидным в наше время является стремление человечества объединяться все в более обширные союзы. И потому-то искусственные объединения, одерживаемые насилием, залитые кровью, должны распасться и раздробиться на куски. Сродство и сочувствие народов прежде всего должно быть свободным для того, чтобы свершился взаимный соответствующий подбор».

Так передовые русские люди 30—40-х годов XIX века боролись за признание равенства и независимости угнетенных народов России, за сближение между ними.

Внутри России, среди самого русского народа росло прогрессивное движение, направленное против самодержавия и крепостничества. Лучшие представители русской общественной мысли, литературы, науки, искусства решительно боролись с квасным официальным «патриотизмом».

«Вот этот процесс борьбы прогрессивных сил с реакционными, этот процесс роста и консолидации культурных сил, — писал М. И. Калинин, — дал возможность, по крайней мере, наиболее сознательным элементам угнетенных национальностей увидеть другую Россию—Россию благородную, свободолюбивую, неугнетательскую, культурную, талантливую, способствующую развитию знаний среди широких масс населения» [1].

---

[1] М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании, стр. 73. Изд. «Молодая Гвардия». 1945.

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА в 40—50-х ГОДАХ XIX ВЕКА. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

14 декабря 1825 г., вернувшись с Сенатской площади после расправы с декабристами, Николай I, обращаясь к своему младшему брату, воскликнул: «Революция у ворот России, но, клянусь, пока я живу и действую, она не переступит ее порогов». В течение своего долголетнего царствования Николай I настойчиво старался осуществлять эту клятву. Он являлся вдохновителем и организатором контрреволюции в Европе. В этом он имел постоянное сочувствие и поддержку реакционных английских политических деятелей.

На русском престоле оказался человек, который продолжительное время являлся «...супер-арбитром европейской дипломатии, грозой для правительств Средней Европы, страшилищем для всех прогрессивных слоев европейского общества...»[1]. Это продолжалось до тех пор, пока Николай I не утратил дипломатической ориентации и не шагнул «... в неожиданно разверзшуюся пропасть, чтобы насмерть разбиться при падении»[2].

Каждый раз, когда поднималась в Европе революционная волна, Николай I мобилизовывал свои батальоны, придвигал их к своей западной или юго-западной границе и начинал давить всей своей силой на восставшие народы. Так было, когда во Франции вспыхнула Июльская революция 1830 г., волны которой докатились до «порога России» и вызвали довольно сильный отклик в Польше; так было, когда началось под влиянием Июльской революции движение в Бельгии за независимость; так было во время Краковского восстания в 1846 году. Особенно ярко контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике проявилась в 1848—1849 гг., когда на Западе началась революционная буря.

Маркс и Энгельс неоднократно отмечали эту роль царизма, указывая, что «...никакая революция в Западной Европе не может окончательно победить, пока рядом с ней существует нынешнее российское государство»[3].

Сами представители николаевского режима ясно высказывали свои контрреволюционные взгляды. Один из видных дипломатов

---

[1] История дипломатии, т. I, стр. 398. Соцэкгиз. 1941.
[2] Там же.
[3] К. Маркс. Избранные произведения, т. II, стр. 537.

Николая I, барон Бруннов, отчетливо сформулировал основную установку в борьбе с «духом времени». Еще в 1838 г. в записке «Об общих началах, служащих общим основанием нашей внешней политики», Бруннов, касаясь возможного возникновения революции, писал: «...Придется не сражаться с врагом в открытом бою, а обороняться от более страшного противника. Мы станем лицом к лицу с революционным духом, глухо подтачивающим державы самые сильные. Существенная польза России требует, чтобы мы держали его в удалении от себя (выделено мною. — **Н. Я.**), посредством стран, отделяющих нас от очага революции»[1]. Под этими странами Бруннов разумел Пруссию и Австрию с их реакционным монархическим режимом, который он считал необходимым всеми силами поддерживать.

Австрия и Пруссия долгое время являлись активными членами контрреволюционного Священного союза, который был создан еще Александром I и продолжал фактически существовать под эгидой Николая I вплоть до революции 1848—1849 годов.

Контрреволюционная внешняя политика Николая I диктовалась страхом перед революцией у себя дома. Он стремился задушить революционное движение в западных странах, с тем чтобы не допустить его влияния на Россию. Это было для него тем более необходимо, что внутри России все больше зрели революционные силы. Николай I смертельно боялся взрыва народного возмущения. Поэтому, выступая душителем европейских революций, он свирепо расправлялся с общественным и революционным движением внутри страны. Он был врагом всякой передовой мысли. Николай I с невероятной жестокостью расправился с декабристами. Он был вдохновителем убийства великих поэтов — Пушкина и Лермонтова, замучил в солдатах талантливого поэта Полежаева, в тисках его режима погиб революционный демократ Белинский и многие другие.

Ведя борьбу против революции на Западе, Николай I никогда не упускал случая использовать подавление революции в своих захватнических целях. Путем расширения границ Российской империи он стремился укрепить свое господство, диктатуру дворян-крепостников и обеспечить рынки сбыта развивавшейся русской промышленности. Он стремился овладеть черноморскими проливами — Босфором и Дарданеллами. Сюда направлялось его главное внимание, здесь был завязан узел Восточного вопроса, который был предметом дипломатических и военных столкновений в течение почти всего XIX века. И каждый раз, когда в Европе вспыхивала революция, Николай I одной рукой громил эту революцию, другой — стремился использовать «трудности» западноевропейских государств в целях захватов на Востоке, в целях разрешения в свою пользу Восточного вопроса. Касаясь этой стороны политики царской России, Энгельс отмечал: «Войны России против турок

[1] Татищев. Внешняя политика Николая I, стр. 25.

приходятся всегда на такие периоды, когда на западной русской границе царит мир, а Европа занята какими-нибудь другими делами» [1]. После того как Николаю I удавалось вместе с внутренней контрреволюцией той или иной страны задушить революцию, он, укрепившись в своей роли международного жандарма, с еще большей силой выступал на внешнеполитической арене, стараясь осуществить «традиционное стремление» России к Константинополю.

Необходимо, однако, подчеркнуть что свою контрреволюционную роль во внешней политике русский царизм играл не один. В этом ему усиленно помогали не только его вассалы — Прусское королевство и Австрия, но и Англия. Англия с давних пор душила все передовое и прогрессивное, играла реакционную роль в период всех европейских революций. Товарищ Сталин, характеризуя контрреволюционную роль английской буржуазии, указывал: «Английский капитализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций. Начиная с Великой французской революции конца XVIII века... английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громителей освободительного движения человечества» [2]. Она поддерживала всюду душителя революции — Николая I, ловко обманывая общественное мнение своей страны.

В то же время Англия являлась главным противником русского царизма на Востоке. Она стремилась парализовать все попытки Николая I захватить Константинополь, стараясь держать этот «Рим Востока» фактически в своих руках при помощи своей дипломатии и флота. Маркс указывал, что поражение рабочего класса в Европе в 1848 г. обязано не только самодержавной России, но и дипломатии «...английского правительства, действовавшего тогда... в братском союзе с санктпетербургским кабинетом...» [3].

Помогая царской России душить революции и подавлять национально-освободительные движения европейских народов, Англия в то же время являлась главным соперником Николая I в захватнических планах на Востоке.

Особенно ярко это «единство» и эти коренные противоречия вскрылись в 40—50-х годах XIX столетия.

Революция 1848 г. в Европе и русский царизм

25 февраля 1848 г. восставшие рабочие Парижа свергли правительство Луи Филиппа. Король банкиров бежал. Было создано Временное правительство.

Восстание парижского пролетариата явилось сигналом к революционному выступлению во всей Европе. 13 марта произошло восстание рабочих при поддержке широких народных масс в Ве-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 15.
[2] Сталин. Об оппозиции, стр. 610.
[3] К. Маркс. Избранные произведения, т. II, стр. 349. Госполитиздат. 1940.

не, которые свергли власть ненавистного Меттерниха. 18 марта вспыхнула баррикадная борьба в Берлине. Вслед за этим вся Германия была охвачена революционным движением. Из Австрии революция перебросилась в Венгрию и Италию, ее волны докатились до Галиции и дунайских княжеств — Молдавии и Валахии. Таким образом, революция вплотную подступила к «порогу» Российской империи.

Первые же известия о революции во Франции и Германии вызвали страх в русских правящих кругах. Министр иностранных дел Николая I граф Нессельроде, характеризуя период 1848—1849 гг., позднее писал: «Бог знает, что выйдет из того, что началось. В 1848 г. — буря, в 1849 г. — качка. Я боюсь, как бы не продолжалось это долго и что уже никогда в течение нашей жизни мы не будем иметь больше спокойствия на политическом горизонте. Брожение умов гораздо заразительнее, чем холера. Кто мог бы думать, что немцы окажутся еще более сумасшедшими, чем французы» [1].

Однако испуг Нессельроде не парализовал действий Николая I. Он тотчас же по получении донесений о революции в Европе принимает меры к подготовке сил для подавления ее. Известна фраза, которую Николай I произнес, получив первые известия о февральской революции во Франции. Войдя в залу, где происходил бал и танцовали офицеры, он воскликнул: «Седлайте лошадей, господа офицеры, во Франции объявлена республика!». У него не было никаких сомнений в том, что революцию надо подавить. Он тогда же обращается к прусскому королю с предложением совместного выступления против революции во Франции и советует ему сосредоточить сильную армию на Рейне. Этим планам помешали венские и берлинские события. А когда революция докатилась до «собственного дома», Николай I уже тем более считал необходимым выполнять свою «декабрьскую» клятву.

Русская армия после февральских событий во Франции была переведена на военное положение, были даны приказы о заготовке фуража и продовольствия. В письме к генералу Паскевичу Николай I дает точные указания, как действовать: «...мы должны оставаться в оборонительном, почти кордонном расположении, обращая самое убедительное внимание на собственный край дабы все попытки дома укрощать в самом начале» [2]. И далее: «Повторяю, продовольствие и укрощение всех попыток к мятежу важнее всего; если будут прорывы заграничных шаек, их надо отражать, взять их с оружием. Начальников судить по полевому уголовному положению и тут же казнить...» [3]. В этих указаниях еще не дается директивы переходить границы, но принимаются все подготовительные меры к возможности такого шага.

После революции в Вене и Берлине вводится чрезвычайное

[1] Авербух. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией, стр. 31. Соцэкгиз. 1935.

[2] Там же, стр. 305.

[3] Там же, стр. 306.

положение в западных пограничных губерниях. Дается специальное распоряжение за подписью Николая I «Виленскому военному, Гродненскому, Минскому и Ковенскому генерал-губернатору господину генерал-лейтенанту Марковичу» о том, чтобы в корне пресекать возможные выступления, «противные долгу присяги и совести», при этом Маркович наделяется особыми полномочиями по условиям военного времени.

Но не только армия переводится на положение военного времени. Николай I считает необходимым провести моральную мобилизацию населения против революции. 14 марта 1848 г. он обращается к стране с манифестом, который прочитывается с амвонов всех церквей. В этом манифесте говорится: «Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных нам империи Австрийской и королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и нашей, богом нам вверенной, России.

Но да не будет так» [1].

Таким образом, произведена была военная и «моральная» мобилизация царизма для нападения на революцию, идущую с Запада. Оставалось только выждать благоприятной внешней обстановки и определить, откуда это нападение следует начать. До организации же такого нападения царизм действовал дипломатическим нажимом на буржуазные правительства Австрии и Пруссии, образовавшиеся после революции.

Вспыхнувшее вслед за революцией в Вене восстание в Галиции особенно встревожило Николая I. Возмущение его усиливалось тем фактом, что роль руководителей галицийского движения взяли на себя левые группы польской эмиграции. Революция из Галиции могла перебросится в Польшу, а это уже означало бы пожар в собственном доме. Насколько реальной была такая перспектива, показывал факт появления в Вене польской делегации из Галиции, которая обратилась к правительству Австрии с требованием восстановления Польши. Внутри самой Австрии революционная печать требовала освобождения Польши. Все это приводило в бешенство Николая I и он писал Паскевичу: «Однако быть может, что при новом австрийском правлении они дадут волю революции, затеют что-либо против нас в Галиции, в таком случае, не дав сему развиться, но именем самого императора Фердинанда займу край и задушу замыслы» [2].

Однако австрийское буржуазное правительство вовсе и не думало уступать Галицию Польше или тем более освободить Польшу. У Николая I с министрами Австрии было полное единодушие в стремлении подавить революцию. В конце концов австрийской ре-

[1] Зайончковский. Восточная война, т. I, Приложения, стр. 145.
[2] Шербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. VI, стр. 200.

акции при поддержке России удалось подавить галицийское движение. Но это уже было осенью 1848 г., когда контрреволюция во всей Европе подняла голову и все более усиливалась.

Революция на Западе вызвала возбуждение и в России. С захватывающим интересом читались иностранные газеты, революционные новости передавались широкому кругу людей, завязывались споры и обсуждения революционных событий. Много разговоров велось среди трудовых слоев городского населения. Здесь критиковали царское правительство, сочувствовали и одобряли действия революционных масс на Западе. Усилилось возбуждение среди крестьянства. К этому времени относится рост крестьянских выступлений против помещиков. Если за десятилетие с 1830 по 1839 г. выступлений было всего 138, то за время с 1840 по 1849 г. их было уже 345. Если взять по пятилетиям, то на 1840—1844 гг. приходится 138 выступлений, а на 1845—1849 гг. — 207. При этом значительная часть этих выступлений имела место в Центральной России и в северо-западных областях ее, т. е. как раз в наиболее опасном для царизма месте. Третье отделение отмечало в донесениях увеличение случаев неповиновения крестьян помещикам. В среде крестьян усилились разговоры о воле, о приходе французов якобы для освобождения крестьян. В некоторых городах распространялись листовки. В Киеве была выпущена прокламация с призывом действовать, как на Западе. Особенно сильное возбуждение было в Польше. Там было раскрыто несколько заговоров, обнаружены революционные прокламации, найдено оружие.

Передовые люди России ясно выражали свое сочувствие революции. Молодой Чернышевский с радостью приветствовал революцию, напряженно следил за ней по иностранным газетам и записывал в своем дневнике, что он становится «партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев». Именно эта революция дала сильный толчок к оформлению политических взглядов Чернышевского. Чаадаев написал воззвание, в котором призывал свергать царей, как это делалось на Западе. Свидетельством общественного возбуждения в России было и усиление деятельности петрашевцев. В 1848 г. собрания («пятницы») петрашевцев участились. На этих собраниях рассуждали о фурьеризме, об освобождении крестьян, сочувственно относились к революционным событиям на Западе.

Усиление крестьянских выступлений и возбуждение в передовых слоях интеллигенции вызывали страх у крепостников и самодержавного монарха.

О страхе помещиков и возбуждении крестьян говорят очень ярко донесения агентов охранки. Так, из Смоленской губернии сообщалось: «Смуты и беспорядки на Западе в Европе, а здесь ожидание крестьянами освобождения из крепостного состояния служат в настоящее время предметами толков и суждений как в образованном классе, так и в народе; почему первые с любопытством пробегают столбцы иностранных журналов, а последние в

каком-то безотчетном тревожном состоянии ожидают исполнения обещанного через прибытие французов, которые идут, по словам их, будто бы с белыми арапами, дабы дать вольность... Вообще дух народа не тот, как был в 1812 г.; и вообще нельзя не заметить какого-то общего волнения и ожидания событий, распространения слухов тревожных и принимаемого в оных участия людьми, не занимавшимися никогда политикою»[1].

Из Дерпта жандармский офицер доносил: «Дворянство здешнее объято каким-то паническим страхом, опасаясь за возмущение крестьян своих, зная, что они к ним не только не расположены, но даже питают вражду вековую, и потому при малейшем восстании они, господа помещики, будут первыми жертвами, не имея никаких средств к своей защите, ибо и дворовая прислуга едва ли примет их сторону. Господа владельцы говорят, что нужно лишь в одном имении вспыхнуть восстанию, то это, как электричеством, передастся по всей губернии»[2].

Такие настроения были не только в Прибалтике, но и на Волыни, в Смоленской губернии и внутренних губерниях. Вот почему Николай I, глава помещичьего государства, остро чувствовал этот страх помещиков и принимал все меры борьбы с опасностью революции — этого страшного врага крепостнического государства.

Готовясь удушить революцию на Западе, царь принимал в то же время меры к сплочению помещичьего класса в целях борьбы со страшным врагом у себя дома.

Принимая у себя 21 марта 1848 г. депутацию петербургского дворянства, Николай I призывал все дворянство сплотиться воедино вокруг него, заявляя, что только это даст возможность сохранить «порядок». Обращаясь к депутации, он говорил: «Забудем все неприятности одного к другому. Подайте между собой руки дружбы, как друзья, как дети родного края, так чтобы последняя рука дошла до меня, и тогда, под моею главою, будьте уверены, что никакая сила земная нас не потревожит».

Здесь же Николай I заявил о полной неприкосновенности помещичьей собственности на землю: «Переходя к быту крестьян, скажу вам, что необходимо обратить особенное внимание на их благосостояние. Некоторые лица приписывали мне по сему предмету самые нелепые и безрассудные мысли и намерения. Я их отвергаю с негодованием. Когда я издал указ об обязанных крестьянах, то объявил, что вся без исключения земля принадлежит дворянину, помещику. Это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может».

Для борьбы с проникновением в Россию революционных и освободительных идей был создан особый комитет во главе с крайним реакционером Меншиковым, который должен был проверять деятельность цензуры и все журналы. Устанавливается строжайшая

[1] Цит. по книге Нифонтова «1848 год в России», стр. 142. Соцэкгиз. 1931 г.
[2] Там же, стр. 144.

цензура. 2 апреля 1848 г. был создан специальный тайный комитет во главе с реакционнейшим мракобесом Бутурлиным, который не пропускал в печати даже таких невинных слов, как «величие» в отношении природы. Вся цензура была поставлена под контроль III отделения. Началось гонение на университеты, либеральную профессуру и студентов. Количество студентов в каждом университете было сокращено до 300 человек. Николай I страшился «духа времени» и всеми силами старался задушить в корне малейшее возбуждение внутри страны. Свирепо расправился «жандарм Европы» с петрашевцами. Несколько петрашевцев были приговорены к смертной казни, их вывели на площадь, и только в последнюю минуту казнь была заменена каторгой.

Однако главная опасность в это время для царского режима была в западноевропейской революции, которая могла оказать революционизирующее влияние на Россию.

Николай I боялся не только революционной Германии, но и Германии буржуазной, ибо последняя стремилась к объединению, к созданию под гегемонией Пруссии единой Германской империи. Николай I был против этого объединения и не мог допустить объединительных действий буржуазии. Тем более он не мог допустить существования единой революционной Германии. А задача объединения Германии была коренной задачей германской революции. Маркс и Энгельс, активные деятели немецкой революции, так определяли эти задачи: «Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного объединения Германии в единую нацию, — объединения, которое одно могло очистить от всяких унаследованных от прошлого мелких препятствий то поле битвы, на котором пролетариат и буржуазия должны были померяться силами»[1]. Главным врагом единой революционной Германии был русский царизм.

Революция в Германии не победила. Стремление же прусской буржуазии к объединению путем сговора с прусской монархией натолкнулось на резкое сопротивление Николая I. Несмотря на разгром польского движения в Познани, отчасти в угоду Николаю I, буржуазное правительство Пруссии не получило поддержки в объединительных стремлениях. Первое крупное столкновение произошло вокруг шлезвиг-голштейнского вопроса. Под прямым нажимом Николая I и реакционной Англии Шлезвиг и Голштейн были отданы на расправу датской реакции, а Пруссия принуждена была прекратить войну с Данией из-за этих немецких герцогств. Не позволяя присоединить к Пруссии Шлезвиг и Голштейн, Англия и Россия преследовали здесь не только контрреволюционные, но и свои внешнеполитические цели. Эти цели у них здесь совпадали. Они не хотели допускать господства над балтийскими проливами сильной державы и усиливать Пруссию присоединением столь важных для нее областей.

[1] К. Маркс. Избранные произведения, т. II, стр. 26. Госполитиздат. 1940.

Маркс и Энгельс придавали большое значение шлезвиг-гольштейнскому вопросу. Они тогда писали:

«Война, которую мы ведем в Шлезвиг-Гольштинии, является... истинно-революционной войной.

И кто стоял с самого начала на стороне Дании? Три самых контр-революционных силы Европы: Россия, Англия и прусское правительство... Пруссия, Англия и Россия — вот три державы, которым больше всего приходится бояться германской революции и ее первого результата — единства Германии: Пруссия, — ибо благодаря этому она перестанет существовать, Англия, — ибо германский рынок перестанет быть для нее предметом эксплоатации, Россия, — ибо благодаря этому демократия продвинется не только до Вислы, но даже до Двины и Днепра. Пруссия, Англия и Россия составили заговор против Шлезвиг-Гольштинии, против Германии и против революции» [1]. Выступление самодержавной России против объединительных тенденций немецкой буржуазии вызвало злобу последней против Николая I и сыграло свою роль во время Крымской войны.

Николаевская Россия стремилась сохранить в европейской системе государств то положение, которое было установлено Венским конгрессом и которое охранялось Священным союзом. Самое важное в этой системе — это сохранение в неприкосновенности австрийской монархии и ее владений. К этому и устремились все силы Николая I вместе с реакционной Англией. Их нажим имел результатом перемирие Пруссии с Данией.

К концу 1848 г. революция в европейских странах под ударами внутренней контрреволюции и при помощи двух крупнейших контрреволюционных держав — Англии и России — стала терпеть одно поражение за другим. Первый удар ей был нанесен в Англии. Здесь 10 апреля 1848 г. буржуазия разгромила чартистов, пытавшихся, под влиянием февральской революции, выступить перед парламентом с новой петицией. Этот разгром стал сигналом для наступления контрреволюции во всей Европе. 16 апреля французская буржуазия провоцирует выступление рабочих и вводит под предлогом борьбы с коммунизмом войска в Париж. 15 мая она разгоняет выступивших на улицу парижских рабочих, а 25 июня, спровоцировав их выступить с оружием, топит в крови это выступление. Вслед за этим в августе терпит поражение восстание в Милане, в ноябре — баррикадная борьба и поражение рабочих Вены. Всюду наступает контрреволюция под приветственные возгласы Николая I и поощрения английской реакции.

Характеризуя этот период упадка революции, Маркс писал:

«10 апреля — в Лондоне, 15 мая и 25 июня — в Париже, 6 августа — в Милане, 1 ноября — в Вене, — вот четыре великие даты европейской контр-революции, четыре верстовых столба, отмечающих быстро пройденные этапы ее недавнего триумфального

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 430—431.

шествия. В Лондоне 10 апреля была сломлена не только революционная мощь чартистов, но и революционизирующее влияние февральской победы... эта победа «порядка», этот первый ответный удар на удары февраля и марта повсюду дал новую опору контр-революции, окрылил так называемых консерваторов смелыми надеждами!» [1].

Эти первые удары контрреволюции, особенно июньская победа Кавеньяка над парижским пролетариатом, вызвали радость Николая I. Они создали также обстановку, когда можно было пустить в дело мобилизованные батальоны русского царя. Самого Кавеньяка, этого свирепого палача пролетариев Франции, Николай I приветствовал личной телеграммой, восхваляя его действия и палаческие достоинства. А так как ко времени июньского разгрома революция подобралась уже действительно к самому «порогу» России — в Молдавию и Валахию, то «жандарм Европы» счел возможным задушить в корне «замыслы». Вспыхнувшее волнение сперва в Молдавии, а затем особенно бурно в Валахии было задушено войсками генерала Дюгамеля, направленными туда Николаем I. Это удушение было организовано с полного согласия английского правительства, которое заранее одобрило поход Николая I. Английское правительство фактически поддержало интервенцию России в дунайские княжества и ответило отказом на обращение к ней за поддержкой Валахского временного правительства.

Поддерживая Россию в оккупации дунайских княжеств, Англия в то же время опасалась ее усиления на Ближнем Востоке. Но она понимала, что если Россия не придвинется к границам Австрии и не поможет последней задушить восставшую Венгрию, может подняться новая волна революции, что приведет к распаду Австрии, а это в свою очередь грозит крупными последствиями для всей Европы. Англия, как и Россия, хотела единой реакционной Австрии и в целях разгрома революции и в целях осуществления своих внешнеполитических планов на Востоке. Как увидим, английские расчеты оказались реальными — единая Австрия поддержала Англию во время Крымской войны.

Расправившись с революцией в княжествах при помощи штыков, Россия добилась заключения конвенции с Турцией о порядке управления Молдавией и Валахией. 19 апреля 1849 г. была подписана Балто-Лиманская конвенция, которая в целях защиты княжеств «от революционных и анархических переворотов» устанавливала не только режим, бывший до восстания, но и отменила даже целый ряд прав бояр, дарованных им статутом 1831 года. В княжествах должны были быть оставлены оккупационные русско-турецкие войска. Эта победа контрреволюции означала одновременно огромное усиление Николая I на Балканах, серьезный шаг в приближении его к Константинополю. Это хорошо

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 90—91.

понимала и Турция. Вот почему оккупация княжеств сильно обострила отношения России с Турцией и дело чуть было не дошло до войны. Во всяком случае турецкое правительство издало приказ о мобилизации. Началось возбуждение в Англии против России. Однако русской дипломатии удалось оттянуть эту угрозу войны, не уступив в то же время своих позиций. Русский посол в Лондоне Бруннов добился выступления Пальмерстона (английский министр) в Палате с успокоительными заявлениями; английское правительство сделало нажим на Турцию, — и опасность столкновения миновала. В этот момент Англия считала несвоевременным ставить в порядок дня Восточный вопрос и поэтому поддержала притязания России на руководящую роль в княжествах. Основной линией во внешней политике Англии в отношении Европы в этот момент являлось — во что бы то ни стало задушить революцию в Венгрии.

Интервенция царской России в Венгрии

Венгерская революция, начавшаяся вслед за февральской революцией в Париже, с самого начала приняла характер борьбы за независимость. Под давлением этой борьбы австрийское правительство уже 16 марта согласилось на самостоятельное министерство в Венгрии. Венгерское правительство сразу же ввело всеобщее избирательное право, отменило безвозмездно феодальные повинности, уничтожило политические привилегии. Все это создало авторитет и силу новой власти. Когда австрийский император, оправившись после первого натиска революции, попытался манифестом 26 июня отнять все завоевания венгров и распустить созданное революцией правительство, Кошут, руководитель венгерской революции, объявил этот манифест недействительным и отказался подчиниться ему. Это вызвало новую волну революции в Венгрии. Австрийский император снарядил целую армию во главе с палачом Елачичем против Венгрии. Но восстание в Вене 6 октября сорвало этот поход против Венгрии. После разгрома венского восстания, в начале ноября, началась подготовка нового контрреволюционного похода в Венгрию.

2 декабря 1848 г. император Фердинанд отрекся от престола в пользу эрцгерцога Франца Иосифа. Национальное собрание Венгрии объявило акт отречения незаконным, отказалось присягать Францу Иосифу и обратилось к народным массам с призывом к восстанию.

В середине декабря началась война австрийской контрреволюции против революционной Венгрии. 200-тысячной австрийской армии венгерское правительство могло противопоставить только 80—90 тыс. солдат. В результате натиска превосходящих сил Венгрия к январю 1849 г. оказалась почти со всех сторон стиснутой и, казалось, стояла уже на грани поражения. Но рядом удачных атак талантливому полководцу Бему, выходцу из польских эмигрантов, и венгерскому генералу Гёргею удалось оттеснить австрийские части. Это резко улучшило положение Венгрии. В течение буквально

нескольких недель была создана совершенно новая венгерская армия. «Были образованы польские и немецкие легионы, появились или привлечены были способные командиры, и вместо прежней, лишенной командиров, неорганизованной массы, как в декабре, против императорской армии очутилась вдруг сконцентрированная, храбрая, многочисленная, хорошо организованная и превосходно руководимая армия» [1]. Эта армия начала наносить контрреволюционным войскам удар за ударом и быстро очищать от них венгерскую территорию. Надвигавшаяся победа венгерской революции могла бы снова поднять народные массы Европы и опрокинуть укрепившуюся контрреволюцию. Разгром Австрии в то же время означал бы коренную перегруппировку европейских государств и уничтожение той системы отношений, какая была установлена Венским конгрессом в 1815 году.

Маркс и Энгельс, внимательно следившие за героической борьбой Венгрии, так характеризовали положение:

«Таким образом, мадьярская война очень скоро потеряла свой вначале чисто национальный характер. Именно благодаря своему национальному, казалось бы, шагу, благодаря объявлению независимости, эта война окончательно приняла европейский характер. Союз с Польшей во имя освобождения обеих стран, союз с немцами во имя революционизирования восточной Германии получили определенный характер, солидный фундамент лишь тогда, когда Венгрия отделилась от Австрии и этим провозгласила австрийскую монархию распавшейся. Независимая Венгрия, восстановленная Польша, немецкая Австрия в качестве революционного центра Германии, Ломбардия и Италия, ставшие независимыми сами по себе, — с проведением этих планов была бы разрушена вся восточно-европейская система государств. Австрия исчезла бы, Пруссия была бы ликвидирована, а Россия отброшена к границам Азии.

Священный союз должен был употребить все силы, чтобы преградить дорогу угрожающей восточно-европейской революции. Русская армия подступила к границам Семиградья и Галиции» [2].

Русское и английское правительства лихорадочно следили за борьбой в Венгрии. Они принимали все меры к тому, чтобы подготовить удар против венгерской революции. При этом роль непосредственного душителя должен был играть Николай I, а Англия должна была поддержать его морально. Эти контрреволюционные державы не могли допустить победы революции на Востоке, не могли допустить той перегруппировки держав, которая могла произойти в результате победы революции в Венгрии. В то же время Англия видела в этом прямой выигрыш для себя, так как, спасая Австрию, Николай I создавал в лице ее сильного врага на Балканах, а для Англии — союзника в том же вопросе.

Однако к этому времени возникло новое затруднение для этих держав. Снова обострился шлезвиг-голштейнский вопрос, и в ап-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 290.
[2] Там же, стр. 291.

реле 1849 г. вновь начались военные действия Пруссии против Дании. Прусский король Фридрих Вильгельм IV, подавляя всеми силами революцию, склонен был возглавить под своей короной объединительные стремления в Германии. Война с Шлезвиг-Голштейном была одним из важных моментов в борьбе за воссоединение. Этого не могли допустить ни Англия, ни Россия. Николай I всеми силами нажимал на прусского короля. В письме к Фридриху Вильгельму IV в апреле 1849 г. Николай I настойчиво требовал мира с Данией и отказа от попыток объединения. Только на этой основе он обещал поддерживать Пруссию против революции. Но главное было не в Дании. Министр иностранных дел России Нессельроде, ссылаясь на письмо Николая I, писал русскому послу в Берлине Мейендорфу: «Сказать вам правду, я думаю, что морскими операциями и должна будет ограничиться на первое время наша поддержка Дании. Атаковать Пруссию и Германию на сухом пути было бы неблагоразумно в такую минуту, когда у нас на руках настоящая война в Венгрии» [1]. А «настоящая война в Венгрии» не только уничтожала опасный очаг революции по соседству с Россией, но и приближала русский царизм к осуществлению его основного стремления — разрешить Восточный вопрос и занять черноморские проливы.

Подавить всякую возможность воссоединения Германии и тем самым не допустить создания в центре Европы крупного государства — вот задача политики Николая I в отношении Пруссии. А для того, чтобы эту задачу осуществить полностью, надо сохранить целиком в прежнем виде Австрийскую империю, эту основную опору николаевской политики как в Пруссии, так и на Ближнем Востоке. Для сохранения же этой лоскутной империи необходимо было потушить пламя венгерской революции. Вот почему нажимая на прусского короля и устраивая демонстрации флота у датских берегов, Николай I в то же время сосредоточивал огромные сухопутные силы в Венгрии. Именно здесь, в долинах Дуная и Тиссы, решались коренные вопросы внешней политики европейского жандарма: и подавление страшного врага — революции, и завоевание себе союзника в предстоящем столкновении на Востоке. Так размышлял Николай I, не подозревая тогда, что Австрия через 5 лет «потрясет мир величием своей неблагодарности». Только в 1854 г. Николай I признался графу Ржевусскому, что он сделал ошибку, поддержав Австрию против Венгрии.

Венгерскому походу благоприятствовала и международная обстановка. Во Франции Наполеон был занят укреплением своей позиции в качестве президента Французской республики. В Пруссии все силы правительства были направлены на окончательную ликвидацию революционных потрясений, к тому же прусское правительство испытывало сильнейший страх перед Николаем I.

---

[1] А в е р б у х. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией, стр. 72. Соцэкгиз. 1935.

Англия, занятая борьбой с последствиями чартистского выступления и национально-освободительным движением в Ирландии, кровно была заинтересована в подавлении последнего очага революции в Европе. Правда, помощь Николая I Австрии как будто укрепляла последнюю на Востоке, но в Англии великолепно знали, насколько сильны противоречия России и Австрии в этом пункте Европы. Вот почему на сообщение Бруннова в мае 1849 г. о том, что Россия уже начала свои действия в Венгрии, Пальмерстон ответил: «Кончайте с этим поскорее». А герцог Веллингтон, военный кумир английской буржуазии, один из реакционных деятелей Британской империи, прямо заявил, что в Венгрии надо действовать решительно, большими силами, «чтобы подавить анархию сразу». При этом он подчеркивал: «Важно, чтобы не было неудачи». Веллингтон великолепно понимал, какой опасности подвергается вся реакционная Европа в случае поражения николаевских войск в Венгрии.

Таким образом, английское правительство одобрило интервенционистский поход Николая I в Венгрию.

Испытывая огромные трудности под ударами венгерской революционной армии, Австрия формально обратилась в апреле 1849 г. к Николаю I за помощью. Николай I охотно ответил согласием. Это согласие было закреплено личной встречей австрийского императора Франца Иосифа с Николаем I в Варшаве 21 мая, а 29 мая была подписана конвенция о содержании русских войск и их полной самостоятельности. В июне русские войска в количестве 170 тыс. человек с 576 орудиями двинулись в Венгрию. Главные силы в составе 100 тыс. человек под командой Паскевича перешли границу в районе Северо-Западных Карпат, 27 тыс. под командой Лидерса двинулись из Валахии, 24 тыс. — из Галиции. Наряду с русскими войсками действовали австрийские войска в количестве не менее 100 тыс. человек, в том числе славянские части под командой Елачича. Против таких огромных сил должна была бороться революционная Венгрия, которая могла противопоставить этим силам гораздо меньшую армию. Но венгерская армия героически сражалась с интервентами, давала им решительный отпор и имела много шансов на успех. Однако силы этой армии были подорваны разногласиями внутри ее.

Русское командование использовало внутренние разногласия в лагере революционной Венгрии и начало тайные переговоры с генералом Гёргеем, группировавшим вокруг себя правые элементы в стране, а также значительную часть офицерских кадров венгерской армии. Эти группы склонялись к миру с Россией и пользовались сочувствием реакционных кругов венгерской буржуазии. Крупные венгерские магнаты открыто помогали русским войскам. В связи с рядом неудач в июле тенденции к соглашению с Россией усилились. Ряд поражений венгерской армии еще более ухудшил положение. Под давлением этих обстоятельств Кошут

вынужден был 11 августа 1849 г. передать командование Гёргею, а последний 12 августа сообщил русскому командованию о сдаче. 13 августа 1849 г. венгерская армия сложила оружие при Вилагоше. Так Венгерская революция была разгромлена, началась неслыханная расправа над венгерским народом.

Разгром революции в Венгрии усилил европейскую контрреволюцию. Николай I еще более укрепился в роли властелина контрреволюционной Европы, в роли международного жандарма. «Не только Венгрия, но вся Европа лежала у ног царя...» [1].

Все прогрессивные слои Европы и России тяжело переживали подавление венгерской революции. Лучшие люди России — молодой Чернышевский и Герцен — были целиком на стороне венгерского народа. Маркс и Энгельс высоко оценивали значение венгерской революции, считая ее «величественной борьбой», победа которой могла иметь огромное значение для дела революции в Европе. Ленин и Сталин также указывали на огромное значение венгерской революции и палаческую роль царизма по отношению к ней. В 1909 г. Ленин писал:

«Полвека тому назад за Россией прочно укреплена была слава международного жандарма. Наше самодержавие в течение прошлого века сделало не мало для поддержки всяческой реакции в Европе и даже для прямого военного подавления революционных движений в соседних странах. Достаточно вспомнить хотя бы венгерский поход Николая I и неоднократные расправы с Польшей, чтобы понять, почему вожди международного социалистического пролетариата, начиная с 40-х годов, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире» [2].

Оценивая революционное движение в Венгрии в 1848—1849 гг., товарищ Сталин характеризовал царизм, как «...опаснейшего врага революционного движения в Европе...» [3], подавляющего народные восстания.

Классики марксизма конкретно подходили к оценке революционных и национальных движений, рассматривая их с точки зрения интересов международного пролетариата. Революционная борьба венгерского народа рассматривалась ими как крупнейшее событие, победа которого могла оказать революционизирующее влияние на всю Европу.

После разгрома венгерского восстания Николай I действительно чувствовал себя властелином Европы и, казалось, мог диктовать ей любые требования. Однако это чрезмерное усиление русского царизма встревожило западные державы, особенно Англию. Английское правительство, соглашаясь на интервенцию Николая I, отдавало себе отчет в неизбежности усиления России и возмож-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 27.

[2] Ленин. Соч., т. XIV, стр. 112.

[3] Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 188. Госполитиздат, 1939.

ности давления ее на распадавшуюся Турцию. Последняя после фактического ее поражения в Молдавии и Валахии (Балто-Лиманская конвенция), а затем и после оккупации Паскевичем Венгрии чувствовала себя чрезвычайно ослабленной. Она боялась, что усилившаяся на Балканах Россия вместе с Австрией могут потребовать от нее новых уступок и она бессильна будет противостоять этим двум странам. Единственные ее надежды на Англию и Францию могли также рухнуть, как это было во время русско-турецкого конфликта в княжествах.

И действительно, Россия и Австрия предъявили Турции политические требования. Эти две державы 25 августа 1849 г. потребовали от Турции выдачи им политических эмигрантов, перешедших границы Турции после разгрома Венгрии. Николай I особенно добивался выдачи ему польских деятелей — Бема, Дембинского, Высоцкого и др., принимавших активное участие в венгерской революции. Это требование поставило Оттоманскую Порту в тяжелое положение. Уступить этим притязаниям — означало потерять свой престиж и стать фактически вассалом России. Отказать — значило подвергнуть страну опасности русско-австрийского вторжения. Турецкое правительство заколебалось и решило обратиться за поддержкой к Англии и Франции.

Англия не могла допустить поражения турок в этом вопросе. Вся английская пресса в то время была полна негодующих статей против русского требования. Это негодование общественного мнения Англии усиливалось еще и теми расправами, которые учинили в Венгрии войска Австрии и России. Поражение Турции поставило бы ее в полную зависимость от России. Поэтому Англия решительно выступила против притязаний России и Австрии. Английское правительство разыгрывает из себя защитников эмигрантов и «дружески» советует Николаю I отказаться от своих требований. К этому же начинала склоняться и Франция. Царское правительство, правда, пыталось «купить» поддержку Франции путем признания республики, однако это не помогло. Англия и Франция начали сближаться и действовать совместно.

Между тем, не получив согласия Турции выполнить предъявленные требования, Россия и Австрия 17 октября порвали с ней дипломатические отношения. Это еще более усилило сближение Англии и Франции. В ответ на мероприятия России английское правительство в октябре отдало приказ своему флоту итти в проливы. В Дарданеллах появилась английская эскадра. Это вызвало бурное возмущение Николая I, но в то же время охладило его пыл и заставило умерить свои требования. В начале декабря и правительство Франции посылает свой флот в проливы. Дело, таким образом, приобретает характер военных демонстраций и грозит разразиться военным столкновением.

Но война в обстановке только что подавленных революций, когда любой повод мог снова поднять силы народных масс, была не в интересах главных арбитров мира — России и Англии. Правя-

щие круги этих держав великолепно понимали обстановку и боялись довести дело до войны. Англия своей военной демонстрацией стремилась лишь дать понять Николаю I, что она не допустит усиления России в Турции, являвшейся тогда фактически вассалом Англии. Россия считала, что у нее нет достаточно сил для столкновения с Англией, что международная обстановка неблагоприятна, а кроме того у нее не было и денег. Николай I отступил, Турция была вынуждена пойти на уступки. Вопрос был разрешен мирно.

31 декабря 1849 г. дипломатические отношения с Турцией были восстановлены.

Так завершилось это первое столкновение по вопросу о Турции. Но оно уже показывало, что наступает время, когда Восточный вопрос снова станет предметом острейшей борьбы. Английский посол в Турции Стрэдфорд, знаток восточных стран и враг России, уже тогда писал Пальмерстону, имея в виду замыслы Николая I: «Сдача при Вилагоше — это первый этап завоевания Константинополя, конфликт, связанный с вопросом о политической эмиграции, — это второй этап того же пути».

Разгром венгерской революции оказал свое влияние также на Пруссию. Восстановление единой Австрии снова создавало в ее лице серьезного противника объединительным стремлениям прусской буржуазии. Созванный в целях объединения Фридрихом Вильгельмом IV Эрфуртский парламент 15 немецких государств в марте 1850 г. встретил сильное сопротивление Австрии. Начались резкие столкновения, поставившие Австрию и Пруссию перед угрозой войны. Австрия обратилась за помощью к Николаю I. Николай I снова вмешался в прусские дела. Под его давлением уния, заключенная между Пруссией и другими немецкими государствами, была уничтожена осенью 1850 г. в г. Ольмюце. Австрия снова получила преобладающее влияние в немецких государствах, а Пруссия была унижена и поставлена на колени вмешательством Николая I. Германия снова осталась страной, раздробленной на множество мелких государств. Это вмешательство во внутренние дела Пруссии еще более усилило ненависть прусской буржуазии к Николаю I и оказало влияние на позицию, занятую Пруссией в период восточного кризиса.

Революция 1848—1849 гг. потерпела поражение. Всюду торжествовала реакция. Не было надежд на новый подъем в ближайшие годы. «А это, — писал Энгельс, говоря о возможности нового подъема, — в течение 1850 г. становилось все менее вероятным, даже невозможным. Промышленный кризис 1847 г., подготовивший революцию 1848 г., был изжит; начался новый, неслыханный дотоле период промышленного процветания. Для всякого, кто имел глаза, чтобы видеть и пользоваться ими, должно было стать ясным, что революционная буря 1848 г. постепенно иссякла» [1].

[1] К. Маркс. Избранные произведения, т. II, стр. 18. Госполитиздат. 1940.

Накануне Крымской войны

При анализе причин возникновения Крымской войны и выяснении ее истоков нельзя обойти молчанием историческую обстановку, в которой война происходила. Ленин писал, что 1789—1871 годы были эпохой «...подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений» [1].

Ленин указывал также, что «...нельзя понять ни одной национально-освободительной войны, которые особенно типичны для этого времени, не поняв общих условий той эпохи» [2]. Это не значит, что все войны того времени были национально-освободительными. «Сказать это, — писал Ленин, — значило бы договориться до абсурда и на место конкретного изучения каждой отдельной войны поставить смешной шаблон. В 1789—1871 гг. бывали и колониальные войны, и войны между реакционными империями, угнетавшими целый ряд чужих наций» [3]. Характеристику эпохи, данную Лениным, необходимо всегда иметь в виду при рассмотрении любого относящегося к ней исторического события, тем более такого крупного военного столкновения, как Крымская война.

В те времена, именно до 1861 г., Россия представляла собой военно-феодальную империю, руководимую крепостнической верхушкой во главе с царем. Царизм был тормозом экономического и политического прогресса, он подтачивал и ослаблял силы народа, обрекал страну на отсталость.

До середины XIX в. империя Николая I играла руководящую роль в Европе, Россия считалась одной из самых могучих держав и могла диктовать свою волю многим странам. Но к середине XIX в. империя Николая I стала значительно слабее крупнейших буржуазных государств — Англии и Франции. В столкновении с этими государствами резко проявилась ее экономическая и общественно-политическая отсталость.

Царизм проводил реакционную внешнюю политику, подавляя революционные выступления не только в России, но и в других странах. Рабочее и прогрессивное движение в Европе враждебно относилось к царизму, справедливо считая его врагом демократии и прогресса. При военном столкновении это обстоятельство было использовано против царской России правящими кругами Англии и Франции.

Оплотом европейской реакции наряду с царской Россией являлась и Англия. Английское правительство, как известно, всегда подавляло революционное и прогрессивное движение внутри страны и у других народов.

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 108.
[2] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 202.
[3] Там же.

Англия к середине XIX в. была крупнейшей промышленной и колониальной державой, захватившей огромные территории с сотнями миллионов людей. Опираясь на свой морской флот, она стремилась господствовать во всем мире. Английская буржуазия выдвинула лозунг свободы торговли, считая, что при господстве Англии в промышленности и на морских путях она добьется монопольного положения во всем мире, не боясь никаких конкурентов. Свою политику правительство Англии проводило под маской либерализма, на деле же боролось против демократических и революционных движений. Эта реакционная политика выражала интересы английской крупной буржуазии, заинтересованной в неограниченном политическом господстве внутри страны и в недопущении каких-либо политических перемен в Европе. Ловко маскируясь и умело используя международную обстановку, английские правящие круги проводили свою реакционную внешнюю политику чужими руками.

В первой половине XIX в. особенно остры были противоречия между Англией и Россией в Восточном вопросе. Шла борьба за обладание проливами, за наследство «больного человека», как Николай I называл Турцию. Коренное противоречие состояло в том, что николаевская Россия, желая завладеть проливами, натолкнулась на сопротивление Англии, старавшейся запереть Россию в Черном море. Англия опасалась усиления России на Ближнем Востоке, в особенности на море, и принимала все меры к тому, чтобы не допустить этого. Здесь она нашла поддержку Наполеона III, который также стремился к захватам на Ближнем Востоке и, кроме того, хотел путем войны с самодержавной Россией поднять свой авторитет, укрепиться на французском троне.

После подавления революции в Венгрии, когда западные державы, потрясенные «революционной бурей», должны были залечивать свои раны и принимать меры к более прочному укреплению «порядка», Николай I, глава фактически возродившегося Священного союза, счел возможным снова поставить на разрешение Восточный вопрос.

Характеризуя Восточный вопрос и указывая, что этот вопрос всегда обострялся после того, как «на время утихает революционный ураган», Маркс в статье «Национальности в Турции» 22 марта 1853 г. писал: «Через несколько лет, когда отзвучали июльская революция и сопровождавшие ее восстания в Польше, Италии и Бельгии, — и Европа, в той форме, какую она получила в 1831 г., казалось, избавилась навсегда от внутренних потрясений, — восточный вопрос в 1840 г. снова чуть было не вовлек во всеобщую войну великие державы. И ныне, когда правящие пигмеи близоруко хвастают тем, что счастливо избавили Европу от опасностей «анархии и революции», на сцену вновь выплывает все тот же неразрешимый вопрос, все тот же никогда не иссякающий источник затруднений: как быть с Турцией?

Турция является больным местом легитимистской Европы» [1].

Николаю I казалось, что наступил вполне благоприятный момент для осуществления его захватнических планов на Востоке. Сильнейшим противником теперь на этом пути являлась только Англия. Но с ней он надеялся договориться. Предвидя возможного противника своих планов на Ближнем Востоке, Николай I еще в 1844 г. совершил специальную поездку в Англию. Там он старался показать себя лучшим другом королевы Виктории и вел переговоры с министрами ее величества по восточным делам.

В беседе с лордом Эбердином он говорил тогда:

«Турция умирает»... «Сколько бы мы ни старались спасти жизнь ее, мы в этом не успеем. Она умрет, не умереть ей нельзя. Это будет критическая минута. Я предвижу, что мне придется двинуть мои армии. Австрия сделает то же. В этом кризисе я опасаюсь одной Франции. Чего она захочет? Я ожидаю ее на многих пунктах: в Африке, в Средиземном море, далее, на Востоке. Припомните ее экспедицию в Анкону. Почему же ей не предпринять такой же в Кандию, в Смирну? При подобных обстоятельствах разве Англия не должна будет перенести на Восток все свои морские силы? Итак, в этих странах встретятся: русская армия, австрийская армия, большой английский флот. Сколько пороховых бочек близ огня! Кто помешает искрам взорвать их?» [2].

Беседуя с первым министром Робертом Пилем, Николай I намечал пути разрешения турецкого вопроса:

«Теперь нельзя условиться о том, что делать с Турцией в случае ее смерти. Подобный договор ускорил бы ее падение. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы сохранить настоящее положение. Но следует взглянуть честно, разумно на возможность разрушения Турции. Необходимо условиться на справедливых основаниях, установить вполне искренно добросовестное соглашение, подобное тому, которое уже существует между Россиею и Австриею» [3].

Английские министры отнеслись к этим планам Николая I сочувственно. И хотя формального соглашения заключено не было, но был составлен меморандум Нессельроде о русской и британской политике на Востоке. В этом меморандуме говорилось, что русский и британский дворы будут сохранять в Турции status quo до тех пор, пока это возможно, в случае же каких-либо изменений оба правительства должны принять согласованные действия, с тем чтобы избежать военных столкновений. «Обеспечению этого дела, — заключал меморандум, — должно быть посвящено предварительное соглашение, которое будет установлено, в случае надобности, как об этом условился государь с министрами

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 372.
[2] Татищев. Император Николай и иностранные дворы, стр. 38—39. 1889.
[3] Там же, стр. 39.

ее британского величества во время пребывания своего в Лондоне»[1].

Эти переговоры как будто давали надежду Николаю I на возможность дружеской договоренности с Англией по вопросу о разделе Турции. После совместной «деятельности» с английским правительством по подавлению революции 1848 г. Николаю I казалось, что имеется еще больше шансов на эту договоренность. Надежды Николая I не померкли и после резкого конфликта с Англией по вопросу о политических эмигрантах. Этот конфликт он объяснял происками «канальи Каннинга» (Стрэдфорда).

Однако Николай I не понимал коренной перемены, происшедшей в Европе в результате революции. Он не понимал ни силы экономического развития, ни тех глубочайших противоречий, которые разделяли Россию с Англией и Австрией.

Революция 1848 г. хотя и не одержала победы, но заставила правящие классы провести ряд реформ, которые усилили развитие капитализма во всей Европе. Всюду наблюдался бурный экономический подъем, рост промышленности и торговли. Германия именно в период 50-х годов, по словам Энгельса, превратилась из земледельческой страны в промышленную. Во Франции развертывался промышленный переворот. Всюду наблюдалось победное шествие капитализма, и буржуазия с жадностью устремлялась на поиски новых внешних рынков. Впереди всех стран шла Англия, которая в этот период являлась первой промышленной страной мира.

Растущая буржуазия европейских стран, и в первую голову английская, не могла допустить, чтобы Россия овладела Константинополем и проливами, ибо тогда, по их мнению, Николай I стал бы подлинным властелином мира, и жажда его завоеваний не имела бы предела. Каждая из европейских стран имела свои противоречия с империей Николая I, и никакие родственные связи дворов или благодарности за оказанную помощь не могли устранить этих противоречий. Немецкая буржуазия с ненавистью относилась к Николаю I и лелеяла мечту освободиться от его влияния. Австрия не могла допустить господства Николая I на Балканах и в проливах. «Усилить Россию на Дунае, — писал Маркс, — или в Черном море или содействовать распадению Турции значило бы для Австрии подвергать опасности собственное существование»[2]. Вот почему расчеты Николая I на Австрию покоились на зыбкой почве.

Еще в момент русской интервенции в Венгрии австрийский министр Шварценберг, предвидя столкновение с Россией на Востоке, воскликнул: «Мы удивим мир величием своей неблагодарности». И действительно, Австрия, как увидим, заняла враждебную России позицию и впервые, по выражению Энгельса, «посмела иметь собственное суждение».

---

[1] А. Шебу́нин. Россия на Ближнем Востоке, стр. 59. Изд. 1926.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X. стр. 602.

Франция имела крупные интересы на Востоке. С давних пор у нее существовали торговые связи с Турцией, особенно она была заинтересована в Египте. Поэтому она соперничала с Россией за доминирующее влияние в Константинополе и не могла остаться безучастной к притязаниям Николая I. Кроме того, Луи Бонапарт, совершивший в 1852 г. государственный переворот и ставший императором Франции, жаждал завоеваний и славы для укрепления собственной власти. Вторая империя, по словам Энгельса, «...являлась призывом к французскому шовинизму; это было требование возврата потерянных в 1814 г. границ первой империи, по меньшей мере — границ первой республики» [1].

Наполеон хотел войны еще и потому, что он боялся революции. «Ему не остается, — писал Маркс, — никакого другого выбора, как революция внутри страны или внешняя война» [2]. К этому надо прибавить оскорбленное самолюбие «Наполеона малого» тем высокомерным отношением к его «императорскому величеству», каким удостаивал его Николай I.

Но главным противником России на Востоке была Англия.

Англия была заинтересована в господстве на всех морских путях, она имела широкие торговые связи в Турции, Персии, Афганистане. Английские товары в огромном количестве направлялись через Черное море в Трапезунд, а оттуда — по всем ближневосточным странам.

В своих статьях по Восточному вопросу Маркс и Энгельс вскрыли причины англо-русских противоречий на Ближнем Востоке.

Касаясь экономических интересов России и Англии в районе Ближнего Востока, Маркс писал: «Торговое поле сражения между Россией и Англией перенесено с Инда к Трапезунду, и русская торговля, которая раньше доходила на Востоке до границы английских владений, теперь ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной области. Этот факт играет огромную роль как для решения восточного вопроса, так и для суждения о той роли, которую будут играть при этом Россия и Англия» [3].

Эти коренные противоречия не могли быть устранены, несмотря на всю «дружбу» английских реакционных министров с Николаем I. Англия поддерживала «жандарма Европы», когда он громил революции, или же когда ей было выгодно с точки зрения своих внешнеполитических интересов поддерживать его. Но Англия решительно выступала против попыток России укрепить свое влияние на Ближнем Востоке. Например в 1841 г. Англия принудила Россию отказаться от Ункиар-Искелесской конвенции и добилась соглашения пяти европейских держав, взявших под свое

---

[1] К. Маркс. Избранные произведения, т. II, стр. 360. Госполитиздат. 1940.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 669.
[3] Там же, стр. 383—384.

покровительство сохранение status quo в Турции. Англия никогда и не думала уступать России Константинополь и проливы.

В оценке отношений Англии и России на Востоке Маркс указывает и на военное значение проливов. «Торговое значение Дарданелл и Босфора делает их также одновременно и военными позициями первого ранга, т. е. такими позициями, которые будут иметь решающее значение в каждой войне. Аналогичными пунктами являются Гибралтар и Гельсингэр на Зунде. Но Дарданеллы даже важнее этих пунктов вследствие своего географического положения» [1].

Таким образом, расстановка сил на международной арене была совсем не той, какой рисовал ее Николай I. Не могли оправдаться и его надежды на противоречия между Францией и Англией на Востоке. Правда, эти противоречия были довольно сильны, однако общие интересы этих стран на известный момент могли взять верх над ними. Англия и Франция временно могли договориться о совместных действиях против общего врага на Востоке.

Стремясь осуществить свои захватнические цели на Ближнем Востоке, Николай I отражал здесь потребности правящих кругов России. Стремление овладеть проливами или получить право свободного прохода через них русским кораблям диктовалось экономическими и стратегическими потребностями государства помещиков и растущих буржуазных элементов. Став твердой ногой на Черном море и имея подавляющую часть береговой линии в пределах России, правящие круги России, естественно, хотели найти выход из Черного моря, а для этого надо было овладеть проливами. Но здесь Россия сталкивалась с могущественной морской державой — Англией, которая уже давно захватила огромные территории во всем мире и, господствуя почти на всех морских путях, была заинтересована в сохранении своего господства и не хотела согласиться с претензиями России. Англия не хотела допустить господства в проливах другой страны, хотя бы и более заинтересованной в них и географически близкой к ним. Мотив защиты Турции при этом был только поводом, ибо Англии нужна была именно слабая Турция, которую всегда можно было заставить выполнять волю английских правящих кругов.

Но царь имел еще одного противника — демократическую Европу. Рабочий класс Европы негодовал против душителя революции, столпа международной реакции. Негодованием были охвачены также и широкие круги мелкой буржуазии. Поэтому война против царской России могла стать популярной среди народных масс Франции и Англии. Эту сторону Николай I совершенно не учитывал.

Исходя из интересов революционного движения, Маркс и Энгельс считали, что победа России над Турцией явилась бы «... неописуемым несчастьем для дела революции», так как силы России

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 384.

«...увеличатся почти вдвое, и она окажется сильнее всей остальной Европы, вместе взятой» [1]. А это означало бы усиление международной реакции, уничтожение независимости целого ряда народов и государств. Такая победа явилась бы «...только прелюдией к аннексии Венгрии, Пруссии, Галиции...» [2].

В оценке экономических и политических противоречий между Россией и Англией Маркс делал ударение на опасность, которая грозила демократии от реакционного самодержавия. Он резко критиковал политику царской России. Маркс опасался усиления «жандарма Европы», который в случае победы стал бы еще большей угрозой для революционного движения и демократии. Вместе с тем Маркс справедливо считал и Англию «контрреволюционной скалой», о которую разбиваются волны революции. Победа Англии также означала бы усиление реакционной державы. Но в Англии, как и во Франции, уже произошла буржуазная революция, там имелся уже более или менее организованный рабочий класс, имелись демократические учреждения, способ производства в этих странах был капиталистический, т. е. более прогрессивный, чем в России.

Царизм ставил себе целью не только захват чужой территории, но и укрепление и усиление реакционного самодержавного режима. Царское правительство было уверено, что победоносная война устранит опасность революционного взрыва внутри страны. Победа в войне усилила бы реакцию и позволила бы правительству Николая I с еще большей свирепостью подавлять всякие проявления народного недовольства.

В отношении разрешения вопроса о Европейской Турции, населенной в подавляющей части славянами, Маркс считал необходимым создать здесь единое славянское государство. В статье «Что будет с Европейской Турцией?» он писал: «История и факты нашего времени указывают на необходимость основания в Европе на развалинах мусульманской империи свободного, независимого христианского государства. Уже ближайший революционный толчок сделает этот исход неизбежным...». Он считал даже, что Англия «...должна выступить вместе с врагами царя и способствовать образованию независимого славянского государства на место одряхлевшей, насквозь прогнившей Высокой Порты» [3].

В этом свете необходимо рассматривать и характер Крымской войны. Продолжением какой политики она являлась со стороны России и Англии? Какими классами определялись цели войны, ее задачи? Ответ может быть только один: реакционными классами в реакционных целях. Война носила захватнический характер с обеих сторон.

Разоблачая реакционную политику России и Англии, Маркс считал, что победа России в этой войне более опасна для рево-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 386.
[2] Там же, стр. 385.
[3] Там же, стр. 397.

люционного движения, чем победа Англии. Маркс и Энгельс подчеркивали, что царской России должен быть дан отпор и что ее поражение может послужить исходным пунктом революционизирования русского народа.

Классики марксизма указывали пути развития этой революции, которая «...охватывает все более обширную область, ее границы расширяются все дальше. Ее последними пограничными столбами были Варшава, Дебрецин, Бухарест, крайними пределами ближайшей революции должны быть Петербург и Константинополь. Это два наиболее уязвимых места, в которых может быть задет русский антиреволюционный колосс»[1].

Николай I знал силу своего страшного врага — силу революции. Он считал делом своей жизни вести борьбу с ней. Но он надеялся путем захватов новых территорий и усилением могущества внутри страны и на международной арене предотвратить революцию в России. «Чтобы самодержавно властвовать внутри страны, — писал Энгельс, — царизм во внешних сношениях должен был не только быть непобедимым, но и непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями»[2].

Пользуясь огромной и послушной армией, отсутствием развитой и политически зрелой буржуазии и революционного рабочего класса, русский царизм проводил реакционную внешнюю политику, подавляя революционное движение в других странах. Оплотом европейской реакции являлась и Англия, которая стремилась подавить всякое революционное и прогрессивное движение внутри страны и у других народов. В этом деле у Англии было сходство с Россией. Но сходная реакционная сущность этих государств не устраняла их коренных противоречий на международной арене.

Углублявшийся кризис крепостнической системы, нарастание недовольства крестьянства, страх перед возможностью революционного взрыва толкали Николая I на ускорение завоевания наследства «больного человека». И он решил, что наступило время разом разрешить все назревшие вопросы путем войны. Началось форсированное развертывание подготовки войны против Турции.

Благоприятным для политики Николая I было то важное обстоятельство, что европейская часть Турции в подавляющей части была населена славянами православного вероисповедания (болгары, сербы, черногорцы), которые беспощадно угнетались турками. Это обстоятельство использовывалось правительством Николая I как в дипломатической подготовке войны, так и должно было помочь в ходе войны, если бы ей удалось развернуться на террито-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 395.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 29.

риях, населенных славянами. Славянское население в борьбе против турецкого господства издавна надеялось на Россию.

В то же время агрессивные круги правящего класса Англии считали, что необходимо любым путем ослабить рост могущества России и не допустить ее дальнейшего усиления. Более того, английская буржуазия считала, что необходимо вытеснить Россию с берегов Черного моря и даже с Кавказа.

Таким образом, военное столкновение между Англией и Россией из-за Турции становилось неизбежным.

Начало Крымской войны

Теперь оставалось только найти подходящий повод для военного столкновения. Здесь на помощь пришло событие, которое в другое время могло бы пройти незамеченным. В 1850 г. вспыхнул спор между католиками и православными в Иерусалиме по вопросу о правах на владение «святыми местами» — ключами от Вифлеемского храма, правом ремонта купола над «гробом господним» и серебряной звезды, указывающей якобы место рождения Христа. Еще в средние века этим правом пользовались католики. В 1740 г. между Францией и Турцией был заключен договор, по которому католикам было предоставлено «обладание всеми святыми местами... в том самом виде, как они владели ими до тех пор». Однако православные также добивались овладения «святыми местами» и, по мере усиления России, стали одерживать в этом успехи. Начало протектората православных над этими местами было положено Кучук-Кайнарджийским договором 1774 года. Позднее, со времени Французской революции 1789 г., это право было окончательно закреплено за православными под покровительством России.

В спор о «святынях» вмешался Луи Наполеон, тогда еще президент Французской республики. К этому его толкали вполне реальные интересы. Добиваясь укрепления своей власти, Луи Наполеон искал сочувствия и поддержки у сильного католического духовенства, а также и у папы римского. 28 мая 1850 г. французское правительство направило ноту Турции с требованием выполнять старые договоры в отношении «святых мест». В защиту православных выступил Николай I. Началась довольно длительная дипломатическая борьба. Николай I решил использовать этот спор в качестве удобного повода для предъявления более серьезных требований, чем обладание «ключами от Вифлеемского храма».

В феврале 1853 г. в Турцию было направлено чрезвычайное посольство во главе с адмиралом князем Меншиковым. 1 марта посольство прибыло в Константинополь на военном корабле, с многочисленной свитой, в числе которой было много военных лиц. В момент приезда посольства стало известно о военных мероприятиях на юге России и о заготовлении больших запасов продовольствия и фуража в придунайских княжествах.

Первые же шаги посольства Меншикова вызвали чрезвычайную тревогу у турецкого правительства и пристальное внимание со стороны европейских держав. Меншиков потребовал убрать министра иностранных дел Турции Фуад-пашу. Турецкое правительство вынуждено было это сделать.

Надо сказать, что за месяц перед этим в Турцию прибыл чрезвычайный посланник Австрии генерал Лейнинген, который потребовал отозвания турецких войск из Черногории, отмены высоких пошлин на ввозимые в Австрию и вывозимые из нее товары и т. д. После отказа Турции удовлетворить эти требования на ее границе в Далмации были сосредоточены австрийские войска, и Оттоманская Порта должна была уступить. Это событие служило как бы благоприятным прецедентом для русского посла. Если Турция уступила Австрии, то тем более она должна была уступить России, так как Россия гораздо сильнее Австрии. Этот же факт как бы подтверждал надежды Николая I на прочную поддержку его действий со стороны Австрии.

После первых успешных шагов миссии Меншикова начались переговоры по вопросу о «святых местах», причем главное соперничество было между Россией и Францией, а Турция металась из стороны в сторону, ища поддержки у английского представителя. Но последний считал дело «о святых местах» не столь важным.

Каждая из сторон, добиваясь уступок Турции, изображала себя ее защитницей. За Турцией все «ухаживали», но вовсе не с целью защищать ее интересы. По этому поводу французский посол Ла-Валетт однажды заметил: «Турция из тех особ, за которыми ухаживают, но на которых не женятся! Ее семейство слишком бедно и пользуется слишком дурной репутацией».

Пока Меншиков готовился совершить свое путешествие к берегам Босфора и собирался вести дипломатическую дискуссию о ключах и храмах, в Петербурге в качестве главного дипломата выступил сам император.

Еще до отъезда Меншикова, 9 января 1853 г. Николай I, встретив на балу у великой княгини Елены Павловны английского посланника Сеймура, в разговоре с ним заявил:

«—Я хотел бы... теснее сблизиться с Англией... вам известно, что наши интересы сходятся почти во всех отношениях. Когда мы находимся в добром согласии, то я вполне спокоен за Западную Европу. Что д р у г и е думают, в сущности неважно. Что касается Турции, то это иной вопрос, эта страна находится в критическом положении и может доставить нам много хлопот»[1]. На вопрос посланника о видах Николая I на Турцию последний ответил:

«—Турецкие дела в крайнем расстройстве. Надобно сговориться. У нас на руках человек больной, серьезно больной: было бы большое несчастье, если бы мы лишились его, когда еще не сделаны все нужные распоряжения...»[2]. На этом разговор обо-

[1] «Русская старина», стр. 376. Август, 1902.
[2] Т а м ж е.

рвался. Через несколько дней Сеймур был официально принят Николаем I. На приеме император сказал Сеймуру: «В Турции есть несколько миллионов христиан, за интересами которых я должен наблюдать. Я пользуюсь своим правом умеренно, но это право существует, и я не могу отказаться от него» [1]. Возвращаясь опять к мысли о «больном человеке», Николай I продолжал:

«—Нам желательно... продлить существование больного человека; но он может умереть внезапно, и мертвого нам уже не удастся воскресить. Не лучше ли подготовиться заранее к этой случайности, нежели подвергать себя неизвестности, которая может из этого произойти?...Если нам удастся столковаться, то нет нужды, как поступят другие. Я вам скажу, чего я хочу. Я не позволю Англии утвердиться в Константинополе и, само собою разумеется, сам не сделаюсь его собственником» [2].

Встревоженный таким заявлением Сеймур снесся со своим правительством, требуя от него инструкции для ответа Николаю I. При этом Сеймур указал, что планы России идут по линии раздела Турции.

В полученной 22 февраля депеше из Англии указывалось, что правительство королевы не склонно решать вопросы о наследстве Турции при ее жизни и не собирается утверждаться в Константинополе. Однако правительство готово дать заверение, «...что мы не вступим ни в какие соглашения относительно мероприятий на случай падения Турции без предварительного сношения с российским императором» [3]. Таким образом, отвергая в данный момент решение вопроса о «наследстве», Англия не отказывалась вести переговоры об этом в дальнейшем. Тем самым английское правительство создавало у Николая I впечатление, что Англия действительно не будет с ним воевать из-за Турции и что с ней можно будет сговориться.

При следующей встрече, в начале марта, после того как Николай I знал уже ответ английского правительства, он раскрыл перед Сеймуром совершенно отчетливо свои планы, заявив: «Дунайские княжества и теперь де-факто составляют независимое государство, находящееся под моим покровительством, нет надобности изменять их положение. Сербии и Болгарии следует даровать подобное же управление, т. к. не представляется достаточных причин для образования из них одного вполне независимого государства. Я хорошо понимаю, насколько приобретение Египта важно и необходимо для Англии, и поэтому откровенно скажу, что, если при разделе Оттоманской империи он достанется вам, то, конечно, не с моей стороны возникнут к тому препятствия. Если обладать Кандией (о. Крит) вам пригодно, берите этот остров, и да будет он собственностью Англии» [4].

---

[1] «Русская старина», стр. 376. Август, 1902.
[2] Там же, стр. 376—377.
[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 692.
[4] Бухаров. Россия и Турция, стр. 137. Изд. 1873.

Таким образом, Николай I, надеясь на дружбу с английскими реакционерами, выболтал свои затаенные планы. Он надеялся и на то, что те серьезные обещания, которые он сделал Англии, прельстят английское правительство, и оно позволит ему действовать наверняка. О своих притязаниях Николай I прямо заявил Сеймуру, что он должен, кроме указанного, завладеть еще и Константинополем хотя бы временно. На вопрос Сеймура об Австрии Николай I ответил: «Что годится России, то пригодно и для Австрии».

В беседе с Сеймуром Николай I сделал три серьезнейшие ошибки. Во-первых, он очень легко сбросил со счета европейских сил Францию, считая, что последняя еще очень слаба и что Наполеон III не рискнет начать войну против России.

Во-вторых, Николай I ошибочно считал, что Австрия будет на стороне России. Он не понял всей хитрости австрийского канцлера Шварценберга и неприязни к России австрийского императора Франца Иосифа, которые в силу страха перед революцией скрывали свои истинные отношения к России. Позднее, в 1854 г., когда Австрия выступила против России во время войны, Николай I с горечью говорил графу Ржевусскому: «Кто из польских королей по твоему мнению был самый глупый?.. Я тебе скажу, что самый глупый польский король был Ян Собесский, потому что он освободил Вену от турок. А самый глупый из русских государей — я, потому что я помог австрийцам подавить венгерскую революцию».

В-третьих, Николай I совершенно ошибочно думал, что его предложение Англии о разделе Турции будет встречено положительно. В силу своего невежества и прочного убеждения в том, что государствами правят монархи, он считал, что главная сила в Англии — королева Виктория, а с ней он находился в дружеских отношениях. Поэтому он считал, что его план будет поддержан, причем он надеялся и на лорда Эбердина, стоявшего тогда во главе английского кабинета и считавшегося «другом» России.

Ошибкам Николая I содействовали и русские послы — Киселев в Париже, Бруннов в Лондоне, Мейендорф в Вене и др. Зная о действительном положении вещей в Европе, они не решались прямо сообщать Николаю I неприятные для него сведения и изображали все не так, как было на самом деле, а в значительно смягченном виде.

После откровенного разговора Николая I с английским послом картина для Англии была совершенно ясной.

Оставалось только дать решительный отпор замыслам Николая I. Однако этого не случилось. Все поведение английского правительства вплоть до предъявления Меншиковым ультиматума Турции и даже позднее показывало, что оно не намерено нажимать на царя. Это была традиционная тактика английской дипломатии, которая хотела завлечь дальше противника, подготовить тем временем свои силы, вернее, найти «чужие руки» для отпора

врагу. Английское правительство понимало, что в случае раздела турецких владений без участия Франции, — а царь именно этого хотел, — это может повести к войне последней с Англией. А такая война могла угрожать революцией на Западе. В депеше в Россию от 23 марта 1853 г. лорд Кларендон заявлял: «Всякий крупный вопрос на Западе будет принимать революционный характер и включать в себя пересмотр всей социальной системы, к которому континентальные правительства, конечно, не готовы... первый пушечный выстрел может явиться сигналом к наступлению положения дел и событий, более гибельных даже, чем бедствия, которые неизбежно приносит с собою война... И отсюда... тревога правительства ее величества и стремление предотвратить катастрофу»[1].

Английские правящие круги хотели запугать «жандарма Европы» опасностью революционной катастрофы. Этим же они хотели показать, что будто бы Англия против войны и всячески хочет избежать ее. Однако это запугивание не действовало на Николая I. Он считал, что именно путем разгрома Турции и отторжения от нее территорий с славянским населением ему удастся предотвратить революцию внутри России и усилить свое положение в Европе.

Для Николая I важен был самый факт секретных переговоров с ним английского правительства. Эти переговоры поощряли Николая I на более активные действия. Маркс, который непосредственно наблюдал международную жизнь того времени, писал 21 июня 1853 г.: «Если война все же вспыхнет, это, по нашему мнению, произойдет только оттого, что Россия зашла слишком далеко для того, чтобы пойти назад без ущерба для своей чести. И, кроме того, мы полагаем, что Россия только потому была так чрезмерно смела, что все время рассчитывала на попустительство со стороны Англии»[2].

Отговаривая своего партнера от раздела Турции, английское правительство между тем провело одно важное мероприятие. Депешей от 5 апреля 1853 г. оно извещало Николая I, что в Турцию снова послан лорд Стрэдфорд, миссии которого «придан особый характер». А этот человек был заведомым врагом России и имел решающее влияние на турецкое правительство.

Стрэдфорд был опытным дипломатом, набившим себе руку еще ранее на интригах при дворе султана. Глава русского чрезвычайного посольства князь Меншиков, высокомерный светский барин, плохо разбирался в вопросах дипломатии и не мог, конечно, успешно состязаться с английским дипломатом.

Стрэдфорд был давнишним врагом России на Востоке и личным врагом Николая I. Он не забыл еще, что Николай I грубо отказался принять его послом в Петербурге в 1832 году.

---

[1] Цит. по К. Марксу и Ф. Энгельсу. Соч., т. IX, стр. 707.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 410.

Стрэдфорд пользовался неограниченным влиянием при дворе султана и получил даже от турок кличку — «падишах падишаха». Турки хорошо знали этого человека и говорили о нем: «Есть только одно явление на свете, которое превосходит своими размерами нахальство Стрэдфорда, — это его лживость».

Приехав в начале апреля в Константинополь, Стрэдфорд сразу почуял, что Меншиков явился сюда не за ключами от «святых мест», а за чем-то более серьезным, поэтому Стрэдфорд решил раскрыть карты Меншикова. С этой целью он стал толкать султана на все уступки по вопросу о «святых местах», считая, что Меншиков этим не удовлетворится. А когда последний вынужден будет выставить действительные требования царизма, Стрэдфорд усилит подготовку войны против России. Меншиков, не разгадав этого плана Стрэдфорда, шел прямо в западню.

В то же время английский посол втерся в доверие к Меншикову, убедив его, что будто бы министр иностранных дел Турции Риза-паша — враг России и надо его заменить другим — Решид-пашой. Меншиков поддался этому обману. На деле же как раз Решид-паша был врагом России. Стрэдфорду удалось также убедить Меншикова, что Англия ни при каких обстоятельствах не вступится за Турцию. А в это же время он убеждал турок, что Англия никогда не даст их в обиду и окажет им всемерную помощь. Только для этого надо поступать так, как учит их английский посол. Правда, турки хорошо знали эту «помощь» и это учение. Упомянутый Риза-паша говорил позднее: «Англичане хотят учить турок, но так, что за это учение берут слишком большую плату — сперва отрежут ученику одну ногу, потом другую, потом опять учат, и за это отрезают руки. А когда уже больше отрезать нечего, снимают голову. Такая плата никак не может устроить Турцию».

Но даже и при такой дорогой плате туркам иногда приходилось прибегать к помощи той или иной сильной державы, оплачивая эту помощь дорогой ценой. Это была плата за свою внутреннюю слабость, за свою отсталость. У турок, правящая верхушка которых разлагалась, не было иного выбора. Недаром султан Меджид однажды воскликнул: «Когда человек тонет и видит перед собой змею, то он должен даже за нее ухватиться, лишь бы не утонуть».

После длительных переговоров о «святых местах» Меншиков 5 мая 1853 г. предъявил Турции ультиматум — издать закон о том, что русский император должен быть покровителем всех православных христиан Турецкой империи и что он «имеет право делать представления» султану об их положении. Стрэдфорд только этого и ждал. Он тотчас же сообщил об этом своему правительству, причем прибег к прямому подлогу. Вместо слов «имеет право делать представления» он сообщил, что будто бы Меншиков заявил, что царь «имеет право давать приказы». Такое сообщение вызвало сильное раздражение английского кабинета.

Как раз незадолго до этого в кабинете усилились сторонники немедленного развязывания войны. На пост министра иностранных дел пришел Кларендон — ставленник Пальмерстона, ярого врага русского влияния на Востоке. Развязывание войны со стороны Англии началось полным ходом. Стрэдфорд добился своих целей.

Ультиматум Меншикова под давлением Стрэдфорда и французского посла был отвергнут. 22 мая Меншиков покинул столицу султана и отбыл в Одессу. 31 мая Нессельроде отправил ноту непосредственно Решид-паше, новому министру иностранных дел Турции, с предложением подписать договор, составленный Меншиковым. В случае отказа канцлер грозил переступить границу Оттоманской империи. Турция, поддержанная Англией, отказала. 5 июня было предложено русскому поверенному Балабину покинуть Константинополь со всем составом посольства.

В ответ на действия России Англия дала приказ адмиралу Дундасу выйти с эскадрой из Мальты и войти в Безикскую бухту Дарданельского пролива. Аналогичный приказ получила и французская эскадра, еще ранее пришедшая в Саламинскую бухту. Между Англией и Францией началось быстрое сближение. Еще 28 мая граф Валевский, французский посол в Лондоне, писал в Париж:

«Все идет, повидимому, хорошо. Я надеюсь, что мы вступим в новый фазис, который должен наступить в Восточном вопросе, в полном единогласии с Англией и пойдем с нею рука об руку» [1]. Англия начинала действовать все более решительно, стараясь в то же время показать свою «дружбу» Николаю I.

В ответ на выступление флотов Англии и Франции, 14 июня Николай I обнародовал манифест, в котором обвинял Оттоманскую Порту в нежелании выполнять договоры, в нарушении ею прав православных христиан. Манифест заканчивался словами: «Истощив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых наших требований, признаем мы необходимым двинуть войска наши в придунайские княжества, дабы доказать Порте, к чему может вести ее упорство» [2].

21 июня 1853 г. русские войска в составе 80 тыс. солдат во главе с командующим князем Горчаковым перешли Прут и начали занимать дунайские княжества. Нессельроде заявил иностранным дипломатам о переходе русскими войсками границы.

Переход границы русскими войсками еще более сблизил Англию и Францию и вызвал огромную тревогу в Австрии и Пруссии. Австрия понимала всю опасность укрепления Николая I на Балканах. Пруссия также не была заинтересована в усилении России, и ее правительство начинало искать соглашения с Францией, при помощи которой, в случае поражения в предстоящей схватке

[1] «Русская старина», стр. 587. Сентябрь, 1902.
[2] Бухаров. Россия и Турция, стр. 154. Изд. 1873.

России с Англией и Францией, она надеялась добиться воссоединения Германии.

Австрия, однако, считала в данное время необходимым уладить дело миром и взяла на себя инициативу созыва в Вене конференции держав (Англии, Франции, Австрии). На этой конференции была выработана так называемая «венская нота», которая требовала взаимных уступок со стороны Турции и России с тем, чтобы дело закончить миром. Россия согласилась, так как она эту ноту могла толковать исключительно в пользу своих требований; Турция при настойчивой поддержке Англии требовала предварительного очищения княжеств и после отклонения этого требования отказалась принять ноту. 27 сентября турецкое правительство, действовавшее все время под давлением Англии, потребовало от командующего русскими войсками на Дунае князя Горчакова очистить княжество в 18-дневный срок, угрожая в противном случае войной. Не получив ответа на свое требование, Турция отдала приказ своим войскам выступить против России. В середине октября начались военные действия между Россией и Турцией. 20 октября 1853 г. Россия формально объявила войну Турции.

Желая еще более убедиться в верности своих «союзников», Николай I в конце сентября совершил поездку в Ольмюц для свидания с австрийским императором и прусским королем. Последний от свидания уклонился. После этого Николай I, уезжая в Варшаву на маневры, снова пригласил обоих государей на смотр своих войск. На этот раз и прусский король приехал, но договоренности не получилось. 6 октября Николай I внезапно выехал в Берлин, что очень заинтересовало дипломатический мир. Чувствуя колебания со стороны Австрии и Пруссии и их неодобрение своей политики на Востоке, Николай I стремился личными переговорами склонить эти страны к поддержке его действий или хотя бы к благожелательному нейтралитету. Но удачи не получилось и здесь.

Одновременно с этим Пруссия с присущим ей лицемерием вела переговоры с Францией, заявляя ей, что взгляды Пруссии на Восточный вопрос совпадают с французскими. Недаром еще в июне граф Гецфельд писал из Парижа Мантейфелю: «Французский кабинет полагает, что в Восточном вопросе между ним и прусским кабинетом существует наибольшее согласие»[1].

Между тем начались военные действия. Первое сражение на Дунае произошло 23 октября у Ольтеницы. Русские солдаты храбро дрались против наступавших турок, но из-за нераспорядительности и нерешительности бездарного генерала Данненберга вынуждены были отступить. Отступление было начато в тот момент, когда у русских создались благоприятные условия для отражения турок. Сказалось и то, что командование велось с глубокого тыла, распоряжения главнокомандующего были нерешительны и противо-

[1] «Русская старина», стр. 587. Сентябрь, 1902.

речивы. Одновременно турки попытались перейти Дунай у Журжи, но натолкнулись на решительное сопротивление войск энергичного генерала Соймонова.

На азиатском фронте и на побережье Черного моря турки имели сначала успех. 16 октября они захватили форт св. Николая и начали продвижение на Александрополь. Действия турок на Кавказе застали наместника графа Воронцова совершенно неподготовленным. Он просил срочной помощи, и, получив ее, русские 19 ноября нанесли очень серьезное поражение туркам под Башкадыкляром. За день до этого, 18 ноября, русская эскадра под командой талантливого адмирала Нахимова напала на черноморский порт Турции — Синоп и потопила весь турецкий флот. При этом был взят в плен Осман-паша, командовавший турецкой эскадрой. Победа Нахимова вызвала бурю возмущения в западноевропейских государствах. Буржуазия Англии и Франции негодовала против действий России и против своих правительств за их бездеятельность. Турецкий флот был разгромлен фактически на глазах у англо-французского флота.

Союзный флот, который уже с 27 октября находился в Босфоре, в декабре вошел в Черное море и прекратил здесь всякие операции русского флота. В середине января 1854 г. Наполеон III послал личное письмо Николаю I с предложением урегулировать все вопросы миром. Письмо было рассчитано, конечно, не на мир. Наполеон этим письмом хотел показать общественному мнению Франции свое «миролюбие» и в то же время, зная заранее неприемлемость его предложений для Николая I, обвинить последнего в агрессии. После оскорбительного отказа Николая I, который напомнил Наполеону III 1812 год, письмо было опубликовано во французских газетах. Вслед за этим в английском парламенте были оглашены, а затем опубликованы в печати документы о переговорах Англии и России в 1844 и 1853 гг. (беседы Николая с Сеймуром). Общественное мнение было сильно возбуждено против Николая I.

28 февраля между Англией, Францией и Турцией был заключен договор об оборонительном и наступательном союзе. 1 марта России был предъявлен ультиматум западных держав об удалении русских войск из дунайских княжеств. Молчание Николая I повлекло за собой объявление Англией и Францией войны России. Таким образом, началась крупнейшая война середины XIX в., имевшая огромные последствия для всех европейских государств.

Заключая союзный договор, Англия и Франция не забывали в то же время о своих глубоких противоречиях на Востоке. В данное время английской дипломатии был выгоден союз с Францией, тем более что она видела теперь в лице Франции как раз те «чужие руки», которые она искала для войны. В свою очередь Франция на известное время нуждалась в союзе с Англией для войны, победа в которой должна была укрепить престиж Наполеона III.

Характерно в этой связи отметить отношение России к послам Англии и Франции в Петербурге, а также Наполеона III к рус-

скому послу. После разрыва отношений Николай I приказал немедленно вручить дипломатический паспорт английскому послу Сеймуру с предложением тотчас же покинуть Петербург. Наоборот, французскому послу генералу Кастельбажаку было сообщено, что он может уехать, когда пожелает, а в знак особого отношения к Франции ему была вручена звезда Александра Невского. Этим самым Николай I хотел как бы подчеркнуть, что разрыв с Францией — недоразумение. В свою очередь Наполеон III принял русского посланника Киселева, пожелавшего встретиться с императором перед своим отъездом из Парижа. Киселев обратился к Наполеону с заявлением, в котором, между прочим, говорилось: «Франция бросается в войну, которая ей не нужна, в которой она ничего не может выиграть, и она будет воевать только, чтобы служить целям и интересам Англии. Ни для кого тут не секрет, что Англия с одинаковым удовольствием увидела бы уничтожение любого флота, вашего флота или нашего, и, чего здесь не понимают, это то, что Франция в настоящее время помогает разрушению (русского) флота, который в случае нужды был бы наилучшим для вас помощником против того флота, который когда-нибудь повернет свои пушки против вашего».

Характерно, что Наполеон выслушал это заявление совершенно молча и ни слова не возразил Киселеву. Эти дипломатические «прощания» бросали свет на возможность в будущем иной расстановки сил и иных отношений.

Помня о своих противоречивых интересах, союзники, боясь обоюдного обмана, заключили 30 марта 1854 г. особое соглашение, в котором отказывались сепаратно принимать любые мирные предложения со стороны России. К этому приглашались и другие европейские страны. Одновременно представителями Англии, Франции, Австрии и Пруссии был подписан в Вене протокол, который обязывал всех подписавшихся добиваться: 1) неприкосновенности Турецкой империи и, в первую очередь, очищения дунайских княжеств; 2) обеспечения прав христианского населения Турции; 3) гарантии для сохранения Оттоманской империи и установления равновесия; 4) отказа от вхождения в переговоры с Россией о мире без взаимной согласованности.

Вслед за этим 8 апреля был заключен союзный трактат между Австрией и Пруссией, по которому Пруссия обязывалась поддержать Австрию в ее требованиях очистить дунайские княжества. В случае отказа России и присоединения ею этих княжеств Пруссия должна поддержать военные действия Австрии против России. Таким образом, традиционные «друзья» и «союзники» Николая I оказывались на стороне его врагов и он оказался изолированным в крупнейшей войне, грозившей ему серьезными испытаниями.

В начале 1854 г. Николай I настойчиво требовал перейти Дунай, осадить крепость Силистрию, а затем двигаться вверх по Дунаю к крепости Рущук. 21 февраля главнокомандующим на ду

найском фронте был назначен престарелый фельдмаршал Паскевич. В середине марта (11—15) русские войска перешли Дунай в районах Галаца, Браилова и Измаила. 3 апреля Паскевич прибыл в Фокшаны. В ответ на требования царя об осаде Силистрии Паскевич, боясь военных выступлений Австрии в тылу, стал давать советы уйти из княжеств, однако подчинился требованиям Николая I. Паскевич был весьма встревожен создавшейся обстановкой. Он, понимая всю тяжесть положения Российской империи, боялся возможного поражения и не хотел обострять отношения с Австрией. Поэтому он очень неохотно действовал и в то же время не хотел резко выражать своего мнения перед Николаем I. Только к 4 мая русская армия подошла к Силистрии и осадила ее. Это была довольно сильная крепость, имевшая вокруг себя несколько укрепленных фортов. К этому времени в распоряжении Паскевича было 65 000 солдат, 192 полевых и 52 осадных орудия, 2 парохода, отряд канонерских лодок. Турки вначале имели всего 16 тыс. гарнизона и около 100 орудий. Продовольствием гарнизон крепости был обеспечен на год. Позднее гарнизон был несколько усилен. Командовал гарнизоном Силистрии энергичный и способный Мусса-паша, реорганизатор турецкой артиллерии.

Осада крепости велась чрезвычайно вяло, без решительных действий. Нерешительность командования отрицательно сказывалась на осаждающих войсках. В ночь на 17 мая произошел совершенно неожиданный и бессмысленный штурм форта Араб-Табия. Однако в ходе штурма, благодаря храбрости солдат, русские стали одолевать защитников форта, но в самый выгодный для русских момент, когда уже победа казалась обеспеченной, вдруг дан был сигнал к отступлению. Началось беспорядочное отступление с серьезными потерями благодаря сильному огню противника. И здесь храбрость солдат, их решительность парализовались нелепыми распоряжениями, несогласованностью и бездарностью командования.

Между тем в начале июля Австрия потребовала от России прекращения военных действий на Дунае и в «самое близкое время» очистить княжества. Это требование поддержала и Пруссия. Одновременно Австрия и Турция подписали в Константинополе договор, по которому обязались совместно добиться очищения дунайских княжеств от русских войск и установить там «законный порядок», не входя в соглашение с Россией. Австрийские войска в осуществление этого договора сосредоточились на границе. Прусский король советовал Николаю I уйти с Дуная.

Николай I под таким нажимом дал распоряжение об очищении княжеств. 15 июня русские войска перешли обратно Дунай, бесцельно пробыв за ним около трех месяцев.

10 августа Омер-паша вошел в Бухарест, а затем австрийские войска с согласия Турции заняли княжества. Дунайская кампания окончилась для царя неудачно. Оправдалось предсказание Маркса. «Без помощи Австрии, — писал он, — Россия не может и думать

о переходе Балкан под носом у ее теперешних противников. Оборонительное значение Силистрии является для русских в настоящий момент преобладающим; и ее значение столь велико, что, не взяв ее, они могут считать свою кампанию этого года проигранной»[1]. Маркс указывал также, что очищение дунайских княжеств — результат не военных мотивов, а дипломатических воздействий.

Союзный флот, вошедший в Черное море, уже с апреля начал военные действия. 1 апреля 1854 г. он бомбардировал Одессу и попытался высадить десант, но последний был отброшен русскими солдатами. В июле англичане захватили Аландские острова и попытались высадить десант в Гангуте, но неудачно. Был также обстрелян Соловецкий монастырь в Белом море. В августе тихоокеанская эскадра Англии бомбардировала Петропавловск-на-Камчатке. Всеми этими военными демонстрациями Англия стремилась навести страх на Николая I, деморализовать его силы, показывая свое морское могущество и свои возможности действовать на многих границах Российской империи.

Но главные свои операции союзники предполагали вести на Балканах и в Крыму. К июлю 1854 г. в Варне было сосредоточено 80 тыс. союзных войск, которые готовились двинуться против дунайской армии России. После ухода русских войск из дунайских княжеств союзные войска наметили план действий в Крыму. Союзники строили широкие планы разгрома России. Еще в феврале 1854 г. на военном совете под руководством английского и французского главнокомандующих разрабатывался план отторжения от России Польши, Литвы, Финляндии, Белоруссии, части Украины, Кавказа и Крыма. Английская буржуазия устремлялась на захват важнейших частей России. Однако решено было прежде всего захватить Крым. Предполагалось высадить десант у Перекопа и отрезать Крымский полуостров от центральной России, высадив также десанты в Анапе и Поти.

В августе в Крым была направлена огромная армия в составе 89 военных судов, около 300 транспортов со всякого рода снабжением и необходимым для осадных работ оборудованием. На кораблях находилось свыше 60 тыс. французских, английских и турецких войск. На судах было 134 полевых и 114 осадных орудий. 1 сентября 1854 г. произошла высадка этих войск в Евпатории, которая была занята без всякого сопротивления. Высадившиеся части двинулись вдоль берега реки Альмы, около которой и произошло 8 сентября первое сражение на территории России.

Позиция на Альме была очень выгодной для русского командования. Высокий левый берег реки затруднял союзникам обстрел русской армии с левого фланга. Однако позицию эту следовало укрепить фортификационными работами, чего командующий армией князь Меншиков не сделал. Бой начался рано утром

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 69.

8 сентября и продолжался весь день. Русские солдаты дрались с исключительной отвагой, много раз ходили в штыковые атаки, но их отбрасывали союзники сильным штуцерным и артиллерийским огнем. Владимирский полк геройски отбросил англичан и начал прижимать их к реке, но сильный орудийный огонь с флангов и стрельба из нарезных винтовок во фронт заставили владимирцев отступить с большими потерями. Еще с начала боя французская дивизия Боске начала обход русского левого фланга. Здесь по преступной нераспорядительности командующего совсем не оказалось русских частей, не было использовано старое Татарское укрепление на высоком мысу в устье Альмы, которое могло стать одним из опорных пунктов обороны. Когда зуавы (французские колониальные части) взобрались уже на этот берег, туда были брошены батальоны Московского и Минского полков. Солдаты несколько раз пытались штыковой атакой сбросить французские части к реке, но последние, не принимая боя, косили русских огнем из штуцерных винтовок. В результате двойного превосходства сил противника, лучшего вооружения, плохой подготовки сопротивления, разрозненности частей во время боя и в силу плохого командования русская армия принуждена была отступить, потеряв 5 700 чел. убитыми и ранеными. Противник потерял 3 500 человек.

Меншиков отступил к Севастополю. Благодаря усталости противника русские войска отошли без преследования.

11 сентября Меншиков решил оставить Севастополь под охраной матросов, часть кораблей затопить при входе в Севастопольский рейд, а главные сухопутные силы отвести к Бахчисараю. Этим он хотел, в случае нападения союзников на Севастополь с суши, остаться у них в тылу, не отрываясь в то же время от своего тыла. Опасность нападения на Севастополь с суши была тем более велика, что с этой стороны город был совершенно беззащитен. Здесь не имелось серьезных укреплений. Полуразвалившиеся старые укрепления были настолько слабо вооружены, что не представляли никакой опасности для противника. В имевшейся небольшой гарнизонной артиллерии не производилось практической стрельбы, не были определены углы возвышения, не проверена действенность выстрелов. В крепости недоставало шанцевого инструмента, нехватало и других необходимых материалов для обороны. Главная причина всего этого — беззаботность и преступная небрежность командования и особенно командующего — князя Меншикова. Его высокомерное отношение к матросам и нерадение к подготовке обороны города вызвали всеобщую нелюбовь к нему населения. Матросы же дали ему кличку — «Изменщиков».

Оборона Севастополя и поражение царской России

Уходя с главными силами к Бахчисараю, Меншиков назначил командовать защитой Севастополя бездарного генерала Мюллера.

Но фактически душой обороны города стали выдающиеся и любимые матросами адмирал Корнилов и вице-адмирал Нахимов.

Командовавший войсками Меншиков назначил трех лиц оборонять город, причем старшим оказался дряхлый и неспособный генерал Мюллер, а Корнилов и Нахимов получили каждый свой участок. На заседании военного совета 13 сентября 1854 г. Нахимов потребовал вручения руководства всей обороной Корнилову. Мюллер вынужден был издать приказ, согласно которому Корнилов назначался начальником штаба обороны, т. е. фактически должен был возглавить оборону. Для Корнилова характерны были преданность своему делу, честное служение долгу и непоколебимая уверенность в необходимости обороны города до последнего человека. Он сразу же после назначения предложил всем войскам стоять насмерть, обороняя Севастополь. Обращаясь к войскам, 15 сентября он заявил: «Будем драться до последнего. Отступать нам некуда — сзади нас море. Всем начальникам я запрещаю бить отбой; барабанщики должны забыть этот отбой. Если кто из начальников прикажет бить отбой — заколите такого начальника; заколите барабанщика, который осмелится ударить позорный отбой. Товарищи, если бы я приказал ударить отбой — не слушайте, и тот подлец будет из вас, кто не убьет меня»[1].

Эти слова ярко характеризуют Корнилова и его деятельность. Он с исключительной твердостью и энергией осуществлял руководство обороной Севастополя до самой своей гибели во время первой бомбардировки Севастополя 5 октября 1854 года.

В течение буквально двух недель под командованием этого одного из подлинных героев Севастополя, при непосредственном участии вице-адмирала Нахимова, контр-адмирала Истомина и инженера Тотлебена город был превращен в неприступную твердыню. Эти талантливые командиры сумели мобилизовать инициативу населения, воодушевить гарнизон, особенно матросов, и благодаря этому подготовили город к обороне. 40 тысяч мирного населения работали по возведению укреплений родного города. Тем временем союзники, не решаясь наступать на Севастополь с севера, обошли город и расположились фронтом к Севастополю от Балаклавы до Сапун-горы. Город был обложен с южной и восточной сторон. Увидя, что союзники не собираются нападать на город с северной стороны, Меншиков 18 сентября вернулся в Севастополь.

Произведя предварительную подготовку, союзники 5 октября начали первую бомбардировку города с суши и с моря с тем, чтобы после обстрела начать штурм. Канонада продолжалась целый день с обеих сторон, союзники выпустили 63 тыс. снарядов, русские — 36 тысяч.

Некоторые бастионы русских были повреждены. Однако и у противника были сбиты орудия в 10-й батарее, взорваны пороховой

---

[1] Сборник «Оборона Севастополя», составлен полковником Зайончковским. Изд. 2. СПБ. 1904.

погреб и 4-я батарея. Сильный отпор русских батарей заставил противника отказаться от штурма. Но потери русских все же выразились в 1 250 человек, а союзников — 868. Очень тяжелой потерей для русских войск была гибель адмирала Корнилова. Во время бомбардировки он был вместе с матросами, объезжал все батальоны, а на просьбы уехать из опасного места отвечал: «Что скажут обо мне солдаты, если сегодня меня не увидят?». Корнилов был тяжело ранен на Малаховом кургане и со словами «Отстаивайте же Севастополь!» — скончался. 6 и 7 октября бомбардировка была уже слабее, а затем наступило затишье.

Эта первая, в общем безуспешная, канонада союзников Севастополя вселила бодрость и уверенность в силы осажденных. Ободренные первым успехом в обороне, русские солдаты и моряки стали устраивать успешные вылазки против неприятельских позиций, постоянно тревожа части противника. Такие вылазки поднимали настроение защитников Севастополя.

К середине октября русские войска, получив подкрепление, насчитывали 65 тыс. человек. В то же время подходили еще 2 дивизии — 10-я и 11-я. У союзников в это время насчитывалось 80—85 тыс. человек. Меншиков решил предпринять атаку против союзников под Балаклавой. Наступление началось под командой генерала Липранди 13 октября от Чоргуна. Сразу же было захвачено несколько редутов, которые охраняли турки. На выручку им подоспела конница Скерлета и Кардигана, завязался кавалерийский бой. Союзники сначала сильно оттеснили русские части, но Уланский полк под командой Еропкина ударил во фланг коннице Кардигана и разгромил ее почти начисто. В это время подошли французские подкрепления, и сражение было прекращено. За русскими остались три редута. Союзники проиграли битву под Балаклавой. Балаклавская операция ослабила нажим союзников на Севастополь.

22 октября севастопольские войска увеличились подходом 10-й и 11-й дивизий. Теперь русских войск было 90—100 тыс., союзников — 80 тыс. Меншиков решил дать генеральное сражение. План сражения был рассчитан на одновременный удар по всему фронту — левому флангу, центру и правому флангу противника. В соответствии с этим русские войска должны были наступать следующими колоннами: действующие части Севастополя в составе 19 тыс. пехоты под командой генерал-лейтенанта Соймонова должны были наступать из Килен-балки; части под командой генерал-лейтенанта Павлова в составе 16 тыс. должны были выступить с Инкерманской горы и, восстановив мост через Черную речку, двигаться на соединение с частями Соймонова; общее командование частями Соймонова и Павлова возложено было на бездарного и нерешительного генерала Данненберга, известного проигрышем сражения у Ольтеницы на Дунае. Третий отряд под командой генерала Горчакова в составе 20 тыс. должен был находиться у Чоргуна и, оттягивая на себя французские части Боске, расположенные на Сапун-горе, овладеть одним из подступов к

этой горе. Севастопольскому гарнизону ставилась задача поддерживать наступление огнем.

Наступление началось рано утром 24 октября. Шел сильный дождь, вся местность представляла сплошную грязь. Вновь подошедшие за два дня перед этим дивизии не успели еще отдохнуть. Однако наступление началось энергично. Русские части, преодолевая исключительные трудности местности и теряя много солдат от меткого огня противника, продолжали свое продвижение. Батальоны Тобольского полка отбросили бригаду Поннефозера, екатеринбуржцы, перейдя Килен-балку в верховьях ее, атаковали бригаду Кондригтона и захватили 4 орудия. Но они столкнулись здесь с большими силами противника и, не получив подкреплений, должны были отступить. Между тем отряды Павлова задержались у переправы через Черную речку и запоздали поддержать части Соймонова. Наконец, и они вступили в бой, но уже в момент серьезных потерь Соймонова. В самый острый момент сражения, когда английские части начинали ослабевать, им на помощь подоспело сильное подкрепление со стороны французской дивизии Боске. И это в то время, когда 20 тыс. солдат Горчакова стояли неподвижно у Чоргуна, не решаясь двинуться на дивизию Боске и тем самым не дать ей вмешаться в битву против русских. Получившие подкрепление союзники оправились и налегли на ослабленные части 11-й дивизии. Слабой была вылазка из гарнизона Севастополя. В итоге битва была проиграна. Русские потеряли свыше 10 тыс. человек, союзники — вдвое меньше.

Это сражение — одно из крупнейших в истории войн — показало все слабые стороны царской армии: ее отсталую систему обучения, приучавшую солдат действовать только колоннами, ее вооружение — плохую винтовку — и слабую выучку стрельбе, ее бездарное командование. При напряженнейшем сражении более ⅓ войск находилось в резерве, диспозиция была неясная — достаточно сказать, что по-разному определялся левый и правый берег Килен-балки, и Соймонов пошел как раз по правому берегу вместо левого. Особенно преступной была бездеятельность князя Горчакова, державшего без дела 20 тыс. солдат, на глазах которых громили русские полки.

Маркс, анализируя Инкерманское сражение, указывал, что британцы «...были бы уничтожены в этом неравном бою, если бы не подошла французская дивизия Боске... Сражение, — писал далее Маркс, — было проиграно... главным образом благодаря тому, как русские его вели. Русский способ войны не устоял против европейского способа» [1].

После Инкерманского поражения моральное состояние русских войск сильно ухудшилось. В войсках царило большое недовольство Меншиковым. Сам Меншиков после поражения был очень удручен и не проявлял никакой активности.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 209.

Севастополь вел оборону совершенно самостоятельно. После гибели Корнилова главным организатором обороны города стал Нахимов — вдохновитель и организатор героической обороны Севастополя.

Нахимов получил хорошую подготовку под руководством знаменитого адмирала Лазарева. Под его командой он три года плавал в кругосветном путешествии на фрегате «Крейсер». Под командованием Лазарева Нахимов участвовал в Наваринской битве, где его корабль «Азов» отличился более всех других кораблей, за что получил георгиевский флаг, а Нахимов был произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом Георгия 4-й степени и тремя иностранными орденами. С 1827 г. Нахимов стал командовать захваченным у турок корветом, получившим наименование «Наварин». Здесь он проявил себя прекрасным командиром, установил образцовую дисциплину, корабль его всегда действовал безукоризненно.

Несколько лет спустя Нахимов был назначен в Черноморский флот, где снова оказался под руководством Лазарева. Здесь ему поручено было командование строящимся кораблем «Силистрия». Нахимов и тут проявил умение руководить сложным делом строительства, вникал во все детали этого дела, готовя корабль к будущему действию на море.

К началу Крымской войны Нахимов имел за плечами уже более 35 лет службы во флоте, большие знания и опыт в морском деле, был выдающимся флотоводцем и снискал исключительную любовь матросов. Современники о нем рассказывают:

«Одобрение его считалось наградой, которую каждый старался заслужить, — так велико было нравственное влияние этого человека.

Он имел особенный дар приохотить к морскому делу, внушить энергию и любовь к службе как своим примером, своим постоянно сосредоточенным вниманием, так и своими всегда интересными рассказами о том, как это делалось на «Крейсере» и на «Азове», что говорил и как думал Михаил Петрович Лазарев в том и другом случае... Радушие и гостеприимство его были известны всякому. Изысканная чистота и порядок были на корабле и в квартире; сердечная доброта, прямодушие были написаны на его открытом благородном лице. Внимание его к своим ближайшим подчиненным офицерам и матросам... было неисчерпаемо... Они могли обращаться к нему, как к родному отцу... Во всем Черноморском флоте не было ни одного матроса, который бы не знал, если не лично, то по наслышке, и не любил, хотя бы и заочно, капитана «Силистрии» — Павла Степановича Нахимова. Никто не умел так понимать их нужды, так говорить с ними, и поэтому они были слепо ему преданы» [1].

В сентябре 1853 г. Нахимову было поручено перебросить из

[1] «Морской сборник» № 3 за 1868 г., стр. 6—7.

Севастополя на Кавказское побережье войска. Он великолепно осуществил эту задачу в труднейших условиях штормов, за что и был произведен в вице-адмиралы и награжден орденом Владимира 2-й степени. Вскоре после этого Нахимов был назначен командиром эскадры судов и 10 октября вышел в открытое море для розыска турецкого флота. Более месяца он искал турецкий флот. Наконец он обнаружил его в Синопской бухте и 18 ноября 1853 г., не дожидаясь посланного ему на помощь Корнилова, нанес турецкому флоту удар. В приказе, данном кораблям перед боем, Нахимов писал: «Все предварительные наставления, при переменившихся обстоятельствах, могут затруднить командира, знающего свое дело, а потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг... Россия ожидает славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать эти ожидания». Нахимов, несмотря на неблагоприятные условия одержал крупнейшую победу над превосходящими силами противника. При этом турецкий флот имел еще и то преимущество, что мог использовать береговую артиллерию порта. Однако, Осман-паша был так деморализован натиском русских моряков, что не сумел этого сделать.

Блестящая победа при Синопе показала недюжинный военный талант и прекрасную морскую выучку Нахимова.

Эта победа прозвучала, как гром на ясном небе, и вызвала восхищение в русском обществе и негодование в стане союзников. Корнилов писал в письме к своей жене об этой битве: «Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура, Нахимов! М. П. Лазарев радуется своему ученику!»

После битвы при Альме Корнилов должен был готовить к обороне гавань с севера, а Нахимов — город с моря. Нахимов проявил и здесь свои исключительные способности. Он призвал все население оказывать помощь в строительстве оборонительных сооружений, и население Севастополя откликнулось на этот призыв. После вынужденного затопления судов Нахимов сформировал из матросов 12 морских батальонов, которые сыграли потом огромную роль в обороне. Пушки кораблей были использованы на укреплениях. 14 сентября 1854 г., после потопления кораблей, Нахимов в приказе заявил: «Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться, как герой».

И вот Нахимов, особенно после смерти Корнилова, стал душой обороны Севастополя. Герой Синопа, любимец матросов и всего населения Севастополя, преданнейший сын отечества — Нахимов как бы самой судьбой был предназначен для роли руководителя бессмертной обороны славной русской крепости на Черном море. И он всей своей деятельностью и даже самой своей славной смертью оправдал роль истинного организатора обороны Севастополя.

В это время союзники получали все новые подкрепления. Появилась французская гвардия, прибыли турецкие части с Дуная.

В январе 1855 г. к союзникам присоединилась Сардиния, приславшая экспедиционный корпус в 15 тыс. итальянцев. За участие в войне против России Сардиния надеялась получить поддержку союзников, особенно Франции, в своем стремлении воссоединить Италию. Число союзных войск выросло до 120 тыс. человек; русских, которые также получили подкрепление, — до 100 тыс. человек. Николай I настойчиво требовал наступления. В осуществление этих требований было решено отнять у союзников Евпаторию, являвшуюся их коммуникационной базой. 5 февраля отряд в составе 19 тыс. солдат под командой храброго генерала Хрулева начал наступление. Но это скороспелое наступление, начатое лишь в угоду Николаю I, не имело успеха. Сообщение об этом поражении заставило Николая I сместить Меншикова с поста главнокомандующего «по болезни», а на его место назначить престарелого и бездарного князя Горчакова 2-го.

Все силы сосредоточились теперь на обороне Севастополя. Его защитники проявляли поистине чудеса геройства и храбрости. 10 февраля солдаты устроили редут в 400 саженях от позиции французов. В ночь на 12 февраля французы повели решительное наступление на этот редут, но селенгинцы и волынцы геройски отбили натиск неприятельских частей. 10 марта камчатцы организовали блестящую вылазку, выбили французов из ложементов и ворвались в траншею, где произошла смертельная схватка с противником. Еще со времени Инкерманского сражения у IV бастиона началась под руководством Тотлебена минная война. Вплоть до падения Севастополя продолжалось это подземное сражение, которое не позволяло французам взорвать IV бастион.

В течение всей обороны Севастополя было много случаев проявления героизма среди солдат и матросов. Солдаты и матросы добровольно ходили на разведки, добывали ценные сведения, поражали врага, добираясь к нему вплотную. Особенно прославился своими вылазками матрос Кошка. Геройство и смелость проявлялись и со стороны населения. Известна своим бесстрашием Дарья Севастопольская, первая сестра милосердия из народа, спасшая много жизней своим добросовестным уходом за ранеными, во время боя выносившая с поля раненых и помогавшая им. Все это делалось в тягчайших условиях обороны города.

В Севастополе недоставало продуктов, пороха, снарядов. Приходилось экономить на всем, особенно на снарядах. Доставка была организована отвратительно. Дороги превратились в болота, заваленные обломками всякого военного снаряжения, трупами лошадей. Санитарная служба находилась в жутком состоянии. В лазаретах было грязно, нехватало медикаментов, белья и прочих принадлежностей. Очень мало было врачей. Все это приводило к большой смертности среди раненых. (Необходимо отметить, что помогать раненым приехал знаменитый русский хирург Пирогов, которому удалось несколько улучшить положение.) А рядом с этими ужасами процветали казнокрадство, чиновничье бездушие, подсижива-

ние и интриги в штабе. Несмотря на все эти безобразия, отрицательно влиявшие на солдат, защитники Севастополя героически отбивали попытки врага завладеть городом. В этой героической обороне руководителями солдат и матросов были Нахимов, Истомин, Тотлебен, из которых только последний пережил сдачу Севастополя. Истомин при возвращении с Камчатского редута 7 марта был убит. Продолжали руководить осадой Нахимов и Тотлебен.

Между тем союзники стали испытывать серьезные трудности. Они не ожидали такого сильного сопротивления в Севастополе. Их положение осложняла суровая в тот год зима. Еще в начале ноября они очень много потерпели от сильной снежной бури, которая основательно разрушила их лагерь и разбила несколько кораблей. В Лондоне и Париже выражали недовольство действиями командующих — генерала Конробера (заменившего умершего маршала Сен-Арно) и лорда Роглана.

У Наполеона III возникли даже колебания — не оставить ли осаду и не заключить ли мир. Но чрезмерная болтливость в «высшем свете» при дворе Николая I, где имелись шпионы «дружественных» стран, дала возможность французскому императору узнать о тяжелом положении внутри России. И он отбросил свои колебания, решив добиться взятия Севастополя. В конце января 1855 г. на военном совете генерал Ниель предложил главное внимание сосредоточить на Малаховом кургане, так как он господствовал над всем городом. Этот план был принят и стал проводиться в жизнь. Был назначен новый главнокомандующий — генерал Пелисье, который начал усиливать нажим союзников на Севастополь.

28 марта началась новая 10-дневная бомбардировка города, более страшная, чем первая. После этой бомбардировки обстрел города не прекращался вплоть до сдачи Севастополя. 11 мая завязался бой у кладбища, который кончился отступлением русских, хотя потери были почти равные: у русских — 2 400, у союзников — 2 350 человек. 26 мая была третья бомбардировка и бой за Малахов курган. Потери: у союзников — 6 247, у русских — 5 000 человек. Наполеон III потребовал штурма города 6 июня — в день годовщины Ватерлоо. Началась четвертая, еще более страшная бомбардировка, которая была отбита. Обе стороны понесли большие потери: русские — 5 446, союзники — 6 728 человек. Борьба шла с невероятным напряжением сил с обеих сторон. В письме к Наполеону генерал Пелисье писал: «Что представляет собой осада Севастополя?... Это — безостановочная борьба двух армий, подвигающихся друг против друга, воздвигая окопы, устанавливая батареи и оспаривая друг у друга обладание бранным полем, отделяющим их с самого начала, подобно тому как противники оспаривают друг у друга решающие позиции во время сражения. Это — бой, продолжающийся безостановочно в течение восьми месяцев... Каждый раз,

когда мы останавливаемся, неприятель начинает наступать на нас...» [1].

4 августа произошло сражение на Черной речке. Русские войска снова имели плохую диспозицию, запаздывание резервов, противоречивые распоряжения. Сам главнокомандующий князь Горчаков не верил в успех этой битвы, запутался в своих распоряжениях, и битва была проиграна при огромных жертвах: 8 тыс. человек со стороны русских и почти в 4 раза меньше у союзников. К этому времени защитники Севастополя потеряли уже Нахимова, который был смертельно ранен еще в конце июня; в июле был опасно ранен Тотлебен.

5 августа началась пятая бомбардировка Севастополя, уже не прекращавшаяся до 28 августа. По крепости стреляли из 700 орудий. 27 августа был подготовлен новый штурм; союзники бросили в наступление 120 тыс. человек, а гарнизон города насчитывал всего около 50 тыс. истомившихся в беспрерывных боях храбрецов. 28 августа союзники захватили Малахов курган, после потери которого защищать Севастополь было бессмысленно. Русские войска оставили почти разрушенный город, взорвали пороховые погреба. На другой день союзники вошли в опустевший и развалившийся город и вернулись обратно в свой лагерь.

Союзники заняли также силами своей эскадры Керчь, Еникале, Анапу и Кинбурн. Они пытались даже захватить крепость Свеаборг в Финском заливе, но безуспешно.

Операции, проводившиеся в течение 1854—1855 гг. в Закавказье, были более успешны. 19 июня 1854 г. генерал Врангель захватил Баязет. 24 июля того же года произошло сражение при деревне Кюряк-Дар в районе Александрополя. Русские разбили вдвое превосходившие турецкие части и заставили стремительно отступить армию Зефир-паши. Затем русские войска отошли к Александрополю и севернее от него, где расположились на зимовку. В этом же году была очищена от турецких войск вся Гурия.

Попытка турок и англичан использовать национально-освободительное движение Шамиля не имела успеха, хотя англичане тратили на это дело много денег и имели своих агентов, которые держали связь и с Шамилем и с другими повстанцами на Кавказе. Сам Шамиль выступил в направлении Грузии, но был остановлен русскими частями.

Вновь назначенный в конце 1854 г. главнокомандующий Кавказским фронтом генерал Муравьев поставил задачу овладеть Карсом и Эрзерумом. В начале 1855 г. он начал готовить эти операции. 24 мая из Александрополя выступил авангард русских войск. К сентябрю войска сосредоточились около Карса. 17 сентября была сделана попытка взять крепость штурмом. Но условия местности— крутые горы, а также сильный перекрестный огонь противника вынудили 20-тысячный отряд отступить с большими потерями. Но

[1] История XIX века, т. V, стр. 206. Соцэкгиз. 1937.

это не остановило русские части. В дальнейшем крепость была совершенно изолирована от внешнего мира. Омер-паша, переправивший осенью из-под Севастополя большую армию, собирался итти на подкрепление к Карсу, но осенние дожди настолько размыли дороги, что осуществить своей цели он не мог. 16 ноября гарнизон Карса вынужден был сдаться Муравьеву. Отсюда русские войска могли свободно двигаться на Эрзерум. Однако двигаться в этом направлении русским войскам не пришлось. Падение Севастополя означало проигрыш Россией войны. Кавказские победы могли иметь моральное значение, но решающей роли они сыграть уже не могли. Война по существу этим заканчивалась. Царская Россия потерпела поражение.

В чем же причины поражения николаевской империи в одной «из самых смертельных схваток, когда-либо обагрявших кровью нашу землю...» [1].

Одним из важнейших вопросов при изучении любой войны является оценка ее исхода, ее последствий. В силу каких именно обстоятельств потерпела поражение та или иная страна, какие пороки в государственном организме побежденной державы вызвали это поражение, каковы социальные, экономические и политические последствия поражения — все это вопросы, без выяснения которых нельзя понять и определить историческое место данной войны. Война является всесторонним испытанием всех материальных и духовных сил народа, проверкой прочности учреждений и порядков в стране. Ленин указывал, что во время войны «...все политические и социальные учреждения подвергаются проверке и испытанию «огнем и мечом». Сила и слабость учреждений и порядков любого народа определяется исходом войны и последствиями ее» [2]. Товарищ Сталин устанавливает определенную закономерную связь между социально-экономическим строем, уровнем экономики, единством народа и исходом войны: «История войн учит, что лишь те государства выдерживали это испытание, которые оказывались сильнее своего противника по развитию и организации хозяйства, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа на всем протяжении войны» [3].

Сила и устойчивость государства в войне определяются социально-экономическими, политическими и военными факторами. Были ли в России налицо необходимые условия для успешного ведения Крымской войны? Нет. Уровень экономики николаевской России был низок, отсталость вопиющая. Даже позднейшие буржуазные реформы, давшие сильный толчок к перестройке крепостнической экономики на капиталистических началах, не дали такого ускорения экономического развития страны, которое ликви-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 596.
[2] Ленин. Соч., т. XV, стр. 184.
[3] Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 110. Изд. 4.

дировало бы отставание России от других государств. Царизм попрежнему оставался главным тормозом экономического и политического развития страны. Были налицо острые социальные противоречия —крепостнический гнет вызывал резкое недовольство крестьянства. Не могло быть и тесной связи фронта и тыла. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, а также наблюдения современников. Один из современников, известный славянофил А. И. Кошелев, рассказывая в своих «Записках» о настроениях в народе и среди дворянства во время войны, отмечает: «...манифест об ополчении принят был всеми сословиями не только холодно, но даже с тяжелым чувством... Не видно было в народе никакого одушевления» [1]. Далее он указывает, что даже дворяне старались уклониться от ополчения, и если это удавалось, они «...с едва скрываемою радостью... отказывались от чести и долга защищать свое отечество» [2].

Экономическая и политическая отсталость пагубно отразилась на армии.

Русская армия состояла из крепостных крестьян, служивших 25 лет почти без перерыва. Рекрутов водили, как арестантов, с конвоем. Стрелкового обучения солдаты не проходили, боевыми патронами никогда не стреляли. Все дело в обучении солдат сводилось к шагистике, к хорошей выправке для парада. Солдат приучали действовать сплошной массой, колоннами, к самостоятельным действиям не приучали. Обмундирование было неудобное, тесное, мундиры с узким стоячим воротником. Офицерский состав был сплошь из дворянства, в большинстве своем невежественный. Даже спустя 12 лет — в 1867 г. — из 91 908 офицеров 8 223, т. е. 9 проц., были без всякого образования.

Вооружение было очень несовершенное. Основное — кремневое ружье с дальностью действительного боя до 300 шагов. Для заряжения его с дула надо было стоять на ногах и делать 11 приемов. Пушки почти сплошь старые, заряжение — через дуло, дальнобойность почти та же, что и из винтовок. 15 проц. попадания считалось приличным. Во главе армии в большинстве случаев стояли бездарные, высокомерные и чванливые генералы-крепостники, которые не могли вызывать у солдат любовь и уважение. Редкое исключение составляла небольшая группа военачальников — Корнилов, Нахимов и другие.

В противовес этому армия союзников, особенно французская, представляла передовую армию того времени. Солдаты Франции обучены были самостоятельным действиям и не терялись, когда действовали вразбивку. Они были вооружены нарезными винтовками Минье, которые били на большое расстояние. Артиллерия союзников была также усовершенствованной и ни в какое сравнение не могла итти с русской. Поэтому русский солдат, несмотря

[1] Записки А. И. Кошелева (1812—1883 гг.), стр. 82. Берлин. 1884.
[2] Там же.

на свою храбрость, выносливость и упорство, не мог преодолеть такого противника.

Русский флот был почти сплошь парусный, много «кораблей» было даже гребных. Корабли были вооружены пушками той же системы, что и армия. Личный состав—храбрые русские матросы—был недостаточно обучен морским боям, большинство матросов даже не умело плавать. Союзники же имели паровой флот, вооруженный дальнобойными пушками. И здесь царская Россия отстала чрезвычайно. Железных дорог было всего три. К югу железной дороги не было, все возили на лошадях и волах по ухабистым и испорченным сплошь дорогам. Все это и определяло военную слабость России перед союзниками.

Такая слабость была результатом отсталости социально-экономического строя России. Это определяло и отсталость промышленности, транспорта и т. д. В России мало производилось чугуна, стали, военного снаряжения. Отвратительно были поставлены снабжение армии, санитарная служба. Маркс и Энгельс, вскрывая основные причины поражения России, писали: «Не меч и выстрел неприятеля, не болезни, от которых нельзя избавиться во многих частях Южной России, не необходимость длинных переходов, столь опустошающих русскую армию, — а те особые условия, при которых русский солдат вербуется, муштруется, марширует, обучается, кормится, одевается, расквартировывается, управляется и сражается, обусловливают тот ужасный факт, что почти вся русская армия, имевшаяся налицо в 1853 г., уже исчезла с лица земли, вызвав у своих противников не более трети ее потерь» [1].

Энгельс указывал, что «...Россия не может поднять своей военной силы с 2,3% до 5%, не произведя предварительно полного переворота во всей своей внутренней социальной и политической организации и, особенно, в своем производстве...» [2].

Подводя итоги войны, Маркс подчеркивал, что русское самодержавие должно было вести «безнадежную борьбу нации с первобытным способом производства против наций с новейшими его формами». Именно это определило поражение России в Крымской войне 1853—1856 годов. За политику царизма, являвшегося главным виновником отсталости России, народ должен был расплачиваться дорогой ценой — ценой гибели своих лучших сынов.

Итоги войны

Падение Севастополя по существу определило исход войны. Правда, успехи на Кавказском фронте несколько подняли в России надежды на улучшение положения. Но эти успехи не могли коренным образом изменить обстановку. Слишком ослаблена была стра-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 546. Выделено мною. — Н. Я.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, 462. Выделено мною. — Н. Я.

на тяжелой войной, очень основательно растрачены хозяйственные и военные ресурсы. Сильно потрепаны были и силы союзников. Одиннадцатимесячная осада Севастополя дорого обошлась союзной армии. Франция непрочь была закончить войну.

Упорным противником мира была Англия. Но в конце войны она уже не могла играть определяющей роли — эта роль перешла к Франции. Наполеон III был заинтересован в мире, не желая чрезмерно ослаблять Россию в угоду своему постоянному противнику — Англии.

Переговоры о мире начались еще в конце 1854 г., когда русские войска оставили дунайские княжества. Тогда же были выработаны Францией четыре условия мира: 1) установление общеевропейского протектората над Молдавией, Валахией и Сербией вместо фактически существовавшего русского; 2) свобода судоходства в устье Дуная, принадлежащего России; 3) пересмотр конвенции о проливах, заключенной державами 13 июля 1841 г. с тем, чтобы ограничить права России в Черном море; 4) турецкие христиане должны находиться под покровительством всех европейских государств, а не только одной России.

Россия соглашалась на все пункты, кроме третьего. Поэтому переговоры были прерваны.

18 февраля 1855 г. умер Николай I, не дожив до плачевных результатов начатой им войны. Александр II, вступивший на престол, пытался продолжать войну, надеясь на успех, особенно после взятия русскими Карса.

Однако 16 декабря 1855 г. Австрия предъявила ультиматум: признать выработанные ранее 4 пункта с добавлением еще двух— об исправлении бессарабской границы в пользу Молдавии и о дополнительных требованиях, содержание которых не сообщалось. Австрия при этом заявляла, что в случае отказа она начнет военные действия против России.

Для обсуждения положения в стране и выработки ответа на австрийский ультиматум Александр II созвал 3 января 1856 г. совещание своих министров и высших сановников.

На этом совещании было вскрыто, в каком тяжелом положении находится страна. Здесь говорилось об огромном напряжении русских финансов, которые были не в состоянии выдерживать продолжение войны; об отсутствии железных дорог, необходимых для быстрой переброски войск; о бездорожье вообще; о болезнях в армии, об отсутствии обученных резервов, о недостатке вооружений; об огромных потерях в войне (только во время осады Севастополя погибло 102 тыс. человек). Говорилось также об огромном возбуждении против России за границей, об опасности в случае продолжения войны потери новых территорий. Как раз в это время главнокомандующий князь Горчаков писал: «Нет державы, которая могла бы вести войну без союзников против общего на нее восстания». В стране нарастало большое возбуждение, усиливалось крестьянское движение.

4 января Александр II согласился начать мирные переговоры. 13 февраля в Париже открылся Международный конгресс из представителей Англии, Франции, России, Австрии, Турции и Сардинии. По настоянию России была приглашена Пруссия как участница конвенции 1841 года.

Самые чрезмерные требования на конгрессе выдвинула Англия. Она требовала от России отказа от восстановления укреплений на Аландских островах и Черноморском побережье, уничтожения арсенала в Николаеве, а также отказ от права иметь флот в Черном и Азовском морях. Требования ее простирались даже до предложения передать территорию за Кубанью туркам или образовать там «самостоятельное» «государство», независимое от России. Эти требования были отвергнуты Россией при поддержке Франции. Австрия повторила свои требования об изменении бессарабской границы в пользу Молдавии.

Главную роль на конгрессе играла Франция. «Верховенство в Европе, — писал Маркс, — перешло из Петербурга в Париж... Луи-Наполеон является в настоящий момент дипломатическим властелином Европы...» [1]. А этот «властелин Европы» был заинтересован в том, чтобы не слишком усиливать своего потенциального врага — Англию, а с другой стороны, поддержкой России создать себе возможного союзника в будущем. Эти противоречия в среде союзников дали возможность русским представителям — графу Орлову и барону Бруннову — облегчить условия мира.

18 марта 1856 г. был подписан Парижский мирный договор. Основные пункты его следующие: 1) Россия возвращает Турции г. Карс, а взамен этого получает обратно «...Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно и все прочие места, занимаемые союзными войсками» (ст. 4); 2) Независимость и целостность Оттоманской империи «...обеспечивают совокупным своим ручательством...» все державы (ст. 7); 3) «Черное море объявляется нейтральным: открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оного формально и навсегда воспрещается военным судам как прибрежных, так и всех прочих держав...». Этот пункт (ст. 11) лишал Россию права иметь военный флот на Черном море; 4) «Взамен городов, портов и земель... и для вящшего обеспечения свободы судоходства по Дунаю...» Россия «...соглашается на проведение новой граничной черты в Бессарабии...» (ст. 20), т. е. южная часть Бессарабии переходит к Молдавии; 5) «Княжества Валахское и Молдавское будут под верховною властью Порты и при ручательстве договаривающихся держав...» (ст. 22); 6) Покровительство над христианским населением должны были осуществлять все державы, а не только Россия; 7) Особой конвенцией между Россией, Францией и Англией Россия обязывалась не укреплять Аландских островов.

Кто же выиграл в итоге войны? Маркс, подводя итоги войны,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 599.

писал: «Одному Луи-Наполеону она принесла осуществление всех его планов, исполнение всех его надежд. Французская жажда военных лавров утолена. Франция снова стоит на вершине могущества, она — первая военная держава Европы» [1].

Маркс предсказывал, что выработка условий мира будет происходить «под наблюдением Наполеона», как это и было в действительности.

Но выиграла и Англия. Хотя она и не блистала, по словам Маркса, «ни в совете, ни на поле битвы», так как ее морские подвиги в Крыму лишь позорят ее прошлое, но она тем не менее получила серьезный выигрыш от войны. «...Англия, — продолжает Маркс, — вытаскивая, согласно французской пословице, каштаны из огня руками Франции, добилась кое-каких существенных успехов. Русский флот, ее самый страшный жупел, уничтожен по крайней мере на двадцать лет вперед в том месте, где его присутствие вызывало наибольшее беспокойство. Таким образом, свободная торговля обеспечена Англии и впредь в Южной Азии и в Европейской Турции» [2].

Австрия, лавировавшая во время войны между союзниками, получила улучшение положения на Дунае, обеспечила себе хозяйственное проникновение в эти районы, а главное — сохранила свои силы и укрепила себя морально среди европейских держав. Но это были незначительные и временные успехи. Ее позиция в Крымской войне в значительной мере подорвала ее перспективы.

Пруссия, не вмешиваясь в борьбу, укрепила «свое внутреннее благосостояние» (Маркс). Особенно заманчивы для нее были перспективы.

Турция очень много потеряла от этой войны. Первоначальные 4 пункта договора были выработаны без ее участия. Союзники с ней не считались. «Турецкая территория занята союзниками, которые располагаются на ней, как дома, и не рассчитывают скоро уйти. Турция лежит измученная, обессиленная, охваченная глубоким процессом социального и политического разложения...» [3]. Таково было положение страны, которую с таким рвением взялись «защищать» Англия и Франция. Барон Бруннов, оценивая значение такой «помощи», справедливо заметил: «Вообще турки мало радуются иностранной помощи. Они более спокойны тогда, когда эта помощь далека от них».

Общественное мнение России было критически настроено к режиму Николая I. Многих не опечаливало даже поражение в Севастополе. Славянофил А. И. Кошелев в своих записках, выражая мнение группы своих единомышленников, писал: «Высадка союзников в Крым в 1854 году, последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя нас не слишком огорчили; ибо мы были убеждены, что даже пораже-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 598.
[2] Там же, стр. 599.
[3] Там же, стр. 600.

ния России сноснее и даже для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время» [1].

Даже Погодин, этот преданный поклонник Николая I, приветствовавший вначале войны политику похода на «неверных» турок, должен был изменить свою позицию и заявлял, что есть очень много «людей порядочных, умеренных в средних и высших сословиях, которые желают тайно падения Севастополя, надеясь, что с падением его падет и нынешняя система». А историк Соловьев, рассказывая о тяжелом положении во время осады Севастополя, писал: «с одной стороны, наше патриотическое чувство страшно оскорблено унижением России; с другой — мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение. Мы терзались известиями о неудачах, зная, что известия противоположные привели бы нас в трепет».

Русские революционные демократы считали, что поражение России в войне принесет ей избавление от свирепого режима Николая I и приблизит революционный переворот. Наиболее ярким выразителем этой позиции был Чернышевский.

Крымская война была захватнической, несправедливой со стороны обеих воюющих сторон. Если бы Россия оказалась победительницей, Николай I наложил бы свою контрреволюционную лапу на весь мир и подавлял бы с жандармскою свирепостью не только революционное движение рабочего класса, но и всякое демократическое и прогрессивное движение вообще. Недаром Маркс и Энгельс считали, что победа царизма в этой войне была бы несчастьем для дела революции. Вся мировая демократия была в числе противников Николая I.

Восточная война нанесла серьезный удар по царской России, она потеряла свою руководящую роль в Европе. Война обнаружила все ее внутренние язвы, показала ее невероятную хозяйственную и военную отсталость. Оценивая результат войны для России, Энгельс писал, что «...царизм потерпел жалкое крушение... он скомпрометировал Россию перед всем миром и вместе с тем самого себя — перед Россией» [2]. «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России» [3]. Вместе с тем ослабла и роль царизма как жандарма Европы.

Поражение в войне заставило даже самых ярых крепостников согласиться на освобождение крестьян от крепостной зависимости.

«...Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право» [4].

---

[1] Записки А. И. Кошелева (1818—1883), стр. 81—82. Берлин. 1884.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 29.
[3] Ленин. Соч., т. XV, стр. 143.
[4] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 5.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

1801 — Присоединение Грузии к России.
1801 — 1825 — Царствование Александра I.
1802 — Учреждение министерств в России.
1803 — Указ о свободных хлебопашцах.
1804 — Основание университетов в Харькове, Казани и Главного педагогического института в Петербурге (в 1819 г. преобразован в университет).
1804 — 1813 — Русско-персидская война. Гюлистанский мир.
1805 — Третья коалиция против Франции.
1806 — 1812 — Русско-турецкая война. Бухарестский мир.
1806 — 1807 — Четвертая коалиция против Франции.
1807 — Тильзитский мир.
1808 — 1809 — Русско-шведская война. Присоединение Финляндии к России.
1808 — 1812 — Деятельность М. Сперанского.
1812 — Отечественная война.
1812 — 8(20) августа — Назначение фельдмаршала М. И. Кутузова главнокомандующим.
1812 — 26 августа (7 сентября) — Бородинская битва.
1812 — 12(24) октября — Сражение под Малоярославцем.
1812 — 21 декабря (2 января) — Приказ главнокомандующего М. И. Кутузова о победе над Наполеоном.
1813 — 1815 — Участие России в европейской коалиции против Наполеона.
1813 — 16(28) апреля — Скончался великий русский полководец М. И. Кутузов.
1815 — Заключение Венских договоров. Образование Священного союза.

1816 — 1818 — Деятельность Союза спасения и Союза благоденствия.
1820 — Волнения в Семеновском полку.
1821 — 1822 — Организация Южного и Северного обществ декабристов.
1825 — 14 декабря — Восстание декабристов на Сенатской площади.
1825 — 29 декабря — Восстание Черниговского полка.
1825—1855 — Царствование Николая I.
1826—1828 — Русско-персидская война. Туркманчайский мир.
1828—1829 — Русско-турецкая война. Адрианопольский мир.
1830—1831 — Восстание в Польше.
1831 — Восстание военных поселян в Новогородской губернии.
1832 — Опубликование «Органического статута» царства Польского.
1833 — Ункиар-Искелесский договор между Россией и Турцией.
1834—1859 — Борьба горцев под руководством Шамиля.
1836 — Опубликование в журнале «Телескоп» философического письма Чаадаева.
1838 — Реформа управления государственными крестьянами.
1842 — Указ об «обязанных крестьянах».
1845—1849 — Кружок петрашевцев.
1846—1847 — Кирилло-Мефодиевское общество.
1847 — Письмо Белинского к Гоголю.
1848 — Буржуазные революции во Франции, Германии, Австро-Венгрии.
1853 — 1856 — Крымская война.
1853 18(30) ноября — Победа Черноморского флота под командованием вице-адмирала Нахимова над турецким флотом у Синопа.
1854 сентябрь — 1855 август — Героическая оборона Севастополя.
1855 февраль — Начало царствования Александра II.
1856 март — Подписание Парижского мирного договора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ VI

РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И РОСТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ ЦАРИЗМА

Стр.

Экономическое развитие России в первой четверти XIX века

Рост торговли и промышленности 3
Состояние сельского хозяйства 13

Политика царизма в начале XIX века

Внутренняя политика царизма 19
Внешняя политика царизма. Войны с Францией 26
После Тильзитского мира 33
Война с Швецией. Присоединение Финляндии 40
Присоединение Закавказья. Войны с Персией и Турцией 45

Отечественная война 1812 года

Перед войной 54
Вторжение Наполеона в Россию 60
Бородинский бой 67
Разгром Наполеона. 74
Народный характер войны 81

Россия в 1823—1825 годах

Европейские походы. Священный союз 91
Россия и борьба народов Балкан 99
Положение внутри страны 105
Массовые волнения в 1815—1825 гг. 112

Развитие русской национальной культуры в первой четверти XIX века

Наука и просвещение 117
Печать 129
Литература 135
Искусство. 147

Восстание декабристов—первое революционное выступление против царизма

Общественно-политическое движение в начале XIX века 156
Возникновение движения декабристов 162
Южное и Северное общества 169
Общество соединенных славян 176
Восстание декабристов 180

Стр.

Царская Россия после восстания декабристов

Экономическое развитие страны 190
Монархия Николая I 197
Идеологическая реакция 206
Социально-экономическая политика самодержавия 214
Внешняя политика царизма в 1826—1829 годах. Русско-персидская и русско-турецкие войны 221
Царская Россия и революция 1830 года. Обострение Восточного вопроса 229
Балканы и славянский вопрос 237

Общественно-политическое движение в 30—40-х годах XIX века

Массовые волнения 245
Развитие общественной мысли. Письма П. Чаадаева 251
Кружки 30 — 40-х годов. Славянофилы и западники 259
В. Г. Белинский 267
А. И. Герцен в 30 — 40 годах 274
Петрашевцы 280

Русская культура во второй четверти XIX века

Наука и просвещение 289
Литература 307
Искусство 320

Народы царской России в первой половине XIX века

Восстание в Польше 335
Украина 347
Народы Закавказья 358
Борьба кавказских горцев 371
Казахстан 386
Народы Сибири 393
Борьба народов России и русское общественное движение 403

Н. Н. Яковлев

Внешняя политика царизма в 40—50-х годах XIX века. Крымская война

Революция 1848 г. в Европе и русский царизм 414
Интервенция царской России в Венгрии 422
Накануне Крымской войны 429
Начало Крымской войны 437
Оборона Севастополя и поражение царской России 449
Итоги войны 460
Краткая хроника 465